

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

РОГАЛЁВА Елена Ивановна

**СОВРЕМЕННАЯ УЧЕБНАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ
СЛОВАРЕЙ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора филологических наук

ПСКОВ - 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЧЕБНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ	15
1.1. Антропоцентрический подход в учебной фразеографии: становление, воплощение, перспективы	15
1.2. Учебный фразеологический словарь как интерактивный гипертекст: принципы конструирования	25
1.3. Макро- и микроструктура комплексного учебного фразеологического словаря	37
1.4. Аспектная репрезентация фразеологизмов в рамках словарного комплекса «Фразеология для детей»	45
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	57
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ	61
2.1. Исходная форма ФЕ как заголовок статьи учебного фразеологического словаря	61
2.1.1. Проблемы определения базовой фразеоформы в морфологической парадигме фразеологизма	61
2.1.2. Границы заголовочной фраземы и проблема слов-сопроводителей в практике учебной фразеографии	65
2.1.3. Отображение фразеологической вариантности в заголовке статьи учебного словаря	70
2.2. Грамматическая параметризация фразеологизма в учебном словаре активного типа	74
2.2.1. Репрезентация грамматических свойств ФЕ в отечественной практике учебной лексикографии	74
2.2.2. Грамматические категории ФЕ в коммуникативно-ориентированном учебном фразеологическом словаре	84
2.3. Контекстуально-метаязыковая лексикографическая репрезентации фразеологического значения и речевых смыслов фразеологизма	96
2.3.1. Специфика толкования фразеологизма в учебном словаре	96
2.3.2. Речевая реализация фразеологизма и приемы ее лексикографического представления	120
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	136
ГЛАВА 3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ	133
3.1. Современные тенденции в конструировании этимологической зоны словарной статьи	139
3.1.1. Теория и практика учебной лексикографической этимологизации фразеологизма: отечественный опыт	142
3.1.2. Фразеологический образ как ключевой параметр этимологизации фразеологизма ..	156
3.1.3. Этимологическая парафраза вид учебного лексикографического дискурса	164
3.2. Репрезентация тропеических механизмов фраземообразования средствами учебной фразеографии: интерпретационные приемы этимологической парафразы ..	173
3.2.1. Проблемы формирования лексикографического блока фразеологической тропеизации	173
3.2.2. Приемы лексикографической интерпретации фраземообразующего тропа	183
3.2.2.1. Фразеологизмы компаративного тропеического блока	183
3.2.2.2. Фразеологизмы метафорического тропеического блока	192

3.2.2.3. Фразеологизмы контигуального тропеического блока	207
3.2.2.4. Фразеологизмы парадоксального тропеического блока	220
3.2.2.5. Фразеологизмы усилительно-увеличительного тропеического блока	281
3.2.3. Межъязыковые параллели как вспомогательное средство декодирования фразеологического образа	292
3.3. Приемы организации интерактивного лексикографического гипертекста этимологической парафразы	307
3.3.1. Лексикографическое конструирование учебного этимологического текста в формате диалога «автор-адресат»	307
3.3.2. Сюжетно-композиционные приемы реализации игрового начала этимологической парафразы	322
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	340
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	344
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	352
ПРИЛОЖЕНИЕ	412
СЛОВАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	412
1. Статьи комплексного учебного фразеологического словаря для младших школьников	412
2. Статьи историко-этимологического фразеологического словаря для младших школьников	459
3. Статьи детского фразеологического словаря в рассказах	480
4. Статьи детского фразеологического словаря-практикума	491
5. Статьи учебного фразеологического словаря с комментариями на иностранном языке	530

ВВЕДЕНИЕ

Отечественная учебная фразеография располагает солидной теоретической базой, разработанной в рамках общей фразеографии (работы А.М. Бабкина, В.П. Жукова, А.В. Жукова, А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.И. Молоткова, Ю.П. Солодуба, В.Н. Телия, М.И. Умарходжаева, А.М. Чепасовой, С.Г. Шулежковой и др.) и учебной лексикографии (В.П. Берков, В.Г. Гак, П.Н. Денисов, В.В. Дубичинский, Т.В. Жеребило, В.А. Козырев, В.В. Морковкин, Л.А. Новиков, А.Н. Тихонов, В.Д. Черняк и др.).

Не столь многочисленные исследования в сфере учебной фразеографии затрагивают проблемы структурирования и содержания словарной статьи [Ермолаева 1990], отбора и семантизации фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре [Костомаров, Верещагин 1982], репрезентации русской фразеологии в учебном двуязычном словаре [Бушуй 1989; Салман 2008], создания комплексного учебного фразеологического словаря для учащихся средней школы [Андропова 2009], выявления лингводидактических принципов составления учебного фразеологического словаря для детей [Баско 2011], фразеографирования картины мира в художественных текстах для младших школьников [Петренко 2008], лексикографического описания фразеологических единиц (ФЕ) в словарях детской речи [Бестугина 2006].

Однако до сих пор отсутствует целостная концепция учебного фразеологического словаря – антропоориентированного, культурно-познавательного и обучающего коммуникации. Остается неразработанной теоретическая проблематика и технологические аспекты словарной репрезентации фразеологии детям младшего школьного возраста. Этим в значительной степени обусловлены многочисленные недочеты и откровенные неудачи авторов детских фразеологических словарей, отступающих от принципов научной достоверности, доступности, коммуникативной направленности словаря. При таком положении дел становится очевидной необходимость разработки концепции детского фразеологического словаря, соответствующего принципам антропоцентрической

лексикографии и учитывающего особенности фенотипа современного ребенка. Таким образом, **актуальность** нашего диссертационного исследования определяется установкой современной лексикографии на антропоцентрическое описание лексики и фразеологии, создание словарей активного типа с применением инновационных технологий, превращающих словари в интерактивные справочные пособия, необходимостью обеспечения инновационным фразеографическим продуктом особой категории адресата – детей младшего школьного возраста, для которых данный словарь станет не только первой учебной репрезентацией русской фразеологии, но и окном в мир русской культуры. Наше исследование выполнено в рамках дискурсивного подхода в учебной лексикографии, позволяющего реализовать принцип интерактивности при структурировании словарной статьи, в полной мере учесть фактор адресата и тем самым оптимизировать восприятие словарного текста, что представляется одной из первоочередных задач учебной лексикографии и подтверждает актуальность избранной темы.

Научная новизна исследования состоит в разработке теоретических основ и технологии конструирования инновационного учебного фразеологического словаря, сочетающего принципы традиционного словарного описания фразеологии и интерактивного диалога автора с читателем. Результатом такого конструирования становится интерактивный гипертекст, приближающий традиционный словарь книгопечатного типа к автоматизированному словарю, электронному словарному пособию и обучающей компьютерной игре, что в полной мере соответствует пользовательскому запросу и позволяет читателю освоить фразеологизм комплексно, как знак языка и культуры, в единстве его семантико-грамматических свойств и особенностей речевой реализации.

Объект исследования – учебный фразеологический словарь как антропоориентированный лексикографический продукт.

Предмет исследования – теоретические основы конструирования интерактивных учебных фразеологических словарей, приемы параметризации материала в словарях данного типа.

Гипотеза исследования: Конструирование учебного фразеологического словаря как интерактивного гипертекста в рамках антропоцентрического подхода обеспечивает научную достоверность, доступность и полноту репрезентации функционально-семантических свойств фразеологизмов, их этнокультурной специфики и процессов фразеомообразования.

Цель исследования заключается в разработке теоретических основ конструирования интерактивных учебных фразеологических словарей, создании системы лексикографических приемов параметризации материала в словарях данного типа.

Для достижения поставленной цели и верификации гипотезы в ходе исследования решались следующие **задачи**:

1) выявить тенденции в сфере отечественной учебной фразеографии и перспективы инновационной репрезентации идиом в рамках антропоцентрического подхода;

2) разработать принципы конструирования комплексного интерактивного учебного фразеологического словаря как новой формы словарной репрезентации фразеологизма;

3) обосновать концепцию словарного комплекса «Фразеология для детей»;

4) обосновать целесообразность использования дискурсивного подхода к конструированию словарной статьи;

5) разработать модель коммуникативно ориентированной грамматической параметризации ФЕ с учетом фактора адресата словаря;

6) разработать систему контекстуально-метаязыковой репрезентации фразеологического значения, речевых смыслов и культурного фона фразеологизма;

7) выявить возможности использования речевой тактики этимологического парафразирования как способа моделирования процесса фразеомообразования в условиях учебной коммуникации, обосновать конфигуративную структуру словарной этимологической парафразы, разработать систему текстоорганизующих приемов создания ее интерактивности;

8) раскрыть потенциал алгоритмизации этимологического комментирования ФЕ, соотнеся коммуникативные ходы этимологического парафразирования с конкретными тропеическими механизмами фразеомообразования и этнокультурной спецификой образности;

9) выявить оптимальные приемы использования родного языка адресата при ориентации словаря на иноязычного пользователя;

10) показать преимущества предлагаемой концепции конструирования учебных фразеологических словарей в сопоставлении с материалами отечественных фразеографических изданий 2000-2014 гг.

11) реализовать разработанную фразеографическую концепцию в серии учебных фразеологических словарей.

Материалом исследования послужили 20140 словарных статей 37 учебных фразеологических словарей русского языка, материалы 20 академических толковых (в том числе двуязычных), историко-этимологических, терминологических, диалектных и других фразеологических словарей (1978-2013 г.).

Фразеологический материал для исследования (450 ФЕ в 3700 употреблений) был извлечен методом сплошной выборки из учебников русского языка и литературного чтения для начальной школы по 6 основным учебным программам. Источником материала стали также записи детской речи (2001-2013 г.) из авторской картотеки.

Теоретико-методологическую базу исследования составили положения, сформулированные в трудах

- по теории фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельский, А.М. Бабкин, В.В. Виноградов, С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев, В.П. Жуков, А.В. Жуков, М.М. Копыленко, А.В. Кунин, Б.А. Ларин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, Р.Н. Попов, З.Д. Попова, Л.И. Ройзензон, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, А.М. Эмирова и др.);

- лексикографии и фразеографии (А.М. Бабкин, С.Г. Бархударов, В.П. Берков, А.М. Бушуй, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, П.Н. Денисов, Ю.Н. Караулов, Х. Касарес, В.А. Козырев, В.М. Мокиенко, В.В. Морковкин, Л.А. Новиков, С.И.

Ожегов, Ф.П. Сороколетов, В.И. Супрун, М.И. Умарходжаев, А.И. Федоров, Ф.П. Филин, Л.В. Щерба и др.);

- лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко, Е.М. Верещагин, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, Е.И. Зиновьева, В.И. Карасик, М.Л. Ковшова, В.В. Колесов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.И. Постовалова, Ю.Е. Прохоров, Л.Б. Савенкова, В.Н. Телия, А.Т. Хроленко, Е.С. Яковлева и др.);

- в историко-этимологических исследованиях (В.В. Виноградов, В.В. Иванов, В.М. Мокиенко, Ю.В. Откупщиков, Л.И. Скворцов, В.И. Супрун, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, Л.В. Успенский, П.Я. Черных, Н.М. Шанский и др.);

- в когнитивно-дискурсивных исследованиях (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Артюнова, Н.Н. Болдырев, К.И. Декатова, А.А. Залевская, Л.Г. Золотых, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, Л.А. Шестак, Т.В. Шмелева, Д.А. Щукина и др.);

- в лингвистических и психолингвистических исследованиях детской речи (А.Н. Гвоздев, Н.И. Жинкин, Е.И. Исенина, А.А. Леонтьев, Ж. Пиаже, Е.Ю. Протасова, В.К. Харченко, С.Н. Цейтлин и др.).

Методы исследования. Для реализации авторской концепции словарной репрезентации фразеологии был разработан лексикографический метод дискурсивного гипертекстового конструирования с использованием тактики этимологического парафразирования, включающей более 40 собственно этимологизирующих и текстоорганизующих приемов.

Кроме того, в ходе исследования использовался описательный метод, приемы лингвокультурологического анализа и семантической идентификации ФЕ, приемы межъязыкового сопоставления, методика структурно-семантического моделирования.

Научная достоверность результатов исследования обеспечивается его теоретической и методологической базой, объемом проанализированного языкового материала, применением современных методов лингвистического исследования и подтверждается успешной апробацией результатов работы.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании концепции инновационного антропоориентированного учебного словаря, представляющего собой интерактивный гипертекст, пополнении теоретического фонда учебной лексикографии положениями о принципах структурирования словарной статьи и каждой ее зоны с позиций дискурсивного подхода (положения о системе контекстуально-метаязыковой репрезентации фразеологического значения, речевых смыслов и культурного фона фразеологизма, о принципах использования речевой тактики этимологического парафразирования как способа моделирования процесса фразеомообразования в условиях учебной коммуникации, о конфигуративной структуре словарной этимологической парафразы). Представленная в работе концепция послужит теоретической базой для дальнейших антропоориентированных исследований и практических разработок в сфере учебной фразеографии. Предлагаемый лексикографический метод дискурсивного гипертекстового конструирования может использоваться и применительно к материалу русских паремий, в частности, пословиц.

Практическая значимость исследования, помимо использования его результатов составителями словарей, заключается в возможности обращения к данным материалам в практике преподавания лингвистических дисциплин в вузе, русского языка в школе. Успешная апробация и внедрение словарных материалов в зарубежных странах подтверждают практическую значимость работы и в плане русского языка как иностранного.

Положения, выносимые на защиту:

1. Инновационный учебный фразеологический словарь, разработанный в рамках антропоцентрического подхода, комплексно репрезентирует фразеологизм и представляет собой интерактивный гипертекст, который является новой формой словарного описания фразеологизмов.
2. Интерактивность словаря в бумажном формате обеспечивается диалогизацией метатекста, гармонизирующего диалог автора с читателем, гипертекстовой организацией макро- и микроструктуры словаря, использованием игровых приемов конструирования лексикографического текста, приближением его

к интерактивной компьютерной игре с несколькими уровнями освоения фразеологизма, которым соответствуют параметрические зоны словарной статьи.

3. Особенностью грамматической параметризации ФЕ в учебном словаре интерактивного типа является ее парцеллированный характер, отказ от традиционных грамматических помет в силу возрастных особенностей и уровня языковой подготовки адресата и использование специальных комментариесигналов (в том числе скрытых в тексте заданий), цель которых – обратить внимание читателя на определенные особенности функционирования ФЕ и таким образом ввести очередной квант коммуникативно значимой грамматической информации, касающейся объема морфологической парадигмы ФЕ, стабильности/ нестабильности порядка следования компонентов, синтаксической позиции оборота и т.п.

4. При соблюдении принципа семантической достаточности толкования в детских словарях могут не эксплицироваться некоторые периферийные семы фразеологического значения. При этом в дефиницию ФЕ выносятся наиболее регулярные современные речевые смыслы (коммуникативно-прагматические варианты ФЕ), действующие на уровне оттенков значения, которые подтверждаются иллюстративными контекстами. В контекстах конкретизируется объект фразеологической номинации и ситуативные характеристики фразеологизма, определяющие его денотативный диапазон, раскрываются оценочные смыслы. Иллюстрации строятся так, что фразеологизмы выступают здесь исключительно в сильной контекстуальной позиции. В целом функционально-семантическая параметризация ФЕ приобретает контекстуально-метаязыковой характер.

5. Дискурсивный подход к конструированию словарной статьи позволяет использовать речевую тактику этимологического парафразирования, посредством которой на базе научной версии происхождения фразеологизма конструируются вторичные тексты, интерпретирующие этимологическую версию применительно к условиям учебной коммуникации. Такая этимологическая парафраза является лексикографической моделью процесса фразеомообразования.

Речевая тактика этимологической парафразы реализуется в системе коммуникативных ходов парафразирования (интерпретационных, или собственно этимологизирующих, и текстоорганизующих) – специальных приемов репрезентации процесса фразеомообразования адресату словаря.

6. Интерпретационные, или собственно этимологизирующие приемы парафразирования закреплены за определенным тропеическим типом ФЕ. Таким образом, этимологическая репрезентация ФЕ алгоритмируется, алгоритмы строятся с учетом конкретных механизмов фразеомообразования и этнокультурной специфики образности (с этой целью ФЕ в процессе конструирования словаря ФЕ объединяются в тропеические блоки – компаративный, метафорический, контигуальный, парадоксальный и усилительно-увеличительный).

7. Текстоорганизующие приемы этимологической парафразы подразделяются на диалогообразующие (диалог «автор-адресат») и сюжетно-композиционные. За счет первых в этимологическом интерактивном гипертексте реализуются категории субъектности и адресованности, за счет вторых – игровое начало парафразы. С этой же целью в рамках этимологического парафразирования широко используются различные приемы интертекстуализации.

8. Результатом дискурсивного гипертекстового конструирования является интерактивный этимологический учебный текст, складывающийся из этимологических конфигураций разных уровней. Для учебного толково-этимологического или комплексного фразеологического словаря оптимальной является двухуровневая конфигуративная структура этимологической парафразы. (Конфигурации нумеруются в соответствии с этапами технологии конструирования этимологического гипертекста). В учебных фразеологических словарях других типов этимологический параметр может быть представлен конфигурацией 1-го уровня - своеобразным этимологическим резюме или конфигурацией 2 уровня – пространственным парафрастическим изложением этимологической версии.

9. Обращение к родному языку адресата в учебном фразеологическом словаре, ориентированном на иноязычного пользователя, реализуется в заголо-

вочной зоне словарной статьи (буквальный перевод прототипа ФЕ, дефиниции и коммуникативно-прагматического комментария), эквивалентизация ФЕ осуществляется с указанием степени эквивалентности. Этимологическая конфигурация 1-го уровня также дается в двуязычном варианте. Элементы открытого сопоставления ФЕ двух языков в рамках конфигурации-2 позволяют подчеркнуть образную специфику русского фразеологизма.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры теории и методики гуманитарного образования ПсковГУ 28 марта 2014 г. Основные результаты научного исследования изложены в докладах и сообщениях

- **на международных научных конференциях и симпозиумах:** «Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии» (Великий Новгород, 2004); «Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России». I Конгресс Российского общества преподавателей русского языка и литературы (Санкт-Петербург, 2008); «Начальное языковое образование в современном обществе» (Санкт-Петербург, 2008); «Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме». Четвертые Жуковские чтения (Великий Новгород, 2009); «Социальные варианты языка» (Нижний Новгород, 2009); «Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов» (Челябинск, 2009); «Русский язык: проблемы функционирования и методики преподавания на современном этапе» (Пенза, 2009); «Новые направления в изучении лексикологии, словообразования и грамматики начала XXI века» (Самара, 2009); «Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве» (Пенза, 2009); «Диалог культур – культура диалога» (Кострома, 2009); «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2009); «Континуальность и дискретность в языке и речи» (Краснодар, 2009); «Компетентностный подход в интеллектуально-развивающем образовательном пространстве региона». Вторые Лозинские чтения (Псков, 2009); «Национально-культурный компонент в тексте и в языке» (Минск, 2009); «Актуальные проблемы лингвистического образования» (Самара, 2009);

ра, 2009); «Язык и межкультурная коммуникация» (Великий Новгород, 2009); «Русский язык в современном мире: константы и динамика» (Волгоград, 2009); «Родной язык: проблемы теории и практики преподавания» (Борисоглебск, 2009); «Актуальные проблемы современного языкознания: основные тенденции и перспективы развития» (Караганда, 2009); «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе» (Пенза, 2010); «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2010); «Подготовка учителя начальных классов: проблемы и перспективы» (Минск, 2009); «Фразеология, познание и культура» (Белгород, 2010); «Языковое образование в современном обществе» (Санкт-Петербург, 2010); «Русский язык и культура в пространстве Русского мира». II Конгресс Российского общества преподавателей русского языка и литературы (Санкт-Петербург, 2010); «Фразеология и языковая динамика» (Санкт-Петербург-Greifswald, 2011); «Литературная и диалектная фразеология». Пятые Жуковские чтения (Великий Новгород, 2011); «Компетентный подход в поликультурном образовательном пространстве». Третьи (Псков, 2011); «Русская речь в современных парадигмах лингвистики» (Псков, 2010); «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации» (Кострома, 2012);

- **на российских научных конференциях:** «Эстетическое пространство детства и формирование культурного поля школьника» (Санкт-Петербург, 2008); «Младший школьник в образовательном пространстве». Герценовские чтения (Санкт-Петербург, 2009); «Слово. Словарь. Словесность» (Санкт-Петербург, 2008); «Система и среда: Язык. Человек. Общество» (Нижний Тагил, 2009); «Педагогический вуз и начальная школа на этапе построения новой модели образования: уроки прошлого, ресурсы настоящего, вызовы будущего» (Петрозаводск, 2009); «Традиции и инновации в системе начального образования: Современные образовательные технологии в начальной школе» (Череповец, 2009); «Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии» (Санкт-Петербург, 2009); «Русский язык в историко-лингвистическом и социокультурном поле» (Махачкала, 2010).

Разработанная лексикографическая концепция нашла практическое воплощение в учебном пособии словарного типа и 7 учебных фразеологических словарях, внедренных в школьную практику в России, Эстонии, Чехии, в 2 учебно-методических пособиях для студентов (ООП бакалавриата «Начальное образование»), используемых в ПсковГУ; материалы диссертации востребованы в практике преподавания дисциплин «Современный русский язык с практикумом», «Русский язык в полиэтнической аудитории», «История и культура России в языковом отображении», «Русская фразеология в лингвокультурологическом аспекте», «Современная русская лексикография», «Теории и технологии начального языкового образования», «Теории и технологии начального литературного образования» на факультете образовательных технологий и дизайна ПсковГУ (ООП бакалавриата «Начальное образование»; ООП магистратуры «Теория и методика обучения неродному языку (Русский язык как иностранный)», «Теория, технологии и менеджмент образования в 1-6 классах общеобразовательного учреждения».

По теме диссертации опубликовано 90 научных работ общим объемом (103, 38 п.л.), среди которых 17 научных статей, опубликованных в ведущих российских изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских диссертаций, 7 учебных словарей (35,5 п.л.), 1 учебное и 2 учебно-методических пособия (общим объемом 7,5 п.л.), монография, главы коллективных монографий (общим объемом 34, 9 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Приложений. Общий объем диссертации – 544 страницы: основной текст – 411 страниц, приложения – 133 страницы. В списке литературы 450 теоретических источников и 75 словарей.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЧЕБНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

1.1. Антропоцентрический подход в учебной фразеографии: становление, воплощение, перспективы

Антропоцентрический подход в учебной словарной репрезентации фразеологии проходит в своем становлении несколько циклов вместе со становлением самой учебной фразеографии как теории и практики составления учебных фразеологических словарей (70-80-е г.; 90-е г; 2000- по н.в.). Каждый цикл, как правило, включает три взаимосвязанных этапа, свойственных, по мнению А.С. Цоя, развитию русской лексикографии в целом: этап практической лексикографии, этап теоретического осмысления результатов практической лексикографии и этап теоретической перспективы, где ставятся теоретические вопросы и практические проблемы разработки принципиально новых типов словарей [Цой 2008: 10]. Следует отметить, что данная содержательная и временная последовательность несколько условна, в силу активного теоретического и практического взаимодействия и взаимовлияния учебной фразеографии, учебной лексикографии, теории фразеологии и фразеографии, а также лингводидактики.

Так, первые учебные фразеологические словари [Шанский, Быстрова 1979; Жуков 1980; Яранцев 1976; Яранцев 1978; Яранцев 1981], по словам А.М. Бушуя, являются «результатом целенаправленной реализации ряда лингводидактических принципов» [Бушуй 1982: 183], изложенных в теоретических работах по учебной лексикографии, активно развивающейся в 70-е годы [ВУЛ 1969; ПУЛ 1977; АПУЛ 1977; ПУЛИОЛ 1978; Денисов 1974; Денисов 1976; Денисов 1980 и др.].

В теоретическом плане в этом же цикле закладывается «краеугольный принцип» [Дубичинский 2009: 29] учебной лексикографии, который впоследствии будет осмыслен как важная составляющая антропоцентрического подхода -

принцип ориентации на адресата учебного словаря, а также антропоцентрически ориентированный принцип строгого соответствия учебного словаря этапу обучения (принцип градуальности) [Малаховский 1978; Супрун 1978].

Однако, как отмечает В.В. Дубичинский, до середины 80-х годов прошлого века еще не существовало научно обоснованной лексикографической системы учета потребностей пользователя словаря. Ссылаясь на Р. Хартманна [Hartmann 1989: 102–103], исследовавшего позже взаимоотношения между адресантом и адресатом словаря, В.В. Дубичинский перечисляет 12 принципов этих взаимоотношений. Назовем наиболее значимые из них в плане становления антропоцентрического подхода в учебной лексикографии в целом и такого ее раздела, как учебная фразеография: составитель словаря должен представлять своего читателя; анализ нужд пользователей должен предшествовать словарному проекту; у различных групп пользователей различные потребности; нужды пользователей подвержены изменениям (например, относительно времени и места); словарному мастерству можно и следует учить; рекомендации должны быть предназначены для пользователя, а лексикограф обязан знать все имеющиеся в его распоряжении способы [Дубичинский 2009: 39].

На этапе теоретической антропоцентрической перспективы первого цикла в развитии учебной фразеографии особо тезис Ю.Н. Караулова о необходимости соединения «словаря в личности и личности в словаре» [Караулов 1987: 27]. В.В. Морковкин целенаправленно пишет в эти годы об антропоцентрических словарях как словарях «для человека», главная задача которых – помочь человеку, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, а во-вторых, в эффективности использования этого языка [Морковкин 1988: 132–133].

Здесь же целесообразно отметить и перспективную идею создания особого словаря безэквивалентной и фоновой лексики для специфической категории адресата - инофонов, изучающих русский язык [Верещагин, Костомаров 1980: 197]. Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым впервые ставится вопрос о «стирании» границ между филологическим и энциклопедическим словарем, а для

конструирования словаря такого экспериментального жанра предлагается использовать совокупность принципов, среди которых мы особо выделим характерные для антропоцентрического подхода - обучающую направленность, ориентацию на актуальное языковое сознание, необходимость обзорной «тематической вводки», использование семантизирующих речений и др. [там же: 253-266].

Примечательно, что на фразеологическом материале идея создания такого лингвострановедчески и антропоцентрически ориентированного словаря была воплощена в 1990 г. [РФ 1990], т.е. в рамках практического этапа 2-го цикла в развитии учебной фразеологии.

Что касается развития идеи антропоцентрического лексикографирования языковых единиц на данном этапе становления учебной лексикографии и фразеологии, то здесь важно отметить теоретические положения В.В. Морковина, позволяющие рассматривать учебную лексикографию на качественно новом уровне как специализированную область словарного дела, «содержанием которой являются теоретические и практические аспекты педагогически ориентированного описания языковых единиц в словарях и других произведениях словарного типа» [Морковкин 1990: 8]. Подчеркивая обязательную лингводидактическую направленность учебного словаря, В.В. Морковкин расширяет и уточняет его понятие как лексикографического произведения любого жанра и объема, специально предназначенного для оказания помощи в изучении языка как средства передачи своих и восприятия чужих информационных состояний [там же: 9]. Обосновывая важность адресной направленности учебного словаря, Т.И. Бытева отмечает, что концепцию адресата составляют: цель, назначение словаря, учет интеллектуальной, профессиональной, возрастной специфики читателя, особенности его апперцептивного фона, активная заинтересованность в предлагаемой информации. Именно концепция адресата, пользователя словаря, определяет его объем, назначение, степень полноты отражаемого материала [Бытева 2012: 16]. Г.М. Мандрикова, развивая идеи В.В. Морковкина, пишет о значимости пользовательского запроса как важного лексикографического инст-

румента, позволяющего реализовать один из основных принципов лексикографического антропоцентризма – ориентацию на адресата как при выборе аспекта рассмотрения той или иной языковой единицы, так и при определении глубины рассмотрения этого аспекта [Мандрикова 2011-а: 11].

Структура словаря, его объем, характер и организация информации в рамках словарной статьи зависит, по мнению В.В. Морковкина, от типа словаря: пассивного (для узнавания и понимания текста), активного (для говорения и производства текстов) или пассивно-активного [Морковкин 1986: 105].

Что касается теоретической перспективы данного цикла, то здесь мы также выделим одно существенное положение, сформулированное в эти годы и актуальное для формирования нашей антропоцентрической фразеографической концепции, ориентированной на читателей младшего школьного возраста. Если ранее в исследованиях по детской речи культивировались идеи о невозможности понимания фразеологических единиц младшими школьниками категории в силу якобы синкретического характера детского мышления и незрелости соответствующих когнитивных механизмов, развитие которых начинается примерно в 11 лет [Piaget 1967], то результаты экспериментальных исследований, проведенных в 90-е годы XX века, снизили возрастные границы усвоения фразеологизмов, установленные Ж. Пиаже: было доказано, что при специальной организации обучения, дети в возрасте 6-7 лет уже в состоянии не только понимать, но и употреблять отдельные, понятные для них обороты [Бронникова 1996: ЭР¹]. В связи с этим увеличилась потребность в учебном фразеологическом словаре для младших школьников, ведь, как пишет В.Д. Девкин, словарь – «это прием, метод, средство познания языкового явления. Все не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятым, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обозримость, комплексность и системность рассмотрения» [Девкин 2000: 14].

Практический этап следующего, 3-го цикла в развитии учебной фразеографии начинается активной разработкой фразеологических словарей для рус-

¹ ЭР – электронный ресурс.

ских школьников [Фелицина, Мокиенко 2002; Фелицина, Мокиенко 2005; Грабчикова 2000; Москвин 2000, 2006; Субботина 2007 и др.], особенности параметризации материала в данных фразеографических изданиях будут рассмотрены в разделах 2.1, 2.2. и 3.1.

Начиная с 2001 года активно заполняется «ниша» учебной фразеографии, ориентированной на младшего школьника [Волина 2001; Розе 2002, 2005; Ставская 2002; Ушакова 2004; Волков 2009; Баско 2011 и др.]. Не ставя здесь своей целью детализированный анализ данных словарей (он будет дан в разделах 2.1, 2.2 и 3.1.), отметим два выявленных противоречия между фразеографической практикой и теорией фразеологии и фразеографии, идущих вразрез с принципами антропоцентрической фразеографии. Первое заключается в том, что механический перенос словника и контекстов-иллюстраций из словарей для старших школьников или для взрослых читателей в издание для детей, пусть даже красочно и занимательно оформленное, нарушает принцип градуальности. Второе противоречие состоит в том, что лексикографическая реализация стремлений автора сделать словарь доступным и привлекательным для ребенка не всегда адекватна критерию научности, что дезинформирует адресата, искажает его индивидуальную языковую картину мира.

Снять данные противоречия помогут специальные исследования в области учебной фразеографии для начальной школы, ведь «составление словарей для младших школьников не может быть осуществлено без предварительной разработки психолингвистической и лексикографической методик» [Пикалова 2007: 35].

В 2008 году Е.Е. Петренко была разработана концепция фразеологического словаря младшего школьника, представляющая собой обобщение принципов учебной лексикографии, высказанных еще на всесоюзной конференции «Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии» (1988). Отметим среди них релевантные для реализации антропоцентрического подхода: состав и содержание словаря должны иметь минимально-достаточный характер; учебный словарь должен учитывать фактор адресата; иллюстратив-

ный материал представляет собой контекст, понятный и близкий младшему школьнику [Петренко 2008: 84-85].

Признавая актуальность данных положений, выдвинутых 20 лет назад, мы считаем необходимым модернизировать лексикографическую концепцию фразеологического словаря для младшего школьника с учетом достижений современной учебной лексикографии. В данном разделе мы лишь обозначим актуальные для нашего исследования теоретические позиции, которые позже раскроем при характеристике предлагаемой фразеографической технологии.

Так, среди принципов современной учебной лексикографии, рассматриваемых В.В. Дубичинским, для реализации антропоцентрического подхода наиболее значимыми являются:

- полное соответствие словаря этапу обучения, уровню знаний, возрасту, психологическим особенностям контингента учащихся;
- комплексный характер лексикографического произведения, позволяющий решить необходимые дидактические задачи, которые ставит перед собой лексикограф, например, насыщение текстового материала словарной статьи дополнительной как лингвистической, так и экстралингвистической (дидактической, культурологической и т.п.) информацией; обогащение иллюстративных примеров культурологической информацией; привлечение в учебный словарь рисунков, фотографий, схем и таблиц; использование в работе над словарем игровых аспектов обучения и др.;
- рассмотрение словаря в рамках нового перспективного направления — теории функциональной лексикографии — как средства обучения учащегося живой активно функционирующей речи, которую учащийся в дальнейшем желает превратить в инструмент познания, коммуникации и т.п.
- конструирование учебного словаря с учетом обучения всем видам речевой деятельности: как рецепции, так и продуцированию высказывания на изучаемом языке [Дубичинский 2009: 340-342].

Е.В. Каламбет формулирует характерные признаки и требования к современному антропоцентрически ориентированному лексикографическому изда-

нию, которые должны быть применимы и к учебному фразеографическому словарю: проявленность автора в его лексикографическом труде; организация словаря в соответствии с господствующей идеологической / религиозной системой; лексикографирование культурологической составляющей лексикосемантической системы; лексикографирование концептосферы человека; создание словаря, описывающего язык как объект усвоения, отражающего взаимодействие языка и человека, то есть лексикографирование, ориентированное на адресата [Каламбет 2007: 4].

Таким образом, как отмечает А.С. Цой, антропоцентрическая лексикография признается приоритетным современным научным направлением, а ее номенклатурной единицей становится антропоцентрический словарь [Цой 2008: 11].

Вслед за В.В. Дубичинским, учебные словари, разработанные в соответствии с указанными выше принципами, мы относим к антропоцентрическим [Дубичинский 2009: 337]. Однако имеются и другие точки зрения. Так, А.С. Цой считает, что антропоцентрический словарь должен занимать промежуточное положение между общими и учебными словарями. Вызывает возражение мысль автора о том, что, «если учебный словарь направлен на формирование и становление языковой личности, то антропоцентрический словарь должен сделать своей ведущей целью дальнейшее развитие языковой личности лексикографическими средствами, чтобы подготовить эту личность для пользования общим (лингвоцентрическим) толковым словарем» [Цой 2008: 11].

Другой позиции придерживается И.Л. Старикова, признающая самостоятельным направлением современной антропоцентрической лексикографии учебную лексикографию, основным принципом которой является описание языка с учетом адресной направленности и лингвометодического целеполагания [Старикова 2008: 9]. При этом отличать учебный словарь от антропоцентрических словарей других типов предлагается по следующим основаниям:

1) область запроса ← методический запрос → лексикографирование с отражением языкового и энциклопедического описания заголовочных слов → **учебный словарь** → адресат словаря (обучающий и обучающийся языку);

2) область запроса ← пользовательский запрос → лексикографирование с отражением языкового и энциклопедического описания заголовочных слов → **антропоцентрический словарь** → адресат словаря (пользователь) [Старикова 2008: 10].

А.С. Цой пишет о том, что центральным понятием в современной антропоцентрической лексикографии является пользователь как языковая личность [Цой 2008: 11]. (Согласно Ю.Н. Караулову, под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) [Караулов 1987: 3]). В рамках этого аспекта, как пишет А.С. Цой, встает проблема корреляции характеристик адресата лексикографического текста и характеристик макро- и микроструктуры словаря [Цой 2008: 11].

Е.В. Каламбет считает, что статус лексикографического издания как разновидности текста позволяет включить его в объектную область антропоцентрической лингвистики, принципы и методы которой особенно полно воплотились именно в сфере текстовых исследований [Каламбет 2006: ЭР].

Н.В. Размахнина, анализируя декларативный и процедурный способы описания языка в современной практической лексикографии вообще и фразеографии в частности, пишет о том, что в первом случае лексикограф при описании языковых единиц идет от дефиниции к контексту и дает пользователю возможность узнавания толкуемых единиц в речи или тексте. Во втором случае учитываются функционально-прагматические особенности языковых единиц, их использование рассматривается наравне с действием. Значения описываются от контекста к дефиниции, поэтому пользователю дается возможность научиться употреблять языковые единицы. Таким образом, Н.В. Размахнина приходит к выводу о том, что особую значимость для фразеографии имеет принцип контекста, согласно которому иллюстративный пример должен содержать необхо-

димую и достаточную для его адекватной интерпретации семиотическую информацию [Размахнина 2003: ЭР].

В силу специфики лексикографического текста Е.В. Каламбет подчеркивает специфичность понятия *антропоцентризм* в лексикографии, где на равных функционируют понимание антропоцентризма как проявленности личности лексикографа в словаре и понимание антропоцентризма как ориентации на адресата при создании словаря [Каламбет 2007: 8].

Е.В. Каламбет выделяет типы антропоцентризма в современной лексикографии по трем основаниям а) имманентный / методологический характер, б) эндогенный / экзогенный характер в) уровни изучения понятия человек (биологический, социальный и индивидуальный) [там же: 9]. Автор относит экзогенный методологический антропоцентризм, понимаемый как ориентация в описании языковых фактов в словаре не столько на языковую систему, сколько на говорящую личность, являющуюся адресатом лексикографического текста, к наиболее разработанным в теоретическом плане реализациям антропоцентризма. «Антропоцентризм в данном осуществлении, – пишет Е.В. Каламбет, – это «настройка» параметров словаря на параметры адресата» [там же: 20-21].

Для формирования нашей фразеографической концепции отметим также принципы антропоцентрического словаростроения, выявленные И.Л. Стариковой: а) ориентация на интегральное лексикографирование; б) «энциклопедизация» лингвистических словарей; в) разработка теории активных / пассивных словарей; г) включение фактора «адресат словаря» в число основных компонентов лексикографической деятельности; д) включение в словаростроение понятий *пользовательский запрос, типология пользователей, образ модельного адресата словаря* [Старикова 2008: 9].

В 2000-е годы активно обсуждаются вопросы актуальности пользовательского запроса как «важнейшего лексикографического инструмента, реализующего один из основных принципов лексикографического антропоцентризма – ориентацию на адресата» [Мандрикова 2011-а: 8]. При этом И.А. Зайковская отмечает, что из-за отсутствия в России исследований, направленных на изуче-

ние современных пользовательских запросов лексикографам приходится интуитивно предугадывать потребности пользователя словаря [Зайковская 2011: 3]. И.А. Дамбуев пишет о том, что основной причиной невостребованности многих переизданных и вновь созданных словарей является отсутствие традиций маркетинговых исследований, неумение на практике определить пользовательский запрос [Дамбуев 2011: 17].

Вместе с тем к настоящему времени разработана система пользовательских запросов для конструирования следующих лексикографических произведений: к словарю таронимов [Мандрикова 2011-б], к учебному пособию словарного типа для обучения коммуникативам русского языка [Казачихина 2011], к словарю лингвокультурной грамотности как учебному словарю лингвокультуры [Ансимова 2013].

На примере компьютерного лексикографирования Г.М. Мандрикова пишет о том, что из всего многообразия пользовательских запросов первостепенное значение имеют те, которые обладают определенной методической ценностью. То есть пользовательский запрос, выступая в своей методической интерпретации, является методическим запросом. Те или иные сведения о языковых единицах, в которых испытывает потребность субъект педагогического процесса, реализуются в методические запросы, предъявляемые к словарю а) как к лексикографическому произведению: например, запрос – метаязык словаря (привести исчерпывающий список сокращений, условных знаков и выделений, принятых для соответствующего словаря) и т. д.; б) как к средству обучения: например, запрос – возможные методические действия со словарем (включить в словарь системно-языковые упражнения, условно-коммуникативные упражнения, упражнения в форме игр, упражнения на освоение метаязыка словаря и т. д.); в) к программному продукту: например, запрос – процедуры, обеспечивающие возможность осуществления «диалога» между пользователем и компьютером (отразить возможность обмена с текстом – вставки и копирования фрагментов словаря) и т. д. [Мандрикова 1997: ЭР].

Для формирования нашей фразеографической концепции важно отметить, что для современной теории и практики лексикографии характерно усиление наметившейся еще в 80-е годы прошлого столетия тенденции к стиранию граней между разными типами словарей (в том числе между лингвистическими и энциклопедическими словарями) [Бобунова 2003], [Старикова 2008], [Петрушова 2009], [Зайковская 2011], за счет чего повышается информационная насыщенность словарной статьи, приобретающей комплексный характер, что особенно значимо для учебного словаря как средства формирования языковой личности члена современного информационного общества. Такой комплексный учебный словарь, в том числе и фразеологический, должен строиться и с учетом достижений нового лексикографического направления - лингвокультурологии [Лукьянова 2005; Зиновьева, Юрков 2009: 220-290; Ансимова 2012], что позволит более детально и многомерно представить читателю взаимосвязь человека, культуры и языка (в данном случае – его фразеологического состава) средствами лексикографии в рамках антропоцентрического подхода.

Эти современные требования к учебному фразеологическому словарю обусловили поиск новых технологических подходов к лексикографированию фразеологического материала, которые и будут представлены ниже.

1.2. Учебный фразеологический словарь как интерактивный гипертекст: принципы конструирования

Как отмечает Е.П. Иванова, за время своего существования словарь претерпел значительные изменения: из элитарного произведения он превратился в необходимый инструмент информационного (лексикографического) поиска, «опирающийся на новые технологии и диверсифицированный в зависимости от профессиональных, возрастных, эстетических, идеологических и прочих характеристик его пользователя» [Иванова 2010: 50].

Реализация современной антропоцентрически ориентированной учебной словарной репрезентации фразеологизма адресату-ребенку требует использо-

вания инновационной лексикографической (и уже – фразеографической) технологии.

В широком смысле под технологией понимают совокупность (систему) методов, элементов и операций, направленных на получение определенного конечного продукта [КТО 2011: ЭР]. Для разработки учебного словаря необходимо учитывать и определение педагогической технологии, под которой В.А. Сластенин понимает строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий [СИШ 2002: 495].

В процессе фразеографического конструирования мы учитывали все основные обязательные современные требования к процессу обучения, развития и воспитания младшего школьника. Лингводидактическая стратегия словаря, управляющего познавательной деятельностью ребенка в процессе чтения, такова, что комплексная репрезентация фразеологизма, формирование фразеологической компетенции читателя, а также общее интеллектуально-речевое развитие, социализация ребенка, психодиагностика, знакомство с элементарными навыками работы на компьютере, сбережение физического, интеллектуального, нравственного и психического здоровья ребенка, элементы нейролингвистического программирования и гендерного подхода, решение изобретательских задач, – все это находит отражение в общей канве комплексной репрезентации фразеологизма посредством инновационной лексикографической технологии [Роголёва 2010-а; 2010-б; 2013].

Об инновационных лексикографических технологиях чаще говорят применительно к компьютерной лексикографии [Авдеева 2012; Балалаева 2014; Бабалова, Пустобаев 2008; Давыдова 2013; Сулак 2010; Чумарина 2010], продуктом которой становятся современные электронные словари [Борисова, Канищева, Юрченко 2013; Ваулина 2007; Марус 2014; Русакова 2008; Стройков 2008].

Учет фактора адресата словаря (здоровьесберегающее требование ограничения времени пребывания ребенком за компьютером, возможность замены телевидения и компьютерных игр другим познавательным досугом) требует

разработки фразеографической технологии, продуктом которой будет являться инновационный учебный словарь в бумажном формате.

А.Ш. Давлетукаева пишет о том, что технология проектирования и создания словаря должна быть представлена в виде определенной последовательности выборов параметров словаря. При этом важно, чтобы каждый предыдущий выбор определял и облегчал последующие решения, что позволит существенно повысить качество подготовки словарей [Давлетукаева 2002: 65].

К основным параметрам словарей относят их композиционные характеристики и набор элементов словарной информации [Гринёв 1990: ЭР]. При этом композиция словаря определяется выбором состава и расположением основных и вспомогательных частей словаря, определением порядка следования единиц описания, расположением, наполнением и оформлением словарных статей, позволяющих автору словаря организовать в соответствии со своим замыслом различные виды информации о языковой единице – объекте описания [там же].

На материале научно-технических лексикографических изданий С.В. Гринев классифицирует параметры словаря, выделяя:

- элементы авторской установки (предметная ориентация; назначение; адресная ориентация; дескрипционная ориентация; функция словаря; объем словаря; принципы и критерии отбора лексики);
- элементы макрокомпозиции (порядок расположения словарных статей; состав вспомогательных разделов; принципы подачи словосочетаний; принципы представления омонимии);
- элементы микрокомпозиции /наполнение словарной статьи/ (регистрационные параметры, формальные параметры, этимологические параметры, атрибутивные, интерпретационные, ассоциативные, прагматические, иллюстративные, микроструктурные параметры) [Гринев 1986: 82-85].

Ниже будут представлены предлагаемые нами технологические решения, касающиеся реализации авторских целеустановок, основополагающих принци-

пов инновационного учебного фразеологического словаря, его микро- и макро-структурирования.

Говоря об адресной ориентации учебного фразеологического словаря в соответствии с авторской установкой и присоединяясь к мнению Л.А. Григорович, добавим к изложенному выше (1.1.), что важным средством воздействия адресанта на адресата является метод в оформлении справочного издания, который реализуется в поиске новых приемов с целью адекватной передачи содержания [Григорович 2011: 32]. При этом успешность антропоцентрического учебного словаря определяется реакцией адресата на данное лексикографическое издание, которая во многом зависит от «степени корреляции между ожиданиями реципиента и реализованностью авторской интенции» и обеспечивается комплексом мер по мониторингу эволюционных изменений пользовательской аудитории и адекватной на них реакцией, что позволяет выстраивать эффективную систему коммуникации, формировать содержание, совершенствовать формы его подачи [там же].

По мнению А.Ш. Давлетукаевой, игнорирование этого важного этапа создания словаря, на котором происходит его проектирование, то есть определяется тип, читательский адрес и основные характеристики, приводит к внесению непредвиденных изменений в процессе работы над словарем, что отражается как на его качестве, так и на трудоемкости его изготовления [Давлетукаева 2002: 68].

В качестве портрет-прогноза адресата словаря, опора на который является первым принципом технологии реализации нашей авторской установки, мы использовали Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (2009), где представлена компетентностная модель выпускника начальной школы, любящего свой народ, свой край и свою страну; уважающего и принимающего ценности семьи и общества; любознательного, активно и заинтересованно познающего мир; владеющего основами умения учиться, способного к организации собственной деятельности; готового самостоятельно действовать и отвечать за свои поступки перед семьей и обществом;

доброжелательного, умеющего слушать и слышать собеседника, обосновывать свою позицию, высказывать свое мнение; выполняющего правила здорового и безопасного для себя и окружающих образа жизни [ФГОС 2009: ЭР].

Организация в словарном тексте приемов глубокого понимания младшими школьниками семантики фразеологизмов, механизмов фразеоморфизма как следующий принцип технологии реализации параметров авторской установки была соотнесена с данными психолого-педагогических и лингвометодических исследований, показывающих низкий уровень фразеологической компетенции у младших школьников [Божович, Козицкая 1999]. Это подтверждают и записи речи младших школьников, сделанные нами в 2008-2013 г.: «*Заморить червячка* – так говорят, когда кого-нибудь приглашают в гости»; «Когда все вместе едят, то говорят *за семь вёрст киселя хлебать*»; «*Мерить на свой аршин* – это значит мириться» и др. По данным опроса (2009-2013 г.), в котором принимали участие 500 младших школьников (Псков, Волгоград, Санкт-Петербург, Москва), лишь 10% правильно понимают значение основных культурологически ценных и коммуникативно значимых русских фразеологизмов.

Однако следует отметить, что исследования детской речи [Чуковский 1965; Цейтлин 2000], а также многолетний опыт наблюдения за младшими школьниками говорят о неподдельном интересе детей к фразеологическим оборотам и желании узнать у родителей, воспитателей и учителей об их значении и происхождении. Из этого вытекает еще один принцип технологии реализации параметров авторской установки – поддержание лексикографическими средствами положительной мотивации к изучению адресатом-ребенком фразеологии.

В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом привлечь к чтению фразеологического словаря современных детей, которые телевизор, компьютер и мобильный телефон стали более привлекательными, чем книга? И здесь нельзя не учитывать, что современные дети – это «дети новой постиндустриальной культуры, которые в два счета могут усвоить, как общаться с самой современной техникой, и при этом испытывать речевые проблемы. По мнению медиков и психологов, произошло изменение фенотипа человека: у современ-

ных детей другой тип памяти и восприятия. Это дети, не читающие художественной литературы, хотим мы того или нет» [Руденко 2008: ЭР].

В свою очередь, привлекательность экранных источников получения информации обусловлена тем, что они используют тексты своеобразной, принципиально новой структуры, совмещающей языковые (устные и письменные) носители смысла с неязыковыми. Эти синтезирующие тексты синкретичны по своей природе не только в вербально-картинно-образном, но и в собственно вербальном плане. Действуя массированно на все органы чувств, они создают, несмотря на дистантность контакта, иллюзию вовлеченности. Помехоустойчивость их восприятия обеспечивается регулярным чередованием информем и экспресsem [Костомаров 2010: ЭР].

С учетом сказанного выше выявление потребительского запроса – еще один важный параметр авторской установки – технологически было обеспечено следующим образом. Младшим школьникам был задан вопрос: «Если бы ты был (была) автором словаря для детей, что бы ты обязательно в него включил (включила)?». Процентное соотношение 150 ответов можно представить следующим образом: игры и игрушки (16%), смешные рисунки (8%), бонусы (10%), раскраски (4,6%), место, где можно самим писать (6,6%), сказки (3,3%), занимательный материал (5,3%), интересные рассказы (8,6%), сюрпризы (6,6%), задание на компьютере (10,6%), веселые задания (8%), загадки (4%), «чтобы из одного места можно было попадать в другое» (8%).

Как видно, адресата-ребенка привлекает игровой аспект, интерактивность, свойственные компьютерным технологиям, что убеждает в необходимости такого реализации такого основополагающего технологического принципа реализации параметров авторской установки, как интерактивность лексикографического текста в бумажном формате, ориентированного на адресата-ребенка.

Разработка данного принципа базируется на подходе к словарю как к тексту, который, по словам А.М. Бушуя, относится к особому литературному жанру [Бушуй 2012: 47], ведь учебный словарь, как отмечает Л.А. Григорович, это «не только лексикографическое произведение, в котором даются характери-

ки слова как единицы языка, но это также текст в широком смысле слова, создание которого является многоступенчатым процессом оформления некой идеи и проходит несколько этапов от замысла до воплощения, книгопечатного или электронного [Григорович 2011: 31]. По мнению Л.А. Григорович, словарь, понимаемый как текст, представляет собой особую его разновидность, в которой вербальные и иконические «высказывания» образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата [Григорович 2011: 31-32]. Л.Г. Бабенко пишет о том, что «словарь традиционно относят к справочным изданиям, хотя в первую очередь он представляет собой созданное автором (или авторским коллективом) завершённое целостное речевое произведение, обладающее всеми необходимыми текстовыми категориями <...>» [Бабенко 2010: 340]. О.И. Блинова считает, что лексикографический текст в его классическом виде представляет словарная статья со всеми ее компонентами: зоной заглавного слова, зоной его толкования, иллюстративной зоной [Блинова 2005: 79]. М.В. Резунова рассматривает словарную статью сквозь призму понятий текста и дискурса [Резунова 2008: ЭР], где текст, согласно определению Е.С. Кубряковой, понимается как «информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [Кубрякова 2001: 74], а дискурс определяется как интерактивная деятельность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия друг на друга, использование различных коммуникативных стратегий, их вербальное и невербальное воплощение в практике общения [Резунова 2008: ЭР].

При поиске приемов индуцирования интерактивности в учебном фразеографическом тексте мы, вслед за А.Г. Поспеловой, понимаем интеракцию как обмен действиями (как вербальными, так и невербальными), в котором участвуют не менее двух лиц [Поспелова 1992: 68].

И.Б. Череповская обосновывает применение термина *интерактивность* по отношению к печатным учебным пособиям по РКИ, где под интерактивностью понимается качественная характеристика средств обучения на печатных

носителях, обеспечивающая опосредованное учебными материалами естественно-мотивированное коммуникативное взаимодействие [Череповская 2005: 13]. Автор также выделяет систему специальных технологических приемов, обеспечивающих интерактивность учебных пособий на уровне текста (коммуникативная естественность, использование референциальных привязок, дискуссионность, прием «нового поворота»), а также на уровне микротекста учебного задания (прием персонификации автора учебного пособия, обращенная речь, полиориентированность учебных заданий на различные стили восприятия, прием «вызова» и «выхода в языковую среду», приемы расширения когнитивных стратегий учащихся).

В невербальной подсистеме учебных материалов И.Б. Череповской выделяются приемы индуцирования интерактивности на уровне визуальных компонентов (аутентичность иллюстраций, использование графических средств, визуализация и персонификация, создание установки на восприятие темы) и в области полиграфического оформления (параграфемные элементы в заголовочном комплексе, графические выделения в корпусе текста, форматирование текста) [там же: 119].

Для выявления приемов создания интерактивности в учебном фразеологическом словаре важно отметить, что, как пишет П.В. Токарева, основной тенденцией развития современного школьного письменного учебного дискурса является диалогизация, то есть сознательная имитация естественного диалога в паре «автор учебного текста – адресат учебного текста», что порождает необходимость инвентаризации соответствующих тактик для оптимизации данного процесса [Токарева 2006: 6]. Здесь следует заметить, что еще ранее Л.П. Доблаев писал о том, что едва ли не самым сильным средством активизации читателя является создание у него ощущения сотворчества, присутствия в произведении, что обусловлено внутренней диалогичностью самого текста [Доблаев 1965: 19].

Наша фразеографическая концепция интерактивности текста в бумажном формате строится в рамках диалога «автор-адресат». Это понятие трактуется

как интерактивное межличностное взаимодействие, детерминированное художественной формой современного литературного текста, проявляющееся в его тотальной диалогизации, постоянном присутствии голоса автора в тексте, активизации его речевого поведения [Котова 2012: 2-3].

К тексту антропоцентрически ориентированного учебного фразеологического словаря применимо и высказывание Л.Н. Котовой, касающееся современного художественного текста, усложненная форма которого побуждает автора помочь читателю прочесть текст, вызвать ответную реакцию, вовлечь читателя в активный диалог с текстом. Автор не только постоянно присутствует в тексте, напрямую обращаясь к читателю, но и руководит процессом чтения [Котова 2012: 2-3]. При этом в диалоге «автор-адресат» важно не только равноправие читателя с писателем, но и его активная роль в генерировании новых смыслов текста [там же: 12].

Успешность фразеографической технологии определяется уровнем эффективности диалога «автор-адресат», которая, как и в художественном тексте, прямо пропорциональна мере его гармонизирующего воздействия на адресата: от максимальной эффективности (диалогической гармонии) – до минимальной (нулевой) эффективности, вплоть до коммуникативного провала [Котова 2011: 295].

В нашем фразеографическом проекте универсальным средством гармонизации диалога между автором и адресатом словаря является метатекст, который эксплицирует присутствие автора, помогающего адекватно воспринять текст, приглашающего к диалогу, стимулирующего познавательный интерес и предлагающего способы и средства удовлетворения этого интереса.

Метатекст при реализации макрокомпозиционных параметров словаря представлен в предисловии, сносках и др. На уровне реализации микрокомпозиционных параметров он присутствует в каждой зоне словарной статьи в разных формах от лаконичных пояснений до развернутых комментариев. При описании данных параметров мы покажем это.

Следующим приемом индуцирования интерактивности в бумажном варианте учебного фразеологического словаря является его гипертекстовое структурирование, «расширяющее понятие текста за счет отсылок к другим текстам» [Щирова, Гончарова 2007: 88].

Как пишет А.Г. Лошаков, интерактивность является важнейшим прагматическим свойством гипертекста и предполагает деятельную роль читателя не только в его восприятии, но и в его создании. Это обуславливается нелинейностью гипертекста, обеспечивающей выбор того или иного пути восприятия, осмысления текста [Лошаков 2008: 17]. Как «цепочка текстов» гипертекст выстраивается читателем на основе собственного выбора, активизируя, таким образом, когнитивную активность, что разрушает традиционные представления о линейности повествования и восприятия [Щирова, Гончарова: 2007: 88]. Сам гипертекст понимается как «текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [Руднев 2009: 84], что предполагает линейное и многомерное прочтение [Щирова, Гончарова 2007: 88].

А.Н. Баранов пишет о том, что феномен гипертекста можно рассматривать с различных позиций. С одной стороны, это особый способ представления, организации текста, с другой – новый вид текста, противопоставленный по многим признакам обычному тексту. И, наконец, это новый способ, инструмент и новая технология понимания текста [Баранов 2003: 31-32].

И.А. Зайковская также выделяет несколько основных подходов к пониманию гипертекста:

- 1) компьютерный (технический) подход, где гипертекст понимается как существующий только в электронном формате и представленный на мониторе компьютера, дисплее мобильного телефона и т.д. текст, связанный с другими текстами посредством гиперссылок, переход по которым осуществляется наведением на них курсора и нажатием на кнопку или точку на сенсорном экране;

2) философско-культурологический подход, рассматривающий гипертекст как признак современной культуры, меняющий принципы восприятия информации человеком;

3) литературоведческий подход, согласно которому гипертекст – это художественный прием и особая композиционная форма [Зайковская 2011: 143];

4) собственно лингвистический (текстовый) подход, описывающий принцип организации гипертекста в терминах лингвистики текста, например, «гипертекст – это «многоуровневая иерархическая система элементов», в число которых входят «гипотексты, система связей и система навигации» [Рязанцева 2008: 3].

По мнению М.В. Масаловой, к гипертексту относится интернет, энциклопедия, справочник, книга с содержанием и предметным указателем, а также любой текст (на электронных и бумажных носителях), в котором обнаруживаются какие-либо ссылки (указания) на другие фрагменты [Масалова 2003: 3].

Что касается непосредственно лексикографии, то с учетом функционального и дидактического потенциала словаря, он рассматривается как естественный гипертекст, позволяющий пользователю «перемещаться» по всему тексту, сравнивая одновременно несколько фрагментов, самостоятельно устанавливая связи и соответствия [Зайковская 2011: 143].

В.В. Шаповал выделяет такие признаки гипертекста корпуса словаря, как: а) известная самостоятельность и законченность словарных статей, б) наличие внутренних отсылок между статьями, в) известная изолированность и внутренняя самостоятельность подсистем фонетических, грамматических и орфографических данных, толкований, этимологических справок, речевых примеров и т.д. При этом важно, что читатель словаря может избирать бесконечное число маршрутов, и это доказывает, что линейность словаря – лишь условность представления материала [Шаповал 2009: ЭР].

В нашем случае гипертекстовость реализуется не только на уровне макроструктуры словаря. Своеобразным гипертекстом является и каждая словарная статья, отсылающая читателя к текстам художественной литературы и русского

фольклора, к тем или иным разделам математики, к темам учебных предметов начальной школы (окружающий мир, литературное чтение, иностранный язык, информатика и др.) с целью извлечения информации, необходимой для выстраивания этимологической версии или активизации рецептивных и продуктивных речевых навыков в сфере фразеологии.

В настоящее время, как отмечает В.Г. Костомаров, на письменных текстах отражается взаимная подпитка, поддержка и сотрудничество двух коммуникационных сфер (графосферы и видеосферы) [Костомаров 2010: ЭР]. Наблюдается переход от статичной модели текста (текст как знаковая система, несущая информацию) к динамической модели (текст как фаза свершения понимания) [Артамонова, Кузнецов 2003: ЭР]. В связи с этим неизбежным становится коммуникативное измерение текста, формирование новых подходов к моделированию визуального ряда, разработка продуктивных методик воздействия на читателя, в том числе в рамках игровых моделей текста.

Ф.А. Катаев, изучая влияние IT-технологий на поэтику прозаических текстов русской литературы на рубеже XX-XXI веков, выявляет новые формы взаимодействия Интернета и литературы, а также новые приемы построения текста, порожденные этим взаимодействием. Автор выделяет такие наиболее частотные формы применения интернет-технологий в сфере «бумажной» литературы на сегодняшний день, как построение текста по принципам компьютерной игры (что влияет на жанровую природу, картину мира текста) и использование в художественном тексте эстетики сетевого блога (что воздействует на стиль) [Катаев 2012: 6], – все это способствует воссозданию в художественном тексте эффекта интерактивности, свойственной любой компьютерной игре.

Исходя из этого, мы признаем крайне актуальным и применяем при реализации нашей фразеографической концепции еще один способ индуцирования интерактивности учебного фразеологического словаря - использование игровых приемов конструирования лексикографического текста, в том числе адаптацию приемов компьютерных игр применительно к бумажному формату словаря (они будут описаны в разделе 3.3.). Такой подход соответствует не только читатель-

скому запросу, но и реальному положению дел в сфере современной коммуникации.

1.3. Макро- и микроструктура комплексного учебного фразеологического словаря

Между параметрами словаря, как отмечает А.Ш. Давлетукаева, существуют определенные взаимосвязи, проявляющиеся в том, что реализация одних параметров может влиять на форму реализации других. Так, параметры авторской установки определяют реализацию макрокомпозиционных параметров, а последние, в свою очередь, определяют микрокомпозиционные параметры [Давлетукаева 2002: 66].

В нашем случае адресная ориентация словаря (школьники младших классов) определяет принцип формирования корпуса разрабатываемых в словаре фразеологизмов. В первую очередь они должны быть коммуникативно ценными и культурологически значимыми для данной категории адресата. Однако отбор материала для детских словарей, как и в целом для многих фразеографических источников, зачастую носит субъективный характер. «В вопросах отбора фразеологии в учебных словарях, – писал более 40 лет назад П.Н. Денисов, – нет никакой ясности и определенности, кроме указаний и советов самого общего свойства: отбирать самую употребительную, самую полезную и тому подобную фразеологию...» [Денисов 1969: 23-24]. Если для средней школы решение этой задачи приблизила разработка фразеологического минимума [Максяшина 2004], то для младших школьников такой минимум до сих пор не разработан.

Определенная работа в этом направлении проделана Л.Н. Сергеевой, составившей в 1989 г. «Фразеологический словарик к учебникам чтения для начальной школы», включающий 240 фразеологизмов с толкованиями [ФСУЧНШ 1989].

В 2008 году Е.Е. Петренко выделила состав фразеологизмов русского языка, использованных в художественных текстах для детей младшего школьного возраста (1233 ед.) [Петренко 2008].

При отборе фразеологизмов для нашего словарного проекта мы также обратились к учебным книгам и художественным текстам. Источниками материала стали учебники русского языка для начальной школы по 6 учебным программам: «РИТМ» («Классическая начальная школа») (Т.Г.Рамзаева), «Начальная школа XXI века» (С.В. Иванов, А.О. Евдокимова, М.И. Кузнецова), «Школа 2100» (Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Пронина), «Гармония» (М.С. Соловейчик, Н.С. Кузьменко), «Школа России» (В.П. Канакина., В.Г. Горецкий) и система Л.В. Занкова (А.В. Полякова) и учебники литературного чтения по этим же программам, включающие тексты произведений детской литературы, рекомендованных для изучения в начальной школе (А.С. Пушкин, И.А. Крылов, П.П. Ершов, А.И. Куприн, В.М. Гаршин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой, И.С. Тургенев, К.Д. Ушинский, С. А. Баруздин, В.В. Бианки, А.П. Гайдар, В.Ю. Драгунский, Б.В. Заходер, К. И. Чуковский, Е.Л. Шварц, С.Я. Маршак, С.С. Сахарнов, Г.М. Цыферов, Н.Н. Носов, Т.И. Александрова, К. Булычёв и др.). Мы также учитывали фиксацию фразеологизмов в детской речи (записи 2001-2013 г.), интерпретацию ФЕ и вопросы детей о значении и происхождении фразеологизмов [Харченко 2005; Цейтлин 2000; Чуковский 1965]. Таким образом, было отобрано 450 этнокультурно-маркированных употребительных русских фразеологизмов. При верификации данных параметров ФЕ учитывались данные словарей В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко [РФ 1990; Фелицына, Мокиенко 2002, 2005], Д.Э. Розенталя и В.В. Краснянского [ФСРЯ 2011].

Общая структура комплексного учебного фразеологического словаря - макрокомпозиционный параметр, воплощение которого определяется авторской установкой на реализацию интерактивности. Словарь включает предисловие, обращенное к читателям и открывающее диалог «автор – адресат», словарные статьи, алфавитный указатель, облегчающий читателю поиск словарной

статьи (особенно - при стержневом расположении материала), список источников, подтверждающий научную достоверность словарного текста и открывающий для читателя возможность расширения фразеологического кругозора.

Интерактивный характер метатекстового предисловия позволяет в диалоговом игровом формате разъяснить читателю задачу данного компонента макроструктуры словаря:

ПРЕДИСЛОВИЕ

или то, что ты обычно пропускаешь, а зря, потому что именно Предисловие научит тебя пользоваться нашим фразеологическим словарем.

Читателю предлагается роль активного исследователя (*ты станешь нашим партнёром, участником познавательного-игрового проекта «Русская фразеология»*). Виртуальное знакомство авторов с читателем включает их самопрезентацию, читателю же предлагается вписать свое имя в специальную строку в знак согласия стать участником интерактива.

Знакомя читателя с устройством словаря, Предисловие обосновывает и разъясняет стержневой принцип расположения материала, предлагает возможность самоконтроля:

*В детских фразеологических словарях статьи расположены в алфавитном порядке, то есть по первой букве первого слова. У нас же, как в настоящем взрослом фразеологическом словаре, по алфавиту расположены ключевые, главные слова, которые легко найти в каждом фразеологизме: **мерить на свой аршин – АРШИН**, как белка в колесе – **БЕЛКА**, выходить сухим из воды – **ВОДА**. Значит, фразеологизм **мерить на свой аршин** ищи на букву А, как **белка в колесе** – на букву Б, **выходить сухим из воды** – на букву В. Принцип понятен? Тогда проверь себя, отыскав следующие фразеологизмы в нашем словаре: **стричь всех под одну ГРЕБЕНКУ**, во всю **ИВАНОВСКУЮ**, держать **КАМЕНЬ** за пазухой, семь **ПЯТНИЦ** на неделе, садиться не в свои **САНИ**, моя **ХАТА** с краю, без **ЦАРЯ** в голове, заморить **ЧЕРВЯЧКА**, откладывать в долгий **ЯЩИК**. Получилось? Тогда идём дальше!*

Предисловие представляет основную лексикографическую единицу (*Информация о каждом фразеологизме складывается в отдельную словарную статью*), и, описывая ее структуру (оформление и содержание каждой рубрики), в доступной для читателя форме раскрывает принцип гипертекстового структурирования словаря и словарной статьи: *Знакомясь с историей фразеологизма, ты выполнишь занимательные задания и проверишь свою эрудицию. Не сомневайся – в случае затруднений мы сразу же придем тебе на помощь. Кстати, если ты встретишь значок *, значит, тебе попался еще один фразеологизм, который ты тоже можешь найти в нашем словаре. А если ты относишься к людям, которые всегда хотят знать чуточку больше остальных, то загляни в рубрику «Для самых любознательных».*

Таким образом, прием формирования гипертекстовой структуры словаря предполагает взаимосвязь и взаимообусловленность компонентов внутри каждой словарной статьи, а также систему отсылок и переходов между отдельными словарными статьями, отраженными в них фразеологизмами и культурными реалиями. Осваивая определенный фразеологизм, читатель с помощью отсылок может перманентно активизировать и углублять знания об изученных фразеологизмах, а также параллельно «вскрывать» и другие пласты русской культуры, что усиливает культурно-познавательный эффект словарного гипертекста.

Эта лингвокультурологическая ориентация словаря, его страноведческая ценность также показана в Предисловии: *Наш словарь - это фразеологическое «окно», открывая которое, ты будешь знакомиться с культурой и историей России, узнавать много нового и интересного о великих и знаменитых людях, о растениях и животных, о современных видах спорта и даже о чудесах. Конечно, до энциклопедии ещё далеко, но для весёлого познавательного справочника – в самый раз.*

Уже в Предисловии адресату словаря предлагается формат познавательной компьютерной игры, уровни которой – рубрики словарной статьи. Прочитав заголовок с комментариями, читатель проходит первый уровень освоения

фразеологизма. Познакомившись с иллюстративными контекстами, получает навыки адекватного восприятия фразеологизма в различных коммуникативных ситуациях (*А это значит, что в режиме словаря тебе удалось пройти второй уровень нашей фразеологической игры и абсолютная победа близка. Осталось совсем немного – научиться употреблять фразеологизм в речи так, чтобы тебя всегда и везде слушали с большим интересом*).

Стимулируют познавательную активность читателя и включенные в словарь специальные задания еще одной интерактивной игры - «Фразеологического калейдоскопа», условия которой также изложены в Предисловии к словарю.

Метатекст Предисловия представляет и другую разновидность метатекста, используемого на уровне макроструктуры словаря: *Кстати, не пропускай сноски (одна из них уже дана к слову **калейдоскоп**). Сноски, как экскурсоводы, не дадут тебе «заблудиться» в нашем словаре и расскажут тебе много нового и интересного*.

Компонентом макроструктуры словаря может также стать тематический указатель фразеологизмов, который обеспечит еще одно «вхождение в материал словаря» [Котова 1998: 44], а также станет первым шагом в репрезентации фразеологических концептов, изучение и структурирование которых базируется на тематической классификации фразеологии [Гоннова 2007; Мелерович, Мокиенко 2007; Суховий 2007; Никитина 2009].

Микрокомпозиционный лексикографический параметр Ю.Н. Караулов определяет как «некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами – это особое словарное представление структурных черт языка» [Караулов 1981: 52].

Отдельному параметру или группе параметров соответствует структурный элемент словарной статьи – параметрическая зона. В нашей концепции структура статьи интерактивного учебного фразеологического словаря складывается из традиционных для лексикографии параметрических зон, а также но-

вых компонентов, введенных с учетом новых задач учебной репрезентации фразеологизма. Такого рода статьи относят к «нестандартизированным» [Смологина 2007: 36].

Сложность реализации нашего замысла заключается в необходимости учета как лингвистических, так и психологических факторов. К первым относится специфика смысловой структуры фразеологизмов, которая определяется их внутренней формой и требует адекватного отражения в словарных дефинициях [Мелерович, Мокиенко 2008: 213], особенности функционирования фразеологизмов в живой речи и их культурный фон, который должен получить исчерпывающий историко-этимологический комментарий. Ко вторым – наглядно-образный тип мышления младших школьников, который, с одной стороны, обуславливает многочисленные ошибки-«буквализмы» на уровне восприятия фразеологизма, неудачные попытки «расшифровки» внутренней формы, ведущие к трансформации оборота, а с другой стороны, позволяет эффективно использовать игровые приемы для активизации коммуникативно-познавательной деятельности в процессе обучения.

Практическое решение проблемы комплементарного взаимодействия данных факторов было найдено через сопряжение параметрических зон словарной статьи с этапами процесса прочного усвоения фразеологизма (первичное ознакомление с фразеологизмом; осмысление механизма образования фразеологизма и формирования его этнокультурного фона; закрепление историко-этимологического материала; ознакомление с особенностями функционирования фразеологизма в практике речевого общения (на уровне наблюдения); активизация фразеологизма, введение его в практику речевого общения; активное использование фразеологизма в речи).

Наш подход согласуется с мнением Е.П. Ивановой, которая пишет о том, что полнота и исчерпанность словарной статьи обусловлена не только типом и направленностью словаря, но также в большой степени временным фактором, а именно «духом и воздухом» той эпохи, в которую словарь концептуально задумывается, рождается и материализуется [Иванова 2010: 49], а также с выска-

зыванием М.В. Резуновой, считающей словарную статью творением автора словаря [Резунова 2008: ЭР].

Таким образом, словарная статья строится с учетом новых задач учебной репрезентации фразеологизма и включает следующие параметрические зоны:

1. Заголовочная зона, выделенная рамкой и объединяющая несколько лексикографических параметров: фразеологизм-вокабулу с его вариантами и указанием синтаксической валентности, дефиницию, эмотивно-оценочные и функционально-коммуникативные комментарии ⇔ первичное ознакомление с фразеологизмом.

2. Историко-этимологический комментарий в виде текста-исследования, представленный рубрикой «Справочная фразеологическая служба» ⇔ осмысление механизма образования фразеологизма и его этнокультурного фона.

3. Текст-резюме о развитии фразеологического значения ⇔ закрепление историко-этимологического материала.

4. Специально сконструированные или отобранные из литературных источников иллюстрации для распознавания ФЕ (рубрика под названием «Фразеологический наблюдательный пункт») ⇔ ознакомление с особенностями функционирования фразеологизма в практике речевого общения (на уровне наблюдения).

5. Тексты-задания с учебными речевыми ситуациями («Речевая рубрика») ⇔ активизация фразеологизма, введение его в практику речевого общения.

6. Приложения, образующие рубрику «Фразеологическая переменка» (сюда включены «Минутка здоровья», «Творческая мастерская», «Детский фольклор», «Смехотерапия») ⇔ активное использование фразеологизма в речи (в том числе в условиях творчества).

«Проходя» все уровни работы над фразеологизмом, представленные рубриками словарной статьи, ребенок получает речевое, интеллектуальное и культурное «удовольствие» (по А. Маслоу) и каждый раз присваивает себе новое культурно-языковое пространство. Пути достижения этого результата в каждой рубрике разные, но все они обеспечиваются интерактивностью словарного тек-

ста, создаваемой за счет занимательной фабулы, которую «достраивает» сам читатель, различных игровых «стимуляторов», бонусов, которые получает адресат по ходу чтения, а также предоставления ему свободы в выборе объема осваиваемой информации (рубрика «Для самых любознательных» и цветовое выделение опорной информации), обратная связь читателей с авторами словаря по электронной почте (dety-frazeologiya@ya.ru) и др.

При этом нельзя не отметить информативную и организующую роль метатекста на уровне микроструктуры словаря, обеспечивающую успешность реализации задач словаря.

По словам Р. Якобсона, «...метаязыковые операции составляют важнейшую и неотъемлемую часть речевой деятельности, позволяя при помощи парфразы, синонимии или же посредством эксплицитной расшифровки эллиптических форм обеспечить полноту и точность общения между собеседниками» [Якобсон 1977: 162 -163]. Для каждой параметрической зоны словарной статьи используется определенная технология конструирования лексикографического метатекста: технология семантизации, этимологизации, коммуникативно-функциональной параметризации и др. Они будут детально рассмотрены в Главах 2 и 3.

По мнению М.А. Бобуновой, одним из перспективных направлений современной лексикографии является разработка комплексных словарей, где словарные единицы получают подробную характеристику по многим параметрам, в результате чего создается многоаспектный лексикографический портрет слова [Бобунова 2009: 129].

Именно такой «многоаспектный лексикографический портрет», согласно нашей концепции, получает фразеологизм в комплексном учебном словаре, макро- и микроструктура которого была представлена выше. Только комплексный подход в учебной фразеографии для младших школьников позволит реализовать цель словаря – гарантированное усвоение ребенком фразеологизма (понимание его семантики, осмысление внутренней формы, корректное употребление в речи).

К сожалению, большинство отечественных учебных фразеологических словарей для младших школьников нельзя характеризовать как комплексные. Помимо семантизации фразеологического оборота они, в лучшем случае, содержат лишь этимологическую справку (о качестве разработки этих параметров будет сказано ниже) [Волина 2001; Ушакова 2004; Волков 2009; Томашевская 2009; Недогонов 2012].

Помимо создания комплексного учебного фразеологического словаря возможно и иное решение проблемы многоаспектной репрезентации ФЕ – разработка комплекса учебных словарей, которые условно можно квалифицировать как «аспектные». Концепция такого словарного комплекса с рабочим названием «Фразеология для детей» будет представлена в следующем разделе диссертации (1.4)

1.4. Аспектная репрезентация фразеологизмов в рамках словарного комплекса «Фразеология для детей»

Приступая к рассмотрению аспектной репрезентации фразеологизмов в рамках словарного комплекса «Фразеология для детей» и типов словарей, входящих, согласно нашей концепции, в данный комплекс, остановимся на проблемах типологизации фразеологических, в том числе учебных словарей.

В.А. Козырев и В.Д. Черняк отмечают, что «проблема типологии словарей является одной из важнейших в теории лексикографии, поскольку позволяет не только осмыслить уже осуществленное, но и прогнозировать создание новых типов словарей, определять характер лексикографических проектов, стимулировать усилия лексикографов в разных направлениях» [Козырев, Черняк 2004: 30].

Для нас важно и разграничение типологии и классификации словарей, в частности, определение типологии как выделения определенных категорий, образцов словарей и их описания, а классификации – как распределения по классам, группам и разрядам словарей обнаруженных типов [Бытева 2012: 13].

Проблема выявления типов учебных фразеологических словарей для младших школьников включается в общую проблему словарных типологий и классификаций, которые, по данным современных исследователей [Табанаква, Сивакова 2003; Иванищева 2005; Колесникова 2008; Рублёва 2009; Влавацкая 2011; Бытева 2012], недостаточно проработаны. В работах этих и других авторов представлены и проанализированы различные типологии и классификации словарей, среди которых:

- типология, основанная на оппозициях: в частности, словарь академического типа – словарь справочник; энциклопедический словарь – общий словарь и др. [Щерба 1974];
- типология, соотносящая с моделью языкового сознания, согласно которой «словари общего типа должны быть своего рода моделью действительно наивного языкового сознания, а словари научные – быть адекватными и наивному слою языкового сознания профессионала и более глубинной части этого сознания, то есть особому профессиональному чутью» [Фрумкина 1989: 45];
- типология филологических словарей по «что-основанию» (объект словарного описания), «как-основанию» (способ обнаружения информации), «для кого основанию» (специфика словаря в связи с образом адресата, его национальными, возрастными, профессиональными и иными особенностями) [Морковкин 1994];
- классификация, основанная на параметрическом принципе описания словарей [Караулов 1981], [Городецкий 1983], [Козырев, Черняк 2004];
- классификация, основанная на сочетании фасетного и параметрического принципа представленная в виде групп лексикографических параметров, объединенных по трем большим основаниям (элементы авторской установки, элементы макрокомпозиции, элементы микрокомпозиции) с последующими подразделениями [Гринев 1990];
- классификация, основанная на различных сочетаниях левой и правой сторон словаря [Цывин 1978];

- фасетная классификация, основанная на выделении типа словаря по соответствующему набору признаков, заданному такими фасетами, как: 1) принцип определения значения единиц словника: энциклопедический, филологический, энциклопедично-филологический словарь; 2) способ организации лексики: алфавитный, гнездовой и т.д.; 3) объем словника: большой, малый и т.д. и др. [Роменская 1978: 181-188]. Сюда же можно отнести и разветвленную классификацию В.В. Дубичинского, разработанную на основе обобщения всех известных классификаций по следующим дифференцирующим основаниям: количество описываемых языков, охват лексики, объем словника словаря, оформление и детализация информации о языковой единице, функциональная направленность словаря, порядок подачи лексического материала, культурологическая точка зрения [Дубичинский 2009: 69-71]).

В.Д. Табанакова и Н.А. Сивакова пишут о том, что основная задача теории лексикографии сегодня – не столько создание универсальной классификации, сколько разработка методов описания каждого отдельного словаря как типа и выработка обоснований и требований соответствия определенного метаязыка тому или иному типу словаря [Табанакова, Сивакова 2003: 119]. В.А. Козырев и В.Д. Черняк также отмечают, что современное «наполнение» каждого типа словарей заслуживает специального рассмотрения [Козырев, Черняк 2004: 12].

При описании «наполнения» типов словарей, составляющих, согласно нашей концепции, комплекс «Фразеология для детей», мы будем использовать подход В.А. Козырева и В.Д. Черняк, согласно которому, тип словаря определяется основной информацией, которую он содержит, его общим назначением [Козырев, Черняк 2004: 30].

Наша концепция аспектизации словарной репрезентации ФЕ младшему школьнику (толково-этимологический словарь, фразеологический словарь в рассказах, фразеологический словарь-практикум) предполагает распределение по данным словарям фразеографических параметров комплексной словарной статьи с усилением акцента на тех или иных существенных для данного аспекта

параметризации свойствах ФЕ и в строгом соответствии с этапами процесса усвоения фразеологизма ребенком, особенностями формирования его фразеологической компетенции.

Так, цель толково-этимологического словаря – раскрыть механизм фразеомообразования конкретной ФЕ как знака языка и культуры, обеспечить осмысление школьником становления фразеологического значения, его этнокультурного фона. Для этого в зависимости от механизма фразеологизации словосочетания-прототипа были разработаны различные модели этимологизации ФЕ (они будут рассмотрены в главе 3).

Тексты, представляющие собой развернутые историко-этимологические комментарии, следуют за заголовочной зоной словарной статьи. Благодаря особой организации историко-этимологического, лингвокультурологического и лингвокраеведческого материала читатель, поставленный автором в позицию активного исследователя, как бы сам раскрывает все «потенции» фразеологизма (семантику прототипа, культурно-исторический контекст фразеомообразования, символику образного стержня ФЕ) и тем самым становится «свидетелем» или непосредственным участником процесса «рождения» фразеологизма.

Этому способствует и наличие интриги в раскрытии истории происхождения фразеологизма, создаваемой посредством многофункционального содержания диалога между авторами и ребенком-читателем (... *Сейчас мы отправляемся искать фразеологические сокровища! Ведь мы с тобой – фразеологические кладоискатели. Вот тебе фразеологическая лопата, пошли. Карту брать не надо, потому что клад зарыт в самом фразеологизме. Его нужно только суметь найти ...*), а также комплементарного текстово-оформительского решения композиции словарной статьи (рисунки, схемы, графические выделения и т.п.). Обязательное условие успешности в достижении цели, поставленной автором, - опора на личный опыт ребенка (... *Ну что же, давай займёмся фразеологизмом **отрезанный ломоть**. Предлагаешь отрезать ломоть от батона, намазать маслом и съесть? Мысль хорошая. Отрезай. <...> Что? Ты уже хочешь дыни и не хочешь хлеба с маслом? А что же нам делать с отрезанным*

ломтем? Оставить? Посмотри, что с ним станет через некоторое время (Цветная фотография заплесневевшего ломтя хлеба). <...> Ты беспокоишься о нашем отрезанном ломте и, чтобы он не испортился, предлагаешь приставить его обратно к батону? Ну что же, попробуй. Не получается? Действительно, **отрезанный ломоть к хлебу (к караваю) не приставишь.**

Реализуя в процессе лексикографического конструирования личностно-ориентированный подход, мы предоставляем ребенку свободу в выборе объема осваиваемой информации (рубрика «Для самых любознательных»), например, в статье «Отрезанный ломоть» она по ходу статьи раскрывает культурный фон пословицы: ... <...> Действительно, **отрезанный ломоть к хлебу (к караваю) не приставишь.** Это пословица. Раньше на Руси так говорили про дочь, вышедшую замуж и ушедшую из родительского дома в семью мужа. Таковы уж были русские традиции.

«ДЛЯ САМЫХ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ»

В старину на Руси говорили: «Девочку в колыбельку, холст²инку² (в сносах дается толкование слова с элементами лингвокультурологического комментирования) в коробейку». Смысл этой поговорки заключается в том, что приданое³ русской крестьянки, без которого она не могла достойно выйти замуж, собирали с самого её рождения, то есть сразу начинали готовиться к уходу дочери из родительского дома. До середины XIX века приданое складывалось в лубя⁴ные плетеные коробка, коробки, коробейки, позднее – в деревянные сундуки, украшенные резьбой, росписью, металлическими накладками. Размеры приданого согласовывали с роднёй жениха. А от жениха девушке перед свадьбой приносили обязательный подарок – расшитые шёлком сапожки, чтобы она готовилась уйти из родного дома.

² Холст²инка – легкая льняная ткань, холст.

³ Приданое – имущество, которое невеста забирала с собой из родного дома.

⁴ Лубяной – сделанный из луба – тонкой древесной коры.

Разноаспектная культурная информация, включенная в словарную статью, помогает ребенку не только глубже понять внутреннюю форму фразеологизма, но и обеспечивает более широкое поле ассоциаций, на основе которых происходит тропеическое переосмысление прототипа. Например, в той же словарной статье, где раскрывается символика хлеба, семейные ценности и, к тому же, реализуется воспитательный момент:

Хлеб с давних пор – не просто традиционная русская пища, но и нечто большее: за ним стоит тяжёлый труд тысяч людей, которые выращивали рожь и пшеницу, собирали урожай, мололи зерно, работали в пекарне.

Хлеб – всегда был символом благополучия. Древняя русская примета предупреждает: нельзя выбрасывать хлеб. Кто так поступит, тот узнает в жизни и голодные времена. По русскому обычаю самых дорогих, почётных, знатных гостей, молодожёнов, новосёлов приветствуют караваем чёрного хлеба и солью, которые выносят на полотенце или подносе.

Вот мы с тобой и раскопали первое золотое правило-сокровище, которое гласит: УВАЖАЙ ХЛЕБ! < ... >

<...> Позже отрезанным ломтем стали называть и сына, отделившегося от родителей. С особой горечью и сожалением так говорили о сыне престарелые родители, которым нужна была его помощь, ведь с каждым годом им становилось все труднее вести крестьянское хозяйство.

Сейчас всё по-другому. После свадьбы молодожёны могут жить и в доме невесты, и в доме жениха. Но большинство молодых семей, чтобы самостоятельно строить свою жизнь, предпочитают жить отдельно, не забывая при этом навещать своих родителей.

*Вот мы с тобой и выяснили, почему фразеологизм **отрезанный ломоть** означает человека, порвавшего связь с родными. А заодно и нашли между строк ещё одно золотое правило-сокровище: НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙ СВОИХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ!*

Возвращаясь к прямому значению словосочетания-прототипа (этот момент содержательно также организован с ценностной ориентацией), читатель

имеет возможность еще раз почувствовать семантическую двуплановость выражения перед тем, как вместе с автором сделать вывод о происхождении ФЕ:

А теперь возьми наш отрезанный ломоть. Преломление хлеба перед общей трапезой (едой) объединяет людей. Давай разделим ломоть пополам и съедем. Да, правда, очень вкусно. Ведь вкус разделённого хлеба не сравним ни с чем.

 А в истории происхождения нашего фразеологизма выделим главное: его источником была пословица **Отрезанный ломоть к хлебу (каравану) не приставишь**. Так говорили о вышедшей замуж дочери, а позднее **отрезанным ломтем** стали называть и отделившегося от семьи сына, и любого человека, который отделился или собирается отделиться от семьи или от какого-то коллектива, с которым раньше поддерживал тесную связь.

Этимологическая информация присутствует в каждом типе словарей, входящих с комплекс «Фразеология для детей». Во «Фразеологическом словаре в рассказах» она вплетена в сюжетную линию истории, которую излагают «авторитетные» рассказчики (подробнее о приеме этимологического парафразирования «авторитетный рассказчик» - см. раздел 3.3.): мастер Профи (фразеологизмы, происхождение которых связано с различными профессиональными сферами), инженер Сантиметренко (ФЕ, с наименованиями метрических мер), экскурсовод Раскопкин (ФЕ, отражающие русскую историю), повар Сгущенкин (ФЕ с наименованиями блюд русской кухни) и т.п.:

Привет, это снова я, повар Сгущёнкин, с очередной кулинарной историей.

Зашёл тут ко мне на днях приятель – капитан дальнего плавания, опытный, бывалый человек. (ПОРТРЕТ КАПИТАНА) Бури, штормы, северные льды прошёл, от пиратов уходил, от акул спасался. Недаром друзья называют его тёртым калачом.

- Я вот все время думаю: при чём же тут калач? Это ведь булка такая, на висячий замок похожа. Её что, на тёрке натирают? – это он меня как специалиста-кулинара спрашивает. (РИСУНОК КАЛАЧА)

А я и говорю: «Пойдём-ка, Петрович, на кухню, приготовим тёртый калач по всем правилам. Я давно хотел этот старинный рецепт испробовать». Достал пачку муки, сито Петровичу дал. Он муку просеивает, а я на сковородке ее подсушиваю. Напомнил Петровичу пословицу: Много муки перенесёт пиеница до калача, а он только головой кивает да руками работает. Потом стали тесто готовить, а это целая история. Чтобы мякиш у калача был пористым, а сам калач – пышным и аппетитным, тесто нужно долго перемешивать, мять и тереть на специальной доске. Вот и пословица об этом говорит: Не тёрт, не мят – не будет калач.

Часа два мы с Петровичем это тесто мяли и тёрли, тёрли и мяли, тёрли и мяли, а потом снова тёрли. Но на этом «приключения» нашего будущего калача не закончились. Чтобы стать ещё вкуснее, он отправился в холодильник, а основательно помёрзнув, попал в духовку, разогретую до 200 градусов!

А когда мы пили чай с калачом, мой приятель сделал вывод: опытный, бывалый человек проходит много жизненных испытаний, как тёртый калач на пути от муки до обеденного стола. Это сравнение и лежит в основе фразеологизма. А уходя, подмигнул мне: «Ты тоже тёртый калач: и повар, и фразеолог, и организатор. Как ловко подключил меня к своему кулинарному эксперименту! Один бы ещё долго возился».

Вторая задача Словаря в рассказах, как и иллюстративной рубрики в комплексном словаре, – показать особенности функционирования ФЕ в тексте, его семантико-грамматические свойства (при этом у адресата словаря - ребенка развиваются рецептивные навыки владения фразеологическим материалом). Соответствующую установку он получает во Вступлении:

... <...> Читая словарь, ты не только узнаешь историю происхождения фразеологизмов, но и увидишь, как они употребляются в современной речи – в монологе рассказчика (читай его внимательно, чтобы ничего не пропустить!), в диалогах героев, в стихах и частушках, в новостях на нашем фразеологическом сайте – все это включено в словарную статью. Причём, каждый раз ты

можешь себя проверить: главная информация о развитии фразеологического значения выделена цветом.

Этимологическую справку включает и статья «Детского фразеологического словаря-практикума». Она более лаконична, по сравнению с толково-этимологическим словарем, и следует непосредственно за заголовочной зоной:

<...> Изношенная обувь с полуоторванной подошвой напоминает раскрытый рот, как будто ботинок просит каши (рисунок). Отсюда и шутливый образ фразеологизма <...>.

Цель «Детского фразеологического словаря-практикума» - раскрыть коммуникативно-прагматический потенциал ФЕ, обеспечить освоение фразеологизма ребенком, как в плане восприятия, так и при продуцировании речи.

Собственно тренировочная часть словарной статьи складывается из нескольких рубрик. При конструировании учебных текстов рубрики «Фразеологический наблюдательный пункт» (с заданиями рецептивного характера) мы отошли от традиционного во фразеографической практике ограничения объема иллюстрации до одного-двух предложений. Такое сокращение содержания иллюстрируемого концепта до объема понятия, по мнению Н.В. Размахниной, нарушает основной принцип описания идиом - принцип контекста и лишает пользователя возможности выйти за пределы данной дефиниции и данного примера [Размахнина 2003: 7].

При конструировании текстов-иллюстраций мы учитывали основные требования к подбору «оправдательных примеров-цитат» во фразеологическом словаре, а именно: «а) убеждать в действительном существовании у фразеологизма того значения, которое формулируется в определении; б) демонстрировать синтаксические связи и лексические отношения, характерные для того или иного фразеологизма; в) содействовать лучшему осмыслению значения фразеологизма, помогая этим его толкованию; г) показывать иллюстрируемый фразеологизм в наиболее типичном для него лексикографическом окружении, выявляя его принадлежность к той или иной сфере употребления (диалогическая речь, просторечие, шутливо-иронический контекст и т.п.); д) оправдывать ту

стилистическую квалификацию, которая предполагается словарем для того или иного фразеологизма» [Бабкин 1964: 30].

Лингвокультурологический и шире – культурно-познавательный аспект репрезентации материала реализуется в текстах-иллюстрациях, которые знакомят маленького читателя с культурой и историей России, открывают интересные факты из жизни животных и растений, воспитывают нравственные качества и т.д.

Следующая рубрика под условным названием «Речевая лаборатория» включает тексты-задания с учебными речевыми ситуациями. Для активизации фразеологизма и введения его в практику речевого общения мы предлагаем ребенку «принять» ту или иную роль (психолог, детектив, врач, вождь индейского племени и т.д.). Все задания рубрики привязаны именно к той роли, которую выполняет ребенок, и к той речевой ситуации, в которую он попадает. Успех выполнения задания обеспечивается за счет ситуативного контекста, а также скрытых подсказок, намеков на ответ в формулировках вопросов. Это обусловлено необходимостью «дистанционного» управления речевой деятельностью ребенка и гарантирует порождение высказываний с использованием фразеологизмов во внутренней речи, что в дальнейшем даст возможность актуализировать их и во внешней речи. Таким образом, младший школьник осознает роль словаря как средства контроля своей коммуникативной деятельности.

«Пройдя» все уровни работы над фразеологизмом, ребенок получает дополнительную возможность самоактуализироваться и испытать всплеск положительных эмоций, работая с материалами «Фразеологической перемены», состоящей из различных рубрик - «Детский фольклор», «Минутка здоровья», «Творческая мастерская» и др. (одной из них завершается словарная статья). Здесь читателю предлагается иллюстративный контекст второго уровня, где фразеологизм, предъявляемый на фоне творческого задания, не связанного с развитием речи, должен быть опознан и /или употреблен вне учебной речевой ситуации:

*<...> Если значение фразеологизма **как (будто) ариин проглотил** тебе понятно, ты легко выполнишь упражнение на релаксацию «Оловянный солдатик и тряпичная кукла». Изображая оловянного солдата, встань, словно ты ариин проглотил. Сожми пальцы в кулак, сосредоточь внимание на напряжении в мышцах рук, ног и корпуса. ... <...> («Минутка здоровья» в статье «Как (будто) ариин проглотил»)*

<...> О-о-о... Словарь отложен в сторону, ты зеваешь и уже плохо сообщаем? Это первые ласточки утомления. Сразу же начинай с ними бороться. К тебе на помощь летит «Минутка здоровья» вместе с упражнением «Ласточка»: на счет «раз» разведи руки в стороны, «два» - подними левую ногу назад, «три» - стоя на правой ноге, наклоняй туловище вперед, левая нога при этом будет подниматься все выше, «четыре» - зафиксируй равновесие, «пять – шесть – семь» - удерживай равновесие, «восемь» - вернись в исходное положение. Надеемся, что эта твоя первая «ласточка» - станет первой ласточкой твоих будущих гимнастических достижений. («Минутка здоровья» в статье «Первая ласточка»).

Согласно нашей лексикографической концепции, заголовочная зона словарной статьи комплексного учебного фразеологического словаря и каждого из «аспектных» словарей, входящих в комплекс «Фразеология для детей», складывается из одних и тех же компонентов (фразеологизм-вокабула, дефиниция, эмотивно-оценочные и функционально-коммуникативные комментарии) и оформляется единообразно:

ТЁРТЫЙ КАЛАЧ

Опытный, бывалый человек, который не даст себя обмануть и всегда найдет выход из трудного положения.

Употребляется в разговорной речи.

Говорится шутливо или неодобрительно.

ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМО́ТЬ

Человек, который отделился или собирается отделиться от семьи или от какого-то коллектива, с которым раньше поддерживал тесную связь.

Употребляется в разговорной речи.

Обычно говорится с сожалением.

(Кто) КАК (БУДТО) АРШИН ПРОГЛОТИЛ

(Кто-то) держится неестественно прямо, скованно.

Употребляется в разговорной речи.

Говорится неодобрительно.

Как уже отмечалось, обязательным для каждого типа словаря является и этимологический параметр, разработанный с различной степенью полноты. Таким образом, помимо основной цели – определенного аспекта репрезентации ФЕ, каждый словарь представляет читателю блок основной информации о фразеологизме. Это особенно важно в том случае, если словари единого фразеологического комплекса разрабатываются на разном фразеологическом материале, что представляется целесообразным с лингвометодической точки зрения.

Комплексный учебный фразеологический словарь и каждый из словарей комплекса «Фразеология для детей» может быть снабжен комментариями на иностранном языке, адресованными детям, для которых русский язык не является родным. Возможности привлечения родного языка учащихся при конструировании словарной статьи будут рассмотрены в разделе 3.2.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Современные тенденции в сфере учебной фразеографии определяются антропоцентрическим подходом к разработке языкового материала, что предполагает учет фактора адресата, в том числе его пользовательского запроса, уровня обучения и т.п. Наметившаяся в лексикографии в целом тенденция к стиранию граней между лингвистическими и энциклопедическими словарями актуальна и для учебной фразеографии, где усиливается лингвокультурографический компонент словарной статьи, за счет чего повышается ее информационная насыщенность, складывается комплексный характер, что особенно значимо для учебного словаря как средства формирования языковой личности члена современного информационного общества.

Тем не менее, фразеологические словари, адресованные детям младшего школьного возраста не всегда строятся с учетом современных требований и принципов антропоцентрической лексикографии.

Этим был обусловлен поиск новых технологических подходов к словарной разработке фразеологического материала, который привел к оформлению концепции учебного фразеологического словаря, комплексно репрезентирующего фразеологизм и представляющего собой интерактивный гипертекст, что является инновационной формой репрезентации фразеологизмов.

В отличие от инновационных лексикографических технологий, реализуемых при создании электронных словарей, метод дискурсивного гипертекстового конструирования, представленный в диссертации, направлен на создание инновационного словарного продукта в бумажном формате, как того требует принцип учета фактора адресата (здоровьесберегающее ограничение времени пребывания ребенка за компьютером, замена компьютерных игр другим познавательным досугом). В соответствии с этим же принципом необходимо учитывать особенности типа памяти и типа восприятия информации современными детьми, все чаще имеющими дело с экранными интерактивными текстами (мо-

нитор компьютера, мобильный телефон). Отсюда – авторская установка на интерактивность словаря.

Технологическими приемами, обеспечивающими интерактивность книгопечатного словарного издания стали: диалогизация фразеографического текста (персонификация автора, обращенность к читателю, постановка читателя в позицию активного исследователя, соавтора, возможность обратной связи); использование метатекста, гармонизирующего диалог с читателем, как на уровне макроструктуры словаря (предисловие, сноски и др.), так и в рамках каждой из параметрических зон словарной статьи (от лаконичных пояснений до развернутых комментариев); гипертекстовое структурирование словаря (использование системы отсылок и переходов между отдельными словарными статьями, отраженными в них фразеологизмами и культурными реалиями) и каждой словарной статьи (отсылки читателя к текстам художественной литературы и русского фольклора, к тем или иным разделам учебных предметов начальной школы и др. с целью извлечения необходимой информации); использование игровых приемов конструирования лексикографического текста, в частности, придания ему характера близкой детям интерактивной компьютерной игры с «прохождением» разных уровней освоения фразеологизма и возможностью создания индивидуального маршрута для знакомства с русской фразеологией и русской культурой.

Отбор материала с учетом фактора адресата осуществляется из учебников русского языка для начальной школы по основным учебным программам, из произведений детской литературы, рекомендованных для изучения в начальной школе, исследований детской речи, записей живой детской речи.

Концепция интерактивной гипертекстовой репрезентации ФЕ реализуется в комплексном учебном фразеологическом словаре.

Его макроструктура включает предисловие, обращенное к читателям и открывающее диалог «автор – адресат», словарные статьи, алфавитный указатель, облегчающий читателю поиск словарной статьи (особенно - при стержневом расположении материала), список источников, подтверждающий научную

достоверность словарного текста и открывающий для читателя возможность расширения фразеологического кругозора.

Структура статьи интерактивного учебного фразеологического словаря складывается из традиционных для лексикографии параметрических зон, а также новых компонентов, введенных с учетом новых задач учебной репрезентации фразеологизма: 1/ заголовочная зона, объединяющая фразеологизм-вокабулу с вариантными компонентами и указанием синтаксической валентности, дефиницию, эмотивно-оценочные и функционально-коммуникативные комментарии; 2/ историко-этимологический комментарий в виде текста-исследования; 3/ текст-резюме о развитии фразеологического значения; 4/ специально сконструированные или отобранные из литературных источников иллюстрации для распознавания фразеологизма в тексте; 5/ тексты-задания с учебными речевыми ситуациями; 6/ приложения с заданиями творческого характера (рубрика «Фразеологическая переменка»).

Отличительной чертой микроструктуры словаря является сопряжение данных параметрических зон с этапами процесса усвоения фразеологизма (первичное ознакомление с фразеологизмом; осмысление механизма образования фразеологизма и формирования его этнокультурного фона; закрепление историко-этимологического материала; ознакомление с особенностями функционирования фразеологизма в практике речевого общения (на уровне наблюдения); активизация фразеологизма, введение его в практику речевого общения; активное использование фразеологизма в речи).

Механизм целенаправленного воздействия на адресата-ребенка осуществляется в соответствии с авторской установкой на поддержание у адресата положительной мотивации к изучению фразеологии. Успех адекватного восприятия комплексной репрезентации фразеологизма обеспечивается за счет соблюдения последовательности, этапности «прохождения» ребенком уровней-рубрик и включения «скрытых подсказок» в каждую словарную статью. Система практико-ориентированных речевых ситуаций употребления ФЕ способствует формированию фразеологической компетенции младшего школьника.

Многоаспектная репрезентация фразеологизма (семантико-грамматические свойства, особенности функционирования, история происхождения и культурный фон) может быть реализована и комплексом учебных фразеологических словарей, включающем толково-этимологический словарь, фразеологический словарь-практикум, фразеологический словарь в рассказах. Комплексный учебный фразеологический словарь и каждый из словарей комплекса «Фразеология для детей» может быть снабжен комментариями на иностранном языке.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

2.1. Исходная форма ФЕ как заголовок статьи учебного фразеологического словаря

2.1.1. Проблемы определения базовой фразеоформы в морфологической парадигме фразеологизма

Использование инновационных лексикографических технологий не снижает актуальности таких проблем словарной практики, как определение исходной формы ФЕ и структурирование заголовочной зоны статьи.

Вопрос о корректном определении исходной формы фразеологизма и адекватном ее отображении в роли заголовочной единицы был поставлен еще А.И. Молотковым во Вступлении к «Фразеологическому словарю русского языка», ведь именно с этой формой должны соотноситься семантико-грамматическая характеристика фразеологизма – глагольного, именного, адвербиального, глагольно-пропозиционального [Молотков 1967: 11-12].

Исходная форма ФЕ – это та фразеоформа, которая может считаться базой для всех (или некоторых) форм употребления данного фразеологизма, например, инфинитивная форма является исходной для личных форм глагольного фразеологизма, форма именительного падежа единственного или множественного числа – для субстантивных и адъективных и т.п. [БВН 1993: 22; ШФСРЯ 1989: 7-8; Жуков, Жукова 2009: 7].

Неизменяемые фразеологизмы даются составителями словарей в заголовочной части словарной статьи в той форме, в которой употребляются в языке: *во что бы то ни стало, ни дать ни взять* и т.п., частично изменяемые – в наи-

более типичной форме с возможным указанием немногочисленных парадигматических форм: *под стол пешком ходит* (*ходил, -ла, -ли*) [ШФСРЯ 1989: 7-8]. Подобные случаи оговаривают во вступительной статье к своему «Фразеологическому объяснительному словарю русского языка» А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский. По их данным, значительная часть русских глагольных идиом «употребляется в какой-то личной форме или даже исключительно в личной форме (не инфинитиве)». В таких случаях в качестве «словарного входа» (заголовок статьи) избирается эта личная форма [Баранов, Добровольский 2009, 18].

Однако установление принадлежности оборота к разряду изменяемых, частично изменяемых или неизменяемых фразеологических единиц может представлять определенные трудности для составителей словарей (*под стол пешком ходит* – ‘совсем маленький, малолетний’ или *под стол пешком ходить* – ‘быть совсем маленьким, малолетним’ при наличии фиксаций употребления ФЕ в речи с глагольными формами *ходите, ходишь* и др.?). В подобных случаях в качестве заголовка указывается наиболее употребительная, наиболее типичная фразеоформа, как правило, в соответствии с данными других фразеологических словарей [Фелицына, Мокиенко 1999: 12-13] и, безусловно, с данными теоретических разработок по фразеологии и фразеографии.

Невозможно упрекнуть в некорректности при выведении заголовочной формы ФЕ авторов академических словарей и учебных словарей для средней школы и студентов-иностранцев. Этими авторами являются, как правило, известные фразеологи-теоретики и опытные фразеографы-практики (В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, В.П. Фелицына, Н.М. Шанский, В.И. Зимин, Е.А. Быстрова, А.В. Жуков, Д.О. Добровольский, А.Н. Баранов, Р.И. Яранцев, Н.Ф. Алефиренко и др.), чего, к сожалению, нельзя сказать об авторах детских фразеологических словарей. Так, в «Большом фразеологическом словаре для детей» Т.В. Розе фразеологизмы, имеющие в своем составе глагольные формы прошедшего времени [*как*] *белены объелся, как в воду глядел*, представлены в заголовках статей в инфинитивной форме [Розе 2005: 13, 78, 183]. В «Уникальном иллюстрированном фразеологическом словаре для детей» С.А. Волкова, который, во-

преки вынесенному в заголовок указанию на уникальность, во многом повторяет произведение Т.В. Розе, в инфинитивной форме представлены обороты *как аришин проглотил* (здесь он дается как некомпаративный – *аршин проглотить*), *[как] белены объелся* (у С.В. Волкова – *белены объестся*), *как в воду канул* (у С.В. Волкова – *как в воду кануть*, толкование при этом не соответствует форме заголовка – ‘бесследно исчез, пропал’) [Волков 2009: 6, 11, 79]. Ср. также в словаре Н.В. Томашевской: *как в воду глядеть, будто воды в рот набрать* [Томашевская 2009: 31).

Г.М. Ставская, наоборот, недооценивает объем морфологической парадигмы фразеологизмов и выносит в заголовки статей фразеоформы прошедшего времени: *нос повесил, уши развесил* [Ставская 2002: 139, 197], в то время как в большинстве фразеологических словарей эти обороты представлены в форме инфинитива как изменяемые без ограничений.

Воплощая нашу лексикографическую концепцию, при выборе единственно верной формы заголовочной единицы (фразеологизма-вокабулы) мы ориентируемся на авторитетные отечественные фразеологические словари и восполняем недочеты, допущенные нашими предшественниками - составителями детских словарей: *Как (будто) аришин проглотил, Как в воду канул, Как в воду глядел, Вешать/повесить нос, Уши развесить* и т.п.

Отсутствие единого принципа расположения фразеологизмов-вокабул квалифицируется лексикографами как явление, «наносящее существенный ущерб практической лексикографии», а среди приемов словарной систематизации ФЕ выделяются: 1/ семантический (по семантически стержневому слову), 2/ синтаксический (по синтаксически ведущему слову), 3/ формальный, когда место фиксации ФЕ в словаре избирается условно в зависимости от частеречной характеристики полнознаменательных компонентов (обычно при этом ФЕ подается под существительным; если его нет, то под глаголом и т.д.) [Бушуй 1983: 3].

В настоящее время все чаще авторы-составители используют последний из перечисленных способов подачи материала во фразеологическом словаре

[БМС, Мокиенко, Никитина 2001; Мокиенко 2003; Мокиенко, Никитина 2008-а, б; Алефиренко, Золотых 2008; Баранов, Добровольский 2009]. Выбор опорного компонента прорабатывается детально и определяется следующей иерархией: существительное, прилагательное, наречие, числительное, глагол, местоимение, предлог, союз, частица, междометие [Баранов, Добровольский 2009] или же: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие [Мокиенко, Никитина 2001; Мокиенко, Никитина 2008-а].

Опорное существительное (прилагательное и т.п.) становится гнездовым, стержневым словом, под которым в словаре объединяется ряд фразеологизмов, расположенных по алфавиту форм этого слова, при их совпадении – по алфавиту первого компонента фразеологизма: ГОРА – Идти/ пойти в *гору*; На кудыкину *гору*, Сулить золотые *горы* [Алефиренко, Золотых 2008: 13]. Преимущества такой системы расположения материала состоят в следующем: стержневые слова, как правило, концентрируют в себе «образный смысл и экспрессивный потенциал» фразеологизмов. «На многие из таких стержней и «наматываются» все новые и новые образные выражения русского и других языков – достаточно открыть словарные гнезда под такими словами, как «Голова», «Нога», «Рука», «Волк», «Собака», чтобы в этом убедиться», - пишет В.М. Мокиенко [Мокиенко, Никитина 2008-а: 8].

Тем не менее, в отечественной академической фразеографии активно используется и алфавитный порядок расположения ФЕ [БФСРЯ 2009; Жуков, Жукова 2009], использование которого, тем не менее, несколько осложняют вариации первого компонента.

Алфавитный принцип последовательно используется в учебных лексикографических источниках для средней школы и студентов-иностранцев [Кохтев, Розенталь 1986; Жуков В.П., Жуков А.В. 1986; Быстрова и др. 1992; Шанский, Зимин, Филиппов 2001], как и частеречно-стержневой [Фелицына, Мокиенко 1990, 1999, 2002; БМС 1998, 2009].

Авторы детских словарей более или менее последовательны при реализации алфавитного расположения ФЕ [Волина 2001; Ставская 2002; Соболева 2007; Ушакова 2004; Розе 2005; Волков 2009].

Н.В. Томашевская предпринимает не совсем удачную попытку выделения во фразеологизмах опорных слов, которые «размещены в пределах каждой буквы в алфавитном порядке» [Томашевская 2009: 3]. Принцип определения опорных слов никак не комментируется, он крайне субъективен и базируется то на актуальной семантике оборота, то на образных доминантах ФЕ. Так, под буквой Е даются фразеологизмы: *Ездить* верхом, *Держать* в *ежовых* рукавицах, *Есть* сухой хлеб и т.п., под буквой Ж: *Ног не жалеть*, *Жать* на все педали, *Желторотый* юнец [Томашевская 2009: 68-69].

Согласно нашей концепции, фразеологизмы в учебных словарях для младших школьников должны располагаться в алфавитном порядке, таким образом, учитывается уровень языковой подготовки адресата словаря. Однако соответствующая инструкция может помочь адресату-ребенку справиться и со стержневым расположением материала, если авторы ставят лингвометодическую задачу расширения репертуара навыков пользования словарем в рамках формирования лексикографической компетенции адресата. В этом случае словарь снабжается и алфавитным указателем фразеологизмов.

2.1.2. Границы заголовочной фраземы и проблема слов-сопроводителей в практике учебной фразеографии

Границы фразеологизма-вокабулы определяются авторами-составителями фразеологических словарей в зависимости от их позиции по отношению к так называемым словам-сопроводителям, под которыми понимается строго определенный круг слов свободного употребления, благодаря которым осуществляется семантическая реализация фразеологизма в речи [Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987: 6-7; Жуков 1986: 19, 256-269; БВН 1993: 74].

Дискуссии о статусе слов-сопроводителей, проходившие в 70-80-е гг. XX века, выявили сторонников включения слов-сопроводителей в состав ФЕ (А.В. Кунин, А.Г. Назарян, В.М. Мокиенко и др.) и противников этой точки зрения (А.И. Молотков, В.М. Огольцев, В.П. Жуков и др.), которые не только в теоретических разработках, но и в лексикографических трудах представляли фразеологизм в полной либо усеченной форме. Однако и в последнем случае реальная лексикографическая практика потребовала представления слов-сопроводителей в зоне заголовка или в следующей за ним семантико-грамматической параметрической зоне словарной статьи [ФСРЯ 1976; Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987]. Это же характерно и для лексикографических источников самого последнего времени [Алефиренко, Золотых 2008; БФСРЯ 2009; Жуков, Жукова 2009].

Учебные словари для средней школы и иностранных учащихся реализуют эту же концепцию представления слов-сопроводителей:

КАК ГРИБЫ ПОСЛЕ ДОЖДЯ расти, появляться и т.п. **Похож, схож, походить КАК ДВЕ КАПЛИ ВОДЫ** ... [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 145].

ДУША В ДУШУ. ... С глаг. несов. и сов. вида: *жить, прожить*... **КАК ИЗ ВЕДРА** ... С глаг. несов. и сов. вида: *лить, полить, хлынуть* [Быстрова, Окунева, Шанский 1992: 83, 106].

КАК СОБАКА

1. *Бегать, мыкаться*, пребывая в непрерывных заботах, хлопотах.
- ... 4. *Дрожать* – от холода или от волнения.
- ... 5. *Жить* – плохо, в условиях крайней бедности, лишений, одиночества.
- ... 14. *Устать, измучиться, умяться*. о человеке. [Огольцев 2001: 615-618].

По утверждению В.П. Жукова, фразеологизмы типа *как осиновый лист, как божий день, до зубов* и т.п. являются несамостоятельными в смысловом отношении, семантически элементарными и аморфными. Функцию семантической конкретизации, контекстного уточнения этих информативно недостаточ-

ных фразеологизмов и выполняют слова-сопроводители, которые становятся как бы элементами значения фразеологизма [Жуков В.П. 1986: 145, 256-269]. Этим положением, высказанным одним из «разработчиков» теории слов-сопроводителей, руководствуются сторонники противоположной точки зрения [Никитина 1995: 23-24], представляющие фразеологизмы, в том числе компаративные, в полной форме, как, например, в «Большом словаре народных сравнений» [Мокиенко, Никитина 2008-б: 629 -633]: **Биться как собака.** *Брян., Пск. Неодобр.* О человеке, мучительно борющемся за существование, работающем из последних сил для обеспечения жизненного минимума. **Замёрзнуть (продрогнуть, застыть) как собака.** *Разг., Яросл. Неодобр.* Об очень сильно замерзшем, продрогшем до костей человеке. **Устать (измучиться, измотаться, набегаться, пристать.** *Разг. Пск., Томск., замориться. Пск.) как собака.* *Разг., Кар., Пск.* О чьей-л. крайней усталости, изнуренности, истощенности.

На наш взгляд, именно в таком «конкретизированном» виде семантически достаточные фразеологизмы и должны быть представлены в современной учебной лексикографии, что, например, реализуется в школьных фразеологических словарях В.П. Фелициной и В.М. Мокиенко: **Голодный (голоден, проголодался) как собака.** *Очень сильно проголодался; хочет есть. ... Жить как собака.* *О человеке, живущем безрадостно, неуютно...* [Фелицына, Мокиенко 1999: 258]. **Замёрз (продрог) как собака.** *Об очень сильно замерзшем, продрогшем человеке. ... Злой (зол) как собака.* *Об очень злом, ожесточенном или сильно рассерженном человеке. ...* [Фелицына, Мокиенко 2002: 458-459].

Авторы фразеологических словарей для младших школьников явно не вникают в проблематику слов-сопроводителей и не отличаются последовательностью в определении границ фразеологизма.

Фразеологизмы одного порядка представлены здесь то в полной, то в усеченной форме, то с заключенными в скобки словами-сопроводителями, что явно не способствует формированию у адресата адекватного представления о структуре и семантике ФЕ, например:

- в словаре В.В. Волиной (2001): а/ *попал как кур со щипка; ни бельмеса не понимает, ни зги не видно* и др.; б/ *где раки зимуют; как крысы с тонущего корабля; как вкопанный* и т.п.; в/ *к шапочному разбору (прийти)*;
- в словаре О.Д. Ушаковой (2004): а/ *прийти к шапочному разбору, ни зги не видно* и др. б/ *где раки зимуют; спустя рукава, засучив рукава* и т.п.; в/ *(кричать) во всю ивановскую; как кур во щипка (попасть)*;
- в словаре Т.В. Розе (2005): а/ *ни бельмеса не смыслить; показать, где раки зимуют; стоять как вкопанный* и т.п.; б/ *на всю ивановскую; к шапочному разбору; спустя рукава* и др.; в/ *ход конём (сделать)*;
- в словаре С.В. Волкова (2009): а/ *показать, где раки зимуют; не видно ни зги* и др.; б/ *во главу угла; во всю Ивановскую; до белого каления* и т.п.; в/ *в поте лица (работать)*;

По меньшей мере странно выглядит в учебном словаре непоследовательность в определении границ фразеологизмов, построенных по одной структурной или структурно-семантической модели, например, *со всех ног (бежать)*, *во все лопатки (бежать)* – с указанием слов-сопроводителей, но *во всю ивановскую*, *во всю прыть* – в усеченной форме; *засучив рукава (работать)*, но *спустя рукава* [Ставская 2002: 182, 28-30, 72, 183] и даже *быть не в духе* и *не в духе (быть)* в рамках одного и того же словаря [Ставская 2002: 19, 123].

Помимо непоследовательности во включении/невключении слов-сопроводителей в состав ФЕ авторы детских словарей не всегда единообразно определяют их место и способы экспликации в словарной статье. Ср. у Н.В. Томашевской:

[Узнать, знать] почем фунт лиха. ...

В три шеи [со словом *знать*]. ...

До нитки.

1. (со словом *промокнуть*) ...

2. (со словом *обобрать, ободрать; прокутить*) ... [Томашевская 2009: 192, 186, 129].

В наших коммуникативно ориентированных лексикографических разработках обязательное глагольное сопровождение наречных фразеологизмов передается строго единообразно: в зоне толкования соответствующий глагол (глаголы) указываются в скобках, что информирует читателя о ближайших сочетаемостных возможностях ФЕ и задает конкретную модель сочетаемости, которая реализуется в современной речи:

С ТРИ КОРОБА

Очень много (наговорить, наврать, наобещать чего-то кому-нибудь).

Каждый из оттенков значения ФЕ при такой подаче «слов-сопроводителей» получает свою собственную сочетаемостную характеристику, чего практически никогда не удавалось достичь составителям детских словарей:

ОТ А ДО Я

Полностью, от самого начала до самого конца, ничего не пропуская (изучить, прочитать что-нибудь); основательно, детально (знать что-то).

Многозначные ФЕ получают аналогичную сочетаемостную параметризацию по каждому из своих фразео-семантических вариантов:

ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ

- *Очень громко (кричать).*
- *Очень быстро (бежать, мчаться, нестись).*

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

- *Кувырком (покатиться, полететь, упав откуда-нибудь).*
- *Головой вниз (повиснуть, перевернуться).*

Компаративные фразеологизмы, вслед за В.М. Мокиенко, трактуются нами как двухэлементные, а компонент, отображающий основание сравнения, включается в состав заголовочной ФЕ при ее лексикографическом описании. Таким образом, сохраняется логическая структура сравнения, что целесообразно с точки зрения адресации словаря школьнику, а также реализуется возможность более четко передать национальную специфику компаративных фразеологизмов на уровне каждого из компонентов, что является обязательным условием

словарной репрезентации ФЕ детям-билингвам. В нашей серии учебных фразеологических словарей компаративные фразеологизмы (устойчивые сравнения) всегда отображаются в полной форме:

СМОТРЕТЬ КАК БАРАН НА НОВЫЕ ВОРОТА

Тупо, растерянно, ничего не понимая смотреть на кого-нибудь, на что-нибудь.

ПИСАТЬ КАК КУРИЦА ЛАПОЙ

Писать неразборчиво, неряшливо; иметь очень плохой почерк.

ДРОЖАТЬ /ЗАДРОЖАТЬ КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ

Очень сильно дрожать (от страха, волнения); очень волноваться, бояться чего-то.

Таким образом, дискуссионные вопросы определения границ фразеологической единицы решаются с позиций коммуникативной направленности словаря и с учетом его адресации младшему школьнику.

2.1.3. Отображение фразеологической вариантности в заголовке статьи учебного словаря

Разработка проблемы варьирования ФЕ признается крайне важной для фразеографии как в теоретическом, так и в практическом плане [Чепасова 2000].

Обращаясь к проблематике варьирования устойчивых языковых единиц, Е.И. Селиверстова предлагает вспомнить примечание В.И. Даля из его «Напутного» к сборнику «Пословицы русского народа»: «Каждая пословица говорится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу» [ДП 1: 10]. Варьирование квалифицируется Е.И. Селиверстовой как обычная форма существования паремий и других типов устойчивых языковых единиц, как естественное проявление их речевой гибкости [Селиверстова 2009: 6-7]. В.Т. Бондаренко выводит свойство вариативности устойчивых фраз из общих закономер-

ностей организации языка как относительно ограниченной системы знаков и подчеркивает, что именно вариативность обеспечивает возможность для языкового отображения непрерывного изменения мира и человеческих знаний о нем [Бондаренко 1995: 7].

Давая определение фразеологических вариантов, отечественные фразеологии подчеркивают тождественность их значения и образной основы, относительную стабильность синтаксической структуры и различия в компонентном составе и/или морфологических характеристиках компонентов [Кунин 1970: 62; Бабкин 1970: 84-85; Мокиенко 1980: 21; Мокиенко 1989: 26-37; Хасанова 2006: 272-274].

Выделяют лексические варианты ФЕ, различающиеся отдельными лексемами в их составе: *кричать (орать) благим матом* [Молотков 1977: 73-74; Диброва 1979: 144; Жуков В.П. 1986: 168] и формальные варианты, а именно: орфографические, различающиеся написанием: *под шофе (под шефе)* [Назарян 1987: 230], фонетические, «возникающие вследствие замены одного компонента другим на фонетической, звуковой основе: *между (меж) двух огней* [Жуков В.П. 1986: 166], морфологические, различающиеся морфологическими характеристиками отдельных компонентов – формами числа, падежными формами: *палец (пальцем) о палец не ударить* [Жуков В.П. 1986: 166-167], словообразовательные варианты ФЕ – их варьируемые компоненты различаются словообразовательной структурой: *протереть с песком (с песочком)* [Жуков В.П. 1986, 19, 256-269; БВН 1993, 74-75]. Смешанные варианты ФЕ складываются из комбинации лексических и формальных вариантов: *гладить (погладить) по шерсти (по шерстке)* [Аксамитов 1978: 28; БВН 1993: 75-76]. Конструктивные варианты ФЕ различаются структурными особенностями:, например, наличием/отсутствием отрицательной частицы: *не по плечу – по плечу* [Жуков В.П., Жуков А.В. 2006: 181; Хасанова 2006: 274] или же степенью полноты компонентного состава. Это явление чаще описывают в терминах количественной вариантности [Назарян 1987: 230; БВН 1993: 23] или факультативности компонентов: факультативные компоненты ФЕ могут опускаться, не нарушая при

этом единства формы и содержания ФЕ: *вешать нос на квинту; ни в зуб ногой* [Молотков 1977: 86-87; Аксамитов 1978: 28; БВН 1993: 85].

Явления фразеологической вариантности и факультативности компонентов четко разграничиваются в практике лексикографии. В рамках своих лексикографических концепций известные фразеологи (А.И. Молотков, А.И. Федоров, Н.В. Телия, В.М. Мокиенко, Д.О. Добровольский, Н.Ф. Алефиренко, Р.И. Яранцев и др.) последовательно используют разные типы скобок и шрифтов для того, чтобы развести варьируемые и факультативные компоненты в заголовочной единице словарной статьи. Система их графического оформления переносится и в учебные словари для средней школы и иностранных учащихся.

В.П. Фелицына и В.М. Мокиенко, а также В.П. Жуков и А.В. Жуков используют круглые скобки для передачи вариантности и ломаные скобки – для отображения факультативных компонентов в школьных фразеологических словарях: **ПОГИБ (ПРОПАЛ) КАК ШВЕД <ПОД ПОЛТАВОЙ>** [Фелицына, Мокиенко 2002: 635]. **ДРОЖАТЬ (ТРЯСТИСЬ) НАД <КАЖДОЙ> КОПЕЙКОЙ.** [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 111].

Другие типы скобок используют Н.Н. Кохтев и Д.Э. Розенталь, представляя русскую фразеологию иностранцам: **(И) ПОМИНУ НЕТ; ПРОКЛАДЫВАТЬ/ ПРОЛОЖИТЬ ДОРОГУ [ПУТЬ]** [Кохтев, Розенталь 1986: 189, 198].

Своя, но так же последовательно реализуемая система отображения лексических вариантов и факультативных компонентов ФЕ представлена в словаре Р.И. Яранцева, предназначенном иностранным учащимся: **<ХОТЬ> ПРУД ПРУДИ; НИ ЗА КАКИЕ КОВРИЖКИ [ПРЯНИКИ]** [Яранцев 1985: 174, 236]. Здесь также особо оформляются морфологические варианты ФЕ: **ЛЮВИТЬ НА ЛЕТУ (С ЛЁТУ); ЛИЦА НЕТ (НЕТУ)** [Яранцев 1985: 130, 96].

Е.А. Быстрова, А.П. Окунева и Н.М. Шанский, авторы «Краткого фразеологического словаря русского языка», адресованного прежде всего школьникам-билингвам, отказываются дифференцировать проявления формальной и «лексической» нестабильности фразеологизма, унифицируя графическое отображение вариантности и факультативности компонентов: **С <ОТ> ГОЛОВЫ**

ДО НОГ; СВОИМИ <СОБСТВЕННЫМИ> ГЛАЗАМИ; СЕМИ <СЕМЬ> ПЯДЕЙ ВО ЛБУ [Быстрова и др. 1992: 193, 203, 206].

Этот же принцип оформления заголовочного фразеологизма используется в Школьном фразеологическом словаре Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова: **ИСПИТЬ (ВЫПИТЬ) ЧАШУ ДО ДНА; ИСПОКОН ВЕКУ (ВЕКОВ); ПРОЙТИ (СКВОЗЬ) ОГОНЬ И ВОДУ (И МЕДНЫЕ ТРУБЫ)** [Шанский, Зимин, Филиппов 2001: 92, 192-192], а также практически во всех фразеологических словарях для младших школьников, где вариантность и факультативность компонентов ФЕ представлена в меньшей степени [Волина 2001; Ставская 2002; Ушакова 2004; Розе 2005; Волков 2009; Томашевская 2009].

Реализуя нашу фразеографическую концепцию, мы также стремимся не перегружать адресата словаря – младшего школьника информацией такого рода и оставляем в заголовках словарных статей лишь некоторые, наиболее представленные в современной разговорной речи и произведениях детской литературы лексические варианты компонентов ФЕ: *вертеться (крутиться) как белка в колесе, как (будто, словно, точно) по щучьему веленью, смотреть (глядеть) со своей колокольни* и т.п.

Тем не менее, в иллюстративные контексты и задания учебного словаря активного типа помимо основного могут быть включены и некоторые другие варианты ФЕ, с тем чтобы, идентифицируя фразеологизм по контексту, адресат осваивал на уровне восприятия возможности его варьирования. Так, в статье «Прийти к шапочному разбору» Детского фразеологического словаря-практикума фразеологизм представлен читателю в нескольких узуальных вариантах с глаголами *прийти, явиться, появиться, прибыть* («Выбирай себе любую роль, а тому, кто придёт сюда к шапочному разбору, достанется, что останется», «Не успеваю вовремя прибыть на праздник. Отморозила ветки. Скорее всего, появлюсь уже к шапочному разбору! Ёлка», «Уже 9 часов вечера. Корольевич Елисей позвонил, что скоро будет. Бал начался в 6 часов. Мы прибудем к шапочному разбору» и т.п.) и одном окказиональном варианте, который получает в тексте задания следующий «завуалированный» комментарий (подробнее

этот тип грамматического комментирования будет описан ниже): «Разберись, о чём сквозь свои рыдания рассказывает улитка, вставив вместо точек фразеологизм *прийти/приходить к шапочному разбору*. Иногда глагол *прийти* она заменяет своим любимым словом *приползти*. Это вполне допустимо. Ведь ползание – единственный способ передвижения улитки».

Таким образом, предлагаемая нами система комплексной репрезентации фразеологической вариантности (в заголовочной зоне, иллюстративном и тренировочном модулях словарной статьи) знакомит читателя с вариационным потенциалом фразеологизмов, релевантным для современной речевой коммуникации, готовит к восприятию трансформированных ФЕ, которые, по данным М.В. Шульги, составляют 80 % фразеологии публицистического текста [Шульга 2007] и все чаще проникают в тексты произведений детской литературы [Гаранина 1998; Капкова 2005].

2.2. Грамматическая параметризация фразеологизма в учебном словаре активного типа

2.2.1. Репрезентация грамматических свойств ФЕ в отечественной практике учебной лексикографии

Грамматическая параметризация материала в отечественных фразеологических словарях, прежде всего, предусматривает указание синтаксической валентности фразеологизма непосредственно при заголовочной единице. В первую очередь здесь отражается характер управления, связывающего фразеологизм с его обязательным объектным распространителем, «распространителем модели», по Г.А. Золотовой [Золотова 1988: 18]: *Песок сыплется из кого* (ФСРЯ, 318); *Провести на бобах кого* [ФСРЛЯ 1: 96]; *Поймать на удочку кого* [Фелицына, Мокиенко 1999: 311]; *Принимать за чистую монету что* [БМС: 386]; *Положить крест на кого, на что* [Мокиенко, Никитина 2008-а: 329];

Перемывать косточки кому [Алефиренко, Золотых 2008: 208], *Драть (сдирать) шкуру с кого* [Жуков, Жукова 2009: 116].

Возможности атрибутивного распространения отдельных компонентов ФЕ реже находят отражение в зоне заголовка словарной статьи: *Песенка спета чья* [ФСРЯ: 318]; *Грызть гранит науки какой* [ФСРЛЯ 1: 130]; *Попадаться/попасться на удочку чью* [Фелицына, Мокиенко 1999: 311].

Вопрос об экспликации синтаксической связи фразеологизма, способного выступать в функции предиката, был поставлен Н.И. Зазаевой в 2002 г. [Зазаева 2002], а в 2009 г. получил практическое решение в лексикографическом проекте, реализованном под руководством В.Н. Телия: *Египетские казни что; Желторотый птенец кто; Заткнуть за пояс кто кого; Повернуть лицом кто кого к чему* [БФСРЯ: 200, 201, 232, 529].

Возможности видообразования отражаются вынесением в заголовок статьи двух видовых форм фразеологизма, когда пунктуационное оформление создает впечатление их некоторой автономности: *Терять себя. Потерять себя.* [ФСРЛЯ: 203]. Или же, что более точно отражает идею видовой парадигмы, одно заголовочное словосочетание объединяет обе видовые формы глагольного компонента – такое отображение видообразования все активнее используется в современных фразеологических словарях: *Закрывать/заккрыть клапан* [БМС: 263], *Обретать/обрести второе дыхание* [Мокиенко 2003: 29]; *Нос вешать/повесить* [Мокиенко, Никитина 2001: 57]; *Умывать/умыть руки* [Алефиренко, Золотых 2008: 330]; *Сбывать/сбыть с рук* [БФСРЯ: 426], *Защищать (защитить) честь мундира* [Жуков, Жукова 2009: 134].

Обычно фразеографы используют немногочисленные грамматические пометы ограничительного или преференциального характера, фиксирующие объем морфологической парадигмы фразеологизма: *Задирать/задрать ноги.* ... 2. только в форме сов. вида; *Красноармейская звёздочка.* ... 2. чаще мн. [Мокиенко, Никитина 2008-а: 440, 249]; *Золотой дождь* (мн. ч. не употр.)... *Знай наших!* (употр. в повел. форме) [Жуков, Жукова 2009: 135-136]. Причем, такие пометы зачастую используются составителями фразеологических слова-

рей непоследовательно, ср.: с пометами - *Братья по классу, чаще мн. Разуть zenки, чаще в форме повел. накл.*, без помет - *Братья по разуму, Разуть глаза* [Мокиенко, Никитина 2008-а: 59, 125, 254]. Отсутствие помет в таких случаях создает неадекватное представление о полноте морфологической парадигмы фразеологической единицы.

По мнению Н.И. Зазаевой, грамматические пометы должны стать обязательным элементом словарной статьи. Разработанная ею система грамматических помет охватывает как морфологический, так и синтаксический уровень организации ФЕ. Согласно данной лексикографической концепции, грамматические пометы, выступающие уточняющим и поясняющим звеном в микроструктуре словарной статьи, располагаются после толкования ФЕ перед иллюстративной частью статьи и отражают полноту/неполноту морфологической парадигмы ФЕ, сочетаемость, структуру фразеологизма, возможность/невозможность дистанционного расположения его компонентов и синтаксическую функцию: [Зазаева 2002: ЭР].

Признавая перспективность такого подхода к грамматической параметризации ФЕ, отметим, тем не менее, некоторые минусы и явные недочеты представленной концепции. Во-первых, разработанная Н.И. Зазаевой система помет применима исключительно к глагольной фразеологии (понимаемой автором широко), и, во-вторых, уточнения требуют некоторые грамматические параметры материала, отражаемые пометами: например, указание на преимущественное употребление в форме наст. вр. фразеологизма *влечь/повлечь за собой (что)*, указание на невозможность употребления в форме буд. вр. фразеологизма *глаза на лоб полезли (у кого от чего)* [Зазаева 2002: ЭР].

Коллектив авторов «Фразеологического объяснительного словаря русского языка» под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского для представления «грамматических особенностей фразеологического значения» избирает способ грамматического комментирования. Зона комментариев вводится в словарную статью специальным знаком. «Эта зона факультативна и используется в тех случаях, когда необходимо дать дополнительную информацию об особен-

ностях функционирования идиомы. Место зоны комментариев не фиксировано, оно определяется удобством восприятия соответствующей информации» [ФОСРЯ, 2009: 24]. Как правило, грамматический комментарий касается порядка следования компонентов ФЕ («Порядок слов фиксирован» - таким замечанием сопровождаются соответствующие обороты). Случаи комментирования морфологических характеристик ФЕ немногочисленны и избирательны: *Бальзам на (чьи-л.) раны*. ... Слово бальзам только в ед.ч. [ФОСРЯ: 35]; *Джентльменский набор*. ... Мн. ч. неупотребительно [ФОСРЯ: 326]. Ср.: без подобных комментариев – *попутный ветер, новая волна, новая метла* и т.п.

Грамматическая параметризация ФЕ в учебном словаре осуществляется с учетом адресата. Иностранцы, изучающие русский язык, получают, как, например, в словаре Р.Я. Яранцева (1985) «грамматико-синтаксический» комментарий, который «определяет синтаксическую функцию фразеологизма, дает представление об употребительности тех или иных грамматических форм» [Яранцев 1985: 16] и располагается в конце словарной статьи после иллюстративных контекстов. «В предложении – сказуемое: глагол только в форме прош. времени» - такой комментарий, например, получает здесь ФЕ *мало каши ел* [Яранцев 1985: 45]. Заголовочная единица сопровождается указанием парадигматических форм числа, рода: *Мало каши ел (ела, -и)*, ср. также: *Сам не свой (сама не своя), Не бог весть какой (-ая, -ое, -ие)* [Яранцев 1985: 113, 144].

Вполне оправданно подлежит обязательной экспликации характер русского глагольного управления, а также возможность видообразования глагольных компонентов ФЕ (грамматическая категория вида не всегда бывает представлена в родном языке учащихся): *Идти/ пойти в огонь и в воду* за кого, за что; *Отдавать/ отдать* должное кому, чему; *Приходить/ прийти на память* кому [Яранцев 1985: 121, 205, 216].

Три пункта грамматической параметризации фразеологизма заявлены в Предисловии и реализованы в словарных статьях лексикографического учебного пособия для иностранцев «Русская фразеология» Н.Н. Кохтева и Д.Э. Розенталя (1986): отображение отдельных особенностей употребления ФЕ граммати-

ческими пометами: *Буриданов осел* (мн.ч. не употр.); *Не в своей тарелке (быть)* (чаще употр. с не) и др.; указание на формы управления при помощи местоименных слов: *Заткнуть за пояс кого*; *Махнуть рукой на кого, на что* и т.п.; системная репрезентация видовых форм глагольного компонента: *Набирать/набрать силу, Выносить/вынести сор из избы* [Кохтев, Розенталь 1986: 28, 145, 94, 127, 140, 63].

У ФЕ с полной видовой парадигмой обе формы стержневого глагольного компонента последовательно отражаются в заголовочной единице, хотя проиллюстрировать примерами каждую из них авторам удастся еще реже, чем Р.И. Яранцеву (1985) в силу заданного форматом словаря небольшого объема словарной статьи. Лексикографическая задача отображения видообразования при варьировании компонентов решается Н.Н. Кохтевым и Д.Э. Розенталем следующим образом: *Вылетать [выскакивать]/вылететь [выскочить] из головы у кого* [Кохтев, Розенталь 1985: 62]. На наш взгляд, для более последовательной передачи видовой парадигматики каждого из вариантов следовало бы избегать такого разрыва видовых пар глагольных компонентов: *Вылетать/вылететь [выскакивать/выскочить] из головы у кого*.

Кроме того при формировании видовых пар составитель должен учитывать особенности «обратного» видообразования (сов. в. → несов. в. → сов. в.: *лить – пролить – проливать*), когда крайние члены видообразовательной цепочки (*лить – проливать*) становятся однокоренными синонимами, образованиями одного вида и уже не образуют видовой пары. По нашему мнению, их целесообразно отражать как вариантные компоненты ФЕ: *Лить (проливать) крокодиловы слезы*, ср.: Н.Н. Кохтев и Д.Э. Розенталь не выводят такие образования за пределы видовой парадигмы: *Лить/проливать крокодиловы слезы* [Кохтев, Розенталь 1985: 120].

Сложности детализированного отображения синтаксической валентности ФЕ в учебном словаре проиллюстрируем материалами «Краткого фразеологического словаря русского языка» Е.А. Быстровой, А.П. Окуневой, Н.М. Шан-

ского [КФСРЯ 1992], адресованного в первую очередь школьникам и студентам, изучающим русский язык как неродной.

Указание на характер синтаксических связей ФЕ вместе с конкретными вариантами их реализации вынесено здесь в зону «функционально-грамматической» параметризации, следующую за толкованием: при именных и глагольных фразеологизмах указываются возможные распространители, выступающие в функции дополнения: *ахиллесова пята* кого-чего? *мужчины, спортсмена...*; *теории, программы...*» [КФСРЯ 1992: 15], обстоятельственные конструкции: *Вступить в строй* когда? *в этом квартале, скоро...* *Входить/войти в колею* как? *легко, с трудом, быстро, трудно...* [КФСРЯ 1992: 59]. Однако в отдельных случаях такая характеристика смещается в сторону других компонентов возможной фразы и прямого отношения к фразеологизму не имеет: *Вешать/повесить нос...* кому? *товарищу, брату...* *нельзя, не надо ... вешать нос* [КФСРЯ 1992: 48], в других случаях игнорируется основная синтаксическая валентность ФЕ: *Выводить/вывести из себя* чем?... как? [КФСРЯ 1992: 62] (отсутствует указание на объектное управление *кого*) или же при наличии вариантов глагольного управления игнорируется один из них, при чем именно тот, который иллюстрируется примерами употребления: *Далеко не уедешь. Без кого?* ...*На одной удали далеко не уедешь... На таком мышлении далеко не уедешь* [КФСРЯ 1992: 72], и т.п.

Составителям учебных фразеологических словарей для русскоязычных школьников средних и старших классов [Москвин 2000; Шанский, Зимин, Филиппов 2001; Фелицына, Мокиенко 2002; Субботина 2007] также приходится сталкиваться со всеми обозначенными выше проблемами грамматической параметризации материала и, к сожалению, не всегда удается избежать недочетов, подобных перечисленным выше.

Отдельные авторы, отказываясь от грамматических помет, представляют грамматическую информацию непосредственно в рамках фразеологизма-вокабулы.

А.Ю. Москвин ограничивается репрезентацией синтаксической валентности ФЕ, причем, отражает ее крайне непоследовательно. Приведем лишь некоторые наиболее ярко свидетельствующие об этом примеры: *Дух вон (из него), Из него душа вон, (У него) не все дома, Гайка у кого-л. слаба, Вожжа под хвост попала кому-л., Вышибить (из кого-л.) дух* [Москвин 2000: 66, 154, 144, 80, 60, 181].

Четкая характеристика возможностей видообразования и синтаксической сочетаемости, которую предлагают другие авторы, не всегда находит подтверждение в иллюстративных контекстах [Фелицына, Мокиенко 2002; Субботина 2007].

Н.М. Шанский, В.И. Зимин и А.В. Филиппов отказываются от традиционного расположения компонентов видовой пары (несов. в. / сов. в.) в глагольных фразеологизмах. «Первым, - поясняют они в Предисловии к словарю, - дается глагол в том виде, который авторы считают более употребительным в данной фразеологической единице: *брать/ взять, бросить/ бросать*) [Шанский, Зимин, Филиппов 2001: 9]. При таком подходе выбор более употребительной формы, несомненно, может быть осуществлен с некоторой долей субъективизма. Ср., напр., в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия: к фразеологизму *брать/ взять слово* дается 8 иллюстраций с глаголом в форме сов.в. и 2 – в форме несов.в. [БФСРЯ: 570], в то время как Н.М. Шанский и его соавторы считают более употребительной форму невершенного вида; в иллюстрациях к фразеологизму *наступать/ наступить на горло* у глагольного компонента преобладает форма сов.в. - 7 употреблений при одном употреблении в форме несов. в. [БФСРЯ, 455-456], которую Н.М. Шанский выносит на первое место по употребительности.

Наиболее информативным и последовательным с точки зрения репрезентации грамматических свойств ФЕ старшим школьникам и ученикам средних классов является «Школьный фразеологический словарь русского языка» В.П. Жукова и А.В. Жукова (1980, 1989). Так, при репрезентации глагольного фразеологизма здесь корректно приводятся сведения о видовых формах: *волком*

выть (взвыть), о формах времени, числа и рода (*глазом не моргнул (-ла, -ло, --ли; не моргнёт*), показан характер сильного управления (*держат в кубышке что; держат на привязи* кого) [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 68, 91, 104]. При именных фразеологизмах интерпретируется объем парадигмы числа: *обетованная земля* (чаще употр. в ед.ч.), *путеводная нить* (мн. ч. не употр.), категория числа и рода (*одной веревочкой связан, -на, -но, -ны* [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 226, 284, 230]. Отражена закреплённость синтаксической функции фразеологизма в предложении: *Вольный казак... Чаще в знач. сказ. Воробью по колено. Опр. и сказ. Все одно (едино) кому. В знач. безл. сказ.* [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 69, 73].

В словарях для младших школьников, только начинающих осваивать языковую теорию, грамматические пометы, указывающие на особенности формообразования и словоизменения компонентов ФЕ, вполне оправданно отсутствуют. Большинство авторов и не ставят своей целью какую бы то ни было грамматическую параметризацию материала, сосредоточившись на изложении этимологической версии ФЕ [Волина 2001; Ушакова 2004; Розе 2005; Волков 2009] или семантизации материала [Томашевская 2009].

Лишь в словаре Г.М. Ставской (2002) минимум грамматической информации представлен в заголовке статьи. Возможные синтаксические связи глагольных ФЕ раскрываются здесь посредством указания на обязательное объектное распространение: *Взять в толк (что-то)*, *Водой не разольешь (кого-то)*, *Брать (взять) за душу (за сердце) (кого-либо)*, *Брать (взять) в свои руки (что-либо)*, *Воротить нос (от чего-то)*, *Не сводить глаз (с кого-либо, с чего-либо)* и др. Хотя в целом трудно объяснить принцип отбора материала, становящегося объектом грамматической параметризации – ср.: *Схватывать на лету (что-то)*, но *Выкинуть (выбросить) из головы* – без указания на синтаксическую валентность, *Сжить со света (кого-то)*, но: *Драть как сидорову козу, Калачом не заманишь* и т.п.

Объектное управление игнорируется при наличии у ФЕ обстоятельственных распространителей: *Арканом не затащишь (куда-то)*.

Указание на обязательные субъектные распространители ФЕ (в Р.п. и Д.п. со значением носителя признака, состояния) также дается крайне непоследовательно: *Глаза разбегаются* (у кого-то), но *Глаза слипаются*; *Голова вскружилась* (у кого-то), но *Голова идет кругом*; *Как об стенку горохом* (горох) (кому-то), но *Хоть кол на голове теши*. Без экспликации характера управления остаются и фразеологизмы *Зуб на зуб не попадает*, *Искры из глаз посыпались*, *каша во рту* и др.

Отражение синтаксической связи фразеологизма, выступающего в предикативной функции (в предложении - сказуемое), с предикцируемым компонентом (подлежащим) также не отличается последовательностью – *быльем поросло* (что-то), *Глуп как пробка* (кто-то), *Не трусливого (робкого) десятка* (кто-то), *Сам не свой* (кто-то) но: *Вилами по воде писано*, *Гол как сокол*, *Готов сквозь землю провалиться*, *И усом (бровью, глазом, ухом) глазом не ведет*, *Мало каши ел*, *Ни жив ни мертв*, *Язык проглотил*. Особенно наглядно этот недочет иллюстрирует материал одноструктурных фразеологизмов: *Как (точно) в воду канул* (кто-то), *Как сквозь землю провалился* (кто-то) и *Как (будто) аршин проглотил*, *Как воды в рот набрал*, *Как (будто, словно, точно) из-под земли вырос* и т.п.

Дискуссионным является вопрос об отражении видовых форм глагола в составе ФЕ как варьируемых компонентов, если это супплетивные формы или сохранившие общность корня, но значительно разошедшиеся по звучанию члены видовой пары: *Брать (взять) быка за рога*, *Входить (войти) во вкус*, *Поднимать (поднять) на смех*, *Прокладывать (проложить) путь*. Ср.: аналогичное графическое отображение лексических вариантов: *Кошки скребут на душе (на сердце)*; *Не трусливого (робкого) десятка* [Ставская 2002: 14, 38, 151, 163; 99, 132]. Подобным же образом отражаются а/ единичные факты видообразования и б/ лексические варианты ФЕ и в словаре Н.В.Томашевской: а/ *давать [дать] волю рукам*, *давать [дать] стрекача*; б/ *поставить крест [точку]*, *сидеть [висеть] на шее* [Томашевская 2009: 56, 57, 116, 173].

Обязательное разграничение явлений видообразования и лексического варьирования в их словарном графическом оформлении, реализуемое в нашей лексикографической концепции (напр., *Давать/ дать волю рукам; Брать/ взять за душу (за сердце) Сидеть (висеть) на шее*) поможет наряду с другими приемами имплицитной подачи элементов языковой теории подготовить базу формирования фразеологической компетенции читателя-ребенка.

Ситуация с отображением видообразования в словаре Г.М. Ставской усугубляется еще и тем, что в иллюстративных контекстах к отдельным ФЕ представлены обе видовые формы, в заголовок же статьи вынесена всего одна (*Западать в душу, От рук отбиться, Приходить в голову, Пробить себе дорогу (в жизни)* и др.). В других же случаях, когда заголовок задает форму несовершенного вида, в контексте представлено употребление в форме несовершенного: *Задирать нос (кверху)... Однажды осенью заявила она своим подружкам, задрав нос кверху...* [Ставская 2002: 69]; *Заливаться слезами... Машенька слезами залилась ...* [Ставская 2002: 70]; *Продирать глаза ... Добрые люди уже чаю напившись, а вы никак глаза не продерёте* [Ставская 2002: 163], *Сгорать от стыда ... От стыда я чуть не сгорела!* [Ставская 2002: 174], *Уносить ноги... Козявочка едва унесла ноги от сердитого шмеля... Поскорее унести ноги от губельной зимы* [Ставская 2002: 195] и др.

Немногочисленные иллюстративные контексты детских фразеологических словарей (по одному к каждой ФЕ в словаре Т.В. Розе, по одному-два у Г.М. Ставской) не позволяют более или менее полно представить морфологическую парадигму ФЕ.

Более широкие возможности грамматической параметризации фразеологизмов предоставляет разработанная нами концепция их репрезентация в Комплексном учебном фразеологическом словаре, Детском фразеологическом словаре-практикуме и других коммуникативно ориентированных учебных фразеологических словарях, ставящих своей целью расширение активного фразеологического запаса ребенка.

2.2.2. Грамматические категории ФЕ в коммуникативно ориентированном учебном фразеологическом словаре

Возможности грамматической параметризации ФЕ в коммуникативно ориентированном учебном фразеологическом словаре представим на материале Детского фразеологического словаря-практикума (ДФСП), концепция которого была представлена при описании словарного комплекса «Фразеология для детей» (1.4.).

Формат этого словаря позволяет использовать большое количество иллюстративного материала, чтобы достаточно полно отразить морфологическую парадигматику и семантические нюансы ФЕ.

Грамматическая информация, представленная в заголовочной части словарной статьи не только подтверждается обширным иллюстративным текстом, но и дозированно дополняется в иллюстративной и активно-тренировочной части словаря. Таким образом, реализуется идея парцелированной грамматической параметризации ФЕ.

Как отмечает В.П. Жуков, «формоизменительные возможности определенного фразеологизма в первую очередь зависят от того, с какой частью речи он соотносится». Наиболее морфологически подвижными он называет глагольные фразеологизмы, а в рамках данного категориального типа как особенно активные в морфологическом отношении выделяет обороты, обозначающие действие, процесс и семантически реализующиеся при подлежащем – наименовании лица, одушевленного предмета [Жуков 1991: 36-37].

Именно такие обороты преобладают в материале, отобранном для репрезентации в ДФСР.

Возможности видообразования глагольных компонентов ФЕ отражает заголовок статьи. Фразеологизмы с неполной видовой парадигмой представлены в единственно возможной видовой форме:

- сов. в.: *Заморить червячка; Подковать блоху; Прыгнуть выше головы;*
- несов. в.: *Вертеться (крутиться) как белка в колесе; Считать ворон; Держать камень за пазухой; Играть в кошки-мышки; бить во все колокола; Смотреть (глядеть) со своей колокольни* и др.

При наличии видовой пары глагольных компонентов, ее члены традиционно отображаются в заголовке в следующем порядке: несов. в./ сов. в.: *Заводить/ завести волынку; Выводить/ вывести на чистую воду; Выходить/ выйти сухим из воды; Дрожать/ задрожать как осинový лист* и др.

Одинаково употребительные видовые формы равноценно иллюстрируются в текстах различных рубрик словарной статьи:

Сов. в.: ... Тогда шакал пригрозил: - Я сейчас пойду и всем расскажу, что лев меня ужасно испугался и *задрожал как осинový лист*; ... зайчишка-трусишка при одном упоминании о волке *задрожал как осинový лист*; ... Если вдруг ты чего-то испугался и *задрожал как осинový лист*, - начни медленно и глубоко дышать: глубокий вдох – медленный выдох; ... Вдруг по радио передают; «К вашему дому едет гроб на колесиках! Скорее выбросите в окно телевизор!» Дед *задрожал как осинový лист* и выбросил телевизор.

Несов. в.: ...Александр Македонский заметил, что один из его воинов во время сражения *дрожит как осинový лист*; ... Как только на празднике волком я стал, *дрожать как осинový лист* перестал; ... В ней рассказывается о том, как мальчик, который *дрожал как осинový лист* при виде кошек, собак и даже боялся есть суп из глубокой тарелки, победил свой страх; ... А чтобы, слушая страшилки, никто *не дрожал, как осинový лист*, мы начинаем сочинять «антистрашилки» (статья «Дрожать/ задрожать как осинový лист»).

Если же глагольная ФЕ с полной видовой парадигмой употребляется преимущественно в форме одного из видов, то это тоже отражает подбор контекстов:

Подкладывать/ подложить свинью (кому) – 10 фразеомупотреблений в форме сов. в., 2 – в форме несов. в.;

Заваривать/ заварить кашу – 7 примеров употребления в форме сов. в., 1 – в форме несов. в.;

Гнаться/ погнаться за двумя зайцами – в 6 контекстах используется форма сов. в., 1 – в форме несов. в.;

Стричь/ постричь под одну гребенку (кого) - 4 употребления в форме несов. в., 1 – в форме сов. в.

Включенные в словарную статью контексты иллюстрируют и другие факты глагольного формообразования внутри фразеологизма:

- образование временных форм: ... *Ну, кажется, я **заморил** червячка, теперь можно, пожалуй, приступить и к настоящему обеду;* ... *Да я буду тише воды ниже травы: только **заморю** червячка – и обратно* (статья «Тише воды ниже травы»); *До белого каления меня **доводит** брат: берет мои наушники и тащит в детский сад.... До белого каления меня **довёл** щенок: погрыз тетрадь с пятёркой, а двойку съесть не мог* (статья «Доводить/ довести до белого каления»);

- образование форм наклонений: ... *Чтобы я конфеткой **заморила** червячка?! ... Конечно же, подкрепитесь тлѐй, **заморите** червячка* (статья «Заморить червячка»); преимущественное употребление в формах одного из наклонений также подчеркивается иллюстративно, например, форма повел. накл. для фразеологизма *мотать/ намотать на ус*: ... **Намотай** себе на ус – все работы хороши, выбирай на вкус; ... *Так что смотри, слушай и **мотай** на ус. А твой учитель – Волшебница-природа* (статья «Мотать/ намотать себе на ус»);

- образование причастных и деепричастных форм: ... *Второй карандашик, не **откладывая** в долгий ящик, нарисовал девочке новый красный бантик* (статья «Откладывать/ отложить в долгий ящик»; ... ***Глядя** на ситуацию со своей колокольни, работники заповедника уничтожили всех волков* (статья «Смотреть (глядеть) со своей колокольни»);

а также такие словоизменительные грамматические категории, присущие стержневому глагольному компоненту, как

- категория лица: ... Ты что, царь, со мной в кошки-мышки **играешь**?... Поняли волк и медведь, что с ними в кошки-мышки **играют** (статья «Играть в кошки-мышки»); Почти каждый современный молодой человек **вертится** как белка в колесе... Я **верчусь** как белка в колесе: то репетиция, то спектакль, то съемки в сериале, то кинопробы (статья «Вертеться как белка в колесе»); - Просто бездельничаю. – Понятно, значит, баклуши **бьешь**. ... Трутни – это пчелы-бездельники, которые не работают, а бьют баклуши (статья «Бить баклуши»).

- числа: ... Сёстры **подложили** свинью Настеньке; ... И зачем я им свинью **подложил**? (статья «Подкладывать/ подложить свинью») ... Я ведь много лет завидовал тебе, **держал** камень за пазухой. ... Да, долго вы **держали** камень за пазухой (статья «Держать камень за пазухой»); **Заварил** кашу невнимательный оператор сотовой связи; ... Удалось тебе расхлебать кашу, которую **заварили** сказки? Назови сказки, которые перемешались (статья «Заваривать/ заварить кашу»);

- рода: Я, Стрекоза, была **баклуши** все лето...Раньше я просто **бил** баклуши на печке... («Бить баклуши»). Людоед **попал** впросак. ... Кошка: ... Ну, **попала** я впросак! Нет мышей и полный мрак! («Попасть впросак»); Если я получу хотя бы «4» за сочинение, папа скажет мне: «Ну, ты гигант! **Прыгнул** выше головы!» ...Лариса Сергеева впервые в жизни получила пятерку за контрольную по математике. Большие тройки никому не поставили, а Сергеева просто выше головы **прыгнула** («Прыгнуть выше головы»). **Довёл** меня этот Змей Горыныч до белого каления! Эта девчонка Герда **довела** меня до белого каления («Доводить/ довести до белого каления»).

Меньшей морфологической подвижностью обладают фразеологизмы «глагольного характера», которые «застыли вследствие своей семантики в форме прошедшего времени» [Жуков 1991: 38]. В этой форме они и даются в заголовках статей Детского фразеологического словаря-практикума: **Белены объелся; Как (будто) аришин проглотил, Как в воду глядел; Как в воду канул, Как сквозь землю провалился**. Такие ФЕ включаются лишь в словоизменительные парадигмы а) числа и б) рода, что иллюстрируют контексты словаря:

а) *Испугался старик, взмолился: «Что ты, баба, белены **объелась**?...» ... Один на роликах, другой со скейтбордом. Рядом – нарядно одетые девочки. Одна из них говорит: «Вы что, белены **объелись**? Мы же в театр идем!» (статья «Белены объелся»); Любимый компакт-диск как в воду **канул**... Швейцарские часы тоже как в воду **канули** (статья «Как в воду канул»);*

б) *Выйдя на сцену и увидев полный зрительный зал, я так испугался, что не смог ни ногой ни рукой пошевелить, стоял – как будто аршин **проглотил**. ...А когда выхожу к доске, то держусь очень скованно и не могу произнести ни слова. Учительница говорит, что я словно аршин **проглотила** и каждый раз ставит мне двойку... («Как аршин проглотил»); ... Ребята, давайте скорость прибавим, опоздаем же на контрольную. А то потом скажете, что я тоже как в воду **глядел**. ...Катя Иванова взяла фотографию своего любимого футболиста «Спартака» Юры Мовсисяна и красным фломастером написала на ней «Гол!». Она как в воду **глядела**: сегодня в матче с «Зенитом» Мовсисян действительно забил гол («Как в воду глядел»).*

Некоторой морфологической подвижностью за счет глагольного компонента обладают обороты типа (между кем) *черная кошка пробежала* – ФЕ со структурой предложения, которые относят глагольно-пропозициональным [Молотков 1978: 12]. В иллюстрациях ДФСП заложена грамматическая информация о том, парадигма такого фразеологизма-«предложения» формируется за счет двух временных форм глагольного компонента (*пробежала/ пробежит*) и двух форм наклонений (*пробежала/ пробежала бы*): ... Луна и Солнце дружили и вместе жили – не тужили, но потом между ними **пробежала** черная кошка; ... я не думала, что между нами когда-нибудь **пробежит** черная кошка; ... Если **бы** черная кошка не **пробежала** между друзьями.

Отказавшись от традиционных грамматических помет в силу возрастных особенностей и уровня языковой подготовки адресата словаря, по ходу статьи мы используем грамматические комментарии-сигналы (в том числе скрытые в тексте заданий), цель которых – минуя терминологические определения, обра-

тить внимание читателя на те или иные особенности формообразования и словоизменения компонентов ФЕ, отображаемые контекстами:

- ... Подчеркни фразеологизм **заморить червячка** в тексте, и ты увидишь, как свободно изменяется в его составе глагол **заморить**: **заморю, заморил, заморит** и др. (статья «Заморить червячка»). ... А сейчас у тебя есть возможность проверить, хорошо ли ты знаешь, в каких ситуациях употребляется фразеологизм **как в воду глядел**. Эти ситуации тебе и нужно достроить, заполняя пропуски в тексте. При этом смело можешь в зависимости от ситуации изменять форму глагола в составе нашего оборота: **глядел, глядела, глядели** (статья «Как в воду глядел»). – Таким образом, внимание читателя акцентируется на возможностях образования видо-временных форм, реализации категорий лица, числа, рода в системе этих форм.

Подобным же образом вводится указание на частотность деепричастной формы фразеологизма: - ... Читая эту словарную статью, ты, конечно, заметил, в какой форме особенно часто используется в речи наш фразеологизм? Правильно, в форме **не откладывая в долгий ящик**. Так его в основном и употребляли наши герои. Вот и ты, не откладывая в долгий ящик, можешь начинать активно использовать этот фразеологизм ... (статья «Откладывать/ отложить в долгий ящик»). Или же подчеркивается преимущественное употребление ФЕ в форме повелительного наклонения: ... Обрати внимание, что фразеологизм **мотать/намотать на ус** часто употребляется в форме пожелания, совета (статья «Мотать/ намотать на ус»).

Традиционное указание на особенности глагольного управления при обязательном объектном распространении ФЕ дается в заголовке на входе в статью и подтверждается в иллюстративной части: **Вить верёвки** (из кого), ср. в контекстах: ... чтобы из тебя никто не смог вить веревки, ...случалось ли тебе вить веревки из родителей?; **Мерить на свой аршин** (кого, что): ... всех мерит на свой аршин, ...ты сказала, что я всё мерю на свой аршин, мерить на свой аршин ассортимент товаров; **Выводить/ вывести на чистую воду** (ко-

го): ... *Я легко выведу его на чистую воду, я уже знаю, кто вор, ... вывести на чистую воду лжецов, ... рано или поздно тебя выведут на чистую воду* и т.п.

Учитывая возрастные особенности и уровень лингвистической компетентности адресата словаря, мы отказываемся от экспликации синтаксических связей глагольных ФЕ в рамках предикативного центра предложения: вопрос именительного падежа при стержневом компоненте в форме инфинитива, может ввести читателя в заблуждение, т.к. не отражает реальной координации предиктируемого компонента со значением субъекта в форме И.п. и ФЕ-предиката с глагольным компонентом в личной форме (ср.: «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия – *Вить веревки кто ...* [БФСРЯ: 107], *Выводить/ вывести на чистую воду кто ...* [БФСРЯ: 144]).

Порядок следования компонентов глагольного фразеологизма в русском языке, как правило, не закреплён и определяется многоступенчатой коммуникативной структурой (актуальным членением) предложения/высказывания, что также может быть показано в словарных иллюстрациях: *Улитка может заморить червячка ягодкой земляники. Жаба съест улитку, а уж заморит червячка жабой* (эта основная структурная реализация ФЕ, когда грамматически стержневой глагольный компонент занимает начальную позицию, представлена в большинстве контекстов и в заголовках словарных статей: *Заморить червячка, Подковать блоху, Вить веревки (из кого)* и т.п.). Ср.: инверсивный порядок следования компонентов ФЕ в отдельных иллюстрациях: ... *Вот уж, действительно, и блоху подковать могут* (статья «Подковать блоху»); *Лиса: ... лучшие бы я съела ужа: и червячка бы заморила и пищевую цепочку не нарушила бы* (статья «Заморить червячка»). *Вы что, ребята, верёвки из меня вить придумали? Не получится!* (статья «Вить веревки»). Микротексты с использованием такого «субъективного» порядка следования компонентов ФЕ, предполагающие особый интонационный рисунок соответствующих синтагм, предваряются комплексным прагматико-грамматическим комментарием, построенным с учётом возрастной специфики адресата словаря: *Обрати внимание: слова в составе фразеологизма могут меняться местами. В этих случаях текст становится*

ся более выразительным, более эмоциональным, а слово, «перескочившее» вперед особо выделяется интонацией.

Контексты словаря-практикума раскрывают и возможности дистантного расположения компонентов глагольных ФЕ: ...*Теперь-то заморить недурно червячка, хотя бы с помощью холодного сверчка (Э.Ростан); ... Перед ужином пока заморю я червячка (С.Маршак)*. Эту особенность фразеологизма «скрытый» грамматический комментарий предлагает адресату «выявить самостоятельно»: *Читая текст, подчеркивай слова, входящие в состав фразеологизма, и ты заметишь, что они не всегда следуют друг за другом*.

Основная синтаксическая позиция глагольного фразеологизма – позиция сказуемого при подлежащем со значением деятеля или носителя состояния – в полной мере отражена контекстами ДФСП, в том числе приведенными выше.

Единственным вошедшим в словарь-практикум адъективным фразеологизмом с грамматически стержневым компонентом-прилагательным стал оборот *похож как две капли воды (на кого)*. Именно в такой форме, с кратким прилагательным, мы находим этот фразеологизм в словаре под редакцией А.И. Молоткова [ФСРЯ: 194] и у В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко [1999: 113], где контексты употребления представляют ФЕ в функции именной части составного именного сказуемого. Один из иллюстративных контекстов фиксирует данный фразеологизм и с прилагательным в полной форме, когда оборот реализуется в синтаксической функции обособленного определения: *На Матвея с обеих сторон улицы глядели занавешенные окна домов, похожих друг на друга, как две капли воды*. Короленко. Без языка [ФСРЯ: 194]. В «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия 4 контекста из 7 представляют фразеологизм (здесь от представлен как обстоятельственный – *как две капли воды*) в сочетании с полным прилагательным *похожий* [БФСРЯ: 303]. Материалы нашей базы данных подтверждают активизацию такого употребления фразеологизма, что дает основания для корректировки его исходной формы. В ДФСП обе формы компонента-прилагательного представлены в заголовке как варианты: *Похожи (похожие) как две капли воды (друг на друга)*;

Похож (похожий) как две капли воды (на кого). Иллюстрации в полной мере словоизменительные возможности компонента-прилагательного, функциональную нагруженность данных форм:

- вариант 1: *Они похожи как две капли воды; Шрифт № 1 и шрифт № 7 похожи как две капли воды; Вооружись карандашом и нанизывай на линию «веревочку» бусинки, которые как две капли воды похожи вот на эти;*

- вариант 2: *Здесь собрались герои книг, как две капли воды похожие друг на друга; ... Наконец-то, появилась пара мальчиков, как две капли воды похожих друг на друга; Царевич сказал, что женится на девушке, как две капли воды похожей на него.*

Комментарий, включенный в задание, указывает на наличие у второго морфологического варианта ФЕ парадигм числа, рода и падежа: *Найди фразеологизм в тексте репортажа. Обрати внимание: в его составе изменяется только один компонент, но изменяется очень активно: **похожие, похожих, похожей, похожий.***

Фразеологизмы *на одну колодку, семи пядей во лбу, без царя в голове, тише воды ниже травы* и т.п., различные по синтаксической структуре, но совпадающие по категориальной семантике и синтаксическим функциям, так же соотносимы с прилагательными. Они сопровождаются в словарных статьях комментариями типа: *... Ты, конечно, заметил, что слова в составе фразеологизма никогда не изменяются по форме и не меняют своего места.* Тем самым вводится очередной квант грамматической информации: ФЕ данного типа обладают фиксированным порядком следования компонентов и нулевой морфологической парадигмой. Исключение составляет оборот *мало каши ел* - «застывшая форма прошедшего времени». Этот фразеологизм получает опосредованный грамматический комментарий, касающийся парадигм рола и числа: *... Когда будешь выполнять это задание, помни, что наш фразеологизм может относиться не только к мужчинам, и не только к одному человеку. Так что в своих историях можешь использовать и такие формы: **мало каши ела, мало каши ели.***

В отличие от этих фразеологизмов, занимающих позицию сказуемого при традиционном подлежащем в И.п. со значением носителя признака, следующие обороты с атрибутивной семантикой требуют обязательного распространителя со значением субъекта в Р.п. или Д.п.:

(у кого) **Семь пятниц на неделе**

(у кого) **Косая сажень в плечах**

(кому) **Хоть кол на голове теши**

Намеченные на входе в словарную статью синтаксические конструкции реализации таких ФЕ многократно повторяются в иллюстративных контекстах типа: ... Царевна Несмеяна осталась одна. Была тысяча женихов, а теперь ни одного. А все потому, что у нее **семь пятниц на неделе** – требования каждый день меняются: то ей анекдот расскажи, то комикс прочитай, то в комнату смеха своди... ... **Вам, фокусник Хрюппенфильд, тоже хоть кол на голове теши!** В инструкции что сказано? – Распилил ящик с девушкой – сразу же его собери. А вы каждый раз забываете это сделать, и девушка не успевает выйти на поклон к зрителям...

Конструктивно (с точки зрения реализации в контексте) к этим фразеологизмам близки обороты типа (где) **хоть топор вешай**, (где) как **Мамай прошел**, отражающие состояние окружающей среды или состояние, положение дел: (у кого) **и конь не валялся**, а также ФЕ со значением отсутствия/наличия: (у кого) **ни кола ни двора**, в том числе с количественными характеристиками объекта обладания – (у кого, где) **кот заплакал (чего)**, (у кого) **куры не клюют (чего)**. Такие обороты, соотносимые со словами категории состояния как частью речи или с неоднословными сочетаниями различной структуры, объединяет с описанными выше стабильность порядка следования компонентов и отсутствие возможностей словоизменения и формообразования. Эти грамматические качества фиксирует комментарий-сигнал: ... **обрати внимание, что форма фразеологизма никогда не изменяется**. К неизменяемым относятся и фразеологизмы, по категориальной семантике и синтаксическим характеристикам (подчинение глаголу, функция обстоятельства) соотносимые с наречиями. В словаре-

практикуме это *вверх тормашками* – ‘кувырком’, *с три короба* – ‘очень много’, *после дождичка в четверг* – ‘никогда’, *во всю ивановскую* – ‘громко’, ‘быстро’.

В ДФСП включено 7 именных фразеологизмов со структурой *имя прилагательное (или другая согласуемая часть речи) + имя существительное* и предметно-признаковой семантикой: *коломенская верста*, *вольный казак*, *первая ласточка*, *отрезанный ломоть*, *журавль в небе*, *тертый калач*, *седьмая вода на киселе*. По мнению А.М. Эмировой, такие ФЕ обозначают не классы дискретных предметов, а их существенные признаки, их атрибуты, которые не существуют и, следовательно, не мыслимы вне этих предметов, включены в них [Эмирова 1984: 114-115]. Большинство таких ФЕ, разработанных в ДФСП, обозначают человека как носителя признака и соотносятся с атрибутивными словосочетаниями: *коломенская верста* – ‘человек высокого роста’, *седьмая вода на киселе* – ‘дальний родственник’, *тертый калач* – ‘опытный, бывалый человек’

В синтаксической позиции именной части составного именного сказуемого при подлежащем – наименовании лица компоненты таких ФЕ, как правило, выступают в форме И.п. ед.ч. Так, в статье «Отрезанный ломоть» 10 из 10 контекстуальных фразеологизмов подтверждают этот факт, в статье «Вольный казак» – 9 из 10, «Седьмая вода на киселе» – 6 из 7.

Менее частотная форма Т.п. в составе сложных форм сказуемого, отмеченная у компонентов этих фразеологизмов, также попадает в поле зрения читателя (*быть коломенской верстой... быть вольным казаком...*) и сопровождается комментарием-сигналом, который, помимо возможностей словоизменения, указывает также и на фиксированный порядок слов: ... *Обрати внимание, что слова в составе фразеологизма иногда могут изменять форму: быть вольнЫМ кзакОМ (быть коломенскОЙ верстОЙ), но никогда не меняются местами.*

Более широкие возможности словоизменения в составе фразеологизма *первая ласточка* отражает комментарий: ... *Ты, конечно, обратил внимание, как свободно меняется форма слов в составе фразеологизма: первая ласточка,*

первые ласточки, первую ласточку, первых ласточек, первой ласточкой, первыми ласточками. Таким образом, до адресата, пока еще не знакомого с соответствующими грамматическими категориями, доводится информация о том, что фразеологизм *первая ласточка*, употребление которого не ограничено позицией сказуемого при подлежащем – наименовании лица, имеет полную морфологическую парадигму, отражающую категории числа и падежа.

Включенные в словарь коммуникативные [Назарян 1987: 60-61] фразеологизмы (*и концы в воду, моя хата с краю*) являются единицами пропозитивной (событийной) номинации, синтаксически организованы по типу двусоставного предложения и функционируют как самостоятельные предложения/высказывания или предикативные части более сложных синтаксических конструкций. На фиксированный порядок следования компонентов в таких оборотах также обращается внимание читателя.

Интеръективные фразеологизмы представлены в ДФСП оборотом *типун тебе на язык*, который выступает в качестве самостоятельной реплики диалога. Фиксированный порядок слов в составе оборота не нарушает варьирование местоименного компонента. Эта не грамматическая, но структурная особенность ФЕ находит отражение в комплексном комментарии-сигнале: *Фразеологизм **типун тебе (вам) на язык** всегда употребляется как ответ собеседнику, порядок слов в этом фразеологизме не изменяется, а местоимение тебе или вам выбирается по ситуации, в зависимости от того, кто с кем разговаривает:*

...- Не пей, братец из копытца, теленочком станешь. – Типун тебе на язык, сестрица Алёнушка. ...Поздравляю с Днем защиты детей и наступлением долгожданных каникул. Желаю побольше ясных морозных дней! Дед Мороз. – Типун Вам на язык, дедушка! Морозы нам не нужны! Каникулы-то не зимние, а летние! ... - Дорогой Волк! Поздравляем с Днем стоматолога. В нашей новой специализированной клинике по случаю праздника вы можете бесплатно удалить пару зубов. Бабушка и Красная Шапочка. – Типун вам на язык, дорогие бабушка и Красная Шапочка.

Таким образом, предлагаемая читателю информация о грамматических свойствах ФЕ представляет особенности их реального функционирования в современной речи. Она вводится дозированно посредством комментариев-сигналов, разработанных с учетом фактора адресата словаря и включенных в текст заданий тренировочного модуля словарной статьи.

2.3. Контекстуально-метаязыковая лексикографическая репрезентации фразеологического значения и речевых смыслов фразеологизма

Раскрывая особенности отображения в учебном словаре фразеологического значения и коммуникативно-прагматического потенциала ФЕ, остановимся на таких актуальных для фразеографии проблемах, как приемы построения словарных дефиниций, оптимизация комментирования коммуникативно-прагматических свойств ФЕ, принципы подбора контекстов, иллюстрирующих особенности функционирования фразеологизма.

2.3.1. Специфика толкования фразеологизма в учебном словаре

Проблема лексикографической дефиниции не теряет своей актуальности на протяжении последних пятидесяти лет: разрабатывается типология словарных определений, исследуется их содержательная сторона, выявляются возможности унификации [Ларин 1961; Виноградов 1977; Степанов 1977; Сороколетов 1980; Апресян 1986; Гак, 1987; Зимин 1994; Кузнецова, Сороколетов 1994; Волков, Ермолаева 2000; Магазеева 2000; Мелерович, Мокиенко 2006]. Нельзя не согласиться с высказыванием Ю.Ф. Прадида о том, что точное толкование значения во многом определяет успех построения как отдельной словарной статьи, так и словаря в целом [Прадид 2000: 30].

Разрабатывая типы словарных дефиниций, большинство современных исследователей (П.Н. Денисов, Г.Н. Складневская, В.А. Козырев, В.Д. Черняк и

др.) так или иначе опираются на классификацию Х. Касареса, выделившего толкования реальные, логические и эквивалентные [Касарес 1958: 174-176]. Детализируя эту классификацию, лексикографы неоднозначно трактуют отдельные термины, по-разному определяют место тех или иных типов дефиниций в их общей классификации. Так, если Р.А. Аюпова [Аюпова 2009] объединяет в рамках одного типа эквивалентные и синонимические дефиниции (ср.: у Х. Касареса синонимические толкования являются одним из видов эквивалентных), то у Т.А. Трафименковой [Трафименкова 2008] синонимические толкования относятся к релятивным (точнее – к их парадигматическому подтипу), а у Е.А. Магазеевой [Магазеева 2000] – к отсылочным (на том основании, что они не раскрывают составных элементарных смыслов слова, а отсылают читателя словаря к значению приводимого синонима). У этих же авторов находим пересекающиеся, но не совпадающие интерпретации термины *релятивное толкование*, *отсылочное толкование*, *косвенное толкование*. Что же касается отсутствия единого основания классификации дефиниций, то отметим этот недочет и в одной из наиболее масштабных новых теоретических разработок вопроса у Р.А. Аюповой, где автор пытается соотнести понятия прямой и косвенной дефиниции со структурно-синтаксическими типами толкований [Аюпова 2009: 11-19].

Анализируя толкования фразеологизмов в справочных и учебных словарях (такое противопоставление словарей по признаку цели и назначения дают В.А. Козырев и В.Д. Черняк [Козырев, Черняк 2000: 46], мы будем основываться на классификации дефиниций, разработанной по следующим основаниям:

1. По способу предъявления читателю

Синхронные - ДАТЬ/ЗАДАТЬ БЕРЕЗОВОЙ КАШИ. *Бить, избивать, наказывать кого-л.*

Отсроченные (отсылочные): а/ собственно отсылочные: ЗАДАТЬ БЕРЕЗОВОЙ КАШИ. См. *ДАТЬ БЕРЕЗОВОЙ КАШИ*; б/ эквивалентно-отсылочные: ЗАДАТЬ БАНЮ. *То же, что ЗАДАТЬ ЖАРУ*; в/ мотивационно-отсылочные: СТРЕЛЯНАЯ ВОРОБЬИХА (Инд.авт.). *Женск. к СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ*.

2. По составу и синтаксической структуре:

Однословные: ДАТЬ ДУБА. *Умереть.*

Аналитические (неоднословные): а/ со структурой словосочетания: ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА. *Человек высокого роста.* б/ со структурой предложения: МАЛО КАШИ ЕЛ. *Кто-л. молод, неопытен.*

Комбинированные: ТОЧИТЬ ЛЯСЫ. *Болтать, говорить попусту.*

3. По семантической соотнесенности с определяемым:

Синонимические: ПЛЕВАТЬ В ПОТОЛОК. *Бездельничать.*

Описательные:

а/Денотативные (описывающие признаки обозначаемого словом или фразеологизмом предмета): РЫБКУ ЛОВИТЬ. *Пск. Целовать девушку, вытаскив фант в народной игре.*

б/Логические (дающие родо-видовую характеристику обозначаемого): МАРКИ КЛЕИТЬ. *Пск. Вид народной игры с поцелуями.*

4. По направленности на объект номинации:

Прямые (строящиеся как прямые наименования в форме И.п.) СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ. *Опытный, бывалый человек.*

Косвенные (строящиеся по формуле «о ком, о чем» с использованием форм косвенных падежей): СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ. *Об опытном, бывалом человеке.*

5. По наличию промежуточного звена между определяемым и определением:

Непосредственные: СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ. *Опытный, бывалый человек.*

Опосредованные (релятивные, относительные): СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ. *Тот, кто имеет большой жизненный опыт* или *Человек, который имеет большой жизненный опыт.*

Классификация словарных дефиниций многомерна. Отразить реальные пересечения типов толкований могла бы помочь компьютерная разработка дан-

ных материалов. Здесь же отметим, что при типологизации толкований материал должен получить характеристику по каждому из предложенных оснований:

ПЛЕВАТЬ В ПОТОЛОК. *Бездельничать.* - Толкование синхронное, однословное, синонимическое, прямое, непосредственное

СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ. *О человеке, который имеет большой жизненный опыт.* - Толкование синхронное, аналитическое, со структурой осложненного словосочетания, описательное (денотативное), косвенное, релятивное.

Основная проблема, которую решают на практике составители фразеологических словарей, это проблема семантической достаточности толкования. А.И. Молотков отмечает, что типы толкований, используемые составителями «Фразеологического словаря русского языка» (1976), позволяют, во-первых, более объективно подойти к определению значения каждой конкретной ФЕ, а во-вторых, приблизиться к пониманию качественной природы фразеологического значения, «по всей вероятности, иной, чем природа лексического значения слова» [ФСРЯ 1976: 13]. Форма толкования в концепции А.И. Молоткова зависит от соотношенности фразеологизма с той или иной частью речи: значение субстантивного фразеологизма толкуется субстантивным описательным оборотом (**Ахиллесова пята.** *Наиболее уязвимое место у кого-либо*), глагольного фразеологизма - описательным инфинитивным оборотом (**Давать волю языку.** *Позволять себе говорить лишнее*), адвербиального – наречным оборотом (**Черепашьим шагом.** *Очень медленно*). Для адъективных фразеологизмов предлагаются подтипы толкований – описательные атрибутивные обороты с прилагательным в полной форме (*Очень умный, толковый, способный*) и с прилагательным в краткой форме – так подчеркивается предикативная функция ФЕ (*Очень глуп, недалеко*). Глагольно-пропозициональные фразеологизмы «толкуются глагольным описательным оборотом, чаще всего с предшествующим ему неопределенно-личным местоимением (**Язык заплетается у кого. Кто-либо не может членораздельно, ясно сказать что-либо**)». И лишь для междометных ФЕ в силу разнообразия их структуры не находится единой формулы толкования [ФСРЯ: 13-14].

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, авторы «Большого словаря русских поговорок», главной задачей дефиниции считают «максимальное прояснение семантики оборота и его конкретную привязку к характеризуемому человеку, предмету, явлению или ситуации» [Мокиенко, Никитина 2008-а: 6]. Это достигается за счет детализации различных по типу толкований (среди которых авторы отдают предпочтение косвенным), использования уточняющих вставных конструкций: **Глаза разбегаются в разные стороны у кого.** Пск. *О чувстве удивления, зависти, восторга от большого количества чего-л. увиденного.* **Ударять по желудку кому.** Жарг. лаг. Пренебр. Лишать кого-л. пайка на некоторое время (старая мера наказания в исправительно-трудовых учреждениях) [Мокиенко, Никитина 2008-а: 136, 227].

Указание на отношение признака к лицу, предмету считают важным структурным элементом толкования и Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых, авторы Фразеологического словаря с подзаголовком «Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (2008). Тип толкования определяется здесь соотносительностью с частью речи, синтаксической функцией и синтаксической структурой фразеологизма, что позволяет несколько расширить классификацию дефиниций А.И. Молоткова, в частности для фразеологизмов со структурой предложения [Алефиренко, Золотых 2008: 10-11].

Новаторством в разработке дефиниций характеризуются масштабные словарные проекты 2009 года – «Большой фразеологический словарь русского языка» (Отв. ред. В.Н. Телия) [БФСРЯ] и «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» [ФОСРЯ] А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского.

В первом из упомянутых источников впервые в мировой лексикографии предлагается многоаспектное толкование значения ФЕ, в котором выделяются 7 «подзон»: краткое определение значения фразеологизма, достаточное для его понимания; сведения, отображающие знания об общем контексте речи; описание характерной ситуации употребления; уточнение круга предметов, которые могут описываться данным фразеологизмом; указание на эмоционально-оценочное отношение говорящего к тому, что обозначается фразеологизмом;

отражение функционально-стилистических параметров ФЕ; описание аспектуально-видового значения фразеологизма; формула семантико-синтаксической конструкции употребления ФЕ. «Это подразделение толкования призвано описать все семантически значимые смыслы, характерные для значения того или иного фразеологизма, проявляющиеся при их употреблении в речи», - отмечает В.Н. Телия во вступительной статье [БФСРЯ: 8]: **МУТИТЬ ВОДУ. кто.** Вносить смуту. *Подразумевается* стремление создать ненормальную, нездоровую обстановку внутри какой-л. социальной группы. *Имеется в виду, что* лицо или группа лиц (X) сеет раздор, будоражит людей, вызывая излишнюю подозрительность, подстрекает к выражению недовольства или протеста, как правило, на пустом месте. *Говорится* с неодобрением. Неформ. X *мутит воду* [БФСРЯ, 388].

В дефинициях фразеологизмов, разработанных А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским [ФОСРЯ], впервые получает изъяснение образный компонент семантики идиом. Такое толкование, как отмечают авторы, включает интерпретацию не только собственно актуального значения (значения в узком смысле), но и образного компонента идиомы – метафоры, на основе которой сформировалось актуальное значение. Метафорический образ поясняется в толковании не полностью, а только в той степени, в которой это влияет на актуальное значение и позволяет хотя бы частично реконструировать сам образ [ФОСРЯ: 8]. Эта информация вводится специальными «операторами внутренней формы», перечень которых приводится в описании лексикографической концепции: «ассоциируется...», «уподобляется...», «описывается...» и т.п. [ФОСРЯ: 9], и выделяется графически в структуре толкования: **Вить верёвки (из кого-л.).** Без применения силы, преимущественно на основе практического знания законов человеческой психологии добиваться от кого-л. желаемого, даже если это заведомо противоречит его интересам, что описывается как полное отсутствие собственной воли у объекта манипулирования, *сходное с податливостью гибкого, мягкого материала, которому можно придать любую нужную форму* [ФОСРЯ, 59].

Такие многомерные, детализированные толкования, несмотря на их лингводидактическую и культурно-познавательную ценность, не представляется возможным использовать в словарях, ориентированных на младших школьников, в силу возрастных особенностей адресата.

Даже для учащихся средних и старших классов фразеологическая семантика и различные нюансы ее речевой реализации репрезентируются аспектно, как, например, в словаре В.П. Фелициной и В.М. Мокиенко (2002), где толкование, стилистическая и ситуативная характеристика ФЕ являются отдельными параметрами словарной статьи: **ВИТЬ ВЕРЁВКИ** из кого. Разг. ... **Полностью подчинить кого-л. своей воле, вынуждать поступать по своему желанию.** Говорится, когда хотят подчеркнуть, что один человек злоупотребляет своим влиянием на другое. ... [Фелицина, Мокиенко 2002: 84-85].

Большинство авторов фразеологических словарей для средней школы [Москвин 2000; Шанский, Зимин, Филиппов 2001; Субботина 2007] при разработке дефиниций руководствуются принципом учета частеречной принадлежности, который, уточняя классификацию А.И. Молоткова, раскрывают в предисловии к «Школьному фразеологическому словарю русского языка» В.П. Жуков и А.В. Жуков [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 12].

Составители фразеологических словарей для начальной школы менее последовательны в этом вопросе. Обратимся к словарю Т.В. Розе (2005). Фразеологизмы одного и того же типа, например, адвербиальные толкуются здесь то наречными оборотами, то глагольными: **Очертя голову. Безрассудно, не думая о последствиях**, но: **С бухты-барахты. Совершить что-нибудь наспех, необдуманно; Спустя рукава. Относиться к делу неохотно, работать кое-как, с ленцой** [Розе 2005: 138, 187]. /Здесь мы не анализируем работу редактора, пропускающего формулировки типа «совершить наспех», «относиться неохотно», которые явно не будут способствовать повышению культуры речи юного читателя./ Адвербиальные ФЕ *для отвода глаз, во главу угла, без оглядки, вверх тормашками* и др. толкуются как глагольные и в словаре С.В. Волкова [Волков 2009].

В словаре Г.М. Ставской находим еще больше вариантов некорректного толкования адвербиальных ФЕ: здесь им не только приписывается глагольный компонент семантики (**Во всю ивановскую.** – *Очень громко кричать, храпеть; Что есть силы (мочи).* – *Трудиться, напрягая все силы, или бежать быстро-быстро, мчаться*), но зачастую и пропозитивная семантическая структура: **В мгновение ока.** – *Что-то произойдет очень быстро, сразу же Шиворот-навыворот.* – *Когда кто-то делает всё наоборот и плохо* [Ставская 2002: 29, 213, 27, 217].

Практически во всех детских фразеологических словарях отсутствует унификация в толковании субстантивных ФЕ. Они семантизируются либо субстантивными словосочетаниями: **Забубенная головушка.** *Отчаянный, разгульный человек, способный на все* [Розе 2005: 57], **Волк в овечьей шкуре** – *лицемер, скрывающий свои дурные намерения под маской добродетели* [Волина 2001: 27], **Альфа и омега.** *Основа всего, самое главное, начало и конец* [Соболева 2007: 45], **Божья коровка.** – *Тихий, безобидный человек* [Ставская 2002: 13], **Выжатый лимон.** *Человек, утративший физические силы или творческие способности* [Томашевская 2009: 39], либо релятивными толкованиями, построенными по модели «о чем-либо/ о ком-либо»: **Верста коломенская** – *о человеке очень большого роста* [Волина 2001: 21], **Лиса Патрикеевна.** – *О хитром, изворотливом человеке, обманщике* [Ставская 2002: 106], **Горе луковое.** *О незадачливом, невезучем и неумелом человеке* [Соболева 2007: 160], **Вавилонское столпотворение.** *О большом и шумном скоплении народа* [Томашевская 2009: 21] или же коммуникативно-функциональными толкованиями-комментариями: **Аршин с шапкой.** – *Так шутливо называют человека маленького роста* [Ставская 2002: 8], **Азы да буки.** – *Так образно называли раньше начальное школьное обучение* [Ставская 2002: 7].

В отличие от этих неединообразных, но более или менее адекватно передающих фразеологическую семантику толкований, отдельные дефиниции субстантивных ФЕ явно не отвечают требованиям семантической полноты, например, отдельные пропозитивные толкования таких оборотов в словаре Н.В. То-

машевской: **Глухая тетеря.** *Кто-либо плохо слышит* [Томашевская 2009: 46] или толкования инфинитивными глагольными оборотами у С.В. Волкова: **Волчий билет.** *Лишить кого-то каких-нибудь гражданских прав.* **Геркулесовы столпы.** *Дойти до крайних пределов, до пределов разумного* [Волков 2009: 29, 41].

В словаре Т.В. Розе субстантивные фразеологизмы зачастую толкуются следующим образом: **Собака на сене.** *Не пользуется чем-либо сам и другим не дает* [Розе 2005: 183]. Подобные дефиниции с глаголом в личной форме были бы уместны не для субстантивных фразеологизмов, а для ФЕ с застывшими глагольными (и отглагольными) формами, в том числе для устойчивых сравнений. Однако у Т.В. Розе (как и у Н.В. Томашевской) их толкования строятся как инфинитивные обороты: **Как аршин проглотил.** *Держаться неестественно прямо,* **Не лыком шит.** *Понимать не хуже других, уметь что-либо делать* [Розе 2005: 78, 121], **Как аршин проглотил.** *Очень прямо ходит стоять или, сидеть.* **Белены объелся.** *Вести себя раздраженно, буйно, неразумно* [Томашевская 2009: 6, 7].

В словаре Г.М. Ставской (2002) подобное несоответствие создается за счет некорректной подачи исходной формы фразеологизма: **Нос повесил.** *Приунуть от огорчения* [Ставская 2002: 139], **Уши развесил.** – *Слушать с чрезмерным увлечением, забывая обо всем на свет* [Ставская 2002: 197], **Смотри в оба.** – *Очень внимательно за кем-то следить* [Ставская 2002: 182]. Ср.: заголовки с глаголом в форме инфинитива в других словарях: *смотреть в оба, развесить уши, повесить нос.*

Видовое несоответствие – типичный недочет толкований глагольных ФЕ в детских фразеологических словарях. Фразеологизмы с глагольным компонентом в форме несовершенного вида толкуются глагольными сочетаниями в форме совершенного и наоборот: **Брать голыми руками.** – *Победить, захватить кого-то без больших усилий, без всякого труда;* **Упустить из виду.** – *Забывать о чем-либо, не принимать во внимание что-либо* [Ставская 2002: 15, 196]; **Остаться при пиковом интересе.** *Обманываться в расчетах, терпеть неудачу;*

Подводить под монастырь. *Поставить в крайне неприятное или безвыходное положение кого-либо; Пускать красного петуха. Устроить пожар* [Розе 2005: 134, 148, 165], **Бросить камнем.** *Осуждать, обвинять, порочить. Заваривать кашу. Затеять что-либо очень сложное, хлопотное* [Томашевская 2009: 16, 72], **Бросить тень.** *Порочить, чернить, позорить кого-то, Бросать камни в чужой огород. Намекнуть на кого-то, отозваться о ком-то подозрительно, насмешливо* [Волков 2009: 18].

В тех случаях, когда глагольный компонент выносится в заголовок статьи в двух видовых формах, обычно принимается следующий порядок следования этих форм: НСВ / СВ. Толкование при этом не всегда выдерживается в форме какого-то определенного вида, например, в словаре О.Л. Соболевой: а/ толкование в форме СВ: **Мотать/ намотать себе на ус.** *Запомнить, принять к сведению. Оставлять/ оставить с носом. Оставить ни с чем, обмануть, одурачить; Откладывать/ отложить в долгий ящик. Отложить на неопределенное, длительное время* [Соболева 2007: 402, 479]; б/ толкование в форме НСВ: **Бросать/ бросить слова на ветер.** *Говорить впустую, необдуманно; Брать/ взять быка за рога. Начинать действовать решительно и энергично; Развешивать/ развесить уши. Слушать с чрезмерным увлечением, доверчивостью* [Соболева 2007: 80, 567]. В словаре Г.М. Ставской: а/ толкование в форме СВ: **Брать (взять) быка за рога.** – *Начать что-то делать активно и с самого главного; Брать (взять) в свои руки (что-либо).* – *Начать руководить чем-то* [Ставская 2002: 14]; б/ толкование в форме НСВ: **Брать (взять на буксир (кого-либо).** – *Помогать отстающему; Братся (взяться) за ум.* – *Становиться серьезнее, разумнее* [Ставская 2002: 15]; в/ толкование с формами СВ и НСВ: **Брать (взять) за душу (за сердце) (кого-либо).** – *Очень волновать, растрогать* [Ставская 2002: 15].

В еще большей степени могут дезориентировать читателя «именные» толкования глагольных фразеологизмов: **Петь Лазаря.** *Жалобы на судьбу с целью снискать сочувствие* [Розе 2005: 144], **Склянки бить** – *удары судового колокола, отмечающие время* [Волина 2001: 160] или косвенные и косвенно-

релятивные толкования также не глагольного характера: **Дом построить на песке** – *о чем-нибудь непрочном, необоснованном*; **Колокола лить** – *о несбыточных, выдуманных новостях*; **Упасть на добрую почву** – *о человеке, которому что-либо идет на пользу* [Волина 2001: 46, 60, 179].

И абсолютно недопустимым представляется объединение в заголовочной единице двух сходных по образности антонимичных глагольных ФЕ, а их значений в противительной конструкции единого толкования, что создает фразеологический «фантом», дезориентирующий школьника, не искушенного в вопросах фразеологии: **Ехать на ярмарку, ехать с ярмарки. Достигать зрелого возраста, апогея своей жизни, а потом доживать свои дни и готовиться к смерти** [Розе 2005: 54]. **Заваривать кашу, расхлебывать кашу. Создавать своими действиями неожиданно сложную и неприятную ситуацию, а потом выпутываться из нее** [Розе 2005: 58]. Так же нелепо выглядит объединение двух фразеологизмов, составляющих пару по признаку каузативности. Их глагольные компоненты отображаются как вариантные, а дефиниция передает только некаузативную часть семантики такого «гибрида»: **Где раки зимуют (знать, показать).** – *Узнать настоящие трудности, получить особое наказание* [Ставская 2002: 43].

Глагольно-пропозициональные ФЕ, требующие обязательного распространения, оказываются наиболее сложными для толкования в детских словарях. Особенно активно авторы используют две модели дефиниций, обеспечивающие полноценную семантизацию оборотов. Наиболее последовательно она реализуется в словаре О.Л.Соболевой: а/ толкование со структурой простого предложения и подлежащим – неопределенным местоимением – **Голова на плечах** у кого. *Кто-либо умен, сообразителен. Голова забита* у кого, чем. *Кто-либо озабочен чем-либо, полон мыслей о чем-либо* [Соболева 2007: 159]; б/ косвенно-релятивное толкование, построенное по модели сложноподчиненного предложения с неполной главной частью: **Глаза разбегаются/ разбежались** у кого. *О том, кто не может сосредоточить свой взгляд на чем-либо от разнообразия впечатлений. Голова идет кругом* чья, у кого, от чего. 1. *О том, кто*

испытывает головную боль, головокружение (от утомления, усталости). 2. О том, кто теряет способность думать (от множества хлопот, обязанностей). [Соболева 2007: 15-16].

Эти типы толкований в ряде случаев использует и Г.М. Ставская: а/ **Голова пухнет (распухла)** (у кого-то). – *Кто-то теряет способность понимать, соображать, мыслить от больших забот, обязанностей, а также от сильного шума, крика. Голова вскружилась* (у кого-то). *Кто-то слишком возомнил о себе* [Ставская 2002: 48-49]; б/ **Глаза на мокром месте** (у кого-то). – *О том, кто часто плачет.* [Ставская 2002: 45]. Однако в большинстве случаев читателю предлагаются другие модели толкования фразеологизмов данного типа, по синтаксической конструкции приближенные к разговорной речи, но менее точно передающие значение фразеологизма: **Волосы дыбом встали (у кого-либо)**. – *Когда становится страшно, охватывает ужас; Камень на сердце (на душе)* (у кого-то). – *Когда кто-то очень огорчен, подавлен* [Ставская 2002: 31]; игнорирующие пропозитивную сущность ФЕ: **Зуб на зуб не попадает. Сильно замерзнуть, чего-то очень сильно испугаться, сильно дрожать от холода или страха: Каша во рту. Говорить невнятно, плохо произносить слова** [Ставская 2002: 75, 94] и т.п. Такого рода недочеты характерны и для словаря Н.В. Томашевской: **Зуб на зуб не попадает. Очень сильно дрожать. Не идет из головы. Все время думать** [Томашевская 2009: 81, 84].

Отсутствие унифицированных толкований и некорректность отдельных типов дефиниций характерны и для семантизации «коммуникативных» фразеологизмов, построенных по моделям законченных простых предложений. Здесь используются:

а/ традиционное толкование, отражающее пропозитивную структуру денотативной ситуации, строящееся как предложение: **А Васька слушает да ест. Один человек упрекает, а другой не обращает на упреки внимания** [Розе 2005: 5]; **Рубикон перейден. Совершен решительный поступок, имеющий поворотное значение в жизни** [Розе 2005: 172]; **В ногах правды нет. Лучше сидеть, чем стоять** [Волина 2001: 24];

б/ функционально ориентированное толкование, часто приближающееся к комментарию, отражающее коммуникативно-прагматические свойства фразеологизма: **Мальбрук в поход собрался**. *Ирония над человеком, собравшимся совершить что-либо замечательное без надежды на успех; ироническое замечание перед отправлением в путь* [Розе 2005: 102]; **Было дело под Полтавой**. *Так говорят, шутливо или с похвальбой рассказывая о каком-нибудь происшествии* [Волина 2001: 18]; **Жив курилка!** – *шутливое восклицание о продолжающихся действиях ничтожных людей, а также о непрерывных действиях в трудных условиях* [Розе 2005: 52]; **Карфаген должен быть разрушен** – *настойчивый призыв к упорной борьбе с врагом или каким-либо препятствием* [Волина 2001: 78];

в/ косвенное или косвенно-релятивное толкование, передающее общую тему ФЕ-высказывания: **У дядюшки Якова товару всякого** – *О разнообразии и изобилии чего-либо* [Волина 2001: 178]; **Игра не стоит свеч** – *о деле, занятии, которое не оправдывает затраченных средств* [Волина 2001: 68];

г/ толкование субстантивным словосочетанием, игнорирующее ситуативную соотнесенность фразеологической номинации: **А ларчик просто открывался**. *Простой выход из казалось бы затруднительного положения* [Розе 2005: 6]; **Москва слезам не верит**. *Жалобы, не вызывающие сочувствия* [Розе 2005: 112];

д/ толкование в форме глагольного словосочетания или одиночного глагола (так же в полной мере не отражающее денотативной соотнесенности ФЕ): **Бумага не краснеет**. *Написать что-нибудь нелицеприятное* [Розе 2005: 18], **Нужда научит калачи есть**. *Уходить в далекие края на заработки* [Розе 2005: 127]; **Время истекло** – *окончилось* [Волина 2001: 29]; **Не в свои сани не садись** – *браться не за свое дело* [Волина 2001: 110];

Что же касается учета возраста адресата при разработке словарных дефиниций, то в словаре, «полезном детям всех возрастов» [Розе 2005: 2], реализовать этот принцип крайне сложно. Так, большая часть толкований словаря Т.В. Розе не обеспечивает адекватного осмысления семантики фразеологизмов

младшими школьниками. Приведем лишь некоторые из этих толкований, конструктивно перегруженных и насыщенных словами, не входящими в лексический минимум начальной школы: *Кульминация события; Олицетворение денег, богатства; Принцип общей ответственности за действия одного; Люди, фиктивно числящиеся в какой-либо организации, но фактически не принимающие никакого участия в ее работе* [Розе 2005: 42, 67, 89, 108].

Разрабатывая дефиниции фразеологизмов для детских словарей, мы прежде всего руководствовались положением А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко о том, что создание дефиниции является особым способом моделирования фразеологического значения. Дефиниции фразеологизмов строятся при этом либо как структурные, либо как функциональные модели их значений. Для ФЕ, которым присущ изоморфизм значения и формы, могут быть построены структурно изоморфные семантические определения [Мелерович, Мокиенко 2006: 213-214].

Наиболее последовательно воплотить этот принцип позволяют глагольные фразеологизмы – обороты процессуальной семантики с грамматически стержневым словом – глаголом.

Такие ФЕ нередко толкуются в нашей серии детских словарей посредством синонимичного фразеологизму одиночного глагола или комбинации таких глаголов: *вертеться (крутиться) как белка в колесе* – ‘хлопотать, суетиться’, *играть в кошки-мышки (с кем)* – ‘хитрить, обманывать кого-то’. Обязательным элементом толкования является указание синтаксической валентности (сочетаемости) глагола, синонимичного фразеологизму. Таким образом, повышается степень структурно-синтаксического сближения дефиниции и определяемого фразеологизма, а также появляется еще одна возможность подчеркнуть особенности синтаксической валентности фразеологизма на фоне глагольного управления синонимичных слов.

В отдельных случаях (в том числе и в других типах толкований) схематическое указание синтаксической валентности конкретизируется с целью задать ограничение лексического окружения фразеологизма: *тянуть (разводить) ка-*

нитель - ‘затягивать, замедлять дело’; *откладывать в долгий ящик (что)* – ‘откладывать на неопределенное время какое-то. дело’

В большинстве случаев описательные толкования превосходят толкуемый оборот по сложности синтаксической структуры, что обусловлено необходимостью точной передачи семного состава фразеологического значения: *подкладывать/ подложить свинью (кому)* – ‘стараться незаметно помешать, тайно и коварно навредить кому-то’; *вить веревки (из кого)* – ‘полностью подчинять кого-то своей воле, заставлять поступать по своему желанию’; *заводить волынку* – ‘надоедливо, долго и скучно говорить об одном и том же’; *попасть впро�ак* – ‘по своей вине оказаться в затруднительном, неприятном, сложном положении’.

В ряде случаев причинные и объектные компоненты фразеологической семантики объективируются в толковании конструкциями, построенными по типу предикативных частей сложного предложения: *мотать/ намотать себе на ус (что)* – ‘запоминать то, что потом может понадобится, пригодиться’; *за семь верст киселя хлебать* – ‘далеко идти или ехать за тем, что не стоит таких усилий’; *заморить червячка* – ‘слегка перекусить, чтобы смягчить острое чувство голода’; *бить во все колокола* – ‘поднимать тревогу, чтобы предотвратить какое-то несчастье’; *за семь верст киселя хлебать* – ‘далеко идти или ехать за тем, что не стоит таких усилий’.

Глагольные словосочетания, используемые в качестве толкований глагольных ФЕ, довольно часто включают слова-интенсификаторы (обычно – наречия степени или прилагательные, также отражающие высшую степень проявления признака), позволяющие подчеркнуть экспрессивность фразеологизма как одно из его категориальных свойств [Мокиенко 1980: 4]: *дрожать/ задрожать как осиновый лист* – ‘**сильно** дрожать от страха, волнения’; ‘**очень** волноваться, бояться чего-то’; *подковать блоху* – ‘проявить **удивительное** мастерство, выдумку, опередив всех в каком-то деле’; *доводить/ довести до белого каления (кого)* – ‘приводить кого-то в состояние **крайнего** раздражения, **сильного** гнева’.

Описательное толкование глагольных ФЕ глагольными словосочетаниями, максимально приближающимися по синтаксической структуре к толкуемым фразеологизмам, возможно в случае «апплицируемых» [Жуков В.П. 1986: 81-82] ФЕ с более или менее «расчлененной семантикой», аналитическим значением: *нести окоlesiцу* – ‘говорить глупости, чепуху’. Это качество ФЕ особенно ярко эксплицируется за счет совпадения стержневых компонентов фразеологизма и его толкования: *откладывать в долгий ящик (что)* – ‘откладывать на неопределенное время какое-то дело’, *прийти к шапочному разбору* – ‘... прийти к самому концу чего-то’

Такой тип толкования в детском словаре, по нашему мнению, является оптимальным и для фразеологизмов, представляющих собой глагольные или адъективные устойчивые сравнения (компаративные ФЕ) и характеризующихся высокой степенью расчлененности значения, хотя в лексикографических источниках, рассчитанных на взрослого пользователя, реализуется несколько авторских концепций толкования компаративных фразеологизмов: в словаре Л.А. Лебедевой [Лебедева 1999] семантизируется только образный компонент сравнения, у В.М. Огольцева [Огольцев 2001] в зоне толкования получает экспликацию признак, лежащий в основе сравнения, и изъясняется сравнительная часть оборота, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина [Мокиенко, Никитина 2008-б] используют косвенные толкования, отражающие функциональную нагрузку оборотов: семантику обозначаемого признака (*красный, радостный, похожий, довольный* и т.п.) и субъект сравнения в разной степени конкретизации (о чем-л. ..., о цвете ..., о шапке...; о ком-л. ..., о человеке..., о бездельнике... и т.п.), причем семантически доминирующим и синтаксически стержневым в толковании может становиться каждая из этих составляющих: ***Красный как мак***. Об очень красном, покрытом румянцем (от смущения, неловкости, стыда) человеке [Мокиенко, Никитина, 2008-б: 368]; ***Похожу [друг на друга] (схожи) как две капли воды***. Об абсолютном сходстве, исключительном подобии кого-л., чего-л. [Мокиенко, Никитина, 2008-б: 245].

Фразеологизмы, обстоятельственные по категориальной семантике и соотносимые с наречием по синтаксическим функциям, толкуются нами в детских словарях синонимичными наречиями и наречными сочетаниями различных структурных и семантических типов: *вверх тормашками* – ‘кувырком’, *с три короба* – ‘очень много’, *ни за какие коврижки* – ‘ни в коем случае, ни за что’, *от А до Я* – ‘полностью, от самого начала до самого конца, ничего не пропуская (изучить, прочитав что-нибудь)’, основательно, детально (знать что-нибудь)’.

Субстантивные фразеологизмы с осложненной предметной семантикой (*отрезанный ломоть*, *вольный казак*, *тёртый калач*, *первая ласточка*, *коломенская верста* и т.п.), получают описательное толкование, построенное как атрибутивное (определяющее) словосочетание с грамматическим стержнем – существительным. Такие дефиниции наиболее точно отражают семантическую структуру фразеологизмов, денотатом которых является предмет в совокупности с его качественной характеристикой: *первая ласточка* – 2. ‘первый признак появления, наступления чего-то’; *коломенская верста* – ‘человек высокого роста’, *седьмая вода на киселе* – ‘очень дальний родственник; очень дальняя родня’; *вольный казак* – ‘свободный, ни от кого не зависящий человек, который ни перед кем не должен отчитываться и может поступать, как хочет’ и т.п. В подавляющем большинстве таких дефиниций главным словом-идентификатором выступает слово *человек*, что лишний раз подчеркивает антропоцентрический характер фразеологии.

Наряду с простыми, сложными и комбинированными словосочетаниями, выступающими в роли дефиниций именных фразеологизмов, используются и более сложные синтаксические конструкции, включающие осложнения, построенные по типу придаточных предикативных частей определительного типа: *отрезанный ломоть* – ‘человек, который отделился от семьи и не поддерживает с ней тесную связь’; *первая ласточка* – 1. ‘что-то первое, кто-то первый, за кем последуют другие’, *тёртый калач* – ‘опытный, бывалый человек, который не

даст себя обмануть и всегда найдет выход из трудного положения’, *журавль в небе* – ‘мечта, которая не может осуществиться’.

Среди фразеологизмов с чисто атрибутивной семантикой встречаются самые разные по синтаксической структуре обороты, которые помимо категориального значения признака объединяет и синтаксическая функция, соотносимая с функцией прилагательного: *без царя в голове, на одну колодку, мало каши ел* и др.

К таким ФЕ в полной мере можно отнести положение, которым руководствуются в своей лексикографической практике А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко: дефиниции ФЕ, у которых смысловая и синтаксическая структуры неизоморфны, строятся как функциональные модели фразеологических значений, моделирующие семантические функции фразеологических единиц в речи. Подобные дефиниции в той или иной степени отражают структуру сигнификатов ФЕ, но не их морфолого-синтаксическую структуру [Мелерович, Мокиенко 2006: 213-214].

Так, в серии наших детских словарей синонимическое толкование набором одиночных прилагательных получают фразеологизмы: *без царя в голове* – ‘глупый, ограниченный’, *тише воды, ниже травы* – 1. ‘робкий, застенчивый, скромный; послушный’. В ряду однословных синонимов могут появляться и описательные простые словосочетания: *мало каши ел* – ‘физически слабый, молодой, неопытный’, в том числе с традиционными для фразеологических дефиниций наречиями-интенсификаторами: *семи пядей во лбу* – ‘очень умный, мудрый’, *на одну колодку* – ‘одинаковые, очень похожие друг на друга’.

При семантизации фразеологизмов признаковой семантики, требующих обязательного распространителя со значением субъекта (в Д.п. или Р.п.), в отечественных фразеологических словарях часто используются косвенно-релятивные толкования, построенные по формуле «о ком-, о чем-либо»: **Голова не для шапки у кого. Яроsl.** Об умном человеке [Мокиенко, Никитина 2008-а: 137]; **За душой ничего нет у кого. (разг.).** 1. О бедном, безденежном человеке. 2. Об абсолютно бездуховном человеке, духовном ничтожестве. **Как <к> коро-**

ве седло <пристало, идет, сидит> кому что. О чем-либо абсолютно не идущем кому-л., делающим его смешным, нелепым [Алефиренко, Золотых 2008: 119, 183].

Согласно нашей концепции, для подобных оборотов используется предикативная дефиниция, ориентированная на речевую реализацию ФЕ. Она воссоздает структуру пропозиции, элементы которой отображаются фразеологизмом и его обязательным распространителем. Графическое оформление словарной статьи (расположение заголовочной единицы и ее толкования) позволяет проследить структурно-синтаксические особенности функционирования ФЕ, крайне важные для активизации оборота в речи адресата и стабильного корректного фразеологического употребления:

1/ совпадение синтаксической позиции (подлежащее, дополнение) субъектных распространителей ФЕ и субъектных компонентов толкования:

- *(кто)* КАК В ВОДУ ГЛЯДЕЛ
(кто-то) как будто заранее знал что-то, точно предсказал что-то;
- *(кто)* БЕЛЕНА ОБЪЕЛСЯ
(кто-то) ведет себя как ненормальный, сумасшедший;
- *(кто)* КАК В ВОДУ КАНУЛ
(кто-то) бесследно исчез, пропал;
- *(у кого)* КОСАЯ САЖЕНЬ В ПЛЕЧАХ
(у кого-то) широкие плечи, крепкое, богатырское телосложение;

2/ совпадение синтаксической позиции объектных распространителей ФЕ и соответствующих компонентов толкования:

- *(с кем)* КАШИ НЕ СВАРИШЬ
(с кем-то) трудно договориться, сделать что-то вместе, сообща.
- *(кого)* КАЛАЧОМ НЕ ЗАМАНИШЬ (куда)
(кого-то) невозможно заставить прийти куда-то

3/ несовпадение синтаксической позиции обязательных распространителей ФЕ и соответствующих компонентов толкования:

- *(кому)* ХОТЬ КОЛ НА ГОЛОВЕ ТЕШИ

(кто-то) очень упрям, делает все по-своему;

- (у кого) СЕМЬ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ

(кто-то) отличается непостоянством, часто и легко меняет свое решение, мнение;

- (кому, с кого) КАК С ГУСЯ ВОДА

(кто-то) не волнуется, не переживает о чем-то.

Фразеологизмы такого типа называют предметно-предикативными [Сидоренко 1982: 9] или, как уже отмечалось, глагольно-пропозициональными, т.к. они «по своему значению выражают действие или состояние», а «по своей синтаксической функции в предложении выполняют роль предиката» [ФСРЯ: 8].

К этому разряду можно отнести и требующие обязательного субъектного или субъектно-объектного распространения фразеологизмы, соотносимые со словами категории состояния (семантика количественного обладания, состояния окружающей среды; синтаксическая позиция – главный член безличного предложения.). Способ их толкования, согласно нашей концепции, аналогичен описанному выше, а в роли слов-идентификаторов выступают слова категории состояния (безлично-предикативные слова), их сочетания с наречиями-интенсификаторами и другими частями речи, обычно используемые в безличных предложениях:

- (где) ХОТЬ ТОПОР ВЕШАЙ

(где-то) очень душно, накурено, трудно дышать;

- (у кого) НИ КОЛА НА ДВОРА

(у кого-то) нет своего жилья, хозяйства;

(у кого-то) совсем ничего нет;

- (у кого, где) КОТ НАПЛАКАЛ (чего)

(у кого-то, где-то) совсем мало, совсем чуть-чуть (чего-то).

Фразеологизмы с предикативной структурой, не требующие обязательного распространения, квалифицируемые как коммуникативные [Назарян 1987, 60-61) и использующиеся в речи как самостоятельные высказывания, всегда получают в наших учебных словарях дефиницию в форме предложения:

И КОНЦЫ В ВОДУ

Не осталось никаких следов, улики после завершения какого-то дела.

МОЯ ХАТА С КРАЮ

Это меня совершенно не касается: это не мое дело.

И только для семантизации интеръективных ФЕ используется «абстрагирующее-уточняющее толкование - через указание на категориальное, предметно-понятийное значение» [Балакай 2002: 25]: *типун тебе (вам) на язык* – ‘недоброе пожелание тому, кто предсказывает что-то неприятное, говорит не то, что следует’.

Оттенки значения, передаваемые словарной дефиницией и традиционно разделяемые в лексикографической практике знаком (;), находят в наших учебных фразеологических словарях аналогичное отображение: *расхлёбывать кашу* – ‘распутывать сложное, хлопотное дело; прилагая усилия, выходить из сложной неприятной ситуации’; *тише воды, ниже травы* – 1. ‘робкий, застенчивый, скромный; послушный’.

Как известно, объем информации, передаваемой толкованием, может варьироваться в зависимости от типа словаря и его адресации.

[Как] Мамай прошел. 1. *где-л.* Полное отсутствие ресурса, сильная разруха и опустошение где-л., сравниваемые с последствиями набега татар на Русь. 2. Очень сильный беспорядок где-л., сравниваемый с последствиями набегов татар на Русь [ФОСРЯ: 292].

Как <будто, словно> Мамай прошел по чему, где. Полнейший беспорядок, разруха, опустошение. Имеется в виду, что в каком-л. месте – в доме, стране, районе и др. или в какой-л. области человеческой деятельности – в экономике, государственном строительстве, науке и др. произведены крупные разрушения, серьезно нарушен порядок, внесен хаос [БФСРЯ: 305].

Как Мамай прошел где. *Прост.* Большой беспорядок (чаще в жилище, вещах), преимущ. после разорения, опустошения чего-либо [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 148].

(Как) Мамай прошел. *О полнейшем беспорядке, разгроме, опустошении* [Шанский, Зимин, Филиппов 2001: 96].

Так, по нашему мнению, при соблюдении принципа семантической достаточности толкования в детских словарях могут не эксплицировать некоторые периферийные семы фразеологического значения, например:

Вольный казак. *Свободный, ни от кого не зависящий человек, который ни перед кем не должен отчитывается и может поступать, как хочет.* Ср.: в словаре А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского указание на статус объекта номинации в рамках социальной группы: **Вольный казак.** *Человек, не имеющий обязательств по отношению к другим людям и осмысляемый как член социальной группы, традиционно пользующийся большей свободой, чем другие* [ФОСРЯ: 210].

Вить верёвки *(из кого).* *Полностью подчинять кого-то своей воле, заставлять поступать по своему желанию.* Ср. у А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского с указанием на способ достижения желаемого: **Вить веревки (из кого-л.).** *Без применения силы, преимущественно на основе практического знания законов человеческой психики добиваться от кого-л. желаемого, даже если это заведомо противоречит его интересам, что описывается как полное отсутствие воли у объекта манипулирования* [ФОСРЯ: 59].

(Между кем) **Черная кошка пробежала.** *Друзья поссорились поссорились, иногда без видимых причин.* Ср.: в Большом фразеологическом словаре детализированное представление нюансов межличностных отношений участников денотативной ситуации: **Черная кошка пробежала между** *[кем и кем].* *Неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу* [БФСРЯ: 720].

Показать где раки зимуют *(кому).* *Наказать кого-то.* – И в Школьном фразеологическом словаре В.П. Жукова и А.В. Жукова с экспликацией прагматики совершаемого действия: **Показать где раки зимуют.** *(Проучить, показать кому-либо), чтобы не захотелось повторить в другой раз, чтобы впредь было не повадно* [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989: 88].

«Разгруженные» таким образом толкования, ориентированные на детское восприятие, отразят ядерные семы фразеологического значения. А более тонкие семантические нюансы раскроют многочисленные иллюстративные контексты, что будет показано ниже.

Одним из основных компонентов фразеологической семантики и обязательным компонентом семантической репрезентации фразеологизма является оценочный компонент. Оценочность фразеологизма в словаре обычно передается определенным репертуаром помет (*неодобр.*, *пориц.*, *пренебр.*, *презр.*, *одобр.*, *уваж.* и т.п.), которые, как правило, называются стилистическими [Жуков В.П., Жуков А.В. 1989; Шанский, Зимин, Филиппов 2001; Балакай 2002; Алефиренко, Золотых 2008] или коммуникативно-функциональными [Добрыднева 2004: 44].

Помимо помет оценочность фразеологизма находит отражение в комментариях: прагматических [ФОСРЯ: 24], лингвострановедческих [Фелицына, Мокриенко 1990], в рамках ситуативной характеристики употребления ФЕ [Яранцев 1985: 15], а также передается непосредственно толкованиями оценочного характера.

Отказавшись в серии детских словарей от традиционных помет в силу неподготовленности адресата к их восприятию, мы представляем оценочный компонент фразеологической семантики в кратких коммуникативно-прагматических комментариях, которые следуют за толкованием, а в сами толкования, отражающие семный состав фразеологического значения, в большинстве случаев вводим лексику оценочного характера.

Как известно, в сфере фразеологии преобладает отрицательная оценочность, что объясняется более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, т. е. резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденцией к использованию готовых речевых форм и в том числе устойчивых словесных комплексов [Гайфуллина 2008: ЭР].

Отрицательную оценку обозначаемого фразеологизмом предмета, явления в детских словарях могут передавать комментарии типа: «говорится с неодобрением», «говорится с осуждением», в том числе с показателями регулярности «часто», «обычно» и т.п., в выборе которых мы опираемся на известные лексикографические источники [БМС, Мокиенко, Никитина 2008-а; Мокиенко, Никитина 2008-б; Алефиренко, Золотых 2008; БФСРЯ; ФОСРЯ] и анализ контекстов употребления ФЕ в живой речи (Записи 2000-2009 г.):

- ОТКЛАДЫВАТЬ В ДОЛГИЙ ЯЩИК *(что)*

Откладывать дело на неопределенное время

Говорится с неодобрением

- НА ОДНУ КОЛОДКУ

Одинаковые, очень похожие друг на друга

Часто говорится с неодобрением

- *(У кого, где)* И КОНЬ ЕЩЕ НЕ ВАЛЯЛСЯ

(Где-то) еще ничего не сделано, не готово

(Кто-то) еще не приступал к делу

Говорится с осуждением

- ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ

Человек, который отделился от семьи и не поддерживает с ней тесную связь

Обычно говорится с сожалением

Экспликация пейоративной оценочности ФЕ в рамках толкований осуществляется за счет введения в них известных адресату (входящих в лексический минимум для начальной школы и, соответственно, в активный лексикон читателя словаря) наименований отрицательно оцениваемых в обществе реалий окружающего мира – человеческих качеств (*глупый, упрямый, физически слабый, ненормальный, безумный* – ФЕ *без царя в голове, хоть кол на голове теши, мало каши ел, белены объелся*), действий (*обманывать, хитрить, говорить глупости, бездельничать* – ФЕ *играть в кошки-мышки, нести околесицу, бить бак-*

луши), качественных параметров действия (*неряшливо, неразборчиво, надоедливо, скучно* – ФЕ *писать как курица лапой, заводить волынку*) и т.п.

Немногочисленные ФЕ с положительной оценочностью, антонимичные приведенным выше (напр., *семи пядей во лбу, косая сажень в плечах*), семантически интерпретируются с использованием соответствующих компонентов дефиниций (*умный, мудрый, физически сильный, крепкого телосложения*) и комментария: *говорится с одобрением*.

2.3.2. Речевая реализация фразеологизма и приемы ее лексикографического представления

Формат коммуникативно-ориентированных учебных фразеологических словарей, позволяет более полно, чем в имеющихся отечественных учебных словарях, отразить особенности речевой реализации фразеологического значения в самых разных условиях текстового окружения ФЕ, или фразеологического контекста, исчерпывающее определение которого предлагает Е.А. Добрыднева, трактуя контекст как фрагмент текста (монологического, диалогического), в котором ФЕ выступает в тесной связи с другими элементами речи и в котором с позиции говорящего гарантируется адекватная интерпретация адресатом фразеологического смысла [Добрыднева 2006: 265].

Контексту и ситуации отводит решающую роль в реализации фразеологического значения В.Т. Бондаренко [Бондаренко 2009: 14]. Вслед за А.В. Куниным, он определяет информативный объем фразеологического контекста как минимальный, но достаточный для включения ФЕ в текст, и выделяет три типа контекста, каждый из которых представлен в нашем Детском фразеологическом словаре-практикуме.

Внутрифразовый фразеологический контекст, как отмечает В.Т. Бондаренко, реализуется в границах одного предложения/высказывания. Актуализаторами фразеологической семантики здесь являются отдельные слова, группы

слов, вступающие в синтаксические отношения с фразеологизмом [Бондаренко 2009: 14] и, добавим, в определенные смысловые отношения с ним.

Внутрифразовый контекст, элементы которого повторяют компоненты описательного толкования ФЕ, обозначим как описательно-определяющий. В таком контексте фразеологизм может выступать в синтаксической позиции обобщающего «слова» при однородных членах, являющихся элементами «контекстуальной» дефиниции: ... *Федот – свободный человек, ни от кого и ни от кого не зависит, словом – вольный казак. ...Ну, опять завёл волынку: одно и то же повторяешь по сто раз, надоел уже!* Связь фразеологизма и его лексических коррелятов устанавливается в рамках предложения и при помощи вводной конструкции, указывающей на источник информации: *И писем от тебя пришло очень мало, как говорит почтальон Мышкин, - кот наплакал.*

Внутрифразовый контекст может быть и описательно-конкретизирующим, раскрывающим содержание, передаваемое фразеологизмом в конкретной ситуации.

Так, значение фразеологизма *кот наплакал* конкретизируется в рамках фразы количественно-именными сочетаниями со значением малого количества:

Сколько в миске молока? – Кот наплакал – два глотка.

Сколько кофе выпил шеф? – Кот наплакал – меньше всех.

... Значит, прибыль с февраля – кот наплакал – три рубля.

Фразеологизм *от А до Я* семантизируется в контекстах перечислением действий, качеств субъекта, создающем представление о полноте, основательности его знаний, навыков:

Арифметику Илья изучил от А до Я:

Умножает без труда двести пять на триста два,

Вычитаем без проблем из двух тысяч триста семь,

Но делить с сестренкой груши очень трудно для Илюши.

Заявляет Лиза гордо: «Я почти что мастер спорта,

Знаю всё от А до Я: как работает судья,

Как в кольцо забросить мяч, как сыграть ответный матч».

Жаль, что выбирает Лиза не спортзал, а телевизор.

Идентифицирующий внутрифразовый контекст может быть синонимическим или антонимическим.

Особенно часто внутрифразовая «семантизация» ФЕ осуществляется за счет его синонимов, расположенных по отношению к фразеологизму контактно или дистантно, стоящих в препозиции (...*Ну и умная же ты девочка - семи пядей во лбу. ... Если у вас пропал пульт от телевизора, затерялся дневник или любимый компакт-диск как в воду канул, - мы быстро и эффективно организуем поиски*) или постпозиции (*Ты что, царь, в кошки-мышки со мной играешь, пытаешься схитрить? ...Надеемся, что и ты не растеряешься, когда нужно будет бить во все колокола, поднимать тревогу. ...Стали невнимательными, рассеянными – на уроке считают ворон.*).

Как актуализаторы фразеологической семантики во внутрифразовом контексте используются и антонимы – языковые и контекстуальные, с синтаксической поддержкой противопоставления (конструкции *не..., а...; ..., а не ...*): ... *А вырабатываться воля начинает с того, что ты заставляешь себя писать не как курица лапой, а прикладываешь большие усилия, стараешься писать каллиграфическим почерком. ... Выходит, что наши успехи – не по шучьему веленью, а благодаря нашему труду. Трутни – это пчелы-бездельники, которые не работают, а бьют баклуши. ... А ведь тот, кто всегда точен и приходит вовремя, а не к шапочному разбору, имеет возможность выбирать.*

Наличие большого количества иллюстративного материала в ДФСП позволяет подчеркнуто актуализировать определенные семы фразеологического значения, например, для фразеологизма *заморить червячка* : ...*Перед ужином пока заморю я червячка* (С.Я. Маршак) – не основной прием пищи, ... *Теперь то заморить недурно червячка хотя бы с помощью холодного сверчка* (Э. Ростан) – небольшое количество пищи. Или для фразеологизма *отрезанный лом* – семы ‘родители’, ‘родной дом’, ‘разрыв связей’: *Я видел опять отца и мать, всю обстановку родного гнезда и с особой яркостью осознавал, что я –*

отрезанный ломоть навсегда и что возврата нет и не может быть... (Д.Н. Мамин-Сибиряк). Ср.: значение фразеологизма *отрезанный ломоть* - 'человек, который *отделился от семьи и не поддерживает с ней тесную связь*'.

Формально к внутрифразовому можно отнести и контекст, ограниченный рамками предложения/высказывания и опирающийся на фоновые знания адресата, культурологическую или социокультурологическую пресуппозиции, сосредоточенные в сфере детской литературы и оценочных стереотипов, утвердившихся в современном обществе:

...Малфлой, сын черного мага, ни за какие коврижки не стал бы другом Гарри Поттера.

... В какой стране Гулливер был коломенской верстой – в стране великанов или в стране лилипутов?

...Аня хочет быть моделью,

Рост что надо у нее.

Бать коломенской верстою –

Это модно, вот и всё.

О «фразовом контексте» В.Т. Бондаренко говорит в случае употребления ФЕ как реплики в составе диалогического единства [Бондаренко 2009: 15]. В нашем материале такую позицию часто занимают коммуникативные ФЕ со структурой предложения:

- - *Не пей, братец, козленочком станешь!*
- *Типун тебе на язык, сестрица Аленушка.*
- - *Мать ужин готовит. Помоги ей воды из колодца принести.*
- *Моя хата с краю. Я с тамагочи играю.*

Особенно часто в ДФСП используется «сверхфразовый контекст» (макроконтекст), который определяется как отрезок текста, образующий вместе с ФЕ сложное синтаксическое целое (ССЦ) или абзац и воссоздающий конкретную ситуацию действительности или обстоятельство общения [Бондаренко 2009: 15].

В сверхфразовом контексте используются те же способы экспликации значения ФЕ, что и во внутрифразовом.

В такой контекст может вводиться описательное толкование фразеологизма:

*Я, Ленивица, любила **проводить время без пользы**. После встречи в лесу с дедушкой Морозко решила заняться самовоспитанием. Сначала научилась набирать текст на компьютере, а теперь профессионально занимаюсь компьютерной графикой – оформляю книги, журналы. У меня нет отбоя от клиентов и нет времени **бить баклуши**.*

Возможно и лингводидактическое развертывание фразеологической семантики в рамках ССЦ, когда, обращаясь к читателю в интерактивном задании, автор переносит его в плоскость языковой теории, возвращая к дефиниции фразеологизма:

*... Спасибо, ты поработал на славу. А сейчас самое время – реально заморить червячка. **Если ты запомнил значение этого фразеологизма, то понимаешь, что мы с тобой не будем плотно завтракать, обедать или ужинать, а просто слегка перекусим бутербродами, чтобы смягчить чувство голода.***

*... Возьми маленькое зеркальце и подойди к окну. Посмотрись в зеркальце, изобрази на лице **растерянность, недоумение, непонимание, то есть проиллюстрируй значение фразеологизма смотреть как баран на новые ворота.***

Актуализация фразеологической семантики за счет синонимов осуществляется в сверхфразовом контексте, как правило, в рамках контактно расположенной фразы: *...Умница! Прямо семи пядей во лбу! ... Опять ты, царь, со мной **в кошки-мышки играешь**. Зачем **обманываешь**? Ведь сам павлинов перевернул, вот они в слонов и превратились. ... Я, Стрекоза, **била баклуши** все лето. Попав на перевоспитание к Муравью, очень быстро отучилась **бездельничать**. Теперь я сама преподаю рукоделие в лесной школе. А Муравью спасибо за науку!*

Сверхфразовая синонимическая семантизация ФЕ может сочетаться с внутрифразовой и усиливаться игровой аллюзией: напр., в статье «Без царя в

голове» - название города Глуповска, жители которого *«все без царя в голове – несообразительные, ограниченные. Одним словом, глупые»*.

Конкретизирующие иллюстративные контексты в объеме сложного синтаксического целого или абзаца в занимательной форме представляют в ДФСП одну из референтных ситуаций, к которой применим фразеологизм, с достаточной для его идентификации полнотой. При этом фразеологизм задается инициальной автосемантической фразой ССЦ, за которой следует разворачивание ситуации употребления ФЕ: *Возможно, в этом сезоне дед останется без репки, потому что у него семь пятниц на неделе. То он позовёт внуку и Жучку, а бабушку отправит домой, то снова вызовет бабушку, а Жучку отправляет за кошкой. Приходит кошка – он просит уйти внуку. Мышке надоело ждать. Она хвостиком махнула и убежала в другую сказку.*

В этом же типе фразеологического контекста ФЕ может выступать и в заключительной, резюмирующей фразе, к которой читателя подводит предшествующее описание ситуации, как например, в статье «Смотреть (глядеть) со своей колокольни», где иллюстративные микротексты рассказывают об истреблении воробьев с целью сохранить урожай зерновых, после чего посевы страдают от насекомых, или об истреблении комаров, что приводит к гибели ящериц, кошек, нашествию крыс и эпидемии занесенной крысами чумы. Эти микротексты подытоживают фразы: *Не должен человек смотреть со своей колокольни на природу; Вот что значит – смотреть со своей колокольни.*

Несмотря на то, что исследования фразеологического контекста ограничиваются материалом от простого предложения до сверхфразового единства [Авдеева 2006; Добрыднева 2006; Сергеева 2009, Бондаренко 2009], учебный словарь допускает использование в качестве иллюстраций объемных текстов, включающих несколько сверхфразовых единств или абзацев, которые последовательно раскрывают значение фразеологизма, стоящего по отношению к такому «гиперконтексту» в препозиции, как например, в стихотворении М. Шаповаловой:

Мамай прошел – все вверх тормашками:

установлен стол тарелками и чашками,
здесь пировали, здесь - забили гол
в окно (играли варвары в футбол).

Следующие четыре строфы передают картину беспорядка в бабушкиной квартире после отъезда гостей – внучек.

Как и в сверхфразовом контексте, фразеологизм может использоваться в резюмирующем, завершающем текст предложении, как, например, в статье ДФСП «Расхлебывать/ расхлебать кашу», где к читателю с просьбой помочь обращаются сказки (они ездили друг к другу в гости и так загостились, что перепутались, перемешались). Вот эту кашу и должен теперь расхлебывать юный читатель. Или в статье «Вить веревки», где измученная командами окружающих избушка на курьих ножках возмущается в заключительных репликах полилога: «Вы что, ребята, верёвки из меня вить надумали? Не получится! Если хотите знать, я почти что страус. Так что – всем привет! Я убегаю!»

Включение в словари таких фразеологических гиперконтекстов позволяет проиллюстрировать функционирование фразеологизма и в роли заголовка. Именно эта позиция привлекает все большее внимание исследователей коммуникативно-прагматических свойств и текстообразующего потенциала ФЕ. По наблюдениям А.Н. Зеленова, фразеологический оборот, выступая в роли заголовка (газетного), нередко оказывается более эффективным текстообразующим средством, чем слово, словосочетание и даже предложение. Текстообразующая роль заголовка-фразеологизма заключается в том, что он, как правило, является структурной и смысловой доминантой текста, во многом предопределяя его стилевую, эмоционально-экспрессивную тональность, а также жанровое своеобразие [Зеленов 2007: 161].

Иллюстративные тексты и тренировочные задания, в заголовки которых включены фразеологизмы, размещены в статьях ДФСП «Садиться/ сесть не в свои сани», «Стричь/ постричь под одну гребенку», «Подкладывать/ подложить свинью», «Как по щучьему веленью», «Коломенская верста».

Фразеологизм может включаться и в заголовок рубрики, объединяющий несколько текстов, например, в ДФСП: «Анекдоты про людей без царя в голове» (статья «Без царя в голове»), «Первые ласточки: наблюдения, изобретения, открытия, достижения» (статья «Первая ласточка»), «Кому хоть кол на голове теши и как с этим бороться» (статья «Хоть кол на голове теши»), «Вертитесь ли вы как белка в колесе и как вы к этому относитесь?» (статья «Вертеться (крутиться) как белка в колесе»).

По степени поддержки контекстом фразеологического значения выделяют сильную позицию ФЕ, когда контекст поддерживает его основное значение, и слабую контекстуальную позицию, когда поддерживается не основное значение ФЕ или контекстуальная поддержка вообще отсутствует [Авдеева 2006: 265-266].

Все текстовые иллюстрации учебных рубрик ДФСП построены так, что фразеологизмы выступают здесь в сильной контекстуальной позиции. В заключительных рубриках словаря («Минутка здоровья», «Творческая мастерская») значение фразеологизма намеренно не поддерживается текстом, содержащим правила спортивных игр, советы кулинарам, рукодельницам и т.п. Например, в статье «Писать как курица лапой» (рубрика «Минутка здоровья»):

Как курица лапой писать не хочу,
Зарядку для пальцев сейчас разучу.
Зарядка для пальцев предельно проста:
Сжимаем эспандер – считаем до ста.

В этих случаях препозитивным гиперконтекстом фразеологизма можно считать текст всей словарной статьи.

При нулевом речевом контексте в отдельных заданиях ситуация употребления ФЕ воссоздается графически – в рисунках, комиксах, фотографиях (статьи «Смотреть (глядеть) со своей колокольни», «С три короба», «Как Мамай прошел», «Конь не валялся», «Нести околесицу» и др.).

В конкретных речевых ситуациях, как отмечает Л.Г. Золотых [Золотых 2007: 326-327], реализуются определенные коммуникативно-прагматические варианты ФЕ. Их можно интерпретировать как речевые смыслы.

С позиций фразеологической школы Н.Ф. Алефиренко, соотношение языкового значения и речевого смысла выглядит следующим образом. Языковое значение – это вербализованный продукт объективно-исторического отражения действительности: исторически и социально закрепленная связь между акустическим образом языковой единицы и образом обозначаемого предмета. Речевой смысл – личностно ориентированное преломление системного значения в языковом сознании субъектов речевой деятельности. Смысл возникает в результате мыслительного кодирования отношения мотива (мотивационно-побуждающего фактора при порождении речи) к цели (к тому, ради чего и осуществляется речемыслительная деятельность). Иными словами, личностные смыслы – это языковые значения, пропущенные сквозь призму культурно-исторического опыта говорящего и слушающего [Алефиренко 1994: 6].

Речевые смыслы, по наблюдениям Л.Г. Золотых, могут максимально приближаться к кодифицированным фразеологическим значениям или удаляться от них. В этом, вслед за Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых [Золотых 2007: 327-328], видит путь развития фразеологической многозначности.

Многозначность ФЕ, зафиксированная фразеологическими словарями, отражается и в нашей серии детских фразеологических словарей. Ранговость значений при этом определяется их актуальностью для речевой практики, показателем чего является частотность употребления ФЕ в том или ином значении (по данным нашей картотеки и представленности во фразеологических словарях). Значения одного фразеологизма не нумеруются, но выделяются графическими значками и снабжаются коммуникативно-прагматическими комментариями, которые не дублируются в случае совпадения:

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

- Кувырком (покатиться, полететь, упав откуда-нибудь)
- Головой вниз (повиснуть, перевернуться)

Говорится шутливо

В таких случаях контексты иллюстрируют каждое из значений, отражая особенности сочетаемости и синтаксическую позицию фразеологизма, например, для ФЕ *тише воды, ниже травы*:

- в функции прилагательного: *Человек должен уметь преодолеть свою робость и не быть тише воды ниже травы... Что значит – быть тише воды, ниже травы? ...Вот так из человека тише воды ниже травы ты можешь стать лидером. И всего за один вечер.*

- в функции наречия: *Надо сидеть, слышите вы, тише воды, ниже травы... Держался тише воды, ниже травы...*

Наиболее регулярные речевые смыслы (коммуникативно-прагматические варианты ФЕ), действующие на уровне оттенков значения, во всей серии учебных словарей выносятся в дефиницию, где объединяются союзом *или*, разделяются точкой с запятой или запятой и подтверждаются иллюстративными контекстами, например, в ДФСП:

(где) КАК (БУДТО) МАМАЙ ПРОШЕЛ

Где-то царит беспорядок или опустошение.

Ср. в контекстах:

а/ о беспорядке - *В каком состоянии находится твое рабочее место? – Как Мамай прошел? Тогда все ясно.*

б/ об опустошении - *Оглянись хорошенько, что у нас в саду-то! Где же яблоки-то? Точно Мамай со своей силой прошел – много ль их осталось? (А.Н.Островский).*

ДРОЖАТЬ/ ЗАДРОЖАТЬ КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ

Сильно дрожать от страха, волнения; очень волноваться, бояться чего-то.

а/ о сильной дрожи: *Лев меня ужасно испугался и задрожал как осиновый лист;*

б/ о волнении, чувстве страха: *Когда учитель вызывал меня к доске, я дрожал как осиновый лист.*

МАЛО КАШИ ЕЛ

Физически слабый, молодой, неопытный человек.

а/ о физически слабом человеке: ... *ставят локти на стол, сцепляют руки и стараются пересилить друг друга. Вот тут и выясняется, кто из них мало каши ел.*

б/ о молодом, неопытном человеке: *я сформулировал правило для тех, кто пока еще мало каши ел, чтобы одерживать победы: «Тяжело в учении - легко в бою».*

Другие возможные коммуникативно-прагматические реализации ФЕ также представлены в контекстах тренировочного модуля словарной статьи, на что авторы специально обращают внимание читателя.

Так, в статье «Играть в кошки-мышки», где заголовочный фразеологизм семантизируется как ‘хитрить, обманывать’, текст одного из заданий эксплицирует оттенок ‘дурачить’ – обманывать глупого, несообразительного собеседника, компаньона и т.п.: *Перескажи сказку в ролях, используя фразеологизм **играть в кошки-мышки**. Подробно опиши, как Лиса дурачила Волка и Медведя. Поняли ли Волк и Медведь, что с ними играют в кошки-мышки? Поняли, но поздно?...*

В статье «Мало каши ел» наряду с оттенком значения ‘молодой, неопытный’, отраженным в дефиниции, в одном из контекстов реализуется речевой смысл ‘не имеющий знаний, подготовки, соответствующей возрасту’: ... *Малые ребята надо мной смеялись: «Эка детина! Уже двадцать лет, а он всё первоклассник. Со старшими учиться не может – мало каши ел!»* В другом контексте, речевой смысл этого фразеологизма разворачивается в аспекте статусности участников коммуникативно-прагматической ситуации: *Представь, что ты – тренер детско-юношеской спортивной школы. Твой ученик Кирилл ударил Сережу из группы новичков, сказав при этом: «Ты еще мало каши ел, чтобы со мной спорить!»...*

В словарной статье «Черная кошка пробежала» фразеологическое значение (‘друзья поссорились, иногда без видимых причин’) конкретизируется в

контекстах двумя коммуникативно-прагматическими вариантами ФЕ, в первом случае отношения между бывшими друзьями представлено как распри, раздоры, во втором – как постепенно нарастающее отчуждение.

При репрезентации фразеологизма *подкладывать/ подложить свинью (кому)* толкование передает два смысловых оттенка, обычно реализующихся в речевой практике и отражаемых иллюстративными контекстами словарной статьи: ‘помешать’ и ‘навредить’. По данным нашей картотеки, фразеологизм может характеризовать и действия человека, непреднамеренно поставившего кого-л. в сложную ситуацию, затруднительное положение. Этот актуализируемый контекстом речевой смысл читатель находит в диалоге:

Сказочник: А ты, Настенька, почему плачешь?

Настенька: Мне дедушка Морозко скатерть–самобранку подарил, а она, наверное, сильно промерзла и не срабатывает. Через пять минут ко мне гости из всех сказок приедут. Чем я их буду угощать?

Сказочник: Да, ничего не скажешь, подложил он тебе свинью. Но ты не обижайся, он ведь не нарочно. А выйти из такой сложной ситуации тебе словарь поможет.

Показать реальные возможности денотативной соотнесенности ФЕ и диапазон референции того или иного фразеологизма практически невозможно в рамках традиционного книжного формата словарного издания. Тем не менее, читатель ДФСР, как и других наших практико-ориентированных словарей, получает определенные сведения и об этом коммуникативно значимом параметре фразеологизма.

В первую очередь контексты дают самое общее представление об объекте номинации (человек / предмет), внутри этого класса – объект конкретизируется с учетом возрастных особенностей, общекультурного уровня и социального опыта адресата словаря. Например, в статье «На одну колодку» фразеологизм характеризует а/ человека или персонифицированного сказочного героя: одинаково одетых людей, деревянных солдат Урфина Джюса, б/ реалии предметного мира, культуры: кондитерские изделия одинаковой формы, телепере-

дачи, музыкальные программы, памятники сказочным героям, представленные на конкурс, вырезанных из бумаги человечков и зверюшек.

Конкретизация качеств человека, обобщенно обозначаемых атрибутивным фразеологизмом, так же строится в актуальных для ребенка денотативных границах: так, человеком, с которым *каши не сварить*, оказываются бездельник Антошка, сказочный царский повар-зазнайка, одноклассники героя с говорящими фамилиями Яша Ябедов, Кира Кричалкина и др. (статья «Каши не сварить»).

Экспликацию денотативного диапазона действия или состояния, обозначаемого фразеологизмом, проиллюстрируем материалами статьи «Считать ворон». Контексты представляют здесь рассеянного сторожа зоопарка, который забыл закрыть клетки, размечтавшись о субботней рыбалке, звукорежиссера, разглядывающего костюмы артистов и забывшего подключить аппаратуру, вахтера тетю Валю, которая, вспоминая героев любимого сериала, забыла дать звонок с урока.

Контексты раскрывают диапазон объектной направленности действия, в самом общем виде обозначаемого фразеологизмом: так, в статье «За семь верст киселя хлебать» герои отправляются в дальний путь за семенами диковинных плодов – золотых яблок и перуанских земляных орехов, которые затем оказываются картошкой и помидорами, за лекарственным растением кульбабой (одуванчиком, который растет около дома), за красками моренго и индиго, которые легко получить, не отходя от компьютера. В статье «Как в воду глядел» конкретизируется объект точного предсказания (позвонила бабушка из Эстонии, забил гол любимый футболист, пошел дождь – хорошо, что взяли зонтик и т.п.)

Периферийные причинные семы фразеологического значения находят актуализацию в статье «Как (будто) аршин проглотил»: герой держится неестественно прямо, скованно от смущения и испуга (первый раз на сцене), по привычке (два часа изображал жирафа на детском утреннике – не может выйти из роли), от волнения (на выставке увидел работы художника – своего конкурента) и т.п.

Конкретизацию получают и ситуативные характеристики фразеологизма, определяющие его денотативный диапазон. Так, фразеологизм *прийти к шапочному разбору* – ‘опоздать, прийти к самому концу чего-то’ может быть применен к ситуации опоздания на какое-л. мероприятие (в контекстах ДФСП – на выставку собак, вручение подарков от спонсора, празднование Нового года, на бал), и реже он отражает ситуацию неучастия в каком-л. трудовом процессе по причине опоздания (дедушка с бабушкой покрасили забор, внук опоздал, хотя собирался сделать это сам), или нарушение договоренности по той же причине (один из друзей не пришел к назначенному времени – в поход отправились без него) и т.п.

Употребление фразеологизма *моя хата с краю* показано в ситуациях отказа выполнить просьбу, неоказания помощи нуждающемуся в ней, невмешательства в ситуацию, когда нужно предотвратить ее нежелательное развитие и др.

Представление о денотативном диапазоне фразеологизма формируют и объемные тексты или подборки микротекстов, объединяемых заданием типа: ...*Проследи, как в тексте раскрывается содержание фразеологизма: как ведут себя люди **без царя в голове**?* (статья «Без царя в голове»), ... *Понаблюдай, как в тексте раскрывается значение фразеологизма: чем же занимается человек, который **вертится как белка в колесе**?* (статья «Вертеться (крутиться) как белка в колесе»), ... *Удивительное мастерство и выдумку продемонстрировали герои видеосюжетов из передачи «Народный левша». Какие же их достижения характеризует фразеологизм **подковать блоху** в репортажах наших корреспондентов?* (статья «Подковать блоху»). Иногда такие задания предполагают детализированный анализ ситуации употребления фразеологизма и его коммуникативно-прагматического потенциала: ... *Прочитай праздничные диалоги и сделай вывод, на какие же пожелания и почему сказочные герои отвечают фразеологизмом **типун тебе (вам) на язык**. Что не понравилось им в текстах поздравлений?* (статья «Типун тебе (вам) на язык»).

Достигшему определенной фразеологической компетентности ребенку предлагается расширить экспликацию денотативного диапазона ФЕ, представленного в тексте статьи, обобщив свой жизненный опыт: ... *Сказочные герои, с которыми ты встретился в этой статье, поступали совершенно правильно, поднимая тревогу в самых разных опасных ситуациях. Надеемся, что и ты не растеряешься, когда нужно будет бить во все колокола. Если такие случаи в твоей жизни уже бывали, расскажи нам о них, а мы обязательно включим твои материалы в наш следующий словарь. ...Ты выполнил все упражнения и теперь хорошо знаешь, каким поведением отличаются люди, которым хоть кол на голове теши. Вспомни, бывали ли в твоей жизни случаи, когда это выражение произносили в твой адрес. Расскажи о них.*

Как известно, фразеологизмы – это номинативно-характеризующие и эмотивно-оценочные языковые единицы. Именно поэтому они играют важную роль в формировании модально-оценочного плана высказывания, его прагматической направленности, которую определяют коммуникативные цели говорящего: охарактеризовать и оценить денотативную ситуацию, передать свое отношение к адресату речи в определенной речевой ситуации, воздействовать на адресата, с тем чтобы вызвать его ответную реакцию – вербальную или невербальную. Фразеологизмы значительно повышают прагматический потенциал текста, усиливают его перлокутивный эффект, реализуя свою прагматическую функцию в ее разновидностях, представленных директивной, фатической, эмотивно-оценочной, резюмирующей [Крючкова 2007: 386].

При этом на уровне речевой реализации может проявляться такое качество ФЕ, как неоднозначность фразеологической оценочности, причину которой фразеологии видят в противоречивой природе самих реалий, стоящих за этими единицами [Брысина 2007: 262].

В серии учебных фразеологических словарей такой оценочный синкретизм ФЕ отражен в зоне коммуникативно-прагматического комментария комбинацией основных оценочных смыслов, передаваемых фразеологизмом в речи, например: *Говорится неодобрительно или шуточно* (например, для фразеоло-

гизмов как *Мамай прошел, мало каши ел, тёртый калач*); говорится шутливо-одобрительно или неодобрительно (для фразеологизма как *с гуся вода*).

Нерегулярные ситуативно обусловленные коннотации фразеологизма акцентируются по ходу статьи в иллюстративном контексте или тексте задания, включающего коммуникативно-прагматический комментарий:

<...> *Когда человек тише воды, ниже травы, потому что он скромный – это хорошо, и совсем другое дело, когда человек тише воды, ниже травы, потому что он робкий....*

<...> *Обрати внимание: фразеологизм **играть в кошки-мышки** может выражать и одобрение в тех случаях, когда хитрость и обман помогают героям побеждать врагов, выходить из сложных ситуаций* (далее следуют фрагменты из древнегреческих мифов, иллюстрирующие данный оценочный смысл фразеологизма).

<...> *Читая текст об Александре Невском, ты, наверное, заметил, что фразеологизм подложить свинью может употребляться и одобрительно, ведь речь идет о военной хитрости, которая принесла победу великому князю.*

Таким образом, функционально-семантическая параметризация ФЕ в Детском фразеологическом словаре-практикуме и тренировочном модуле Комплексного учебного фразеологического словаря приобретает контекстуально-метаязыковой характер и представляет не только значение фразеологизма как языковой единицы, но и коммуникативно-прагматическую специфику реализации фразеологического значения в современной речи. Что касается последнего аспекта, то ни в одном из проанализированных нами детских фразеологических словарей [Волина 2001; Ставская 2002; Соболева 2007; Ушакова 2004; Розе 2005; Волков 2009 и др.] он не отражен иллюстративными контекстами в достаточной мере в силу ограниченности материала 1-2 цитатами, в ряде случаев подобранными крайне нерационально, без учета их коммуникативно-прагматической ценности.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Итак, фразеологизм-вокабула в учебном словаре активного типа, адресованном младшему школьнику, отражает наиболее представленные в современной разговорной речи и произведениях детской литературы лексические варианты компонентов ФЕ. В иллюстративные контексты и задания учебного словаря помимо основных включаются и некоторые другие варианты ФЕ, с тем чтобы, идентифицируя фразеологизм по контексту, адресат осваивал на уровне восприятия возможности его варьирования, релевантные для современной речевой коммуникации.

В учебном фразеологическом словаре грамматическая параметризация ФЕ различных структурных типов и частеречной соотнесенности затрагивает морфологический уровень организации фразеологизма и его синтаксические характеристики. Грамматическая информация дозируется и интерпретируется с учетом адресации словаря младшему школьнику без отступления от принципа научной достоверности.

В заголовке на входе в словарную статью показаны возможности видообразования глагольных компонентов ФЕ. Включенные в статью контексты иллюстрируют и другие факты глагольного формообразования и словоизменения внутри фразеологизма. Заголовок статьи отражает и синтаксическую валентность ФЕ различных типов, которая также подтверждается в иллюстративной части. Так в учебном словаре активного типа задается конкретная модель сочетаемости ФЕ, которая реализуется в современной речи.

Предлагаемая нами модель грамматической параметризации ФЕ предполагает отказ от традиционных грамматических помет в силу возрастных особенностей и уровня языковой подготовки адресата словаря, вместо этого в разных модулях словарной статьи мы используем грамматические комментарии-сигналы (в том числе скрытые в тексте заданий), цель которых – минуя терминологические формулировки, обратить внимание читателя на определенные особенности функционирования ФЕ, и таким образом ввести очередной квант

грамматической информации, касающейся объема морфологической парадигмы ФЕ, стабильности/ нестабильности порядка следования компонентов, синтаксической позиции оборота и т.п. Таким образом, грамматическая параметризация ФЕ парцеллируется без нарушения ее системности и коммуникативной направленности.

Дефиниции фразеологизмов строятся как структурные или функциональные модели их значений. Тем не менее, в большинстве случаев описательные толкования при совпадении их синтаксического типа с толкуемым оборотом превосходят его по сложности синтаксической структуры, что обусловлено необходимостью точной передачи семного состава фразеологического значения.

Довольно часто в состав дефиниции включаются слова-интенсификаторы (обычно – наречия степени или прилагательные, отражающие высшую степень проявления признака), позволяющие подчеркнуть экспрессивность фразеологизма как одно из его категориальных свойств.

Объем информации, передаваемой толкованием, может варьироваться в зависимости от типа словаря и его адресации. Отсюда следует, что при соблюдении принципа семантической достаточности толкования в детских словарях могут не эксплицироваться некоторые периферийные семы фразеологического значения. Однако такие толкования, ориентированные на детское восприятие, обязательно отразят ядерные семы фразеологического значения. В дефиницию выносятся наиболее регулярные речевые смыслы (коммуникативно-прагматические варианты ФЕ), действующие на уровне оттенков значения, которые подтверждаются иллюстративными контекстами. Контексты дают самое общее представление об объекте номинации (человек / предмет), внутри этого класса – объект конкретизируется с учетом возрастных особенностей, общекультурного уровня и социального опыта адресата словаря. Конкретизацию получают и ситуативные характеристики фразеологизма, определяющие его денотативный диапазон.

Формат коммуникативно-ориентированных учебных фразеологических словарей позволяет полно отразить особенности речевой реализации фразеоло-

гического значения в самых разных условиях фразеологического контекста: внутрифразового, фразового и сверхфразового, в том числе представленного комбинацией ССЦ в рамках одного текста или комбинацией текстовых рубрик. Текстовые иллюстрации построены так, что фразеологизмы выступают здесь исключительно в сильной контекстуальной позиции.

Отказавшись в серии детских словарей от традиционных «стилистических» помет в силу неподготовленности адресата к их восприятию, мы представляем оценочный компонент фразеологической семантики в кратких коммуникативно-прагматических комментариях, которые следуют за толкованием, а в сами толкования, отражающие семный состав фразеологического значения, в большинстве случаев вводим лексику оценочного характера. При этом уделяется внимание и такой функционально-семантической особенности ФЕ, как неоднозначность фразеологической оценочности. Такой оценочный синкретизм ФЕ отражен в зоне коммуникативно-прагматического комментария комбинацией основных оценочных смыслов, передаваемых фразеологизмом в речи, а комментарии-сигналы, предваряющие иллюстративные контексты еще раз обращают внимание читателя на речевую реализацию оценочного потенциала. Таким образом, функционально-семантическая параметризация ФЕ так же приобретает контекстуально-метаязыковой характер.

ГЛАВА 3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

3.1. Современные тенденции в конструировании этимологической зоны словарной статьи

Согласно нашей лексикографической концепции, этимологический компонент словарной статьи, традиционно относимый к факультативным параметрам словарного описания [Козырев, Черняк 2004: 41], в учебной лексикографии приобретает первостепенное значение. Ведь именно здесь адресату (младшему школьнику) раскрывается «особая усложненность семантики фразеологизма», создаваемая, по словам В.М. Мокиенко, «совмещенностью диахронической (внутренняя форма) и синхронической (фразеологическое значение) характеристик» [Мокиенко 1986: 244].

Говоря о недостатках историко-этимологических справок в учебных фразеологических словарях, В.М. Мокиенко отмечает, что они «далеко не всегда лингвистически аргументированы, экстралингвистические (часто – наиболее «сюжетные») факты обычно превалируют над собственно языковыми, иерархия доказуемости, как правило, не представлена» [Мокиенко 1995: ЭР]. В связи с этим, полагаем, что при конструировании этимологической зоны учебной словарной статьи должны учитываться результаты как этимологического, так и фразеомообразовательного (фразообразовательного) анализа.

Целесообразность использования термина «фразеомообразование» (Ю.Я. Бурмистрович 1974), свободного «от ложных синтаксических ассоциаций», обосновывают М.М. Копыленко и З.Д. Попова [Копыленко, Попова 2010: 11], к точке зрения которых мы присоединяемся.

Следует отметить, что еще Ю.А. Гвоздарёв высказывал мысль о том, что задачи этимологического и фразеологического анализа частично совпадают. «Если при этимологическом анализе устанавливается история одной единицы с опорой на закономерности образования фразеологических единиц в языке, то при фразеологическом анализе производится установление типичности образования единиц с опорой на отдельные этимологии» [Гвоздарёв 2010: ЭР].

Таким образом, если признать, что словарная статья в своей типичной форме представляет собой некоторое «уравнение» между объясняемым и объясняющим [Энциклопедия языкознания: ЭР], (в нашем случае это заголовочный фразеологизм и его толкование), то «решение уравнения», раскрывающее механизм фразеологического образования конкретной ФЕ, должно включать этимологический компонент.

Лексикографическая этимологизация фразеологизма⁵ в учебных целях является нетривиальной задачей.

К настоящему времени сложились разнообразные теоретические концепции фразеологического образования, основательно изучены способы первичного и вторичного фразеологического образования, выявлены основные типы фразеологических моделей, разработаны принципы фразеологического анализа (работы Н.Ф. Алефиренко [2001], А.Н. Баранова [2003, 2008], С.Г. Гаврина [1974], Ю.А. Гвоздарева [1977, 2008], В.П. Губарева [1985], Д.О. Добровольского [1987, 1990, 2008], В.П. Жукова [1986, 2006], А.В. Жукова [1986, 2006], В.И. Коваля [1982], М.Л. Ковшовой [2009], М.М. Копыленко [2010], А.В. Кунина [1986], А.М. Мелерович [2007], В.М. Мокиенко [1980, 1982, 1986, 1989], А.И. Молоткова [1977], А.Г. Назаряна [1976], Т.Г. Никитиной [1998], З.Д. Поповой [2010], А.Д. Райхштейна [1980], Л.И. Ройзензона [1973], В.М. Савицкого [1993], Г.Г. Соколовой [1987], Ю.П. Солодуба [1996], Э.М. Солодухо [2008], В.Н. Телия [1988-а, 1988-б, 1990], Н.М. Шанского [1985], А.Т. Эмировой [2008] и др.).

⁵ Наряду с этой формулировкой в диссертации употребляются и другие: «лексикографическое (словарное) описание происхождения фразеологизма», «словарное описание процесса фразеологизации словосочетания», где под фразеологизацией понимается «переосмысление переменного словосочетания, основанное на метафоре, метонимии, гиперболе и т.д.» [Жуков 2006: 130].

Представление результатов этих исследований в формате фразеомообразовательного словаря, позволило бы снять многие вопросы лингвокультурологического и собственно лингвистического характера, возникающие при лексикографическом описании процесса фразеомообразования в учебных целях. Задача создания такого словаря, который призван в полном объеме с учетом тончайших нюансов зафиксировать механизмы фразеологической номинации, ставилась в работах Ю.А. Гвоздарева и В.И. Ковалья [Гвоздарев 1977: 15; Коваль 1982: 15-17], но, к сожалению, не была решена.

Несовершенство этимологических комментариев в детских фразеологических словарях [Волина 2001; Ставская 2002; Розе 2005; Ушакова 2004; Волков 2009; Баско 2011], убеждает нас, что в данном случае разработка этимологического параметра требует специальных исследований в области учебной фразеографии. Ведь, с одной стороны, лексикограф должен без искажений трактовать этимологическую версию, т.е. речь идет о необходимости «представления лингвистических знаний любого рода в виде лексикографических параметров, способных отразить не только существенные признаки самого объекта, но и научные знания об объекте» [Добровольский 1987: 24], а с другой стороны, фактор адресата (младший школьник) не позволяет использовать для учебного фразеографического конструирования современные средства этимологизации фразеологизма, реализованные в словарях, ориентированных на взрослую аудиторию, - метаязык словарного описания внутренней формы фразеологизма [Баранов, Добровольский 2008, 2009] и интерпретационную модель значения фразеологизма [Телия 1996-б; Ковшова 2009-б].

Возможность расширения поиска новых путей разработки этимологического параметра предоставляет автору прикладной характер учебного словаря. Об этом пишут А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский: «Рассмотрение словарной деятельности в рамках прикладной лингвистики дает индульгенцию лексикографам на более свободное привлечение идей (и соответствующего инструментария) из других научных дисциплин» [Баранов, Добровольский 2008: 363].

Прежде чем приступить к изложению нашей концепции, попытаемся выявить основные тенденции словарной разработки происхождения ФЕ в отечественной учебной фразеографии.

3.1.1. Теория и практика учебной лексикографической этимологизации фразеологизма: отечественный опыт

В отечественной лингвистической литературе вопросы лексикографической этимологизации фразеологизмов затрагиваются не часто, однако обзор имеющихся работ позволяет очертить круг проблем, связанных с зоной этимологической параметризации ФЕ в словарной статье: статус данного параметра, его содержание, объем и способы репрезентации этимологической разработки фразеологизма.

Не существует единого мнения о целесообразности включения этимологических сведений в структуру словарной статьи. И.С. Парина пишет, что в случаях, где особенности значения и употребления идиомы помогает понять ее этимология, она требует включения в словарное толкование [Парина 2009: 11]. В.М. Костева также полагает, что этимологический параметр значения образует неотъемлемую часть полного словарного представления семантики идиом. Этимологический комментарий способствует сознанию внутренней формы идиомы и, кроме того, представляет определенный интерес для изучающих иностранный язык [Костева 1996: 78].

Вызывает возражение мысль В.И. Зимина о том, что для «учебных фразеологических словарей достаточно общего указания на источник происхождения фразеологической единицы» [Зимин 1990: 66]. Полагаем, что в каждой словарной статье учебного фразеологического словаря должен раскрываться механизм образования ФЕ способами, адекватными особенностям восприятия адресата.

Нельзя не согласиться с точкой зрения В.Н. Телия и ее коллег, согласно которой этимологическая зона словарной статьи не должна потерять лингвистически релевантную информацию, связанную с мотивацией ФЕ. Сюда, например, относятся сведения о происхождении фразеологизма как собственно исторические (если они сохранились), так и этимологические (при наличии возможности привести достоверный этимон), проясняющие тропеические механизмы, которые далеко не всегда элементарны [ТББД 1990: 23]. Р.А. Аюпова также считает, что этимологическая информация должна быть представлена «полно, но обособленно» и призвана раскрывать образность и внутреннюю форму языковой единицы [Аюпова 2009: 8].

Большинство ученых сходятся во мнении о том, что «по существу каждый фразеологизм в словаре нуждается в историко-этимологической справке, в историко-лингвистическом объяснении своего возникновения и своего прошлого» [Молотков 1977: 253]. Ставится вопрос даже о включении этимологической справки во фразеологический словарь для дошкольников [Бестугина 2006: 183].

Как известно, фразеологизмы обладают разной степенью прозрачности внутренней формы. От степени, характера «проглядывания» значений исходных слов-компонентов в значении ФЕ во многом зависит методика лексикографирования ФЕ [Бушуй 1982: 58], и, прежде всего, разработка этимологического параметра.

Предметом особого рассмотрения являются жанровые особенности этимологической справки и конкретные механизмы этимологизации ФЕ в словарной статье.

А.И. Молотков считает, что историко-этимологическая справка по своему объему не равноценна историко-этимологическому этюду по истории фразеологизма, хотя по содержанию и должна быть адекватна ему [Молотков 1977: 252].

В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин предлагают в учебном лингвострановедческом словаре изъяснять прототип фразеологизма на основе перефразиров-

ки указаний имеющихся источников, при этом, если в литературе вопроса представлены расходящиеся точки зрения, примыкать к той, которую легче разделяет массовое сознание. К тому же, по их мнению, необходимо сохранить лексикографическую специфику тематических, объемных словарных статей и не сводить их к текстам книг для чтения. Считаем продуктивной также идею В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина о сочетании вербального и визуального механизмов при этимологизации фразеологизмов в лингвострановедческом словаре [Костомаров, Верещагин 1982: 102].

Ю.П. Солодуб пишет об обязательном использовании различных тропов при анализе построения фразеологического образа, мотивирующего обобщенно-переносное значение фразеологизма [Солодуб 1990: 95]. Л.А. Лебедева предлагает вводить информацию о происхождении ФЕ с помощью специальных маркеров-помет и словосочетаний типа «в буквальном смысле...», «метафорический перенос...», «этимологически связано с...» и др. [Лебедева 1999: 95].

В.И. Зимин справедливо считает, что этимологический параметр в описании фразеологических единиц в разной мере связан с другими параметрами, однако, по его мнению, при построении модели этимологического описания ФЕ необходимо в большей мере учитывать денотативное содержание и мотивировку, которые являются решающими при раскрытии происхождения ФЕ [Зимин 1990: 161].

Анализ этимологических комментариев в различных фразеологических словарях позволил нам выявить следующие тенденции фразеографирования этимологии ФЕ, которые складывались и складываются на практике:

- усложнение функций этимологического комментария: от указания источника происхождения фразеологизма – до раскрытия образного компонента фразеологического значения и конкретных механизмов фразеомообразования;
- увеличение объема комментария: от коротких замечаний, выделенных в тексте статьи графическими средствами – до фразеографического гипертекста;

- расширение «охвата» материала: от этимологического комментирования некоторых фразеологизмов – к фразеологическим словарям разных типов с обязательным этимологическим параметром;
- трансферность этимологических разработок: от системных фразеологических и справочных лингвострановедческих словарей – к учебным фразеологическим словарям (этимологические разработки академических фразеологических словарей и лингвострановедческих справочников используются в качестве основных источников информации в учебной фразеографии).

Приведем ретроспективный аналитический обзор основных словарных разработок, в которых реализуются различные подходы составителей к описанию происхождения фразеологизмов.

Что касается историко-этимологического комментирования ФЕ, то здесь, как отмечают В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина [Мокиенко, Никитина 1994: 107], до сих пор не превзойден словарь М.И. Михельсона «Русская речь. Свое и чужое» (1901-1902). Опережая на 100 лет идеи А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского об использовании различных операторов при эксплицитной технике лексикографирования внутренней формы фразеологизма [Баранов, Добровольский 2008: 190], М.И. Михельсон расшифровывает фразеологический образ, указывая на тот «намек», который связывает значение фразеологизма с мотивирующим его наглядным представлением: «...гусь лапчатый (- себе на уме) – намек на загибающие, запускаемые лапы» [Михельсон 1994: 221]; «Красная девица (иноск.) о молодом человеке застенчивом, неуместно робком, стыдливым – намек на чистоту и стыдливость молодой девушки» [там же: 468].

Хотя многие этимологии, предложенные М.И. Михельсоном, не выдерживают проверки лингвистическим материалом, его «Опыт русской фразеологии» не теряет актуальности в наши дни как попытка объединения широкого фразеологического материала, его истолкования и этимологического освещения с оценкой различных гипотез.

Во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова [ФСРЯ 1978] (1-ое изд. – 1967) репрезентируется около 4000 единиц. К

3% из них (более 100 единиц) в конце словарной статьи мелким шрифтом дается справка о происхождении ФЕ и указание на источник. Позже, совершенствуя в теоретическом плане свою концепцию фразеографирования этимологии, А.И. Молотков напишет о том, что «историко-этимологическая справка не может подменяться ссылкой на текст-источник, с которым связывается возникновение фразеологизма» [Молотков 1977: 252]. В этой связи следует отметить попытки авторского коллектива «Фразеологического словаря русского языка» в единичных случаях показать механизм фразеомообразования конкретной единицы как метафорическое (метонимическое) переосмысление прототипа, например:

Тёртый калач. <...> – От соответствующего названия калача. <...> Переосмысление этого выражения связано с тем, что тертый калач выпекается из крутого калачного теста, которое долго мнут и трут; отсюда и пословица – «не тёрт, не мят, не будет калач» (в переносном смысле – «беды человека научают»). ... [ФСРЯ 1978: 178].

Отдавая должное той положительной роли, которую сыграл ФСРЯ в развитии зоны этимологической параметризации, следует отметить и такие объективные и субъективные недочеты, как недостоверность некоторых этимологий (напр., *точить ласы* [там же: 446]), толкование историзма, входящего в оборот, другим историзмом (напр., *косая сажень в плечах* [там же: 378]), непропорциональность отбора фразеологизмов, подвергающихся этимологизации (напр., 30% из них – библеизмы).

В «Школьном фразеологическом словаре» В.П. Жукова и А.В. Жукова [ШФСРЯ 1989] представлено около 2000 единиц. К 15% фразеологизмов (более 300 единиц) в конце словарной статьи разреженным шрифтом дается справка об их происхождении. Справочная часть словарной статьи содержит также указания на источник происхождения заимствованных фразеологизмов. В словаре этимологизируются многие фразеологические обороты, сохранившие в своем составе лексические или грамматические архаизмы, что, на наш взгляд, вполне оправдано, ведь иногда «для объяснения этимологического происхождения

фразеологизма достаточно этимологизации лишь одного «неясного» компонента фразеологизма» [Зимин 1990: 66], напр.:

Ни в дудочку ни в сопёлочку. В знач. глаг. сказ. *Употр. при подлежащ. со значением лица.* Ничего не умеет делать, ни на что не годен (кто-либо). <...> [Сопе ль – народный музыкальный инструмент типа флейты] [ШФСРЯ 1989: 215].

Результаты целенаправленного этимологического анализа, проведенного по авторской методике [Зимин 1990: 65; ШФСРЯ-ЗПС 2001: 7-8], нашли отражение в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» [ОЭСРФ 1987], вышедшем затем под названием «Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний» [ШФСРЯ-ЗПС 2001]. Этимологическим комментарием здесь снабжены все 1400 единиц. Однако, во многих словарных статьях информация страноведческого и социокультурного характера, к сожалению, перевешивает лингвистические аргументы этимологического анализа. Это ведет к неточностям в определении исконного или заимствованного характера оборота, установлении времени его появления в русском языке, к искажению образа, положенного в основу ФЕ (см., напр., этимологию оборотов *кондрашка хватил* (с. 105), *подложить свинью* (с. 177), *гонять лодыря* (с. 56), *на кривой не объедешь* (с. 133). Игнорирование существующих научно обоснованных этимологических версий также является недочетом работы. По мнению В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, в отграничении исконного от заимствованного, генетически родственного от типологически сходного авторам помогло бы привлечение фразеологических параллелей славянских и других индоевропейских языков [Мокиенко, Никитина 1994: 125].

Поворотным пунктом в разработке этимологической параметризации ФЕ в словаре становятся 80-90-е годы XX в., когда начинают активно развиваться новые направления лексикографии – учебная фразеография для иностранцев, изучающих русский язык, и лингвострановедческая лексикография.

Разрабатывая учебные фразеологические словари для инофонов, авторы идут по пути отбора наиболее дидактизированных этимологических коммента-

риев из выше указанных словарей. Такой подход в 1986 году реализован в учебном пособии для иностранных учащихся «Русская фразеология» [Кохтев, Розенталь 1986]. Аналогичный подход к справочной части реализует авторский коллектив «Учебного фразеологического словаря русского языка. Пособие для учащихся национальных школ» [УФСРЯ 1984], позже вышедшего в формате «Краткого фразеологического словаря русского языка» [КФСРЯ 1992].

Более продуктивным в совершенствовании этимологического параметра в учебном фразеологическом словаре оказалось лингвострановедческое направление, в рамках которого создавались тематические классификации ФЕ с национально-культурным компонентом, разрабатывались приемы их интерпретации, которые затем находили словарное воплощение.

Фразеографическим прорывом в развитии этимологической параметрической зоны словарной статьи стал выход лингвострановедческого словаря «Русские фразеологизмы» (1990) В.П. Фелициной и В.М. Мокиенко, переформатированного затем в «Школьный фразеологический словарь» (2002), и «Фразеологический словарь для школьников» (2005), где представлен весь корпус национально маркированных фразеологизмов русского языка (около 600 единиц). Авторы систематизируют материал не по синхронному значению, как в традиционных тематических классификациях, а руководствуются диахроническим принципом, учитывая сферу происхождения ФЕ. Этимологическая разработка фразеологизма представлена здесь в двух структурных частях словарной статьи: в толковании отдельных слов и грамматических форм (как правило, устаревших) и в лингвострановедческом комментарии, описывающем явление быта или историческое событие, к которому восходит фразеологизм. Комментарий строится таким образом, чтобы читателю стал ясен путь переосмысления прототипа ФЕ, механизм развития переносного значения. Иногда составители включают в комментарий литературные цитаты, в которых выражение, впоследствии ставшее фразеологизмом, употреблено еще в своем исходном, прямом смысле. За этимологизацией фразеологизма следует толкование ФЕ, пред-

ставляющее конечную точку процесса фразеоморфизма – современное фразеологическое значение.

Этимологический параметр становится центральной частью словарной статьи масштабного проекта А.К. Бириха, В.М. Мокиенко и Л.И. Степановой: «Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник» [1998; 2001]. Анализируя третье издание словаря, получившего иное название – «Русская фразеология: Историко-этимологический словарь»⁶ [ИЭС 2005], М.А. Бобунова отмечает такие его характерные черты, как максимально полный словарь тех фраз, которые требуют историко-этимологического толкования (6000 фразеологизмов, извлеченных из более чем 1600 источников XIX – XX вв.); полнота представленности всех известных этимологий того или иного выражения (например, *собаку съел* – 8 этимологических версий; *показать кузькину мать* – 8 версий; *танцевать от печки* – 4 версии); учет не только материала литературного языка, но и разговорно-просторечных вариантов, индивидуально-авторских трансформаций и данных диалектов; попытка показать русскую фразеологию в зеркале сопоставления с другими европейскими языками, в первую очередь, славянскими [Бобунова 2009: 70].

При изложении версий авторы придерживаются принципа летописания и не навязывают читателю своего мнения, поэтому явный критический анализ излагаемых гипотез в словаре отсутствует. Авторы стремились «корректно отразить все версии за 200 лет в их концептуальной первозданности и дать тем самым читателям-любителям и специалистам языковедам материал для самостоятельного анализа и трезвой критики» [ИЭС 2005: 8]. Предвидя замечания по этому поводу, В.М. Мокиенко в предисловии оговаривает, в каких статьях читатель может найти авторское мнение, и принимает решение стать «мишенью «товарищеской критики», «принимая огонь на себя» [там же].

⁶ Материалы данного словаря, а также многих других, включая детские (Волина 2001), активно используются в проекте Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых «Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (2008), где реализуются идеи научной школы когнитивной фразеологии Н.Ф. Алефиренко. Информацию об истории происхождения фразеологизма (фраземы) авторы помещают в «когнитивно-культурологическую часть» словарной статьи.

Начиная с 2000-го года, выходит целый ряд фразеологических словарей для школьников, непременным атрибутом которых является этимологический комментарий [Грабчикова 2000; Москвин 2000, 2006; Субботина 2007]: этимологическая информация вызывает интерес у читателя, обуславливая спрос на фразеологические словари с этимологической разработкой.

К сожалению, составителям этих учебных фразеографических изданий не удалось достичь уровня лексикографической этимологизации фразеологизма, заданного в учебных словарях В.П. Фелициной и В.М. Мокиенко [1990, 2002, 2005]. Отбирая этимологическую информацию из различных источников, многие лексикографы полагаются лишь на свой вкус, а фразеографическую интерпретацию этимологической информации проводят без учета достижений современной фразеологической науки. «Складывается такое впечатление, что словари пишут все, независимо от степени образования и подготовленности. Академическая наука оказывается здесь наравне с абсолютно некомпетентными исследователями, поэтому рядовому читателю невозможно разобраться, какое издание заслуживает его доверия» [Рылов 2000: ЭР]. Так, этимологические комментарии в словаре А.Ю. Москвина [Москвин 2000]⁷ можно назвать собранием «фантастических гипотез». К явным недочетам составителей словарей можно отнести и отсутствие указаний на источник цитирования при репрезентации истории происхождения фразеологизма, как, например, в словаре Л.А. Субботиной [Субботина 2007], куда большинство этимологических комментариев перенесено из словаря В.П. Фелициной и В.М. Мокиенко [2002].

Таким образом, наблюдаемая в последние годы тенденция к некоторой фразеографической вольности в подаче этимологической информации осложняет развитие учебной фразеографии и принижает ее до ранга «наивной». Эти проблемы особенно характерны для учебных фразеографических источников, адресованных младшему школьнику.

Учебная лексикография, ориентированная на начальную школу, в начале XXI века только начинает свое становление. С 2001 года выпускаются фразео-

⁷ Далее словарь переиздавался в 2002, 2004, 2006, 2010 году.

логические словари для школьников младшего возраста: «Фразеологический словарь» В.В. Волиной (2001), «Большой фразеологический словарь для детей» Т.В. Розе (2002, 2005), «Учусь понимать образные выражения: фразеологический словарики» Г.М. Ставской (2002), «Почему так говорят: фразеологический словарики школьника» О.Д. Ушаковой (2004), «Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей» С.В. Волкова (2009), «Фразеологический словарь. Почему мы так говорим? (1-4 классы)» Н.В. Баско (2011) и др.

Во фразеографических изданиях В.В. Волиной (400 ед.) и О.Д. Ушаковой (140 ед.) наиболее детальной разработке подвергается зона этимологической параметризации материала, и именно здесь наблюдаются многочисленные факты серьезных упущений и противоречий при интерпретации процессов фразеомообразования.

Используя опыт занимательных этимологических разработок [Альперин 1956; Вартаньян 1960]⁸, авторы указанных детских словарей пишут об истории крылатых слов в форме отдельных увлекательных очерков, адаптируя имеющийся материал к особенностям восприятия младшего школьника. Однако незнание авторами некоторых нюансов возрастной психологии приводит к недочетам, которые затрудняют понимание адресатом словаря процесса метафоризации оборота и не способствуют осознанию развития фразеологического значения. Так, в выводе о происхождении ФЕ *белены объелся* [Ушакова 2004: 8] упускается союз следствия *поэтому*, что затрудняет восстановление логических связей между суждениями.⁹ А значит, при лексикографической этимологизации фразеологизма необходимо (с учетом фактора адресата) использовать определенный набор языковых средств, в том числе логические маркеры объяснения – союзы следствия *поэтому, так что* и др., метатекстовые модальные слова *итак, иначе говоря* и др.

Типичной ошибкой детских фразеологических словарей, в том числе и словаря О.Д. Ушаковой, является включение в словарную статью информации

⁸ С. А. Лаврова продолжает данные традиции [Лаврова 2012].

⁹ В исследовании Н. И. Лифинцевой [1986: 144] показано, что без специальной педагогической поддержки младший школьник не в состоянии установить связь между двумя суждениями.

о другом фразеологизме с его семантизацией и этимологизацией. Например, описание происхождения фразеологизма *как с гуся вода* [там же: 38] необоснованно перебивается этимологизацией фразеологизма *мокрая курица*.

Г.М. Ставская и Т.В. Розе также обращаются к этимологическому комментированию ФЕ в своих словарях. Так, во фразеографическом пособии для начальной школы Г.М. Ставской «Учусь понимать образные выражения: фразеологический словарик» (450 ед.) более половины словарных статей снабжены этимологическим комментарием. Следует отметить, что при конструировании комментариев, автор умело использует интерактивные текстовые стратегии. В аннотации к данному словарю говорится, что понимать образные выражения, правильно их употреблять нужно каждому владеющему русским языком с детского возраста [Ставская 2002: 2]. К сожалению, в целом ряде случаев решить эту задачу с помощью словаря Г.М. Ставской оказывается невозможным из-за неграмотной этимологической разработки оборотов. Иногда автор, пытаясь толковать метафору, также использует метафорическое выражение, которое не проясняет адресату механизм фразеомообразования. Об этой типичной ошибке предупреждают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский: «Информация о внутренней форме не должна повторять метафору» [Баранов, Добровольский 2008: 191]. Приведем пример такой лексикографической ошибки из пособия Г.М. Ставской: *Как (словно, будто, точно) ветром сдуло (кого-то). – Кто-то очень быстро исчез, убежал. <...> – Очень образное сравнение, не правда ли? Что может быть быстрее ветра?!* [Ставская 2002: 84].

Следующим недочетом в разработке этимологического параметра в этом словаре является подмена этимологического комментария комментарием к тексту-иллюстрации: *Как сквозь землю провалился (кто-то). – Кто-то неожиданно исчез, потерялся. Она [Каштанка] перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но, увы! столяра уже там не было. Она бросилась вперёд, потом назад, ещё раз перебежала дорогу, но столяр точно сквозь землю провалился <...> – Образно сказано: ведь Каштанка не видела, чтобы хозяин уходил в каком-то направлении, а он вдруг неожиданно исчез* [там же: 93].

Этимологические разработки таких фразеологизмов, как *мало каши ел* (там же: 109), *вертеться как белка в колесе* [там же: 24] и др., основаны на недостоверных версиях. Сведение этимологизации фразеологизма *калачом не заманишь* к толкованию слова *калач* – «вкусная пшеничная булка» не раскрывает образ фразеологизма и не позволяет читателю осмыслить историю развития фразеологического значения [там же: 94].

К целому ряду ошибок при этимологизации фразеологизмов в детских словарях приводит факт неучета специфики различных механизмов фразеоморфирования. Так, базовой техникой смысловой модификации при фразеоморфировании является метафора (в основе которой лежит сравнение). Она невозможна без кантовского «модуса фиктивности», смысл которого выражается в форме «как если бы». При этимологической разработке фразеологизма данный модус, дающий возможность уподобления логически несопоставимых сущностей, эксплицируется персуазивными частицами *словно, точно, якобы, как бы, будто бы* и др. Отсутствие данных маркеров в детских фразеологических словарях усугубляет буквальное восприятие выражения адресатом. Это особенно характерно для фразеологизмов, переосмысление которых основано на совокупности буквальных значений их компонентов, когда «переменный прототип» (А.В. Кунин) не употребляется в языке. В этой связи приведем пример неудачной этимологизации компаративного фразеологизма с таким переменным прототипом из словаря Г.М. Ставской: *Как аршин проглотил*. – Стоит неестественно прямо, как деревянный. < ...> – Откуда такое сравнение? ‘Аршин’ – старинная мера длины в виде деревянной линейки длиной 71 см. Ею измеряли материю, высоту человека. А теперь представьте себе человека, который проглотил этот аршин [Ставская 2002: 82].

Аналогичные недоработки характерны и для «Большого фразеологического словаря для детей» Т.В. Розе, который часто критикуется во фразеологических кругах [Жукова 2008: ЭР].

Во фразеологическом словаре Н.В. Баско (2011) к некоторым фразеологизмам даются этимологические справки, заимствованные из известных лекси-

кографических источников [ОЭСРФ 1987; ШФСРЯ 1989; РФ 1990; ИЭС 2005; БФСРЯ 2009 и др.] и представленные в дополнительном комментарии под знаком (•).

Анализ детских фразеологических словарей позволил нам свести все разнообразие этимологических комментариев к нескольким основным типам, характеризующимся структурными и композиционными особенностями.

Вполне оправданным для детской фразеографии считаем включение контекстов употребления фразеологизма в его этимологическую разработку, например, отрывка из «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина в этимологический комментарий ФЕ *белены объелся* [Ушакова 2004: 8]. Обозначим этимологический комментарий с такой архитектурой как ТИП 1.

Следующий выявленный нами тип комментария (ТИП 2) характеризуется привлечением дополнительной культурологической информации. Однако комментарий такого типа не всегда бывает исчерпывающим по причине недостаточного раскрытия содержания используемых в нем культурологических понятий. Данный факт убедительно иллюстрирует этимологическая справка к фразеологизму *коломенская верста* [там же: 40], где отсутствует толкование многозначного слова *верста*.

Положительным моментом этимологической разработки фразеологизма *как с гуся вода* [там же: 38] является указание на сферу происхождения фразеологизма (из детского фольклора) и раскрытие его образной мотивировки (особенность оперения водоплавающих птиц), что позволяет адресату словаря в деталях проследить развитие фразеологического значения. Отнесем такой этимологический комментарий к ТИПУ 3.

Реализация коммуникативной тактики «диалога с читателем» в процессе словарной разработки этимологии фразеологизма – такова «лексикографическая лепта» В.В. Волиной в развитие этимологического параметра детского фразеографического словаря. Текст-этимологизация строится здесь как ответ на вопрос, поставленный в начале словарной статьи (ТИП 4): *Как корова языком*

слизала. Так говорят, когда кто-то быстро и бесследно исчез, что-то пропало. А при чем здесь корова? ... [Волина 2001: 73].

Установление интерактивных связей, диалогических отношений с адресатом – несомненное достоинство «Фразеологического словаря» В.В. Волиной. При этимологизации некоторых фразеологизмов (напр., *бить баклуши*, *выводить (выходить) на чистую воду*) автор удачно представляет в одной статье разные версии происхождения фразеологизма (ТИП 5).

Этимологические разработки фразеологизмов для дошкольников предлагаются в пособии по развитию речи «Не клуй носом: знакомство с фразеологизмами» [Лавреньева, Валасина 2007]. При изложении этимологической версии авторы придерживаются четкого алгоритма и начинают комментарий с объяснения прямого значения прототипа-словосочетания. Такую разновидность этимологического толкования отнесем к ТИПУ 6: *«Считать ворон»: Один, два, три, четыре, пять... вышел зайчик посчитать. А ты умеешь считать? До сколько ты можешь сосчитать? Посчитай свои и мамыны пальчики, книжки, игрушки. Что ещё можно считать? А пробовал ли ты считать ворон? Послушай, как это делал в стихотворении воробей...* [там же: 4].

Таким образом, в практической детской фразеографии наметилась алгоритмы (модели) этимологизации, касающиеся «внешней» стороны словарной разработки этимологии фразеологизма (способ подачи материала, его структурирование, включение дополнительной информации и т.д.).

Содержательная сторона этимологической репрезентации ФЕ также должна быть в определенной степени алгоритмизирована, а алгоритмы при этом могут строиться с учетом конкретных механизмов фразеомообразования, основанных на метафорическом переосмыслении, метонимическом переносе, алогических лексико-семантических связях компонентов и др.

Разработка таких алгоритмов и является одной из задач нашего исследования, результаты решения этой задачи будут представлены ниже.

3.1.2. Фразеологический образ как ключевой параметр этимологизации фразеологизма

Ключевым параметром этимологизации фразеологизма следует признать квалификацию фразеологического образа, что обусловлено языковым и этнокультурным феноменом фразеологической образности, эксплицирующей суть механизма фразеомоброзования.¹⁰

В современной фразеографической традиции особое место уделяется словарной разработке образно-мотивирующего макрокомпонента фразеологического значения, «хранящего следы «эволюционных шагов» на пути идиомообразования и создающего тем самым предпосылку для воссоздания этого сложного процесса. Это один из «работающих» компонентов семантики идиом, не только фиксирующий признак, лежащий в основе создания нового имени, но и выполняющий своего рода интродуктивную роль, т.е. роль семантической сущности, вводящей коннотацию» [Астахова 1990: 146-147].

Разработчики фразеологического компонента Машинного фонда русского языка предлагают описывать образно-мотивирующий макрокомпонент фразеологического значения на основе следующих параметров: характер образа, лежащего в основе переосмысления значения прототипа, вид тропеического преобразования, образность внутренней формы, соотношение внутренней формы с национально-культурной картиной мира [ТББД 1990: 5].

Ю.П. Солодуб предлагает 2-х-уровневую параметрическую модель образности ФЕ. Первый уровень параметризации образности фразеологизма, по его определению, это своего рода восстановление фразеологического образа, мотивирующего обобщенно-переносное значение, и репрезентация его в терминах тропов как некой общезыковой художественной миниатюры [Солодуб 1990: 142]. Второй уровень параметризации обращен уже непосредственно к

¹⁰ О том, что фразеологизмы возникают по преимуществу на образной основе см. в работе А. Г. Назаряна [1987: 134-145].

семантическим механизмам, лежащим в основе того или иного тропа [там же: 144].

Анализ фразеологических словарей [РФ 1990; ИЭС 2005; ФОСРЯ 2009; БФСРЯ 2009] позволил нам выявить разнообразные способы репрезентации фразеологического образа, используемые фразеографами-практиками в разных параметрических зонах словарной статьи. Здесь мы ограничимся рамками зоны толкования и этимологизации фразеологизма.

Отличительной чертой «Фразеологического объяснительного словаря русского языка» [ФОСРЯ 2009] является оригинальный способ толкования идиом, при котором раскрывается их значение, включая образную составляющую семантики – метафору, лежащую в основе развития значения. Таким образом, авторы посредством словарного толкования реализуют свою концепцию репрезентации внутренней формы идиомы, указание на которую может быть эксплицитным и имплицитным [Баранов, Добровольский 2008: 190].

Техника эксплицитного отражения внутренней формы фразеологической единицы в дефиниции предполагает наличие семантических операторов типа «сопоставимо с X-ом», «как бы X», «напоминает X», «воспринимается как X», «точно так же, как X», «ассоциируется с X-ом», «может быть объяснено как X», «аналогично X-у» и др., вводящих в разных вариантах идею «возможного мира», сопоставления или ассоциаций (операторы возможного мира, контрастивные операторы, дескриптивные операторы) и т.п. ИГРАТЬ В КОШКИ-МЫШКИ (с кем-л.). Делать что-либо, скрывая свои истинные намерения, *напоминая поведение участников детской игры, в которой один участник должен поймать остальных* [ФОСРЯ 2009: 246].

При имплицитной технике представления внутренней формы соответствующая семантическая информация, не выделенная особым маркером, распределяется между различными элементами толкования. К имплицитным способам представления образной составляющей относится техника, раскрывающая следствия из метафоры, лежащей в основе образа, (например, в идиомах *(и) не пахнет, конца не видно* следствия из метафоры восприятия описаны как ‘невоз-

мжность обнаружения чего-либо») [Баранов, Добровольский 2008: 200], перифраз внутренней формы (т.е. перевод в толковании нестандартного способа указания на что-либо в стандартный, например, в идиоме *по пальцам можно пересчитать* внутренняя форма указывает на то, что для перечисления чего-либо достаточно пальцев одной или двух рук: тот же самый смысл более стандартным образом передается идеей 'отказа от использования больших чисел') [там же: 203], использование родо-видовых отношений между толкованием и внутренней формой толкуемой идиомы (так, в толковании идиомы *на вес золота* 'золото' интерпретируется как 'ценность') [там же: 204].

Как справедливо отмечают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, «экспликация образа в толковании не идентична этимологии идиомы; это разные феномены» [там же: 12]. Не случайно при лексикографической этимологизации фразеологизма помимо расшифровки образа в отдельной параметрической зоне статьи используются и другие способы его интерпретации.

Так, в лингвострановедческом словаре «Русские фразеологизмы» [Фелицина, Мокиенко 1990] реализуется такой способ словарной разработки фразеологического образа, как группировка фразеологизмов вокруг образного компонента, создающего этнокультурный фон и обычно называющего какую-либо специфическую русскую реалию – предмет одежды, национальное блюдо, народную игру, древнюю меру веса и т.п. Этот стержневой компонент этимологически разрабатывается и объединяет несколько словарных статей:

ГРОШ – вышедшая из употребления старинная русская монета достоинством в 2 копейки (XVII–XVIII вв.); затем словом «грош» стали называть монету в полкопейки; в переносном смысле «грош» – очень маленькая сумма: *ни гроша за душой; ни за грош; гроша медного (ломаного) не стоит* [РФ 1990: 129].

Еще одним фразеографическим способом, позволяющим читателям глубже понять образную основу фразеологизма, является сведение авторами культурной информации отдельных статей в особый тематико-идеографический указатель, который при общей строго алфавитно-стержневой

структуре словаря оказывается «обобщенной типологией внутренней формы описываемых в нем фразеологизмов» [Мокиенко 1982: 117].

Образность идиом в полной мере раскрывается и в лексикографическом проекте «Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник» [ИЭС 2005], где авторы интерпретируют фразеологический образ в терминах тропов, т.е. как образ метафорический и метонимический:

Хоть топор вешай. Неодобр. Невыносимо душно, накурено; совершенно нечем дышать. <...> Оборот построен на прозрачной метафоре: 'воздух в помещении настолько плотен, что способен удерживать даже тяжелый топор'. Гиперболистический образ создает сильную экспрессию фразеологизма [там же: 693].

Для репрезентации образной структуры фразеологизма в процессе фразеологизации словосочетания применяется и разработанный В.М. Мокиенко метод структурно-семантического моделирования [Мокиенко 1989]: *Тяну ть kota за хвост.* <...> Фразеологизм возник распространением глагола *тянуть* в том же значении, что и в оборотах той же модели: *тянуть канитель, тянуть время, тянуть резину.* «Наращивание» именных компонентов и создание образной «картинки» возвращает глаголу его конкретное значение, а переносное значение получает все сочетание [ИЭС: 252].

Авторы «Большого фразеологического словаря русского языка» [БФСРЯ 2006] используют комплексный способ репрезентации фразеологической образности. В данном проекте успешно воплощается многоуровневая модель словарной интерпретации образа фраземы. В собственно культурологическом комментарии (отдельная зона словарной статьи) рассматриваются:

1) соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с древнейшими пластами культуры: архетипическими противопоставлениями, мифологическими представлениями об устройстве мира, библейскими слоями культуры;

2) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с фольклорно-литературными источниками;

- 3) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с кодами культуры;
- 4) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с видами тропов;
- 5) соотнесенность образа фразеологизма в целом или его компонентов с «языком» культуры, т.е. указание на ту роль, которую выполняет образ фразеологизма в целом или отдельные его компоненты как знаки языка культуры;
- 6) типы текстов (дискурса), где зафиксирован как типичный или продуктивно функционирует фразеологизм;
- 7) образные аналоги (эквиваленты, близкие по смыслу устойчивые выражения и под.) в других языках. [БФСРЯ 2006: 17].

Так, комментируя с культурологической точки зрения ФЕ *Как баран на новые ворота*, авторы подчеркивают, что образ фразеологизма восходит к анимистическому, одушевляющему зооморфный мир представлению, связывают фразеологизм с архетипическим понятием “иной”. Компонент *баран* соотносится с зооморфным кодом культуры, совокупность компонентов *новые ворота* – с вещным и временным кодами культуры. Подчеркивается, что в основе создания фразеологизма лежит эталонизация глупости. Такое свойство человека, как неумение разобраться в неожиданно возникшей ситуации, уподоблено свойствам, которые человек “приписал” *барану*, – тупости, ограниченности. Примеры из художественной литературы и фольклора доказывают, что сравнение глупого человека с объектами зооморфного мира основано на представлении об инаковости дурака, о его иной ипостаси, этим же обусловлено сравнение дурака с деревом, с животными. Фразеологизм в целом представлен как эталон интеллектуальной неразвитости, тупости человека [БФСРЯ: 290].

Еще одним способом словарной интерпретации фразеологической образности является использование зрительной наглядности: метафорические и метонимические образы легко передаются при помощи зрительных образов [Кунин 1986: 76]. На этом принципе строится лексикографическая разработка материала для иностранцев в серии иллюстрированных словарей «Русские фра-

зеологизмы в картинках» (составитель - М.И. Дубровин в соавторстве с фразеологами различных стран Европы, худ. В.И. Тильман). 600 русских фразеологизмов весьма остроумно иллюстрируются здесь в двух планах - на уровне внутренней формы и по поверхностной денотации [Дубровин, Шенк 1979], [Дубровин, Касталос 1981], [Дубровин, Меллу 1986].

В первом рисунке отражается внутренняя форма фразеологизма, исходная точка развития фразеологического значения. При этом весь фразеологический механизм должен осознаваться читателем, сопоставляющим «исходные данные» с «картинкой», получаемой на выходе (второй рисунок) и отображающей ситуацию употребления ФЕ в современном языке. Так, изображение женщины в крестьянской одежде, несущей на коромысле решето, из которого льется вода, иллюстрирует протопит фразеологизма *носить воду решетом*. Удачно подобрана и вторая иллюстрация – рабочий с пылесосом на взлетной полосе аэродрома. [Дубровин, Меллу 1986: 180].

Однако ряд рисунков фиксирует ложные («народные») этимологии, базирующиеся на изменившемся звуковом облике одного из компонентов ФЕ: *посадить в галошу* (на рисунке – человек, сажающий другого в огромную галошу [Там же: 405], хотя прототип ФЕ, как известно, включал древнерусское слово *калужа* – ‘лужа’); *реветь белугой* (изображение плачущей рыбы семейства осетровых) [Там же: 242] – ср.: изначально: *реветь белухой*, где *белуха* – ‘полярный дельфин’.

Зачастую иллюстративная этимология строится без учета многозначности образного стержня, которым может оказаться и диалектное слово (*попасть в переплёт* – ‘оказаться в сложном положении’; диал. *переплёт* – плетеная рыболовная снасть; однако на рисунке в словаре М.И. Дубровина изображен человек в книжном переплете) [Там же: 216].

Авторы и художники детских фразеологических словарей [Ставская 2002; Розе 2005; Волков 2009], иллюстрируя фразеологизмы только на уровне прототипа, явно не вникают в проблематику фразеологического образования и искажают исходный образ подобно приведенным выше примерам, напр., в «Уникальном иллю-

стрированном фразеологическом словаре для детей» это касается репрезентации фразеологизмов *как за каменной стеной, держать камень за пазухой, остаться с носом* [Волков 2009: 80, 82, 133].

Невозможность сопоставления ребенком иллюстраций¹¹ к денотату прототипа и денотату фразеологизма в синхронии затрудняет осознание фразеоморбидного механизма, что приводит к многочисленным ошибкам «буквализмам» на уровне восприятия фразеологического оборота и попыток «расшифровки» его внутренней формы. Такие ошибки, зафиксированные после прочтения младшими школьниками словарных статей из перечисленных словарей, собраны в нашей картотеке в количестве 350 единиц.

Лексикографическая реализация стремлений автора (художника) сделать словарь доступным и привлекательным для ребенка довольно часто не только не отвечает критерию научности, но и нарушает принцип здоровьесберегающего содержания учебной фразеографии. Так, в этимологизирующих иллюстрациях словаря Г.М. Ставской (*уши развесил, точить зубы, горе луковое, око за око, прокрустово ложе*, явно просматриваются садистские и садомазохистские мотивы [Ставская 2002: 197, 190, 44, 131, 159]

Невозможно не отметить, что зачастую рисунки эксплицируют ложные этимологии, при этом наблюдается отступление от принципа политкорректности и эстетичности учебного фразеографического гипертекста. Например, рисунок к фразеологизму *собаку съест* в словаре Т.В.Розе: официант восточной наружности несет на подносе собаку [Розе 2005: 183].

Так эффективнейшее средство наглядной этимологизации - художественная иллюстрация - становится средством дезинформации. Это еще раз убеждает нас в том, что способы репрезентации образности ФЕ в учебных фразеологических словарях должны разрабатываться с учетом адресата при соблюдении принципа научной достоверности.

¹¹ По данным психологов, зрительный фактор является ведущим при запоминании учебного материала младшими школьниками.

Согласно нашей лексикографической концепции, наиболее адекватным способом словарной интерпретации фразеологического образа является установление синсемантических отношений между вербальными и паралингвистическими элементами интерактивного лексикографического текста, где «вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве облигаторного (обязательного) элемента текста» [Валгина 2003: ЭР]. Примеры такого этимологизирующего текста будут приведены в разделе 3.2. при рассмотрении отдельных коммуникативных ходов этимологического парафразирования, а также в разделе 3.3. при рассмотрении текстоорганизующих приемов построения этимологической парафразы. Здесь же отметим, что помимо адекватных ситуативных художественных иллюстраций к синхронному значению ФЕ и иллюстрирования прототипической ситуации в этимологизирующей части словарной статьи по ходу текста могут использоваться вспомогательные схематические мини-предметные картинки, которые отображают некоторые компоненты образной структуры ФЕ или подводят к ним, создавая дополнительные стимулы для осознания и запоминания читателем этимологической версии.

Приведем в качестве примера фрагмент разработанного нами интерактивного лексикографического текста к фразеологизму *как (словно) в воду канул*.

<...> В истории этого выражения соединились два образа. Какие? Давай сначала отгадаем загадку-сказку.

«В одном замке жила-была принцесса.

Вышла она однажды погулять по тропинке перед замком.

Дошла по тропинке до озера.

Вдруг что-то упало в воду и безвозвратно утонуло. Что принцесса уронила в озеро? (Ответ перевернут: ключ).

(Вот и первый образ падающего в воду и безвозвратно тонущего ключа (камня или другого тяжёлого предмета).

Плачет у озера принцесса. Кап-кап-кап. (Дается рисунок капель и кругов на воде).

Слезинки-капельки бесследно исчезают, растворяются в воде. Капнут и исчезают, капнут и исчезают. А точнее - канут и исчезают. Раньше так говорили.

*(Вот и второй образ – капля, бесследно растворившаяся в воде. А **кануть** – устаревшая форма глагола **каннуть**).*

*Теперь объединим два образа, с которыми связано происхождение фразеологизма: образ упавшего в воду и скрывшегося камня и капли, бесследно растворившейся в воде. Отсюда и переносное значение выражения: **как в воду канул** – «бесследно исчез; пропал»¹².*

Таким образом, сочетание вербальных и вспомогательных невербальных средств интерпретации фразеологического образа образует словарный текст смешанного типа. Как отмечает Н.С. Валгина, взаимодействуя друг с другом, вербальный и паралингвистический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект [Валгина 2003: ЭР].

Реализовать этот и другие эффективные приемы декодирования фразеологического образа и репрезентации механизма фразеомообразования позволяет предлагаемая нами лексикографическая модель этимологического парафразирования.

3.1.3. Этимологическая парафраза вид учебного лексикографического дискурса

Каждый параметр словаря имеет определенную типологию решений, внутри которой лексикограф определяет свой выбор [Зарецкая 2002: ЭР].

¹² В приводимых фрагментах словарных разработок, полученных в результате нашего исследования, мы сохраняем принятый в современной школьной практике прием оформления значения слова или фразеологизма двойными кавычками.

Обозначим основные позиции, реализуемые в нашей лексикографической концепции, относительно специфики конструирования зоны этимологической параметризации ФЕ в учебном словаре.

Мы разделяем мнение Ю.И. Леденёва, который подчеркивает, что именно дискурсивный подход в сочетании с уже сложившимися методами создает новые возможности для практической и теоретической лексикографии [Леденёв 2009: 38], ведь «именно металингвистическая природа словарной статьи позволяет классифицировать ее как элементарную единицу лексикографического дискурса» [Резунова 2006: 111]. Реализация дискурсивного подхода к конструированию словарной статьи позволяет автору более конструктивно воздействовать на адресата. Это объясняется тем, что в настоящее время чрезвычайную актуальность исследований, объединяющихся вокруг понятия «адресат словаря», обуславливает коммуникативная, речевая (метаречевая) природа словаря [Каламбет 2006: 79].

По определению Н.Д. Арутюновой, дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте [Арутюнова 1990: ЭР]. Подобным же образом Н.Ф. Алефиренко определяет дискурс как когнитивно-коммуникативное явление, «в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации» [Алефиренко 2006: 7].

Лексикографический дискурс рассматривается как организованная совокупность микротекстов, «погруженных в жизнь» [Журавлёв 2004: 7].

В нашем исследовании мы придерживаемся широкого понимания лексикографического дискурса как двухуровневой сущности в единстве содержания (некоторой области человеческих знаний или практики) и формы – языковых средств, служащих для вербализации этих знаний и практик [Белоглазова 2010: 7]. Такой дискурс реализуется через определенный репертуар речевых тактик и коммуникативных ходов.

В нашей лексикографической концепции результатом данного «дискурсивного» конструирования является интерактивный этимологический учебный гипертекст. Настоящий подход согласуется с точкой зрения В. В. Красных, которая под дискурсом понимает вербализованную речемыслительную деятельность, предстающую как совокупность процесса и результата. В качестве дискурса как процесса выступает сама вербализируемая деятельность, в качестве дискурса как результата – совокупность текстов [Красных 2001: 200].

В то же время совершенствование приемов этимологизации связано и с пониманием ФЕ как «микротекстов»¹³, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [Телия 1996-б: 8].

Также адекватного учебно-лексикографического воплощения требует закреплённый за ФЕ статус «сжатых текстов культуры» [Ковшова 2006: 151], в которых «уже содержится некая свернутая до предела программа их дальнейшего возможного развертывания» [Кубрякова 1994: 20] в культурологически значимые тексты.

В нашем исследовании научная версия происхождения фразеологизма выступает в качестве «текста-основы (первичного текста, прототекста)» [Ионова 2006: 142], на базе которого мы конструируем вторичные тексты, интерпретируя этимологическую версию и адаптируя ее к новым условиям учебной коммуникации. Мы применяем операции этимологического парафразирования к информации, представленной в лингвострановедческих, историко-этимологических, толковых фразеологических словарях русского языка [РФ 1990; Фелицина, Мокиенко 2002; ИЭС 2005; БФСРЯ 2006] - достоверных источниках историко-этимологических версий, с их развернутыми культурологи-

¹³ Термин «микротекст» был введён И.Н. Черкасовой в одной из публикаций, связанных с разработкой словарных статей для Машинного фонда русской фразеологии в 90-е гг. XX в. [Телия 2005:14]

ческими комментариями, вытекающими из предварительной многоэтапной реконструкции исходных образов русских идиом.

Вторичные тексты¹⁴, а том числе и продукты этимологического парафразирования, рассматриваются как производные речевые произведения, образованные от текста-основы разными способами (путем свертывания, развертывания, переосмысления, упрощения, трансформации и др.) [Ионова 2006: 142]. По словам Л. В. Сахарного, эти новые формы являются результатами перекодирования исходного текста, передающими инвариант содержания то более развернуто, то более свернуто [Сахарный 1991: 224-225].

В словаре Д. Н. Ушакова «перифраза», или «парафраза» («парафраз») трактуется как выражение, представляющее собой описательную, распространенную передачу смысла другого выражения [Ушаков 2006: 681-682].

З.Г. Теучеж квалифицирует парафразу как результат моделирования вторичного высказывания на основе частичного преобразования смысла опорного (первичного) высказывания, и отмечает, что парафразирование обусловлено речевым намерением говорящего и связано с появлением дополнительных коммуникативных заданий» [Теучеж 2008: 5]. Е.Л. Туницкая выявляет прагматические характеристики перифрастических дискурсов и специфические черты каждого из них [Тунцкая 2010].

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский пишут о перифрастическом преобразовании как одной из имплицитных техник введения внутренней формы идиомы в толкование [Баранов, Добровольский 2008: 203].

В своей фразеографической концепции мы обращаемся к этимологическому парафразированию, понимаемому нами как процесс адекватной адаптации и интерпретации научной этимологической версии в новых дискурсивных условиях с учетом фактора адресата-ребенка. Такая этимологическая парафраза является лексикографической моделью процесса фразеомообразования.

¹⁴ Мы придерживаемся точки зрения В.И. Карасика, который, анализируя понятие *вторичный текст*, к числу признаков, определяющих его типологию относит объём, оценку, сложность, код [Карасик 1997: 69].

При конструировании словарной статьи в рамках дискурсивного подхода мы рассматриваем этимологическую парафразу как речевую тактику интерактивного учебного дискурса¹⁵. По нашему мнению, этимологическое парафразирование может служить метаязыком для адекватной словарной репрезентации историко-этимологической информации в учебном фразеологическом словаре, что соотносится с точкой зрения О.С. Ахмановой и Л.В. Минаевой, которые пишут о метаязыке учебной лексикографии [Ахманова, Минаева 1982: 5-11], а также позицией Е.Л. Туницкой, которая раскрывает метаязыковый характер перифразирования [Тунцкая 2010: 4].

Речевая тактика этимологической парафразы реализуется в системе коммуникативных ходов этимологического парафразирования.

Под коммуникативным ходом мы, вслед за О.С.Иссерс, понимаем прием¹⁶, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики [Иссерс 2008: 117]. Мы опираемся и на определение коммуникативного хода как вербального или невербального действия одного из участников дискурса, минимального значимого элемента, развивающего взаимодействие, продвигающего общение к достижению общей коммуникативной цели [Макаров 2003: 182]. Таким образом, *коммуникативный ход лексикографической этимологизации* может быть определен как прием, используемый лексикографом в интерактивном дискурсе с целью репрезентации процесса фразеомообразования адресату словаря.

Такой лексикографический прием может состоять из нескольких лексикографических шагов – действий, направленных на решение конкретной промежуточной задачи при этимологизации ФЕ. При реализации одного лексикографического приема (или при одновременном использовании двух и более) образуется этимологический модуль.

Лексикографические приемы или же коммуникативные ходы этимологизации мы подразделяем на интерпретационные (собственно этимологизирую-

¹⁵ Коммуникативным стратегиям и тактикам современного интерактивного учебного дискурса посвящены диссертационные исследования П.В. Токаревой (2005) и К.С. Рашупкиной (2010).

¹⁶ В свою очередь, под приёмом понимается определенный смысловой ход, использующий целый ряд языковых средств [Шмелёва 1987: ЭР].

щие) и текстоорганизующие. Первые - эксплицируют непосредственно механизм фразеомообразования, и в основном закреплены за определенным тропеическим типом ФЕ (они будут представлены в разделах 3.2.2.1 – 3.2.2.5, посвященных лексикографической разработке ФЕ различных тропеических блоков).

Текстоорганизующие приемы, позволяющие в соответствии с общим тактическим замыслом составителя строить лексикографический гипертекст этимологической зоны словарной статьи, не закреплены за определенными тропеическими блоками ФЕ. Их разновидности - сюжетно-композиционные и диалогообразующие («автор-адресат») приемы – будут рассмотрены в разделах 3.3.1. и 3.3.2.

По мере интерактивного развертывания¹⁷ информации о происхождении ФЕ с использованием определенных коммуникативных ходов формируются своего рода этимологические конфигурации, когда полученные тексты «облачаются» в разные дискурсные оболочки, которые в своей совокупности составляют учебный интерактивный гипертекст этимологической зоны словарной статьи.

Вопросы фразеологической конфигурации рассматриваются в работах А.В. Кунина [Кунин 1986: 108], А.М. Мелерович [Мелерович 2007]. Определяя этимологический тип конфигурации, мы основываемся на определении М.Г. Тагиева, который под конфигурацией понимает конструкцию, образованную на основе собственно структурной связи между фразеологизмом и связанным с ним элементом (единицей). Конфигурация в его трактовке состоит из самой фразеологической единицы как ядра и ее окружения [Тагиев 1966: 50].

Это окружение, необходимое для реализации конкретного смыслового содержания ФЕ, выступает в роли фразеологического актуализатора [Мелерович 2007: 171].

¹⁷ Есть и другое понимание фразеологического развёртывания. Например, О. П. Фесенко под фразеологическим развёртыванием понимает «намеренное выявление мотивирующей фразеологизм внутренней формы через утрату устойчивости и употребления компонентов в роли свободных слов (при общем образном тождестве фразеологического контекста и фразеологической единицы)» [Фесенко 2009: 26].

Е.К. Николаева на материале литературного языка доказывает, что иногда именно контекст, окружение фразеологизма помогает восстановить его историю [Николаева 2006: 397]. В данном случае, по словам В. И. Агамджановой, «контекст действует как восстановительный, компенсирующий аппарат» [Агамджанова 1977: 21].

Для учебной фразеографии представляется оптимальной двухуровневая этимологическая конфигурация.

Фразеографической теории и практике уже известны двухчастные композиции текста этимологической зоны словарной статьи. Так, два уровня (обычный и глубокий) лингвокультурологического комментария выделяет М.Л. Ковшова. Обычная содержательная часть комментария, согласно ее концепции, основана на минимальном, не требующем специального обучения, объеме культурных и языковых знаний, присущих рядовому носителю языка. Глубокая часть комментария предполагает квалифицированное описание фразеологизма, осуществляемое с опорой на научные исследования в области языка и культуры [Ковшова 2009-б: 20].

Ю.П. Солодуб также предлагает двухуровневую модель параметризации образно-мотивирующего макрокомпонента ФЕ. Первый уровень – это, по его определению, своего рода восстановление фразеологического образа, мотивирующего обобщенно-переносное значение, и репрезентация его в терминах тропов как некой общеязыковой художественной миниатюры. Второй уровень параметризации обращен уже непосредственно к семантическим механизмам, лежащим в основе того или иного тропа [Солодуб 1990: 142-144].

В нашей лексикографической концепции на отбор информации о происхождении фразеологизма к каждому из двух уровней этимологических конфигураций ФЕ заметное влияние оказали идеи В.Н. Телия об этапах интерпретации языковых сущностей в контексте культуры, как-то: соотнесение языковых структур с базисными пластами культуры; установление корреляции с кодами культуры; соотнесение с тропами и интерпретация фразеологических структур в контексте культуры; расшифровка собственно языкового образа в целом как

знака «языка» культуры или роли компонентов этого образа как элементов симболия культуры [Телия 2005: 38].

Так, в этимологизирующей конфигурации 1-го уровня, происхождение ФЕ описывается в рамках учебного генетического «мини-дискурса»¹⁸ [Журавлёв 2004: 14]. Здесь речевая тактика этимологического парафразирования реализуются через интерпретационные приемы, раскрывающие тропическую природу внутренней формы фразеологизма, логику формирования фразеологического значения. Этимологическая конфигурация 1-го уровня в рамках словарной статьи представляет собой резюме – краткий вывод о происхождении фразеологизма. Ему предшествует более пространное описание процесса фразеомообразования – этимологическая конфигурация 2-го уровня.

При разработке этимологизирующих конфигураций 2-го уровня мы опирались на методологически важное замечание М.Л. Ковшовой о том, что не троп, лежащий в основе внутренней формы фразеологизма, создает его культурную коннотацию, а, наоборот, из комбинации кодов культуры с их ценностным содержанием рождается тропическая суть фразеологизма: она хранит в себе и транслирует при употреблении фразеологизма культурные смыслы, «вплетенные» в его семантику [Ковшова 2009-а: 6]. Эти культурные смыслы и раскрывает этимологизирующая конфигурация 2-го уровня, где осуществляется лингвокультурологическое комментирование ФЕ, когда особую значимость приобретают такие репрезентанты культурного кода, как безэквивалентная лексика; мифологизированные языковые единицы: обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке; эталоны, стереотипы, символы, ритуалы; религиозные представления, которые выделяет В.А. Маслова [Маслова 2001: 36-37].

Предлагаемая нами система интерпретационных и текстоорганизующих приемов этимологического парафразирования позволяет отразить различные нюансы этнокультурной специфики фразеологизма, раскрыть его лингвокуль-

¹⁸ Понятие «генетического дискурса» как дискурса «рождения», формирования знаков косвенно-производной номинации было введено в теорию фразеологии К. И. Декатовой [Декатова 2009: 11].

турологический потенциал в ходе этимологического комментирования и сделать этот комментарий доступным нашему адресату.

Воплощая нашу фразеографическую концепцию двухуровневой репрезентации процесса фразеомообразования, мы учитываем положения С.В. Ионовой о том, что способность к свертыванию и развертыванию содержания является фундаментальным свойством текста, рассматриваемого в динамическом аспекте – в аспекте его порождения и понимания [Ионова 2006: 86], тогда как степень развернутости текста, детализации его содержания определяется целями, которые ставит перед собой автор произведения, и жанром текста [там же: 91].

Что касается технологии конструирования этимологического гипертекста, то, на наш взгляд, целесообразно «разворачивать» фразеологизм, начиная с его четкой тропеической квалификации, структурирования этимологической конфигурации 1-го уровня, представляющей «свернутую», концентрированную этимологическую версию, и затем описывать происхождение ФЕ способами, характерными для 2-го уровня этимологизации с учетом тропеического механизма. Отсюда – используемая нами нумерация этимологических конфигураций.

«Обратный» порядок расположения конфигураций в рамках этимологической зоны словарной статьи определяется тем, что «идиомы как микротексты нацелены на выводное знание» [Кабакова 1999: 61]. При этом мы учитываем положение Е.В. Черкасовой, о том, что «выводной смысл составляет неотъемлемую часть общего смысла текста [Черкасова 2008: 5]. Таким образом, резюмирующий этимологический минитекст 1-го уровня становится базой «выводного знания» о формировании фразеологического значения. К этому выводу читателя подводит этимологизирующая конфигурация 2-го уровня, которая за счет специальных интерактивных лексикографических приемов позволяют адресату-ребенку как бы «пережить момент возникновения актуального значения идиомы» [Баранов, Добровольский 2008: 376].

Таким образом, нами достигается доступность изложения, что гарантирует адресату (младшему школьнику) понимание механизма развития фразеологического значения.

Предваряя репрезентацию коммуникативных ходов этимологического парафразирования и анализ моделей построения этимологических конфигураций, необходимо подчеркнуть, что фразеологизмы «были и остаются “штучным товаром”» [Баранов, Добровольский 2008: 472]. Поэтому при словарном описании «типовых схем порождения фразеологизмов» мы используем «мягкие алгоритмы» [Савицкий 1993: 37] этимологизации ФЕ, содержащие не императивные, шаблонные предписания, а своего рода рекомендации, оставляющие свободу для творчества лексикографа. Таким образом, для одной ФЕ мы можем получить определенный набор этимологических конфигураций, что даст нам возможность моделировать различные варианты учебного интерактивного гипертекста этимологической зоны словарной статьи. В теоретическом плане разнообразие моделей построения этимологических конфигураций обусловлено принципом «множественности лексикографического описания» одного и того же круга явлений языка или речи [Денисов 1980: 214-215], а также необходимостью фиксации в учебном интерактивном гипертексте этимологической зоны словарной статьи различных типов знаний, раскрывающих многочисленные ракурсы процесса образования той или иной ФЕ.

3.2. Репрезентация тропеических механизмов фразеоморфирования средствами учебной фразеографии: интерпретационные приемы этимологической парафразы

3.2.1. Проблемы формирования лексикографического блока фразеологической тропеизации

Как известно, важными источниками фразеологизации, стимулирующими преобразование образных представлений и других продуктов (речетворческого)

мышления в конструктивные элементы фразеологического значения являются тропы и стилистические фигуры [Алефиренко, Семененко 2009: 191].

Особую роль тропа в формировании фразеологической образности подчеркивают О.И. Ревуцкий [Ревуцкий 2006: 104] и Э.М. Солодухо [Солодухо 2008: 36]. Проблема репрезентации тропеических механизмов фразеомообразования средствами учебной лексикографии не теряет своей актуальности и требует особого внимания в силу того, что тропы как катализаторы процесса образной номинации представляют собой, по выражению В.Д. Девкина, многочисленный, разнообразный и мобильный фонд [Девкин 2001: 89].

Решение этой лексикографической проблемы во многом осложняется недостаточной изученностью тропеического механизма фразеомообразования как языкового феномена.

По словам Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко, техника переосмысления значения представляет собой загадку даже на уровне слов, а в сфере фразеологии проблема выглядит еще более запутанной [Алефиренко, Семененко 2009: 154].

А.К. Бирих относит изучение процессов фразеологизации к первостепенным задачам исторической фразеологии и призывает в этой связи не ограничиваться изучением метафоризации, хотя она и является одним из главных факторов возникновения фразеологических единиц: во фразеологии отмечены практически все виды риторических фигур, все еще не получивших основательного освещения: метонимия, гипербола, перифраза, сравнение, литота и т.п. [Бирих 2009: 30-31].

К.И. Декатова в ходе семасиологического исследования «фразеологизированных стилистических фигур» делает выводы о неоднородности семантических процессов при формировании значения фразем, имеющих различные генетические основы [Декатова 2001: 5].

Во многих исследованиях к механизму кодирования и декодирования тропов во фразеологизмах относят взаимодействие тропов на уровне контами-

нации¹⁹. Так, Е.А. Рысева и ее последователи (см., напр., [Василенко 2011: 19], [Дубицкая 2011: 18]) к тропеическим механизмам идиомообразования относят: простой троп (*врастать корнями, носить на руках*); «троп в тропе» (*держат язык на привязи, вправлять мозги*); взаимодействие тропов с символами и квазисимволами (*нести крест, болеть душой/сердцем, выбить из головы*); комбинаторику тропов и тропоморфных средств (*яблоку негде упасть, от земли не видать*); комбинаторику тропов, тропоморфных средств с символами и квазисимволами (*пить горькую чашу <до дна>, дрожать над <каждой> копейкой*); «текстовые» метафоры, в частности, «сжатие сюжета» (*сражаться с ветряными мельницами, крутиться как белка колесе*); комплекс, основанный на взаимодействии тропеических и синтаксических механизмов (*рылом не вышел*: метафора, метонимия, квазисимвол + синтаксическая модель, ср. *умом, фигурой, ростом не вышел*) и др. [Рысева 1990: 20-21].

На наш взгляд, данная классификация «различных тропеических механизмов и их комбинаций (“коктейлей”)» [Дубицкая 2011: 18] скорее отображает тропеическую структуру слова, которая, по мнению М.В. Никитина, оказывается «матрешкой вставленных друг в друга прототипических образов», явных, осознаваемых, и стертых, ушедших из фокуса сознания [Никитин 1996: 296], нежели является основанием для постижения механизма развития переносного значения устойчивого сочетания.

Еще в начале 90-х годов Е.А. Рысева отмечает, что сведения о тропеических механизмах идиомообразования должны составлять особый пакет информации, соответствующий в функционально-параметрической модели значения ее мотивационному макрокомпоненту [Рысева 1990: 20].

Поставленная задача будет реализована в 2006 году в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия, где в собственно культурологическом комментарии специально рассматривается соотносительность образа фразеологизма в целом или его компонентов с видами тропов. Ав-

¹⁹ О различных вариантах контекстуального взаимодействия тропов пишут, например, И. В. Пекарская (1997), С. В. Лопаткина (2003), М. Н. Кравцова, И. В. Пекарская (2013).

торы словаря стремятся описать на «языке» культуры те уже «окультуренные» источники, которые послужили (полным или частичным) основанием для создания образного содержания дошедшего до наших дней фразеологизма. «С учетом этих сведений описываются типы переосмысления самого образного основания фразеологизмов – метафоры, метонимии, синекдохи, сравнения и т.д.» [БФСРЯ 2006: 13], напр.:

Держать нос по ветру

<...> В основе фразеологизма лежит зооморфная метафора, уподобляющая действия человека поведению животного и основывающаяся на обиходно-бытовых наблюдениях, согласно которым животное, стараясь уловить запах, поворачивает **нос** направлению ветра.

Нос в образе фразеологизма метонимически, т.е. посредством отождествления органа и самого чувства – обоняния (ср. *навострить уши*), символизирует поиск, получение информации вообще; ср. *вынюхивать*, *совать свой нос* и др. Компонент **ветер** связан с универсальным представлением о непостоянстве (ср. *ветренный человек*, *ветреник*) <...> [БФСРЯ 2006: 171].

Несмотря на очевидность высокой теоретической планки представленной словарной интерпретации различных тропов, отметим невозможность использования в учебном словаре для младших школьников большинства терминов, касающихся названия тропов и лингвокультурологических понятий, входящих в данную интерпретационную модель значения фразеологизма, что потребовало от нас поиска иного варианта метаязыка для описания тропеических механизмов фразеомообразования с учетом нашего адресата. К тому же, вслед за А.Н. Барановым, полагая, что «метафора должна быть представлена в модели значения как нечто цельное – единый образ, целостный гештальт, неразложимый на отдельные составляющие», мы решили обратиться к иной стратегии словарного описания, основанной не на разложении смысла, а «на его узнавании как концепта, уже имеющегося в сознании носителя языка» [Баранов 2008: ЭР].

Прежде чем перейти к изложению нашей концепции словарной интерпретацию типов переосмысления словосочетания-прототипа²⁰ ФЕ, заметим, что номенклатура типов переосмысления и ее классификационные рубрики варьируются у разных исследователей, но чаще всего это зависит от анализируемого фразеологического материала.

Так, А.И. Федоров пишет о том, что денотат ФЕ получает наименование и коннотативную характеристику в сигнификате через образное представление метафорического, метонимического или сравнительно типа [Федоров 1980: 15].

Ю.П. Солодуб считает, что семантические трансформации словесных комплексов, представляющих собой свободное или несвободное сочетание слов, в единицы нового качества, обладающие целостным значением происходят в результате: 1) метафорического переосмысления целостных словесных комплексов, 2) метонимического переноса всего комплекса слов, 3) алогических лексико-семантических связей компонентов (алогизмы), основанных на денотативной алогичности, несоответствии [Солодуб 1996: 67-79]. А.В. Кунин выделяет эти же типы простого фразеологического переосмысления, включая в первую группу гиперболические метафоры [Кунин 1986: 125].

А.Ф. Артемова различает не только механизмы образования идиом, основанные на метафорическом переосмыслении свободных и несвободных сочетаний слов, но и идиомообразование, в котором «мотивирующую роль играет звуко-символическая («внешняя») форма, создаваемая как при помощи фонетических средств: рифма, ритм, аллитерация, так и некоторых лексических: тавтология, каламбур (сопутствующих фонетическим)» [Артемова 1990: 10].

Э.М. Солодухо пишет о том, что переосмысление переменных сочетаний слов в разных языках наступает по линии отдельного или совокупного метафорического, метонимического переноса и образного сравнения. Кроме того, в результате переосмысления свободных словосочетаний образуются еще три группы фразеологизмов: ФЕ, построенные на алогичной основе, ФЕ, в основе

²⁰ Обращаем внимание, что вопрос о словарном описании «окультуренных сущностей, входящих во внутреннюю форму ФЕ» [Ковшова 2009: 6] будет рассмотрен в следующем параграфе.

которых заключен нереальный образ, ФЕ, основанных на воображаемой ситуации [Солодухо 2008: 35-38].

В.М. Мокиенко считает, что наиболее активными способами создания фразеологических единиц являются сравнения и метафоры, в том числе гиперболическая метафора и литота, а также метонимический и синекдохический перенос [Мокиенко 1989: 169-170].

В.Н. Вакуров, не включая в перечисленные типы переосмысления сравнение, добавляет фразеологические единицы, представляющие собой алогические выражения каламбурного характера, образованные в результате намеренного, мотивационного разрушения семантической сочетаемости слов с целью достижения комического эффекта [Вакуров 1981: 48-49].

В.П. Губарев, основываясь на общих логических и ассоциативных процессах человеческого мышления, выделяет логико-семантические модели ФЕ, построенные на антитезе, сравнении, гиперболе, мейозисе, алогизме [Губарев 1985: 65-66].

Н.У. Ворокова к тропеизации словосочетания-прототипа, лежащего в основе фразеологической единицы, относит метафоризацию, метонимизацию, гиперболизацию, олицетворение и гротеск [Ворокова 2003: ЭР].

Т.Н. Федуленкова на основании исследуемого материала делает вывод о том, что «семантическая зашифровка денотата фразеологических единиц осуществляется, в основном, посредством четырех моделей переноса значения: метафоризации, метонимизации, синекдохи, гиперболизации» [Федуленкова 2006: 19].

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко описывают следующие модели фразеологизации: метонимическую; метафорическую; фраземы-сравнения (компаративные фраземы); фразеологические антитезы (оксюморонные фразеологизмы); тавтологические и плеонастические фраземы; фраземы-гиперболы; фраземы-литоты; фраземы-перифразы [Алефиренко, Семененко 2009: 155-191].

А.Н. Баранов, говоря о моделях внутренней форме ФЕ, в один ряд ставит модели тропеизации (метафорические, метонимические, синонимические, се-

мантически немотивированного фонетического уподобления и др.) и языковые модели пространства (иерархического и неиерархического), времени, множества и взаимодополняющих подмножеств, счета, времени и др. [Баранов 2008: ЭР].

Таким образом, на сегодняшний день существует несколько подходов к классификации типов переосмысления прототипа ФЕ, каждый из которых имеет право на существование. Как пишет Д.Н. Шмелёв, «нет сомнения, что для разных целей могут оказаться полезными какие-то разные принципы классификации фразеологического материала [Шмелёв 2008: 216].

Следует отметить, что в отличие от узкого понимания тропа как «употребления слова в переносном значении» [Педагогическое речеведение 1998: 256], наш лексикографический подход отличается широкое понимание тропеической базы фразеомообразования. О различных вариантах широкого понимания тропов, к которым, в частности, относят и фигуры речи, подробно пишет В.П. Москвин [Москвин 2007: 772-776]. В.Н. Телия также считает, что границы между видами тропов и различного рода фигурами речи провести затруднительно [Телия 1988-б: 174].

Не анализируя в деталях данные точки зрения, отметим, что для нашего научно-лексикографического проекта представляет интерес общий паралогический механизм, лежащий в основе тропов и фигур: «в основе тропов лежат преобразования законов логики (и в первую очередь – аналогии), в основе фигур – преобразования законов синтаксиса (как репрезентанта логики на уровне структурирования сообщения)» [Клюев 1999: ЭР]. Также при словарной разработке тропеических механизмов мы учитывали, согласно Е.В. Клюеву, такой общий принцип, лежащий в основе всех тропов, как паралогическое обращение с логикой, и, прежде всего, с аналогией. Данный принцип обусловлен двумя признаками тропа: его аналогическим характером и его паралогичностью (акирологичностью): «именно преобразование правил аналогии – соединение принципиально несоединимого лежит в основе создания тропов» [там же].

С учетом сказанного выше мы ввели понятие лексикографического тропеического блока²¹ (лексикографического блока фразеологической тропеизации), который трактуется нами как регулятивная структура, представляющая собой совокупность ФЕ, имеющих общие модели словарного описания, релевантные особенностям тропеических механизмов фразеомобразования.

Таким образом, обращаясь к реконструкции тропеических механизмов фразеомобразования средствами учебной лексикографии, мы полагаем, что каждому тропеическому блоку свойственна своя фразеографическая специфика. Частично об этом находим, например, в работе И.М. Кобозевой: «<...> коль скоро когнитивный механизм метафоры и метонимии столь различен, для этих двух видов тропов не может использоваться один и тот же способ репрезентации [Кобозева 2002: ЭР].

Соответственно мы видим своей задачей, во-первых, формирование блоков фразеологической тропеизации с целью адекватного описания ФЕ, во-вторых, выявление особенностей лексикографических техник (приемов и средств), характерных для каждого тропеического блока, и используемых для развертывания ФЕ в этимологические конфигурации.

Теоретическими предпосылками и классификационными процедурами при формировании лексикографических блоков фразеологической тропеизации явилось следующее. Совокупность всех выявленных нами тропов, лежащих в основе типов фразеологических переосмыслений (метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, антитеза и др.), мы представили, цитируя Ф.П. Филина, «в виде логически полной, регулярной системы, основанной на обобщенных понятиях количества и качества, связи, сходства и противоположности» [ЭСС 2009: 333]. Установленный факт системности выявленных типов тропеического переосмысления повлек за собой необходимость их более подробной семантической классификации. Здесь мы воспользовались схемой С.Г. Гаврина, кото-

²¹ В качестве исходного мы использовали понятие тропеического блока, которое было введено в научный обиход И.Н. Тюковой в диссертационном исследовании «Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б. Л. Пастернака (на материале книги «Сестра моя – жизнь»)» [Тюкова 2005: 109]. Также см. о тропеических блоках: [Болотова 2009: 302].

рый считает, что в основе создания семантических средств фразеологической образности лежат четыре типа смысловых отношений: 1) сопоставления сем (так образуются устойчивые сравнения), 2) противопоставления сем (создающее антитезу), 3) совмещения двух сем (проявляется в таких языковых явлениях, как метафора и метонимия, а также в «устойчивых тропах» - сравнениях, осложненных совмещением сем), 4) «столкновения» сем, которые обнаруживаются в составе фразеологизмов [Гаврин 1974: 86-90]. Говоря о столкновении противоречащих сем в пределах одного фразеологизма, С.Г. Гаврин выделяет два типа противоречия: 1) противоречия, проистекающие из тождества сем, создающие своеобразную лексическую «избыточность» (тавтология, плеоназм) и 2) противоречия, вытекающие из логической несовместимости сем (оксюморон). Цель столкновения сем в таких сочетаниях заключается в создании экспрессии, поэтому фразеологизмы, образованные с помощью этой операции, С.Г. Гаврин называет экспрессивами [Гаврин 1974: 93-94].

На данной теоретической основе наш фразеологический материал был объединен в пять блоков фразеологической тропеизации. В скобках обозначим типы фразеологического переосмысления, свойственные каждому блоку: компаративный блок (сравнение, метаморфоза); метафорический блок (метафора, олицетворение); контигуальный блок (метонимия, синекдоха); усилительно-увеличительный блок (гипербола, литота); парадоксальный блок (метатеза, оксюморон, катахреза, плеоназм, тавтология, антитеза).

Предвосхищая возможные замечания по поводу распределения нашего фразеологического материала по указанным выше блокам фразеологической тропеизации, отметим, вслед за С.Г. Гавриным, что семантические средства выразительности русской фразеологии находятся в сложных и многообразных отношениях между собой и образуют определенную, хотя и не лишенную противоречий систему. Так, гиперболы и литоты обычно рассматриваются как тропы, однако очень часто гипербола создается с помощью операции сопоставления и выступает в форме сравнения. Олицетворение часто рассматривается как особый образно-выразительный прием, а между тем оно создается с помощью

двух операций: сопоставления и совмещения, поэтому представляет собой либо разновидность тропа, или разновидность сравнения [Гаврин 1974: 95].

При классификации нашего материала - в ходе поиска типов переосмысления, которые могут иметь общие модели словарного описания, мы также неоднократно встречались с фактом взаимодействия тропов в одной фразеологической единице. Это потребовало от нас дифференциации тропов (выделение основных и поддерживающих) внутри тропеических блоков, что согласуется с позицией В.М. Мокиенко, который говорит о том, что, описывая способы создания фразеологической образности, следует разграничивать основные ее средства и средства усиления образности и экспрессивности выражений [Мокиенко 1989: 171].

Сообразно нашей концепции описание поддерживающих тропов, задействованных в механизме образования фраземы, вплетается в общую канву этимологического парафразирования. Их декодирование входит в общую модель словарного описания основного тропа и является одним из лексикографических шагов, направленных на решение конкретной этимологической задачи. Причем, если в каком-либо блоке ФЕ в качестве основных выступают одни тропы, а поддерживающими являются другие, то в других блоках, как будет показано, может быть и обратная ситуация. В связи с тем, что некоторые идиомы можно отнести сразу к нескольким тропеическим блокам, ниже будут показаны возможности фразеомообразовательной репрезентации одной и той же идиомы в разных блоках.

В реальной же лексикографической практике составитель словаря должен четко определить свою позицию: какой троп, лежащий в основе внутренней формы ФЕ, будет выступать в качестве основного и подлежать декодированию. Данный выбор основывается на лингвистической интроспекции, опирающейся на языковую компетенцию лексикографа, его «чувство языка».

И, наконец, нельзя не отметить еще один ключевой момент в нашей фразеографической концепции. С одной стороны, предлагаемые нами модели описания тропеизации словосочетания-прототипа оптимизируют словарную прак-

тику, а с другой – представляют собой некоторые шаблоны описания механизмов фразеомообразования. Однако мы покажем, как можно избежать шаблонности, уйти от возможных лексикографических стереотипов, используя комбинации разных типов коммуникативных ходов этимологического парафразирования, т.е. различных лексикографических приемов, реализуемых в интерактивном этимологическом гипертексте, образованном этимологическими конфигурациями 2-го и 1-го уровней.

3.2.2. Приемы лексикографической интерпретации фразеомообразующего тропа

3.2.2.1. Фразеологизмы компаративного тропеического блока

По наблюдениям А.Н. Баранова, образная часть семантики идиомы часто основывается на сравнении: модель эксплицитного сравнения широко представлена в русской идиоматике [Баранов 2008: ЭР].

Компаративный тропеический блок ФЕ, сформированный нами в целях выявления закономерностей этимологического парафразирования в данной сфере, образуют устойчивые сравнения (УС) или компаративные фразеологические единицы (КФЕ), под которыми традиционно понимаются устойчивые, воспроизводимые, частично или целостно переосмысленные экспрессивные единицы языка, обладающие формальными признаками компаративности в виде сравнительных союзов или представленные другими сравнительными конструкциями.

В составе сравнения выделяют части, которые в разных работах получают разное терминологическое обозначение: «объект сравнения», «средство сравнения», «основание сравнения» [ЛЭС 1987: 417]; «компаративная часть сравнения», «основание сравнения» [Кузнецова 1995: 6], «денотат», «образный компонент», «основание» [Лютикова 1999: 23]; «компаратив», «компаратор» и «аспект сравнения» (модуль, основание сравнения, *tertium comparationis*) [Москвин

2007: 144]; «номинатив», «ассоциатив», «символ образного значения» [Блинова 2010: 11].

Мы используем подход В.М. Огольцова, который считает, что всякое сравнение как прием познания состоит из трех элементов: **А** – предмет, подвергающийся сравнению; **В** – образ сравнения; **С** – основание сравнения (*tertium comparationis*) [Огольцев 2010: VI]. Например: *N (A) похож (C) как две капли воды (B) на кого-л.*

Таким образом, характерными чертами компаративных фразеологизмов в отличие от некомпаративных, являются, во-первых, семантика сравнения (уподобления), в то время как для фразеологических сращений и единств характерно переименование референта, во-вторых, темо-рематическая двучленность фразеологических сравнений в отличие от синтаксически неосложненной структуры некомпаративных фразеологизмов: наличие «левой части сравнения», темы (того, что сравнивается) и «правой части сравнения», ремы, эталона (того, с чем сравнивают) [Долгова 2005: 71],

Данная специфика устойчивых сравнений как отдельного типа ФЕ «особо проступает при их фронтальном и специализированном лексикографическом описании» [Мелерович, Мокиенко 2008: 82].

В нашей картотеке этимологических разработок фразеологизмов представлены компаративные ФЕ, построенные с использованием разнообразных сравнительных конструкций (СК): а) СК, включающих сравнительные союзы (*дрожать как осиновый лист, писать как курица лапой и др.*); б) СК с творительным сравнительным (*стоять фертом, ходить гоголем и др.*); в) СК со сравнительными предлогами (*с гулькин нос и др.*); г) СК с формами сравнительной степени прилагательных (*тише воды, ниже травы, проще пареной репы и др.*).

Важным классификационным признаком сравнительной конструкции, по мнению Н.М. Девятовой, является объем сравнительной парадигмы, который по-разному характеризует сравнительные конструкции с разными показателями

сравнения, при этом полная парадигма, включающая образное, логическое, эталонное сравнение, отличает «КАК-конструкцию» [Девятова 2011: 7].

Внутренняя форма таких компаративных ФЕ (КФЕ) создается отношением эксплицитно представленного образа, выраженного сравнительным оборотом, к значению второго члена сочетания и к фразеологическому значению данного сочетания [Мелерович, Мокиенко 2008: 82], что обуславливает реализацию такого лексикографического приема для КФЕ как **«семантическое уравнение»**. (Разумеется, наименования лексикографических приемов — лишь ярлыки, используемые для удобства изложения концепции).

Поскольку, по словам О.В. Романенко, в устойчивых сравнениях сохраняется наглядность уподобления [Романенко 2002: ЭР], то в качестве лексикографического средства для них может использоваться художественно-иллюстративная презентация, которая выступает обязательным элементом этимологического текста, полностью зависящего от изобразительного ряда, напр.:

Похож как две капли воды:

<...> Капля. ♦ Вот вторая. ♦ Они абсолютно одинаковые.

*Именно на этом простом сравнении с абсолютно одинаковыми каплями воды и построен фразеологизм **похож как две капли воды**. Это выражение употребляется, когда хотят сказать о полном внешнем сходстве двух или нескольких людей, животных, предметов, явлений <...>.*

Таким образом, выбор этимологизирующего приема («семантическое уравнение») определяется характером фразеомообразующего тропа. На 2-м уровне этимологизации (напомним, что в словарной статье этот модуль открывает этимологический гипертекст) «семантическое уравнение» «решается» в интерактивном режиме с помощью текстоорганизующего приема **«читатель — соавтор»**:

*<...> Что-то мы с тобой засиделись дома. Пошли на улицу, подышим свежим воздухом, там и с историей фразеологизма **похож как две капли воды** разберёмся. Хорошо-то как! Сделаем глубокий вдох... ♦ Ой, на словарь капля капнула. А вот ещё одна. ♦ Дождь пошёл, а ведь мы с тобой зонтик не взяли...*

Побежали домой, а то промокнем! И давай-ка скорее, пока эти две капли не высохли, сравним их. Похожи? Конечно. Отсюда и переносное значение фразеологизма – «о полном внешнем сходстве двух или нескольких людей, животных, предметов, явлений <...>».

В целом двухуровневая этимологическая парафраза, построенная с использованием данных коммуникативных ходов, может быть проиллюстрирована разработкой фразеологизма *писать как курица лапой*

<...> Что общего между курицей и неразборчивым, неаккуратным почерком? Ведь куры вообще не умеют писать! Не торопись с выводами, а сначала проверь свою наблюдательность. Что ты можешь сказать про эти две фотографии? (Фотографии).

*Действительно, похожи. Только первая – это снимок причудливых следов, которые оставляют куры, когда подолгу топчутся на одном месте в поисках корма или у кормушки. А вторая – это образец почерка ученика 3-го «Д» класса Саши Неряхина. Присмотрись, что там написано? Да, очень трудно разобрать. Вроде, это наш фразеологизм – **писать как курица лапой** <...>.*

Здесь конфигурация 2-го уровня, организуемая интерактивным лексико-графическим приемом «**читатель-соавтор**» переходит в этимологический минитекст 1-го уровня, репрезентирующий фразеомообразовательный механизм сравнения посредством интерпретационного приема «**семантического уравнения**»:

<...> Вот на этом простом сравнении фразеологизм и построен: неразборчивая, неряшливая запись напоминает замысловатые следы курицы у кормушки <...>.

Следующий собственно этимологизирующий прием словарного описания КФЕ с КАК-конструкцией – это «**обоснование выбора объекта сравнения**», цель которого – показать, что объект, используемый в качестве образа сравнения, согласно общим представлениям, обладает в ярко выраженной степени обозначаемым признаком [Романенко 2002: ЭР]. Данную фразеологическую мотивированность на «основе опорного конституента» Р.А. Аюпова определя-

ет, как конституентную, подчеркивая при этом, что «глобальная мотивированность не противоречит конституентной, а формируется на ее основе» [Аюпова 2004: 25].

Покажем, как с использованием приема **«обоснование выбора объекта сравнения»** может быть декодирована в этимологическом плане КФЕ *дрожать как осиновый лист*:

<...> *Рассмотри эти листья. (Рисунки листьев: березового, дубового, кленового и осинового). Какой из них, по-твоему, будет больше всех шевелиться на ветке? Правильно, самый последний. Ведь у него самый длинный черешок - тонкий, закрученный, плоский возле листа и сильно сплюснутый с боков. Он легко изгибается и заставляет лист колебаться, дрожать от малейшего движения воздуха. Это и есть осиновый лист. С ним и сравнивают человека, который дрожит от страха или сильно волнуется* <...>.

Учитывая то, что КАК-конструкция является наиболее репрезентативной, составляющей центр системы сравнения [Девятова 2011: 6], мы считаем целесообразным при этимологизации КФЕ других типов использовать лексикографический прием **«приведения тропа к КАК-конструкции»** в комбинации с приемом **«семантического уравнивания»**, либо с приемом **«обоснование выбора объекта сравнения»**.

Таким способом может быть описан механизм образования КФЕ с творительным сравнительным (*стоять фертом, ходить гоголем и др.*), базирующихся на тропе, называемом метаморфозой. По типу семантической трансформации его ставят вместе со сравнением в один ряд разноструктурных компаративных тропов. В метаморфозе, как отмечает В.М.Огольцев, форма выражения элемента **В** не связана с какими-либо изменениями основания сравнения, поэтому метаморфоза может рассматриваться не как особый структурный тип сравнения, а как лишь структурный вариант сравнения, выраженного исходной формой существительного [Огольцев 2010: 91]. Этим обусловлено предлагаемое нами декодирование метаморфозы с помощью двух приемов словарного

описания: «**приведение к КАК-конструкции**» (унификация метаморфозы) и «**семантического уравнения**»:

Ходить гоголем

*<...> Это гоголь, птица из семейства уток. Вот так горделиво гоголь держит голову, когда плавает. (Фотография данной птицы) А теперь посмотри на этого человека: он важно, горделиво шагает, самодовольно подняв голову. (Рисунок такого человека). Ну, прямо **как гоголь**! Так на простом сравнении с этой птицей и построен фразеологизм **ходить гоголем**. Так говорят о человеке, который ходит важно, с горделиво поднятой головой или держится самодовольно, заносчиво <...> (словарная статья «Ходить гоголем»).*

Спецификой декодирования сравнительных конструкций со сравнительными предложениями (*с гулькин нос, наговорить (наобещать) с три короба* и др.) является учет фразеомообразовательной активности поддерживающих тропов (гиперболы и литоты), декодирование которых входит в общую модель словарного описания основного тропа (сравнения) и является промежуточным лексикографическим шагом, как, например, при разработке этимологической парфразы КФЕ *с гулькин нос*:

*<...> Когда хотят образно сказать о небольшом количестве или маленьком размере чего-нибудь используют фразеологизм-преуменьшение **с гулькин нос**. Он построен на простом сравнении с крошечным голубиным клювом. <...>.*

Рассмотренные нами типы УС (со сравнительными союзами и сравнительными предложениями, а также с метаморфозой), входят в компаративную «модель уподобления» (по С.Г. Гаврину). Сравнительные конструкции с формами степеней сравнения прилагательных (*тише воды, ниже травы, проще пареной репы* и др.) образуют «модель степени»²².

²² Данные модели компаративов выделяет в своей работе С.Г. Гаврин [Гаврин 1974: 177-178].

По мнению В.М. Огольцова, данную сравнительную конструкцию отличает слияние субъективного количественного усиления признака элемента **А** и его субъективного отождествления с элементом **В** [Огольцев 2010: 92]. Соответственно для адекватного описания механизма фразеоморфизма здесь целесообразно вновь применить прием «**приведения тропа к КАК-конструкции**» (1) вкупе с приемом «**возведения в степень**» (2). Причем, как пишет А. Р. Лурия, для декодирования этой сравнительной конструкции необходима внутренняя вспомогательная трансформация предложения, превращение симультанной схемы, выражающей отношение, в развернутую цепь последовательных положений [Лурия 1979: 212]:

Проще пареной репы

<...> Выражение **проще пареной репы** связано с приготовлением русского национального блюда – пареной репой. Приготовить её просто.

(Дается простой рецепт приготовления блюда с иллюстрациями)

*А теперь давай рассуждать. О чем-то очень простом можно было бы так и сказать: простой как пареная репа. А о том, что еще **проще**? Ну конечно, **проще пареной репы**. Вот это и есть наш фразеологизм <...>.*

Заметим, что и в компаративную «модель уподобления» и в «модель степени» входят устойчивые сравнения, которые квалифицируются как построенные на смысловых отношениях дополнения и контраста [Яцуга 2007: 98]

Лексикографическую реализацию отношений дополнения мы покажем при описании других тропеических блоков, где сравнение будет выступать в качестве поддерживающего тропа, здесь же остановимся на словарной этимологии КФЕ, построенных на контрасте.

Подробно устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими) с антонимичными планом выражения и планом содержания рассматриваются, в том числе семантически классифицируются, в работах И.В. Кузнецовой ([Кузнецова 1995: 6-7]; [Кузнецова 2012: 116-117]). Вслед за И.В. Кузнецовой, нам важно отметить, что если в представленных выше КФЕ компаративная часть сравнения интенсифицирует лексическое

значение основания сравнения, то в УС с антонимичным планом содержания и планом выражения компаративная часть сравнения нейтрализует значение признака, действия и т.д., содержащихся в основании сравнения, и превращает их в свой собственный антоним [Кузнецова 2012: 116]. Эти алогичные, ирреальные сравнения К.М. Гюлумянц характеризует как своеобразный способ отражения семантики отрицания через форму утверждения [Гюлумянц 1976: 55]. Данные КФЕ являются фразеоиграми, а их внутренняя форма представлена «моделью притворного сравнения» [Баранов 2008: ЭР].

Л.А. Лебедева считает, что одной из наиболее варьируемых в живой речи моделей УС является модель с асимметричным планом содержания и планом выражения: «*нужен кому-л. + как + живому существу + (ненужный) предмет*» - ‘*совершенно не нужен*’ (*нужен как собаке пятая нога (палка), нужен как корове седло, нужно как попу гармонь, нужно как рыбе (рыбке, щуке, щучке) зонтик, нужен как плешивому гребень, нужен как свинье колодка, нужен как козе баян (гармонь), нужен как петуху тросточка, нужен как тигру хомут, нужен как зайцу барабан*) [Лебедева 2012: 97].

Предлагаемая нами модель декодирования сравнения как тропа, осложненного смысловыми отношением контраста, реализуется посредством лексикографического приема «**экспериментального моделирования УС**»:

<...> *Сегодня в экспериментальной фразеологической лаборатории создаются шуточные фразеологизмы по следующей модели: НУЖЕН (НУЖНЫ) кому-либо + КАК + живому существу + ненужный предмет = «абсолютно не нужен». Вот образец: **нужен, как собаке пятая нога.***

– *Присоединяйся к нам и называй любое живое существо. – Щука! (рыба/коза/заяц) (Рисунок). – Теперь называй предмет, который совсем не нужен щуке (рыбе/козе/зайцу). – Брюки (зонтик/баян/барабан)! (Рисунок).*

– *Теперь вставляй эти слова в нашу модель: «НУЖЕН (НУЖНЫ) кому-либо + КАК + живому существу + ненужный предмет». Что у тебя получилось? – **Нужны как щуке брюки (нужен как рыбе зонтик / нужен как козе баян /нужен как зайцу барабан).** Это и есть наш фразеологизм. А придумали*

его люди затем, чтобы шутливо говорить о том, что им совершенно, абсолютно не нужно <...>.

В целях адекватного словарного описания КФЕ в учебном словаре важно учитывать, что «основой образности УС является сравнение реалий внеязыковой действительности, которые становятся эталоном, образцом или, наоборот, антиэталонном идеального качества, состояния, действия, ситуации и т. д.» [Бойко 2009: 11]. В качестве эталона сравнения в русских КФЕ выступают образы различных животных, птиц, насекомых, растений, предметов, социальных типов и т. д., наблюдение над которыми наиболее доступно человеку. Л.Г. Бойко считает, что именно «система образов-эталонов, положенных в основу сравнения определяет культурную значимость образности УС» [там же: 6].

М.Л. Ковшова пишет о том, что символичный, эталонный или стереотипный компонент в семантике фразеологизма еще более говорит о нем как о «сжатом» тексте культуры, «разворачивающем» в речи, помимо языковой семантики, свои дополнительные, культурные, смыслы. В этой способности — участвовать в символизации, эталонизации, стереотипизации действительности — особенно ярко проявляется специфика фразеологизмов как знаков языка и культуры [Ковшова 2009-б: 487].

В нашей концепции словарная интерпретация фразеологизмов (или их отдельных компонентов) в различных тематических кодах культуры, позволяющая раскрыть «особую функцию фразеологизмов как вербальных, оязыковленных культурных знаков — символов, эталонов, стереотипов» [там же: 274], осуществляется посредством текстоогранизующего приема²³ **«персонаж-рассказчик»**.

Так, фразеологизм *дрожать как осиновый лист*, в основе которого лежит эталонизация страха, интерпретируется в рамках растительного кода культуры, в роли рассказчика в словарной статье выступает персонифицированный компонент фразеологизма — осиновый лист. Капли воды (эталон похожести, одинаковости), репрезентирующие природно-ландшафтный код культуры в рамках

²³ Текстоогранизующие приемы этимологического парафразирования будут рассмотрены в разделе 3.3.1.

образной структуры фразеологизма *похож как две капли воды*, становятся персонажами-рассказчиками в тексте соответствующей этимологической парафразы. Этимологизация фразеологизма *как баран на новые ворота* (эталонизация глупости) осуществляется с использованием персонификации компонента *баран*, репрезентирующего зооморфный код культуры.

Таким образом, реализуется лингвокультурологический аспект этимологического парафразирования, особо значимый с точки зрения постижения ребенком национально-культурной картины мира.

В качестве итога отметим, что при словарном описании КФЕ, являющихся этнокультурно маркированным средством эталонизации окружающей действительности, могут эффективно использоваться такие лексикографические приемы, как **«семантическое уравнение»**, **«обоснование выбора объекта сравнения»**, **«приведение тропа к КАК-конструкции»**, **«возведение в степень»**, **«экспериментального моделирования УС»**. Причем, при лексикографировании КФЕ с творительным сравнительным, со сравнительными предложениями и с формами степеней сравнения прилагательных чаще всего используется лексикографический прием **«приведения тропа к КАК-конструкции»**.

3.2.2.2. Фразеологизмы метафорического тропеического блока

Не ставя своей целью проанализировать многочисленные теории метафоры и работы, посвященные отдельным аспектам изучения данного тропа [МЯТ 1988; Телия 1988-а; Телия 1988-б; ТМ 1990; Складарская 2004; Арутюнова 1999; Москвин 2012], представим лишь основные теоретические положения, необходимые нам для обоснования выбора моделей словарного описания фразеологического механизма метафоры.

Мы придерживаемся узкого понимания метафоры, трактуемой «в классическом смысле - как троп, образующийся в результате употребления слов в переносном значении по принципу сходства денотатов (референтов) и их функций» [Черданцева 1988: 80]. Соответственно метафорическое переосмысление в

узком смысле определяется как разновидность семантического преобразования, выражающегося в переносе наименования с одного денотата на другой, ассоциируемого с ним на основе реального или воображаемого сходства; наиболее распространенными видами метафорического переосмысления являются переносы по сходству действия, поведения, внешней формы и вида, цвета и т.д. [БВН 1993: 35].

В процессе разработки моделей словарного описания метафоры подтвердилась мысль М.В. Никитина о том, что «метафору нельзя без оговорок относить к явлениям моделирования» [Никитин 1979: 98], и в то же время именно «развертывание метафоры выявляет ее «моделирующий потенциал» [там же]. С помощью этимологического парафразирования мы и «развертываем» метафору, «в поверхностно-синтаксическом выражении которой, как «верхушке затопленной модели», дано только ее «буквальное» значение, а смысловая интеракция разыгрывается на глубинно-семантическом уровне презентации метафорического процесса» [Телия 1996-а: 141].

В. Н. Телия утверждает, что описать технику метафоры – значит описать метафору как модель [Телия 1988-б: 183]. Перевод в учебно-лексикографический формат данного теоретического постулата потребовал анализа различных способов репрезентации концептуального содержания метафоры. Выявленные нами модели «расшифровки» метафоры так или иначе сводились к актуализации «модуса фиктивности», дающего, по словам В.Н. Телия, возможность уподобления логически не сопоставимых и онтологически несходных сущностей: «без допущения, что X есть как бы Y, невозможна никакая метафора» [Телия 1988-б: 187], [Телия 1996-б: 137]. Отсюда следует, что лексикограф должен «разворачивать» фразеологическую метафору в этимологические конфигурации именно с целью реконструкции данного допущения, с которого и «начинается то движение мысли, которое ищет подобия, выстраивая его затем в аналогию, а потом уже синтезирует новое понятие, получающее на основе метафоры форму языкового значения» [там же].

Эффективным приемом репрезентации «модуса фиктивности» при развертывании ФЕ в этимологическую конфигурацию 1-го уровня является прием **«экспликации сходства, на основании которого осуществляется метафорический перенос»**. При разработке таких конфигураций важно учитывать два основных параметра структурно-семантических моделей метафоризации-декодирования, к которым О.Н. Алёшина относит: признак, мотивирующий перенос наименования (или сочетания признаков), и направление метафоризации – тип метафорического переноса [Алёшина 2003: 133].

Признаки, мотивирующие перенос наименования, характерные для лексической метафоры, подробно описаны О.Н. Алёшиной, которая показывает, что метафорический перенос наименования одного объекта на другой происходит на основе общности таких свойств, как физические, консистенциальные, функциональные, реализационные, динамические, квантитативные, реляционные, субъектно-психологические [Алёшина 2003: 133]. К тому же, как отмечает Т. З. Черданцева, в отличие от словесной метафоры во фразеологизме перенос значений может происходить по сходству целых ситуаций [Черданцева 1988: 80]. А.М. Эмирова, говоря о специфике фразеологической метафоры, делает вывод о том, что основная масса фразеологических единиц образована на основе метафорического переноса по сходству общего впечатления, порождаемого воздействием предмета на говорящего (иначе по сходству структуры оценки) [Эмирова 2008: 36].

Характеризуя тип метафорического переноса при его лексикографической интерпретации, важно учитывать результаты имеющихся в отечественной лингвистике классификационных разработок. Наиболее обширную типологию метафорических переносов, основанную на тематической классификации семантических сфер, вступающих в метафорический процесс, предлагает Г.Н. Складневская [Складневская 2004: 85-103]. Автор выделяет следующие регулярные типы метафорических переносов: предмет→предмет, предмет→человек, предмет→физический мир, предмет→психический мир, предмет→абстракция, животное→ человек, человек→человек, физический мир→психический мир.

Все остальные типы переносов Г.Н. Складская рассматривает как нерегулярные, так как метафоры, образованные такими переносами, немногочисленны [там же: 103-108].

Прием «экспликации сходства, на основании которого осуществляется метафорический перенос», предполагает использование в тексте парафразы этимологического маркера «основано на сходстве», непосредственно указывающего на тип переноса и отсылающего к мотивирующему признаку, например, в таких случаях, когда:

- признаком, мотивирующим перенос наименования, является сходство характера действий; направление метафоризации: человек → человек (физическое состояние, поведение → поведение):

*<...> Происхождение фразеологизма **белены объелся** связано с очень ядовитым растением - беленой. Человек, который по ошибке съест ягоды, листья или корень белены, на какое-то время теряет рассудок – начинает бредить, буйствовать и нередко умирает. Отсюда и переносное значение выражения, основанное на сходстве характера действий человека, съевшего белену, и человека, который удивляет всех своим грубым или глупым поведением: **белены объелся (кто)** – о человеке, который ведет себя как ненормальный, безумный <...>;*

- признаком, мотивирующим перенос наименования является сходство во впечатлений; направление метафоризации – человек → человек (творческая деятельность → речевая деятельность, коммуникация):

*<...> Прямое значение выражения **заводить волынку** – «приводить в действие волынку», «начинать играть на волынке» – связано со старинным народным духовым музыкальным инструментом – волынкой, которая издаёт тягучие, медленные и однообразные звуки. Переносное значение выражения **заводить волынку** – «надоедливо, долго и скучно говорить об одном и том же» основано на сходстве впечатлений от слушания однообразных звуков волынки и слушания долгих, скучных разговоров какого-нибудь человека <...>;*

- признак, мотивирующий перенос наименования, – сходство характера действий; направление метафоризации – человек → человек (игровая деятельность → поведение):

*<...> Несколько веков назад, ситуация, в которой кто-то старался незаметно помешать, тайно и коварно навредить кому-либо, напоминала русскому человеку сейчас уже древнюю народную игру «в свинки», очень похожую на городки. Чтобы помешать игроку выиграть, соперники могли подложить неподходящую для удара чурку – «свинку». Постепенно появилось и переносное значение выражения, основанное на сходстве характера действий в игре и в поведении человека: **подложить свинью** - незаметно помешать, тайно и коварно навредить кому-то <...>.*

Как показывает последний из приведенных фрагментов словарного текста, использование в этимологической парафразе сведений внеязыкового характера приобретает особую значимость при разработке ФЕ с неактуальной деривационной и/или мотивирующей базой (термины В.И. Ковалёва [Коваль 1982]).

Формат этимологической парафразы позволяет в деталях актуализировать смысл исходного словосочетания-прототипа, как, например, при этимологизации ФЕ *попасть впросак*, где изъяснения требует и устаревшая лексема (элемент деривационной базы) и утративший актуальность мотив фразеологической номинации, связанный с конструктивными особенностями оборудования и спецификой процесса изготовления веревок в старину.

*<...> Исконно русское выражение **попасть впросак** связано с бытом русских прядильщиков, канатных мастеров. **Просак** – это станок, на котором в старину скручивали верёвки.*

Сейчас уже трудно найти рисунок этого старинного станка. Но чтобы тебе легче было его представить, рассмотри фотографию, сделанную на современном канатном заводе, – ведь принцип работы почти не изменился. (Фотография ткацкого станка)²⁴.

²⁴ В таких случаях важным средством репрезентации этнокультурного фона ФЕ является дополнительная наглядная семантизация либо на уровне компонентов словосочетания-прототипа, либо на уровне прототипической ситуации.

*Если в такое переплетение крутящихся веревок случайно попадала одежда или борода прядильщика, это могло закончиться большой бедой. Никому не хотелось по неосторожности попасть в такой **просак**.*

*В наше время станков-**просаков** уже нет и прямое значение выражения **попасть в просак** забылось. Предлог **В**, как ты правильно заметил, объединился с названием станка: такое иногда случается в истории языка. Вот так и закрепилось переносное значение фразеологизма **попасть впросак**, основанное на сходстве характера действий – «по своей вине оказаться в затруднительном, неприятном, сложном положении; ошибиться в чём-то» <...>.*

Вторая модель словарного описания метафоры представлена этимологизирующим приемом «**восстановления сравнения**». Обосновывая целесообразность этого интерпретационного приема, приведем точку зрения Т.З. Черданцевой, согласно которой любую идиому, в основе которой лежит образная метафора, можно попытаться расшифровать путем восстановления сравнения подобия с помощью формул ‘подобно тому (чему)’, ‘в положении, подобном кому (чему)’, ‘как кто (что)’. Даже в случаях, когда связь двух сравниваемых ситуаций утрачена, сам по себе факт существования такого сравнения общеизвестен, и это только подтверждает возможность его восстановления [Черданцева 1988: 80-81].

О метафоре и сравнении часто говорят в терминах обратимости: либо метафора – сокращенное сравнение (ср.: эллиптическое, сжатое сравнение [Блэк 1990: 161], стянутое сравнение [Миллер 1990: 236], отработанное скрытое сравнение [Никитин 1979: 94]), либо сравнение – расширенная метафора [Вардзелашвили 2009: ЭР]. В.П. Москвин пишет, что еще Цицрон указывал на то, что «метафора есть сравнение, сокращенное до одного слова», Лессинг – на то, что «сравнение в своей основе есть не что иное, как развёрнутая метафора, так что по своей номинативной технике метафора представляет собой «подразумеваемое сравнение» [Москвин 2007: 721-722].

Говоря о формальных и семантических различиях между образным сравнением и метафорой Н.Д. Арутюнова отмечает, что они в большой мере связаны с различием двух видов логических отношений – подобием и тождеством [Арутюнова 1990: 27]. Сравнение создаётся первым типом логических отношений, а метафора, являясь, по словам, Н.Д. Арутюновой, «гибридным тропом» создается тем, что «подобию придается вид тождества». Метафора, как и тождество, не нуждается в экспликации признаков, послуживших основанием для сближения предметов [Арутюнова 1999: 279].

Для лексикографирования метафоры существенно и замечание Н.Д. Арутюновой о том, что и подобие и тождество предполагают сравнение: психологически при уподоблении сравниваются либо два разных объекта, либо объект и образ, либо два образа; при отождествлении, осуществляемом в контексте жизни, сравнивается объект и его образ, извлеченный из памяти [Арутюнова 1999: 294].

И. В. Назарова предлагает разграничивать результаты воздействия, производимого метафорой и подобием: подобие обращается к воображению посредством интеллекта, в то время как метафора «устремляется к чувствам посредством воображения» [Назарова 2000: ЭР].

По мнению В. Н. Телия, отличия между сравнением и метафорой заключаются и в том, что в метафоре происходит не простое уподобление (типа сравнения), а своего рода «перетасовка» признаков в процессе интеракции основной сущности и двух вспомогательных – признаков, актуализирующихся в «буквальном значении», и признаков, ассоциируемых с представлением о референте этого значения, рассматриваемом, однако, с точки зрения замысла метафоры и ее цели [Телия 1988-а: 46].

Рассматривая сравнение и метафору в аспекте фразеомообразования, В.М. Мокиенко отмечает их функциональную общность - создание фразеологических ассоциаций на основе сходства предметов или явлений, но считает, что такое принципиальное единство, однако, не мешает традиционному разграничению этих двух видов фразеологизмов [Мокиенко 1989: 167]. Кроме того, В.М.

Мокиенко делает вывод о качественном отличии устойчивого сравнения от фразеологизма-метафоры, которое заключается не в семантике этих оборотов, а в экспрессии: в компаративном фразеологизме основание сравнения и предмет сравнения относительно равноправны, хотя последний более активен: ослабляя собственное значение, он «впитывает» часть значения первого; в метафорическом же обороте, образованном из сравнения, «образ» сравнения концентрируется в одном компоненте, что и усиливает экспрессивность [Мокиенко 1989: 169].

Таким образом, учитывая различия операций взаимодействия (сопоставления и совмещения) сем, в результате которых образуются устойчивые сравнения и фразеологизмы-метафоры, мы относим их к разным тропеическим блокам, в то же время, не отрицая компаративный характер зарождения метафорического фразеологического образа, считаем целесообразным описывать метафору посредством приема **«восстановления сравнения»** с использованием следующих текстовых маркеров:

- «заложено сравнение»:

<...> Выражение **тянуть канитель** связано с процессом изготовления золотых и серебряных нитей - очень длительным и однообразным. Из раскалённого металла щипцами очень долго и осторожно вытягивали тонкую проволоку, которая называлась **канителью**. Здесь и заложено сравнение с этим длительным процессом любого затягивания, замедления дела <...>

- «основан(о) на сравнении»:

<...> Выражение **доводить до белого каления** пришло из речи кузнецов. Оно основано на сравнении разгневанного человека с раскаленным металлом, цвет которого меняется по мере нагревания: от темно-коричневого до белого <...>.

- «построен(о) на сравнении»:

<...> Варить кашу – дело непростое. Особенно сложным оно было для наших предков, у которых не было газовых плит и микроволновок, а в качестве крупы они использовали необработанное цельное зерно, которое долго разваривалось.

*На сравнении сложного, хлопотного дела с этим трудоёмким процессом приготовления пищи и построен наш фразеологизм **заварить кашу**, означающий «затевать сложное, хлопотное дело». Приготовление каши отражено и в русской пословице **сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай**. <...>.*

Следует отметить, что одну и ту же ФЕ-метафору в рамках этимологической конфигурации 1 уровня можно развернуть в учебный этимологический текст, используя как прием «**экспликации сходства**» (1) – (в данном случае с текстовым маркером «основано на сравнении»), так и прием «**восстановления сравнения**» с текстовым маркером «заложено сравнение» (2):

(1): <...> *Происхождение фразеологизма **вить верёвки** связано с крестьянским бытом. Верёвки вьют из мягкого льняного волокна, которое является очень податливым материалом. Мастер это волокно скручивает, сплетает, затягивает, и верёвка получается такой, как хочет он. Отсюда и переносное значение выражения, основанное на сходстве характера действий мастера и человека, который подчиняет кого-то своей воле, заставляет поступать по своему желанию <...>.*

(2): <...> *Выражение **вить верёвки** пришло из речи верёвочников, мастеров по изготовлению верёвок. Верёвки делают из очень податливого, мягкого материала – льняного волокна. Мастер скручивает, сплетает, затягивает льняное волокно, и верёвка получается такой, как он хочет. Здесь и заложено сравнение с подчинением кого-либо своей воле, принуждением поступать по своему желанию <...>.*

Заметим, что обе представленные модели словарного описания фразеологической метафоры опосредованно раскрывают «тематическую принадлежность вспомогательного субъекта метафоры», обусловленную «тематической соотносительностью сравнения, лежащего в ее основе» [Москвин 2012: 122-123].

Полноценная лексикографическая интерпретация фразеологизмов, восходящих к тем или иным культурно значимым сферам и транслирующих соответствующие коды культуры (пищевой, игровой, зооморфный, растительный, те-

лесный, вещественный и др.), возможна лишь на уровне всего учебного этимологического гипертекста, где история происхождения ФЕ или отдельные аспекты этого процесса репрезентируются в соответствующих дискурсах. В основе данного подхода лежат идеи, изложенные в докторской диссертации Е.В. Белоглазовой (2010), где автор убедительно обосновывает структуру полидискурса литературы для детей, в который включаются дискурсы, реализующие идеологическую установку детской литературы одновременно на социализацию и развлечение адресата-ребенка [Белоглазова 2010: 9].

Так, для этимологизации фразеологизмов, репрезентирующих игровой код культуры (*бить баклуши, подложить свинью, играть в кошки-мышки*), конструируется текст, в котором читатель обучается правилам данной игры и сам в ней участвует. Для этимологизации фразеологизмов, репрезентирующих пищевой код культуры (*заваривать кашу, каши не сваришь, каши просят, мало каши ел, расхлёбывать кашу*), конструируется текст, в котором персонаж-адресат либо сам «участвует» в приготовлении пищи, либо получает рецепт приготовления и соответствующие инструкции.

Итак, мы рассмотрели лексикографические приемы декодирования метафоры, представленные учебными этимологическими конфигурациями 1-го уровня, которые, напомним, в окончательных этимологических гипертекстах станут выводом о развитии фразеологического значения. Однако, как уже отмечалось, наиболее убедительная репрезентация фразеомообразовательного механизма метафоры в учебном словаре возможна только при дальнейшем развертывании ФЕ в этимологическую конфигурацию 2-го уровня.

Данную процедуру, используя выражение А. Вежбицкой, можно назвать «катализом, то есть дополнением эллиптического текста», к которому А. Вежбицкая относит и метафору [Вежбицкая 1990: 148]. Подчеркивая важность катализа эллиптических текстов, в том числе и метафор, она отмечает, что если в эллиптическом тексте отсутствуют указания, позволяющие реконструировать его полный вариант, то анализ нельзя довести до конца [Вежбицкая 1990: 148].

Разрабатывая принципы конструирования этимологических конфигураций 2-го уровня, мы интерпретировали и адаптировали применительно к нашему материалу положения Л.Л. Леоненко о том, что 1) метафора предполагает «некоторое приглашение» выполнить умозаключение; 2) это приглашение распознается благодаря «напряженности», возникающей вследствие неполной «уместности» употребления метафоры в данном контексте; 3) контекст задает «направленность» умозаключения на перенос тех или иных свойств и/или отношений с денотата прототипа ФЕ на денотат ФЕ [Леоненко 2010: 241].

А.В. Баранов пишет о том, что процесс «приватизации» идиом требует от человека дополнительных затрат усилий по сравнению с лексикой [Баранов 2008: 375]. Приступая к конструированию этимологических конфигураций 2-го уровня, важно учитывать и еще одно замечание А.Н. Баранова: если усилия, затрачиваемые на освоение идиомы, оказываются слишком большими, а само по себе знание – ничтожным, то в этом случае эффективной онтологизации и приватизации не происходит» [Баранов 2008: 375-376].

Соблюсти «золотую середину» оказалось возможным при реализации принципа интерактивного лексикографического описания, и, в частности, игровых манипуляций. Именно использование игровых манипуляций в процессе словарного описания фразеологизмов-метафор позволило нам отразить данный тропеический механизм фразеомообразования адекватно восприятию нашего адресата.

Так, в словарной статье «Подложить свинью», где этимологизирующий лексикографический гипертекст завершает конфигурация 1-го уровня, реализующая прием **«экспликации сходства»**, подвести читателя к этой резюмирующей конфигурации помогает предшествующая экспликация сходства (раскрывается признак, мотивирующий перенос значения и направление метафоризации) в жанре игрового детективного дискурса: персонажи – «сотрудники» детективно-фразеологического агентства (попугай, кот и пёс), расследуя происхождение фразеологизма, узнают о древней народной игре в «свинки», похожей на «городки», осваивают правила игры, изготавливают «свинку» - короткую

деревянную биту и отправляются на «следственный эксперимент» - поиграть с друзьями, а в ходе игры вплотную подходят к решению этимологической загадки:

- *А Вы о чём задумались, попугай Кочан?*

- *Да мне вдруг представилось, что кому-то в этой игре захотелось навредить сопернику и он подкладывает ему чурку («свинку»), непригодную для удара. Да, нехорошо поступает... <...>*

Далее эта этимологическая конфигурация 2-го уровня переходит в учебный мини-дискурс 1-го уровня, являющийся выводом о развитии фразеологического значения:

*Попугай Кочан: Эх, проиграл я в свинки... Зато в футболе мне нет равных! Да и дело о происхождении нашего фразеологизма можно закрывать. Но сначала давайте повторим, что фразеологизм **подложить свинью** связан с древней народной игрой в «свинки», где игроку могли подложить неподходящую для удара чурку – «свинку». Постепенно появилось и переносное значение выражения, основанное на сходстве характера действий в игре и в поведении человека: **подложить свинью** - незаметно помешать, тайно и коварно навредить кому-то.*

При этимологическом разворачивании метафоры эффективным коммуникативным ходом может стать имитация игр со словами. Например, в тех случаях, когда в основе образа фразеологической единицы лежит образность семантически опорной лексемы [Мокиенко 1989: 134], [Моисеева, Волошкина 2008: 956], представляется целесообразным использовать учебную имитацию популярной игры «в ассоциации». Это позволяет раскрыть ассоциативный потенциал образного стержня ФЕ (как правило – метафорического) и в целом осуществить ассоциативно-контекстуальную реконструкцию образной основы ФЕ.

Проиллюстрируем прием **«реконструкции ассоциативного потенциала образного стержня ФЕ»** на примере фразеологизма *считать ворон* в значении ‘быть невнимательным, рассеянным’. (При смещении акцента в сторону семантической дефиниции ‘бездельничать; без цели глядеть по сторонам; ротозейни-

чать' [ИЭС 2005: 121] — необходимо использовать другой коммуникативный ход этимологического парафразирования).

*<...> Проследить развитие фразеологического значения «быть невнимательным, рассеянным» у выражения **считать ворон** можно с помощью игры в ассоциации. Нужно назвать первое, что приходит сразу на ум, когда вы слышите слово **ворона**, и пояснить, почему возникла именно эта ассоциация.*

Среди множества ассоциативных реакций, которые возникают у персонажей этого лексикографического мини-дискурса, особое внимание рассказчика привлекает следующая реплика, актуальная разворачивания этимологической парафразы:

– Разиня. – Разиня стоит разинув рот, как ворона с широко раскрытым клювом. Вороной называют невнимательного, рассеянного человека, ротозея.

*Вот так, из-за широко раскрытого клюва народ связал ворону с невнимательностью, рассеянностью, а слово **ворона** попало во фразеологизм **считать ворон**, значение которого - «быть невнимательным, рассеянным» <...>.*

Таким образом, не только раскрывается конкретный процесс метафорического фразеомообразования, но и репрезентируется отличительная черта метафорической номинации, когда, несмотря на многоплановость и многозначность образных ассоциаций, «при переносе наименования с одного объекта на другой, за основу принимается какая-то одна черта, исходя из субъективной оценки носителей языка (не всегда соответствующей реальному положению вещей)» [Кузнецов 1987: 152].

Помимо игрового лексикографического текста имеются и другие типы интерактивного этимологического «разворачивания» фразеологической метафоры в конфигурациях 2-го уровня. При конструировании этимологического гипертекста нами используется принцип диалогичности в отражении культурно детерминированной информации, который реализуется с учетом нашего адресата: в доступной форме ребенку предлагаются культурологические параллели прошлого и настоящего, экскурсии в историю начинаются с реалий современно-

сти, что обеспечивает адекватное восприятие механизма фразеологизации, в котором также переплетены диахрония и синхрония.

Большинство фразеологизмов, образованных в результате метафорического переосмысления «профессиональных» сочетаний, наш адресат осваивает «в формате настоящего времени»: непосредственно «на рабочем месте» он наблюдает за действиями современного кузнеца (*доводить до белого каления*), парикмахера (*стричь под одну гребенку*), обувщика (*на одну колодку*).

В отдельных статьях юный читатель сам «участвует» в «производственном процессе», например, в этнографическом музее «Мельница в деревне Бугрово» учится плести веревки из льняных нитей (*вить верёвки*) или, раскрывая тропеический механизм фразеологизма-метафоры *бить во все колокола*, оказывается на колокольне и, получив инструкцию, осваивает профессию звонаря: <...> *Дёрни за верёвку несколько раз подряд. Да, вот так. Традиционный звон русских православных церквей производится в едином ритме, который задает ведущий колокол-благовестник. «Бум-бум-бум. Бум-бум-бум». В согласии с этим ритмом звучит стройный хор средних и малых колоколов. Теперь дёргай за другие верёвки. «Динь-дан-дон! Динь-дан-дон!». Один звонарь, держа в руке несколько верёвок, может звонить сразу в несколько колоколов и создавать разные мелодические рисунки звона <...>.*

Следующий поворот сюжета позволяет ребенку из своей собственной «практики» вывести этимологическую версию и понять фразеологическую метафору: <...> *Солнце снова скрылось, небо потемнело, а буквы на странице почему-то становятся горячими. «Бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум», – звонит главный колокол. Таким звоном раньше предупреждали о пожарах: беспорядочно и часто били в большой колокол. Этот звон назывался набатом: «Бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум». Так ведь это и в самом деле пожар! Тревога!! Наша словарная статья горит!!! Скорее набираем 101! А ты еще в большой колокол позвони.*

А теперь переворачивай страницу – наверное, уже наши читатели сбежали на помощь <...>.

Иногда героями этимологического учебного гипертекста становятся реальные персонажи – младшие школьники, ровесники нашего читателя. Они и раскрывают тропеический механизм образования ФЕ-метафоры, опираясь на свой «жизненный опыт»:

Тертый калач

<...> Эту историю нам рассказали две подружки – Таня Зайцева и Лена Бондарева из школы № 115 города Волгограда. Уже второй год они занимаются в школьном кружке русского языка. Девочки получили задание - найти фразеологизмы с названиями русских кушаний и подготовить рассказы о происхождении ФЕ. Чтобы сделать свои выступления более интересными, они решили приготовить не только рассказы, но и сами кушанья и устроить кулинарно-фразеологическую презентацию. В процессе приготовления тертого калача участвовали и другие ребята-кружковцы:

<...> Все вместе дружно месили тесто, потом его мяли и терли, мяли и терли, и снова мяли и терли. А потом поставили тесто в холодильник – его обязательно нужно выдерживать на холоде. <...>

И, наконец, завершение рассказа, где с использованием приема «**восстановления сравнения**» (текстовый этимологический маркер «построено на сравнении») доступным ребенку языком оформляется версия происхождения ФЕ:

*<...> Лена Б.: А потом все сели пить чай. К сожалению, без тёртого калача – тесто еще несколько часов должно мерзнуть в холодильнике. Но зато нам не пришлось долго объяснять происхождение фразеологизма, который построен на сравнении. Всем было ясно, почему опытного, бывалого человека называют **тёртым калачом** - его так же долго «тёрла» и «мяла» жизнь. Нас, конечно, нельзя назвать тёртыми калачами, но мы тоже стали опытнее: тесто месить научились, происхождение фразеологизма выяснили <...>.*

Таковы возможности этимологического «развертывания» фразеологической метафоры в конфигурации 1-го и 2-го уровня, на каждом из которых деко-

дирование механизма фразеомобразовательной метафоры может осуществляется посредством двух интерпретационных (собственно этимологизирующих) приемов: приема «**экспликации сходства (с учетом мотивирующего перенос наименования признака и направления метафоризации)**», а также приема «**восстановления сравнения**».

3.2.2.3. Фразеологизмы контигуального тропеического блока

О нерешенности проблем словарного описания «контигуальных тропов», к которым В.И. Корольков относит метонимию и синекдоху [Корольков 1972: ЭР], говорится, в частности, в работах Л.А. Новикова [Новиков 1996: 1], Н.И. Сандаковой [Сандакова 2010: 712].

Мы не ставим своей целью решение дискуссионного вопроса о соотношении понятий метонимии и синекдохи, обозначим лишь некоторые позиции относительно данной проблемы. Ссылаясь на точки зрения многих лингвистов, Л.Б. Савенкова делает вывод о том, что синекдоху следует рассматривать как особый вид метонимии, ибо и та, и другая отражают действительно существующую связь, хотя связуемые звенья и соотносятся между собой по-разному [Савенкова 1984: 35]. Н.Д. Арутюнова считает синекдоху частным случаем метонимии. Последняя же определяется автором как троп, который переносит наименование предмета или класса предметов на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности или вовлеченности в ту же ситуацию на основании временных, пространственных характеристик или причинных связей, а также принадлежности, партитивности или иному виду контакта [Арутюнова 1990: ЭР].

Истоки родственности метонимии и синекдохи, по мнению С.В. Кабаковой, кроются в мифологическом сознании, одним из свойств которого является отождествление части и целого: «в мифологическом мышлении каждая часть эквивалента целому, каждый экземпляр – виду или роду». Таким образом, метонимия является реализацией закона эквивалентности части и целого совре-

менным типом сознания точно так же, как метафора – реализацией закона изоморфизма [Кабакова 1999: 76].

В работах по фразеологии устоялось широкое понимание фразеологической метонимии, [Савенкова 1984], [Баранов 2008: ЭР], [Алефиренко, Семененко 2009: 162], когда одним из типов «метонимических фразем» считается синекдоха [Алефиренко, Семененко 2009: 162].

По наблюдениям А.М. Эмировой, фразеологизмы, образованные на основе метонимического переноса значения свободных словосочетаний, в словарях не столь многочисленны [Эмирова 2008: 145]. Это, по мнению О.В. Елисеевой, связано с тем, что по сравнению с метафоризацией, фразеологизация метонимического типа предполагает более узкий диапазон семантических преобразований [Елисеева 2000: 15].

Согласно позиции С.Г. Гаврина, фразеологическая метонимия, как и метафора, образуется с помощью операции совмещения сем [Гаврин 1974: 90]. Однако своеобразие фразеомообразующего взаимодействия сем, которое происходит в процессе метонимической и метафорической номинации, сказывается на различии лексикографических техник описания ФЕ, входящих в контигуальный и метафорический блок.

Имеет смысл напомнить о «глубокой «перестройке» семной организации взаимодействующих в метафорическом фразеомообразовании компонентов [Алефиренко, Семененко 2009: 166]. Именно поэтому «метафора <...> позволяет сравнивать несопоставимое – конкретное и абстрактное, одушевленное и неодушевленное, время и пространство» [Арутюнова 1999: 367]. В этой связи во фразеографических моделях декодирования метафоры обязательно репрезентируется допущение («модус фиктивности») «X есть как бы Y» (на нашем материале это было реализовано посредством приемов **«экспликации сходства»** и **«восстановления сравнения»**).

Разрабатывая модели словарного описания контигуальных тропов, мы отталкивались от существенного замечания В.Н. Телия о том, что в отличие от метафоры обращение к данным тропам не нуждается в гипотезах о подобии, в

допущении фиктивности исходного образа, поскольку он и в реальности сохраняет ассоциативную смежность с новым обозначаемым [Телия 1988-б: 181-182]. Если концептуальной метафоре соответствует идеальная когнитивная модель «А есть В», то концептуальной метонимии соответствует идеальная когнитивная модель «А вместо В» [Шарманова 2012: 5].

По мнению Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко, данная особенность объясняется «своеобразием того фразеомобразующего взаимодействия сем, которое происходит в процессе фразеологизации метонимического словосочетания» [Алефиренко, Семененко 2009: 156]. Как отмечает О.В. Елисеева, фразеологическое значение, сформированное в результате метонимического переосмысления, сохраняет в своей ядерной сфере основные генетические схемы, что обеспечивает ему смысловое подобие с прототипом [Елисеева 2000: 15]. Еще ранее А.Г. Назарян писал о том, что при метонимическом переосмыслении между значениями фразеологизма и его прототипа устанавливается более тесная связь, нежели между аналогичными значениями при метафорическом переосмыслении [Назарян 1981: 21]. По мнению Л.Б. Савенковой, именно сосуществование прямого и переносного планов значения в составе метонимической ФЕ определяет специфику фразеологической метонимии [Савенкова 1984: 60].

Наличие «тесной семантической связи между прямым и переносным значениями метонимического фразеологизма» обусловлено, по мнению Э.В. Николаевой, тем, что в основе метонимического преобразования лежит ассоциация по смежности, основанная на зрительном представлении [Николаева 2006: 223]. Этим объясняется особый характер метонимической образности, которую Л.Б. Савенкова называет «наглядностью», обнажающей связи между предметами, явлениями, признаками [Савенкова 1984: 5-6], отсюда - основная функция фразеологической метонимии - выделительно-характеризующая [там же: 173].

Сказанное подтверждает квалификацию метонимии как «сжатого описания» [Петровский 1925-а: ЭР], результатом декодирования которого, в свою очередь, должно стать «развернутое описание» механизма метонимической номинации, адекватно репрезентирующее мотивирующий признак и констати-

рующее отношения смежности. Таким образом, нам предстоит лексикографически «расписать» формулу «А вместо В» таким образом, чтобы адресату словаря стало понятно, на основании какого признака смежности «А» занимает место «В».

Прежде чем подойти к репрезентации лексикографического приема декодирования метонимических ФЕ, кратко остановимся на типах метонимических ассоциаций в лексике и фразеологии.

Мотивирующие перенос наименования признаки по смежности общеизвестны: ‘одно в/на другом’, ‘одно рядом с другим’, ‘одно после другого’, ‘одно вследствие другого’, ‘другое как место, результат, инструмент, деятель, часть целого и т.п.’ ([Реформатский 1996: 47-48], [Арутюнова 1990: ЭР] и др.). А.Л. Новиков называет их «метонимическими семными операторами», раскрывающими «связь, мотивированность несходных значений, непрерывную последовательность их внутренних форм» [Новиков 1996: 27].

Ю.А. Гвоздарёв пишет, что в основе переноса значения по связи при образовании фразеологических единиц и фразеологических сочетаний лежат традиционные ассоциативные противопоставления: «деталь – целое», «элемент – процесс», «деталь – деталь, находящаяся рядом», «внешний признак – внутреннее состояние человека» и т. д. [Гвоздарёв 2010: ЭР].

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко отмечают, что в отличие от однословной метонимии, метонимические переносы во фразеологии чаще связаны с переносами названий конкретных предметов на обозначения внутреннего состояния человека и его действий, которые этим состоянием обуславливаются. Реже при фразеомообразовании встречаются метонимические переносы по отношениям типа: а) род занятий – предмет или инструмент для него (*первая скрипка* – ‘кто-то наиболее влиятельный’, ‘скрипач, выполняющий в оркестре ведущую партию’); б) время – предмет с ним связанный (*до петухов* – ‘до рассвета’; *до гробовой доски* – ‘навсегда’; в) пространство – его измерение (*под рукой* – ‘очень близко, рядом’) и т.п. [Алефиренко, Семененко 2009: 161-162].

Переходя к репрезентации приема словарного описания метонимических ФЕ, который мы назвали приемом «**экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования**», отметим, что он реализуется посредством нескольких лексикографических шагов, каждый из которых направлен на решение конкретной этимологической задачи. Так, первым шагом является прием «**развернутого контекстного толкования компонентов прототипа**» в рамках этимологической конфигурации 2-го уровня, позволяющий подготовить адресата-ребенка к осознанию прямого и переносного планов значения ФЕ, построенной на метонимии. Причем, в развернутое контекстное толкование включена и логическая дефиниция (***брат и сват** – это близкие родственники*), под которой В.П. Москвин понимает точную «логическую перифразу», основанную на переносе с широкого понятия на узкое, в частности, с рода на вид, и используемую для определения значений слов [Москвин 2007: 363]:

*<...> С сегодняшним фразеологизмом нам поможет разобраться соседская девочка Катя. Ей 7 лет. Она очень любит рассказывать о своей семье, а наш фразеологизм **ни сват ни брат** как раз связан с названиями родственников.*

*– Здравствуйте! Конечно, я всё знаю и про **свата** и про **брата**. Мою маму зовут Маша, папу – Паша. А недавно у меня родился **брат** Саша. Это для меня он брат. А для мамы и папы – сын. У мамы есть свои мама и папа. Но для нас с Сашей они – бабушка Оля и дедушка Коля. У папы тоже есть родители. Для нас они – дедушка Ваня и бабушка Таня. Дедушка Коля и дедушка Ваня называют друг друга **сватами**...<...>*

(Даются рисунки – портреты родственников, нарисованные девочкой на асфальте мелом).

*<...> – Спасибо, Катя! Про то, что **брат и сват** – это близкие родственники, ты правильно сказала. Но дело в том, что наше выражение **ни сват ни брат** имеет значение «совершенно посторонний, чужой человек». Ты знаешь, кто такой чужой человек? <...>*

Второй шаг реализации лексикографического приема «**экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования**», опирается на подходы когнитивной лингвистики, в рамках которой близкая связь между прямым и переносным значением метонимической ФЕ объясняется тем, что «в метонимии как когнитивном процессе, один концепт-средство обеспечивает ментальный доступ к другому концепту-цели в пределах одного домена» [Рунова 2006: ЭР]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский пишут о том, что в отличие от метафоры, требующей существование двух структур знаний – фрейма источника и фрейма цели – метонимические сдвиги происходят в рамках одного фрейма [Баранов, Добровольский 2008: 242]. А.Л. Новиков пишет о том, что «вторичные метонимические значения в силу их особого употребления (одно вместо несходного другого, но смежного с первым) оказываются в механизме их реализации включенными в одну ситуацию с первичными» [Новиков 1996: 27]. Это позволяет в качестве второго шага в описании процесса метонимического фразеомообразования использовать прием «**моделирования переноса по смежности**»:

(Продолжение словарной статьи «Ни сват ни брат»)

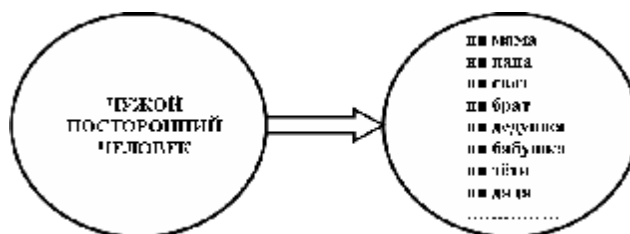
<...> – Ты знаешь, кто такой чужой человек?

– Конечно, знаю. Чужие – это..., – Катя быстро стала выводить на асфальте мелом: ни мама, ни папа, **НИ СВАТ, НИ БРАТ**, ни дедушка, ни бабушка, ни тётя, ни дядя...

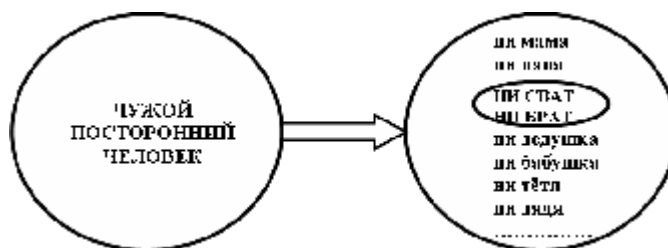
Катя ещё бы долго писала... Но мама позвала её домой делать уроки. А мы, рассматривая Катины записи, стали рассуждать:

– Молодец, Катя! Помогла нам объяснить читателям, как у выражения **ни сват ни брат** возникло переносное значение «совершенно посторонний, чужой человек».

Только оказывается, чтобы образно сказать о постороннем, чужом человеке, не нужно долго перечислять всех людей, которые родственниками не являются:

Для экономии и рифмы из всех названий народ выбрал всего два слова: **ни сват ни брат**:

Так мы подводим читателя к выводу о развитии фразеологического значения, который будет представлен в этимологической конфигурации 1-го уровня.

Двухшаговую реализацию лексикографического приема «**экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования**», может поддерживать художественно-иллюстративная презентация ФЕ, выступающая обязательным элементом интерактивного этимологического текста, полностью зависящего от изобразительного ряда, как, например, в словарной статье «Ни кола ни двора»:

Шаг 1. Развернутое контекстное толкование компонентов прототипа:

<...> **Ни кола ни двора**... Ну что же, в общих чертах, понятно – нет ни того, ни другого. Смотри, а вот и **кол**. Да-да, эта палка с заострённым концом. (Рисунок деревянного кола). А вот и ещё один (Рисунок деревянного кола). А вот ещё. (Рисунок деревянного кола). Наверное, старик из статьи «Хоть кол на голове теши»²⁵ обронил. Чего же добру пропадать? Давай будем забор строить. Ведь колья для этого и нужны (Рисунок забора из кольев).

²⁵ Обратим внимание на реализацию одного из способов создания интерактивности в учебном словаре – использование взаимных отсылок к словарным статьям, описывающим ФЕ с одинаковым стержневым компонентом.

*А что? Неплохой забор получился. Мало того – у нас с тобой и **двор** появился. Вот он, забором огорожен. Ну, раз такое дело – нужно дом построить, хозяйством обзавестись. (В давние времена все это вместе – огороженный участок земли, дом и все крестьянское хозяйство тоже называли **двором**). (Рисунок деревенского дома с двором, огороженным забором, во дворе – домашние животные, деревья, небольшие хозяйственные постройки).*

Да, отлично получилось. Будем теперь жить-поживать, ещё больше добра наживать, да словарь читать. Ты запомнил нужные нам слова?

***Кол** – заострённая толстая палка, которую используют для устройства забора вокруг двора.*

***Двор** – участок земли при доме и сам крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками <...>.*

Шаг 2. Моделирование переноса наименования по смежности в пределах одной денотативной ситуации с констатацией мотивирующего признака.

⊗ *А теперь замени эти слова в скобках их толкованиями, и ты раскроешь фразеологический образ:*

⊙ *Нет ничего – ни (кола), ни (двора).*

<...> ⇨ Проверь себя в следующей рубрике:

*Выражение **ни кола ни двора** основывается на значении слов **кол** и **двор** и означает – «нет ничего» – буквально: ни палки для устройства забора вокруг двора, ни самого двора. Но **кол** и **двор** – это лишь часть имущества человека. Когда хотят сказать в целом о том, что у человека нет ни своего жилья, ни хозяйства, а то и совсем ничего нет, то выражение **ни кола ни двора** употребляют в переносном смысле – «нет ничего» <...>.*

По данной модели может строиться этимологизация ФЕ, базирующихся и на такой разновидности метонимии как антономасии (антономазии) [Квятковский 1966: ЭР], заключающейся в замене имени нарицательного собственным (или наоборот) [Арнольд 2002: 128], как, например, в ФЕ *во всю Ивановскую*.

Однако в отличие от рассмотренных выше лексикографических этимологизаций метонимических ФЕ в данном случае целью первого этимологического

модуля должна стать демонстрация возможностей множественной интерпретации фразеологического образа, т.е. репрезентация всех имеющихся этимологических версий фразеологизма. Прагматическая цель данного коммуникативного хода - вовлечь адресата-ребенка в игру, побудить его искать в интерактивном тексте словарной статьи этимологические загадки и учиться разгадывать их.

Три этимологические версии предлагаются для «расследования» вымышленным персонажам – «сотрудникам» детективно-фразеологического агентства (попугаю, коту и псу), а заодно и читателю:

*1. Происхождение фразеологизма **во всю Ивановскую** связано с колокольной Ивана Великого в Московском Кремле. Вот посмотрите фотографию (фотография колокольни Ивана Великого).*

*Раньше на колокольне размещалось 30 колоколов. Самый большой весил 65 тонн, самый маленький – 1 тонну 71 килограмм. Все вместе они назывались Ивановской колокольной фамилией. Представляете, какой стоял гул, когда звонили во все колокола Ивана Великого! Отсюда выводят значение фразеологизма: (звонить) **ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ** (колокольную фамилию) = очень громко.*

*2. По второй версии, происхождение фразеологизма связано с Ивановской площадью. Посмотрите на ту же фотографию. Колокольня как раз и стоит на Ивановской площади. В старину здесь оглашали царские указы. Понятно, что микрофонов тогда не было, и глашатаям приходилось основательно напрягать голосовые связки. Здесь же кнутами и палками наказывали воров, которые тоже голосили во всю Ивановскую площадь. Отсюда фразеологизм: (кричать) **ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ** (площадь) = очень громко.*

3. А третья версия связывает происхождение фразеологизма с героем русских народных сказок Иванушкой.

Как доказывает В.М. Мокиенко, а данном случае производное от имени собственного *Иван* → *Ивановский (Ивановская)*, указывает на носителя определенных свойств, качеств - героя русских народных сказок по имени Иван [Мокиенко 1999: 72-76]: «Во всю ивановскую – яркая национальная метка, остав-

ленная фольклором в нашем языке. Это своеобразный фразеологический символ того, что у нас принято называть русской душой, русским духом или широкой русской натурой» [там же: 77]. Эта версия и выбирается в итоге в качестве основной:

<...> Служебно-разыскной пёс Гафик: *Друзья, вы забыли, что фразеологизм – это единица языка. Значит, и доказательства мы должны искать в языке. Вот послушайте. Первоначально наш фразеологизм имел только одно значение – «очень быстро» и употреблялся в сочетаниях **бежать, нестись во всю Ивановскую, скакать (на лошади) во всю Ивановскую**. А можно ли бежать или скакать во всю Ивановскую колокольную фамилию? – Конечно, нет. А во всю Ивановскую площадь? Она явно маловата для скачек.* <...>

А.М. Эмирова отмечает, что местоимение *весь* в подобных парадигматических формах способно обозначать полноту охвата явления или предельную интенсивность протекания действия или процесса: *на всех парах, на все лады, на всю катушку, во весь дух, во весь рост, во весь голос, во всю силу и др.*» [Эмирова 2008: 34]. Поэтому в модель словарного описания метонимического фразеологизма *во всю Ивановскую* включается и декодирование гиперболы, которая здесь, в контигуальном блоке является поддерживающим тропом. Обратим внимание и на совмещенную (как вариант) реализацию развернутого контекстного толкования компонентов прототипа и моделирования переноса наименования по смежности как лексикографических шагов этимологизации метонимических ФЕ:

<...> Служебно-разыскной пёс Гафик: *А теперь вспомните фразеологизмы со значением «очень быстро» и «очень громко»: **во весь дух, во все лопатки, во всю мощь, во весь голос, во всю глотку, во всю силу, во всё горло**. И никаких площадей, никаких колоколен. Только человек – голос, горло, лопатки, сила. Значит, наш фразеологизм связан с каким-то человеком! И, конечно же, это Иван – любимый герой русских народных сказок (Иван-дурак, Иван-царевич, Иван-богатырь) – сильный, ловкий, добрый. Он всегда побеждает своих врагов, действует быстро, энергично. Его, Ивановская сила и отразилось*

во фразеологизме **во всю Ивановскую** – «очень быстро, очень громко, изо всех сил» <...>.

Кроме собственно метонимических фразеологических единиц (МФЕ), то есть ФЕ с целостным метонимическим значением, Л.Б. Савенкова выделяет фразеологические единицы с метонимическим компонентом (ФМК), «в которых ассоциация связи оформляет составную часть фразеологического значения» [Савенкова 1984: 7]. В составе данных ФЕ (в диахроническом аспекте) обнаруживаются а) комбинации метонимических компонентов, б) компонента с метонимическим и компонента (компонентов) с номинативным значением, в) метонимического и метафорического компонентов [там же: 162-163].

Согласно концепции Ю.А. Гвоздарёва, компоненты, приобретающие в составе ФЕ новое значение, основанное на сходстве обозначаемых реалий (метафоре) относятся к релятивно-компаративному типу компонентов ФЕ. В свою очередь, компоненты ФЕ, называющие явления действительности или их признаки опосредованно, на основе ассоциации по связи (метонимии) относятся к релятивно-метонимическому типу компонентов [БВН 1993: 68].

Для нас представляют интерес случаи, когда «фразеологическое значение сформировалось на основе переплетения разных ассоциаций по сходству и смежности» [Эмирова 2008: 145]. Такое совмещение механизмов метафоры и метонимии, вслед за Л. Гуссенсом [Goossens 2002], определяется как метафтонимия [Устарханов 2006], [Кимов 2010], [Шарманова 2012].

Рассмотрим специфику этимологизации метафтонимических фразеологизмов на примере ФЕ с компонентами-соматизмами. Обоснование метонимического употребления соматизма в данном случае дает Л.Б. Савенкова: «Прозрачность метонимии обусловлена ее опорой на постоянные ассоциации. Например, названия частей тела человека обязательно подразумевают существование самого человека, что делает возможным употреблять соматизм при обозначении человека» [Савенкова 1984: 27-28].

Так, обращаясь к фразеологизмам с компонентом *ухо*, Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова отмечают, что ухо, являясь органом слуха, метонимически связано со

слухом как таковым, что находит отражение в разных фразеологизмах [Гудков, Ковшова 2007: 270]. Это в полной мере относится и к фразеологизму *медведь на ухо наступил* кому-л.

Первый фрагмент-модуль интерактивного текста, этимологизирующего данную ФЕ, целесообразно конструировать с помощью лексикографического приема **«контекстной семантизации компонентов»**, в ходе которой обыгрывается буквальное значение словосочетания-прототипа: «читатель-соавтор», заинтересовавшийся историей происхождения фразеологизма, пытается выяснить, где и кому медведь наступил на ухо, звонит в больницу (оказывается, что никто с травмой уха туда не обращался), в полицию (жалоб на медведя также не поступало) и, наконец, в «Общество защиты животных», где о медведях, а значит, и о фразеологизме *медведь на ухо наступил* должны знать всё <...>.

Такова «завязка» этимологического интерактивного текста. В следующем его модуле собственно и реализуется семантизация (в данном случае лингвокультурологическая) компонента *медведь*: <...> – *Да, это «Общество защиты животных». Ваши обвинения в адрес медведя несправедливы. Думаете, раз он теремок раздавил, так на него теперь всё свалить можно? Просто медведь у русского народа связан с представлениями о силе, массивности, неуклюжести, грубости. Наверное, поэтому его и выбрали для этого фразеологизма. Но там речь идет о музыкальном слухе, а почему – это вам лучше в музыкальной школе объяснят.* Не получив ответа на этот вопрос и в музыкальной школе, «читатель-соавтор» обращается во «Фразеологическую лабораторию».

Перед репрезентацией следующего модуля этимологизирующего текста заметим, что в отличие от декодирования собственно метонимических ФЕ для лексикографирования этимологии метафтонимических фразеологизмов используется прием **«двойного раскодирования тропа»**.

Сначала – в комплексе с дальнейшей контекстной семантизацией компонентов ФЕ (а именно – компонента *ухо* в метонимическом смысле) – реализуется (в один шаг – в отличие от чисто метонимических ФЕ) прием **«экспликации смежности на основе признака, мотивирующего метонимический пе-**

ренос» (орган слуха → слух как способность человека воспринимать звуки → музыкальный слух как способность адекватно воспринимать и оценивать музыку), а затем, как итог, с помощью приема **«восстановления сравнения»** (вот здесь-то и заложено сравнение) эксплицируется мотив метафоризации:

*<...> – Здравствуйте! Вас приветствуют сотрудники «Фразеологической лаборатории». <...> Дело в том, что словом **ухо** обозначается обычно орган слуха (Рисунок уха), но здесь, во фразеологизме, имеется в виду не орган слуха, а сам слух, к тому же музыкальный. И если медведь наступил кому-то на ухо, значит, он повредил человеку музыкальный слух. Вспомните про теремок ☺. Так уж повелось, что если медведь на что-то наступает, то от этого, к сожалению, уже ничего не остаётся ☹. Вот здесь-то и заложено сравнение.*

В выводе о развитии фразеологического значения фразеологизм *медведь на ухо наступил* разворачивается с помощью приема **«экспликации сходства»** (с учетом мотивирующих перенос наименования признаков) в этимологическую конфигурацию 1-го уровня.

*<...> И переносное значение всего шутливого выражения основывается на сходстве впечатлений: **медведь на ухо наступил** – «о человеке, лишённом музыкального слуха, который фальшиво поёт» <...>.*

Итак, для словарного описания метонимических фразеологизмов используется прием **«экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования признака»**, который реализуется в два шага: **«развернутого контекстного толкования компонентов прототипа»** и **«моделирования переноса наименования по смежности с констатацией мотивирующего признака»**.

Спецификой лексикографирования метафтонимических фразеологизмов является двойное раскодирование тропа: «одношаговая» реализация приема **«экспликации смежности»** для метонимического компонента с последующей этимологической расшифровкой метафорического переосмысления всего сочетания.

3.2.2.4. Фразеологизмы парадоксального тропеического блока

На материале ФЕ метафорического и метонимического типа при помощи речевой тактики этимологического парафразирования был представлен механизм фразеологического переосмысления словосочетания-прототипа, отражающего (или отражавшего когда-то) реальные связи предметов и явлений действительности.

Кроме этого, как отмечает Ю.П. Солодуб, словесные комплексы-прототипы фразеологизма могут быть и несвободными сочетаниями-алогизмами, несвободной лексико-синтаксической композицией, которая даже в момент своего становления могла восприниматься только в обобщенно-переносном смысле [Солодуб 1996: 72]. Аналогичные типы переосмысления при фразеологической номинации выделяют А.В. Кунин [Кунин 1986: 124-127], В.В. Мисенёва [Мисеньова 2005: 10].

Такие механизмы фразеомообразования, обусловленные «не экстралингвистическими, а интралингвистическими причинами» [Амосова 1967: 8] основаны на языковой игре.

В современной лингвистике понятие «языковая игра» (ЯИ) получает вариативные интерпретации (ср., например, разные точки зрения, представленные в [ЭСС 2009: 383-390]). Нам близки трактовки Е.А. Земской²⁶, А.П. Сковородникова, В.З. Санникова, Н.Ф.Алефиренко, Т.А. Гридиной, в которых языковая игра рассматривается как:

- явление, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное: это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов [ЗКР 1983: 172];
- творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой /логической нормы) использование лю-

²⁶ В соавторстве с М.А. Китайгородской и Н.Н. Розановой.

бых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера [ЭСС 2009: 388-389];

- некоторая языковая неправильность (или необычность) <...>, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая, при этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность [Санников 2002: 23];
- форма лингвокреативного мышления, эксплуатирующая механизмы ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, употребления, создания языковых единиц и характеризующаяся условностью и интенциональностью – установкой на творчество, эксперимент над знаком на основе различных операциональных механизмов и лингвистических приемов его трансформации и интерпретации [Гридина 1996-б: 54];
- разновидность лингвокреативной деятельности – природного свойства человеческого сознания, использующего для этого различные когнитивно-дискурсивные механизмы, которые обеспечивают порождение и функционирование в речи знаков косвенно-производной номинации, среди которых наиболее емкими с точки зрения когниции и эффектным с точки зрения дискурсии являются фраземы, поскольку в их ассоциативных сетях пересекаются лингвокреативное мышление и жизнесмыслы, завуалированные парадоксальными сплетениями словесных коннотаций [Алефиренко 2012: 70].

Применительно к фразеологическому материалу языковая игра (т.е. фразеологическая игра), как правило, понимается узко, как процесс фразеомообразования, в ходе которого нарушаются языковые стереотипы, деформируются устойчивые семантические связи языковых единиц, в результате чего, «слова начинают удивляться своему соседству» [Уварова 1986: 34].

Между тем, В.М. Мокиенко считает, что закономерен и более широкий – системно-лингвистический взгляд на фразеологическую игру. Он вытекает из сущностных признаков и языковой игры, и фразеологии как одного из уровней языковой системы. Ведь языковая игра – это словесный парадокс, некоторая

«антитеза» всему привычному, нормативному, устойчивому в языке. Фразеология по своей функциональной природе также является языковым парадоксом. Это парадокс иного рода, чем языковая игра в узком смысле, но во многом обеспечивающий эффект, создаваемой последней [Мокиенко 2012: 102].

Ведущим операциональным механизмом понимаемой узко фразеомообразовательной ЯИ – приемом, обеспечивающим привлечение внимания к определенному аспекту формы и / или содержания знака в экспериментальных условиях реализации диапазона его вариативности [Гридина 1996-а: 78] – является каламбур. В определении А.П. Сковородникова, каламбур выступает разновидностью игры слов (ЯИ), в которой эффект остроты (в основном – комической) достигается неканоническим использованием полисемантов, омонимов, паронимов, псевдосинонимов и псевдантонимов» [ЭСС 2009: 389]. Сам фразеологизм-каламбур, как пишет В.М. Мокиенко, образуется в результате «специфического осмысления формы компонентов» [Мокиенко 1989: 195]. При этом «особый вид создания фразеологизмов, состоящий в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного того же слова или двух сходно звучащих слов (*кормить завтраками, кормить соусом* (ср. усовестить), *здать Храповицкого*)» определяется как каламбурное переосмысление [БВН 1993: 22].

Ученые считают каламбур «семантическим феноменом» [Санников 1995: 56], и также отмечают, что фразеологический каламбур остается проблемой для лексикографии [Парина 2009-а: 69]. Решение этой проблемы связано с адекватной квалификацией каламбурной (игровой) базы фразеомообразования, которая, по нашему мнению, гораздо шире предъявленных выше трактовок каламбура и каламбурного переосмысления. Следует отметить, что в рамках нашего исследования мы не будем рассматривать способы вторичного фразеомообразования и фразеомпреобразования ([Норман 2006], [Полухина 2008] [Зеленов 2009], [Парина 2009-а], [Мокиенко 2012]), основанные на ЯИ как «намеренном отклонении от стандартного употребления идиомы, т.е. трансформации идиом, приво-

дящие к определенному семантическому эффекту» [Burger 1982]²⁷, а также приемы реализации идиом в контекстах языковой игры, где, по мнению В.З. Санникова, обыгрыванию чаще всего подвергается природа фразеологизма, его вторичный, производный характер [Санников 2002: 297]. Именно с этих позиций В.Н. Вакуров под фразеологическим каламбуром понимает семантически преобразованный фразеологизм [Вакуров 1994: 41]. В этой связи важна точка зрения Н.Ф. Алефиренко, который считает, что для теории ЯИ в сфере фразеологии важно различать ФЕ в системе языка и речи [Алефиренко 2012: 70-71].

Особая значимость исследования и лексикографирования фразеологического каламбура как игровой техники первичного фразеомообразования обусловлена тем, что «игра слов возможна лишь при их сочетании, и ФЕ как сверхсловные образования словно предназначены для консервации этих приемов и представляют собой готовый материал для наблюдения и изучения каламбура» [Кашина 2011: 137].

Целесообразность понимания фразеологического каламбура как обобщенного обозначения различных фразеомообразовательных техник, основанных на ЯИ, подтверждается как материалом, приводимым фразеологами в качестве иллюстраций каламбурных выражений (*курам на смех, ломиться в открытую дверь, выйти сухим из воды, сапоги всмятку, без году неделя, без задних ног, кот наплакал, на рыбьем меху, пятое колесо в телеге, после дождичка в четверг, семь пятниц на неделе, из кулька в рогожку, белая ворона и др.*), так и лингвистической квалификацией явлений, лежащих в основе образования этих экспрессивных ФЕ.

Например, перечисленные выше фразеологизмы В.Н. Вакуров определяет как «алогические выражения каламбурного характера, образованные в результате намеренного, мотивированного разрушения семантической сочетаемости слов с целью достижения комического эффекта» [Вакуров 1981: 49] (ср. более раннюю формулировку Н.М. Шанского: «фразеологические обороты, представляющие собой алогичные по смыслу конструкции каламбурного характера»

²⁷ Цит. по: [Парина 2009: 18]

[Шанский 1957: 18]). Названный игровой способ фразеомообразования соответствует пониманию языковой игры как лингвокреативного феномена, формирующегося в результате нестандартного соединения знаков языка (слов и предложений), ведущего к аномальному, парадоксальному сопряжению их значений (лексического и синтаксического) [Шацкая 2010: ЭР].

В рамках нашего исследования мы рассматриваем фразеологические каламбуры, к которым относим ФЕ (1), построенные на нарушении структурно-семантических свойств и связей компонентов ФЕ, не вызывающем однако противоречия внутренней формы оборота и его значения: *когда рак на горе свиснет* (шутл.-ирон., 'никогда') [ИЭС 2005: 591]; *носить воду в решете* (неодобр., 'выполнять крайне непроизводительную, ненужную, напрасную работу') [там же: 106]; *выйти сухим из воды* (неодобр., 'избегать заслуженного наказания; оставаться незапятнанным, неskomпрометированным в трудных и неприятных ситуациях') [там же: 108]. Т.М. Филоненко характеризует алогизм, на котором построены данные идиомы, как «не противопоставляющий план содержания ФЕ плану ее выражения», а актуальное значение идиомы признает логически обоснованным и мотивированным [Филоненко 2004: 65].

Кроме этого мы выделяем и вторую группу фразеологизмов-каламбуров (2), у которых «внутренняя логика не оправдывает фразеологического значения» [Мокиенко 1989: 136]. В данных ФЕ «посредством внутренней формы создается образ, не соотносимый логически с их значением» [Артёмова 1990: 8]. (См., например, план содержания и план выражения фразеологизмов данной группы: *кормить завтраками* (шутл. или неодобр., 'откладывать выполнение чего-л. обещанного на другой день, на завтра') [ИЭС 2005: 232], *кормить соусом* ('усоветничать кого-л.') [ИЭС 2005: 662], *тянуть кота за хвост* (прост., неодобр. 1) 'нудно говорить, медлить с ответом'; 2) 'слишком долго делать что-л., оттягивать время' [ИЭС 2005: 352] и др.).

Согласно классификации В.З. Санникова [Санников 2002: 499] эти две группы фразеологизмов-каламбуров можно отнести к разряду «маска». В основу данной классификации положен характер семантических связей между

обыгрываемыми словами, а для каламбуров типа «маска» характерно «резкое столкновение обыгрываемых слов: первоначальное понимание внезапно заменяется другим» [там же]. Причем, выделяемая нами первая группа фразеологических каламбуров (1) строится на эффекте «комического шока», когда необычное или абсурдное становится естественным и понятным [Санников 1995: 60]. Вторая группа фразеологизмов-каламбуров (2) строится на эффекте «обманутого ожидания», «когда явление, кажущееся естественным, потом демаскируется как абсурд или ошибка и, тем самым, дискредитируется» [там же].

Многообразие функционально-семантических нюансов в явлении фразеологического каламбура отражается в таких функционирующих параллельно названиях фразеологизмов-каламбуров, как «экспрессивы» [Гаврин 1974: 93], «фразеологизмы-нонсенсы» [Михальская 1989: 28-29], «игремы» [Гридина 1996-а: 8], «фразеологизмы-шутки» [Мокиенко 1998: 117-118], «мнимые фразеологизмы-алогизмы» [Синюк 2000: 151], «юморемы» [Девкин 2006: 73], «игровые микроформы» [Негрышев 2008], «игровые фразеологизмы» [Полухина 2008: 63], «парадоксальные фразеологические единицы» [Береснева 2009-б: 45] и др.

По нашему мнению, суть ФЕ, образованных в результате фразеологического каламбура как обобщенного обозначения различных тропеических механизмов, «рассчитанных на игру ума» [Татаринова 2006: ЭР], наиболее адекватно может представить термин «фразеоигрема», отражающий и способ образования оборота (с помощью языковой игры) и результат этого процесса (фразеологический продукт). При этимологизации фразеоигрем мы учитываем особенность каламбура как явления амбивалентного характера, представляющего собой, по мнению П. Гиро, два текста, «вписанных друг в друга» [цит. по: Лукьянов 1991: 44] и, уточняя данное положение, этимологизируем фразеоигремы как результат последовательного взаимодействия текстуально имманентной и контекстуальной ЯИ²⁸.

²⁸ Данная классификация языковых игр принадлежит Н. Зауэр [цит. по: Болдарева 2002: ЭР].

Это означает, что в этимологической парафразе, во-первых, описываются способы порождения игры слов, формирующих «игровое текстовое поле» [Муль 2000: 4] фразеоигремы (текстуально имманентная ЯИ), т.е. раскрываются тропеические механизмы образования фразеоигрем. Во-вторых, в процессе этимологизации реконструируется игровой парадокс²⁹, возникающий при восприятии фразеоигремы как игрового текста (контекстуальная ЯИ). При этом обязательным условием при конструировании генетического этимологического дискурса является моделирование игрового поля фразеоигремы, под которым понимается «текст, специально организуемый с установкой на ЯИ» [Муль 2000: 184].

Таким образом, с помощью этимологического парафразирования могут раскрываться логико-семантические механизмы, лежащие в основе образования фразеоигрем, а также способы создания установки на языковую игру при интерактивном «развертывании» фразеоигремы в этимологические конфигурации.

С помощью коммуникативного хода **«репрезентации установки на языковую игру»** техника языкового каламбура описывается как «намеренная неправильность», вызывающая, по словам В.З. Санникова, не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинные намерения автора, эту игру предложившего [Санников 2002: 23].

Репрезентация установки на языковую игру может быть реализована за счет различных способов организации этимологических конфигураций 2-го уровня, как, например, для ФЕ *носить воду в решете (решетом)*:

А.

В данном случае декодирование игрового парадокса в процессе репрезентации установки на языковую игру осуществляется посредством установления псевдоанalogии между нелепой игрой, которая якобы описывается нереальным прототипом, и языковой игрой, воплощенной в тропе-катахрезе, лежащем в основе фразеоигремы. Как отмечает И.Л. Муль, продуцирование и восприятие разноуровневых игрем связано с актуализацией в сознании коммуникантов оп-

²⁹ Игровой парадокс – эффект ЯИ (термин Т.А. Гридиной [Гридина 1996-а: 205]).

ределенных системных аналогов (прототипов), опознание которых в игровых коррелятах является импульсом «смехового прочтения» текста [Муль 2000: 185].

<...> С водой связано много фразеологизмов. В нашем – её носят. Выбери и назови посуду, в которой можно носить воду.

(Рисунок различных видов посуды, среди которых представлено и решето)

*Правильно, из того, что тут изображено, воду можно носить во всём, кроме **решета** (оно третье слева). Рассмотрй его повнимательнее. Решето состоит из широкого обруча и натянутой на него с одной стороны сетки. Решето используют для просеивания муки.*

Посмотри, и всё-таки какой-то чудака пытается носить воду решетом.

(Изображение человека, несущего решето, из которого капает вода)

*Вот смех-то! Конечно, из этой затеи у него ничего не выйдет, потому что **решето** совсем не предназначено для переноски воды! А ведь человек, вроде, и работу выполняет, а, как оказывается, совершенно бесполезную. Только время зря теряет.*

Но мы-то с тобой понимаем, что в реальной жизни никто не станет носить воду решетом! Разве что ради веселой игры-забавы.

*В основе фразеологизма **носить воду решетом** тоже лежит игра, только языковая. Здесь сталкиваются слова, которые обозначают несовместимые вещи: действие (**носить воду**) и способ его выполнения (**решетом**) - так шуточно передаётся значение «выполнять совсем ненужную, напрасную работу».*

Б.

В данной конфигурации установка на языковую игру с целью декодирования игрового парадокса при этимологизации ФЕ *носить воду в решете (решетом)* осуществляется посредством моделирования механизма образования фразеоигремы, осуществляемого по ходу описания известной детской игры в записки.

<...> Фразеологизм *носить воду в решете (решетом)* со значением «выполнять совсем ненужную, напрасную работу» построен на языковой игре. А понять её механизм нам тоже поможет весёлая и забавная игра.

Далее читателям предлагается взять небольшие листки бумаги, написать на них любой ответ на вопрос «Что делать?», свернуть записки и передать друг другу, затем, не разворачивая записок написать на них ответ на вопрос «Чем?». В результате должно получиться много абсурдных веселых словесных комбинаций, среди которых окажется и сочетание *носить воду решетом*.

<...> Готово? Снова обмениваемся бумажками, разворачиваем их и читаем. <...> Носить воду решетом? Это же совершенно бесполезно – вся вода вытечет по дороге. Очень смешно получилось! А почему? Да потому что в этом выражении соединились действие (*носить воду*) и способ его выполнения (*решетом*), совершенно несовместимые. Так уж случайно совпало, что это и есть наш фразеологизм, который и построен по открытому нами с тобой закону языковой игры <...>.

В.

Еще одним лексикографическим приемом декодирования игрового парадокса является **«конструирование игрового этимологического комплекса, состоящего из «игрем в игре»** [Муль 2000: 184]. Следующий пример этимологизации этой же фразеоигремы *носить воду в решете (решетом)* иллюстрирует лексикографические возможности включения загадки в игровое текстовое поле, образующее этимологическую конфигурацию, где играма-1 (загадка) отражает релевантные для мотивировки ФЕ признаки одного из компонентов фразеологического образа и задает игровой ракурс дискурса, эксплицирующего установку на языковую игру при фразеомообразовании:

<...> Разобраться в том, как образовался наш фразеологизм, поможет загадка:

*Новая посуда,
А вся в дырках.*

*Ну, конечно же, это **решето**.* (Рисунок решета)

Решетом просеивают муку, чтобы она стала воздушной, а пироги из неё вкусными. В нашем фразеологизме в решете носят воду ☺, и, как ты понимаешь, делают это совершенно напрасно: вода моментально вытекает через дырочки ☺.

*Однако не нужно думать, что, при создании фразеологизма **носить воду решетом** люди не знали, что это абсолютно бесполезное и совершенно никому ненужное занятие ☺. Просто они хотели в шутливой форме передать значение – «выполнять совсем ненужную, напрасную работу», а для этого с помощью языковой игры соединили совершенно несовместимые между собой действие (**носить воду**) и способ его выполнения (**решетом**) <...>.*

При лексикографической интерпретации логико-семантических механизмов каламбура как совокупности игровых техник первичного фразеомообразования, основанных на языковой игре, необходимо учитывать характер контраста, на котором строится данный тип фразеологической номинации.

Т.Г. Бочина на материале русских пословиц доказывает, что стилистические приемы контраста как лингвокогнитивного принципа основаны на посредничестве между доминантными отношениями различия и контраста и дополнительными отношениями тождества и сходства. Это соответствует функциональной асимметрии полушарий головного мозга и характерной для обоих полушарий стратегии двоичного поиска, а также их динамическому взаимодействию в организации речевой деятельности. К тому же обобщенно-типизированные средства выражения контраста коррелируют со всеми основными стадиями развития объективного мира и познания, представляющими собой преемственную смену тождеств, сходств, различий и противоположностей, противоречий [Бочина 2003: 20].

И.В. Пекарская определяет контраст как частный парадигматический принцип организации элокутивных средств, лежащих в основе таких стилистических фигур, как антитеза, оксюморон и др. [Пекарская 2000: 188]. А.П. Сковородников пишет о том, что по принципу стилистического контраста могут

быть построены различные стилистические приемы, среди которых наиболее распространенными являются антитеза и оксюморон [ЭСС 2009: 320].

О.Н. Егорченко отмечает, что контраст представляет собой парадигматический принцип организации орнаментальных элокутивов и реализуется через два специализированных способа – способ противоположности и способ противоречия [Егорченко 2006: ЭР]. В рамках названных способов автор выявляет и описывает комплексы фигур и тропов (орнаментальные элокутивные контрастивы), представляющие собой отдельные микросистемы: контрастивы способа противоположности и контрастивы способа противоречия [там же].

Вслед за О.С. Кожевниковой, в целях более четкого терминопотребления мы будем понимать контраст как родовое понятие — общий принцип организации анализируемых приемов, а частные принципы их организации называть противоречием и противопоставлением [Кожевникова 2006: 206].

Известно, что контраст как стилистическое явление лежит в основе явления антонимии, имеющей лексико-семантическую основу. Однако наиболее обоснованным подходом к исследованию лингвистических оппозиций является логико-лингвистический. При этом «логическую базу категории антонимии образуют три вида противоположности – контрарная, контрадикторная и комплементарная» [ЭСС 2009: 54].

Определение каждой из противоположностей, которое представлено, например, в работах Л.А. Новикова [Новиков 1973: 195-201] и А.П. Сковородникова [ЭСС 2009: 54-56], поможет нам в дальнейшем точнее квалифицировать контрастные тропы, чтобы выявить приемы словарного описания, характерные для каждого типа тропа.

Контрарная (от лат. *contrarius* – ‘противоположный’) противоположность выражается видовыми понятиями «X» и «Y», между которыми возможен третий, средний член «Z»: *молодой* – *< средних лет, пожилой >* – *старый*. В случае комплементарной (от лат. *complementum* – ‘дополнение’) противоположности контраст образуется видовыми понятиями «X» и «Y», которые дополняют друг друга до родового и являются предельными (полярными) по своему харак-

теру: *истинный – ложный, добро – зло*, отрицание одного из них дает содержание другого: *неистинный* значит ‘ложный’, и наоборот. Также контрарную противоположность называют градуальной, а комплементарную – бинарной³⁰.

Контрадикторная противоположность выражена отношениями типа А – не А: *молодой – немолодой, белый – небелый*.

Для словарной разработки контрастных тропов, лежащих в основе ФЕ, важно различие, которое Л.А. Новиков проводит между понятиями, образующими контрарную, комплементарную и контрадикторную противоположность [Новиков 1984: 9-10]. Так, контрарные и комплементарные понятия характеризуются своим положительным содержанием в отличие от контрадикторных понятий типа *молодой – немолодой* (т.е. *средних лет, пожилой, старый*), где второе видовое понятие негативно по своему характеру и неопределенно. Поэтому такое контрадикторное противопоставление не образует противоположности и не является логической основой антонимии.

Контрарные и комплементарные понятия в отличие от контрадикторных «определяют предел проявления качества, свойства, действия, определяемых тем или иным родовым понятием. Они и образуют логическую модель истинной антонимии» [там же: 10].

Для нашего исследования важно, что контраст может быть выражен не только антонимами, в том числе контекстуальными, которые являются основным средством, выражающим в языке отношения противоположности [ЭСС: 320]. В отношениях противоречия и противопоставленности, как отмечает Т.О. Борковская, могут находиться не только традиционные слова-антонимы, но и слова других лексико-семантических категорий: синонимы, паронимы, омонимы, полисеманты, а также языковые единицы с разной функционально-стилевой или эмоционально-оценочной окрашенностью и языковые единицы, референция которых относится к разным «онтологическим сферам» [Борковская 2006: 189].

³⁰ Рассмотрению бинарных и градуальных оппозиций антонимии посвящена работа В.А. Михайлова [Михайлов 1983].

В.Н. Телия, отмечая специфическую роль контрастных тропов в формировании языковой картины мира, раскрывает их специфику на примере оксюморона, который «вносит в эту картину парадоксальность, способствующую прагматическому эффекту» [Телия 1988-б: 182]. О тавтологических и контрадикторных аномалиях языка также пишет Ю.Д. Апресян. По мнению автора, каждое из правил, отражающее рациональную основу языка, фиксирует ограничение, мотивированное содержательной (семантической, референциальной, прагматической, коммуникативной) несовместимостью двух (или более) единиц языка, а аномалии, возникающие в результате нарушения таких правил, отражают два типа типических ошибок – тавтологии и противоречия [Апресян 1989: 186-187].

Фразеологические единицы, содержащие некое логико-семантическое противоречие между компонентами, по мнению А.В. Бересневой, относятся к парадоксальным ФЕ [Береснева 2009-б: 45].

Мы также квалифицировали рассматриваемый здесь тропеический блок ФЕ как **парадоксальный**, объединяющий различные тропы каламбурного типа, т. е. основанные на языковой игре,³¹ и образованные (согласно классификации типов смысловых отношений, лежащих в основе создания фразеологического образа [Гаврин 1974: 93-94]) операциями противопоставления (антитеза) и столкновения сем. Последняя операция возникает в результате двух типов логических противоречий между семами в пределах одной фразеоиграммы, как-то: противоречия, проистекающие из тождества сем, создающие своеобразную лексическую «избыточность» (тавтология, плеоназм), и противоречия, вытекающие из логической несовместимости сем (оксюморон).

Н.Ф. Алефиренко под фразеологическим парадоксом понимает речевое противоречие, выражающееся, с одной стороны, в формально-языковом сочетании логически несовместимых концептов, а с другой – в ассоциативно-смысловом их объединении в едином фрейме. Причем, парадоксальная соче-

³¹ Напомним, что в качестве обобщённого обозначения фразеомообразовательных техник, основанных на ЯИ, мы используем фразеологический каламбур.

таемость фразеомобразующих компонентов, по его мнению, направлена на первичную референцию, а ассоциативно-смысловая целостность фреймового фраземосемиозиса – на вторичную денотацию, основанную, главным образом, на лингвокреативных механизмах языковой игры [Алефиренко 2012: 71].

Применяя к нашему материалу классификацию Ю.И. Левина [Левин 1981: 146], описавшего особенности аномальной логической структуры пословиц-парадоксов, отметим, что и в основе большинства ФЕ парадоксального блока лежат такие фундаментальные логические категории, как тождество, противоречие, существование/несуществование, возможность/невозможность. Именно «подтверждение» закона тождества, «опровержение» закона противоречия, утверждение существования несуществующего и возможности невозможного формируют семантику этих фразеоигрем. При реализации нашей концепции мы учитывали и положение М.В. Никитина о том, что «реально негиппликациональные³² словосочетания нарушают не нормы логики и мышления, а нормы именования вещей и сочетания слов» [Никитин 1996: 572].

ФЕ, отнесенные нами к парадоксальному блоку, часто определяются как алогизмы. При описании комического приема Н.В. Гоголя, построенного на разрушении логических и причинных связей, А.Л. Слонимский [Слонимский 1923: 35] одним из первых в отечественной лингвистике употребил термин «алогизм», прочно прижившийся во фразеологии. (Вот лишь некоторые примеры фразеоигрем, которые зафиксированы во фразеологических исследованиях как алогизмы: *после дождичка в четверг* [Мокиенко 1999: 243]; *без году неделя* [ИЭС 2005: 144]; *сапоги всмятку* [ИЭС 2005: 623] и др.).

Мы придерживаемся понимания алогизма как «принципа, лежащего в основе группы риторических приемов (в том числе тропов и фигур)» [ЭСС 2009: 27]. Однако в отличие от А.П. Сковородникова считаем, что данный принцип состоит в намеренном и прагматически мотивированном отклонении не только от логических норм, под которыми понимаются основные законы и правила

³² По М.В. Никитину, негиппликационал – это совокупность признаков отрицательной импликации, т. е. семантических признаков, несовместимых с интенционалом экпликандума (имя вещи) [Никитин 1996: 570].

формальной логики, но и от онтологических, понимаемых как присущие человечеству в целом или какому-либо социуму и получившие в языке / речи представления о бытии (социальном, культурном, историческом и т.д.), его строе, законах, и формах [там же: 273]. В связи с этим полагаем, что тропы, основанные на принципе алогизма можно разделить на паралогические (оксюморон, антитеза, тавтология, плеоназм, метатеза) и параонтологические (катахреза). Здесь следует напомнить, что в нашей лексикографической концепции используется широкий подход к пониманию тропов.

Далее, в ходе репрезентации моделей словарного описания тропеических механизмов, лежащих в основе фразеоигрем, мы сделаем некоторые уточнения относительно квалификации тропов, входящих в парадоксальный блок.

Исследование особенностей лексикографического описания логикосемантических механизмов образования фразеоигрем мы проводили на выявленных в нашем материале ФЕ:

а) репрезентирующих образ «эмпирически невозможных событий или объектов» [Левин 1981: 159], который воспринимается на фоне логически обоснованного целостного обобщенно-переносного значения (метатеза, оксюморон, катахреза);

б) представляющих собой воспроизводимые бинарные конструкции, созданные на базе смысловой оппозиции компонентов (антитеза), а также лексического или семантического повтора (тавтология и плеоназм). Данные конструкции Д.В. Андрианова относит к устойчивым парным сочетаниям (УПС) [Андрианова 2013: 4].

Прежде чем подробно остановиться на первой из этих логикосемантических фразеомообразовательных моделей парадоксального блока - модели «отображения эмпирически невозможных событий или объектов», отметим, что сложности ее словарной репрезентации усугубляются «отсутствием операторов языковой игры» [Шаховский 2005: 17]. В такой ситуации, учитывая фактор адресата, мы сделали упор на то, что многие из фразеоигрем-парадоксов данной модели, представляют собой осколки «народной смеховой культуры»

[Бахтин 1990: ЭР]. Они восходят к народным потешкам, стишкам-перевертышам и другим жанрам парадоксально-игровой поэзии, которые травестируют, выворачивают наизнанку привычные догмы повседневной житейской мудрости: в этом плане особенно характерны «метатетические и контрарные небывальщины, где привычные отношения в буквальном смысле переворачиваются» [Левин 1981: 147].

Но если народный перевертыш — это, скорее, акт балагурства, то фразеоиграма, в которой «наблюдается особый способ передачи идеи бессмыслицы» [Гвоздарёв 2010: 65] — это «перевертыш» более высокого уровня «интеллектуального фольклора», его рафинированный вариант, обладающий номинативной функцией, и отображающий денотат через нестандартную ситуацию. С одной стороны, за фразеоигрой стоит идея игры и абсурда, а с другой — это один из методов познания мира через язык и один из способов сообщения о мире.

Также добавим, что если «так называемый алогизм фольклорного слова художественно оправдан, но не объяснен» [Хроленко 2010: 32], то, объяснение алогизма фразеоигром, как будет показано далее, становится возможным посредством лексикографических техник.

Адекватная лексикографическая этимологизация фразеологических «перевертышей» и «нелепиц» особенно значима для нашего адресата. Деликатно руководя его этимологическими разысканиями и вовлекая в «перевернутый мир», мы не только не наносим ущерба его интеллектуальной деятельности, но, напротив, способствуем ей, ибо «у ребенка у самого есть стремление создать себе такой «перевернутый мир», чтобы тем вернее утвердиться в законах, управляющих миром реальным» [Чуковский 1965: ЭР].

В нашей лексикографической концепции репрезентация фразеоигром осуществляется таким образом, чтобы по мере прочтения словарного гипертекста у адресата возникла эмоциональная реакция: «здесь что-то не так» [Клочко, Галажинский 2009: 136]. Данная эмоциональная напряженность способствует формированию поисковой познавательной потребности, которая мобилизует и

сопровождает все последующие интеллектуальные действия при чтении этимологической рубрики словарной статьи, направленные на полное осознание и снятие обнаруженного противоречия, поиска «смысла в бессмыслице».

Раскрывая механизмы образования фразеоигрем, построенных по модели отображения эмпирически невозможных событий или объектов, целесообразно использовать специальные слова-маркеры: *нелепица*, *бессмыслица*, *перевёртыш*, которые дают «толчок» к декодированию, реконструкции игрового парадокса.

Определим различия между семантическими маркерами *нелепица* и *бессмыслица*. Как пишет С.П. Поцелуев, «в абсурдном (нелепом) выражении есть единое значение, хотя нет и быть не может предмета (вещи, положения дел), в котором бы объединялось все то, что единое значение в силу несовместимых между собой значений представляет объединенным в предмете» [Поцелуев 2006: 39]. Автор выводит данное положение, комментируя обороты, которые, согласно Э. Гуссерлю, возникают в результате невозможности реализации модуса, выделяемого в «объективном содержании» любого речевого выражения: «невозможность выполняющего смысла есть абсурд, нелепица» [там же: 38].

В случае же бессмыслицы (нонсенса) единого значения вообще не может возникнуть, как считает С.П. Поцелуев. По Э. Гуссерлю данная речевая бессмыслица возникает в результате «невозможности интендирующего³³ смысла», что «дает бессмыслицу-абракадабру, нонсенс» [там же].

С использованием семантического маркера *бессмыслица* описываются фразеоигремы, образованные с помощью приемов «онтологической абсурдизации» [Сковородников 2012: ЭР] и построенные на катахрезе (например, *сапоги всмятку*) с семантикой ‘чепуха; абсурд’. В основе данных фразеоигрем, в соответствии с концепцией А.В. Кунина, лежит «абсурдное противоречие, заключающееся в объединении признаков из разных областей, что делает понятия абсурдными» [Кунин 1986: 127].

³³ Интендирующий – подразумевающий.

В свою очередь, семантический маркер *нелетица* дает толчок к «развертыванию» фразеоигрем параонтологического типа, также построенных на катахрезе (например, *ломиться в открытую дверь, толочь воду в ступе, когда рак на горе свистнет* и др.), с семантикой бесполезности занятия, ирреального времени, ненужности и т. п. С помощью маркера *нелетица* описываются и фразеоигремы паралогического типа, построенные на оксюмороне (например, *белая ворона*).

Особенности использования еще одного семантического маркера — *перевертыш* — определяются трактовкой этого термина в стилистике и литературоведении. В.П. Москвин понимает под перевертышем «разновидность небылицы, основанной на игровой инверсии: *Ехала деревня мимо мужика, Вдруг из-под собаки залаяли ворота*» [Москвин 2007: 546]. Соответственно инверсия — [лат. *inversio* ‘перестановка, перемещение’] — это фигура акцентирования³⁴, которая состоит в перестановке, нарушающей стилистически нейтральный порядок слов [там же: 281]. А.П. Квятковский выделяет синтаксическую инверсию, трактуемую им как расположение слов в предложении или в фразе в ином порядке, чем это установлено правилами грамматики [Квятковский 1966: ЭР]. П.Г. Богатырёв подводит признаки синтаксической инверсии под понятие метатезы, а метатезу относит к одному из художественных средств в юмористическом ярмарочном фольклоре [Богатырёв 1971: 450-496]. Вслед за ним, Ю.И. Левин называет рассматриваемые нами фразеоигремы-перевертыши «метатетическими небывальщинами, где привычные отношения в буквальном смысле переворачиваются» [Левин 1981: 147]. Здесь следует заметить, что В.П. Москвин придерживается более узкого определения метатезы как звуковой инверсии [Москвин 2007: 395].

В рамках нашей лексикографической концепции, основанной на широком понимании тропов, семантический и в то же время этимологический маркер *перевертыш* «запускает» экспликацию логико-семантического механизма фразеомообразования, который основывается на метатезе.

³⁴ Привлечение внимания адресата к коммуникативно значимым элементам речи [Москвин 2007: 85].

Одним из эффективных интерпретационных приемов при декодировании фразеологической метатезы, например, оборота *без году неделя*, является прием **«перестановки компонентов фразеоигры»**.

В данном случае при помощи этого приема фразеоигра-метатеза *без году неделя* разворачивается в этимологическую конфигурацию «бинарного характера, ограничивающуюся опознанием языкового прототипа» [Гридина 1996-а: 10].

<...> Без году неделя – это фразеологизм-перевертыш. Сейчас мы разберёмся, как образовался этот оборот со значением «очень непродолжительное время, совсем недавно».

Попробуй переставить местами слова год и неделя. Что у тебя получилось? Правильно, без недели год – то есть почти год – а это очень много. А как, используя эти же слова, сказать об очень непродолжительном времени, о том, что было совсем недавно? Верно, нужно снова поменять местами слова год и неделя. И что у тебя получилось на этот раз? Без году неделя. Это и есть наш фразеологизм <...>.

В интерактивном этимологическом контексте многовалентного³⁵ характера, представленном этимологическими конфигурациями 1-го и 2-го уровней данная фразеоигра может «разворачиваться» следующим образом. Происхождение фразеологизма пытаются выяснить два календаря - отрывной и электронный. В ходе их диалога в доступной для читателя словаря форме осуществляется контекстная лингвокультурологическая семантизация компонентов ФЕ – дается этимологическая информация о компонентах фразеологизма, вводятся сведения из истории русских единиц времени, анализируется соотношение современного объема значений слов *неделя* и *год*. И, наконец, веселая игра «в перевертыши», которую затеяли календари, чтобы отдохнуть, наталкивает их на мысль применить «метод перевертышей» и к «исследованию» фразеологизма.

³⁵ Т.А. Гридина выделяет бинарный и многовалентный ассоциативный контекст восприятия *игры* [Гридина 1996-а: 10-11].

В данной модели этимологического парафразирования маркер *перевёртыш* не только организует резюмирующую часть истории происхождения фразеогремы, но и позволяет ввести комментарий коммуникативно-прагматического характера, а также показать фольклорную логико-семантическую модель языкового парадокса:

*Попробуем переставить местами слова **год** и **неделя**. Что получается? - Правильно, без недели год – то есть почти год назад, а значит, очень давно. А как, используя эти же слова, сказать об очень непродолжительном времени, о том, что было совсем недавно? Верно, нужно снова поменять местами слова **год** и **неделя**. И что у нас получилось на этот раз? **Без году неделя**. Это и есть наш веселый фразеологизм-перевёртыш. Говоришь: все равно так не бывает – неделя без года? А это как раз и усиливает выразительность оборота. Не случайно прием «перевёртыша» используется при создании многих шуточных поговорок, потешек, небылиц (вспомни: ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота ...) <...>.*

Фразеологическая метатеза может декодироваться и посредством лексикографического приема «псевдодоказательства от противного» также с маркером *перевёртыш*.

В качестве примера приведем этимологическую парафразу, представленную двухуровневым учебным интерактивным гипертекстом, где читатель вместе с составителями словаря ищет ответ на вопрос: *Почему же у фразеологизма **после дождичка в четверг** развивается значение «неизвестно когда, или вообще никогда»? Может быть, потому, что после дождичка не может быть четверга? Такое предположение, требующее проверки, называется гипотезой.*

Представим нашу гипотезу в виде схемы:

Теперь воспользуемся известным в науке методом доказательства «от противного». Если после дождичка в четверг – это что-то невозможное, неверное, то возможным и верным будет обратное: после четверга в дождичек.

Приступая к доказательству, читатель при помощи волшебного клубочка и ленты времени (Рисунок) переносится в далекое прошлое, в древний Киев, видит статуи языческих богов (Рисунки), среди которых – главное божество славянского пантеона – Перун и Мокошь, богиня плодородия, воды и дождя, имя которой связано со словами *мокнуть*, *мокрый*. Далее из этого лингвокультурологически ориентированного текста читатель узнает, что днем, когда древние славяне почитали Мокошь, была *пятница*, Перуну же посвящался *четверг*. Читателю предлагается порассуждать и осмыслить фразеомобразующей потенциал метатезы:

*<...> Если пятница – день Мокоши, день воды и дождя, то после дождика, то есть после пятницы, не может следовать четверг, (а должна следовать суббота). Отсюда и значение нашего фразеологизма-перевёртыша: **после дождика в четверг** – «никогда, неизвестно когда». <...>.*

Далее следует вывод о развитии фразеологического значения, где «восстанавливается» логико-семантический механизм фразеоигры и на доступном для адресата словаря уровне раскрывается понятие «формулы невозможного», введенной П.Г. Богатырёвым [Богатырёв 1962: 347]:

*<...> Итак, фразеологизм **после дождика в четверг** построен по «формуле невозможного» и связан с языческими верованиями наших предков. Древние славяне считали четверг днем Перуна, бога грома и молнии, а пятницу – днём Мокоши, богини воды и дождя. Именно об этом, пятничном дожде и идет речь во фразеологизме. А четверг после пятницы – это и есть та «невозможность», на базе которой развивается фразеологическое значение «никогда». <...>.*

Игровые фразеомобразовательные модели отображения эмпирически невозможных событий или объектов могут быть представлены и с использованием семантического маркера *нелепица*. Как уже отмечалось, с помощью данного

маркера декодируются фразеоиграммы паралогического типа, образованные на базе оксюморона.

Отождествление фразеологического оксюморона (оксиморона) с понятием фразеологического алогизма – есть современная тенденция теории фразеологии. Согласно подходу Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко оксюморонная база фразеомообразования понимается «широко», под нее подводятся «и сочетания с разными значениями и высказывания-парадоксы» [Алефиренко, Семененко 2009: 185].

Авторы описывают дискуссионную, на наш взгляд, двухвариантную семантическую модель оксюморонных фразем. Так, первый вариант модели выражает фразеомообразующую комбинаторику реальных несовместимостей, характеризующих одну и ту же денотативную ситуацию (*через пень колоду* – ‘кое-как, небрежно, нерадиво что-нибудь делать’; *пятое через десятое* – ‘бессистемно, поверхностно’; *тянуть за душу* кого, *тянуть душу* из кого – ‘мучить, изводить). Во втором варианте этой модели, раскрывающий ирреальные несовместимости, фразеомообразующей комбинаторике подвергаются потенциальные семы, объективируемые в семантике фразем-оксюморонов результаты ассоциативно-метафорического мышления: *бесструнная балалайка* – ‘болтливый, неделовой человек’; *без году неделя* – 1) ‘совсем недавно’ 2) ‘с большим опытом работы’; *олух царя небесного* – ‘человек ограниченного ума’; *до морковки на заговенья* – ‘неопределенно долго’ [там же: 187].

Полагаем, что адекватное словарное описание фразеологического оксюморона возможно лишь при сужении данного понятия до классического понимания данного тропа как «фигуры алогизма, состоящей в сочетании противоположных по смыслу слов с целью показать противоречивость, сложность объекта» [Москвин 2006: 208]. Логическая несовместимость компонентов и отношения контраста между ними признаются непрямым условием существования оксюморона и другими авторами ([Введенская 1995: 423], [Новиков 1995: 332], [Ахманова 2004: 286], [Гаврин 1974: 95], [Розенталь, Теленкова 1985: 82], [УСЛТ 2005: 134]) и др.

Поскольку в рамках нашей лексикографической концепции фразеологизмы рассматриваются как микротексты, «где свернутым оказывается достаточно большой объем культурно маркированной и культурно значимой информации» [Красавский 2008: 88], имеет смысл привести также определение М.М. Халикова, где оксюморон характеризуется как контекст, в котором имеет место противоречащее нормам рационального мышления соединение (синтез) значений антонимичных слов, в результате чего они приобретают тождественную референтную отнесенность [Халиков 1983: ЭР].

А.П. Сковородников пишет, что так или иначе оксюморон, будучи нарушением логического закона противоречия (= непротиворечия), может быть отнесен к числу паралогических риторических приемов. В оксюморе в результате соединения несовместимых с логической точки зрения понятий рождается новое сложное понятие или представление [ЭСС: 195]. В.П. Москвин также отмечает, что в основе оксюморона как разновидности нарочитого абсурда лежит нарушение логического закона непротиворечия, в соответствии с которым суждение и его отрицание не могут быть одновременно истинными применительно к одному и тому же объекту [Москвин 2007: 495-496]. Таким образом, фразеологический оксюморон как один из контрастных тропов отличается тем, что он образуется с помощью операции столкновения сем, которая возникает в результате противоречия, проистекающего из их логической несовместимости. Именно контраст фразеомообразующих компонентов, как пишут Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов, является источником образности оксюморонных фразем [Алефиренко, Семенов 2009: 188].

Следует отметить, что к структурным типам оксюморонных конструкций относят сочетания антонимических слов, основанных на подчинительных (согласовании, управлении, примыкании) и сочинительных связях [Москвин 2007: 496]. В нашем исследовании мы используем терминологию Л.И. Татановой, которая к структурным типам оксюморонов относит двухкомпонентные и многокомпонентные оксюмороны [Татанова 2006: 26-40].

В нашем материале мы выделяем фразеоигремы-оксюмороны, в основе которых лежит а) контрарная, градуальная (*белая ворона, дела как сажка бела*) и б) комплементарная, бинарная (*чист как трубочист, выйти сухим из воды*) противоположность компонентов. Различия данных видов противоположностей отражаются в нюансах реализации интерпретационных приемов этимологического парафразирования с маркером *нелепица*.

Для разработки контрарных ФЕ-оксюморонов *белая ворона, дела как сажка бела* актуальна мысль Л.А. Новикова о том, что качество (*черный*) без заложенной в нем самой противоположности другому качеству (*белый*) потеряло бы свою определенность. Каждый из антонимов, отражающих эти понятия, фактически заключает в себе самом (в явной или неявной форме) свою противоположность: данное положение, по наблюдениям Л.А. Новикова, часто подтверждается существующей лексикографической практикой, например, в словаре С.И. Ожегова (Словарь русского языка, изд. 7. М., 1968, стр. 867): *черный* – ‘цвета сажи, угля’; противоп. *белый* [Новиков 1973: 59-60].

Качественная противоположность понятий (*черный* - *белый*), на которой строится образ ФЕ-оксюморонов *белая ворона, дела как сажка бела*, представлена крайними точками, однако допускает градуальные оппозиции: *белый* – *серый* – *черный*. Отсюда - целесообразность использования интерпретационного приема «**семантической градации**» («х – z – у») при этимологизации данных фразеоигрем в учебном словаре. Цель данного приема - показать градуальную противоположность качеств и раскрыть мотив выбора крайних точек противопоставления. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «черно-серая ворона является объектом таксономической деятельности. Это просто ворона. Белая же ворона составляет объект семантических усилий человека. Это уже не просто ворона, а белая ворона» [Арутюнова 1999: 65-66]. В ходе рассуждений о ФЕ *белая ворона* О.И. Глазунова подчеркивает, что, как и любой языковой парадокс, это выражение основано на внешнем противоречии, которое устраняется при дополнительном разъяснении или при сопоставлении с предшествующим опытом индивида [Глазунова 2000: ЭР]. С помощью «лексикографических разъяснений» и

возможно устранить данное противоречие и показать, что оксюморон, представляя собой «утверждение истинное, однако внешне противоречивое, парадоксальное, алогичен только в формальном отношении, по содержанию же логичен и правдоподобен» [Москвин 2007: 495-496].

Однако прежде обратим внимание на то, что в основе тропеического механизма фразеологии *белая ворона* лежит не только основное (оксюморон), но и поддерживающее (метафора) тропеическое средство³⁶, и адекватное декодирование оксюморона становится возможным благодаря предваряющему словарному описанию поддерживающей метафоры. С этой целью целесообразно использовать описанный в метафорическом блоке ФЕ прием «**экспликации сходства**» (в данном случае признаком, мотивирующим перенос, является сходство впечатлений, а направление метафоризации задается вектором – *птица > человек*).

Так, в первом модуле интерактивного лексикографического текста читателю предлагается обратить внимание на стайку ворон, которые «слетелись в словарную статью»: здесь и черные и серые вороны и одна белая (Рисунок). Читатель должен ответить на вопрос: с какой из этих ворон можно сравнить человека, не такого, как все остальные?

*<...> – Ну, конечно, ни с чёрной и ни с серой. Это обычные вороны, которых мы встречаем каждый день. В отличие от них белая ворона – редкое явление в мире природы. Именно поэтому **белой вороной** называют человека, резко отличающегося от окружающих, возможно, одаренного и даже талантливого, но странного, не такого, как все.*

*Но переносное значение выражения **белая ворона** основывается не только на сходстве впечатлений от белой вороны и необычного человека. Разгадка образования нашего фразеологизма таится в «хитром» сочетании слов – **ворона и белая** <...>. Таким образом, после экспликации сходства, на базе которого осуществляется метафорический перенос, и направления переноса, задает-*

³⁶ Здесь мы используем классификацию Н. Ю. Степановой, которая разделяет стилистические средства, участвующие в реализации контраста на основные (оксюморон, антитеза) и сопутствующие (образное сравнение, скрытое сравнение: метафора, метонимия, эпитет и др.) [Степанова 2009: 13].

ся прагматическая установка следующего фрагмента-модуля этимологического интерактивного текста - декодирование контрарного оксюморона. Здесь, как и в других случаях, оно будет реализовано с помощью лексикографического приема «**семантической градации**» (« $x - z - y$ »).

Читателю предлагается рассмотреть цветовой ряд (Рисунок-схема: цветовая гамма с 10 оттенками от черного до белого) и сделать выводы о соотношении значения слов-цветообозначений:

*<...> Самые крайние, противоположные цвета – это чёрный и белый. Между ними находятся разные оттенки серого. Так и слова **чёрный** и **белый** являются противоположными по своему значению. Этого не скажешь, например, про слова **чёрный** и **серый**, ведь они обозначают цвета, которые находятся рядом.*

На следующем текстовом модуле можно проследить реализацию интерпретационного этимологизирующего приема «**контрастного переосмысления**». Его использование обусловлено тем, что, как отмечает Т.Г. Бочина, в оксюморе нарушение законов синтагматического согласования стимулирует адресата речи к поиску оснований для объединения несовместимых признаков и разрешению противоречия [Бочина 2003: 393]. Использование данного приема позволяет адресату понять, что, говоря словами Н.В. Павлович, «в оксюморе противоречие ощущается, а затем разрешается, и если оно не ощущается, то это не оксюморон, а если не разрешается – то бессмыслица» [Павлович 1979: 240].

Отметим, что в данном случае «**контрастное переосмысление**» возможно только в совокупности с контекстной семантизацией компонентов ФЕ, включающей элементы историко-этимологического комментирования:

*<...> Оказывается, ворону называли по чёрному цвету. **Вороны** относятся к семейству **вороновых** (или **врановых**). А корень этих слов имеет значение «**чёрный**». Этот корень очень древний. Он появился более 7 тысяч лет назад и звучал чуть-чуть по-другому. Так что если мы переведем слово ВОРОНА на современный русский язык, то получим – «чёрная». А у нас БЕЛАЯ.*

В нашем выражении **белым** названо то, что **чёрное**. Получается, что **белая ворона** – фразеологическая нелепица. Но только не для тебя. Потому что теперь ты знаешь, что противоположные по значению слова **белый** и **чёрный** специально сталкиваются в данном выражении, чтобы очень образно и необычно сказать о человеке, резко отличающемся от окружающих <...>.

Являясь синкретичным тропом, оксюморон взаимодействует не только с метафорой, как было показано выше, но и с образным сравнением. В отличие от ФЕ компаративного тропеического блока, где сравнение выступает в качестве основного тропа, в УС парадоксального блока сравнение является поддерживающим тропом, реализующим здесь смысловые отношения дополнения. Особенности этимологизации таких оборотов, также репрезентирующих контрарную (градуальную) противоположность, рассмотрим на материале устойчивых сравнений (УС) оксюморонного типа (например, *дела как сажка бела*).

Интерактивное этимологическое «развертывание» таких контрарных УС-оксюморонов в конфигурации 1-го уровня осуществляется трехступенчато. Сначала посредством приема «**семантической градации**» (характерного для разработки контрарных фразеоиграм-оксюморонов) и «обоснование выбора объекта сравнения» (типичного для этимологического декодирования компаративных фразеологических единиц) описываются логико-семантические отношения компонентов КЧС (компаративной части сравнения). Затем с помощью приема «**контрастного переосмысления**» (используемого при этимологизации фразеоиграм-оксюморонов) разрешается противоречие между КЧС и ОС (основанием сравнения) и формулируется вывод о развитии фразеологического значения.

Этимологическая конфигурация 1-го уровня, сконструированная с помощью названных лексикографических приемов, может быть развернута в различные варианты интерактивного сказочного гипертекста.

Вариант 1 предполагает введение вымышленного персонажа - рассказчика, которому близка тематика фразеологизма. Еще одна возможность его выбора – использование реалий, ассоциативно связанных с компонентами образа

оборота. В случае с оборотом *дела как сажка бела* это может быть русская печка.

В нашей этимологической парафразе она «обращается за помощью» во «Фразеологическую службу спасения» и, используя фразеологизм *дела как сажка бела*, рассказывает о своей неудаче – сгорели пирожки, за которыми вот-вот должен прийти заказчик. «Виртуально» рассматривая печку вместе с «сотрудниками «службы спасения», читатель знакомится с ее устройством, «видит» серую золу и черную сажу (начинается использование приема «**семантической градации**»).

При словарной разработке УС-оксюморонов следует также учесть, что многим из них присущ эвфонический характер. Специфику ФЕ данного типа отмечает И.В. Кузнецова: «Эвфония играет немаловажную роль в продуктивной воспроизводимости и экспрессивной емкости фразеологизма. Рифмуются и ассонируются чаще всего лексемы (или их части) ОС и КЧС: <...> *чист как трубочист; мило как собаке мыло; умен как поп Семен; плоду что от камня меду; умница как попова курица; дела как сажка бела*» [Кузнецова 1995: 8-9].

С целью указания на особенности ритмической организации оборота во вводный модуль нашего текста включен следующий фрагмент:

<...> - Ну что же! Раз мы с тобой фразеологические спасатели, давай золу из печки выгребать, стенки от сажи вычищать, да дальше рассуждать. Смотри-ка, прямо в рифму получилось!

- Кстати, вы заметили, что и сам наш фразеологизм *дела как сажка бела* тоже построен на рифме: «дела» и «сажка бела»?

- Да, печка, заметили. Но тогда с таким же успехом рифмуются «дела» и «зола бела». Почему же именно с *сажей*, а не с золой сравниваются дела в нашем фразеологизме? <...>

Далее в «ответе» печки завершается реализация этимологизирующего приема «**семантической градации**»:

<...> Тут всё дело в цвете. Зола серая, а для большего контраста нужен именно **чёрный** цвет. А это цвет *сажи*. Но в нашем фразеологизме *сажка БЕ-*

ЛАЯ. Именно в этом «неправильном» сочетании слов – *сажа и белая* – и кроется разгадка происхождения нашего фразеологизма. <...>

Этот этимологический модуль без изменения диалогового режима плавно переходит в следующий, сконструированный посредством лексикографических приемов «**обоснование выбора объекта сравнения**», а также «**контрастного переосмысления**» с использованием семантического маркера *нелепица*:

<...> - Итак, дела в нашем выражении сравниваются с цветом сажи, то есть с **чёрным**. Известно, что **чёрный** цвет является символом горя, печали. Но **чёрное (сажа)** в нашем фразеологизме названо **белым**, что является совершенно противоположным по значению.

- Зачем же нужна эта нелепица? Ведь всем понятно, что **чёрное** никогда не будет **белым**.

- Так затем и нужно, чтобы о крупных неудачах сказать в шутливой форме – так ведь легче воспринимать ситуацию.

Такой вывод об образовании фразеоигремы-оксюморона, представляющий собой этимологическую конфигурацию 1-го уровня, согласуется с утверждением Т.Г. Бочиной о том, что «в оксюморе, выражающем противоречивую целостность противоположностей, явный контраст служит усилению неявного тождества, объединяющего противоположности» [Бочина 2003: 228].

Второй вариант этимологического гипертекста словарной статьи «Дела как сажа бела» можно сконструировать, заменив лишь вводный этимологический модуль, подготавливающий адресата к раскрытию мотивировки оборота. Выбор же рассказчика – сказочной героини Золушки - здесь также мотивирован тематически и даже словообразовательно:

<...> С сажей, золой и мукой мне приходится сталкиваться каждый день. Их легко различить по цвету. Мука – белого цвета, её получают после перемалывания зёрён. Зола – серая. В неё превращаются сгоревшие дрова. Кстати, меня прозвали Золушкой, потому что вечером, окончив работу, я люблю посидеть в уголке возле камина на ящичке с золой. **Сажка – чёрная**. Это осадок от дыма, чёрное мучнистое вещество, копоть. <...>

Приступая к раскрытию особенностей словарной репрезентации образования УС-оксюморонов комплементарного (бинарного) типа, необходимо остановиться на специфике логической противоположности комплементарного типа. Так, например, комплементарные антонимы в отличие от контрарных характеризуются тем, что между противопоставляемыми членами, отражающими видовые понятия, нет никакого промежуточного, среднего члена. Такие антонимические пары представлены двумя противоположными по значению членами, дополняющими друг друга до целого, так что отрицание одного дает значение другого: *чистый – грязный* (*нечистый* значит ‘грязный’ и наоборот).

Во фразеоигремах, представленных УС-оксюморонами бинарного типа (*чист как трубочист*), компаративная часть сравнения (КЧС) и основание сравнения антонимичны. Как отмечает И.В. Кузнецова, в таких УС отрицательная модальность создается без каких-либо формальных средств негации [Кузнецова 1995: 7], к которым относятся отрицательные частицы и т.д. Т.Г. Бочина также отмечает наличие у оксюморона «внутреннего отрицания» [Бочина 2003: 21]. По мнению И.В. Кузнецовой, отрицательная модальность этих УС объясняется тенденцией к использованию готовых речевых формул в качестве шутки в дружеской обстановке или при резко негативных эмоциональных состояниях [Кузнецова 2012: 195]. В этой связи можно говорить и об ироническом сближении противопоставляемых слов, характерном для таких УС-оксюморонов³⁷.

Данные предпосылки обусловили использование интерпретационного приема **«реконструкции внутреннего отрицания в оксюмороне»** для этимологической лексикографической разработки бинарных УС-оксюморонов.

Модель декодирования образа комплементарных фразеоигрем мы представим на материале интерактивного лексикографического текста (конфигура-

³⁷ И. О. Котюрова пишет в своей работе о противоречивом сопоставлении фреймов как когнитивной модели иронического смысла [Котюрова 2009].

ция 2-го уровня), сконструированного с помощью игрового текстоорганизующего приема «поисковых запросов на «фразеологическом компьютере».

На первом этапе этимологизации фразеоигремы-оксюморона *чист как трубочист* в режиме «компьютерного поиска» читатель получает словообразовательную семантизацию слова *трубочист* (тот, кто *чистит трубы*) и значимую для фразеомообразования информацию о профессии трубочиста (*из-за копоти и дыма трубы очень грязные, поэтому трубочист, проверяя и очищая их, не может не запачкаться*). «Компьютер выдает» и выражение *грязный как трубочист*, что представляется читателю весьма логичным – так мы доносим до адресата информацию о то, что некоторые оксюморонные УС могут рассматриваться как эвфемизмы к синонимичным выражениям, «представляющим говорящему грубыми и нетактичными» [Кузнецова 1995: 7].

С учетом этого стилистического нюанса, мы ставим перед читателем вопрос: *Можно ли о грязном человеке, сравнивая его с трубочистом, сказать не так жестко, открыто, а с шуткой, легкой насмешкой?* В ходе поисков ответа в Интернете, читатель натывается на логическую игру.

На данном шаге этимологизации целесообразно обратиться к логическому «обратному закону двойного отрицания», согласно которому утверждение влечет свое второе отрицание. Например: «Если Шекспир писал сонеты, то неверно, что он не писал сонеты». Символически: $A \rightarrow \sim \sim A$, если A , то неверно что не- A [Ивин 2002: ЭР]. Необходимо учесть и закон «притяжения синонимов» [Ульман 1970: 266], активно действующий в сфере УС: в соответствии с ним субъективно значимые явления обозначаются большим числом синонимов и вариативных модификаций, что вызвано стремлением носителей языка обновить, освежить экспрессивные средства [Кузнецова 2012: 119].

Итак, в ходе «компьютерной игры» читатель получает цепочку суждений: $\langle \dots \rangle$ - Если *трубочист грязный*, то неверно, что он **негрязный**. $\langle \dots \rangle$ - Если *трубочист грязный*, то неверно, что он **чистый**. $\langle \dots \rangle$ - Если *трубочист грязен*, то неверно, что он *чист*. $\langle \dots \rangle$ - **Чист как трубочист**. - Неверно. («Программа» выдает ошибку).

Таким образом, через определенную последовательность шагов, интерпретирующих обратный закон двойного отрицания, принятый в логике, и закон «притяжения синонимов», реализуется прием **«реконструкции внутреннего отрицания в оксюмороне»**, который приводит читателя к логическому выводу о развитии фразеологического значения:

*<...> - **Чист как трубочист.** - Неверно. («Программа» выдает ошибку).*

*<...>- Постой-постой! Так ведь нам как раз и нужна ошибка! Ведь **чист как трубочист** – это и есть наш фразеологизм. И раз **чист как трубочист** – это неверно, то, значит, так говорят о ком-то очень грязном! А это и есть значение нашего выражения. <...>*

Учет фактора адресата при реализации пошагового декодирования элементарных фразеоигрем предполагает использование и других игровых интерактивных текстоорганизующих приемов, реализующихся в конфигурациях 2-го уровня. Так, пошаговая реконструкция внутреннего отрицания в многокомпонентной элементарной фразеоигреме *выйти сухим из воды* может осуществляться посредством игрового приема **«Верю–не верю»**.

Вопрос, на который читатель должен ответить «верю» или «не верю»: можно ли выйти сухим из воды? Руководствуясь своим жизненным опытом или проведя ряд несложных опытов с водой, читатель отвечает отрицательно. Следующий вопрос и ответ вплотную подводят к разгадке механизма фразеомообразования:

<...> Ну, а сейчас – о более серьезных вещах. Как ты думаешь, может ли человек, совершивший преступление, остаться безнаказанным? Конечно, нет. За преступлением всегда следует наказание.

А теперь – внимание! Выводим фразеологический закон: совершив преступление, невозможно остаться безнаказанным так же, как невозможно выйти сухим из воды. А если кому-то все же удалось избежать наказания, значит, он все-таки сумел выйти сухим из воды. Вот вам и образ фразеологизма <...>.

По мнению М.В. Никитина, «чтобы осмыслить оксюморонные сочетания этого рода <...> требуется понимание тех условий, которые снимают противоположность признаков, делают ее относительной» [Никитин 1996: 575]. Данное положение удачно иллюстрирует следующая часть этимологической конфигурации **выйти сухим из воды**:

<...> И действительно, так ли уж невозможно выйти сухим из воды? Давай вспомним гуся. Вот он-то всегда выходит сухим из воды, так как перья у него покрыты специальной жировой смазкой и никогда не намокают.

Затем игра *Верю-не верю* переводится в план реальной ситуации: читателю предлагается продемонстрировать своим друзьям несколько опытов, где при соприкосновении с водой предметы будут оставаться сухими, а зрители убедятся в относительности утверждения о невозможности выйти сухим из воды.

Таким образом, лексикографический прием **«реконструкции внутреннего отрицания»**, в игровом (*Верю – не верю*) этимологизирующем гипертексте реализуется посредством контекстной репрезентации условий, снимающих противоположность признаков компонентов фразеоигремы-оксюморона.

Итак, представив модели декодирования образов контрарных и комплементарных фразеоигрем, относящихся к «явным оксюморонам» (термин Е.А. Атаевой [Атаева 1975: 41]), обратимся к проблемам лексикографической интерпретации процессов образования фразеоигрем, построенных на неявном, «размытом» оксюморе [там же: 60].

К образованным таким способом «размытым оксюморонам» Е.А. Атаева относит словосочетания, компоненты которых, после приведения их путем объяснительных трансформаций к одной части речи, могут выступать как речевые или контекстуальные антонимы [Атаева 1975: 27]. По мнению Л.А. Новикова, «речевые (контекстуальные) антонимы – это далеко не всегда максимально возможная противоположность, а всего лишь данное в определенной речевой ситуации противопоставление» [Новиков 1973: 74].

Относя к парадоксальному тропеическому блоку такие ФЕ, построенные на контрастных тропах (контрастивы), мы придерживаемся позиции Г.В. Анд-

реевой, согласно которой контраст представляет собой многомерную оппозицию³⁸, а гипонимы и гиперонимы наряду с антонимами относятся к реально контрастоспособным единицам [Андреева 1984: 16]. Таким образом, при развёртывании микротекстов-фразеоигрем оксюморонного типа в этимологически конфигурации 1-го и 2-го уровней важно учитывать, что «в структурировании контрастного набора контекста принимают участие не только слова, связанные отношениями антонимии, <...>, но и слова, находящиеся в отношениях рода и вида» [там же: 46].

Развивая идеи Ю.Н. Караулова о типах отношений между значениями слов [Караулов 2010: 106-108], Э.В. Кузнецова пишет, что родо-видовые оппозиции предполагают такое соотношение значений двух слов, когда одно из них как бы повторяется в другом, «включается» в него, и в этом выражается сходство двух слов. Автор уточняет, что в том слове, которое включает в себя другое, помимо общей части есть еще специфическая, дифференцирующая. Поэтому значение данного слова оказывается более содержательным, маркированным компонентами дифференцирующей части. Формально такие отношения укладываются в формулу АБ (гипероним) – АВВ (гипоним), в которой АБ олицетворяет общие компоненты, а В – дифференциальные [Кузнецова 1989: 44-45]. При этом гипонимы, подчиненные логически одному и тому же гиперониму, выступают по отношению друг к другу как согипонимы (эквонимы), являющиеся единицами одного уровня подчинения, и образуют семантические эквиполентные оппозиции, связывающие слова, в которых кроме общих имеются специфические компоненты, по которым они противопоставляются друг другу. Слова словно «пересекаются» друг с другом, частично совпадая и частично различаясь. Э.В. Кузнецова схематически выражает эквиполентные оппозиции формулой АВВ – АВГ, где элементы АБ знаменуют общие части, а элементы В и Г – те компоненты, которыми слова различаются [Кузнецова 1989: 46].

³⁸ В своём исследовании Г. В. Андреева использует такие термины, как «контрастоспособность», «контрастоспособные единицы» (контрастивы) для языковых единиц различных уровней и «контрастирующий набор» [Андреева 1984].

Гипонимия в лексической системе русского языка подробно исследована Е.Е. Котцовой, которая выделяет три вида семантических отношений гиперонима и гипонимов в структуре гипонимической группы: а) родо-видовое (гиперонимия: дерево – береза); б) видо-родовое (гипонимия в узком смысле: береза – дерево); в) видо-видовое (согипонимия: береза – осина) [Котцова 2010: 12-13].

В этой связи, к неявным, «размытым» фразеоиграм-оксюморонам мы относим такие ФЕ, оппозиционные компоненты которых связаны:

- гипонимическими (видо-родовыми) отношениями (*семь пятниц на неделе: пятница – неделя* (день недели → вся неделя);
- согипонимическими или эквонимическими (видо-видовыми) отношениями: *квадратура круга: квадрат ↔ круг* (геометрические фигуры) и т.п.

Выделяя третью группу неявных фразеоиграм-оксюморонов, процитируем М.В. Никитина, который пишет о том, что семантическая структура словаря имеет два глобальных и универсальных измерения: гипер-гипонимические (родо-видовые) и партитивные отношения (целого и части) [Никитин 2009: 73].

В свою очередь, Э.В. Кузнецова относит оппозиции слов, называющих часть и целое (например: *ветка – дерево, карбюратор – двигатель*) ко второму типу гипонимических отношений в лексике. Гипонимы здесь – названия части, гиперонимы – названия целого [Кузнецова 1989: 45]. Мы придерживаемся терминологии, предложенной М.В. Никитиным: *холоним* – обозначение целого, *партоним* или *мероним* – обозначение части [Никитин 2009: 88]. Автор подчеркивает принципиальное отличие гипонимии от партитивности: первая основана на сходствах – различиях вещей, вторая – на связях (взаимодействиях, зависимостях) вещей [Никитин 2009: 89].

- Таким образом, третью группу неявных фразеоиграм-оксюморонов образуют ФЕ, оппозиционные компоненты которых связаны партитивными отношениями: *от жилетки рукава: часть одежды (рукав) → одежда (жилетка); нужен как телеге пятое колесо: деталь повозки (колесо) → повозка (телега)* и т.п.

Данная классификация ФЕ-неявных оксюморонов приобретает особую значимость в связи с тем, что для каждой классификационной группы предлагаются свои лексикографические шаблоны, которые в дальнейшем используются при «раскройке» этимологических конфигураций с учетом семантических оппозиций компонентов ФЕ, и, следовательно, связей и отношений реальной действительности, преломленных в языковом сознании в соответствии с общими законами человеческого мышления: явлений противоположности вещей и понятий, родо-видовых отношений, отношений соподчиненности, части – целого [Кузнецова 1989: 67].

Так, на примере этимологизации фразеоигремы с неявным оксюмороном *от жилетки рукава*, внутренняя форма которой представлена «моделью несуществующей части объекта» [Баранов 2008: ЭР], представим возможности реализации интерпретационного этимологизирующего приема **«отношение части и целого»**, характерного для разработки фразеоигрем-«партитивов»:

<...> *От жилетки рукава – это фразеологизм-нелепица. Почему? Давай разберёмся.*

Вот жилетка (Рисунок). Вот рукава (Рисунок). Присоединяем рукава к жилетке и получаем (Рисунок пиджака) пиджак. Рукава бывают у (Рисунки блузки, платья, куртки, пальто). А у (Рисунок жилетки) нет и не может быть рукавов. Это – одежда без рукавов.

Слово, обозначающее часть одежды (рукав), и слово, обозначающее одежду без рукавов (жилетка), сталкиваются в нашем фразеологизме от жилетки рукава, чтобы передать значение «чего-то крайне бессмысленного, несуществующего, не имеющего к чему-либо никакого отношения» <...>.

Вместе с тем, необходимо обосновать и общий для всех категорий ФЕ-«неявных оксюморонов» интерпретационный лексикографический прием **«развертывания их в этимологические конфигурации, репрезентирующие контрастный характер фразеомообразующего тропа»**.

Решая данную задачу, мы опирались на положение Л.А. Новикова о том, что любая теория, основанная на понятии отклонения, необычности, предпола-

гает наличие определенной нормы, или нулевой ступени: «это «нейтральный дискурс», без всяких украшательств, не предполагающий никаких намеков [Новиков 1995: 328]. Автор считает, что при порождении фигуры противоречия происходит неизбежная мена одного из компонентов нормативного сочетания на противоположный, создающая оксюморонный образ, ретроспективное описание которого нередко приводит к тавтологическим сочетаниям: так, «нулевой ступенью для фигур противоречия *тёмный свет, очаровательное разочарование, говорить без слов* будут *светлый (светящийся) свет, очаровательные очарованья, говорить (какими-то) словами* и т. п.» [там же 1995: 329].

Также мы модифицировали прием семантической декомпозиции (разложения на части), посредством которого Б.Т. Ганеев с целью вычленения языковых элементов, несущих парадоксальность, предлагает трансформировать высказывание до краткого суждения, содержащего явное противоречие. Данное краткое суждение, называемое «парадоксальной пропозицией» [Ганеев 2001: 92], или «парадоксемой» [Береснева 2009-б: 58], является логическим носителем парадоксальности, выраженным в виде простого или сложного логического суждения.

С учетом фактора адресата мы также интерпретировали подход Е.А. Атаевой, по которому при этимологизации оксюморона сопоставлению семантических компонентов слов, входящих в оксюморонное сочетание, должно предшествовать приведение их к единообразному виду (одной части речи) на основе объяснительных трансформаций [Атаева 1975: 40-41].

В связи со всем сказанным выше, при декодировании фразеоиagram с неявным оксюмороном мы предлагаем использовать интерпретационный этимологизирующий прием **«приведения оксюморона к нулевой ступени»**.

Так, «нулевой ступенью» для фразеоиagramы *на рыбьем меху* являются выражения *на беличьем (песцовом, собольем, лисьем и т.д.) меху* или *на рыбьей чешуе*. В ходе конструирования этимологического текста посредством приема **«приведение оксюморона к нулевой ступени»** «разъединяются» название части тела (покрова), характерного для класса зверей (мех) и название класса жи-

вотных, покрытых чешуей (рыбы). Также при этимологизации данной фразеологии мы используем текстоорганизующий прием **«разговор с воображаемым оппонентом»**.

*<...> Наш сегодняшний фразеологизм – **на рыбьем меху**. Нет, вы не ослышались. Нет, не на рыбьей чешуе и не на заячьем меху. Да, мы ничего не перепутали: именно **на рыбьем меху**. Да, мы, конечно, знаем, что у рыб не бывает меха. Мех бывает только у зверей. Рыбы же имеют чешую. Мы всё это помним ещё со школы. Просто **на рыбьем меху** – это фразеологизм-нелепица. В нём специально сталкиваются два слова, противоречащих друг другу. МЕХ – это название части тела зверей, их покров. РЫБЫ – это название группы животных, не имеющих меха, а покрытых чешуей. А нужно это для того, чтобы в шутливой форме сказать о плохой, совсем не согревающей и не предохраняющей от холода верхней одежде <...>.*

В данном случае направление этимологизации, отражает один из векторов фразеологической номинации - «от денотата прототипа ФЕ к денотату ФЕ». Возможно и обратное направление парафразирования «от денотата ФЕ к денотату прототипа ФЕ». Приведем начало первого модуля парафразы:

<...> Сегодня на улице резко похолодало. Сильный ветер и мороз. Наступила настоящая зима. А ты ещё не переоделся в зимнюю одежду. На тебе тонкая куртка. Такая одежда от холода не защитит. Зато это хороший повод узнать об одном фразеологизме, с помощью которого можно шутливо сказать о плохой, совсем не согревающей и не предохраняющей от холода верхней одежде.

Поэтому пока мы совсем не замёрзли, давай отправимся во фразеологическое экспериментальное ателье верхней одежды. <...>

Варьируя направления этимологизации в нашем лексикографическом комплексе, мы опираемся на точку зрения Т.Г. Никитиной, о том, что для постижения природы фразеологической номинации необходимо рассматривать ее в двух направлениях: от ономаσιологически исходной точки – от заданного, подлежащего выражению смысла к формам его воплощения, т.е. от денотата

ФЕ в синхронии к денотату прототипа ФЕ как основе внутренней формы, и в обратном направлении, реализуя семасиологический подход, поскольку и сам механизм фразеологической номинации может быть представленный как двухвекторный [Никитина 1998: 91-92].

<...> При образовании ШУТЛИВЫХ фразеологизмов очень часто соединяются слова, которые противоречат друг другу. Попробуем с помощью такой путаницы получить ШУТЛИВЫЙ фразеологизм про одежду, которая не предохраняет от холода.

Но сначала давай выберем себе верхнюю одежду, которая сможет защитить нас от холода. Совершенно верно, это будет шуба, полушубок и пальто на меху. (Рисунки верхней одежды с ярлыками: «На беличьем меху», «На песцовом меху», «На лисьем меху»).

Далее текст включает уточняющую семантизацию компонента *мех*: *<...> Мех – это выделенные шкурки пушных зверей, который человек издревле использовал для изготовления тёплой зимней одежды. (Рисунки белки, песца и лисы).*

Так, читатель получает первое слово фразеологизма и, продолжая «игру в путаницу», для образования шутливого фразеологизма, означающего плохую верхнюю одежду, не подходящую для холодного времени года, ищет второе слово, противоречащее слову *мех*, чтобы соединить их. Интерактивное руководство этим процессом предполагает привлечение читателя к процедуре «приведения оксюморона к нулевой ступени»:

<...> Давай рассуждать. Мех бывает только у зверей. Белка, песец, лиса – это звери. Мы выяснили, что про тёплую зимнюю одежду говорят НА ЛИСЬЕМ, БЕЛИЧЬЕМ, ПЕСЦОВОМ ИЛИ ДРУГОМ МЕХУ. Слова ЛИСИЙ БЕЛИЧИЙ, ПЕСЦОВЫЙ не противоречат слову МЕХ.

Чтобы подобрать слово, «конфликтующее» со словом *мех*, внимание читателя переключается со зверей на другую группу животных – на рыб:

<...> У рыб меха нет, они покрыты мелкими пластинками - чешуей (Рисунок рыбы).

Рыбьей чешуей, конечно, не согреешься, зато она приближает нас к разгадке нашего фразеологизма. Соединив противоречащие друг другу слова РЫБИЙ и МЕХ, мы получаем наш фразеологизм-нелепицу НА РЫБЬЕМ МЕХУ. Действительно, получилось смешно и нелепо. Так люди специально шутливо говорят о плохой, совсем не согревающей и не предохраняющей от холода верхней одежде <...>.

Данная этимологическая конфигурация может быть развернута не только в игровой, но и в познавательный учебный дискурс (ограничимся иллюстрацией его начала):

<...> Жизнь человека всегда была связана с животными. Они дали людям молоко, мясо, шерсть и кожу – то, без чего прожить было бы трудно. Человек наблюдал за животными, сравнивал их. К примеру, мех, который человек всегда использовал для изготовления тёплой зимней одежды, имеется только у зверей. Рыбы, которые относятся к другой группе животных, покрыты чешуёй. Эти наблюдения находили свое отражение и в языке, например, во фразеологизмах.

*Об одном таком фразеологизме мы сегодня и узнаем. **На рыбьем меху** – так шутливо говорят о плохой, совсем не согревающей и не предохраняющей от холода верхней одежде <...>.*

Как уже отмечалось, в игровые модели эмпирически невозможных событий или объектов, входит и распространенная в различных жанрах славянского фольклора формула невозможного, по которой базируются оксюморонные выражения со значением ‘никогда, ни в коем случае’ [Богатырёв 1962: 347].

П.Г. Богатырёв относит к оксюморонным все фразеологизмы, построенные по данной формуле: *когда свистнет рак и запоёт рыба, когда кошка снесёт яйцо, когда корова ожеребится*. «Формулу невозможного» он называет оксюморонном в действии [там же: 362]. Подход П.Г. Богатырёва находит отражение и в современной фразеографической практике. В качестве примера приведем словарное описание фразеоигремы *когда рак на горе свистнет*: <...> «выражение образовано по фольклорной «формуле невозможного» (П.Г. Богаты-

рѐв), т.е. как оксюморон, в основе которого – недействительный, абсурдный факт» [ИЭС 2005: 591].

Лексикографические приемы декодирования фразеоиagram с образами эмпирически невозможных событий или объектов, и, в частности, построенных по «формуле невозможного», задают составителю словаря определенные модусы этимологизации, ведь, по мнению О.В. Журавлёвой, языковая игра может быть соотнесена с бесконечным количеством языковых единиц, имеющих тот же вид симметрии [Журавлёва 2002: 72].

ФЕ, построенные по «формуле невозможного» и по одной структурно-семантической модели, например, *на русский Байрам* и *на турецкую Пасху* – «в день несуществующего религиозного праздника» = ‘никогда’ (логическая невозможность мусульманского религиозного праздника у христиан или христианского у мусульман [Мокиенко 1980: 209; ИЭС 2005: 40]), можно этимологизировать в одной словарной статье (с соответствующими отсылками на нее), реализуя механизм «симметричного» моделирования этимологических конфигураций.

Так, из параллельных текстов читателю в доступной для него форме предлагается вычленить общие характеристики ФЕ – тропеическую основу («нелепица», т.е. оксюморон), семантику невозможности на уровне модели («ни в коем случае не может быть»), наличие прагматической установки («раз такое выражение существует, значит, оно для чего-то нужно»):

На русский Байрам – это фразеологизм-нелепица. **Байрам** ни в каком случае не может быть **русским**. Но раз такое выражение существует в языке, значит, оно для чего-то нужно? Давай распутаем эту фразеологическую путаницу, чтобы понять, как и для чего образовался наш фразеологизм. <...>

На турецкую Пасху – это фразеологизм-нелепица. **Пасха** ни в каком случае не может быть **турецкой**. Но раз такое выражение существует в языке, значит, оно для чего-то нужно? Давай распутаем эту фразеологическую путаницу, чтобы понять, как и для чего образовался наш фразеологизм. <...>

Первый этимологический модуль текста в такой словарной статье представлен симметричным предваряющим контекстом, который подчеркивает степень непредсказуемости фразеоигремы-оксюморона. В этом случае, как отмечает Е.А. Атаева, если предваряющий контекст содержит информацию, совпадающую по смыслу с первым компонентом оксюморонного сочетания, то противоположность второго компонента оксюморонного сочетания первому компоненту становится для читателя более явной, т.е. усиливается непредсказуемость второго компонента [Атаева 1975: 85]. С другой стороны, данный предваряющий контекст выступает здесь и в противоположной роли, т. е. под его влиянием степень непредсказуемости оксюморона снижается. Это происходит за счет использования маркеров «нелепица» и «путница». Такие «лингвистические сигналы» (в терминологии Е.А. Атаевой) уже содержат намек на появление чего-то неожиданного, необычного, но при их использовании непредсказуемость оксюморона полностью не исчезает и стилистический эффект сохраняется [Там же: 86].

Во втором этимологическом модуле на фоне культурологической информации, необходимой для адекватного декодирования оксюморона, можно проследить за взаимодействием отдельных лексикографических приемов - интерпретационного этимологизирующего - **«приведения оксюморона к нулевой ступени»** и игрового текстоорганизующего - **«распутай путаницу»**. При этом «нулевой ступенью оксюморона» для фразеоигрем *на русский Байрам* и *на турецкую Пасху* являются соответственно выражения *на русскую Пасху*, *на турецкий Байрам*. Таким образом, при словарном описании фразеоигрем-оксюморонов *на русский Байрам* / *на турецкую Пасху* необходимо развести «объект как носитель определенного качества (Байрам, Пасха) и приписываемое противоположное качество (русский, турецкий)» [Кашина 2011: 140]. С этой целью в текст вводится культурологический комментарий этнокультурно маркированных лексем – наименований праздников:

<...> Байрам, или Ураза-байрам – это один из главных религиозных праздников му-		<...> Пасха – это главный религиозный праздник пра-

сультанских народов, к которым относятся татары, чуваш, чеченцы, таджики, турки и другие.

Этот праздник отмечают в конце лета или осенью после завершения священного месяца Рамадана (или иначе Рамазана). Рамадан – девятый месяц мусульманского (лунного) календаря. Считается, что именно в Рамадан Аллах (имя мусульманского Бога) даровал мусульманам через своего посланника Мухаммеда священную книгу Коран. С этим событием и связан 30-дневный пост, когда все мусульмане в светлое время суток воздерживаются от пищи, не курят. В это время очень важно подерживать внешнюю чистоту и опрятность. По религиозным законам человек, соблюдающий пост, развивает свою волю, освобождается от пороков, становится лучше, облагораживается. **Ураза-байрам** ещё называют праздником окончания поста. <...>

вославных народов, к которым относятся русские, украинцы, белорусы, сербы и другие.

Пасху встречают весной. Ей предшествует строгий Великий пост в семь недель. В этот день отмечается воскресение из мёртвых Иисуса Христа, которого ещё называют Спасителем. Он взял на себя грехи всех людей и согласился пойти на мучения, добровольно принеся себя в жертву ради спасения человечества. Этот праздник символизирует победу добра над злом, света над тьмой. <...>

Далее читателю предлагается поменять местами данные модули-комментарии. Этот лексикографический шаг позволяет реализовать принцип «координации (сближения) и контраста» [Гридина 1996-а: 11], декодирующий игровой парадокс восприятия фразеоигремы. Таким образом, мы получаем третий этимологический модуль:

<...> *Итак, мы выяснили, что **Байрам** может быть татарским, чувашским, чеченским, таджикским, турецким, но только не **русским**.*

*Потому что для русских, украинцев, белорусов, сербов и других православных народов главный религиозный праздник в году – это **Пасха**.* <...>

<...> *Итак, мы выяснили, что **Пасха** может быть русской, украинской, белорусской, сербской, но только не **турецкой**.*

*Потому что для турок, татар, чувашей, чеченцев, таджиков и других мусульманских народов один из главных религиозных праздников в году – это **Байрам**, или **Ураза-байрам**.* <...>

И, наконец, четвертый этимологический модуль, представленный последующим контекстом, раскрывает суть «формулы невозможного» и прагматику оборота:

<...> *Какой бы веры не был человек, он должен чтить свои традиции и уважать праздники и обычаи людей чужой веры. Но смешивать то, что имеет отношение только к одной вере, с другой, нельзя. Мусульманский праздник **Ураза-байрам** невозможен у **русских**, которые относятся к православным христианам, так же, как православный праздник **Пасха** невозможен у **турок**, потому что они мусульмане. Такое возможно только в нашем фразеологизме, да и то, чтобы передать значение «никогда».*

Таким образом, мы раскрыли лексикографические возможности декодирования фразеоигрем-«нелепиц» паралогического типа, образованных с помощью оксюморона. Однако «формула невозможного» реализуется не только в паралогических, но и в параонтологических тропах, к которым относится катахреза.

Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы (на материале французской поэзии XIX-XXI вв.) подробно рассматривается в исследовании О.Л. Якутиной [Якунина 2007]. Отправной точкой анализа автор считает общепринятое определение катахрезы как тропа, заключающегося в сочетании противоречивых, но не контрастных по природе слов в переносном зна-

чении, которые представляют своеобразное смысловое единство и создают образ [Якутина 2007: 19]. Аналогичное определение дает и А.П. Сковородников [ЭСС 2009: 153]. Мы также будем придерживаться данной трактовки катахрезы.

На примере реализации приема **«установки на языковую игру»** уже были показаны способы организации этимологического гипертекста, декодирующего фразеоигремы параонтологического типа, построенные на катахрезе: а) установление псевдоанalogии между нелепой игрой, которая якобы описывается нереальным прототипом, и языковой игрой, воплощенной в катахрезе; б) моделирование механизма образования фразеоигремы в процессе игры со словами «Чепуха»; в) конструирование игрового этимологического гипертекста, состоящего из «игрем в игреме».

При разработке интерпретационных этимологизирующих приемов декодирования фразеоигрем-катахрез мы воспользовались обоснованным ранее положением о том, что принцип алогизма, лежащий в основе катахрезы, состоит в намеренном и прагматически мотивированном отклонении от онтологических норм. Поэтому прием словарного описания катахрезы мы определили как **«восстановление реальной картины мира»**.

Чтобы показать мобильность нашей фразеографической технологии, проиллюстрируем реализацию данного приема также на примере фразеоигремы *носить воду в решете (решетом)*.

М.Л. Ковшова пишет о том, что «соотнесение слов-компонентов с кодами культуры «включает» «поиск» окультуренных представлений, знаний, ассоциаций и др., обращает к предметам, текстам и действиям культуры, в которых воплощены те же культурные смыслы, что и во фразеологизме [Ковшова 2009-б: 256]. Так, мотив ношения воды решетом известен в сказках и песнях. А.Л. Топорков, упоминает сказку Тульской губернии, в которой падчерица, получив от мачехи задание носить воду в баню решетом, по совету сороки замазывает решето глиной и выполняет задание [Топорков 2001: ЭР]. Этот фольклорный поворот сюжета может быть использован в этимологической парафразе с анало-

гичной образной основой. Соответственно избирается и тип этимологического дискурса – сказочный. Последним этапом конкурса на сообразительность, который предлагает царь трем своим сыновьям, становится ношение воды решето: <...> *«Кто быстрее в бочку наносит воды решето, тот и заберет все мои подарки»*. <...> *Братья бегают от речки до бочки с решето, да всё бесполезно, вода сразу выливается. Только зря время теряют*.

А Иван-дурак не торопится. Нарвал мху, заткнул дырки в решете и аккуратно глиной замазал. Подсохла глина на солнце, Иван зачерпнул воды, а она не выливается. Стал спокойно носить воду и вскоре бочку наполнил. Братья смотрят на свои пустые бочки и удивляются. Опять проиграли они Ваньке. Но младший брат не стал обижать старших. Отдал им отцовские подарки – квадроцикл и аквабайк, а сам на своей чудо-печке отправился по миру путешествовать. <...>

После такого «восстановления реальной (насколько это возможно в сказке) картины мира» в последнем этимологическом модуле вводится маркер «нелепица» и дается вывод об образовании фразеоигремы-катахрезы, представляющий собой этимологическую конфигурацию 1-го уровня.

<...> *Вот и сказке конец. А кто слушал и понял, что **носить воду решето** – это фразеологизм-нелепица, тот молодец! А еще больший молодец, кто понял, что фразеологизм построен на несовместимости действия (**носить воду**) и способа его выполнения (**решето**) – это шутовское обозначение бесполезного занятия и стало фразеологизмом, значение которого: «выполнять совсем ненужную, напрасную работу».*

Вторым лексикографическим приемом, декодирующим игровой парадокс в катахрезах, является «**обыгрывание семантического оператора**». К семантическим операторам³⁹ мы относим те компоненты фразеоигремы, которые

³⁹ Ю.И. Левин употребляет термин «операторы» при анализе логической структуры пословиц. Операторы – это «те элементы текста (не участвующие в построении ядра пословицы), которые так или иначе преобразуют значение соответствующих ядерных элементов. Например, диминутивный оператор ‘только’» [Левин 1981: 147].

аранжируя внутреннюю форму идиомы, задают и определенную модель этимологической конфигурации.

Возможность ее построения с использованием **«семантического оператора необходимости»** (*нужен*) рассмотрим на примерах контрастных ирреальных устойчивых сравнений (УС) катахрезного типа, построенных по «формуле ненужности»: *нужен как козе баян; нужен как попу гармонь; нужен как рыбе зонтик; нужен как петуху тросточка* и т.д.

Нужен как козе баян

<...> – *Здравствуйте, это фразеологическая лаборатория? Вас коза беспокоит. Вы зачем мне баян прислали? Он ведь мне абсолютно НЕ НУЖЕН!!!!* (Рисунок козы с баяном)

– *Уважаемая коза! Зато нам это очень нужно! Мы исследуем образование фразеологизма **нужен как козе баян**. Вот и отправили для проверки нашей гипотезы вам посылочку с баяном. А заодно и выяснили, почему фразеологизм **нужен как козе баян** употребляют, когда хотят сказать о том, что совершенно, абсолютно не нужно кому-либо <...>.*

Лексикографический прием **«обыгрывания семантических операторов»** может быть использован также при этимологизации фразеоигрем-катахрез, построенных на фольклорной «формуле невозможного» (*когда трава (песок) на камне взойдёт, когда рыба запоёт, когда свиньи с поля будут шагом идти, когда рак на горе свистнет и др.*) и включающих «оператор темпорализации» [Левин 1981: 160] *когда*. Следует добавить, что при этимологизации данных фразеоигрем используется и прием **«конкретизации образа»**, когда сначала «дается образ невозможного, а затем этот образ или формула невозможного конкретизируются» [Богатырёв 1962: 350].

<...> *Наш сегодняшний фразеологизм **когда рак на горе свистнет**. Чтобы узнать, как он образовался, превратим его в вопрос: (Здесь и начинается обыгрывание оператора).*

– *Когда рак на горе свистнет? – Действительно, когда? – Когда-когда, да никогда! Раки, жители речного дна, ни за что не покинут среду своего оби-*

*тания, не явятся на сушу и уж тем более не засвистят. Зная это, народ специально придумал шутливое выражение **когда рак на горе свистнет**. Его употребляют тогда, когда хотят сказать о том, чего никогда не будет, или о том, что никогда не произойдет <...>.*

Итак, мы показали способы описания игровых фразеомообразовательных моделей эмпирически невозможных событий или объектов) при конструировании этимологических конфигураций для фразеоигрем, построенных на оксюмороне (явном и скрытом) и катахрезе.

В ФЕ, построенных по игровым моделям парности и повтора, по данным исследования Д.В. Андриановой, принцип объединения двух понятий в устойчиво воспроизводимую пару, как правило, лежит вне логически выделяемых категорий синонимии и антонимии и определяется ассоциативными, ситуативными и рифмо-ритмическими факторами, которые часто действуют одновременно [Андрианова 2013: 8]. Для нас особый интерес представляет специфика лексикографирования устойчивых парных сочетаний (УПС), созданных на тропической базе тавтологии и плеоназма (лексический или семантический повтор), а также антитезы (смысловая оппозиция компонентов).

Остановимся игровых фразеомообразовательных моделях тавтологии и плеоназма.

Отношения между компонентами фразеоигрем связаны здесь «оппозицией тождества, которая проявляется в связи слов, сходных в одном плане, при том сходство их является полным» [Кузнецова 1989: 44].

Выбор коммуникативных ходов этимологического парафразирования обусловлен в данном случае тем, что при осмыслении данных семантически избыточных фразеоигрем вступает в силу «правило амальгамации тождественно многократного выраженного содержания», согласно которому один и тот же признак регистрируется в сознании единожды, сколько бы раз он ни был заявлен. Такого рода избыточные выражения используют для выражения высокой меры признака [Никитин 1996: 570-571].

Известно, что тавтологические устойчивые сочетания создаются повтором одного корня слова или повтором целой лексемы. С.Г. Гаврин пишет, что создаваемая в результате этого «избыточность лексического содержания» является источником экспрессии, увеличения воздействующей силы смыслового и эмоционального содержания, ср.: *стонать – стоном стонать; одна – одна одинёшенька; кишит – кишмя кишит; ходит – ходуном ходит; набит – битком набит* [Гаврин 1974: 94-95].

Д.В. Андрианова подчеркивает, что первоначально тавтология служила для выражения определенных синтаксических отношений, была своеобразным чисто грамматическим усилением, грамматически необходимым тавтологическим подтверждением глагольного содержания [Андрианова 2013: 14]. Самую же многочисленную группу тавтологических УПС русского языка составляют предикативные единицы, в которых тавтологическое обстоятельство выражается наречием, предложной формой существительного или существительным в форме творительного падежа. Автор считает, что тавтологизация глаголов движения в УПС данной модели способствует интенсификации обобщающего их признака – ‘скорость перемещения’ – и акцентирует сему ‘быстро’, а в некоторых переходных глаголах интенсифицируется другая качественная сема – ‘в большом количестве’ [там же: 15].

Проиллюстрируем модель декодирования фразеоигрем, построенных на тавтологии, реализуя интерпретационный прием «**плюс повтор**» совместно с приемом «**репрезентации фразеосхемы**», свойственным познавательному (лингвистически ориентированному) лексикографическому дискурсу:

<...> *О сплошной массе беспорядочно движущихся насекомых, рыб, птиц и других животных, а также людей говорят: **Кишмя кишит!*** (Значение ФЕ иллюстрируют фотографии скоплений рыб, комаров, людей и др.)

Этимологический комментарий к глаголу *кишет* знакомит адресата словаря с древним корнем *kys-* и его современным воплощением в словах *кислый, киснуть, квас, простокваша*. Раскрывается связь этого корня с процессом бро-

жения, квашения, кипения. Фотографии бродящего кваса, бродящего теста, кипящей воды позволяют читателю сделать вывод:

<...> Действительно, и бродящий квас, и бродящее тесто, и кипящая вода напоминают массу беспорядочно движущихся животных или людей.

После такой «наглядной этимологизации» глагола **кишет** ('двигаться, шевелиться') и реализуется указанный выше прием декодирования фразеоиигры «**плюс повтор**» с использованием элементов структурно-семантического моделирования:

*<...> Чтобы усилить значение какого-нибудь слова народ издавна использовал приём удвоения, повтора: **стоять** → **стоймя стоять**, **лежать** → **лежмя лежать**. А как по этой модели усилить глагол **кишет**? Правильно, образовать при помощи древнего суффикса **-мя** слово **кишмя** и объединить его с глаголом.*

В свою очередь, при декодировании фразеоиigram, основанных на плеоназме, используется лексикографический прием «**минус повтор**». Так же, как и фразеоиigramы, построенные на тавтологии, плеонастические ФЕ выполняют экспрессивную функцию: *вокруг да около, переливать из пустого в порожнее, поправляться из кулька в рогожку, и вкривь и вкось*. Как пишет С.Г. Гаврин, семантическая «избыточность» в плеоназме создается добавлением к слову синонима или близкого по значению слова, в котором нет прямой смысловой необходимости – добавление происходит с целью создания экспрессии [Гаврин 1974: 95].

Использование этимологизирующего приема «**минус повтор**» при лексикографической разработке плеонастических ФЕ предваряет экспликация синонимии компонентов фразеологизма:

Вокруг да около:

*<...> Фразеологизм **вокруг да около** передаёт значение «не доходя до сути дела (рассказывать, говорить о чем-либо)». Сравним значения двух компонентов фразеологизма **вокруг да около** и убедимся, что они очень близки:*

***Вокруг** – это **около**, кругом чего-нибудь.*

Около – это возле, **вокруг** чего-нибудь.

К тому же, слова **вокруг** и **около** близки и по происхождению - они образовались от древнерусских слов **круг** и **кóло** (**кóло** - это тоже обозначение круга, а также колеса). <...>

Прием «**минус повтор**» предлагается осуществить самому читателю, чтобы ответить на вопрос:

<...> Зачем же нашему фразеологизму два почти одинаковых слова? Давай уберём одно из них и посмотрим, что получится.

вокруг да ~~около~~

Как видишь, не стало ни фразеологизма, ни его значения. Зато мы с тобой убедились: когда в составе фразеологизма слова **вокруг** и **около** стоят рядом и во многом повторяют друг друга, это только усиливает смысл выражения – «говорить не по сути дела». <...>

Заканчивая рассмотрение этимологического описания игровых моделей парности и повтора, коснемся репрезентации тропеического механизма антитезы.

В.П. Москвин отмечает, что при словарном описании антитезы как «фигуры контраста, основанной на противопоставлении антонимов» [Москвин 2007: 127] следует помнить о серьезных затруднениях, возникающих при разведении оксюморона и антитезы [там же: 496]. Действительно, являясь вместе с оксюморонами «своеобразными полюсами обобщенно-типизированных способов выражения контраста» [Бочина 2003: 260-261], антитеза отличается целым рядом характеристик. Во-первых, в оксюморе намеренная демонстрация контраста достигается объединением взаимоисключающих сторон в одной синтаксической единице (словосочетании, предикативном центре). В антитезе же «эффект высокого напряжения» создается взаимодействием и взаимоусилением двух и более оппозиций, т.е. количественным подчеркиванием противоположных отношений. Во-вторых, оксюморон специализируется на внутреннем единстве противоположностей, антитеза – на антагонизме. В-третьих, логической

основой оксюморона является противоречие, а антитезы – противоположность. В-четвертых, в оксюморе контраст является только средством, а в антитезе – и целью, и главным средством приема. И, наконец, в оксюморе контраст нейтрализуется, в антитезе – актуализируется [Бочина 2003: 260-261].

В.П. Москвин считает одним из оснований различения оксюморона и антитезы смысловой критерий: антитеза противопоставляет разные объекты, оксюморон же приписывает противоположные качества одному предмету или явлению [Москвин 2007: 496].

По мнению С.Г. Гаврина, структура внутренней формы фразеологических антитез определяется семантической операцией противопоставления двух сем, что создает контрастность образа. Автор пишет, что устойчивые антитезы создаются на основе логического противопоставления двух понятий (обычно противоположных): *ни днём, ни ночью; вдоль и поперёк; от мала до велика* [Гаврин 1974: 89]. Напомним, что согласно точке зрения С.Г. Гаврина, в основе создания фразеологического образа оксюморонных ФЕ лежит операция столкновения сем [там же: 93-94]).

На основе проведенного анализа русских фразем-антитез Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко выделяют два варианта фразеологизации [Алефиренко, Семененко 2009: 184]. Один из них отражает конъюнкцию (соединение двух компонентов с помощью союза «и») противоположных сем, а другой – их соединительную дизъюнкцию (соединение двух компонентов с помощью логического союза «или»).

В первом приближении сущность лексикографической техники декодирования антитезы отражает определение данного тропа (фигуры)⁴⁰ как «приема противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений» [Новиков 1984: 24].

⁴⁰ Напомним, что мы придерживаемся широкого понимания тропов.

При поиске лексикографических техник этимологического декодирования антитезы необходимо внимательно отнестись к компонентному составу и структурно-семантическим моделям данных фразеоигрем.

В состав фразеологических антитез, которые мы этимологизировали в ходе нашего исследования, входят компоненты, репрезентируемые контрарными (*и стар и мал*), комплементарными (*ни жив ни мёртв, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга*⁴¹), векторными (*ни шьёт ни порет*), деривационными (*всеми правдами и неправдами*) и конверсивными антонимами (*ни взять ни отнять*).

По данным нашей картотеки, бинарные оппозиции во фразеологических антитезах выходят за пределы лингвистической антонимии. В механизме их образования «проявляется врожденная склонность людей мыслить оппозициями, обнаруживать и показывать с их помощью противоречия окружающего мира» [Селиверстова 2010: 304]. К этому же выводу приходит и Д.В. Андрианова, говоря о том, что антонимическая связь компонентов в устойчивых парных сочетаниях обычно связывает не только языковые антонимы, но и слова, противопоставленные в сознании человека ассоциативно в соответствии с его антропоцентричной моделью членения мира, для которой характерно выражение объективных понятий и отношений через субъективно воспринимаемые как таковые предметы и образы [Андрианова 2013: 18].

Так, среди фразеологических антитез оказываются и ФЕ с компонентами-квазиантонимами (*вдоль и поперёк, между молотом и наковальней, ни рыба ни мясо, от А до Я* и др.)⁴², в которых «противоположность значения обусловлена ситуативно или иным образом» [Андрианова 2013: 18].

В целом, такое разнообразие фразеоигрем рассматриваемого типа объясняется отличительной чертой явления антонимии, на которую указывает Л. А. Введенская: антонимы, противопоставленные друг другу в контексте, могут

⁴¹ В исследовании А. К. Погребняк рассматриваются антонимичные отношения слов *Бог* и *черт* (*дьявол*). Бог и черт противопоставлены как положительное и отрицательное, «чистое» и «нечистое», праведное и греховное начала [Погребняк 2010: 10].

⁴² Д. В. Андрианова относит к квазиантонимам (в рамках устойчивых парных сочетаний) компоненты, выражающие пространственные отношения (*вдоль и поперек*), т.н. цветовые антонимы, слова со значением вкусовых ощущений, обозначения первой и последней букв алфавита и др. [Андрианова 2013: 18].

приобретать дополнительное смысловое значение, реализуемое в различных синтаксических конструкциях [Введенская 1995: 23]. К тому же «наличие антонимов, употребляемых в специальной антитетической конструкции, обеспечивает реализацию контекстуального антонимирования слов, значения которых не являются противоположными, но заключают в себе потенциальные возможности для их контрастного противопоставления» [Бочина 2003: 243].

К.И. Декатова выделяет синтаксические схемы деривационной базы фразеологизированных антитез, своеобразие которых, выражаясь словами Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко, заключается в «одновременном отрицании или утверждении двух противопоставленных понятий» [Алефиренко, Семененко 2009: 184]:

а) **ни «х» ни «у»** (*ни жарко ни холодно, ни дать ни взять ни раньше ни позже, ни проехать ни пройти ни бога ни черта*);

б) **и «х» и «у»** или **«х» и «у»** (*и вашим и нашим, и душой и телом, и смех и горе, направо и налево (разбрасывать деньги)*);

в) **«х» или «у»** (*рано или поздно, живого или мертвого, более или менее*);

г) схемы, в организации которых участвуют предлоги:

- **между «х» и «у»** (*между небом и землёй, между жизнью и смертью*);
- **от «х» до «у»** (*от мала до велика, от колыбели до могилы (гроба)*);
- **с «х» до «у»** (*с утра до вечера, с ног до головы*), где «х» и «у» - это компоненты фраземы [Декатова 2001: 104-105].

Относительно последней группы «г» в данной схеме К.И. Декатова делает вывод: динамика смысловой дистрибуции таких фразеологизирующихся антитез, как *с утра до вечера, от мала до велика* и др., совпадает с процессами когнитивных и семантических преобразований плана содержания фразеологизирующихся антитез с синтаксическими схемами (*и «х» и «у», «х» и «у»*) [Декатова 2001: 122].

Между тем, Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко пишут о том, что синтаксические модели не раскрывают технику формирования фразеологического значения устойчивых антитез, поскольку такое моделирование сводится факти-

чески к воспроизведению формально-грамматической структуры сочетания [Алефиренко, Семененко 2009: 181]. Это справедливое утверждение доказывают и результаты нашего исследования, в ходе которого ФЕ, построенные на антитезе по одинаковой синтаксической модели, мы включили в разные тропеические блоки (например, в парадоксальный и в контигуальный). Таким образом, антитеза, являясь синкретическим (синкретичным) тропом⁴³, может быть описана и с помощью неспецифических для нее приемов, характерных для поддерживающих ее тропов (например, метафоры).

В ходе разработки специфических приемов декодирования фразеологических антитез мы соотнесли их синтаксические модели с видами антитетических тропов и установили следующие закономерности: фразеоигремы-антитезы со структурой 1) *«х» и «у»* (*и «х» и «у»*, *между «х» и «у»*, *от «х» до «у»*, *с «х» до «у»*), 2) *ни «х» ни «у»*, 3) *«х» или «у»* (где «х» и «у» - компоненты фразеоигремы) являются репрезентантами амфитезы, диатезы и дизъюнктезы⁴⁴ соответственно.

Интерпретируя в учебных целях механизмы амфитетического, диатетического и дизъюктетического переосмысления, мы «развертываем» данные фразеологические антитезы в этимологические конфигурации 1-го уровня с помощью интерпретационных приемов амфитезы, диатезы и дизъюнктезы. Здесь мы используем термины стилистики для обозначения этимологизирующих приемов экспликации контраста.

Перейдем к особенностям этимологизации фразеологических антитез каждого типа.

1) Амфитетическая модель антонимических фразеоигрем – *«х» и «у»* (*и «х» и «у»*, *между «х» и «у»*, *от «х» до «у»*, *с «х» до «у»*) – характеризуются «значением исчерпывающего множества» [Введенская 1995: 27], «охвата всего класса предметов, всего явления, действия, качества, свойства» [Новиков 1984: 23]: *вдоль и поперёк, между небом и землёй, от А до Я* и др.

⁴³ Семантике и структуре синкретических тропов посвящено диссертационное исследование Б. Н. Жантуриной (1984). Данной проблематики касается в своем исследовании и И. Н. Тюкова (2005).

⁴⁴ В нашей концепции мы относим данные тропы к видам антитезы, хотя Л. А. Введенская считает, их стилистическими фигурами контраста близкими к антитезе [Введенская 1995: 523-524].

Для адекватного этимологического парафразирования в данном случае целесообразно использовать этимологизирующий прием словарного **«описания целого путем указания на его крайние точки»** [Москвин 2007: 106], который обеспечивает возможность нагляднее охарактеризовать оба компонента как крайние проявления целого множества явлений и тем самым яснее представить себе все множество [Хазагеров 1999: 206]. Данный прием в стилистике называется амфитезой (термин Л.А. Введенской [Введенская 1995: 524]).

Иллюстрируя данный прием этимологической парафразой *от А до Я*, приведем замечание Т.В. Шмелёвой, согласно которому данный тип развития переносных значений имен букв связан с восприятием азбуки как строгой последовательности знаков: отсюда обозначения с помощью букв начала, конца и полноты, исчерпанности – от начала до конца [Шмелёва 2009: 37].

Прием лексикографической амфитезы т.е. словарного **«описания целого путем указания на его крайние точки»** в первом этимологическом модуле словарного текста (конфигурация 2-го уровня) может быть реализован в различных сюжетно-игровых построениях, где ребенку – адресату словаря предлагается восстановить порядок букв в алфавите, обратив особое внимание на первую и последнюю буквы: таким образом, делается акцент на «крайних точках целого».

В тропеическом механизме образования данной фразеоиграммы также задействована метафора, которая в парадоксальном тропеическом блоке выполняет лишь поддерживающую функцию, а ее экспликация вплетается в общую канву этимологического парафразирования:

*<...> Ну, а если речь идет уже не об алфавите, то выражение **от А до Я** употребляется в переносном смысле – как фразеологизм <...>.*

Конфигурация 1-го уровня, представляющая собой вывод о развитии фразеологического значения, передает эту информацию комплексно:

*<...> Итак, происхождение фразеологизма **от А до Я** связано с русским алфавитом, где А – первая буква, Я – последняя. Отсюда и переносное значение*

оборота: (знать, изучить, прочитать что-то) *от А до Я* – значит «полностью, от начала до конца».

2) Диатетическая модель фразеологических антитез (**ни «х» ни «у»**)⁴⁵ характеризуется значением «среднего звена и исключением всего состава парадигмы» [Введенская 1995: 27], нейтрализацией «крайних» оценок [Новиков 1984: 24]: *ни рыба ни мясо, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга, ни жив ни мёртв, ни пава ни ворона, ни тпру ни ну, ни убавить, ни прибавить*.

Описание механизма антитезы, лежащей в основе данных фразеологизмов, содержится в этимологических комментариях

- историко-этимологического словаря «Русская фразеология» (2005):

Ни тпру ни ну: «<...>Тпру! – «возглас, которым останавливают лошадь. Ну – зд. возглас, которым понукают лошадь, заставляя ее трогаться с места. <...> Выражение построено на противоположных значениях этих междометий – побуждения остановиться и побуждение двигаться. Отсюда и буквальный смысл фразеологизма: «ни вперед, ни назад, ни с места <...>» [ИЭС 2005: 696];

- Большого фразеологического словаря русского языка (2006):

Ни рыба ни мясо: «<...> Образ фразеологизма отображает представление о **рыбе** и **мясе** как о продуктах, которые в русской кухне значительно различаются по своим вкусовым и прочим качествам и которые практически невозможно перепутать. Фразеологизм содержит гастрономическую метафору, в которой человек уподобляется продукту, природу и качество которого невозможно определить <...>» [БФСРЯ 2006: 486].

Для этимологического декодирования данного типа ФЕ нами используется прием «**утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков**» [Введенская 1995: 429], или интерпретационный этимологизирующий прием диатезы.

Так, при этимологическом развертывании фразеоигремы-диатезы *ни жив ни мёртв* в сказочный этимологический дискурс, наиболее адекватно интерпре-

⁴⁵ По мнению Ю. А. Гвоздарёва, «с помощью формулы «ни А ни Б в русской фразеологии выражается понятие неопределенности» [Гвоздарёв 2010: ЭР].

тирующий механизм фразеомообразования данной ФЕ для адресата-ребенка, данный прием реализуется следующим образом:

*<...> За новой фразеологической историей мы отправляемся в сказку. Эх, немного опоздали! Бой между Иваном-царевичем на Сером волке и Змеем Горынычем только что закончился. Узнаем его результаты: Серый волк – **жив**. Змей Горыныч – **мёртв**, а Иван-царевич – очень сильно испуган. Совсем потерял способность думать и вообще что-либо делать ☺. Зато у нас с тобой появилась возможность узнать фразеологизм, с помощью которого можно сказать об очень испуганном человеке. Надеемся, что это поможет Ивану-царевичу быстро восстановиться!*

*В состав этого фразеологизма входят два противоположных по смыслу слова (антонима): **жив** и **мёртв**. Заглянем в толковый словарь. **Живой** – это такой, который живёт, обладает жизнью. **Мёртвый** – это такой, который умер, лишился жизни. То есть **живой** и **мёртвый** – это две крайние противоположности такого качества, как физическое состояние человека. Тут всё понятно и определённо. (Таким образом, показаны противоположные признаки).*

*Перед нами другая задача. С помощью этих слов нам с тобой нужно передать состояние человека, который очень сильно испуган. Когда, глядя на него, не понимаешь: **жив?** **мёртв?** Нет, пожалуй, что-то среднее. (Прагматическая установка на осуществление операции отрицания противоположных признаков и поиск среднего).*

*Попробуем немного ослабить сочетание резко противоположных слов **жив** и **мёртв**. Для этого поставим перед каждым отрицательную частицу **НИ**. С её помощью в русском языке можно передать состояние неопределённости. Вот и получилось что-то среднее – как раз то, что нужно: **НИ жив НИ мёртв** <...>. (Утверждение среднего признака путем отрицания противоположных признаков).*

Поддерживающая антитезу метафора, основанная на переносе значений по сходству ощущений, раскрывается с использованием этимологического приема «восстановления сравнения»:

<...> *А вот и Иван-царевич пришёл в норму:*

- *Спасибо вам! Теперь я знаю, что когда хотя бы сказать об очень испуганном человеке, употребляют фразеологизм **ни жив ни мёртв**. На самом деле, я так сильно испугался, что был как будто между жизнью и смертью, так, как если бы я, и правда, был ни жив ни мёртв. Отсюда и образ фразеологизма <...>.*

3) Третья синтаксическая модель фразеоигрем-антитез («х» или «у») строится на базе дизъюнктивы со «значением альтернативы» [Введенская 1995: 28], «взаимоисключения, разделения» [Новиков 1984: 22]: *живого или мёртвого, рано или поздно.*

Особенность данных антонимических миниконтекстов заключается в том, что «какие бы конкретные ситуации не обозначались в каждом дизъюнкте, они воспринимаются как логически противопоставленные» [Арутюнова 1999: 249-250]. В данных фразеоигремах, выражаясь словами Н.Д. Арутюновой, трагедизировано противопоставление выигрыша и проигрыша в игре, не знающей ничейного результата: они «резюмируют ситуацию эндшпиля, а не промежуточного хода, допускающего выбор из многих возможностей». Приобретая обобщенное значение, дизъюнкция стремится к предельной поляризации ситуаций в соответствии с законом исключения третьего [Арутюнова 1999: 249-250]. Напомним, что согласно логическому закону исключенного третьего истинно или само высказывание, или его отрицание («А» или «не А»). Закон устанавливает связь между противоречащими друг другу высказываниями: одно из таких высказываний истинно [Ивин, Никифоров 1997: ЭР].

Следует заметить, что Л.А. Балахонская подобную логико-синтаксическую структуру с разделительными союзами *или, либо* называет альтернативой [Балахонская 1987]. В.П. Москвин считает фигуру, представляющую две идеи как альтернативные и взаимоисключающие, – альтернативой [Москвин 2006: 51].

Антитезы данной модели описываются с помощью приема этимологизирующей лексикографической дизъюнктезы, или «**исключенного третьего**», в котором реализуются отношения взаимоисключения и разделения.

Если в случае диатезы «противопоставление служит тем отношением, при помощи которого происходит объединение двух противоположностей с целью создания какого-то третьего знака», то в случае дизъюнктезы «целостное представление о денотативной ситуации возникает в результате разъединения противоположностей» [Алефиренко, Семененко 2009: 184]. Покажем это, переструктурировав этимологический интерактивный текст, разработанный для диатетической фразеогремы *ни жив ни мёртв*, чтобы еще раз подчеркнуть мобильность нашей лексикографической технологии. (Опустим начало текста).

*<...> Бой между Иваном-царевичем на Сером волке и Змеем Горынычем только что закончился. Узнаем его результаты: Серый волк – **жив**. Змей Горыныч – **мёртв**, а Иван-царевич – исчез. Василиса Премудрая приказывает своим слугам срочно найти и доставить Ивана-царевича во дворец: любого, в любом состоянии! При этом она употребляет новый фразеологизм, про который мы сейчас и узнаем.*

*В состав этого фразеологизма входят два противоположных по смыслу слова (антонима): **живой** и **мёртвый**. Они часто встречаются в сказках <...>.*

Далее, как и в словарной разработке фразеогремы *ни жив ни мёртв* дается модуль, репрезентирующий антонимы *живой* и *мёртвый* с их семантизацией.

Завершает этимологический гипертекст непосредственная реализация лексикографического приема «**исключенного третьего**».

*<...> Ивана-царевича приказано доставить **живого или мертвого**. Так с помощью слов (**живой** и **мёртвый**) передается ситуация выбора. Эти слова разделяет союз **ИЛИ**, а значит, **обязательно** нужно выбрать или первое или второе, третьего варианта не дано. А в переносном смысле доставить **живого или мертвого** – значит: доставить обязательно, в любом случае, и по-другому быть не может! Конечно же, Василиса Премудрая очень хотела ви-*

*деть Ивана-царевича живым. А выражение **живого или мертвого** она употребила в переносном смысле – как фразеологизм.*

Подводя итоги, подчеркнем основные закономерности словарного описания игровых техник первичного фразеомообразования, к которым относится метатеза, оксюморон, катахреза, тавтология, плеоназм и антитеза.

При словарной этимологизации фразеоиграм, построенных на метатезе могут эффективно использоваться интерпретационные приемы **«перестановки компонентов фразеоигремы»** и **«псевдодоказательства от противного»**.

Этимологическое декодирование фразеологизмов, построенных на явном оксюморе, осуществляется в зависимости от типа оппозиции (градуальной или бинарной), в которой находятся компоненты фразеоигремы. При этом оба типа оксюморонных фразеоиграм описываются с помощью приема **«контрастного переосмысления»**. Словарную разработку ФЕ с тропеической основой контрастного оксюморона отличает использование лексикографического приема **«семантической градации»**. Для адекватной этимологизации УС-оксюморонов комплементарного (бинарного) типа характерно использование лексикографического приема **«реконструкции внутреннего отрицания»**, реализованного в таких частных приемах, как **«притяжение синонимов»**, **«обратного закона двойного отрицания»**, а также **«контекстной репрезентации условий, снимающих противоположность признаков компонентов фразеоигремы-оксюморона»**.

Этимологическое парафразирование в сфере фразеологических неявных оксюморонов осуществляется посредством интерпретационного приема **«сведения оксюморона к нулевой ступени»**.

Лексикографическими приемами, репрезентирующими механизмы игрового парадокса в ФЕ, построенных на катахрезе, является **«восстановление реальной картины мира»** и **«обыгрывание семантического оператора»**.

Словарная разработка механизма образования ФЕ-тавтологизмов строится на реализации лексикографического приема **«плюс повтор»**. Фразеоиграммы, основанные на плеоназме, описываются с помощью приема **«минус повтор»**.

Этимологизация фразеологических антитез амфитетического, диатетического и дизъюнктивного типа имеет свои особенности. Для адекватного этимологического парафразирования на данном материале целесообразно использовать соответственно интерпретационные этимологизирующие приемы **«описания целого путем указания на его крайние точки», «утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков», «исключенного третьего».**

3.2.2.5. Фразеологизмы усилительно-увеличительного тропеического блока

Усилительно-увеличительный тропеический блок образуют фразеологизмы, построенные на гиперболе и литоте. Роль данных тропов в организации языковой картины мира, по словам В.Н. Телия, заключается в том, что они «акцентируют важное или незначительное – то, что вызывает уважение или пейоративное отношение субъекта речи» [Телия 1988-б: 183].

Мы придерживаемся широкого понимания гиперболы [Москвин 2007: 199], и вслед за В.П. Москвиным и Л.П. Крысиным, рассматриваем литоту как частный случай гиперболы, или «гиперболу наоборот»: преуменьшение предмета – это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета [Крысин 2004: ЭР]. Об этом же пишет И.В. Пекарская: «гипербола – это преувеличение большого, а литота – преувеличение малого» [Пекарская 2003: 84].

Репрезентацию тропеических механизмов фразеомообразования средствами учебной лексикографии мы не случайно завершаем декодированием фразеологизмов, входящих в усилительно-увеличительный блок. Ведь специфика гиперболы (литоты) как тропа заключается в ее синкретичности, проявляющейся в активной сочетаемости с тропами компаративного, метафорического, парадоксального и контигуального блоков, что «обусловлено ее смысловой насыщенностью и полифункциональностью» [Курахтанова 1978: 150].

Способность гиперболы включать в себя другие тропы [Кохтев 1992: 183] подтверждается разнообразием ее терминологических обозначений, как-то: «метафорическая гипербола», «гиперболическая метафора» [Петровский 1925; Ахманова 1966; Вакуров 1981; Голуб 2001], «гипербола-метафора» [Скиба 2000], «гиперболическое сравнение» [Петровский 1925; Ахманова 1966], «гипербола-сравнение» [Голуб 2001]; «гиперболическое олицетворение» [Петровский 1925; Хазагеров 2004], «гиперболический эпитет» [Голуб 2001], «гипербола-ирония» [Скиба 2000], «гиперболическая аллегория» [Матвеева 2003].

И.С. Курахтанова пишет о том, что конвергенция гиперболы с метафорой, сравнением, метонимией рассматривается как «нерасторжимое слияние их в единый гиперболический комплекс» [Курахтанова 1978: 150]. Отсюда следует, что фразеологизмы-гиперболы и фразеологизмы-литоты могут быть адекватно описаны с помощью техник, характерных для лексикографической репрезентации устойчивых сравнений, метафоры, метонимии, катахрезы и т.д.

В свою очередь, правомерность выделения усиительно-увеличительного тропеического блока ФЕ в целях их лексикографической этимологизации обусловлена наличием и специфических приемов декодирования гиперболизованных ФЕ. Нам интересно проследить и за особенностями словарного описания гиперболы (литоты), выступающей ведущим тропом в гиперболическом фразеологическом комплексе вместе с поддерживающими тропами.

При выборе лексикографических техник для этимологизации ФЕ усиительно-увеличительного блока мы учитывали тропеическую сущность гиперболы (литоты) как намеренного, образного, неправдоподобного, виртуального преувеличения (преуменьшения) любого параметра (размера, веса, состояния, степени проявления признака и т.д.) любого предмета или явления – материального или идеального ([Курахтанова 1978: 64], [Сковородников 2007: 41-42], [Москвин 2012: 90]). Заметим, что Е.В. Ключев считает, что слово «преувеличение» носит «несколько бытовой характер и как определение не слишком пригодно», и предлагает определять гиперболу как случай номинации, при котором «большее» замещает «меньшее» [Ключев 1999: ЭР].

В этой связи наиболее удачным считаем следующее определение гиперболы, введенное И.С. Курахтановой и далее используемое М.С. Черновой, согласно которому, гипербола – это прием намеренного преувеличения, основанный на контрастном сопоставлении реальной и нереально утрированной количественной характеристики меры признака обозначаемого предмета, явления или действия [Курахтанова 1978: 64], [Чернова 2008: 10]. Приведем и более образное определение Е.В. Ключева, который называет гиперболу своего рода «игрой величинами», при которой «большая величина» сопоставляется с меньшей или просто выполняет роль меньшей, заступая на ее место [Ключев 1999: ЭР].

Адекватному декодированию гиперболы (литоты) будет способствовать и ее рассмотрение в формате функционально-семантической категории градуальности, «представленной в языке определенным множеством разноуровневых средств со значением изменяемого или измеряемого признака» [Колесникова 2010: 10]. Не вдаваясь в детали теории градуальности, отметим, что градуальные аспекты гиперболы (в частности, фразеологической), и ее скалярный характер рассматриваются в исследованиях И.С. Курахтановой (1978), Н.Н. Горшковой (2004), С.А. Тихомирова (2006), М.С. Черновой (2008).

Гипербола, как отмечает А.П. Сковородников, манипулирует количественной нормой того или иного объекта в широком смысле. Причем, норма, имея скалярный характер, может быть осмыслена как шкала, в пространстве которой (между ее верхней и нижней границами) размещаются нормативные явления [ЭСС 2007: 42]. Согласно этому положению выход за верхнюю границу шкалы дает гиперболу, а выход за нижнюю – литоту. Отметим, что Н.Д. Арутюнова считает гиперболу и литоту видами «недоборов» и «переборов» [Арутюнова 1999: 282].

При разработке специфических приемов словарного описания гиперболы (литоты), относящейся по классификации Ю.Н. Скребнева к количественным тропам [Скребнев 1987: 63], следует учитывать ее особенности, по сравнению, например, с метафорой и сравнением, относящимся к качественным тропам.

Так, Н.Д. Арутюнова пишет, что в отличие от стереоскопической объемности (трехмерности) метафоры, апеллирующей более всего к воображению <...>, количественные тропы одномерны, скалярны, их применение свидетельствует «о неисправности нашей измерительной техники, разогретой темпераментом» [Арутюнова 1999: 282]. И.С. Курахтанова, выделяя отличительные черты гиперболы, отмечает, что образность гиперболы качественно отличается от образности других стилистических приемов, во-первых, тем, что в случае гиперболизации сопоставляются лишь количественные характеристики одного какого-либо признака, во-вторых, тем, что в основе образа метафоры или сравнения лежит копирование структуры реальных взаимоотношений и явлений действительности, в то время как в основе гиперболического образа лежит нарушение этой структуры, подмена ее другой [Курахтанова 1978: 19-20].

В целом, лексикографическая интерпретация механизма фразеоморфизма гиперболических ФЕ в учебном словаре должна отражать:

- особенности гиперболического переноса, который строится на намеренном преувеличении признака, являющегося основой «ассоциативного соотношения значения фразеологизма со значением его прототипа» [Федуленкова 2012: ЭР];
- условие, что прототипами ФЕ, построенных на гиперболе, являются нереально преувеличенные явления [Чернова 2008: 16], что обуславливает гротескный характер гиперболического образа [Федуленкова 2012: ЭР];
- своеобразие компонентного состава фразеологических гиперболических, в который входят: признак, интенсивность которого является денотатом плана выражения, реальная и гиперболическая меры признака [Чернова 2008: 16];
- тропеическую сущность гиперболы, в основе которой лежит паралогическая операция сравнения [Клюев 1999: ЭР];
- механизм контрастного сопоставления, лежащего в основе гиперболизации и определяющего характер соотношения компонентов гиперболы: гиперболическая нереальная мера признака намного больше (меньше) его реальной меры; данный механизм включает в себя две операции: аналогии по признаку и

противопоставления по количественной характеристике [Курахтанова 1978: 15];

- факт, что контрастное сопоставление двух далеко отстоящих друг от друга мер признака приводит к нарушению реальных взаимоотношений явлений действительности [Чернова 2008: 10];
- специфику семантики гиперболических фразеологизмов, для которой характерно выражение крайней степени проявления (интенсивности, величины, количества, близости расположения) какого-либо явления или действия [Федуленкова 2012: ЭР].

Представленные теоретические подходы были учтены при разработке интерпретационного лексикографического приема **«контрастного сопоставления реальной и нереально утрированной количественной характеристики меры признака обозначаемого предмета»**⁴⁶. Данный прием декодирования гиперболы (литоты) реализуется в два шага: 1) выявление аналогии по данному признаку, 2) противопоставление по его количественной характеристике. В процессе словарного описания гиперболических фразеологических комплексов с комбинацией различных тропов мы раскроем лексикографические нюансы данного приема.

А.М. Эмирова отмечает, что специфической особенностью семантики фразеологических единиц, построенных на гиперболе или литоте, является трансформация элемента сравнения в элемент усиления, интенсивности признака [Эмирова 2008: 36]. В нашем материале также имеются фразеологизмы, тропеический механизм которых основан на взаимодействии гиперболы и сравнения (*с гулькин нос, с три короба* и др.).

Ранее при репрезентации компаративного тропеического блока на примере этимологизации устойчивого сравнения *с гулькин нос* мы показали реализацию лексикографического приема **«семантического уравнивания»**, характерного для фразеологизмов-компаративов. При этом декодирование гиперболы (в

⁴⁶ При описании приема мы будем использовать и более компактное его наименование – «прием контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета»

данном случае литоты), входя в общую модель словарного описания основного тропа, являлось лишь лексикографическим шагом, направленным на решение конкретной этимологической задачи.

Теперь покажем, каким образом этот же фразеологизм будет разворачиваться в этимологическую конфигурацию при реализации приема **«контрастного сопоставления реальной и нереально утрированной количественной характеристики меры признака обозначаемого предмета»**. Здесь данный прием выступает в роли ведущего:

<...> Наш сегодняшний фразеологизм связан с птицами. Точнее с их носами, то есть с клювами. Нас интересует клюв голубя, или гульки – так уменьшительно-ласкательно называют эту птичку дети.

*Когда хотят образно сказать о небольшом количестве или маленьком размере чего-нибудь, используют фразеологизм с **гулькин нос**. Почему?*

Сейчас мы с тобой быстро в этом разберёмся. Ведь вчера вы всем классом побывали на «Птичьем дворике» в деревне Ваулино. Давай пролистаем фотографии птиц в твоём телефоне и сравним их клювы, или носы <...>.

Рассматривая фотографии страуса, индюка, гуся, утки, петуха, курицы и голубя, адресат-ребенок делает вывод, что самый маленький клюв (нос) у голубя. За этим следует этимологическая конфигурация 1-го уровня – вывод о развитии фразеологического значения с использованием маркера данного приема этимологизации «построено на преувеличении (преуменьшении)...» или маркированной модели описания устойчивых сравнений-гипербол **«что сравнивается с чем»**.

Также заметим, что прием **«контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета»**, декодирующий гиперболу, сопровождается здесь раскрытием мотива выбора образа сравнения, что коррелирует с трактовкой О.П. Барменковой элемента **В** (образа сравнения) как прототипа, которым является «лучший представитель класса» [Барменкова 2009: 113]:

<...> Выражение построено на преуменьшении: небольшое количество или маленький размер чего-либо сравниваются с носом (клювом) голубя, который намного меньше носов (клювов) других птиц <...>.

Значение малого количества ('очень мало') передается и фразеологизмом *кот заплакал*. В основе его образования также лежит литота, но уже в сочетании с катахрезой. Фразеологизмы данного типа разворачиваются в этимологический интерактивный текст посредством интерпретационных приемов: декодирования литоты – **«контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета»** и этимологизирующего описания катахрезы – **«восстановления реальной картины мира»**:

<...> Ты что коллекционируешь? Мы – открытки с «мультяшными» котиками. (Смешные рисунки плачущих котов). Ты, конечно, понимаешь, что в реальной жизни коты не умеют плакать. (Фотографии настоящих котов). <...>.

С целью показа «маневренности» нашей фразеографической технологии приведем еще один вариант первого этимологического модуля:

<...> Слышишь, у нас тут кто-то плачет, прямо рёв стоит. Может, это кот из нашего фразеологизма? А вот и слёзы (Рисунок падающих капель). Неужели это кот заплакал? А это глаза, из которых катятся слёзы (Рисунок глаз с капающими слезами). Вроде, не похожи на кошачьи. А вот и те, кто плачет: (Фотографии плачущих детей). Котов среди них нет, да и не может быть, потому что коты никогда не плачут <...>.

Оба варианта первого этимологического модуля могут быть продолжены следующим образом:

<...> Как и у многих животных, у котов около глаз имеются слёзные железы, которые выполняют очень важную роль. Они вырабатывают специальную жидкость, которая смачивает и очищает глаза. А настоящие слёзы у них не текут. И только человек способен плакать от боли или от избытка чувств и эмоций <...>.

Взаимосвязанные приемы декодирования литоты и катахрезы реализуются и на следующем этимологическом модуле, который сконструирован таким образом, что ребенок раскрывает механизм образования данного фразеологизма в интерактивном режиме:

<...> 🗝 *Вставь вместо пропусков нужную частицу (ПУСТЬ, НЕ, БЫ, ЛИ) и ты раскроешь происхождение фразеологизма **кот наплакал**:*

*Выражение **кот наплакал** отражает явление, которого в природе ... бывает. Коты никогда ... плачут, ... проливают слезы, да ещё в таком количестве, которое можно было бы измерить. Отсюда и переносное значение выражения **кот наплакал** – «очень мало».*

➡ *Проверь себя, прочитав вывод ниже <...>.*

<...> *Действительно, коты не плачут как люди, а значит, и большого количества слёз от них не дождёшься. Поэтому, когда с сожалением говорят о том, чего слишком мало, – употребляют фразеологизм **кот наплакал** <...>.*

По наблюдениям Т.М. Филоненко, гипербола, используется как средство усиления фразеологического образа в метафорических и метонимических моделях ФЕ, образно выражающих значение пространства, времени и количества [Филоненко 2004: 122]. Приемы декодирования гиперболических комплексов, в которых помимо гиперболы реализуются тропеические механизмы метафоры и метонимии рассмотрим на примерах ФЕ с компонентами, обозначающими старинные русские меры длины (*косая сажень в плечах, семи пядей во лбу*). Отметим также, что эти фразеологизмы обладают особой значимостью с точки зрения постижения адресатом-ребенком национально-культурной картины мира и их этимологизация реализуется с учетом «неактуальности деривационной базы ФЕ»: компоненты *косая сажень, пядь* получают культурно-исторический комментарий в рамках этимологической парафразы.

Посредством контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета в два этапа (1/ выявление аналогии по фразеомообразующему признаку, 2/противопоставление по его количественной характеристике) декодируется фразеомообразующий механизм гиперболы. Здесь

мы обратим внимание на этимологический маркер «построено на преувеличении (преуменьшении)», используемый при описании всех фразеологизмов, построенных на гиперболе, а также на этимологический оператор «здесь имеется в виду...», реконструирующий допущение «Х есть как бы Y», что характерно для словарной разработки гиперболических фразеологических комплексов с метафорическим элементом:

- **Косая сажень в плечах:** <...> *Выражение построено на преувеличении. Так говорят о человеке богатырского телосложения, широкоплечем. Здесь имеется в виду, что ширина плеч равна старинной мере длины - косой сажени (216 см). Но даже немецкому культуристу Маркусу Рюлу, самому широкоплечему человеку в мире, далеко до таких плеч ☺ (фото) <...>.*

В развертывании ФЕ в этимологическую конфигурацию 2-го уровня, где, как уже отмечалось, фразеомообразовательный механизм метафоры может презентироваться в разных учебных дискурсах: игровом, сказочном, приключенческом, познавательном или их комбинации, историю происхождения гиперболического фразеологизма-метафоры *косая сажень в плечах* адресату-ребенку рассказывает портной Ганс из немецкой сказки братьев Гримм, который хочет сотрудничать с портными из России и сдает экзамен по русскому языку, демонстрируя фразеологическую и лингвокультурологическую компетентность:

<...> *А вот и вопрос: происхождение фразеологизма косая сажень в плечах. Так говорят о широкоплечем человеке богатырского сложения.*

– *Мне повезло - для меня это счастливый билет. Во-первых, я не имел дело с великанами, хорошо их знаю. Во-вторых, я – портной, и поэтому могу измерить любые плечи. В-третьих, я только вчера закончил шить костюм моему другу Маркусу Рюлу – немецкому культуристу, самому широкоплечему человеку в мире. Но здесь простой сантиметр мне не поможет. Мерки нужно снимать в сажнях. А про сажень я всё на практических занятиях узнал. Мы там вот такую интересную таблицу составляли и иллюстрации под-*

бирали <...>. (Приводится иллюстрированная таблица с наименованиями старинных мер длины антропометрического характера).

Модель этимологической парафразы, объектом которой становятся гиперболические ФЕ с элементом метонимии, рассмотрим на примере фразеологизма *семи пядей во лбу*.

Исходным материалом этимологического парафразирования с учетом фактора адресата учебного словаря здесь являются историко-этимологические комментарии к фразеологизму *семи пядей во лбу*, представленные в словаре «Русская фразеология» [ИЭС 2005] и Большом фразеологическом словаре русского языка [БФСРЯ 2006]:

- «<...> Выражение возникло на основе френологических представлений о том, что по высоте лба можно судить об умственных способностях человека. Старинная мера длины *пядь* (*пядень*), производное от др.-рус. глаг. *пяти*, равнялось расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев (меньшая пядь) или большого и средних пальцев (большая пядь), т.е. 18-19 см. Выражение построено на гиперболе, так как человек семи пядей во лбу, должен был иметь лоб высотой около полутора метров. Число «семь» использовано не случайно: в народном языке оно имело особое, магическое значение <...>» [ИЭС 2005: 585].
- «<...> **Семь пядей** – мера высоты лба. <...> В основе образа фразеол. лежит метонимия - отождествление соматической части (**лба**) и мозга, символизирующего умственные способности человека, его интеллект. **Лоб** как внешняя оболочка вместилища мозга имеет пространственные характеристики, что, по представлениям, напрямую связано с объемом интеллекта <...>». [БФСРЯ 2006: 628-629].

При парафрастической обработке данной информации реализуется прием **«контрастного сопоставления количественной характеристики меры признака обозначаемого предмета»**, используемый при этимологизации фразеологической гиперболы, а также прием **«экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования»**, свойственный для эти-

монологической репрезентации метонимических фразеологизмов: <...> *высоту лба напрямую связывали с умственными способностями* <...>.

Вводный этимологический модуль подготавливает адресата к раскрытию фразеомообразовательного механизма идиомы **семи пядей во лбу**:

<...> *Если ты читаешь наш словарь, значит, ты развиваешь свой интеллект. Если ты развиваешь свой интеллект, значит, скоро ты будешь **семи пядей во лбу**. Если ты будешь **семи пядей во лбу**, значит, ты будешь очень умным человеком. А чтобы скорее им стать, поупражняйся в математике. Именно математика поможет нам сегодня раскрыть историю происхождения одного из русских фразеологизмов* <...>.

Далее читателю предлагается определить, какой же высоты (в сантиметрах) должен быть лоб в **семь** пядей, если известно, что пядь – это старинная русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев взрослого человека, то есть примерно 19 сантиметрам.

↪ (Ответ перевернут): 133 см <...>.

Так в формате решения математической задачи осуществляется лингвокультурологическая семантизация компонента *пядь*.

В ходе экспликации смежности на основе признака, мотивирующего перенос наименования, а также контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета, раскрывается социокультурные предпосылки выбора мотива фразеологической номинации и подчеркивается ее гиперболический характер:

<...> *Ничего себе лобик, почти метр с половиной высотой! Много ума может поместиться. Наверное, так думали наши предки, которые уже в XII (двенадцатом) веке измеряли высоту, длину и ширину пядями. А в XIX (девятнадцатом) веке врач, по фамилии Гааль, из Австрии основал науку «френологию», согласно которой, об умственных способностях человека можно судить по форме черепа, а значит и по форме лба. Позже ученые опровергли эту теорию. Да и кому, как ни тебе знать, что уровень интеллекта зависит не формы*

череп, а от ежедневных занятий (есть и еще кое-что, но об этом ты узнаешь чуть позже).

*Френологию признали лженаукой, а выражение **семи пядей во лбу**, означающее очень умного, мудрого человека, осталось в языке <...>.*

Помимо маркера гиперболы «основано на преувеличении», отметим возможность использования при лексикографической разработке гиперболических ФЕ еще одного этимологического оператора: «если понимать выражение буквально, то...». Таким образом, вводится теоретическое условие, что прототипами ФЕ, построенных на гиперболе, являются нереально преувеличенные факты действительности, что обуславливает гротескный характер гиперболического образа:

*<...> Используя мыслительный приём обобщения, подведём итоги. Выражение **семи пядей во лбу** основано на преувеличении. Если понимать выражение буквально, то лоб в семь пядей должен быть высотой более метра, а так как высоту лба напрямую связывали с умственными способностями, фразеологизм и обозначает очень умного человека <...>.*

Итак, обобщим сказанное. Фразеологизмы, построенные на гиперболе (литоте), этимологизируются с помощью приема **«контрастного сопоставления реальной и нереально утрированной количественной характеристики меры признака обозначаемого предмета»**, а также приемов, характерных для декодирования тропов, которые сочетается с гиперболой в данном гиперболическом фразеологическом комплексе.

3.2.3. Межъязыковые параллели как вспомогательное средство декодирования фразеологического образа

Как известно, национальная специфика языковых единиц и процессов их образования особенно четко прослеживается на фоне иностранного языка. Не случайно все чаще в работах по лексикографии, лингвокультурологии, компаративистике затрагиваются вопросы создания контрастивных словарей, в том

числе учебных, с широким привлечением межъязыковых параллелей [Росс 1998; Хаук 1998; Зленко 2004; Арсентьева 2007; Стернин 2007; Чубур 2007; Бобунов 2010; Конопелько 2013; Чекалда 2013]. Теоретические основы контрастивной словарной репрезентации русской фразеологии разрабатываются Т.А. Бушуй [Бушуй 2010].

Элементы контрастивного описания русской фразеологии в качестве вспомогательного средства декодирования фразеологического образа, как и другие формы опоры на родной язык адресата, могут быть использованы и при разработке учебных словарей, адресованных детям-билингвам младшего и среднего школьного возраста.

Так, в лексикографической версии, адресованной данной категории читателей, словарную статью открывает параллельная (на русском и иностранном языке) семантико-стилистическая параметризация фразеологизма, которой предшествует буквальный перевод оборота, а завершают этот графически выделенный фрагмент статьи фразеологические соответствия родного языка адресата, например, английского или эстонского:

МАЛО КАШИ ЕЛ

Физически слабый, молодой, неопытный человек.

Говорится шутливо или неодобрительно.

МАЛО КАШИ ЕЛ (he/she has eaten not enough porridge)

About a physically weak, young, inexperienced person.

The phrase sounds facetiously or disapprovingly.

(He/ she is) still wet behind the ears.

(Кто) КАК (БУДТО) АРШИН ПРОГЛОТИЛ

(Кто-то) держится неестественно прямо, скованно.

Говорится неодобрительно.

(Kmo) КАК (БУДТО) АРШИН ПРОГЛОТИЛ (nagu oleks arssini alla neelanud)

Keegi hoiab ennast ebaloomulikult sirgelt, trimmis.
Öeldakse halvustavalt.

Nagu oleks küünarpuu alla neelanud

Анализ и отбор межъязыковых фразеологических параллелей, определение степени эквивалентности ФЕ, значимое в коммуникативно-прагматическом и структурно-грамматическом аспекте [Татар 1996; Гладров 2000], приобретает особую важность и в плане словарной репрезентации фразеологической образности.

Составители контрастивных фразеологических словарей и разработчики концепций таких словарей на русском и чешском, русском, чешском и словацком материале [Яранцев, Степанова 1989; Яранцев, Степанова 1992; Балакова, Шинделаржова 2008] опираются на классификацию межъязыковых фразеологических эквивалентов, разработанную Э.М. Солодухо и включающую три порога эквивалентности (верхний, средний и нижний) и три типа межъязыковых соответствий: тождественные, прямые и синонимические эквиваленты [Солодухо 1982: 24-35].

Учитывая фактор адресата, мы считаем целесообразным использование менее сложной, двухступенчатой системы квалификации эквивалентов - подразделение их на полные и частичные. Первые, представленные, например, в таких фразеологических параллелях, как рус. *первая ласточка* – англ. *the first swallow*; рус. *заварить кашу* – эст. *putru kokku*; рус. *погнаться за двумя зайцами* – чеш. *honit se za dvěma zajíci*, образуют зону положительного переноса из родного языка, которому будет способствовать присутствие иноязычных эквива-

лентов в словарной статье, а также графическое отражение полной эквивалент-

ности ФЕ:

Частичные фразеологические эквиваленты (), имеющиеся в родном языке адресата, часто провоцируют межъязыковую фразеологическую интерференцию: их образная структура может калькироваться в результате ложной аналогии с родным языком: * *написал как ворона лапой* (вместо *как курица лапой*, ср. эст. *varesejalgu tegema*); * *написал как цыпленок* (вместо *как курица лапой*, ср. англ. *like chicken scratches*). В подобных случаях эквивалентизация русских ФЕ позволит показать специфику выбора эталона сравнения, а значит – образного стержня ФЕ (*куриная лапа* – *воронья лапа*), а также различия в детализации образа (*как курица лапой* – *как цыпленок*). Буквальный перевод русского оборота (англ.: *like a hen (scratching) with its claws*, эст. *nagu kana jalaga*) облегчит осознание этой специфики.

К данному разряду межъязыковых фразеологических параллелей нами отнесены совпадающие по значению генетически родственные, заимствованные из одного источника или типологически сходные ФЕ,

а) различающиеся тематически близкими компонентами, передающими на уровне прототипа ФЕ одноуровневые понятия: рус. *от А до Я* – англ. *from A to Z*; рус. *от А до Я* – чеш. *od A do Zet*; рус. *расхлебывать кашу* – эст. *kokkukeedetud suppi sööma* (букв. «есть сваренный суп»), рус. *бить баклуши* – эст. *lulli lööma* (букв. «бить лулли»); рус. *на одну колодку* – чеш. *na jedno kopyto* (букв. «на одно копыто»);

б) различающиеся тематически близкими компонентами, передающими на уровне прототипа ФЕ разноуровневые понятия (напр., родовое и видовое, целого и части): рус. *как аршин проглотил* – (седи) *jako by spolkl pravítko* (букв.

«(сидит) будто бы проглотил линейку»); рус. *ни кола ни двора* – эст. *ei ole kodu ega kotust* (букв. «нет ни дома ни хозяйства»);

в/ построенные по одной структурно-семантической модели, но различающиеся конкретной образностью: рус. *как курица лапой* – чеш. *(psát) jako kocour levou zadní* (букв. «(писать) как кот левой задней лапой»);

г/ обнаруживающие сходство на уровне отдельных компонентов образной структуры (символика, ассоциативные связи, релевантные для фразеомообразования или интерпретации образа): рус. *журавль в небе* – англ. *pie in the sky* (букв. «пирог в небе»); рус. *журавль в небе* – чеш. *modré z nebe* (букв. «синева с неба»); ср. ассоц.: *небо* – высоко, далекое, далеко, мечта [РАС 2002: ЭР].

Зачастую компоненты, которыми различаются сходные по значению фразеологизмы двух языков, как и во многих приведенных выше примерах, на уровне прототипа ФЕ обозначают реалии одной денотативной сферы. В нашем материале такие тематически близкие компоненты в структуре межъязыковых фразеологических параллелей – это в основном зоо- и фитолексемы. При детализированном анализе фразеологического состава языков с учетом диалектного и исторического удастся найти более близкие образные соответствия и даже тождественные по образной структуре ФЕ. Однако интерференционное калькирование таких оборотов приводит к коммуникативным неудачам на синхронном уровне, поэтому акцентировать внимание на различиях, а не на сходствах фразеологической образности – первоочередная задача контрастивного фрагмента словарной статьи.

Так, например, русскому фразеологизму *смотреть (уставиться) как баран на новые ворота* – ‘тупо, растерянно, ничего не понимая смотреть на кого-л., на что-л.’ соответствует чешское выражение *koukat (čumět) jako tele na nová vrata* (букв. «смотреть (уставиться) как теленок на новые ворота»). Сходство значения, общая структурно-семантическая модель и тематически близкий образный стержень создают условия для возникновения ложных межъязыковых аналогий (* *смотрел как теленок на новые ворота*).

Нельзя не отметить, что в русском языке тема недоумевающего тупого взгляда тоже может воплощаться в сравнении человека с представителями крупного рогатого скота. Так, В.И. Далем в свое время зафиксировано выражение *Смотреть как корова на писанные ворота* [Даль 1957, 572]. Компонент *теленки, телок*, по данным «Большого словаря народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, как эталон сравнения также выступает в оборотах, характеризующих тупого, непонятливого человека: **Стоять как телёнок. Шутл.-ирон.** О молчаливо, кротко и глуповато стоящем человеке. **Как телок. Народн. Ирон.** О крайне покорном, терпеливом и глуповато-наивном человеке [Мокиенко, Никитина 2008, 677-678]. Однако более актуальным эталоном сравнения для русского языкового сознания становится все-таки *баран*, причем, по данным упомянутого выше словаря сравнений, в таких оборотах варьируется не только основание сравнения (*смотреть, уставиться, глядеть, вылуниться, вылунить глаза*), но и компоненты сравнительной части, отображающие разнообразие объектов, вызывающих тупое недоумение животного: *новые ворота, гумно, вода, потолок* [Мокиенко, Никитина 2008, 34].

Читателям детского фразеологического словаря, в том числе детям-билингвам, для которых чешский язык является родным или вторым родным⁴⁷, предъявляется наиболее частотный общеупотребительный вариант фразеологизма: *смотреть как баран на новые ворота*.

Буквальный перевод оборота (*koukat jako beran na nová vrata*) и чешский эквивалент (*koukat jako tele na nová vrata*) могут быть сопоставлены читателем не только в переводном фрагменте статьи. Этимологическая парафраза от лица главного фразеологического «персонажа» - барана (он рассказывает о своих «чертах характера» и помогает запомнить специфику образной структуры русского оборота), переходит в иллюстративную рубрику, где сопоставление приобретает эксплицитный характер в диалоге героев «Сказки о рыбаке и рыбке». Эту процедуру инициирует реплика Старухи:

⁴⁷ В полном объеме концепция детского русско-чешского фразеологического словаря представлена в соавторстве с Т.Г.Никитиной [Рогалева, Никитина 2010].

<...> – *Ahoj*⁴⁸, старик! Что ты на меня уставился как баран на новые ворота. Я тут у Золотой рыбки русско-чешский словарь попросила. Вот уже один чешский фразеологизм выучила - *koukat jako tele na nová vrata*. Заметил, чем он от русского отличается?

За вопросом старухи следует вопрос автора словаря, адресованный читателю: *А ты заметил, каким компонентом различаются русский и чешский фразеологизмы? Можешь пометить его маркером, чтобы лучше запомнить. А если затрудняешься, загляни под ключик. Ниже под специальным знаком – «ключиком» – дается правильный ответ.*

Тот же тип эквивалентности наблюдается в оборотах, образующих русско-чешскую фразеологическую параллель *ловить (считать) ворон* – *chytat hejly (lelky)* - букв. «ловить снегирей (козодоев)». Здесь русский и чешский фразеологизмы также различаются компонентом, представленным зоолексемой. Наименование козодоя, птицы, распространенной лишь на юге России, не зафиксировано словарями как образный стержень русских фразеологизмов. Не фигурирует оно и в лексических минимумах для иностранцев, изучающих русский язык, так что возможность его переноса из родного языка при интерференционном калькировании фразеологизма практически исключена. Фразеологизм *ловить снегирей*, полностью совпадающий по форме с чешским оборотом, функционирует в русских народных говорах (воронежских). В «Большом словаре русских поговорок» отмечено его употребление в значении ‘бездельничать’ [Мокиенко, Никитина 2008, 626]. Это же значение фиксируется здесь и у фразеологизма *ловить ворон*, наряду с первым – ‘ротозейничать, глазеть по сторонам’. Что же касается в целом реализации структурно-семантической модели *ловить [открытым ртом] птиц = ротозейничать, бездельничать*, то в русском языке она может наполняться и другой конкретной образностью, ср. просторечное *ловить (считать) галок*, сленговое *ловить воробьев хохотальником* [Мокиенко, Никитина 2008, 101].

⁴⁸ Чеш. привет.

Этимологическая парафраза, представленная в словарной статье «Ловить ворон» должна ответить на вопрос, почему же в русском языковом сознании с понятием ‘ротозейничать’ наиболее тесно связывается образ вороны, а фразеологизм *ловить ворон* во много раз превосходит по частотности все остальные варианты воплощения данной модели. Парафразирование здесь строится с использованием эффективного коммуникативно-прагматического приема «привлечения авторитетов». Выступающий в роли «компетентного рассказчика» персонифицированный компонент прототипической ситуации, которым и различаются ФЕ двух языков, позволяет акцентировать внимание читателя именно на данном компоненте образа. Так, версию происхождения ФЕ *ловить ворон* излагает ворона Бэтти, «доктор птичьих наук». Такой этимологический комментарий включает информацию о реальных повадках, образе жизни ворон, раскрывает отношение человека к этой птице, коннотации, присущие образному стержню *ворона*. Поскольку на этот раз адресатами словаря становятся чешские дети, ворона Бэтти по ходу рассказа обращается к их компетенциям в сфере родного языка, побуждая восстановить «народный образ» вороны, на котором базируются такие чешские фразеологизмы и пословицы, как *koukat jako [mladá] vrana* (букв. «смотреть как молодая ворона») – ‘смотреть с удивлением, делать круглые глаза’, *vrana k vraně sedá* (букв. «ворона к вороне садится») – ‘люди, сходные в чем-то, быстро распознают друг друга, находят общий язык’. Таким образом, выясняется, что разные народы подмечают разные релевантные для фразеомообразования особенности поведения животных: в данном случае мотивирующим признаком чешского фразеологизма стало любопытство ворон, их инстинкт стайности; для русских же ворона в силу своего внешнего вида (широко раскрывает клюв) стала символом невнимательности (закреплению этой ассоциации способствовала и известная басня И.А. Крылова). В ходе проведенной аналитической работы компонент *ворона* как образный стержень русского фразеологизма четко фиксируется в сознании иноязычного читателя, а отрицательное влияние родного языка снимается в ходе открытого сопоставительного привлечения чешского материала.

Составителям версии учебного фразеологического словаря, адресованного носителям близкородственного языка, необходимо учитывать, что отдельные русские ФЕ для данного контингента читателей будут потенциальными интерферами и на уровне восприятия русской речи. Генетически общая лексика, входящая в состав фразеологизма, и сходная структурная организация провоцируют семантическую интерференцию: ФЕ ошибочно декодируется на базе фразеологизмов родного языка. Так, выражение *у него на лбу не написано (что-л.)* интерпретируется в словацкой аудитории следующим образом: «он это не помнит», «он это не запомнил» (ср. словацк. *zapisovat' si niečo na čelo* – букв. «записывать что-л. себе на лоб» - ‘запоминать что-л.’). Нами зафиксирован перенос этой модели в русскую речь чехов и на уровне продуцирования: «Я себе это запишу за уши» (по аналогии с чеш. *zapsat si za uši* – букв. «записать себе за уши» - ‘запомнить’). В данном случае уместным было бы использование фразеологизма *намотать себе на ус*, но его употребление блокирует устойчивая фразеологическая ассоциация из родного языка: *nemá fousy (na koho)* – букв. «у него нет усов» - ‘о молодом, неопытном человеке’ (интерференционное влияние родного языка просматривается и в рефлексивной попытке обосновать логику своего некорректного восприятия русского оборота: «Намотать что-то себе на ус молодой человек не может, у него нет усов»).

Не все подобные образные ассоциации, провоцирующие межъязыковую интерференцию, снимаются открытым сопоставлением в рамках словарной статьи, но все они должны учитываться в ходе разработки национально ориентированной этимологической парафразы и при подборе иллюстративного материала.

Что касается типа эквивалентности оборотов *намотать себе на ус* – чеш. *zapsat si za uši* (или словацк. *zapisovat' si niečo na čelo*) и их графической маркировки, то в силу сходства или тождества семантики и полного расхождения образной структуры таких ФЕ мы относим их к функциональным эквивалентам -

фразеологическим аналогам и помечаем в переводной части словарной статьи

значком ().

Так, в русско-эстонской версии учебного фразеологического словаря к данному разряду отнесены следующие эстонские соответствия русских фразеологизмов: *заморить червячка* - *midagi hamba alla panema* (букв. «что-то положить на зуб»), *как в воду глядел* - *justkui saatuseraamatust maha loetud* (букв. «как в книге судьбы прочитал»), *коломенская верста* - *pikk kui õngeritv* (букв. «длинный как удилице»), *после дождичка в четверг* - *jumal ise teab, millal* (букв. «Бог знает когда»), *стричь под одну гребенку* - *ühite patta panema* (букв. «сваливать в одну кучу»), *от А до Я* - *otsast otsani* – («от края до края») и др.

В лексикографической версии, адресованной англоговорящим читателям,

знаком отмечены следующие английские аналоги русских ФЕ: *мало каши ел* - *(he/ she is) still wet behind the ears* (букв. «у него/ у нее еще мокро за ушами»), *вольный казак* - *one's own master* (букв. «сам себе хозяин»), *как в воду глядел* - *he must have second sight* (букв. «у него второе зрение»), *коломенская верста* - *tall as a beanpole* (букв. «высокий как каланча»), *после дождичка в четверг* - *one fine day* («в один прекрасный день»), *сесть не в свои сани* - *to bite off more than one can chew* («откусить больше, чем можешь проглотить») и др.

Чешские читатели, наряду с рассмотренными выше примерами найдут среди фразеологических соответствий данного типа: *стричь под одну гребёнку* - *házet všechny do jednoho pytle* (букв. «бросать всех в один мешок»), *как в воду глядел* - *má šestý smysl* (букв. «у него шестое чувство»), *вить верёвки (из кого)* - *vodit (někoho) na provázku* (букв. «водить кого-л. на поводке») и т.п.

К фразеологическим аналогам (но не к частичным эквивалентам) мы относим и синонимичные фразеологизмы двух языков с отдельными сходными

компонентами образной структуры, но абсолютно различающиеся общей мотивировкой и механизмом фразеомообразования, напр., рус. *после дождичка в четверг* – чеш. *až naprší a uschne* (букв. «после того, как пройдет дождь и высохнет»). В этом случае указание на отсутствие эквивалентности не позволит синхроническим процессуально-временным ассоциациям (*дождь* – идет, все идет, не прекращается [РАС 2002: ЭР]) помешать восприятию этнокультурно маркированной этимологической версии русского фразеологизма, связанного с языческим мировосприятием.

Фразеологизмы, не имеющие ни эквивалентов, ни аналогов в родном языке адресата, получают в переводной части словарной статьи описательную дефиницию или же семантизируются посредством устойчивы неидиоматических

наименований и лексических синонимов, которые вводятся значком : *расхлебывать кашу* – англ.: *to put things right* (исправлять что-л.); *отрезанный ломоть* – англ.: *self-reliant, self-willed person* (самостоятельный, своевольный человек); *кот наплакал* – англ.: *nothing to speak of; next to nothing* (и говорить не о чем; почти ничего); *отрезанный ломоть* – эст.: *inimene, kes on kaugenenud, võõrdunud oma perekonnast ja ei pea oma perega enam tihedat sidet* (человек, который удалился, отделился от семьи и не поддерживает с ней тесную связь); *коломенская верста* – чеш. *dlouhán, čahoun, bidlo* (верзила, дылда, жердь).

Выше уже подчеркивалась роль буквального перевода заголовочной единицы в плане репрезентации ее образной структуры и механизма фразеомообразования. К такому приему прибегают составители многих двуязычных учебных фразеологических словарей [Огольцев 1984; Дубровин, Меллу 1986; Назарян 2002; Дубровин 2009; Лебедева, Елмасын 2009]. В отличие от авторов данных изданий мы предлагаем реализовывать комплексный подход в разработке этого параметра и при необходимости вводить в зону буквального перевода элементы лингвокультурологического комментирования безэквивалентной лексики, входящей в состав ФЕ, что позволит уже на входе в словарную статью ввести квант фоновых знаний, которые будут востребованы и расширены при декоди-

рования мотивировки русского фразеологизма в рамках этимологической парифразы:

Как (будто) аршин проглотил (as if one has swallowed an *arshin* - an old Russian yardstick = 0.71 m);

Попасть впросак (to get into the *prosack* – an old Russian spinning tool);

От А до Я (A-st: *vene tähestiku esimesest tähest*, «Я»-ni: *viimase täheni*).

Инновационным приемом этимологизации ФЕ в словаре, ориентированном на детей-билингвов, является и предлагаемая нами репрезентация «этимологического резюме» (этимологической конфигурации 1 уровня) на родном (или втором родном) языке адресата.

Элементы этимологического комментирования на родном языке адресата в ряде случаев используются составителями двуязычных фразеологических словарей, но касаются в основном отдельных компонентов ФЕ или же представляют собой лаконичные указания на сферу происхождения ФЕ, связь с той или иной народной традицией и т.п. [Огольцев 1984; Кунин 1999; Назарян 2002; Гуревич, Дозорец 2004; Лебедева, Элмасын 2009; Воробьева, Никитина 2010].

В нашей лексикографической версии «этимологическое резюме» на родном языке учащихся повторяет основной коммуникативный ход парафразирования, что дает возможность адресату еще раз проследить процесс фразеомообразования и осуществить самоконтроль понимания этимологической версии.

Так, при этимологизации компаративных ФЕ переводной (в данном случае – англоязычный) фрагмент словарной статьи содержит этимологический оператор *is based on comparison* (по аналогии с русским «основан на сравнении») и адекватно передает интерпретационный прием «семантического уравнения»:

<...> *Фразеологизм построен на сравнении: неразборчивая, неряшливая запись напоминает замысловатые следы курицы у кормушки* <...>.

<...> *The phraseologism is based on comparison: illegible writing resembles the intricate tracks of a hen near the feeding rack* <...>.

Перевод этимологической конфигурации 1-го уровня для многих ФЕ метафорического характера содержит этимологизирующий оператор «основано на сходстве» (*is based on similarity*), представляющий на тип переноса и указывающий на конкретный мотивирующий признак. Так в двуязычном варианте реализуется прием «**экспликации сходства**»:

<...> *Переносное значение выражения **заводить волынку** – «надоедливо, долго и скучно говорить об одном и том же» основано на сходстве впечатлений от слушания однообразных звуков волынки и слушания долгих, скучных разговоров кого-нибудь человека* <...>.

<...> *The figurative meaning of the expression **start playing a bagpipe**, which means «speak about the same thing for a long time in an annoying and boring manner», was based on a similarity between monotonous sounds of a bagpipe and a long and boring speech of somebody* <...>.

Прием «**восстановления сравнения**», также раскрывающий тропеический механизм фразеологической метафоры, осуществляется с использованием оператора «построен на сравнении» («formed based on comparison»), а также введения в конфигурацию основания сравнения (хлопотный, трудоемкий), эталона сравнения (заваривание каши) и объекта номинации (инициирование сложного дела, процесса):

<...> *Варить кашу – дело непростое. Особенно сложным оно было для наших предков, у которых не было газовых плит и микроволновок, а в качестве крупы они использовали необработанное цельное зерно, которое долго разваривалось. На сравнении сложного, хлопотного дела с этим трудоёмким процессом приготовления пищи и построен наш фразеологизм заварить кашу, означающий «затевать сложное, хлопотное дело»* <...>.

Cooking porridge is not so simple. Particularly far from simple was it for our ancestors who had neither gas cookers nor microwave ovens, and instead of cereals they used crude whole grain which took long time to boil soft. Our set expression, “cook porridge” that means “start a complicated, troublesome matter”, was formed

based on a comparison of a complicated, troublesome matter with the laborious process of cooking.

Особое внимание уделяется адекватной иноязычной передаче комплексного механизма тропеизации, например, гиперболизации с элементом метонимии. Здесь при помощи оборота-маркера гиперболы «основано на преувеличении» («based on exaggeration») и этимологического оператора: «если понимать выражение буквально, то...» («if the expression is interpreted literally»), реализуются и передаются на родном языке адресата приемы «экспликации смежности» и «контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета:

*<...> Выражение **семи пядей во лбу** основано на преувеличении. Если понимать выражение буквально, то лоб в семь пядей должен быть высотой более метра (пядь – старинная русская мера длины, равная примерно 19 см), а так как высоту лба напрямую связывали с умственными способностями, фразеологизм и обозначает очень умного человека <...>.*

*<...> The expression **seven spans in a forehead** is based on exaggeration. If this expression is interpreted literally, the forehead of seven spans must be greater than a meter (a span is an ancient Russian measure of length that equates approximately to 19 cm), and as the size of the forehead used to be compared with intelligence, this set expression denotes a very clever person <...>.*

Возможно и открытое включение межъязыковых фразеологических параллелей в иноязычный текст «этимологического резюме». Таким образом может быть отражена этнокультурная специфика воплощения общей структурно-семантической модели.

Так, в статье «Как (будто) аршин проглотил» эстоноязычным читателям помимо вывода о формировании фразеологического значения на базе слова *аршин* - ‘деревянная линейка, длиной в 71 сантиметр’ (*Этот будто бы проглоченный аршин и мешает человеку свободно и естественно двигаться. <...> Selline justkui alla neelatud joonlaud segabki inimesel vabalt ja loomulikult liikumast*) предлагается вспомнить эквивалентный фразеологизм родного языка *nagu oleks*

küünarpuu alla neelanud и обратить внимание на различие в образной структуре оборотов: в состав эстонской ФЕ входит наименование старинного измерительного инструмента *küünarpuu* – деревянной линейки длиной 53 см: *Ka eesti keeles kasutatakse sellisel juhul võrdlust, erinevus vene keelest on vaid selles, mida „alla neelati“. Arssini asemel on siin kasutusel küünarpuu. Küünarpuu oli vanasti ühe küünra pikkune mõõdupuu. Küünra pikkus oli 53 sentimeetrit.*

Параллельное имплицирование – образование ФЕ-аналогов на базе пословиц показано с указанием на различия производящей базы:

<...> Оборот *расхлёбывать кашу* возник на базе известной пословицы: *Сам кашу заварил, сам её и расхлёбывай* – «сам начал какое-то сложное, запутанное или неприятное дело – сам должен отвечать и за его последствия».

Переводная версия данной этимологической конфигурации включает эстонский эквивалент с компонентом *suppi (суп)*, а заключительный сопоставительный фрагмент «резюме» напоминает читателю пословицу, которая стала источником эстонского фразеологизма - *Igäiks sööb omakeedetud suppi* (*Каждый ест суп, который сам сварил*):

<...> *Väljend расхлёбывать кашу – kokkukeedetud suppi sööma – on tekkinud tuntud vanasõna põhjal: Сам кашу заварил, сам её и расхлёбывай (eesti keeles kasutatakse vanasõna „Igäiks sööb omakeedetud suppi“)* – «kui ise võtsid ette raske, keerulise ja ebameeldiva töö, siis ise pead tagajärgede eest ka vastutama».

В другом случае подчеркивается, что русская пословица (*Лучше синица в руке, чем журавль в небе*), ставшая основой фразеологизма *журавль в небе*, имеет логико-семантическую параллель в эстонском языке - *Parem varblane peos kui tuvi katusel* (*Лучше воробей в руках, чем голубь на крыше*), которая, однако, не подверглась импликации.

Таким образом, обращение к родному языку адресата и в первую очередь привлечение межъязыковых фразеологических параллелей (эквивалентизация, открытое сопоставление в рамках этимологических конфигураций, обыгрывание в иллюстративных материалах) позволяет подчеркнуть специфику русских фразеологизмов на уровне способа фразеомообразования, структурно-

семантической модели и конкретной образности, в большинстве случаев – этнокультурно детерминированной.

3.3. Приемы организации интерактивного лексикографического гипертекста этимологической парафразы

При построении этимологической парафразы в учебном фразеологическом словаре мы учитываем требования к современному учебному тексту, в котором должны реализоваться все фазы процесса понимания (в данном случае – понимания этимологической версии): возникновение установки на понимание; возникновение вопроса, его словесная формулировка в виде задачи, принятие задачи; выдвижение гипотез и их верификация, подведение итогов «исследования» и формулировка суждения, которое является ответом на поставленный в начале вопрос) [ГКБ 1991: 47-48].

Принцип интерактивности лексикографического текста, суть которого была раскрыта в Главе I, при построении этимологической парафразы реализуется через приемы организации диалога между автором и читателем, а также за счет использования игровых моделей текста. Эти способы создания интерактивности словарного текста и будут представлены в данном разделе нашей работы.

3.3.1. Лексикографическое конструирование учебного этимологического текста в формате диалога «автор-адресат»

Рассмотрим текстоорганизующие приемы, позволяющие в соответствии с общим тактическим замыслом составителя строить интерактивный гипертекст этимологической зоны словарной статьи в формате диалога «автор-адресат».

Вслед за Н.С. Болотновой образы автора и адресата рассматриваются нами как ключевые текстообразующие категории [Болотнова 2009: 238]. Данные

образы связаны с категориями субъектности и адресованности и реализуют глобальную текстовую категорию диалогичности [там же: 237].

Согласно позициям коммуникативной стилистики текста категорию субъектности реализуют автор (реальное лицо) и образ автора, выраженный в формах повествователя, лирического героя, персонажа, проявляющихся в динамике речевых стилей и в композиции. В свою очередь, реальный адресат текста, собирательный образ адресата и художественный образ персонажа-адресата представляют категорию адресованности.

Остановимся на специфике фразеографической репрезентации категории субъектности в этимологическом учебном гипертексте.

При конструировании интерактивных текстов в качестве образа автора, непосредственно воплощенного в тексте и контактирующего с читателем, мы вводим персонифицированного (диегетического) повествователя, или рассказчика. Причем, авторов может быть и два. Их взаимодействие, диалог между собой и с адресатом придают тексту большую интерактивность.

Е.В. Падучева пишет, что «персонифицированный повествователь является одним из персонажей текста, т.е. входит в мир текста: например, совершает какие-то поступки; имеет хотя бы минимальную биографию; быть может, имеет собственное имя» [Падучева 2010: 203]. В. Шмид, используя терминологию нарратологии, называет такое изображение нарратора (повествователя) эксплицитным и подчеркивает, что эксплицитный способ основывается на самопрезентации нарратора, реализуемой как подробным самописанием (с названием имени, рассказом о своей жизни, отношении к ней), так и редуцированным самопредставлением через автономинацию в форме местоимения и глаголов первого лица [Шмид 2003: 66].

В сконструированных нами гипертекстах рассказчиками являются педагоги, ученые-фразеологи, помогающие ребенку раскрыть этимологию фразеологизма. Приведем фрагменты их самопрезентации.

Вертеться как белка в колесе

*<...> Мы работаем в педагогическом университете и учим студентов – будущих учителей. Однажды на педагогической практике мы пришли в школу.
<...>*

Заводить волынку

<...> В свободное время, когда мы не пишем словари и не учим студентов, мы играем в рок-группе. <...>

Белены объелся

*<...> Прежде чем начать разговор о фразеологизме **белены объелся**, мы хотим рассказать тебе об одной игре, которую мы очень любили в детстве. Она называется «секретики». <...>*

Как в воду канул

<...> А когда у нас плохое настроение, мы идём на реку Великую, собираем на берегу камешки и с моста бросаем их в воду. Камешки падают и тонут, и нам кажется, что вместе с ними исчезают и наши обиды, и плохое настроение. <...>

Повышение интерактивности этимологических гипертекстов достигается и за счет реализации определенных ролей, в которых может выступать автор. Из большого списка ролей, которые предлагает Т.В. Шмелёва [Шмелёва 2010: ЭР], нами наиболее часто используется роль автора-интервьюера:

Считать ворон

<...> Скоро ты заметишь, что птицы – частые гости на страницах нашего словаря. Будут куры, журавли, синицы, ласточки. А пока – ворона.

Пошли мы записывать, что люди о воронах говорят. А людям не до птиц. Они все больше о людях говорят, правда, иногда называют их воронами. Вот футбольный болельщик: «Наши-то, вороны, опять на последней минуте гол пропустят, я уверен». Бабушка-пенсионерка: «Ну, я и ворона! Сериал пропустила! По телефону проговорила». <...>

Журавль в небе

*<...> Прежде чем рассказать тебе историю происхождения фразеологизма **журавль в небе**, мы решили выяснить, что люди знают про журавля. Останавливаем на улице прохожих и спрашиваем: «Извините, Вы когда-нибудь журавля настоящего видели?» И вот что нам отвечают: «Видел, да не разглядел, очень высоко летели, с зимовки весной возвращались. Только слышал, как они кричали «курлык-курлык-курлык». «Живого журавля не видел. Разве что в книге «Русские народные сказки» <...>*

Характеризуя речевые проявления повествователя в повествовательной инстанции, К.А. Щукина выделяет повествователя-вспоминающего и повествователя-«наблюдателя» [Щукина 2004: ЭР]. При конструировании этимологической парафразы мы выбираем тот или иной тип повествователя, чтобы создать эффект «новизны», необходимый для поддержания интерактивности текста:

Заводить волюнку

Повествователь-вспоминающий: *<...> Сейчас мы тебе расскажем один случай из нашей жизни – и тебе сразу станет понятна история происхождения фразеологизма **завести волюнку**. <...>*

Стричь под одну гребёнку

Повествователь-«наблюдатель»: *<...> Мы очень любим ходить в парикмахерскую. Нас стригут мастера Галина и Юля. Но сейчас мы просто понаблюдаем за их работой. <...>*

Категория субъектности в этимологическом учебном гипертексте реализуется и через «перволичную повествовательную форму, где рассказчиком является персонаж» [Падучева 2010: 203].

Перечислим некоторых персонажей-рассказчиков, которые раскрывают адресату-ребенку этимологическую версию:

- ученые-фразеологи: В.М. Мокиенко (*бить баклуши, подложить свинью, во всю ивановскую*), А.М. Мелерович (*держат камень за пазухой*), Н.М. Шанский (*и концы в воду*) и их четвероногие друзья: фокстерьер Соня (*подложить свинью*) и кошка Чина (*держат камень за пазухой*);

- писатели: И.А. Крылов (*вертеться как белка в колесе*), Н.С. Лесков (*подковать блоху*), художники: И.Е. Репин (*вольный казак*), В.М. Васнецов (*ко- сая сажень в плечах*) и др.;
- студенты: отличница Наташа Сидорова (*вертеться как белка в ко- лесе*), студент-заочник Валерий Карпов, он же школьный дворник (*хоть кол на голове теши, заводит волынку*);
- школьники-исследователи: Лена и Таня из фразеологического кружка (*тёртый калач*), ребята из кружка «Юный натуралист» (*журавль в не- бе*);
- деревенские жители: старик Григорий (*хоть кол на голове теши, моя хата с краю*), лесник Макар (*бить баклуши*);
- представители различных профессий: кузнец (*доводить до белого каления*), пастух (*как баран на новые ворота*), повар (*ни за какие коврижки, тёртый калач, седьмая вода на киселе*), сапожник (*на одну колодку, каши про- сят*), трубочист (*чист как трубочист*) и др.;
- умные птицы: ворона Бэтти (*ворон считать, мотать на ус*), Муд- рая ворона (*типун тебе на язык*);
- «сотрудники» детективного агентства «ГАКОС»: служебно- розыскной пёс Гафик, кот-исследователь Кокос и их шофер попугай Кочан (*выводить на чистую воду, во всю Ивановскую; сами с усами, с три короба, выходить сухим из воды, нести околесицу, держать камень за пазухой, за семь вёрст киселя хлебать, как в воду глядел, подложить свинью* и др.);
- персонажи русских народных сказок: Иван-царевич (*без царя в го- лове, носить воду решетом*), Емеля (*по щучьему велению*), сестрица Алёнушка (*ни кола ни двора*), медведь (*с три короба*), лисица (*журавль в небе*), зайчик (*дрожать как осиновый лист*), курочка Ряба (*писать как курица лапой*), печка (*дела как сажа бела*);
- персонажи русских авторских сказок: старуха из сказки о золотой рыбке А.С. Пушкина (*ни кола ни двора*), Балда из сказки о попе и его работнике Балде А.С. Пушкина (*и концы в воду*), летучая мышь из сказки Л.Н. Толстого

(*вверх тормашками*); Конёк-горбунок (*конь ещё не валялся*); дед Мазай из стихотворения Н.А. Некрасова (*погнаться за двумя зайцами*);

- персонажи зарубежных авторских сказок: железный Дровосек из сказки Л.Ф. Баума «Волшебник из страны Оз» (*доводить до белого каления*), Красная шапочка из сказки Ш. Перро (*прийти к шапочному разбору*), немецкий портной Ганс из сказки братьев Гримм (*косая сажень в плечах*), Дюймовочка из сказки Г.Х. Андерсена (*первая ласточка*), горшочек из сказки братьев Гримм (*заварить кашу*).

Национально ориентированная модель этимологических гипертекстов предполагает введение персонажей-рассказчиков – иностранцев (например, в русско-чешском словаре это чешские дети – Зденек и Мила (брат с сестрой), в русско-английском – друзья Том и Майкл, в русско-эстонском мама с дочкой – Урве и Лиина), которые помогают иноязычному школьнику осваивать русскую фразеологию – они путешествуют по современной России и ее историческому прошлому, встречаются с персонажами русских народных сказок, беседуют с российскими школьниками, открывая для себя и для читателя богатейший этнокультурный и социокультурный фон русской фразеологии.

Такое разнообразие персонажей-рассказчиков позволяет учитывать разнообразные познавательные запросы нашего адресата и реализовывать самые разные приемы интерпретации процесса фразеомообразования. Например, «привлечение» в качестве персонажей-рассказчиков известных ученых-фразеологов дает возможность использовать прием **«репрезентации фразеосхемы»** и представить читателю лексикографическую интерпретацию метода структурно-семантического моделирования, который заключается в конструировании модели – фразеосхемы, лежащей в основе вариантного ряда ФЕ, имеющих общее фразеологическое значение, относительно целостную структуру и достаточно тождественную внутреннюю форму [Мокиенко 1989: 49-95; Кохман 2000: 115-117]:

Бить баклуши

*<...> Об истории происхождения фразеологизма **бить баклуши** нам рассказал известный фразеолог из Санкт-Петербурга Валерий Михайлович Мокиенко.*

Однажды по своим научным делам он оказался в далекой деревне на севере России, в Архангельской области. Местные ребята позвали его поиграть в старинную русскую игру «Городки». <...>

Из описания игры становится ясным, что основная задача игрока – выбить все «городки» - палочки-чурки из города (или кона), а сами эти палочки-чурки раньше назывались местным словечком «баклуши».

За этой лингвокультурологической семантизацией безэквивалентного компонента ФЕ в рассказе фразеолога следует описательное представление структурно-семантической модели:

*... Потом я выяснил, что эта игра раньше была известна в разных уголках России, только чурки-баклуши везде назывались по-разному: балды, бабки, беньки, а о самой игре говорили: бить беньки, бить балды, бить бабки. Эти же выражения употреблялись и в значении «бездельничать», что вполне понятно: с точки зрения занятых делом людей, бить беньки (балды, бабки), то есть играть в городки, – пустая забава, напрасная трата времени. По этой же модели построено и выражение **бить баклуши** – «проводить время без пользы, бездельничать <...>.*

Этимологизирующий прием «репрезентации фразеосхемы» помимо вербального воплощения может быть поддержан графической схемой. Например, в словарной статье «Держать камень за пазухой», где А.М. Мелерович, выступающая в роли персонажа-рассказчика, сопоставляет развернутое толкование фразеологизма с его структурной схемой, репрезентируя тем самым один из методов семантического анализа ФЕ (метод словарных толкований), направленный на выявление закономерных связей между фразеологическим значением и формой его выражения ([Мелерович 1979: 69-75], [Жуков 1986: 39-40]):

Держать камень за пазухой

<...> За ответом на все эти вопросы мы с тобой отправляемся в древний русский город Кострому. Не подумай, что там все ходят с камнями за пазухой. Просто в Костроме живет известный ученый-фразеолог Алина Михайловна Мелерович. Она-то и поможет нам во всем разобраться.

У Алины Михайловны – свой метод фразеологического анализа.

– Давайте возьмем фразеологизм **держать камень за пазухой**, - говорит Алина Михайловна, - и попробуем мысленно наложить его на толкование (помнишь, оно у нас в рамке следует сразу за фразеологизмом): «затаить злобу».

И вот какие смысловые связи мы устанавливаем:

держать за пазухой = затаить,

камень = злобу.

С камнем, который человек держит за пазухой, сравнивается злоба, которую он затаил. И этот камень человек готов бросить в своего обидчика, чтобы отомстить ему. Отсюда – и вторая часть толкования, уточняющая значение фразеологизма: «быть готовым отомстить кому-то». <...>

Таким образом, в этимологическом интерактивном гипертексте категория субъектности реализуется посредством лексикографических приемов «**автор-рассказчик**» и «**персонаж-рассказчик**».

Особенности лексикографической репрезентации категории адресованности в интерактивном гипертексте этимологической парафразы обусловлены фактором адресата-ребенка, ведь, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» [Арутюнова 1981: 358]. Н.И. Формановская пишет, что одним из самых существенных факторов, оказывающих прямое влияние на построение текста, является то, что данная ин-

терпретация осуществляется с обязательным учетом адресата – об одном и том же событии мы по-разному рассказываем различным собеседникам [Формановская 2002: 216].

Еще в 1922 году А.И. Белецкий представил свою классификацию читателей, в основе структурирования которой – воображаемый «собеседник». В ряде случаев «он покрывается реально существовавшим», в других случаях этот читатель – «тайный идеальный друг», «правнук просвещенный, сын Феба молодой», «друг истины священной»; или же это – «низкий невежда и глупец, представитель той толпы, от которой поэт бежит в уединение, чтобы беседовать с самим собой, с потомками, с музой» [Белецкий 1989: 119].

Придерживаясь терминологии Е.В. Падучевой, мы различаем внутреннего адресата (одного из персонажей текста) и внешнего (реального) читателя [Падучева 2010: 2009]. Причем, для создания интерактивности этимологический гипертекст конструируется таким образом, чтобы в нем был эффект «присутствия» как внутреннего адресата, так и внешнего, что способствует возникновению двойного диалога: автор-рассказчик – адресат-персонаж и автор-рассказчик – внешний адресат⁴⁹. В свою очередь, этот внешний адресат – реальный читатель, находя в тексте «следы присутствия» и внешнего и внутреннего адресата получает эффект двойного восприятия текста, что углубляет осознание им этимологической версии.

Рассмотрим приемы создания образа внутреннего и внешнего адресата.

Нашим адресатом-персонажем является ребенок. Такой внутренний адресат обнаруживается в приветствии и адресном употреблении местоимений 2-го лица, на что указывает Е.В. Падучева [Падучева 2010: 212]. Следует отметить, что и Е.В. Селиванова называет прямые обращения к адресату маркерами интерактивности [Селиванова 2011: ЭР]. Ср. в одном из интерактивных текстов этимологической парафразы:

⁴⁹ Ср.: В.С. Флорова использует термин «двойной диалог» при характеристике шекспировских сонетов [Флорова 2011: 49-60].

Без царя в голове

<...> ...Вот об уме-разуме и пойдёт речь. Так что можешь считать, что это самая умная статья в нашем словаре. По такому случаю мы перейдём с тобой на Вы, как это принято в научном мире.

Известно ли Вам, уважаемый коллега, что<...>

Важнейшим языковым средством создания интерактивности текста этимологической парафразы является императивность, выраженная глаголами повелительного наклонения, которые Е.В. Селиванова также относит к маркерам интерактивности текста [там же]:

На одну колодку

<...> Привет! Что-то ты засиделся на одном месте. Вставай. Нужно идти. Жизнь – это движение. Куда идти? Только вперёд. Главное – идти. Дорогу осилит идущий. Тем более фразеологическую. <...>

Е.В. Падучева отмечает, что только в жанрах, для которых базовым временем является настоящее время, можно естественным образом имитировать спонтанность порождения текста, поскольку здесь требуется восприятие, синхронное порождению. В жанрах, основанных на прошедшем времени, это приводит к утрате иллюзии реальности [Падучева 2010: 210].

Приведем фрагменты текста этимологической парафразы, иллюстрирующие речевой режим употребления глагольных форм с базовым настоящим временем:

Выйти сухим из воды

*<...> Рассказ о происхождении фразеологизма **выйти сухим из воды** мы начинаем с игры «Верю–не верю». <...>*

Как сквозь землю провалился

*<...> Садимся за компьютер. Одно движение мышью – и мы с тобой во всемирной паутине, которая называется Интернет. Не запутаться бы! Вводим запрос «история происхождения фразеологизма **как (будто, словно, точно) сквозь землю провалился**», нажимаем кнопку «Найти» и – вперед! <...>*

Е.В. Падучева пишет об «особой повествовательной форме», где повествователь – обязательно перволичный – побуждает читателя представить себя непосредственным участником описываемой ситуации; после этого ситуация описывается через воображаемое участие в ней адресата, то есть «читатель ангажируется на роль фиктивного участника описываемой сцены; тем самым он оказывается ее наблюдателем» [Падучева 2010: 211].

В нашем научно-лексикографическом проекте этот внутренний адресат при побуждении автора-рассказчика становится активным исследователем фразеомообразовательного механизма и в какой-то степени даже соавтором словарной статьи. В каждом этимологическом гипертексте авторы-рассказчики предлагают внутреннему адресату определенную роль, помогающую ему раскрыть историю происхождения ФЕ.

При этом нельзя не отметить и лингвокультурологический контекст диалога и «соавторства» автора и внутреннего адресата, которые вместе переносятся в далекое прошлое и в карете царя Алексея Михайловича едут по столбовой дороге в село Коломенское, где находят разгадку происхождения фразеологизма *коломенская верста*, вместе с братьями-коробейниками оказываются на средневековой русской ярмарке (*с три короба*), на деревенской свадьбе помогают варить кашу по старинному рецепту (*заваривать кашу*).

В отдельных интерактивных гипертекстах история происхождения фразеологизмов воспринимается внутренним адресатом на фоне современных культурных реалий России: читатель посещает музей «Русский Левша» в Санкт-Петербурге (*подковать блоху*), поднимается на колокольню «Иван Великий» (*звонить во все колокола*), с самолета ведет фотосъемку реки Волги (*тише воды, ниже травы*), отправляется на экскурсию на Псковский кузнечный двор (*доводить до белого каления*), посещает модный салон (*стричь под одну гребенку*), исторический музей (*как Мамай прошел*), идет в детскую художественную школу, где проходит выставка «Такие разные дома» (*моя хата с краю*).

Успешность восприятия ребенком-читателем этимологического гипертекста, и как следствие осознание и понимание им фразеомообразовательного

механизма во многом зависит от приемов организации диалога с внешним адресатом (реальным читателем). Составитель словаря должен попытаться максимально спрогнозировать возможные трудности в восприятии этимологической информации ребенком и по возможности устранить их.

Ранее мы упоминали о приеме **«контекстной семантизации компонентов ФЕ»**, который используется составителем словаря, когда у него возникает сомнение в наличии у адресата необходимых фоновых знаний и соответствующего уровня владения языком, ведь для наиболее эффективного восприятия учебного текста адресатом, как отмечает П.В. Токарева, крайне важно подготовить мотивационный и информационный контекст, на который «ляжет» новая информация, используя тактики интимизации информации, то есть приближения предмета или понятия к адресату [Токарева 2005: 95].

Так, в рамках оптимизации **информационного контекста** при конструировании этимологических гипертекстов реализуется опора на личный жизненный опыт ребенка: из разговора с мамой в автобусе и рисунков на замерзшем стекле он воссоздает историю происхождения фразеологизма (*садиться не в свои сани*), вспоминает героев мультсериалов (*вольный казак, мерить на свой аршин*), стоит с мамой в очереди за справкой в поликлинике (*откладывать в долгий ящик*), вместе с авторами-рассказчиками пьет чай с коврижками (*ни за какие коврижки*) и др.

Реализуя прием **«мотивационного контекста»**, мы включаем в этимологический гипертекст любопытную, интересную для адресата информацию в ассоциативной привязке к этимологической истории:

Косая сажень в плечах

*<...> Историю происхождения фразеологизма **косая сажень в плечах** мы начнём с одного предания, дошедшего до нас через тысячи лет. Когда персидский царь Кир занял город Приену в Ионии, жители покинули его, унося с собой всё свое имущество. За толпой беженцев с пустыми руками спокойно шёл мудрец Биант. Когда его спрашивали, где его вещи, он, усмехаясь, говорил:*

«Все, что имею, всегда ношу при себе». Он имел в виду своё внутреннее богатство: душевные качества, знания, ум.

А мы бы к этому добавили ещё и меры длины. Ведь в древности человек носил меры длины на собственном теле. <...>

Для организации в учебном этимологическом тексте «мониторинга понимания сообщаемой информации адресатом» [Токарева 2005: 117] мы используем прием **«перманентной проверки и пошаговой коррекции понимания каждой порции этимологического материала»** (например, «развязывание» узелков на клубке ниток по ходу чтения интерактивного текста к фразеологизму *семь пятниц на неделе*). С этой же целью этимологические тексты связаны взаимными отсылками, сквозными сюжетными линиями, включают сопутствующие задания развивающего характера с ответом – математические, лингвистические, природоведческие – способствующие осмыслению этимологической версии:

Во всю Ивановскую

<...> – Какие вы знаете фразеологизмы со значением «очень быстро» и «очень громко»? – спрашивает Валерий Михайлович Мокиенко.

⚙ А мы с этим же вопросом обращаемся к тебе:

Быстро: *во весь ... , во все ... , во всю ...*

Громко: *во весь ... , во всю ... , всё ...*

Если затрудняешься – выбирай слова из нашей бегущей строки-подсказки: *нос, глаз, голос, дух, сила, мощь* (раньше говорили *мочь*), *горло, лопатки, глотка, палец*. *<...>*

Считать ворон

<...> О том, что вороны, действительно, очень умные создания, говорит один удивительный случай, который был отмечен в Японии.

⊙ *Вороны, живущие на территории университетского городка, были замечены на перекрестках автомобильных дорог с грецкими орехами в клювах. Они ждали, пока загорится красный свет, для того чтобы*

→Как ты думаешь, зачем они ждали красный сигнал светофора? Вступи в диалог с текстом, выдвини свои предположения, а потом проверь себя.
<...>

В таких случаях реализуется прием **«совмещения внутреннего и внешнего адресата»**, т.е. **«фиктивного участника описываемой сцены»** и реального читателя, выполняющих специальные «исследовательские» задания, которые приближают их «научному» результату. Так, внутренний адресат-ребенок (адресат-персонаж) становится фразеологическим «ботаником» и узнает у осины причину постоянного дрожания ее листьев (*дрожать как осиновый лист*), реальный же читатель при этом воображаемом присутствии на месте действия получает и реальное задание – найти в лесу осину, рассмотреть строение ее листьев, сфотографировать или зарисовать лист. Получая роль фразеологического кладоискателя, персонаж-адресат находит фразеологический «клад» - подборку пословиц, содержащих народную мудрость о великой ценности семейных отношений (*отрезанный ломоть*), реальный читатель дополняет эту подборку своим материалом, который находит в рекомендуемом сборнике пословиц или в Интернете. Адресат-персонаж становится фразеологическим следопытом, изучая по следам на рисунке количество пробежавших зайцев (*погнаться за двумя зайцами*) – реальный адресат проверяет правильность ответа в специальной рубрике. Адресат-персонаж отправляется в прошлое, где находит разгадку происхождения ФЕ *мерить на свой аршин*, реальный адресат, «фиктивно присутствующий» на месте действия, изготавливает по инструкции картонную линейку длиной в 71 см и производит с ней определенные манипуляции.

Таким образом, интерактивность со стороны адресата выражается в его реакциях на задания текста, на что и указывает Е.В. Селиванова [Селиванова 2011: ЭР].

При этом максимально соответствует читательским ожиданиям использование приема **«предвосхищения реакции адресата»**:

Довести до белого каления

<...> Разогретый (доведенный) до белого каления металл... Не совсем понятно? Ничего страшного, сейчас разберемся. Посмотри, как меняется цвет каления (свечения) металла с увеличением его температуры при нагревании. <...>

Известно, что положительный эмоциональный фон учебной книги способствует лучшему усвоению информации: любая убеждающе-организованная информация должна быть эмоционально заражающей, а не только содержательно-рациональной [Виноградов 1963: 6; Костомаров 1971: 257]. Приведем лишь примеры **открытого эмоционального поощрения** как адресата со стороны авторов-рассказчиков, так и со стороны персонажа-рассказчика:

Дрожать как осиновый лист

<...> Честно говоря, я впервые встречаю таких любознательных юных фразеологов. Обычно ко мне подходят, убеждаются, что мои листья дрожат, – и сразу уходят довольные, так и не узнав окончательной отгадки, которую я по секрету сейчас раскрою только тебе. <...>

Хоть кол на голове теши

<...> Реши задачу. Сколько кольев купил и обтесал новым топором старик, если ему нужно было подвязать 20 яблонь в своем саду, 20 яблонь в саду отца своего сына, 20 яблонь – в саду дедушки своего внука? Ответ впиши в текст вместо пропуска.

- Если у тебя получилось 20 кольев, ты – молодец! <...>

В целом, реализация категории диалогичности в этимологическом гипертексте «основана на сложном согласовании голосов разных персонажей друг с другом и с голосом повествователя» [Падучева 2010: 207]. По этому принципу строятся многие этимологические парафразы. Так, в статье «Писать как курица лапой» в своеобразный гипертекстовый полилог включаются авторы-рассказчики, персонаж-рассказчик из русской народной сказки – Курочка Ряба, ее секретарь Вова Иванов, у которого проблемы с чистописанием, внутренний адресат-ребенок, внешний адресат, выполняющий задания по чистописанию. В

статье «Каши просят» автор-рассказчик и внутренний адресат-ребенок становятся свидетелями утренней сцены завтрака (мама кормит дочку нелюбимой кашей), художник, также слышавший их разговор, изображает ситуацию некорректного буквального употребления фразеологизма. В статье «Смотреть (глядеть) со своей колокольни» внутренний адресат получает от авторов-рассказчиков соответствующие инструкции и «прослушивает аудиозапись» разговора между горой и колокольней, который подводит его к разгадке происхождения фразеологизма.

Такова группа текстоорганизующих приемов, позволяющих в соответствии с общим тактическим замыслом составителя строить лексикографический интерактивный гипертекст этимологической зоны словарной статьи в формате диалога «автор-адресат».

3.3.2. Сюжетно-композиционные приемы реализации игрового начала этимологической парафразы

Реализация игрового начала этимологической парафразы опирается на следующие теоретические положения:

- Игровая доминанта⁵⁰ в данном случае служит основным способом развертывания и прочтения текстового нарратива, организует его элементы в определенную игровую систему. Выстраивая такую систему, автор, по мнению Н.Н. Большаковой, преследует цель вовлечь читателя в игру, активизировать его творческие и интеллектуальные способности, побудить его искать вплетенные в ткань произведения загадки и учиться разгадывать их [Большакова 2007: 62].
- Языковая игра на уровне текста рассматривается как отражение языковой личности автора: игра делает текст личностно маркированным, придает ему субъективность [Залесова 2007].

⁵⁰ Под доминантой понимается «главенствующий приём, необходимый для создания художественного целого» [Доминанта 1930: ЭР].

- В современной поэтике игра понимается как авторская стратегия, задающая определенный ракурс диалогу «автор – читатель» и преследующая цель вовлечь читателя в игру, активизировать его творческие и интеллектуальные способности, побудить его искать вплетенные в ткань произведения загадки и учиться разгадывать их [Большакова 2007: 62]. Данная авторская стратегия включает широкий спектр приемов, к которым относятся скрытые аллюзии, разнообразные «шифры», неочевидные возможности прочтения, ложные, уводящие читателя «в сторону» ходы сюжета и др. Данные приемы приближают произведение к тому или иному типу игры, уподобляя его игре-загадке, игре-соревнованию (автор «состязается с читателем, например, скрывая от него подлинное направление развития сюжета»), комбинаторно-конструктивной игре (читатель должен «сконструировать» произведение в процессе чтения, приняв во внимание все скрытые тонкости его формальной организации), игре случая (читатель выбирает между вариантами чтения, полагаясь на случай) и т.п. [Поэтика 2008: 76-77].

- Зашифрованные в игровом тексте загадки обеспечивают эмотивно-положительный результат восприятия материала: читатель получает удовольствие в процессе дешифровки текста, к которому вполне применимо высказывание Р. Барта: «Текст – это объект-фетиш, и этот фетиш *меня желает*. Направляя на меня невидимые антенны, специально расставляя ловушки (словарный состав произведения, характер его референций, степень занимательности и т. п.), текст тем самым меня избирает...» [Барт 1989: 483]. Читателя такого текста «активизируют, мистифицируют, вовлекают, дразнят, шельмуют», автор расставляет для него «ловушки», намеренно сообщает информацию, достоверность которой сомнительна, или же что-то утаивает, и тогда реципиент должен «учиться выискивать скрытый смысл по намекам и недомолвкам» [Рахимкулова 2004: 17].

В рамках интерактивной этимологической парафразы информация о происхождении ФЕ также облечена в форму познавательной игры, построенной таким образом, что механизм фразеомообразования не только прослеживается во

всех его фазах, но и моделируется читателем, например, при использовании текстоорганизующего игрового приема **«интерактивного моделирования прототипической ситуации»**, участником которой становится читатель.

Проследим за «работой» приема на примере этимологической репрезентации фразеологизма *мерить на свой аршин* в игровом гипертексте словарной статьи.

*<...> Для начала небольшая историческая справка. Старинное слово **аршин** имело в русском языке два значения:*

1). Мера длины, равная 71 сантиметру (см), которая использовалась на Руси до 1918 г. 2). Линейка длиной в 1 аршин (71 см)

*А теперь и без наших объяснений легко догадаться: чтобы разобраться в происхождении фразеологизма **мерить на свой аршин**, нужно будет что-то измерять линейкой длиной в 71 см, то есть аршином.*

*Говоришь, у тебя нет своего аршина? А тебе нужен именно СВОЙ, потому что во фразеологизме **мерить на СВОЙ аршин** есть это слово? Не переживай, будет у тебя свой аршин. <...>*

(Далее адресату предлагается изготовить «инструмент» исследования истории фразеологизма – картонную модель линейки-аршина).

<...> Готово? Итак, бери свою модель аршина и пошли что-нибудь измерять. Раз аршин – старинная русская мера длины, то и ответ мы будем искать в прошлом нашей страны. Бери свою линейку-аршин. Мы вместе с братьями Иваном, Степаном и Федором из словарной статьи «С три короба» отправляемся на базар. Пока братья-коробейники расхваливают свой товар, мы с тобой зайдем в лавку с тканями. На прилавке лежит аршин. На первый взгляд такой же длины, как и твоя линейка. Доверяй, но проверяй. Приложи свою линейку в 71 сантиметр к аршину продавца тканей. Вот тебе раз! Его аршин оказался длиной 70 сантиметров! Теперь измерим аршин у торговца лентами. Смотри-ка, тоже не 71, а всего 69 сантиметров. Оказывается, у каждого продавца свой аршин! <...>

Разоблачив недобросовестных торговцев, автор обращает внимание читателя на покупателей, еще раз актуализируя внутреннюю форму фразеологизма, а затем раскрывая механизм фразеомообразования:

<...> – А что же покупатели? – А смотри, чтобы их не обманывали, каждый подходит к лавке со своим аршином. В итоге – все меряют своими аршинами – и продавцы, и покупатели.

Вот теперь все встало на свои места:

*– В основу нашего фразеологизма положен исторический факт: несколько столетий назад недобросовестные торговцы обманывали покупателей, измеряя товар (ткани, ленты) своими уменьшенными аршинами – деревянными линейками. Со своим аршином приходили в лавку и покупатели, которые не хотели быть обманутыми. Понятно, что и результат измерения у каждого был свой. Отсюда и переносное значение выражения **мерить на свой аршин** – «судить о чем-то со своей точки зрения, односторонне». <...>*

Учитывая выявленную Д.А. Щукиной методологическую значимость пространства как семантически организующей категории текста [Щукина 2004] и опираясь на понимание ономастического ономастического пространства, предлагаемое В.И. Супруном [Супрун 2000], мы используем текстоорганизующий прием **«моделирования игрового ономастического пространства»** словаря, которое включает топонимы (город Фразеологинск), эргонимы и идеонимы (радиоканал «Спортивно-фразеологический», сайт «Фразеологический»), антропонимы (имена рассказчиков фразеологических историй: мастер Профи, инженер Сантиметренко, повар Сгущёнкин, экскурсовод Раскопкин), и др. с семантически обнаженной, «говорящей» внутренней формой. Такие номинации способствуют возникновению у младшего школьника дополнительной мотивации к осознанию культурно-значимых сфер, к которым восходят фразеологизмы.

Так, инженер Сантиметренко рассказывает о фразеологизмах, связанных со старинными мерами длины (*мерить на свой аршин, семи пядей во лбу*), мастер Профи помогает освоить фразеологизмы, связанные с профессиональ-

ной сферой (*попасть впросак, тянуть канитель*), экскурсовод Раскопкин знакомит с фразеологизмами, происхождение которых связано с историей нашей страны (*как Мамай прошёл, Коломенская верста, отложить в долгий ящик*), повар Сгущёнкиным объясняет историю происхождения фразеологизмов, связанных с русской кухней и традиционной пищей (*тертый калач, седьмая вода на киселе*).

Заметим, что в данный игровой прием, реализуемый на антропонимическом материале, можно квалифицировать и как прием **«персонаж-рассказчик»**, используемый в формате диалога «автор – адресат».

С текстовой категорией диалогичности сопрягается и такой специфический игровой прием фразеологического парафразирования, как **«персонификации образного стержня фразеологизма»**, когда «прототипический персонаж»-рассказчик (им может быть животное, бытовой предмет, музыкальный инструмент и т.п.) в занимательной форме раскрывает фразеологический образ и подводит читателя к осознанию механизма развития фразеологического значения. Привлечение такого «авторитетного» рассказчика придает особую убедительность этимологической истории, как, например, в словарной статье «Заводить волынку», где о своих конструктивных особенностях и качестве звучания рассказывает волынка, или в словарной статье «Вить верёвки», где этимологическую версию излагают две подружки-веревки, а также: «Конь не валялся» (персонаж-рассказчик – Конёк-горбунок), «Первая ласточка» (персонаж-рассказчик – ласточка из сказки Г.Х. Андерсена «Дюймовочка») и т.п.

«Авторитетный» персонаж-рассказчик появляется в этимологическом гипертексте и при использовании игрового приема «персонификации реалии, предмета, ассоциативно связанных с образным стержнем фразеологизма»:

Без году неделя

<...> – Здравствуй, давай знакомиться! Я – отрывной календарь. Извини, что у меня, твоего первого рассказчика, такой неопрятный вид. Это я так своими листочками-мозгами шевелил, пока с фразеологизмом без году неделя разбирался. Вот и поистрепался. <...>

Похож как две капли воды

<...> – Хочешь взять у меня интервью? Пожалуйста. Только не знаю, смогу ли я рассказать тебе что-нибудь интересное.

Нет ничего скучнее, чем жизнь капающего крана. Ну вот, смотри: кап ...кап-кап ... И что? Капли-то все одинаковые! Скукотища! Пробовал ли я их считать? Ну, конечно: 10 капель в минуту. Всё равно скучно! А так хочется быть полезным кому-то! Вот сейчас постараюсь помочь тебе с новым фразеологизмом разобраться...<...>

Целый ряд сюжетно-композиционных приемов, свойственных не только этимологической парафразе, но и целому ряду других текстовых построений, в привязке к фразеологическому материалу и его игровой этимологической интерпретации приобретает особую функциональную нагрузку.

Как показывает материал, при игровой лексикографической репрезентации процессов фразеомообразования целесообразно обратиться к потенциалу композиционной (развернутой) метафоры, «реализующейся на уровне текста» [Арнольд 1990: ЭР]. В нашем случае это игровой прием **«использования метафоры на уровне учебного этимологического гипертекста»**.

В.П. Москвин указывает, что носителем композиционной (развернутой) метафоры является группа ассоциативно (например, тематически) связанных единиц [Москвин 2007: 607].

В рамках этимологической парафразы ассоциативно связанными могут быть единицы, тематически близкие одному из компонентов фразеологизма, в том числе в его прототипическом значении. На них базируется целостный ассоциативный контекст сюжетно-композиционной метафоры при этимологизации фразеологизма. Так, в словарной статье «Нести околесицу» метафорическая репрезентация фразеомообразовательного анализа как регулирования дорожного движения строится на тематических ассоциациях с компонентом *околесица*. Приведем элементы ассоциативного контекста, поддерживающие эту сюжетно-композиционную метафору:

<...> Сейчас мы с тобой становимся регулировщиками фразеологического дорожного движения. Для начала на дороге, ведущей прямо к истории происхождения фразеологизма *нести окоlesiцу (околесину, околесную)*, мы устанавливаем два дорожных знака. (Рисунки знаков «Дорожные работы» и «Круговое движение»). <...>

<...> На дороге к нашему фразеологизму идут работы и всем, кто захочет узнать его историю, придется добираться вкруговую. Но нам-то как раз это и нужно, потому что...<...>

<...> Пока у нас на дороге всё чётко. Ни одной фразеологической аварии. <...>

<...> Нам, как регулировщикам высокого класса, поручено сопровождать наш фразеологизм по дороге, ведущей вглубь истории нашей страны и нашего языка. <...>

<...> Продолжаем направлять фразеологический транспорт по окольной дороге. <...>

<...> Давай попробуем «очистить движение»: выстроим все выражения в один ряд...<...>

<...> Да мы с тобой просто профессиональные регулировщики! <...>

При интерактивной этимологизации фразеологизма *нести окоlesiцу* композиционную метафору «регулирования дорожного движения» поддерживает и фигурный текст, который В.П. Москвин определяет как текст, произведенный посредством фигурной записи, под которой понимается прием расположения графем, слов, фраз и других фрагментов текста в такой форме, которая образует отвечающий его содержанию рисунок. Такой рисунок, реализуя принцип иконической номинации, становится графическим дубликатом словесного образа [Москвин 2007: 791; 795]. Так, в рассматриваемой словарной статье фраза «происхождение слов “окоlesiца”, “околесина” и “околесная” связано со словами “колесо”, “около”, “окольный” и первоначально означало окольную дорогу, окольный не прямой путь» – оформлена в виде фигурного текста, представляющего собой окружность.

Сюжетно-композиционная метафора этимологической парафразы может строиться и на ассоциации с особенностями механизма фразеомобразования. Так, сложный процесс образования фразеологизма *заморить червячка*, включающий этапы заимствования и контаминации с семантическим переосмыслением моделируется в сюжетно-композиционном метафорическом формате как приготовление «фразеологического салата».

Приготовление салата, как и любого блюда, начинается с мытья рук. (Здесь реализуется и воспитательный момент.) Ребенку, который утверждает, что руки у него чистые, предлагается рассмотреть их под микроскопом. (Дается фотография пальца под микроскопом).

<...> Ой, мамочки! Это что за чудовище? – Извини, но это кончик твоего пальца со множеством яиц глистов (гельминтов) <...>.

Здесь вполне уместны ненавязчивые профилактические советы, которые заканчиваются фразой *Теперь ты знаешь, что нужно делать, чтобы не было глистов*.

А вот раньше глисты были почти у всех. Ребенок сам устанавливает причины этого печального факта: в те давние времена не было микроскопов, не было хорошего мыла. И тут логичен следующий «этимологический ход»:

*<...> Да, трудно было жить в таких антисанитарных условиях. И поэтому существовало поверье: если выпить натощак немного спиртного (водки, вина), то можно избавиться от глистов, убить их. Это поверье, а заодно и выражение **убить червя (червячка)** русские заимствовали у французов.*

*Вот мы с тобой незаметно и приблизились к разгадке происхождения нашего фразеологизма – подготовили для фразеологического салата один ингредиент - французский оборот **убить червя (червячка)**– «выпить натощак рюмку водки или вина». Давай поместим это выражение во фразеологическую салатницу.*

В ходе наблюдения за тем, как дальше складывалась история фразеологизма *заморить червячка*, читателю предлагается выделить обратить внимание

на второй его компонент - исконно русское слово *заморить*. Понять его значение помогают однокоренные слова: *морить, уморить, умереть, смерть*.

<...> Когда русский человек, слегка перекусывая, утолял голод, он говорил: «**Заморил голод**», «**Заморил выть**» (здесь дается сноска: *это слово и сейчас в некоторых регионах России означает голод, аппетит*). Эти выражения, связанные с представлениями о голоде, мы добавим в нашу виртуальную салатницу. Они являются вторым историческим ингредиентом фразеологического салата под названием «Заморить червячка».

Текстообразующая метафора срабатывает и на следующем этапе этимологизации:

<...> Осторожно перемешиваем ингредиенты нашего салата. Именно так все и происходило на протяжении многих лет, когда заимствованное из французского языка выражение **убить червя (червячка)** – «выпить натошак спиртного» и русское **заморить голод (выть)** – «перекусить, утолить голод» жили бок о бок и постоянно соприкасались в языке. В результате – французский образ **червячка** объединился с русским глаголом **заморить**, стерлось значение «выпить натошак спиртного» и закрепилось – «слегка перекусить».

В итоге, когда «историко-фразеологический салат» готов, читателю предлагается передохнуть, может быть, даже слегка перекусить, а точнее – заморить червячка (репрезентация фразеологизма в современной речи), и представить историю фразеологизма в виде схемы:

Убить червя (червячка)		заморить голод (выть)		заморить червячка
⇓		⇓		⇓
«выпить натошак спиртного» (из франц. яз.)	+	«перекусить, утолить голод» (исконно русск.)	=	«слегка перекусить, чтобы смягчить острое чувство голода»

Сюжетно-композиционный тип игры, как отмечает О.А. Корниенко, включает различные варианты «запутывания» сюжета, «ложные», уводящие в сторону ходы, варианты «двойных» развязок и прочтений, отчасти соотносимых с семантикой «возможных миров», которые не функционируют обособ-

ленно, а в силу целостности литературного произведения находятся в системе корреляций [Корниенко 2009: 437]. На этом принципе базируется композиционный прием **«запутывания сюжета»**, при помощи которого могут формироваться различные элементы сюжета этимологической парафразы, например, завязка этимологического текста, как в приведенном ниже фрагменте словарной статьи «Без царя в голове», где обыгрывается известная фотография Альберта Эйнштейна с высунутым языком:

<...> Если ты думаешь, что мы поместили в качестве иллюстрации фотографию глупого человека, то ты ошибаешься. Это Альберт Эйнштейн – гениальный ученый, выдающийся мыслитель XX века, лауреат Нобелевской премии, физик-теоретик, создатель «теории относительности». Просто он был большим шутником. И ещё очень-очень много знал и повидал на свете. Поэтому его словам можно верить: «Только две вещи бесконечны: космос и человеческая глупость». А ученые-фразеологи установили, что во всех языках мира фразеологизмов, обозначающих умного человека, в десятки раз меньше, чем фразеологизмов, высмеивающих глупцов. С одним из таких оборотов мы сегодня и познакомимся. <...>

Сюжетно-композиционный прием **«двойного прочтения»** используется при конструировании креолизованного этимологического гипертекста. В современной лингвистике креолизованный текст определяется «как особый вид паралингвистически активного текста» [Удод 2013: ЭР]. Е.Е. Анисимова характеризует подобные тексты как особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее комплексное прагматическое воздействие на адресата [Анисимова 2003: 71]. Н.С. Валгина пишет, что в креолизованном тексте между вербальными и паралингвистическими элементами устанавливаются синсемантические отношения и само изображение выступает в качестве облигаторного (обязательного) элемента текста [Валгина 2003: ЭР], что можно проиллюстрировать материалом этимологической парафразы, включенной в словарную статью «Тянуть канитель»:

<...> Что тянуть-то нужно? Канитель? Одно только плохо: мы не знаем, что это такое. Давай пока попробуем что-нибудь другое потянуть. Ты что предлагаешь? Репку?

С тех пор, как сказочные герои ее когда-то вытянули, произошли большие изменения. Мышка, став кинозвездой, уехала в Голливуд сниматься. Бабка, внучка, Жучка и кошка теперь в городе живут. Ну, а дед посадил новую репку, и выросла она больше прежней! Только теперь и проблем с ней стало больше. Дорога от города до деревни – яма на яме, гора на горе. Пока Бабка, внучка, Жучка и кошка добивались, пока мышку из Америки дожидались, пока мы с тобой подошли, она еще подросла.

Вот и размышляем теперь, как мы эту репку будем во двор заносить – через дырку в заборе протащим или через весь огород к калитке покатым.
<...>

На представленном ниже рисунке, напоминающем топографическую карту, изображена напоминающая нитку петляющая дорога, ведущая от города через огород прямо к дырке в заборе-частоколе, которая очень похожа на ушко иголки.

<...> – Да заканчивайте вы канитель тянуть! С простой репкой почти месяц разобраться не можете! – это мастер Профи к нам подошёл.

*– А мы это не просто так делаем, а чтобы проиллюстрировать значение фразеологизма **тянуть канитель** – «затягивать, замедлять какое-то дело». Только вот не понятно, как это фразеологическое значение возникло. Вот если бы знать, что такое **канитель**!*

– Так она перед вами! Вот лежит.

Посмотрели мы внимательно на рисунок и увидели ... иголку с ниткой! Ну и давай вдевать нитку в ушко иголки. А ниточка-то тонкая-тонкая и не простая, а золотая! <...> Далее рассказчик - мистер Профи излагает историю происхождения данного фразеологизма, связанного с процессом изготовления канители.

К игровым приемам сюжетно-композиционного уровня этимологического гипертекста относится **«персонажная путаница»**, восходящая к приему «Qui pro Quo» («кви про кво» - лат. букв. «кто вместо кого») и заключающаяся в том, что одно лицо, вещь или понятие принимают за другое [Корниенко 2009: 436].

Результатом этимологизации фразеологизма *без царя в голове* с помощью приема **«персонажной путаницы»** является интерактивный креолизированный текст, где в качестве конструктивного лексикографического средства выступает рисунок-перевертыш «Царь – Иван-дурак» с эффектом оптической иллюзии.

Сначала на рисунке-перевертыше ребенок видит сказочного царя, который рассказывает о своих научных открытиях и изобретениях.

*<...> - Говоришь, что я очень умный? Так на то я и царь. Всё же не зря в старину на Руси люди сопоставляли **УМ** в голове с самым главным человеком в государстве – **ЦАРЁМ**! Вот и пословица об этом говорит: **Свой ум – царь в голове**. Поэтому мне по должности дураком быть не положено. Хотя, постой. Открою тебе один секрет. Я же не сразу царём стал. А кем я до этого был? – Переверни моё изображение и увидишь.*

*– Да-да, перед тобой Иван-дурак! Можешь не сомневаться! Кому же, как не мне рассказывать о нашем фразеологизме? Ведь если об умном человеке говорили **с царём в голове**, то о глупце, о дураке – **без царя в голове**. Короче, я Иван **Без царя в голове**. Хотя тебе, наверное, известно, что на самом деле не такой уж я и дурак, раз в конце сказки всегда становлюсь царём. ☺*

Таким образом, в текст этимологической парафразы вписывается и лингвокультурологическая информация об известном фольклорном персонаже, по имени Иван.

Интерактивности этимологической парафразы способствует и игровой сюжетно-композиционный прием **«секретный персонаж»**.

Так, «секретным персонажем» в словарной статье «Коломенская верста» выступает жираф, который появляется в конце интерактивного этимологического гипертекста, на всем протяжении которого средствами креолизации представлена лишь его длинная шея. Этот «секретный персонаж» помогает связать

историю происхождения ФЕ и его современное употребление, подвести читателя к выводу о развитии фразеологического значения:

<...> О! Смотри, здесь чьи-то ноги, а это, оказывается, шея! Аж целых четыре страницы тянется! Оказывается, всю эту словарную статью с нами был кто-то еще.

*– Не бойтесь, это я, жираф. Заглянул в эту словарную статью, чтобы побольше узнать про фразеологизм **коломенская верста**. Хотя я и не человек, но у нас, в царстве животных, все называют меня коломенской верстой. Я не обижаюсь, ведь, действительно, я сейчас самое высокое животное в мире. Одна шея чего стоит – 2 метра. А в целом мой рост достигает 6 метров. Это высота двухэтажного дома. <...> (Далее следует вывод о развитии фразеологического значения).*

Конструктивен и игровой прием «**комбинации жанров**» или «**жанровой эклектики**»: в этом случае парафраза объединяет разножанровые фрагменты, если определенные жанры текста представляющиеся оптимальными для построения этимологической конфигурации, раскрывающей внутреннюю форму ФЕ. Так, например, в словарную статью «Выводить на чистую воду» включается подборка микротекстов в жанре объявления:

*<...> Установить историю происхождения фразеологизма **вывести на чистую воду** тебе помогут объявления в рекламной газете:*

- *Продаю отличные рыболовные снасти: удочку и крючки. С их помощью рыбу легко будет вывести на чистую, открытую воду, чтобы она не сорвалась с крючка, запутавшись в траве или корягах. Потомственный рыбак.*
- *Приходите, не пожалеете! Предсказываю судьбу. В чистой воде покажу вам образ будущего жениха. Могу узнать виновного в чём-нибудь. Так все гадали в нашей деревне: моя бабушка, прабабушка и прапрабабушка. Недорого. Старая гадалка. <...>*

Специфика игровых текстов заключается в том, что игровые манипуляции затрагивают все уровни организации этих текстов и выходят за их пределы, принимая вид интертекстуальной игры. При этом, по данным Н.Н. Большако-

вой (на основе анализа игровой поэтики литературной сказки), все формы игры можно разделить на два основных типа: игру в пространстве текста (включающую языковую игру, а также игру с формой текста) и интертекстуальную игру [Большакова 2007: 8].

Г.Ф. Рахимкулова считает, что интертекстуальность и пародийность в игровом тексте выполняют функцию основного принципа построения повествования и заключаются в том, что «вся предшествующая великая литературная традиция мировой культуры становится в нем объектом обыгрывания и пародирования...». [Рахимкулова 2004: 19]. А.М. Люксембург пишет о текстовом плюрализме, который заключается в частом использовании автором такого приема композиционного построения игрового текста, как «текст в тексте», и необходимости распутывания читателем «этой мультитекстовой мозаики» [Люксембург 1999: ЭР].

При конструировании игрового интерактивного этимологического гипертекста используются сюжетно-композиционные приемы, основанные на таких формах интертекстуальных включений, как цитация, скрытая цитация, аллюзия, реминисценция, мотив, интерпретация тем и сюжетов и т. д. [Сидоренко 1999; Мокиенко, Сидоренко 1999]. Это позволяет усилить культурный фон словарного текста, что обеспечивает вхождение читателя в общий контекст русской культуры.

Так, в словарной статье «Ни кола ни двора» посредством приема **«переработки тем и сюжетов»** этимологическая парафраза строится на развитии сюжета «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина: осознавшая свои ошибки Старуха (персонаж-рассказчик) «приходит» в словарную статью, чтобы поделиться своим жизненным опытом и рассказать о происхождении фразеологизма **ни кола ни двора**:

<...> - Зачем я сюда пришла? - Так мне идти-то некуда. У меня ведь ни кола, ни двора. В смысле ничего нет: ни своего жилья, ни хозяйства. Только одно разбитое корыто и осталось.

Нет, я не собираюсь на жалость давить и на Пушкина всё сваливать. Сама во всём виновата. Просто хочу, чтобы молодёжь моих ошибок не повторяла и с новым фразеологизмом познакомилась. <...>

В другой этимологической парафразе известный сказочный персонаж Иван – крестьянский сын, заказывает в кузнице меч-кладенец и получает его вместе с этимологической версией ФЕ *доводить до белого каления* и перспективой развития сказочного сюжета:

<...> Кузнец: Итак, Ванюша, приступаю к выполнению твоего заказа. Чтобы меч получился очень прочным, нужно сначала в специальной печи сильно разогреть металл. Смотри, как при нагревании меняется его цвет: 550° градусов – тёмно-коричневый, 680° – тёмно-красный, 770° – вишнёвый, 900° – ярко-красный, 1000° – жёлтый, 1300° – белый. (Здесь используется цветовое оформление соответствующих элементов текста). Раскалив металл добела, я огромными щипцами кладу его на наковальню. <...>

*<...> Вот и получается, что выражение **доводить до белого каления** пришло из речи кузнецов. Оно основано на сравнении разгневанного человека с раскаленным металлом, цвет которого меняется по мере нагревания: от тёмно-коричневого до белого.*

<...> А тебя-то, Ванюша, Змей Горыныч, наверное, частенько доводит до белого каления? Только ты ему голову отрубишь, так у него сразу новая вырастает! Ну, с мечом-кладенцом такой номер не пройдет! Вот, возьми. (Рисунок меча) А Змею от меня привет. Если захочет шлемы заказать сразу на все свои головы – пусть обращается.

Лиса (персонаж народной сказки «Лиса и журавль») в развитии сюжета сказки хочет извиниться перед журавлем:

*<...> - Ну да, за ту кашу, размазанную по тарелке. Хотела пошутить, да как-то не очень смешно получилось. А ведь могли бы дружить! Вот я и прибежала в эту словарную статью перед журавлем извиняться, а **журавль в бебе** фразеологизмом оказался!*

Узнав историю происхождения ФЕ и усвоив ее значение, Лиса употребляет оборот, рассказывая о своей заветной мечте – слетать в космос, как две ее знакомые собачки (культурно-историческая реминисценция – собаки Белка и Стрелка).

Чаще прием **реминисценции** при построении этимологической парафразы реализуется на материале фольклора и произведений детской литературы. Так, фразеологизм *вверх тормашками* в словаре представляет «рекламный агент» - летучая мышь, естественное положение которой – повиснуть вниз головой, т.е. вверх тормашками. В конкурсе «Вверх тормашками» она побеждает других сотрудников рекламного агентства, которые и представлены текстовыми реминисценциями, например, Буратино (Алиса и кот Базилио подвесили его на дерево вверх тормашками), Лягушка-путешественница:

<...> Летучая мышь: *Всеволод Гаршин в своей сказке так и пишет об этой героине: она «полетела вверх тормашками на землю». Однако из-за хвастовства жюри ей всё же снизило оценку. Вы не представляете, как я переживала! Ведь у меня тоже есть недостатки. Вспомнить хотя бы сказку Льва Толстого «Летучая мышь», где я себя проявила не с самой лучшей стороны. И всё-таки я победила. И, знаете, почему? Я лучше всех рассказала историю происхождения фразеологизма вверх тормашками. Вот, послушайте: <...>*

В приведенном выше фрагменте этимологической парафразы представлен и интертекстуальный прием **прямого цитирования**. Он может использоваться как для репрезентации речевого употребления ФЕ в этимологизирующей или иллюстративной части словарной статьи, так и непосредственно для сюжетно-композиционной организации этимологической парафразы, например, при формировании завязки сюжета, как в приводимом ниже примере, где цитируется детская считалка:

<...> Дед Мазай: *Ты правильно сделал, что за историей происхождения фразеологизма погнаться за двумя зайцами пришёл ко мне, а не к охотнику. Я даже знаю, с чего бы охотник начал свой рассказ:*
– Раз, два, три, четыре, пять,

*Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф – паф! Ой-ой-ой ...⁵¹*

Ну ладно, ладно, продолжать не буду. История известная. А если бы зайцев было два? Смог бы тогда охотник поймать хоть одного? Сомневаюсь. Так бы и метался туда-сюда, туда-сюда: то за одним, то за другим, то за одним, то за другим. Видал я таких охотников! Когда в конец измотаются за двумя-то зайцами бегать, махнут рукой, да так и побредут домой ни с чем <...>

Цитацию народной песни в той же функции проиллюстрируем фрагментом словарной статьи «Как с гуся вода»:

*<...> – Га-га-га! – в переводе с гусяного языка на русский это означает:
«Жили у бабуси
Два веселых гуся:
Один серый,
Другой белый –
Два веселых гуся».*

*Почему мы всегда весёлые? А чего нам грустить, если мы из воды всегда выходим сухими и эта наша особенность даже вошла во фразеологизмы?! С одним из них – **как с гуся вода** – мы тебя прямо сейчас и познакомим. <...>*

В целях этимологического парафразирования могут цитироваться и перерабатываться и такие тексты, как логические задачи-игры, например, игра «Да-Нет» на разгадывание ситуации, в данном случае – построенной на метафорическом образе фразеологизма:

Хоть топор вешай

<...> А теперь беги скорее во двор! Там ребята постарше начинают играть в игру, которая приблизит нас к разгадке фразеологического образа. Игра называется «Да-Нет». Один из игроков предлагает какую-нибудь логическую

⁵¹ Автором этой считалки является поэт Ф.Б. Миллер (1818-1881).

задачу, а остальные должны её решить, задавая ведущему вопросы, на которые можно отвечать только «Да» или «Нет».

- Человек открыл окно и умер. Что произошло?
- Человека убили? – Нет.
- Человек повредил себе что-нибудь, открывая окно. – Нет.
- Это был несчастный случай? – Да.
- Был ветер? Погода имеет значение? – Нет.
- Потолок обвалился? Люстра упала? – Нет.
- Карниз? Цветочный горшок с полки? – Нет.

(А мы-то ответ знаем. Его будешь знать и ты, когда прочитаешь эту словарную статью. Но послушаем, что скажет ведущий, которого уже утомили неправильные ответы.)

- Ну что, сдаётесь? – Топор! Топор упал на человека. В комнате было накурено – **хоть топор вешай**. Окно открыли - комната проветрилась, и топор упал.

Ты, конечно, понимаешь, что на самом деле такого произойти не могло. В задаче специально обыгрывается выражение **хоть топор вешай**: в помещении, где сильно накурено, воздух становится таким плотным, что, кажется, он способен удержать даже топор. <...>

Таким образом, текстоорганизующие приемы этимологической парафразы можно подразделить на диалогообразующие («автор-адресат»), и сюжетно-композиционные. Их комплексное использование обеспечивает интерактивность лексикографического гипертекста и расширяет возможности реализации лингвокультурологического подхода в учебной фразеографии.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Таким образом, интерпретация процессов фразеомообразования приобретает в учебной фразеографии особую значимость как способ репрезентации этнокультурно детерминированной образной номинации.

Проанализировав жанровые особенности этимологической справки и конкретные механизмы этимологизации ФЕ в учебных словарях, можно сделать вывод о том, что в отечественной учебной фразеографии наметились определенные алгоритмы (модели) этимологизации фразеологизмов, однако этимологические комментарии многих проанализированных словарей пока далеки от совершенства.

Предлагаемый нами дискурсивный подход к конструированию словарной статьи позволяет использовать речевую тактику этимологического парафразирования, посредством которой на базе научной версии происхождения фразеологизма мы конструируем вторичные тексты, интерпретируя этимологическую версию применительно к условиям учебной коммуникации. Такая этимологическая парафраза является лексикографической моделью процесса фразеомообразования.

Речевая тактика этимологической парафразы реализуется в системе коммуникативных ходов парафразирования – специальных приемов, используемых лексикографом с целью репрезентации процесса фразеомообразования адресату словаря. Результатом данного «дискурсивного» конструирования является интерактивный этимологический учебный гипертекст.

Коммуникативные ходы этимологизации мы подразделяем на интерпретационные (собственно этимологизирующие) и текстоорганизующие. Первые – раскрывают непосредственно механизм фразеомообразования, и в основном закреплены за определенным тропеическим типом ФЕ. Таким образом, этимологическая репрезентация ФЕ в определенной степени алгоритмизируется, а алгоритмы строятся с учетом конкретных механизмов фразеомообразования (для удобства алгоритмизации ФЕ объединены в тропеические блоки). Так, для эти-

мологизации ФЕ метафорического блока мы предлагаем использовать такие интерпретационные приемы, как «экспликация сходства» и «восстановление сравнения», для компаративных фразеологизмов – приемы «семантическое уравнивание», «обоснование выбора объекта сравнения», «приведение тропа к КАК-конструкции», «возведение в степень», «экспериментального моделирования УС», для ФЕ контигуального блока - приемы «экспликация смежности» и «моделирование переноса по смежности», для ФЕ парадоксального блока – приемы «псевдодоказательства от противного», «семантической градации», «контрастного переосмысления», «приведения оксюморона к нулевой ступени», «восстановления реальной картины мира», «обыгрывание семантического оператора», «плюс повтор», «минус повтор», прием «исключенного третьего», для ФЕ усилительно-увеличительного блока - «прием контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета».

Общими для ФЕ различных тропеических блоков являются такие интерпретационные приемы этимологизации, как контекстная семантизация компонентов ФЕ, обыгрывание буквального значения прототипа ФЕ.

Текстообразующие приемы этимологической парафразы можно подразделить на диалогообразующие («автор-адресат») и сюжетно-композиционные.

Первые связаны с репрезентацией текстовых категорий субъективности и адресованности. Категория субъектности в этимологическом интерактивном гипертексте реализуется за счет лексикографических приемов «автор-рассказчик» и «персонаж-рассказчик». Спецификой реализации категории адресованности является эффект «присутствия» как внутреннего адресата, так и внешнего, что способствует возникновению двойного диалога.

Успешность восприятия этимологического гипертекста во многом зависит от приемов организации диалога с внешним адресатом (реальным читателем), среди которых – приемы мотивационного и информационного контекста, прием перманентной проверки и пошаговой коррекции понимания, прием предвосхищения реакции адресата, открытого эмоционального поощрения адресата.

Сюжетно-композиционные приемы построения интерактивной этимологической парафразы позволяют реализовать ее игровое начало (прием интерактивного моделирования прототипической ситуации, прием моделирования игрового ономастического пространства, прием использования метафоры на уровне гипертекста, прием запутывания сюжета, прием двойного прочтения, прием жанровой эклектики). С этой же целью в рамках этимологического парафразирования широко используются различные приемы интертекстуализации: цитация, реминисценция, переработка тем и сюжетов и др.

Результатом этимологического парафразирования становятся своего рода этимологические конфигурации, которые в своей совокупности составляют учебный интерактивный гипертекст этимологической зоны словарной статьи.

Для учебного толково-этимологического словаря представляется оптимальной двухуровневая конфигуративная структура этимологической парафразы. Этимологическая конфигурация 1-го уровня представляет собой резюме – краткий вывод о происхождении фразеологизма. Ему предшествует более пространное описание процесса фразеомообразования – этимологическая конфигурация 2-го уровня. (Конфигурации нумеруются в соответствии с этапами технологии конструирования этимологического гипертекста).

В Детском фразеологическом словаре-практикуме и Фразеологическом словаре в рассказах, представляющих в первую очередь живое функционирование ФЕ и нацеленных на активизацию ФЕ в речи адресата словаря, этимологический параметр может быть представлен конфигурацией 1 уровня - своеобразным парафрастическим этимологическим резюме. В словарях, адресованных иноязычному пользователю, этимологическая конфигурация-1 переводится на родной язык адресата, как и наполнение функционально-семантической параметрической зоны словарной статьи. В случае частичной эквивалентности ФЕ двух языков или безэквивалентности русского фразеологизма приводится буквальное значение прототипа. Фразеологические эквиваленты родного языка, также приводимые в переводной части словарной статьи и снабженные специальными значками, указывающими на тип эквивалентности, а также элементы

открытого сопоставления в рамках конфигурации-2 позволяют подчеркнуть образную специфику русского фразеологизма, являясь, таким образом, дополнительным средством этимологизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Круг теоретических проблем современной учебной фразеографии охватывает содержательные и технологические аспекты параметризации фразеологического материала в словаре с учетом целевой читательской аудитории.

Проанализировав современное состояние отечественной фразеографии, мы констатировали отсутствие целостной концепции коммуникативно ориентированного и лингвокультурно-познавательного фразеологического словаря для младших школьников. На фоне теоретической неразработанности данной проблематики обнаружился и крайне низкий профессиональный уровень практических разработок в сфере «детской фразеографии». Этим и была обусловлена постановка цели нашего исследования - разработать теоретические основы конструирования интерактивных учебных фразеологических словарей, создать систему лексикографических приемов параметризации материала в словарях данного типа.

Учебный фразеологический словарь для адресата-ребенка, по нашему мнению, должен разрабатываться в рамках антропоцентрического подхода с опорой на портрет-прогноз адресата – современного школьника, комплексно репрезентировать фразеологизм и представлять собой интерактивный гипертекст, который является инновационной формой словарного описания фразеологизмов.

Интерактивность словаря в бумажном формате обеспечила диалогизация фразеографического текста и в частности, метатекста, организующего продуктивный диалог «автор – читатель», гипертекстовое структурирование словаря на уровне его макро- и микроструктуры, использование игровых приемов конструирования лексикографического текста, приближение его структуры к интерактивной компьютерной игре с несколькими уровнями освоения фразеологизма.

Структура словарной статьи, складывающаяся из традиционных параметрических зон и новых компонентов, введенных в соответствии с современными

требованиями к учебному словарю, были соотнесены с этапами освоения фразеологизма младшим школьником.

Содержание каждой из параметрических зон словарной статьи и специфика репрезентации репрезентации этого содержания в интерактивном учебном словаре были рассмотрены в качестве отдельных составляющих нашей фразеографической концепции.

Так, особенностью заголовочной зоны стала установка на коммуникативно релевантные варианты ФЕ, последовательное отражение возможностей глагольного видообразования и синтаксической валентности ФЕ. Синтаксические конструкции употребления ФЕ (конструктивные условия реализации синтагматических связей оборота), намеченные на входе в словарную статью, многократно повторяются в иллюстративных контекстах, отражающих актуальные для адресата речевые ситуации.

При разработке модели коммуникативно ориентированной грамматической параметризации ФЕ была доказана целесообразность парцеллированный подачи грамматической информации и обоснован отказ от традиционных грамматических помет в силу возрастных особенностей и уровня языковой подготовки адресата. Дискурсивный подход к организации словарной статьи позволил в различных модулях ее параметрических зон использовать специальные грамматические комментарии-сигналы, с помощью которых внимание читателя акцентируется на тех или иных особенностях функционирования ФЕ (объем словоизменительной парадигмы, специфика видообразования, возможности инверсии, дистантного расположения компонентов, частотность употребления в той или иной синтаксической позиции). Таким образом, коммуникативно ориентированная информация о грамматических свойствах ФЕ вводится системно и дозированно, в доступной форме, без нарушения принципа научной достоверности.

Предлагаемая нами система контекстуально-метаязыковой репрезентации фразеологического значения строится на принципе семантической достаточности и коммуникативно-функциональной направленности. В соответствии с пер-

вым из них объем информации, передаваемой дефиницией, варьируется в зависимости от типа словаря и его адресации. В нашем случае обязательной экспликации подлежат ядерные семы фразеологического значения, некоторые же периферийные семы могут не получать отражения в толковании, ориентированном на адресата-младшего школьника, но актуализируются в иллюстративных контекстах и других дискурсивно организованных зонах словарной статьи.

Дефиниция, в соответствии с коммуникативно-функциональной направленностью словаря, строится с учетом структурного типа, частеречной соотнесенности и синтаксической функции ФЕ.

Обязательным элементом толкования, как и заголовочной единицы, является указание синтаксической валентности лексического синонима ФЕ. Таким образом, повышается степень структурно-синтаксического сближения дефиниции и определяемого фразеологизма, а также появляется еще одна возможность подчеркнуть особенности синтаксической валентности фразеологизма на фоне синонимичных слов и устойчивых нефразеологических сочетаний.

Нами выявлены и представлены в диссертации оптимальные для детского словаря структурно-семантические модели дефиниций именных, глагольных, адвербиальных ФЕ. Особое внимание уделено толкованию предметно-предикативных (глагольно-пропозициональных) фразеологизмов, для которых рекомендована предикативная дефиниция, ориентированная на речевую реализацию ФЕ. При этом графическое оформление словарной статьи (расположение заголовочной единицы и ее толкования) позволяет проследить совпадение / несовпадение синтаксической позиции обязательных субъектных и объектных распространителей ФЕ и соответствующих компонентов толкования, что крайне важно для активизации ФЕ в речи адресата и корректного фразеопотребления.

В большинстве случаев дефиниция, включающая слова-интенсификаторы, становится средством репрезентации адресату такого категориального коммуникативно значимого свойства ФЕ, как экспрессивность.

Очевидна целесообразность отказа в детских словарях от традиционных эмотивно-оценочных («стилистических») помет в силу неподготовленности адресата к их восприятию. Более эффективна репрезентация оценочного компонента фразеологической семантики с помощью вводимой в толкования оценочной лексики, известной адресату (входящей в лексический минимум для начальной школы и активный лексикон читателя словаря), а также посредством кратких коммуникативно-прагматических комментариев, следующих за толкованием. В ряде случаев эти комментарии раскрывают и такую функционально-семантическую особенность ФЕ, как неоднозначность их оценочности.

Мы показали, что в словаре активного типа могут быть отражены и регулярные речевые смыслы (коммуникативно-прагматические варианты ФЕ), действующие на уровне оттенков значения. Они также выносятся в дефиницию и подтверждаются иллюстративным материалом.

Текстовые иллюстрации, согласно нашей фразеографической концепции, должны быть подобраны таким образом, чтобы фразеологизмы всегда выступали в сильной контекстуальной позиции, независимо от типа фразеологического контекста: внутрифразового, фразового и сверхфразового, в том числе представленного комбинацией текстовых рубрик в рамках словарной статьи, организованной как гипертекст. В диссертации рассмотрены разновидности каждого типа фразеологического контекста, выявлены характерные для каждой разновидности способы актуализации фразеологической семантики.

Комментарии-сигналы, используемые в иллюстративной зоне словарной статьи (и активно-тренировочной – в словаре-практикуме) обращают внимание читателя на коммуникативно-прагматические особенности реализации ФЕ (ситуация употребления оборота, объект фразеологической номинации, конкретный речевой смысл, в том числе эмотивно-оценочные коннотации). Таким образом, функционально-семантическая параметризация ФЕ, предлагаемая в рамках нашей концепции, носит контекстуально-метаязыковой характер.

С целью оптимизации системы историко-этимологического комментирования ФЕ были проанализированы структура и содержание этимологических

комментариев в учебных фразеологических словарях и выявлены наметившиеся алгоритмы (модели) этимологизации, касающиеся «внешней» стороны словарной разработки этимологии фразеологизма (способ подачи материала, его структурирование, включение дополнительной информации и т.д.). Мы пришли к выводу, что содержательная сторона этимологической репрезентации ФЕ также должна быть в определенной степени алгоритмизирована, а алгоритмы должны строиться с учетом конкретных механизмов фразеомообразования, основанных на метафорическом переосмыслении, метонимическом переносе, алогических лексико-семантических связях компонентов и др.

Решить эту задачу оказалось возможным в русле дискурсивного подхода с использованием речевой тактики этимологического парафразирования, суть которой заключается в конструировании вторичных текстов, интерпретирующих научную этимологическую версию применительно к условиям учебной коммуникации. Речевая тактика этимологической парафразы является способом моделирования процесса фразеомообразования в условиях учебной коммуникации и реализуется в системе коммуникативных ходов парафразирования - специальных приемов репрезентации процесса фразеомообразования адресату словаря, среди которых мы выделяем интерпретационные (собственно этимологирующие) и текстоорганизующие.

Интерпретационные приемы парафразирования закреплены за определенным тропеическим типом ФЕ. Так, посредством приемов «экспликации сходства» и «восстановления сравнения» этимологизируются ФЕ метафорического блока, приемы «семантическое уравнивание», «обоснование выбора объекта сравнения», «приведение тропа к КАК-конструкции», «возведение в степень», «экспериментального моделирования УС» применяются к компаративным ФЕ, приемы «экспликации смежности» и «моделирования переноса по смежности» характерны для этимологизации ФЕ контигуального блока, фразеологизмы парадоксального блока этимологизируются посредством таких приемов, как «псевдодоказательство от противного», «семантическая градация», «контрастное переосмысление», «приведение оксюморона к нулевой ступени», «восста-

новление реальной картины мира», «обыгрывание семантического оператора», «плюс повтор», «минус повтор» и др., для ФЕ усилительно-увеличительного блока наиболее эффективным приемом этимологизации представляется «прием контрастного сопоставления количественных характеристик меры признака обозначаемого предмета». Таким образом, осуществляется алгоритмизация историко-этимологического комментирования ФЕ с учетом способа фразеомообразования и этнокультурной специфики образности. Предлагаемые алгоритмы мы определяем как «мягкие», не императивные, оставляющие свободу для творчества лексикографа.

Текстоорганизующие приемы этимологической парафразы подразделяются на диалогообразующие (имеется в виду диалог автора и адресата) и сюжетно-композиционные. Категория субъектности в этимологическом интерактивном гипертексте реализуется за счет диалогообразующих приемов «автор-рассказчик» и «персонаж-рассказчик». Категория адресованности реализуется на двух уровнях - как внутреннего адресата, так и внешнего, что способствует возникновению двойного диалога. Для успешного восприятия этимологического гипертекста особенно важна организация диалога с внешним адресатом (реальным читателем), которая осуществляется за счет приемов мотивационного и информационного контекста, приема перманентной проверки и пошаговой коррекции понимания, приема предвосхищения реакции адресата, открытого эмоционального поощрения адресата.

Сюжетно-композиционные приемы (прием интерактивного моделирования прототипической ситуации, прием моделирования игрового ономастического пространства, прием использования метафоры на уровне гипертекста, прием запутывания сюжета, прием двойного прочтения, прием жанровой эклектики) позволяют реализовать игровое начало интерактивной этимологической парафразы и ее развертывание на широком этнокультурном фоне. С этой же целью используются и различные приемы интертекстуализации.

Результатом парафрастического дискурсивного конструирования является интерактивный этимологический учебный гипертекст. В диссертации обос-

нована его конфигуративная структура. Этимологическая конфигурация 1-го уровня представляет собой резюме – краткий вывод о происхождении фразеологизма. Ему предшествует более пространное описание процесса фразеомобразования – этимологическая конфигурация 2-го уровня. (Конфигурации нумеруются в соответствии с этапами технологии конструирования этимологического гипертекста).

Такая двухуровневая конфигуративная структура этимологической парафразы представляется оптимальной для учебного толково-этимологического словаря или комплексного фразеологического словаря.

В словаре-практикуме, представляющем в первую очередь живое функционирование ФЕ и нацеленном на активизацию ФЕ в речи адресата словаря, этимологический параметр может быть представлен конфигурацией 1 уровня – этимологическим резюме. В учебном фразеологическом словаре в рассказах конфигурацией 2 уровня – пространным сюжетным парафрастическим изложением этимологической версии.

В словарях, адресованных иноязычному пользователю этимологическая конфигурация 1 переводится на родной язык адресата. Элементы открытого сопоставления ФЕ двух языков в рамках конфигурации 2 позволяют подчеркнуть образную специфику русского фразеологизма.

Кроме того, использование родного языка адресата реализуется в зоне заголовка (буквальный перевод прототипа ФЕ), зоне функционально-семантической параметризации (перевод дефиниции и коммуникативно-прагматического комментария), эквивалентизация ФЕ осуществляется с указанием степени эквивалентности.

Таким образом, в диссертационном исследовании была обоснована и концепция учебного фразеографического комплекса («Фразеология для детей»), состоящего из ряда аспектных учебных словарей со своими целями и задачами: толково-этимологического фразеологического словаря, фразеологического словаря-практикума, фразеологического словаря в рассказах, фразеологического словаря с комментариями на иностранном языке.

Все составляющие нашей фразеографической концепции представлены в диссертации на фоне отечественных теоретических и практических разработок в сфере учебной фразеографии, что позволяет раскрыть преимущества предлагаемой технологии конструирования учебных фразеологических словарей.

Разработанная фразеографическая концепция воплощена в серии учебных фразеологических словарей, внедренных в отечественную и зарубежную школьную практику и вузовское преподавание лингвистических дисциплин.

Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают, что конструирование учебного фразеологического словаря как интерактивного гипертекста в рамках антропоцентрического подхода обеспечивает научную достоверность, доступность и полноту репрезентации функционально-семантических свойств фразеологизмов, их этнокультурной специфики и процессов фразеомообразования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, М. В. Компьютерная лексикография в системе практической и теоретической лексикографии /М. В. Авдеева // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 44. – С. 26-28.
2. Авдеева, О. И. Внешняя синтагматика фразем как составляющая дискурса / М. В. Авдеева // Слово – сознание - культура: Сб. научн. статей. – М.: Флинта, 2006. – С.263-268.

3. Агамджанова, В. И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова: на материале английского языка / В. И. Агамджанова. – Рига: Зинатне, 1977. – 123 с.
4. Аксамитов, А. С. Беларуская фразеологія / А. С. Аксамитов. – Мінск: Вышэйш. шк., 1978. – 223 с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Значение и смысл в структуре языковой личности / Н. Ф. Алефиренко // Языковая личность и семантика. – Волгоград: Перемена, 1994. – С.5-7.
6. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивно-когнитивные истоки семантики единиц вторичного знакообозначения / Н. Ф. Алефиренко // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.169-170.
7. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-дискурсивные механизмы языковой игры в сфере фразеологии / Н. Ф. Алефиренко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 70–76.
8. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 227 с.
9. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
10. Альперин, А. И. Почему мы так говорим / А. И. Альперин. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1956. – 42 с.
11. Андреева, Г. В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1984. – 184 с.
12. Андрианова, Д. В. Устойчивые парные сочетания в чешском и русском языках (лингвистический анализ): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Андрианова Дарья Витальевна. – Санкт-Петербург, 2013. – 23 с.

13. Андропова, Е. В. Традиционная русская фразеология в языковой личности современных школьников и проблемы создания комплексного учебного фразеологического словаря: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Андропова Евгения Владимировна. – Воронеж, 2009. – 195 с.
14. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. Вузов / Е. Е. Анисимова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
15. Ансимова, О. К. Лексикографическая интерпретация лингвокультурных единиц: модель словаря лингвокультурной грамотности (для изучающих русский язык как иностранный/неродной): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ансимова Ольга Константиновна. – Томск, 2013. – 24 с.
16. Ансимова, О. К. Лингвокультурография как отдельная филиация общей лексикографии / О. К. Ансимова // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 44. – С. 12-18.
17. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1986. – № 2. – С.17-29.
18. Апресян, Ю. Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1989. – С. 186-196.
19. АПУЛ 1977: Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В. А. Редькин. – М.: Русский язык, 1977. – 320 с.
20. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) [Электронный ресурс] / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 301 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/35815/> (дата обращения: 7.02.2014).
21. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык. 5-е изд., испр. и доп. / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
22. Арсентьева, Е. Ф. Отражение коннотативного макрокомпонента значения фразеологических единиц в двуязычном и многоязычном словаре / Е.

Ф. Арсентьева. // Slavenska frazeologija I pragmatika. – Zagreb: Knjigra, 2007. – С.232-237.

23. Артамонова, Ю. Д. Герменевтический аспект языка СМИ [Электронный ресурс] / Ю. Д. Артамонова, В. Г. Кузнецов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / Отв. редактор. М.Н.Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/04.htm> (дата обращения: [21.01. 2010]).

24. Артёмова, А. Ф. Мотивация как основание экспрессивности идиом / А. Ф. Артёмова // Фразеографическая параметризация в Машинном фонде русского языка. – М.: ИРЯ РАН АН СССР, 1990. – С. 5-11.

25. Арутюнова, Н. Д. Дискурс; Метонимия [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 14.07.2013).

26. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс (Вступительная статья) / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.

27. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. – Т. 40, №4. – С. 356 – 367.

28. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

29. Астахова, Э. И. Внутренняя форма идиом и ее функции / Э. И. Астахова // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 146-152.

30. Атаева, Е. А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Атаева Елена Александровна. – М., 1975. – 145 с.

31. Аюпова, Р.А. Проблемы лексикографического описания фразеологических единиц (на материале английского, русского и татарского языков):

автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.02.20 / Аюпова Роза Алляметдиновна. – Казань, 2009 – 44 с.

32. Аюпова, Р. А. Проблемы сопоставительной фразеологии английского и русского языков: Учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / Р. А. Аюпова. – Казань, 2004. – 27 с. – Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r58416/P8.pdf (дата обращения: 28.04.10).

33. Бабалова, Г. Г. Тенденции и перспективы компьютеризации лексикографических работ / Г. Г. Бабалова, В. П. Пустобаев // Омский научный вестник. – 2008. – № 4-69. – С. 178-180.

34. Бабенко, Л. Г. Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка) / Л. Г. Бабенко // Русский язык: исторические судьбы и современность. IX Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: МГУ, 2010. – С. 340-341.

35. Бабкин, А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А. М. Бабкин. – М., Л.: Наука, 1964. – 76 с.

36. Бабкин, А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.

37. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Балакай Анатолий Георгиевич. – Орел, 2009. – 41 с.

38. Балакова, Л. Чешские и словацкие эквиваленты в «Русско-чешско-словацком словаре идиом» / Л. Балакова, Я. Шинделаржова // Фразеология в прошлом и настоящем. Мат-лы XXXVII Междунар. филол. конфер. – СПб.-Грейфсвальд: СПбГУ, Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, 2008. – С.3-17.

39. Балалаева, Е. Ю. Электронный словарь: сущность, структура, классификации [Электронный ресурс] / Е. Ю. Балалаева // Современная педагогика. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/04/2238> (дата обращения: 25.04.2014).

40. Балахонская, Л. В. Языковые антонимы и контекстно противопоставляемые слова как средство создания контраста в произведениях А. Вознесенского: автореф. дис ... канд. филол., наук: 10.02.01 / Балахонская Людмила Владимировна. – Л., 1987. – 17 с.
41. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
42. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.htm> (дата обращения: 24.11. 2012).
43. Баранов, А. Н. Против «разложения смысла»: узнавание в семантике идиом [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/6.htm> (дата обращения: 22.07.2011).
44. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
45. Баранов, А. Н. Семантика фразеологизмов: иерархия или сеть? [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/5.htm> (дата обращения: 22.07.2011).
46. Барменкова, О. П. Семантическое своеобразие реципиентной концептосферы в компаративной модели мира И. Бабея / О. П. Барменкова // Вісник Черкаського університету. Серія «Філологічні науки». – 2009. – Випуск 169. – С. 112-119.
47. Барт, Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Наука, 1989. – С. 461-517.
48. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php (дата обращения: 5.08. 2013).

49. Белецкий, А. И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя) / А. И. Белецкий // Белецкий А. И. В мастерской художника слова. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 112-126.
50. Белоглазова, Е. В. Дискурсная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Белоглазова Елена Владимировна. – СПб., 2010. – 41 с.
51. Береснева, А. В. Структурно-функциональные особенности парадоксальных высказываний в немецком языке: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Береснева Александра Владимировна. – М., 2009-а . – 18 с.
52. Береснева, А. В. Структурно-функциональные особенности парадоксальных высказываний в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Береснева Александра Владимировна. – М., 2009-б . – 176 с.
53. Бестугина, Ю. В. О лексикографическом описании фразеологических единиц в словарях детской речи / Ю. В. Бестугина // В. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – лексикография – фразеология: Материалы III Всерос. науч. конф., Иваново, 5-6 апреля 2005 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – С. 175-183.
54. Бирих, А. Русская фразеология в диахроническом аспекте / А. Бирих // Фразеология в прошлом и настоящем. Материалы XXXVII Международной филологической конференции. Факультет филологии и искусств СПбГУ (11-15 марта 2008 г). – СПб.-Грайфсвальд, 2009. – С. 20-31.
55. Блинова, О. И. Концепция «Словаря образных единиц сибирского говора» / О. И. Блинова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2010. – №3 (11). – С. 5-14.
56. Блинова, О. И. Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста / О. И. Блинова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2005. – Вып. 3. – С. 78-82.
57. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153 – 172.

58. Бобунов, А. М. Контрастивный словарь как база выявления этнокультурных особенностей / А. М. Бобунов // Традиционная культура. – 2010. – Т. 38. – С. 54-62.
59. Бобунова, М. А. Русская лексикография XXI века: Учеб. пособие / М. А. Бобунова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 200 с.
60. Бобунова, М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Бобунова Мария Александровна. – Курск, 2003. – 38 с.
61. Богатырёв, П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырёв. – М.: Искусство, 1971. – 515 с.
62. Богатырёв, П. Г. Формула невозможного в славянском фольклоре / П. Г. Богатырёв // Славянский фразеологический сборник. – Уфа: Изд-во БГУ, 1962. – С. 347-363.
63. Божович, Е. Д. Языковая компетенция как критерий готовности к школьному обучению / Е. Д. Божович, Е. И. Козицкая // Психологическая наука и образование, 1999. – № I. – С.25-37.
64. Бойко, Л. Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бойко Любовь Григорьевна. – Волгоград, 2009. – 22 с.
65. Болдарева, Е. Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Электронный ресурс] / Болдарева Елена Федоровна. – Волгоград, 2002. – 160 с. – Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/page,9,124-dissertaciya-yazykovaya-igra-kak-forma-vyrazheniya-emocij.html> (дата обращения: 3.06. 2013).
66. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
67. Большакова, Н. Н. Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Большакова Наталья Николаевна. – Смоленск, 2007. – 222 с.

68. Бондаренко, В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Бондаренко Виктор Терентьевич. – М., 1995. – 42 с.
69. Бондаренко, В. Т. Устойчивая фраза и контекст / В. Т. Бондаренко // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Мат-лы Междунар. научного симпозиума. – Великий Новгород: НовГУ, 2009. – С.13-16.
70. Борисова, Н. В. Автоматизированное формирование словаря синонимов / Н. В. Борисова, О. В. Канищева, Е. Н. Юрченко // Вестник Херсонского национального технического университета. – 2013. – № 1 (46). – С. 191-195.
71. Борковская, Т. О. Контраст как принцип продуцирования риторических приемов (на материале текстов современной газетной публицистики и русской художественной литературы) [Электронный ресурс] / Т. О. Борковская // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения): Спец. вестн. КрасГУ. – 2006. – Вып. 8-9 (16-17). – С. 187-196. – Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0114395.pdf (дата обращения: 5.12.2011).
72. Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Бочина Татьяна Геннадьевна. – Казань, 2003. – 449 с.
73. Бронникова, Н. Г. Тавтологические и рифмованные фразеологизмы в детской речи [Электронный ресурс] / Н. Г. Бронникова // Проблемы детской речи – 1996: Материалы межвузовской конференции / Отв. ред. С. Н. Цейтлин. –

–
Режим
доступа:

http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speak/problem_1996.html
 (дата обращения: 12. 09. 2008).
74. Брысина, Е. В. Прагматическая значимость диалектной фраземики / Е. В. Брысина // Славянская фразеология и прагматика. – Zagreb: Knjigra, 2007. – С. 260-265.
75. Бурмистрович, Ю. А. Фразеомообразовательная модель и способ ее выявления / Ю. А. Бурмистрович // Материалы по русско-славянскому языко-

знанию / Науч. ред. В. И. Собинникова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1974. – С. 41-47.

76. Бушуй, А. М. Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Бушуй Анатолий Михайлович. – Самарканд, 1982. – 455 с.

77. Бушуй, Т. А. Основы современной теории контрастивной фразеологии / Т. А. Бушуй // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 29. Вып. 47. – С.47-52.

78. Бушуй, Т. А. Фразеология русского языка в двуязычном словаре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бушуй Татьяна Анатольевна. – Самарканд, 1989. – 250 с.

79. Бытева, Т. И. К уточнению некоторых лексикографических понятий / Т. И. Бытева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 13-17.

80. Вакуров, В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – № 6. – С. 40-47.

81. Вакуров, В. Н. Метафорическая природа фразеологических единств русского языка / В. Н. Вакуров // Филологические науки, 1981. – № 4. – С. 48 – 54.

82. Валгина, Н. С. Понятие креолизованного текста [Электронный ресурс] / Н. С. Валгина // Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/25.htm> (дата обращения: 10.01.2010).

83. Вардзелашвили, Ж. А. Сравнение как семантический посредник метафоры – [Электронный ресурс] / Ж. А. Вардзелашвили. – 2009. – Режим доступа: <http://vjanetta.narod.ru/sem.posr.met.html> (дата обращения: 30. 04. 2011).

84. Вартаньян, Э. А. Из жизни слов / Э. А. Вартаньян. – М.: Дет. лит-ра, 1960. – 240 с.

85. Василенко, А. П. Аспекты семантики фразеологизмов: на материале русского и французского языков: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Василенко Анатолий Петрович. – Орел, 2011. – 43 с.
86. Ваулина, Е. Ю. Толковый словарь. Возможности электронной версии Е. Ю. Ваулина // Структурная и прикладная лингвистика. – 2007. – № 7. – С. 187-196.
87. Введенская, Л. А. Этимология: Учебное пособие / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. – СПб: Питер, 2004. – 221 с.
88. Вежбицкая, А. Сравнение - градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133-152.
89. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1980. – 320 с.
90. Виноградов, В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – С.243-264.
91. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.
92. Влавацкая, М. В. Критерии определения типа комбинаторного словаря / М. В. Влавацкая // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3. – С. 235-241.
93. Волков, С. С. К вопросу о разработке типов семантических определений в современной фразеологии / С. С. Волков, Ю. А. Ермолаева // *Frazeologia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, teraźniejszość, przyszłość*. – Opole, 2000. – 96-98.
94. Волошкина, И. А. Фразеосемантическое поле «Характер человека» (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Волошкина Инесса Анатольевна. – Воронеж, 2009. – 22 с.
95. Воробьева, Л. Б. К концепции русско-литовского словаря языковых образов / Л. Б. Воробьева, Т. Г. Никитина // Русская речь в современных пара-

дигмах лингвистики. Мат-лы междунар. конфер. Том 2. – Псков: ПГПУ, 2010. – С.234-239.

96. Ворокова, Н. У. Этнокультурная специфика идиоматики: На материале русского и кабардино-черкесского языков: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20 [Электронный ресурс] / Ворокова Надежда Умаровна. – Нальчик, 2003. – 260 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/jetnokulturnaja-specifika-idiomatiki.html> (17.06. 2013).

97. ВУЛ 1969: Вопросы учебной лексикографии /под ред. П. Н.Денисова, Л. А.Новикова. – М.: Изд-во Моск. ун-та , 1969. – 188с.

98. Гаврин, С. Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения) / С. Г. Гаврин. – Пермь: Пермский гос. ред. ин-т , 1974. – 254 с.

99. Гайфуллина, Р. Н. Коннотативный и оценочный макрокомпоненты фразеологического значения (на примере фразеологических оборотов английского, русского и татарского языков) [Электронный ресурс] / Р. Н. Гайфуллина // Образование и наука Закамья Татарстана. Ежеквартальный научно-методический журнал. – 2008. – № 13. – Режим доступа: <http://kama.openet.ru:91/site/journal13/Philology/3.php> (дата обращения: 24.08. 2008).

100. Гак, В. Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С.13-16.

101. Ганеев, Б. Т. Парадокс: парадоксальные высказывания: монография / Б. Т. Ганеев. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 400 с.

102. Гаранина, Е. А. Языковые средства выражения комического в детской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гаранина Елена Анатольевна. – Волгоград, 1998. – 24 с.

103. Гвоздарев, Ю. А. Основы русского фразообразования / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977. – 184 с.

104. Гвоздарев, Ю. А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: учебное пособие / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2008. – 352 с.
105. ГKB 1991: Граник Г. Г. О реализации закономерностей понимания в учебном тексте / Г. Г. Граник, Л. А. Концевая, С. М. Бондаренко // Проблемы школьного учебника. Выпуск 20. – М.: «Просвещение», 1991. – с.45-61.
106. Гладров, В. Об эквивалентности языковых структур к адекватности речевых актов / В. Гладров // Russistk. Die Wissenschaftliche Zeitschrift für aktuelle Fragen des Russischunterrichts. – 2000. – № 1-2. – С.48-59.
107. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований [Электронный ресурс] / О. И. Глазунова. – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 190 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> (дата обращения: 24. 11. 2012).
108. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
109. Гоннова, Т. Фразеологический корпус русского языка как способ выражения лингвокультурного концепта «Труд» / Т. Гоннова // Slavenska frazeologija I pragmatika. – Zagreb: Knjigra, 2007. – С.300-310.
110. Городецкий, Б. Ю. Проблемы и методы современной лексикографии / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М., 1983.– С. 5-22.
111. Григорович, Л. А. Учебный словарь: от замысла к воплощению / Л. А. Григорович // Русская речь. – 2011. – № 4. – С. 31-36.
112. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Гридина Татьяна Александровна. – М., 1996-а. – 566 с.
113. Гридина, Т. А. Языковая игры: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996-б. – 240 с.
114. Гринев, С. В. Введение в терминологическую лексикографию: учебное пособие / С. В. Гринев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 102 с.

115. Гринев, С. В. Основы лексикографического описания терминосистем: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Гринев Сергей Викторович. – М., 1990. – 436 с.
116. Губарев, В. П. К типологии фразеологических моделей (на материале немецкого языка) / В. П. Губарев // Филологические науки. – 1985. – №4. – С. 65-68.
117. Гудков, Д. Б. Телесный код культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М.: «Гнозис», 2007. – 288 с.
118. Гюлумянц, К. М. Да праблемы контрадыкторных параўнанняў / К. М. Гюлумянц // Беларуская лінгвістыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Вып. 9. – С. 51-56.
119. Давлетукаева, А. Ш. Диахронический аспект развития экономической терминологии (английский язык): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; 10.02.21 / Давлетукаева Асет Шамсудиновна – М., 2002. – 182 с.
120. Давыдова, А. А. Проектирование электронных билингвальных словарей по педагогическим дисциплинам: автореф. ... дис. канд. пед. наук: 13.00.01 / Давыдова Анна Александровна. – Смоленск, 2013. – 22 с.
121. Дамбуев, И. А. Современная лексикография: статус и направления развития / И. А. Дамбуев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 16-21.
122. Девкин, В. Д. Юморемы / В. Д. Девкин // Слово в словаре и дискурсе. Сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство «Элпис», 2006. – С. 71-76.
123. Девкин, В. Д. О неродившихся немецких и других словарях / В. Д. Девкин // Вопросы языкознания. – 2001. – №1. – С. 85-97
124. Девкин, В. Д. Очерки по лексикографии / В. Д. Девкин. – М.: Прометей, 2000. – 395 с.
125. Девятова, Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Девятова Надежда Михайловна. – М., 2011. – 49 с.

126. Декатова, К. И. Когнитивная динамика смысловой дистрибуции слова в процессе русского фразеоморфизма (на материале фразеологизированных стилистических фигур): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Декатова Кристина Ивановна. – Волгоград, 2001. – 181 с.
127. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания П. Н. Денисов. – М.: Рус. яз., 1980. – 253 с.
128. Денисов, П. Н. Основные проблемы теории лексикографии: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Денисов Пётр Никитич. – М., 1976. – 42 с.
129. Денисов, П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П. Н. Денисов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 255с.
130. Денисов, П. Н. Принципы отбора лексики для учебных словарей / П. Н. Денисов // Вопросы учебной лексикографии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – С.23-24.
131. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
132. Доблаев, Л. П. Вопросы психологии понимания учебного текста / Л. П. Доблаев. – Саратов: Изд-во СГУ, 1965. – 91 с.
133. Добровольский, Д. О. Структурно-типологический анализ фразеологии и фразеологическая параметризация (на материале русской и германской идиоматики) / Д. О. Добровольский // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск: Наука и техника, 1987. – С.24-28.
134. Добрыднева, Е. А. Фразеологические единицы в реализации коммуникативных установок субъекта речи / Е. А. Добрыднева // Слово – сознание – культура: Сб. научн. статей. – М.: Флинта, 2006. – С.256-262.
135. Добрыднева, Е. А. Актуальные проблемы создания коммуникативного фразеологического словаря / Е. А. Добрыднева // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума. 21-22 мая 2004

г.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2004. – С.44-46.

136. Долгова, А. О. Градация устойчивых сравнений по степени идиоматичности (на материале русской, английской и немецкой фразеологии) / А. О. Долгова // Весн. Белар. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. - 2005. - № 1. - С. 71-76.

137. Доминанта [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. 1930. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le3/le3-2051.htm> (дата обращения: 14. 02. 2014).

138. Дубицкая, Е. В. Проблемы мотивации значений идиом русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дубицкая Елена Валентиновна. – М., 2011. – 24 с.

139. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие / В. В. Дубичинский. – М. : Наука: Флинта, 2009. – 432 с.

140. Егорченко, О. Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01[Электронный ресурс] / Егорченко Ольга Николаевна. – Барнаул, 2006. – 19 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/stilisticheskie-figury-kontrasta-v-sovremennom-russkom-literaturnom-jazyke.htm> (дата обращения: 1.07. 2013).

141. Елисеева, О. В. Механизмы фразеологизации словосочетаний в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елисеева Ольга Викторовна. – Волгоград, 2000. – 23 с.

142. Ермолаева, Ю. А. Принципы лексикографического описания русской фразеологии (на материале словарных статей общих и учебных словарей): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Ермолаева Юлия Аркадьевна. – Л., 1990. – 232 с.

143. Жеребило, Т. В. Функционально-стилистический инвариант в учебной лексикографии / Т. В. Жеребило. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2005. – 364 с.

144. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М.: Высш. шк., 1986. – 308 с.
145. Жуков, В. П. Формоизменение фразеологизмов русского языка / В. П. Жуков // Русистика, 1991. - № 2. – С.36-40.
146. Жуков, В. П. Русская фразеология: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М.: ВШ, 2006. – 408 с.
147. Жукова, М. Е. Об авторах-потрошителях [Электронный ресурс] / М. Е. Жукова // Время открытий: науч.-популяр. журн. – 2008. – №8. – Режим доступа: http://innov.novsu.ru/innov/press/novuniver/i.790923/?number=2008_04_16&article=avtor (дата обращения: 13. 05. 2010).
148. Журавлёв, С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексико-графическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Журавлёв Сергей Александрович. – Йошкар-Ола, 2004. – 203 с.
149. Журавлёва, О. В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий): дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Журавлёва Олеся Владимировна. – Барнаул, 2002. – 207 с.
150. Зазаева, Н. И. Грамматические пометы в структуре словарной статьи фразеологического словаря русского языка [Электронный ресурс] / Н. И. Зазаева // Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог – 2002». – Режим доступа: www.dialog-21.ru/materials/archive (дата обращения: 1.08. 2008).
151. Зайковская, И. А. Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Зайковская Ирина Александровна. – СПб., 2011. – 234 с.
152. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С.13-25.

153. Зарецкая, Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. [Электронный ресурс] / Е. Н. Зарецкая. – М.: Дело, 2002. – Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio/archive/ritorika/19.aspx> (дата обращения: 12.11.2010).

154. Зеленов, А.Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка /А. Н. Зеленов // К 60-летию профессора А.В.Жукова. Сборник научных трудов. – Великий Новгород: НовГУ, 2007. – С.161-165.

155. Зеленов, А. Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка: автореф. дис. ... канд филол. наук: 10.02.01 / Зеленов Антон Николаевич. – Великий Новгород, 2009. – 21 с.

156. Зимин, В. И. Лексическое значение как объект комплексного описания в словарях: автореф. ... дисс. докт. филол. наук: 10.02.01 / Зимин Валентин Ильич. – Краснодар, 1994. – 18 с.

157. Зимин, В. И. Модель этимологического анализа фразеологических единиц (применительно к словарям разных типов / В. И. Зимин // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Тезисы сообщений школы-семинара 13 – 17 ноября 1990 г. – Орел: Орловский гос. пед. ун-т, 1990. – С. 65-66.

158. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология. Теория и практика / Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков. – СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с.

159. ЗКР 1983: Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Кийтагородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1983. – С. 172-214.

160. Зленко, И. П. Национальная специфика семантики слова (Контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зленко Инесса Павловна. – Воронеж, 2004. – 24 с.

161. Золотых, Л. Г. Коммуникативно-прагматическая реализация фразеологического значения / Л. Г. Золотых // Славянская фразеология и прагматика. – Zagreb: Knjigra, 2007. – С. 326-331.
162. Золотых, Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02.01 / Золотых Лидия Глебовна. – Белгород, 2008. – 47 с.
163. Иванищева, О. Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Иванищева Ольга Николаевна. – Санкт-Петербург, 2005. – 410 с.
164. Иванова, Е. П. Новые возможности семантизации лексической единицы в мультимедийном словаре / Е. П. Иванова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2010. – №1-2. – С. 49-53.
165. Ивин, А. А. Словарь по логике [Электронный ресурс] / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/97> (дата обращения: 25. 05. 2013).
166. Ивин, А. А. Логика. Учебник для гуманитарных факультетов [Электронный ресурс] / А. А. Ивин. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 239 с. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/ivina01/> (дата обращения: 25.05. 2013).
167. Ионова, С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: монография / С. В. Ионова; науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 380 с.
168. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
169. Кабакова, С. В. Образные основания идиом (психолингвокультурологические аспекты): дис. . канд. филол. наук: 10.02.19 / Кабакова Светлана Владимировна. – М., 1999. – 120 с.
170. Казачихина, И. А. Лексикографическая интерпретация коммуникативов русской разговорной речи (модель учебного пособия словарного типа):

автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Казачихина Ирина Анатольевна. – Омск, 2011. – 23 с.

171. Каламбет, Е. В. Лексикографический текст как объект исследования антропоцентрической лингвистики / Е. В. Каламбет // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): Труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.1. – С.78-80.

172. Каламбет, Е. В. Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии (на материале лингвистических словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Каламбет Елена Васильевна. – Краснодар, 2007. – 23 с.

173. Капкова, С. Ю. Лингвостилистические средства выражения комического и эксцентрического в языке современной детской английской литературы и специфика их перевода на русский язык (На материале произведений С. Миллигана и Дж. К. Роулинг): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Капкова Светлана Юрьевна. – Воронеж, 2005. – 24 с.

174. Карасик, В. И. Типы вторичных текстов / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 69-70.

175. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

176. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография. Изд. 2-е / Ю. Н. Караулов; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 360 с.

177. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

178. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. – 355 с.

179. Катаев, Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике (1990-2000-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Катаев Филипп Андреевич. – Пермь 2012. – 20 с.

180. Кашина, И. В. Коннотативный потенциал русских каламбурных фразеологизмов / И. В. Кашина // Фразеология и языковая динамика. Сборник научных трудов, посвященных 55-летию профессора Харри Вальтера, почетного доктора Санкт-Петербургского университета. Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15-19 марта 2010 года). – Greifswald – СПб., 2011. – С. 137-142.

181. Кимов, Р. С. Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Кимов Рашад Султанович. – Нальчик, 2010. – 50 с.

182. Клочко, В. Е. Психология инновационного поведения / В. Е. Клочко, Э. В. Галажинский. – Томск: Томский государственный университет, 2009. – 240 с.

183. Ключев, Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пос. для вузов [Электронный ресурс] / Е. В. Ключев. – М.: Приор, 1999. – 270 с. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4534> (дата обращения: 21.03.2013).

184. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7339> (дата обращения: 27. 10. 2012).

185. Коваль, В. И. Образование фразеологических единиц и фразеологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коваль Владимир Иванович. – Минск, 1982. – 17 с.

186. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Ковшова Мария Львовна. – М., 2009-а. - 48 с.

187. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Ковшова Мария Львовна. – М., 2009-б. – 654 с.

188. Ковшова, М. Л. Фразеологизмы как «сжатые» тексты культуры в экспериментальном исследовании / М. Л. Ковшова // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. Материалы XV Межд. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. /Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – М. – Калуга: Эйдос, 2006. – С. 151.

189. Кожевникова, О. С. О соотношении понятий «контраст» и «противоречие» в исследованиях по стилистике / О. С. Кожевникова // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные, естественные и физико-математические науки. – 2006. – №3/2. – С. 204-206.

190. Козырев, В. А. Вселенная в алфавитом порядке. Очерки о словарях русского языка / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГАУ им. А. И. Герцена, 2000. – 356 с.

191. Козырев, В. А. Русская лексикография. Пособие для вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

192. Колесникова, Е. А. К вопросу о месте терминологического словаря в современной типологии словарей / Е. А. Колесникова // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 8-1. – С. 94-97.

193. Колесникова, С. М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: учеб. пособие / С. М. Колесникова. – М.: Высш. шк., 2010. – 279 с.

194. Конопелько, И. П. Методика составления русско-французского контрастивного словаря / И. П. Конопелько // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 64-66.

195. Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии: Фразеосочетания в системе языка / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – М.: Книжный дом «ЛИБ-РОКОМ», 2010. – 192 с.

196. Корниенко, О. А. Типология форм игровой поэтики в литературе / О. А. Корниенко // Актуальні проблеми слов'янської філології: Меж вуз. зб. наук. ст. Вип. XX. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, ЛТД», 2009. – С.436-450.
197. Корольков, В. И. Троп (в стилистике и поэтике) [Электронный ресурс] / В. И. Корольков // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 7: «Советская Украина» – Флиаки. – 1972. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke7/ke7-6263.htm> (дата обращения: 16. 04. 2009).
198. Костева, В. М. Способы представления фразеологизмов в двуязычном словаре. На материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Костева Виктория Михайловна. – М., 1996. – 182 с.
199. Костомаров, В. Г. Зачем нам «олбанский» язык? [Электронный ресурс] / В. Г. Костомаров // Информационный портал для соотечественников. – 2007. – Режим доступа: <http://nationals.elco.ru/russia-culture-Kostomarov.html>. (дата обращения: 22. 04. 2013).
200. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 266 с.
201. Костомаров, В. Г. Экран и книга: противоречие или сотрудничество? [Электронный ресурс] / В. Г. Костомаров. – 2010. – Режим доступа: http://rusistica.ru/articles.php?article_id=6 (дата обращения: 08. 01. 2011).
202. Костомаров, В. Г. Отбор и семантизация фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Словари и лингвострановедение / под ред. Верещагина Е.М. – М.: Рус. яз., 1982. – С. 98-108.
203. Котова, Л. Н. Диалог в межкультурной коммуникации: гармонизация диалога в структуре «автор–адресат» / Л. Н. Котова // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. – С. 295-296.
204. Котова, Л. Н. Прагматика нарратива (теоретико-экспериментальный

аспект): автореф. дис. ... докт. филол. Наук: 10.02.01 / Котова Лариса Николаевна. – Москва, 2012. – 50 с.

205. Котова, М. Ю. О роли справочного аппарата в многоязычном словаре славянских пословиц / М. Ю. Котова // *Geifswalder Beiträge zur Slawistik* III. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 1998. – S. 44-56.

206. Котцова, Е. Е. Гипонимия в лексической системе русского языка (на материале глагола): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Котцова Елена Евгеньевна. – Архангельск, 2010. – 46 с.

207. Котюрова, И. А. Противоречивое сопоставление фреймов как когнитивная модель иронического смысла (на материале немецкой прессы политической направленности) / И. А. Котюрова // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. – 2009. – №3. – С.162-166.

208. Кохтев, Н. Н. Основы ораторской речи / Н. Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 240 с.

209. Кравцова, М. Н. Функционально-прагматическая специфика контаминированных фразеологизмов (на материале ФЕ гипертропического типа) / М. Н. Кравцова, И. В. Пекарская // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2013. – № 4 (22). – Ч. I. – С. 86-89.

210. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – М.: Гнозис, 2008. – 373 с.

211. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

212. Крысин, Л. П. Гипербола в русской разговорной речи [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин // *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 244-261. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-04d.htm> (дата обращения: 4.08.2011)

213. Крючкова, Т. В. Прагматическая функция фразеологических единиц с элементами цветообозначения (на материале русского и английского языков) /

Т. В. Крючкова // Славянская фразеология и прагматика. – Zagreb: Knjigra, 2007. – С. 384-388.

214. КТО 2011: Коммуникативные технологии общения [Электронный ресурс] // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общей редакцией А. А. Бодалева. – М.: Когито-Центр. 2011. – Режим доступа: http://communication_psychology.academic.ru/ (дата обращения: 26.02.2014).

215. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – М.: Наука, 2001. – Т. 1. – С.72-81.

216. Кубрякова, Е. С. Текст и его понимание / Е. С. Кубрякова // Русский текст. – 1994. – № 2. – С. 18-27.

217. Кузнецова, И. В. Сербские и черногорские устойчивые сравнения с антонимичными планами содержания и выражения / И. В. Кузнецова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 115–120.

218. Кузнецова, И. В. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.03 / Кузнецова Ирина Владимировна. – СПб., 1995. – 14 с.

219. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Кузнецова Эра Васильевна. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.

220. Кузнецова, О. Д. Инструкция для составления словаря русских народных говоров / О. Д. Кузнецова, Ф. П. Сороколетов // Словарь русских народных говоров. Вып. 28. – СПб.: Наука, 1994. – С.IV-XXXII.

221. Кунин, А. В. Английская фразеология: Теоретический курс / А. Н. Кунин. – М.: Высш. шк., 1970. – 334 с.

222. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка А. Н. Кунин. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.

223. Курахтанова, И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы (на материале английского языка): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Курахтанова Инна Сергеевна. – Москва, 1978. – 210 с.

224. Лаврова, С. А. Приключения фразеологических оборотов / С. А. Лаврова. – М.: Воскресный день, 2012. – 128 с.
225. Ларин, Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Методическое пособие для диалектологической практики / Б. А. Ларин. – Л.: ЛГУ, 1961. – 22 с.
226. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии / Л. А. Лебедева. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1999. – 196 с.
227. Лебедева, Л. А. Игровая вариативность устойчивых сравнений и поле нормативности / Л. А. Лебедева // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 94–99.
228. Левин, Ю. И. Логико-семиотический эксперимент в фольклоре / Ю. И. Левин // Семиотика и информатика. – Вып. 16. – М.: ВИНТИ, 1981. – С. 145–162.
229. Леоненко, Л. Л. Метафора: логическая структура, абдуктивные аспекты, контекст / Л. Л. Леоненко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2010. – Том 23, №2. – С. 241-246.
230. Лопаткина, С. В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (На материале художественной и публицистической речи): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лопаткина Светлана Викторовна. – Абакан, 2004. – 217 с.
231. Лошаков, А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Лошаков Александр Геннадиевич. – Киров, 2008. – 48 с.
232. Лукьянов, С. А. Аппликативный каламбур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лукьянов Сергей Алексеевич. – Краснодар, 1991. – 183 с.
233. Лукьянова, Н. А. Лингвокультурография в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) / Н. А. Лукьянова //

Texun grammatike (Искусство грамматики). Вып. 2. Сборник памяти профессора К. А. Тимофеева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – С. 158-180.

234. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под редакцией Е. Д. Хомской. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

235. Люксембург, А.М. Лабиринт как категория набоковской игровой поэтики [Электронный ресурс] / А. М. Люксембург // Relga, 1999. – № 16. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1721&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 10.01. 2010).

236. Лютикова, В. Д. Языковая личность и идиолект / В. Д Лютикова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 188 с.

237. Магазеева, Е. А. Семантическое описание предметного слова (словарные дефиниции областного словаря на фоне данных диалектной речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Магазеева Елена Анатольевна. – Псков, 2000. – 20 с.

238. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

239. Максяшина, Ю. А. Фразеологический минимум русского языка: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Максяшина Юлия Александровна. – Великий Новгород, 2004. – 256 с.

240. Малаховский, Л. В. Принцип градуальности в учебной лексикографии / Л. В. Малаховский // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сборник статей / под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1978. – С.48-53.

241. Мандрикова, Г. М. Основные положения антропоцентрической лексикографии / Г. М. Мандрикова // Мир науки, культуры, образования. – 2011-а. – № 2. – С. 8-12.

242. Мандрикова, Г. М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии таронимии: автореф. дис.

...докт. филол. наук: 10.02.01 / Мандрикова Галина Михайловна. – Москва, 2011-б. – 42 с.

243. Мандрикова, Г. М. Некоторые теоретические проблемы учебного компьютерного лексикографирования [Электронный ресурс] / Г. М. Мандрикова. – 1997. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/archive/conf/nit/97/c4/node11.html> (дата обращения: 23. 02. 2014).

244. Марус, М. Л. Сравнительный анализ современных многоязычных онлайн-словарей на примере словарей МУЛЬТИТРАН И ABBYY LINGVO ONLINE [Электронный ресурс] / М. Л. Марус // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Спецвыпуск № 01. – С. 51-55. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14511.htm> (дата обращения: 9. 04. 2014).

245. Масалова, М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Масалова Мария Валерьевна. – Ульяновск, 2003. – 23 с.

246. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

247. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.

248. Мелерович, А.М. Семантический анализ фразеологических единиц / А. М. Мелерович // Филологические науки. – 1979. – №5. – с.69-75.

249. Мелерович, А. М. Структура и концептообразующее функционирование фразеологических конфигураций в поэтическом тексте / А. М. Мелерович // Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. - М.: Изд-во МГУ, 2007. – С. 171-172.

250. Мелерович, А. М. Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Слово – сознание – культура: Сб. научн. трудов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С.211-228.

251. Мелерович, А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.
252. Мелерович, А. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
253. Мелерович, А. М. Фразеологические концепты в художественном дискурсе и принципы их фразеографической репрезентации / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // *Slavenska frazeologija I pragmatika*. – Zagreb: Knjigra, 2007. – С.404-407.
254. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер // *Теория метафоры*. – М: Прогресс, 1990. – С. 236-283.
255. Мисенёва, В. В. Деривационные особенности фразеологических единиц, не имеющих лексических соответствий [Электронный ресурс] / В. В. Мисинёва // *Актуальні проблеми слов'янської філології: Міжвуз. зб. наук. ст.* / Відп. ред. В.А.Зарва. Вип.ХІІ: Лінгвістика і літературознавство. – К.-Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект – Поліграф», 2007. – С. 49 – Режим доступа: http://www.bdpu.org/news/new_scienc11/ (дата обращения: 3. 08. 2011).
256. Михайлов, В. А. Антонимия, бинарные и градуальные оппозиции: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Михайлов В. А. – Л., 1983. – 20 с.
257. Михальская, А. К. Фразеологизмы-нонсенсы в современном русском языке / А. К. Михальская // *Актуальные вопросы русской фразеологии (русский язык)*. - М.: Прометей, 1989. – С 28-29.
258. Моисеева, С. А. Семантический алогизм компонентов фразеологических единиц (на материале французского языка) / С. А. Моисеева, И. А. Волошкина // *Фразеология, познание и культура: Сб. докл. 2-й междунар. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 года): в 2 т.)* / Отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т.2. – С. 102-107.
259. Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2003. – 168 с.

260. Мокиенко, В. М. Культурологические комментарии в историко-этимологическом словаре фразеологии [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко // Словарь и культура. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН РФ, 1995. – С. 81-83. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokienko-95.htm> (дата обращения: 7. 08. 2009).
261. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
262. Мокиенко, В. М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – М.: Рус. яз., 1982. – С.108-121.
263. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. / В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
264. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 280 с.
265. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1980. – 207 с.
266. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. – 287 с.
267. Мокиенко, В. М. Фразеологические теории в зеркале лексикографической практики / В. М. Мокиенко // *Frazeografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, terażniejszość, przyszłość.* – Opole: Uniwersytet Opolski, 2000. – 9-13.
268. Мокиенко, В. М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла / В. М. Мокиенко // *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації.* – 2012. – Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 100–109.

269. Мокиенко, В. М. Словарная разработка русской фразеологии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // *Studia Slavica Savariensia*. – 1994. – №2. – С.107-146.
270. Молотков, А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А. И. Молотков // *Фразеологический словарь русского языка*. – М.: РЯ, 1967 (1978). – С.7-23.
271. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 282 с.
272. Морковкин, В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию / В. В. Морковкин // *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. – М.: Наука, 1988. –С. 131–136.
273. Морковкин, В. В. О базовом лексикографическом знании / В. В. Морковкин // *Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному*. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 102–117.
274. Морковкин, В. В. Основные теории учебной лексикографии: дис. ... докт. филол. наук в форме научного доклада / В. В. Морковкин. – М: Институт русского языка им. А.С.Пушкина, 1990. – 72 с.
275. Морковкин, В. В. Типология филологических словарей / В. В. Морковкин // *Вестник Харьковского университета*. – 1994. – Вып. I, №19. – С. 13-23.
276. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. –4-е изд. / В. П. Москвин. – М.: Изд. ЛКИ, 2012. – 200 с.
277. Москвин, В. П. Выразительные средства современной речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификации / В. П. Москвин. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
278. Муль, И. Л. Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах: На материале скороговорки и частушки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Муль Ирина Леонидовна. – Екатеринбург, 2000. – 202 с.
279. МЯТ 1988: Метафора в языке и тексте / отв. Ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

280. Назарова, И. В. Типология компаративных единиц в когнитивном аспекте (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 19 [Электронный ресурс] / Назарова Ирина Владимировна. – Воронеж, 2000. – 179 с. – Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/page,2,455-dissertaciya-tipologiya-komparativnyx-edinic-v-kognitivnom-aspekte.html> (дата обращения: 15. 12. 2012).

281. Назарян, А. Г. Семантическая структура образных фразеологизмов и проблема ее моделирования / А. Г. Назарян // Лексико-грамматические и стилистические проблемы изучения иностранных языков. – М., 1981. –С. 12-23.

282. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М.: Высш. шк., 1976. – 318 с.

283. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка. 2-е изд. перераб. и доп. / А. Г. Назарян. – М.: Высш. шк., 1987. – 304 с.

284. Негрышев, А. А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) [Электронный ресурс] / А. А. Негрышев // «INTER-CULTUR@L-NET». Международный научно-практический (электронный) журнал ВФ НГЛУ. – 2008. – № 5. – Режим доступа: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98/> (дата обращения: 21. 08. 2012).

285. Никитин, М. В. О семантике метафоры / М. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91-102.

286. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. Изд. 2-е. / М. В. Никитин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.

287. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики / М. В. Никитин. – СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. –757 с.

288. Никитина, Т. Г. Проблемы идеографического описания народной фразеологии / Т. Г. Никитина. – М.: Из глубин, 1995. – 96 с.

289. Никитина, Т. Г. Новые русские социалекты / Т. Г. Никитина // Heidelberg Publikationen zur Slawistik. A. Linguistische Reihe. Band 17. Varietaten im Slawischen. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. – С.133-149.
290. Никитина, Т. Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии / Т. Г. Никитина. – Псков: ПГПИ, 1998. – 208 с.
291. Николаева, Э. А. Первичное фразообразование в бельгийском варианте французского языка: семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Николаева Элеонора Александровна. – М., 2006. – 304 с.
292. Новиков, А. Л. Метонимия в русском языке: Семантическая структура, словообразовательный потенциал, стилистические функции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Новиков Алексей Львович. – М., 1996. – 176 с.
293. Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание / Л. А. Новиков // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка; под ред. Л.А. Новикова. – М.: Рус. яз., 1984. – С. 5-30.
294. Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположностей в лексике) / Л. А. Новиков. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 290 с.
295. Новиков, Л. А. Противоречие как художественный прием // Филологический сборник: (к 100-летию со дня рождения академика Виноградова В.) / Л. А. Новиков. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. – С. 326-334.
296. Норманн, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норманн. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 344 с.
297. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Изд. 2-е, испр. и доп. / В. М. Огольцев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
298. Павлович, Н. В. Семантика оксюморона / Н. В. Павлович // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 238-247.

299. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

300. Парина, И. С. Представление семантики фразеологизмов в идеографическом словаре: на материале немецких идиом семантического поля «речевая деятельность»: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Парина Ирина Сергеевна. – М., 2009. – 24 с.

301. Парина, И. С. Фразеологический каламбур как переводческая проблема (на материале немецких идиом) / И. С. Парина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2009-а. – Вып. 6. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 63-70.

302. Пекарская, И. В. Особенности функционирования современного русского языка: К проблеме системного описания тропов / И. В. Пекарская // Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск: КрасГУ, 2003. – 256 с.

303. Пекарская, И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка / И. В. Пекарская. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2000. – 247 с.

304. Перкарская, И. В. Об изобразительных и выразительных особенностях метафоры как актуализатора прагматики высказывания // Синтаксическая семантика: проблемы и перспективы / И. В. Пекарская. – Орёл: Изд-во ОГУ, 1997. – С. 61-63.

305. Петренко, Е. Е. Фразеологическая картина мира в художественных текстах для младших школьников: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Петренко Елена Евгеньевна. – Челябинск, 2008. – 258 с.

306. Петровский, М. А. Гипербола [Электронный ресурс] / М. А. Петровский // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. В 2-х т. /Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.

– Режим доступа: <http://enc-dic.com/lit/Giperbola-16/> (дата обращения: 20. 12. 2013).

307. Петровский, М. А. Метонимия [Электронный ресурс] / М. А. Петровский // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925-а. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/lit/Metonimija-224/> (дата обращения: 20. 12. 2013).

308. Петрушова, О. Л. Учебные словари в межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Петрушова Ольга Леонидовна. – Ярославль, 2009. – 24 с.

309. Пикалова, Н. П. Реализация принципа градуальности в учебной лексикографии / Н. П. Пикалова // Актуальные аспекты формирования и совершенствования лингвометодической компетенции учителя 1-4 классов современной школы: Сб. науч. статей. – СПб.: САГА, 2007. – С. 33-39.

310. Погребняк, А. К. Ключевое слово «Бог» в семантике русских паремий: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Погребняк Анастасия Константиновна. – Красноярск, 2010. – 23 с.

311. Полухина, В. В. Игровой фразеологический дискурс молодежного жаргона: по данным словарей молодежного жаргона русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Полухина Валентина Владимировна. – Екатеринбург, 2008. – 237 с.

312. Пospelова, А.Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллюкутивно-интерактивная характеристика / А. Г. Пospelова // Трехаспектность грамматики. – СПб.: СПбГУ, 1992. – С.68-85.

313. Поцелуев, С. П. Бессмыслица в аспекте семантики (очерк истории идей) / С. П. Поцелуев // Логос. – 2006. – № 6. – С. 21-67.

314. Квятковский, А. П. Поэтический словарь [Электронный ресурс] / А. П. Квятковский. – М.: Сов. Энцикл., 1966. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-1211.htm> (дата обращения: 28.04. 2012).

315. Прадид, Ю. Ф. Фразеологическое значение и его интерпретация в словаре / Ю. Ф. Прадид // *Frazeografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, teraźniejszość, przyszłość*. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2000. – С.29-31.

316. ПУЛ 1977: Проблемы учебной лексикографии /под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 189 с.

317. ПУЛИОЛ 1978: Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сборник статей / под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1978. – 192 с.

318. Размахнина, Н. В. Опыт реконструкции дискурса на основе иллюстративных авторских примеров в английских фразеографических источниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Размахнина Нина Вениаминовна. – Иркутск, 2003. – 180 с.

319. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн – М.: Высш. шк., 1980. – 143 с.

320. Рахимкулова, Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Рахимкулова Галина Федоровна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 46 с.

321. Ревуцкий, О. И. Троп и троповость в аспекте текстоцентризма / О. И. Ревуцкий // *Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): Материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]*. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 104–107.

322. Резунова, М. В. Лексикографический дискурс русского, английского и немецкого языков / М. В. Резунова // *III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): Труды и материалы: в 2 т.* – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.1. – С.111-113.

323. Резунова, М. В. К определению лексикографического дискурса [Электронный ресурс] / М. В. Резунова // *Альманах современной науки и образования*. – Тамбов. Грамота. В 3-х ч. Ч. III/ – 2012. – № 2 (9). – С. 189-191. –

Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/81.html (дата обращения: 24. 06. 2013).

324. Реформатский, А. А. Введение в языкознание /А. А. Реформатский; под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

325. Рогалёва, Е. И. Как не подложить свинью ребенку, или о «детских болезнях» учебной фразеологии и их профилактике / Е. И. Рогалёва // Начальная школа плюс До и После. – 2012. – № 11. – С. 60-64.

326. Рогалёва, Е. И. Фразеологический словарь здоровьесберегающего содержания: миф или реальность? / Е. И. Рогалёва // Начальное образование. – 2010-а. – № 3. – С.10-17; № 4. – С. 13-14.

327. Рогалёва, Е. И. Учебный фразеологический словарь как средство формирования духовно-нравственной культуры младших школьников / Е. И. Рогалёва // Начальная школа плюс До и После. – 2010-б. – №11. – С. 40-44.

328. Рогалёва, Е. И. Учебный фразеологический словарь как средство социокультурной адаптации младших школьников / Е. И. Рогалёва // Герценовские чтения. Начальное образование. – 2013. – Т. 4. – № 2. – С.178-186.

329. Рогалёва, Е. И., Никитина Т. Г. Русская и чешская фразеология в занимательном детском учебном словаре // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: Сб. научных статей. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С.474-486.

330. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд: Изд-во СамГУ им. А. Навои, 1973. – 223 с.

331. Романенко, О. В. Специфика перевода метафоризации и сравнений как лингвистических единиц [Электронный ресурс] / О. В. Романенко // Научный вестник. Кубанский государственный университет. – 2002. – № 1 – Режим доступа: <http://journal.kubsu.ru/NUMBERS/1/Romanenko.htm> (дата обращения: 08.09.09).

332. Роменская, В. Ф. О классификационной схеме понятия «тип словаря» / В. Ф. Роменская // Структурная и прикладная лингвистика. – Л.: ЛГУ, 1978. – С. 181-188.

333. Росс, Э. Эстонская лексикография во второй половине XX столетий. Направления развития и выводы / Э. Росс // *Linguistica Uralica XXXIV*. – Tallinn. – 1998. – №1. – С.45-52.

334. Руденко, С. А. Учиться понимать друг друга[Электронный ресурс] / С. А. Руденко // *Учительская газета*. – 2008. – №35 – Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/25737> (дата обращения: 08. 01. 2010).

335. Рунова, Н. В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 [Электронный ресурс] / Рунова Наталья Васильевна. – Калининград, 2006. – 247 с. – Режим доступа: <http://www.disserr.com/contents/213564.html> (дата обращения: 18. 12. 2013).

336. Русакова, А. В. Лингвистическая модель двуязычного электронного текстоориентированного словаря юридических терминов (на материале Конституции Российской Федерации, Конституции Французской Республики и Конвенции о защите Прав человека и основных свобод): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Русакова Анастасия Вячеславовна. – Казань, 2008. – 24 с.

337. Рылов, Д. В. Свобода слова глазами филолога [Электронный ресурс] / Д. В. Рылов. – 2000. – Режим доступа: http://calabaxa.narod.ru/svoboda_slova.htm. (дата обращения: 8. 02. 2009).

338. Рысева, Е. А. Тропеические механизмы идиомообразования и их связь с языковой картиной мира / Е. А. Рысева // *Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Тезисы сообщений школы-семинара 13 – 17 ноября 1990 г.* – Орел: Изд-во ОГУ, 1990. – С. 19-20.

339. Рязанцева, Т. Н. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале англ. яз.): учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Т. Н. Рязанцева. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 208 с.

340. Савенкова, Л. Б. Фразеологические единицы русского языка, основанные на метонимии: дис. канд. ... филол. наук: 10.02.01 / Савенкова Людмила Борисовна. – Ростов-на-Дону, 1984. – 204 с.

341. Савицкий, В. М. Аспекты теории фразеомообразовательных моделей / В. М. Савицкий. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993. – 65 с.
342. Салман, А. Е. Актуальная политическая лексика и фразеология русского языка новейшего периода и ее представление в учебном двуязычном словаре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Салман Ахмед Есмаеел. – Воронеж, 2008. – 199 с.
343. Сандакова, Н. И. Адъективная метонимия в лексикографическом аспекте / Н. И. Сандакова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010, № 4 (2). – С. 712-715.
344. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. / В. З. Санников. – М.: «Языки славянской культуры», 2002. – 552 с.
345. Санников, В. З. Каламбур как семантический феномен / В. З. Санников // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 56-69.
346. Сахарный, Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С.221-238.
347. Селиванова, Е. А. Кроссворд как дискурсивный жанр энигматики (категориальная система) [Электронный ресурс] / Е. А. Селиванова. – 2011. – Режим доступа: <http://www.selivanova.net/ru/publications/> (дата обращения: 7.08.2014).
348. Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. – СПб.: ООО «МИРС», 2009. – 270 с.
349. Селиверстова, Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Селиверстова Елена Ивановна. – Санкт-Петербург, 2010. – 421 с.
350. Сергеева, Г. Н. Контекстные значения фразеологизма *в душе* / Г. Н. Сергеева // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуков-

ские чтения): Мат-лы Междунар. научного симпозиума. – Великий Новгород: НовГУ, 2009. – С.72-74.

351. Сидоренко, К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова / К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 253 с.

352. Сидоренко, М. И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке / К. П. Сидоренко. – Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1982. – 108 с.

353. Синюк, В. Б. Фразеологизмы, построенные на противопоставлении компонентов / В. Б. Синюк // Исследования по русскому языку: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. А. Кононенко. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т, 2000. – С. 148-152.

354. СИШ 2002: Сластенин В. А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.

355. Скиба, В. А. «... И дольше века длится день...». Гипербола и литота / В. А. Скиба // Русская словесность. – 2000. – № 5. – С. 76-80.

356. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.

357. Сковородников, А. П. Абсурдизация как стилистический прием (на материале российских газет) [Электронный ресурс] / А. П. Сковородников. – 2012. – Режим доступа: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1332163661_0851.doc (дата обращения: 25. 07. 2014).

358. Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика – Лингвистика: сборник статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. – Вып. 5. – С. 5-12.

359. Сковородников, А. П. О риторических приемах с операторами «увеличение» и «уменьшение» / А. П. Сковородников // Мир русского слова. – 2007. – № 3. – С. 40-46.

360. Скребнев, Ю. М. Тропы и фигуры как объект классификаций // Проблемы экспрессивной стилистики / Ю. М. Скребнев. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1987. – С. 60-65.
361. Слонимский, А. Л. Техника комического у Гоголя / А. Л. Слонимский. – Петроград: Академия, 1923. – 68 с.
362. Смолоногина, Е. А. Текстовые характеристики словарной статьи в немецких толковых словарях): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Смолоногина Елена Анатольевна. – СПб., 2007. – 190 с.
363. Солодуб, Ю. П. Роль словесного комплекса-прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма / Ю. П. Солодуб // Филологические науки, 1996. – №1. – С. 67-79.
364. Солодуб, Ю. П. Русская фразеография в многоязычном сопоставлении (Опыт использования традиций М.И. Михельсона в современной фразеографии) / Ю. П. Солодуб // Проблемы русской и общей фразеологии: Межвузовский сборник научных трудов. Новгород: НГПИ, 1990. – С. 91-99.
365. Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э. М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 168 с.
366. Солодухо, Э. М. Теория фразеологического сближения: На материале славянской, германской и романской групп / Э. М. Солодухо. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 304 с.
367. Сороколетов, Ф. П. Лексические значения и словарная дефиниция // Исследования по исторической семантике / Ф. П. Сороколетов. – Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1980. – С.17-25.
368. Старикова, И. Л. Основы построения толковых словарей сопроводительного жанра (на материале «Толкового словаря школьника»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Старикова Ирина Леонидовна. – М., 2008. – 214 с.
369. Степанов, Ю. С. Номинация, семантика, семасиология (Виды семантических определений в современной лексикологии) / Ю. С. Степанов // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С.294-358.

370. Степанова, Н. Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Степанова Наталья Юрьевна. – М., 2009. – 20 с.
371. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: монография / И. А. Стернин. – М.: АСТ – Восток-Запад, 2007. – 288 с.
372. Стройков, С. А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста (на материале словаря-энциклопедии «The Free Dictionary»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Стройков Сергей Александрович. – Самара, 2008. – 24 с.
373. Сулак, С. К. К вопросу о дидактическом значении компьютерной лексикографии как области прикладной лингвистики / С. К. Сулак // Вопросы прикладной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 140-145.
374. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
375. Супрун, А. Е. Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего / А. Е. Супрун // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сборник статей / под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. – М.: Рус.яз., 1978. – С.43-47.
376. Суховий, О. А. Тематическое поле возраста человека в украинской фразеологии в этнолингвистическом освещении / О. А. Суховий // Slavenska frazeologija I pragmatika. - Zagreb: Knjigra, 2007. – С.497-503.
377. Табанакова, В. Д. Типология словарей сегодня / В. Д. Табанакова, Н. А. Сивакова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 114-119.
378. Татанова, Л. И. Дискурсивные характеристики оксюморона в англоязычной художественной литературе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Татанова Лариса Ивановна. – М., 2006. – 165 с.

379. Татар, Б. Морфологические разряды в русской фразеологии / Б. Татар // Russistk. Die Wissenschaftliche Zeitschrift für aktuelle Fragen des Russischunterrichts. – 1996. – № 1-2. – С.42-47.

380. Татарина, О. И. Семинар первый: категория формы, содержательность формы [Электронный ресурс] / О. И. Тарасова // Кипарисовый ларец. Литературная мастерская Ольги Татариновой. – 2006. – Режим доступа: URL: <http://www.tatarinova.org/text/19> (дата обращения: 9.08.2011).

381. ТББД 1990: Телия В. Н. Компьютерная фразеография и ее концептуальные оппозиции / В. Н. Телия, А. Н. Баранов, Е. Г. Борисова, Д. О. Добровольский // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 10-32.

382. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1996-а. – 141 с.

383. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988-а. – С. 26-52.

384. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988-б. – С. 173-204.

385. Телия, В. Н. О феномене воспроизводимости языковых значений / В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Отв.ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып.30. – с. 4-42

386. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996-б. – 288 с.

387. Телия, В. Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении / В. Н. Телия // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 32-47.

388. Теучеж, З. Г. Структурно-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика лингвистической парафразы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Теучеж Замира Гидовна. – Майкоп, 2008. – 24 с.

389. Тихомиров, С. А. Гипербола в градуальном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тихомиров Сергей Александрович. – М., 2006. – 21 с.

390. ТМ 1990: Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

391. Токарева, П. В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном учебном дискурсе (На материале школьных учебников): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Токарева Полина Всильевна. – Омск, 2005. – 171 с.

392. Топорков, А. Л. Решето [Электронный ресурс] / А. Л. Топорков // Святая Русь: энциклопедический словарь; под ред. О. А. Платонова. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. – Режим доступа: <http://interpretive.ru/dictionary/395/word/resheto> (дата обращения: 3.05. 2013).

393. Трафименкова, Т. А. Терминология болезней как объект ономаσιологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Трафименкова Татьяна Александровна. – Орел, 2006. – 20 с.

394. Туницкая, Е. Л. Перифразирование в лингвопрагматическом аспекте на материале французского дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05 / Туницкая Елена Леонидовна. – Москва, 2010. – 44 с.

395. Тюкова, И. Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б. Л. Пастернака (На материале книги «Сестра моя – жизнь»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тюкова Ирина Николаевна. – Томск, 2005. – 260 с.

396. Уварова, Н. Л. Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Уварова Наталья Львовна. – Горький, 1986. – 191 с.

397. Удод, Д. А. Креолизированный текст как особый вид паралингвистически активного текста / Д. А. Удод // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 97-99.
398. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1970. – Вып. V. – С. 250–299.
399. Устарханов, Р. И. Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Устарханов, Рашид Ибрагимович. – Пятигорск, 2006. – 21 с.
400. Ушаков, Д. Н. Перифразировать / Д. Н. Ушаков // Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2006. – С. 681-682.
401. ФГОС 2009: Федеральный государственный стандарт начального образования: (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. N 373) [Электронный ресурс] – М., 2009. – Режим доступа: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=959> (дата обращения: 21.12. 2009)
402. Федоров, А. И. Сибирская диалектная фразеология / А. И. Федоров. - Новосибирск, 1980. – 192 с.
403. Федуленкова, Т. Н. Межъязыковые отношения фразеологических единиц английского, немецкого и шведского языков, основанных на гиперболе [Электронный ресурс] / Т.Н. Федуленкова // Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. – М.: Изд-во «Академия Естествознания», 2012 год. – Режим доступа: <http://www.rae.ru/monographs/152-4876> (дата обращения: 14. 08. 2013).
404. Федуленкова, Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Т.Н. Федуленкова. – Северодвинск, 2006. – 34 с.
405. Фесенко, О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / О. П. Фесенко. – Томск, 2009. – 37 с.

406. Филоненко, Т. М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества (На материале фразеологии современного русского языка): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Филоненко Тамара Михайловна. – Магнитогорск, 2004. – 435 с.
407. Флорова, В. С. Двойной диалог в шекспировских сонетах / В. С. Флорова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – 2011. – № 2. – С. 49-60.
408. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
409. Фрумкина, Р. М. Лингвист как познающая личность // Язык и когнитивная деятельность / Р. М. Фрумкина. – М., 1989. – С. 38–46.
410. Хазагеров, Г. Г. Риторика / Г. Г. Хазагеров, И. Б. Лобанов. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 384 с.
411. Хазагеров, Т. Г. Общая риторика: курс лекций: словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина; ред. Е. Н. Ширяев. - 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 320 с.
412. Халиков, М. М. Лексико-семантическая характеристика антонимических контекстов (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс] / Халиков Магомед Магомедович. – Л., 1983. – 156 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/leksiko-semanticheskaja-harakteristika-antonimicheskikh-kontekstov.html> (дата обращения: 18.07.2013).
413. Хасанова, З. Ш. Сравнительная характеристика фразеологических вариантов в русском и узбекском языках / З. Ш. Хасанова, Е. Х. Кулдашева // III Международные Бодуэновские чтения: И. А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): Труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.272-274.

414. Хаук, Р. Фразеологическое поле множества в чешском, русском и немецком языках / Р. Хаук // *Geifswalder Beiträge zur Slawistik* III. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 1998. – S.105-114.
415. Хроленко, А. Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие / А. Т. Хроленко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.
416. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. Н. Цейтлин. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
417. Цой, А. С. Лексикография русских служебных слов: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Цой Александр Сергеевич. – М., 2008. – 34 с.
418. Цывин, А. М. К вопросу о классификации русских словарей / А. М. Цывин // *Вопросы языкознания*. – 1978. – №1. – С.101-106.
419. Чекалда, А. К вопросу об истории создания эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических изданий / А. Чекалда // *Acta Slavica Estonica* III. *Slavica Tartuensia* X, 2013. – С.179-193.
420. Чепасова, А. М. Практические и теоретические проблемы фразеографии / А. М. Чепасова // *Frazeografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, teraźniejszość, przyszłość*. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2000. – С.21-22.
421. Черданцева, Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах / Т. З. Черданцева // *Метафора в языке и тексте*. – М.: Наука, 1988. – С.78-92.
422. Череповская, И. Б. Учебное пособие интерактивного типа для краткосрочных курсов РКИ (продвинутый этап обучения): дис. ... канд. филол. наук: 13.00.02 / Череповская Ирина Борисовна. – М., 2005. – 208 с.
423. Черкасова, Е. В. Структура и прагматика инференциального смысла высказываний: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Черкасова Елена Валерьевна. – Самара, 2008. – 25 с.
424. Чернова, М. С. Фразеологические единицы, построенные на гиперболе, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чернова Мария Сергеевна. – Казань, 2008. – 180 с.

425. Чубур, Т. А. Проблемы переводческой лексикографии / Т. А. Чубур // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2007. – № 1. – С. 173-181.
426. Чуковский, К. И. Собр. соч. в 6 томах. Том 1. [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – М.: Худ. лит., 1965. – Режим доступа: <http://www.2lib.ru/getbook/15382.html> (дата обращения: 19. 11. 2010).
427. Чумарина, Г. Р. Теория и практика составления электронных словарей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Чумарина Гузель Раисовна. – Казань, 2010. – 20 с.
428. Шанский, Н. М. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1957. – № 3. – С. 13-21.
429. Шаповал, В. В. Словарь как гипертекст и аспекты лексикографической критики [Электронный ресурс] / В. В. Шаповал // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. – Вып. 8. – Т.1. – М., 2009. – С. 233-237. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-09b.htm> (дата обращения: 1.05. 2014).
430. Шарманова, О. С. Метафора, метонимия, метафтонимия. Способы концептуализации грузино-российского конфликта (на примере немецкоязычных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шарманова Оксана Сергеевна. – Иркутск, 2012. – 16 с.
431. Шаховский, В.И. Реализация эмотивного кода в языковой игре / В. И. Шаховский // Эмотивный код языка и его реализация: Кол. монография. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 7-18.
432. Шацкая, М. Ф. Взаимодействие лексической и синтаксической семантики в русском художественном тексте: межуровневые контакты и механизмы аномальных трансформаций при порождении языковой игры: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / Шацкая Марина Фе-

доровна. – Волгоград, 2010. – 34 с. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/19072010_shatskayamf/2 (дата обращения: 5.07. 2012).

433. Шмелёв, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 3-е. / Д. Н. Шмелёв. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 248 с.

434. Шмелёва, Т. В. Алфавит в русской культуре // Кириллица – латиница – гражданица: Коллективная монография / Т. В. Шмелёва; под ред. Т. В. Шмелёвой. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – 340 с.

435. Шмелёва, Т. В. Автор в медиатексте [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелёва // Новгородские медиа: стилистический портрет (сборник материалов). Великий Новгород: НовГУ, 2010. – Режим доступа: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portrait/Data/avtor_v_mediatekste.html (дата обращения: 5. 02. 2014).

436. Шмелёва, Т. В. Средства выражения метасмысла *преувеличение* [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелёва // Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. – Красноярск: КрасГУ, 1987. – С. 82-92. – Режим доступа: <http://www.novsu.ru/file/1082435> (дата обращения: 3.08.2011).

437. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

438. Шульга, М. В. Фразеология в ряду прецедентных феноменов в русском тексте / М. В. Шульга // Slavenska frazeologija I pragmatika. – Zagreb: Knji-gra, 2007. – С.523-526.

439. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С .266.

440. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие /И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.

441. Щукина, Д. А. Пространство как лингвокогнитивная категория (на материале произведений М. А. Булгакова разных жанров): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Щукина Дарья Алексеевна. – СПб., 2004. – 357 с.
442. Щукина, К. А. Речевые особенности проявления повествователя, персонажа и автора в современном рассказе (На материале произведений Т. Толстой, Л. Петрушевский, Л. Улицкой): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / Щукина Кира Александровна. – СПб., 2004. – 165 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rechevye-osobennosti-proyavleniya-povestvovatelya-personazha-i-avtora-v-sovremennom-rasskaze> (дата обращения: 27. 02. 2014).
443. Эмирова, А. М. Избранные научные работы / А. М. Эмирова. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 366 с.
444. Эмирова, А. М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических (идиоматических) предикатов / А. М. Эмирова // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С.114-118.
445. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1977. – С.193-230.
446. Якутина, О. Л. Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы (на материале французской поэзии XIX-XXI вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Якутина Ольга Леонидовна. – Смоленск, 2007. – 171 с.
447. Яцуга, Т. Е. Регулятивный потенциал сравнения в лексической структуре поэтических текстов З. Гиппиус / Т. Е. Яцуга // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 2. – С. 97-103.
448. Burger, H. Handbuch der Phraseologie / von H. Burger, A. Buhofer und A. Sialm / H. Burger. – Berlin, New York : de Gruyter, 1982. – 433 S.
449. Goossens, L. Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast/ ed. by Rene Dirven, Ralf Porings. – Berlin; N.Y: Mouton de Gruyer, 2002. – P. 349-377.

450. Hartmann, R. R. K. *Sociology of the Dictionary User: Hypotheses and Empirical Studies* / R. R. Hartmann, // *Worterbucher, Dictionaries, Dictionnaires. Ein Internationales Handbuch zur Lexicographie. Encyclopedie Internationale de Lexicographie* / Ed. by F. Hausmann et al. Vol 1. Berlin: Walter de Gruyter. – 1989. – P. 102-111.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов* / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия: 1966. – 608 с.
2. Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов*. – 2-е изд., стереотип. / О. С. Ахманова. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. Балакай, А. Г. *Словарь русского речевого этикета*. – 3-е изд., испр. И доп. / А. Г. Балакай. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 767 с.
4. БВН 1993: Бирих, А. К. *Словарь русской фразеологической терминологии* / А. К. Бирих, С. С. Волков, Т. Г. Никитина; под ред. проф. В. М. Мокиенко. – München: Verlag Otto Sagner, 1993. – 136 с.
5. БМС 1998: Бирих А. К. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник* / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
6. БФСРЯ 2006: *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. Введенская, Л. А. *Словарь антонимов русского языка* Л. А. Введенская. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 544 с.
8. Грабчикова, Е. С. *Фразеологический словарь - справочник русского языка*. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2000 / Е. С. Грабчикова. – 160 с.
9. Гуревич, В. В. *Русско-английский фразеологический словарь* / В. В. Гуревич, Ж. А. Дозорец. – М.: Эксмо, 2004. – 656 с.

10. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Худ. лит., 1957. – 992 с.
11. Жуков, А. В. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М.: Астрель, 2009. – 443 с.
12. Жуков, В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляр; под ред. В. П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
13. ИЭС 2005: Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
14. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Рус. яз., 1999. – 512 с.
15. ЛЭС 1987: Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева; редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
16. Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
17. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008-а. – 784 с.
18. Мокиенко, В. М. Большой словарь народных сравнений / В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008-б. – 800 с.
19. Мокиенко, В. М. Словарь псковских пословиц и поговорок / В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович. – СПб.: Норинт, 2001. – 176 с.
20. Мокиенко, В. М. Словарь крылатых выражений А.С.Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ: Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
21. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 940 с.

22. Назарян, А. Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка / А. Г. Назарян. – М.: РУДН, 2003. – 334 с.
23. ОЭСРФ 1987: Шанский, Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М.: Рус. яз., 1987. – 240 с.
24. Педагогическое речеведение 1998. Словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
25. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
26. РАС 2002: Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций [Электронный ресурс]. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 21.01. 2014).
27. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е издание, испр. и доп. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
28. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты [Электронный ресурс] / В. П. Руднев. – М.: «Аграф», 2009. – Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (дата обращения: 19.10. 2011).
29. Супрун, В. И. Этимологический словарь / В. И. Супрун // Словарь младшего школьника. – М.: Стрекоза, 2012. – 239-470.
30. УСЛТ 2005: Учебный словарь лингвистических терминов / Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 256 с.

31. ФОСРЯ 2009: Баранов, А. Н. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

32. ФСРЛЯ 1991: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX в.: В 2 т. /под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1991. Т.1: А-Н. – 340 с.; Т.2: О-Я. – 274 с.

33. ФСРЯ 1978: Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

34. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка: ок. 10000 тыс. слов; свыше 15000 высказываний / В. К. Харченко. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 637 с.

35. Черных, П. Я. Этимологический словарь русского языка. В 2-х т. [Электронный ресурс] / П. Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1993. – Режим доступа: <http://chernykh-etym.narod.ru/> (дата обращения: 10. 12. 2011).

36. Шекасюк, Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь Б. П. Шекасюк. – М.: Либроком, 2013. – 864 с.

37. Энциклопедия языкознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jazykoznanie.ru/568/> (дата обращения: 5.10. 2011).

38. ЭСС 2009: Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.

• Учебные фразеологические словари

39. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

40. Баско, Н. В. Фразеологический словарь. Почему мы так говорим? (1-4 классы) / Н. В. Баско. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. – 192 с.
41. Баско, Н. В. Фразеологический словарь русского языка (5-11 классы) / Н. В. Баско, В. И. Зимин. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 416 с.
42. Волина, В. В. Фразеологический словарь / В. В. Волина. - СПб.: Дидактика Плюс, 2001. – 256 с.
43. Волков, С. В. Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей / С. В. Волков. – СПб: Сова, 2009. – 222 с.
44. Дубровин, М. И. Русские и английские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин. – М.: АСТ, 2009. – 315 с.
45. Дубровин, М. И., Касталос Д. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин, Д. Касталос. – М.: Рус. яз., 1981. – 328 с.
46. Дубровин, М. И., Коштыл А. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин, А. Коштыл. – М.: Рус. яз., 1980. – 328 с.
47. Дубровин, М. И., Паролкова О. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин, О. Паролкова. – М.: Рус. яз., 1984. – 328 с.
48. Дубровин, М. И. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин, М. Ж. де Меллу. – М.: Рус. яз., 1986. – 328 с.
49. Дубровин, М. И., Шенк В. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин, В. Шенк. – М.: Рус. яз., 1979. – 328 с.
50. Кохтев, Н. Н. Русская фразеология / Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь. – М.: Рус. яз., 1986. – 304 с.
51. КФСРЯ 1992: Быстрова, Е. А. Краткий фразеологический словарь русского языка / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – СПб: Просвещение, 1992. – 271 с.
52. Лавреньева, Е. Не клюй носом. – М.: Карапуз, 2007 / Е. Лаврентьева, А. Валасина. – 16 с.
53. Лебедева, Л. А. Человек в зеркале сравнений: Внешность человека. Краткий русско-английский словарь / Л. А. Лебедева, А. В. Элмасын. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. – 62 с.

54. Недогонов, Д. В. Фразеологический словарь // 7 иллюстрированных словарей русского языка для детей в одной книге / авт.-сост. Д. В. Недогонов. – М.: АСТ- Астрель: Полиграфиздат, 2012. – С.112-159.
55. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2001. – 800 с.
56. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения русского языка. Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке / В. М. Огольцев. – М.: РЯ, 1984. – 176 с.
57. Розе, Т. В. Большой фразеологический словарь для детей / Т. В. Розе. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2005. – 224 с.
58. Розенталь, Д. Э. Фразеологический словарь русского языка / Д. Э. Розенталь, В. В. Краснянский. – М.: ООО «Издательство «Мир и образование», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство Оникс». – 2011. – 416 с.
59. Соболева 2007: Универсальный словарь по русскому языку: Начальная школа / под ред. О. Л. Соболевой. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 752 с.
60. Ставская, Г. М. Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарик: Пособие для учащихся нач. шк. / Г. М. Ставская. – М.: Дрофа, 2002. – 224 с.
61. Субботина 2007: Фразеологический словарь русского языка для школьников / сост. Л. А. Субботина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 320 с.
62. Томашевская 2009: Фразеологический словарь /сост. Н. В. Томашевская. – М.: Эксмо, 2009. – 256 с.
63. УФСРЯ 1984: Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка. Пособие для учащихся национальных школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – Л.: Просвещение, 1984. – 272 с.
64. Ушакова, О. Д. Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника / О. Д. Ушакова. – СПб.: Издательский Дом «Литера», 2004. – 96 с.

65. Фелицина, В. П. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицина, В. М. Мокиенко. – М.: Рус. яз., 1990. – 220 с.
66. Фелицина В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Фелицина, В. М. Мокиенко. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 704 с.
67. Фелицина, В. П. Фразеологический словарь для школьников / В. П. Фелицина, В. М. Мокиенко. – СПб.: Норинт, 2005. – 512 с.
68. Фелицина, В. П. Русский фразеологический словарь / В. П. Фелицина, В. М. Мокиенко. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 400 с.
69. ФСУЧНШ 1989: Фразеологический словарики к учебникам чтения для начальной школы (методические рекомендации для студентов факультета начальных классов) / сост. Л. Н. Сергеева. – Новгород, НовГУ, 1989. – 20 с.
70. ШФСРЯ 1989: Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 2-е изд, перераб. – М.: Просвещение, 1989. – 383 с.
71. ШФСРЯ 2000: Школьный фразеологический словарь русского языка / сост. А. Ю. Москвин. – М.: Центрполиграф, 2000. – 639 с.
72. ШФСРЯ-ЗПС 2001: Шанский Н. М. Школьный фразеологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М.: Дрофа, 2001. – 368 с.
73. Яранцев, Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии: Ок. 800 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – 2-е изд. – М.: Русск. яз., 1985. – 304 с.
74. Яранцев, Р. И. Русско-чешская фразеология (Свойства и качества характера) / Р. И. Яранцев, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М.: МГУ, 1992. – 96 с.
75. Яранцев, Р. И. Учебное пособие по русско-чешской фразеологии (Эмоции и чувства человека) / Р. И. Яранцев, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М.: МГУ, 1989. – 96 с.

**УЧЕБНИКИ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПО ОСНОВНЫМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ**

**Образовательная программа «РИТМ»
(«Классическая начальная школа»)**

Джежелей, О. В. Литературное чтение. Учебник для 2 класса четырехлетней начальной школы. В 3-х ч. / О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2008, 2010, 2011.

Джежелей, О. В. Литературное чтение. Учебник для 3 класса четырехлетней начальной школы. В 3-х ч. / О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2008, 2008, 2010.

Джежелей, О. В. Литературное чтение. Учебник для 4 класса четырехлетней начальной школы. В 3-х ч. / О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2006, 2008, 2012.

Рамзаева, Т. Г. Русский язык. Учебник для 2 класса четырехлетней начальной школы. В 2-х ч. / Т. Г. Рамзаева. – М.: Дрофа, 2006, 2008, 2010.

Рамзаева, Т. Г. Русский язык. Учебник для 3 класса четырехлетней начальной школы. В 2-х ч. / Т. Г. Рамзаева. – М.: Дрофа, 2006, 2008, 2010.

Рамзаева, Т. Г. Учебник для 4 класса четырехлетней начальной школы. В 2-х ч. / Т. Г. Рамзаева. – М.: Дрофа, 2006, 2008, 2011.

Образовательная программа «Школа России»

Канакина, В. П. Русский язык. Учебник. 2 класс. В 2-х частях / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. – М.: Просвещение, 2007, 2009, 2011.

Канакина, В. П. Русский язык. Учебник. 3 класс. В 2-х частях / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. – М.: Просвещение, 2007, 2009, 2011.

Канакина, В. П. Русский язык. Учебник. 4 класс. В 2-х частях / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. – М.: Просвещение, 2007, 2009, 2011.

Климанова, Л. Ф. Голованова М.В. Литературное чтение. Учебник. 2 класс. В 2-х частях / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий. – М.: Просвещение, 2007, 2009, 2011.

Климанова, Л. Ф. Литературное чтение. Учебник. 3 класс. В 2-х частях / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова. – М.: Просвещение, 2007, 2009, 2011.

Климанова, Л. Ф. Литературное чтение. Учебник. 4 класс. В 2-х частях / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова. – М.: Просвещение, 2007, 2009, 2011.

Образовательная программа «Школа 2100»

Бунеев, Р. Н. Русский язык. Учебник для 2-го класса общеобразовательной школы / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, О. В. Пронина. – М.: Баласс, 2004; 2007; 2011.

Бунеев, Р. Н. Литературное чтение. Учебник. 2-й класс. («Маленькая дверь в большой мир»). В 2-х ч. / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева. – М.: Баласс, 2004; 2007; 2011.

Бунеев, Р. Н. Русский язык. Учебник для 3-го класса общеобразовательной школы: в 2-х ч. / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, О. В. Пронина. – М.: Баласс, 2005; 2007; 2011.

Бунеев, Р. Н. Литературное чтение. Учебник. 3-й класс. («В одном счастливом детстве»). В 2-х ч. / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева. – М.: Баласс, 2005; 2007; 2011.

Бунеев, Р. Н. Русский язык. Учебник для 4-го класса общеобразовательной школы: в 2-х ч. / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, О. В. Пронина. – М.: Баласс, 2006; 2008; 2011.

Бунеев, Р. Н. Литературное чтение. Учебник. 4-й класс. («В океане света»). В 2-х ч. / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева. – М.: Баласс, 2006; 2008; 2011.

Образовательная программа «Начальная школа XXI века»

Ефросинина, Л. А. Литературное чтение. Учебник. 2 класс. В 2-х ч. / Л. А. Ефросинина, М. И. Оморокова. – М.: Вентана-Граф, 2008; 2010; 2012.

Ефросинина, Л. А. Литературное чтение. Учебник. 3 класс. В 2-х ч. / Л. А. Ефросинина, М. И. Оморокова. – М.: Вентана-Граф, 2008; 2010; 2012.

Ефросинина, Л. А. Литературное чтение. Учебник. 4 класс. В 2-х ч. / Л. А. Ефросинина, М. И. Оморокова. – М.: Вентана-Граф, 2008; 2010; 2012.

Иванов, С. В. Русский язык. Учебник для 2 класса четырехлетней начальной школы. В 2-х ч. / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова. – М.: Вентана-Граф, 2008; 2010; 2012.

Иванов, С. В. Русский язык. Учебник для 3 класса четырехлетней начальной школы. В 2-х ч. / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова. – М.: Вентана-Граф, 2008; 2010; 2012.

Иванов, С. В. Русский язык. Учебник для 4 класса четырехлетней начальной школы. В 2-х ч. / С. В. Иванов, А. О. Евдокимова, М. И. Кузнецова. – М.: Вентана-Граф, 2008; 2010; 2012.

Образовательная программа «Гармония»

Кубасова, О. В. Литературное чтение. Учебник. 2 класс. В 3-х частях / О. В. Кубасова. – М.: Ассоциация XXI век, 2008; 2009; 2012.

Кубасова, О. В. Литературное чтение. Учебник. 3 класс. В 4-х частях / О. В. Кубасова. – М.: Ассоциация XXI век, 2008; 2009; 2012.

Кубасова, О. В. Литературное чтение. Учебник. 4 класс. В 4-х частях / О. В. Кубасова. – М.: Ассоциация XXI век, 2008; 2009; 2012.

Соловейчик, М.С. Русский язык. К тайнам нашего языка. Учебник. 2 класс. В 2-х ч. / М. С. Соловейчик, Н. С. Кузьменко. – М.: Ассоциация XXI век, 2008; 2009; 2012.

Соловейчик, М. С. Русский язык. К тайнам нашего языка. Учебник. 2 класс. В 2-х ч. / М. С. Соловейчик, Н. С. Кузьменко. – М.: Ассоциация XXI век, 2008; 2009; 2012.

Соловейчик М.С. Русский язык. К тайнам нашего языка. Учебник. 2 класс. В 2-х ч. / М. С. Соловейчик, Н. С. Кузьменко. – М.: Ассоциация XXI век, 2008; 2009; 2012.

Образовательная программа
«Система развивающего обучения Л.В. Занкова»

Полякова, А. В. Русский язык. Учебник. 1 класс / А. В. Полякова. – М.: Просвещение, 2008,; 2009; 2011.

Полякова, А. В. Русский язык. Учебник. 2 класс / А. В. Полякова.. – М.: Просвещение, 2008; 2009; 2011.

Полякова, А. В. Русский язык. Учебник. 3 класс. В 2-х частях / А. В. Полякова. – М.: Просвещение, 2008; 2009; 2011.

Полякова, А.В. Русский язык. Учебник. 4 класс. В 2-х частях / А. В. Полякова. – М.: Просвещение, 2008; 2009; 2011.

Романовская, З. И. Литературное чтение. Живое слово. Учебник. 2 класс. В 2-х частях / А. В. Полякова. – М.: АСТ, Астрель, 2007; 2010.

Романовская, З. И. Литературное чтение. Живое слово. Учебник. 3 класс / З. И. Романовская. – М.: АСТ, Астрель, 2007; 2010.

Романовская, З. И. Литературное чтение. Живое слово. Учебник. 4 класс. В 2-х частях / З. И. Романовская. – М.: АСТ, Астрель, 2007; 2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

**1. Статьи комплексного учебного фразеологического словаря
для младших школьников**

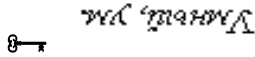
ЦАРЬ
БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ
Глупый, недалёкий, ограниченный (о человеке).

Говорится неодобрительно.

Прочитай ещё раз толкование фразеологизма в рамочке: «Глупый, недалекий, ограниченный (о человеке)». Да, всё верно. Но сначала мы поговорим о другом, о прямо противоположном.

🔗 Подбери антонимы (слова, противоположные по смыслу) к прилагательному *глупый* и существительному *глупость*.

Вот об уме-разуме и пойдёт речь. Так что можешь считать, что это самая умная статья в нашем словаре.

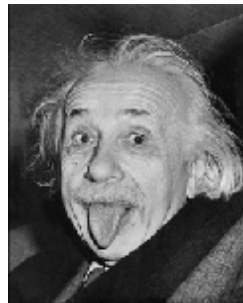
По такому случаю мы перейдём с тобой на Вы, как это принято в научном мире.

Известно ли Вам, уважаемый коллега, что все мы относимся к виду *Homo sapiens*⁵² (в переводе с латинского – «человек разумный»). Учёные доказали, что люди этого вида появились около 200 тысяч лет назад в Африке, а 35-50 тысяч лет назад расселились по всем континентам.

Вы спросите, а кто был до *Homo sapiens*? Был и *Homo habilis* (Человек умелый), был и *Homo erectus* (Человек прямоходящий), были и другие, и ещё другие и ещё. Процесс превращения наших предков-обезьян в человека мог начаться около 20 миллионов лет тому назад!

Конечно, это только предположения. Но то, что Вы, уважаемый коллега, отличаетесь от своих предшественников способностью думать и запоминать – это неоспоримый факт. Ведь Вы – Человек Разумный. Посмотрите вокруг: сколько всего создано благодаря высоко развитому человеческому уму: города, книги, сложные машины и приборы. Ум руководит человеком – помогает ему найти правильную линию поведения, справиться с трудностями, достичь своей цели. Да он просто царь какой-то, наш ум! Да ведь точно – царь и есть! Раньше часто употребляли пословицу *Свой ум – царь в голове*. В 19-ом веке об умном человеке говорили: он *с царём в голове*. Постепенно этот фразеологизм да и пословица вышли из употребления, и уже о глупом человеке стали говорить: он *без царя в голове*. Именно это выражение и закрепилось в русском языке.

Поговорим немного и о противоположности ума, то есть о глупости. Посмотрите на этого человека.

Если вы думаете, коллега, что мы поместили в качестве иллюстрации фотографию глупого человека, то вы ошибаетесь. Это Альберт Эйнштейн – гениальный учёный, выдающийся мыслитель XX века, лауреат Нобелевской премии, физик-теоретик, создатель «теории относительности». Просто он был большим шутником. И очень-очень много знал и много всего повидал на свете. Поэтому его словам можно верить: «Только две вещи бесконечны: космос и человеческая глупость». А учёные-фразеологи установили, что во всех языках мира фразеологизмов, обозначающих умного человека, в десятки раз меньше, чем фразеологизмов, высмеивающих глупцов. С одним из таких оборотов мы сегодня и познакомились.

⁵² *Homo sapiens* читается как «Хомо сапиенс».

☞ Теперь подведём итог. Фразеологизм *без царя в голове* возник на базе пословицы *Свой ум – царь в голове*. Если об умном человеке говорили, что он *с царём в голове*, то о глупом и ограниченном человеке соответственно: он *без царя в голове*.

Найди фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья в записях из дневника нашего знакомого Константина Чукина . Этот ответственный работник недавно побывал в командировке в городе Глуповске.

Проследи, как в его записях раскрывается содержание фразеологизма: как ведут себя люди без царя в голове? Подумай, какие ещё слова и выражения в тексте можно заменить фразеологизмом *без царя в голове*.

☉ **Запись первая.** В командировки я езжу часто, каждую неделю. Считаю себя профессиональным командировочным. А в городе Глуповске раньше никогда не бывал. Рассказывают, что местные жители – без царя в голове: несообразительные и ограниченные люди. Одним словом, глупые. Ну что же, посмотрим! Завтра отправляюсь туда по служебным делам.

☉ **Запись вторая.** Прилетел в город Глуповск и сразу почувствовал, что он оправдывает свое название. Точнее, прилетел – это громко сказано. Летчики попались абсолютно без царя в голове. Нас приняли за спортсменов и начали сбрасывать с парашютами. Хорошо, что внизу оказался стог сена. Мне повезло: я упал не на землю, но все равно сильно ушиб ногу.

☉ **Запись третья.** Обратился в поликлинику. Сразу пожалел. Там студенты-практиканты, тоже какие-то глупые, вырвали мне здоровый зуб и наложили гипс на здоровую руку. Ну точно, без царя в голове!

☉ **Запись четвёртая.** Сегодня пошёл пообедать в кафе. Ну и порядочки здесь! Официанты – без царя в голове. Вот как мне подавали котлеты:

Три дня голодал. Надолго я запомню этот городок. Если бы города называли фразеологизмами, это был бы город

✍ Заверши последнюю запись Константина. У него закончилась паста, а в местном магазине ему продали ручку, заправленную сгущённым молоком.

Ты – коллекционер и собираешь поступки, идеи, изобретения людей без царя в голове. Сегодня ты устроил презентацию своей коллекции. Среди экспонатов твоей выставки есть и настоящие и вымышленные.

Экспонат №1. Русские народные сказки о людях без царя в голове.

Лутонюшка

Жили-были старик со старухой, и был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутоней занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Хотела она полено в печь подбросить, но не донесла до печи, уронила на пол и тут превеликим голосом закричала и завопила. Старик услышал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху, о чём она кричит. Старуха сквозь слезы и говорит ему:

- Да вот если бы мы женили нашего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут играл на полу, - я бы ведь ушибла его поленом-то!

Ну и старик начал вместе с нею кричать:

- И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..

Кричат оба, что ни есть мочи. Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает:

- О чём вы кричите?

Они отвечают:

- Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча играл вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

- Ну и придумали! - сказал Лутоня.

Потом взял свою шапку в охапку.

- Прощайте! - говорит. - Если найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду - и не ждите меня!

И ушёл. Шёл, шёл и видит: мужики на избу тащат корову.

- Зачем вы тащите корову? - спрашивает Лутоня.

А ему отвечают:

- Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!

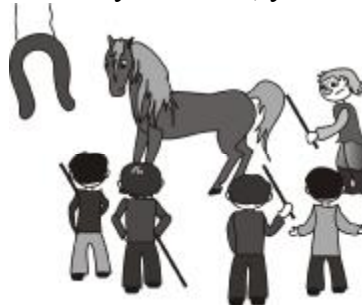
- Ах, дураки набитые! - сказал Лутоня. Взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове.

Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их уму-разуму.

- Нет, - сказал Лутоня, - у меня таких дураков ещё много по белу свету!

И пошёл дальше. Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

- Что вы делаете? - спросил Лутоня.

- Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку.

- Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вас научу.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики тоже удивились, стали усердно просить, чтобы остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошёл дальше.

Шёл, шёл, устал и зашёл на постоянный двор. Тут увидел он: хозяйка-старушка сварила овсяную кашу, поставила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

- Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти! - спросил Лутоня.

- Как зачем? – удивилась старуха. - Ты видишь, батюшка, каша-то на столе, а сметана в погребе.

- Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то, у тебя дело пошло бы по масличку!

- И то, родимый!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся, залез на полати и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка дале начнётся, а теперь пока вся.

→ Объясни, кто из героев сказки без царя в голове? Почему ты так считаешь?

→ Используя фразеологизм *без царя в голове*, перескажи сказку от имени разных героев.

Экспонат №2. Анекдоты про людей без царя в голове.

- Здесь у нас на Кипре⁵³ – 60 градусов в тени!..

- Так ты в тень-то не ходи...

Папа звонит к соседу:

- Вы сделали за сына домашнее задание по математике?

- Сделал...

- Дайте списать...

- Я вот не понимаю, почему в пуговицах 4 дырочки?

- Вот у собаки сколько ног?

- Четыре.

- Ну, так чего ты глупые вопросы задаёшь?

→ Определи, какие фразы в этих анекдотов принадлежат людям без царя в голове.

→ Знаешь ли ты другие анекдоты про людей без царя в голове? Расскажи их друзьям и родителям, используя фразеологизм *без царя в голове*. Не забудь объяснить им значение фразеологизма. Попроси друзей и родителей пополнить твою коллекцию новыми анекдотами. Будем очень благодарны, если ты и с нами поделишься этими материалами (dety-frazeologiya@ya.ru)

Экспонат №3. Фотография очень странной кухни.

⁵³ *Kипр* – остров в восточной части Средиземного моря, куда ездят отдыхать наши туристы.

→ Как ты думаешь, почему соседи говорят про Антона, хозяина этой кухни, что он без царя в голове? Начни рассуждение от имени соседа со слов: «Наш Антон без царя в голове, потому что у него на кухне

→ А что соседи рассказывают о его поведении? Какие поступки этого странного человека подтверждают, что он – без царя в голове?

Экспонат №4. Фотография новых павильонов для остановок городского транспорта.

→ Как можно рассказать об этом экспонате, употребив фразеологизм *без царя в голове*? Используй в своём рассказе шутливую заметку из местной газеты:

☉ Остановки для транспорта специально разрабатывались для нашей погоды. Дизайнеры «учли» все. На случай жаркой солнечной погоды они сделали прозрачные крыши. На случай ветра - проемы в стенах. На случай мороза - железные сидения.

→ Расскажи, какие ещё экспонаты-постройки имеются в твоей коллекции. Помни, что авто-рами этих «творений» должны быть люди без царя в голове.

Экспонат № 5. Лауреаты Игнобелевской премии.

Для справки: С 1901 самых умных людей планеты (тех, о ком говорят: они семи пядей во лбу*) награждают, как ты уже знаешь, Нобелевской премией за выдающиеся открытия в физике, химии, медицине, литературе и за вклад в укрепление мира.

С 1991 года американский журнал «Анналы невероятных исследований» стал вручать Иг-Нобелевскую (от английского слова *ignoble* – «постыдный») премию за самые глупые, дурацкие открытия учёных. В России эту премию в шутку называют еще Шнобелевской. Вот некоторые из лауреатов:

☉ В 2000 году премия присуждена австралийской писательнице Элен Грив. Она написала книгу, в которой утверждает, что для нормальной жизни человеку не обязательно питаться. Хватило бы воздуха и света. Причём к этому выводу она пришла на основе собственного опыта. Каким образом писательница сумела дожить до вручения премии, так и осталось загадкой.

☉ В 2000 году Игнобелевской премии удостоился Британский королевский флот: моряки очень оригинальным способом сэкономили государственные деньги. Во время учений на одном из кораблей замолчали орудия. Зато моряки начали хором скандировать «Бах-бах!» Говорят, что таким образом за счёт не использованных боеприпасов получается экономия свыше миллиона фунтов стерлингов в год.

☉ 2001 год ознаменовался публикацией потрясающего труда П. Барсса из Университета Мак-Гилла «Ранения, причиняемые падающими кокосами».

→ Выскажи своё мнение об этих открытиях, сделанных учёными без царя в голове или просто шутниками. Как ты считаешь, справедливо ли им выдана Игнобелевская премия? При рассуждении используй фразеологизм *без царя в голове*. Как ты думаешь, прав ли основатель этой премии Марк Абрамс, который утверждает, что эта странная премия играет важную роль – она заставляет многих людей заинтересоваться наукой?

А как ты? Может, тоже когда-нибудь сделаешь открытие? Только такое, чтобы получить Нобелевскую, а не ИгНобелевскую премию. Поразмышляй об этом, используя фразеологизм *без царя в голове*.

Перед тем, как отрыть рубрику «Детский фольклор», мы хотим тебя заранее предупредить: когда ты будешь вслух читать кому-нибудь следующие тексты, тебе могут сказать, что ты без царя в голове. На это ты отвечай так: «Нет, со мной всё в порядке, просто это такие жанры детского фольклора – нелепицы и нескладухи».

В нелепицах всё нарочно перепутано, перемешано, соединено то, что соединиться никак не может. А нескладухи – это стихи, в которых специально нарушается рифма. Часто нелепицы и нескладухи объединяются в одном произведении, чтобы было ещё смешнее.

☉Что стучишься в дверь моя?
Видишь – дома нет никто!
Заходи ко мне вчера,
Будем прыгать в ширину.

☉По стене ползёт утюг,
Удивляется, фырчит,
Ну и пусть себе ползёт –
Ведь на крыше есть гнездо,
Утюжат оно полно.

Может, тоже попробуешь сочинить что-нибудь в этом роде?

КАМЕНЬ

ДЕРЖАТЬ КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ

Затаить злобу, быть готовым отомстить кому-либо.
Говорится с осуждением.

Отогни ворот своей одежды и просунь руку за пазуху. Да-да, правильно, пазуха – это и есть пространство между грудью и прилегающей к ней одеждой. Проверь на всякий случай: нет ли там камня? Да мы знаем, что нет. Нормальный человек не будет держать за пазухой камни. Но раз фразеологизм существует, надо выяснить – что же это за камень, кто его держит и зачем.

За ответом на все эти вопросы мы с тобой отправляемся в древний русский город Кострому. Не подумай, что там все ходят с камнями за пазухой. Просто в Костроме живёт известный ученый-фразеолог Алина Михайловна Мелерович. Она-то и поможет нам во всем разобраться.

У Алины Михайловны – свой метод фразеологического анализа.

– Давайте возьмём фразеологизм *держат камень за пазухой*, - говорит Алина Михайловна, - и попробуем мысленно наложить его на толкование (помнишь, оно у нас в рамке следует сразу за фразеологизмом): «затаить злобу».

И вот какие смысловые связи мы устанавливаем:

держат за пазухой = *затаить*,

камень = *злобу*.

С камнем, который человек держит за пазухой, сравнивается злоба, которую он затаил. И этот камень человек готов бросить в своего обидчика, чтобы отомстить ему. Отсюда – и вторая часть толкования, уточняющая значение фразеологизма: «быть готовым отомстить кому-либо».

Поблагодарим Алину Михайловну Мелерович и отправимся в следующую рубрику словаря.

А все, что нужно для вывода, ты найдёшь в рассказе Алины Михайловны.

Выбери из ее рассказа 4 строчки, которые нужно поместить в зеленую рамку вывода.

Проверь себя:

С камнем, который человек держит за пазухой, сравнивается злоба, которую он затаил. И этот камень человек готов бросить в своего обидчика, чтобы отомстить ему. Отсюда – и вторая часть толкования, уточняющая значение фразеологизма: «быть готовым отомстить кому-либо».

С разрешения литературных персонажей из сказок Г.Х. Андерсена и Ш. Перро прочитай их письма и найди в них фразеологизм, которому посвящена данная словарная статья . Попробуй определить, с какими словами в тексте он совпадает по значению .

Дорогая Герда! Получила от тебя посылочку с гостинцами и тёплой шубой. Спасибо тебе и Каю, что не забываете меня, ведь я осталась совсем одна. Ты очень добрая девочка, и я раскаиваюсь, что столько лет держала камень за пазухой, всё ждала случая, чтобы отомстить: ты ведь забрала от меня Кая. Прости меня, если сможешь. Приезжайте ко мне в любое время, покатаемся на волшебных коньках или санках. Буду очень рада. Обнимаю. Ваша Снежная Королева.

Милая Золушка! Благодарим тебя за то, что помогаешь нам в старости. Сознаемся: долгие годы мы таили злобу на тебя – не могли смириться с тем, что ты вышла замуж за принца. Теперь мы больше не держим камень за пазухой. По праздникам надеваем платья, которые ты нам сшила на бал, любим прекрасными розами, выращенными тобой в нашем саду, протираем пыль с твоих хрустальных туфелек, подаренных нам на память. Ещё раз приносим свои извинения. Целуем. Твои сёстры и мачеха.

Сейчас ты – вождь индейского племени. Тебя зовут Доброе Сердце. Найди себя среди других индейцев и раскрась картинку.

В твоём племени любые конфликты разрешаются мирным путём. И это твоя заслуга, ведь ты мудрый вождь и отлично знаешь фразеологизм *держат камень за пазухой*. Сейчас ты докажешь это, вставляя в текст вместо точек этот фразеологизм в нужной форме.

❖ Ты пригласил к себе в вигвам⁵⁴ для важного разговора индейца, по имени Ютсокчук-Твёрдая рука.

Доброе Сердце: Ютсокчук, я уже давно замечаю, что ты стал не такой, как прежде? Что случилось?

Ютсокчук: Помните, вы не так давно вы организовали в нашем племени конкурс фёнечек⁵⁵?

Доброе Сердце: Да, помню. Ты там занял первое место.

Ютсокчук: Лучше бы я его не занимал. Оказывается, с тех пор мой любимый брат Ютсокгек Вчера он сжёг все мои фенечки.

Доброе Сердце: Всё понятно. Многие начинают из зависти. Но я научу тебя, как поступить. Сплети новую фенечку и подари её брату в знак примирения.

Ютсокчук: А почему я? Ведь виноват он. Он и должен извиняться.

Доброе Сердце: Не надо ждать извинений. Этим ты поставишь в себя в зависимость, и обида затянется на долгие годы, причём в ущерб твоему собственному здоровью. Зачем тебе это нужно? И притом, знай, что только сильные люди умеют прощать. Слабые – этого просто не умеют делать.

Ютсокчук: Хорошо, я попробую. Я ведь так люблю своего брата.

Доброе Сердце: Вот поэтому ты и простишь его. Да к тому же твой брат и сам, наверняка, переживает о случившемся.

✍ К тебе пришли индейцы, чтобы обсудить, как наказать краснокожего, по имени Быстрая нога. Прочитай запись их разговора, а фразеологизм можешь вписать в текст разными цветами ✎, ведь в жизни индейцев столько ярких красок!

Индейцы: Доброе сердце! Пришло время встать на тропу войны и отомстить Быстрой ноге. Помнишь, пять лет назад, он нас всех обидел, сказав, что мы по сравнению с ним медлительные черепахи?

Доброе Сердце: Да, долго вы! Хорошо, пойдёмте, только я понесу на спине этот мешок с песком.

Индейцы: А зачем он тебе? Ведь он дырявый, из него сыплется песок.

Доброе Сердце: Конечно, я знаю об этом. Ведь это мои собственные ошибки сыплются позади меня. Но я не смотрю на них, а иду мстить другому за его ошибку.

⁵⁴ Вигвам - жилище североамериканских индейцев из коры или кож. А какие есть ещё жилища, ты узнаешь в словарной статье на странице 499.

⁵⁵ Фёнечка - браслет ручной работы из бисера, ниток или кожи, являющийся у индейцев символом дружбы.

Индейцы: Спасибо тебе, Доброе Сердце. Хорошо ты нам дал понять, что зря мы столько лет и хотели отомстить Быстрой ноге. После твоих слов мы его сразу простили и уходим от тебя с лёгким сердцем.

❖ А вот какой разговор у тебя состоялся с шаманом (колдуном) племени.

Шаман: А знаешь, Доброе Сердце, я ведь много лет подряд завидовал тебе, ...

Доброе Сердце: А я и не знал. Почему?

Шаман: Я ведь людей много лет лечу. Травяными отварами и настойками камни удаляю из печени и почек. Люди мне благодарны. А ты какие-то невидимые камни из-за пазухи забираешь, и люди тебе тоже благодарны. Мне было обидно.

Доброе Сердце: Да? Как же ты перестал.....?

Шаман: Спустя годы я понял, что мы оба с тобой лечим людей. Только я от почечной болезни, а ты от болезни души. Моё лекарство – травы. А твоё лекарство – особенное.

→ А ты знаешь, что это за лекарство? Ждём твоих рассуждений: dety-frazeologiya@ya.ru

Никто не совершенен, и мы с тобой живые люди, а поэтому скажи откровенно: ты хоть раз в жизни обижался на кого-нибудь, держал камень за пазухой? Наверное, да? Но главное в жизни – уметь прощать. Прости и улыбнись, ведь всё начинается с улыбки, как в песенке о дружбе, помнишь? Прощать – это редкое умение, присущее людям с большим сердцем и широкой натурой.

Как утверждают врачи, прощать очень полезно для физического здоровья. Когда человек держит камень за пазухой, он испытывает огромный стресс, который способствует развитию различных заболеваний.

Умение прощать важно и для психического здоровья. Когда мы прощаем, у нас изменяется отношение к обидевшему нас человеку. Такая смена настроения позволяет остановить выработку мозгом сигналов, посылающих в кровь опасные вещества.

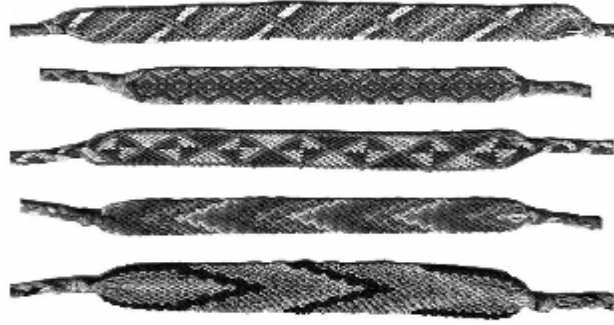
Вот несколько способов, которые помогут тебе научиться прощать, освободиться от «камня за пазухой».

1. Каждое утро улыбайся своему отражению в зеркале, ведь сегодня начинается совсем новый день! Не стоит перебирать прошлое и вспоминать что-то плохое.
2. Если тебя кто-то обидел, не держи камень за пазухой. Постарайся простить обидчика хотя бы на одну минуту. Завтра прости его на две минуты. И так постепенно увеличивай время.
3. Сделай из бусинок, старых пуговиц, ракушек и ниток фенечку-браслет и, как настоящий индеец, иди с этим подарком⁵⁶ к другу или подруге мириться.

А для начала можешь раскрасить эти фенечки.

⁵⁶ Ты можешь приготовить и другие подарки. Полистай наш словарь. В рубрике «Творческая мастерская» ты обязательно подберёшь для друга или подруги что-нибудь подходящее.

Плести фенечки можно и вместе, но сначала нужно помириться с другом, если ты на него обиделся и держишь камень за пазухой. Бери наш словарь и бегом – мириться. В статье «Черная кошка пробежала» ты найдешь подходящие мирилки, а потом вместе с другом вы сплетете фенечки и почитаете про камень за пазухой.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

КОНЕЦ

И КОНЦЫ В ВОДУ

**Не осталось никаких следов, улики после завершения какого-то дела.
Чаще говорится с неодобрением.**

Предупреждаем сразу: история происхождения фразеологизма *концы в воду* очень страшная. Но ты не бойся.

Написав такое начало словарной статьи, мы вышли в парк и стали обсуждать, как действовать дальше. Может, и не нужно нам так осторожничать, ведь дети любят «страшилки» и «ужастики»? А может быть, они уже прочитали словарную статью «Дрожать как осиновый лист» и научились справляться со своими страхами? А вдруг они все-таки испугаются? Ведь это вредно для их здоровья. А вдруг...

И вдруг нам неожиданно повезло. Недалеко от нас встретились два приятеля, и мы поняли, что нашу страшную историю им уже рассказало телевидение. Из разговора ребят и ты легко воссоздашь историю происхождения фразеологизма *и концы в воду*.

– Привет, Серёга! Ты вчера фильм по телевизору смотрел?

– Какой?

– Не помню, как называется. Исторический. Там показывали средневековую казнь. Виновному привязали верёвкой камень на шею и бросили в воду. Страшно!

– Нет, я другой фильм смотрел. Пострашнее. Там разбойники в лесу грабили и убивали людей, а потом тоже бросали их в воду.

В составе выражения *и концы в воду* слово *концы* первоначально означало концы верёвки. Происхождение этого фразеологизма связывают со средневековой казнью: виновного бросали в воду, привязав ему верёвкой камень на шею, чтобы казнённый не всплыл. Подобным же образом скрывали следы своего преступления и разбойники: они бросали в воду человека, которого ограбили и убили. Отсюда и переносное значение выражения – «не осталось никаких следов, улики после завершения какого-то дела».

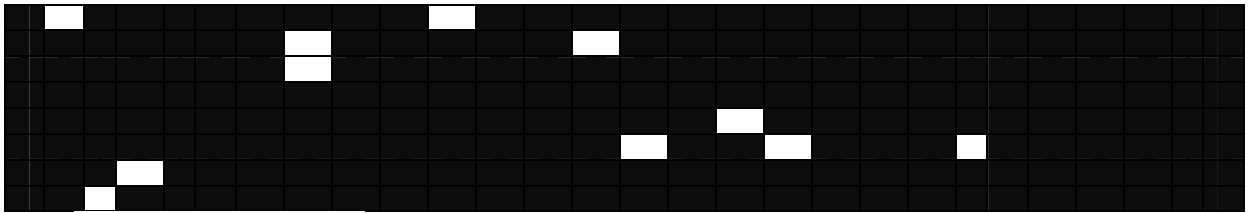

На областной олимпиаде по русскому языку нужно было придумать интересное фразеологическое задание со сказочными персонажами. Победителем стал ученик 4 «Б» класса Вадим Абдуллин. Попробуй выполнить его задание:

В тексте шифровки найти значение фразеологизма, а сам фразеологизм обнаружить при помощи секретного кода (наложив его на текст шифровки).

Л	И	С	Е	А	Л	И	С	Е	И	К	О	Т	У	Б	А	З	И	Л	И	О	С	Р	О	Ч	Н	О	
Л	Ю	Б	Ы	М	И	К	О	Н	К	Р	Е	Т	Н	Ы	М	И	С	Р	Е	Д	С	В	А	М	И	З	А
Х	В	А	Т	И	Т	Ь	Ц	Е	Н	Т	Р	А	Л	Ь	Н	У	Ю	Ф	И	Г	У	Р	У	К	У	К	О
Л	Ь	Н	О	Г	О	Ш	О	У	-	Б	И	З	Н	Е	С	А	Б	У	Р	А	Т	И	Н	О	И		
О	С	У	Щ	Е	С	В	И	Т	Ь	М	А	Н	Ё	В	Р	Ы	П	О	И	З	Ь	Я	Т	И	Ю	П	Я
Т	И	З	О	Л	О	Т	Ы	Х	М	О	Н	Е	Т	В	С	Е	В	О	З	М	О	Ж	Н	Ы	Е		
С	Л	Е	Д	Ы	П	Р	Е	С	Т	У	П	Л	Е	Н	И	Я	И	Д	Р	У	Г	И	Е	У	Л	И	
К	И	У	Н	И	Ч	Т	О	Ж	И	Т	Ь	К	А	Р	А	Б	А	С	Б	А	Р	А	Б	А	С		

И концы в воду.

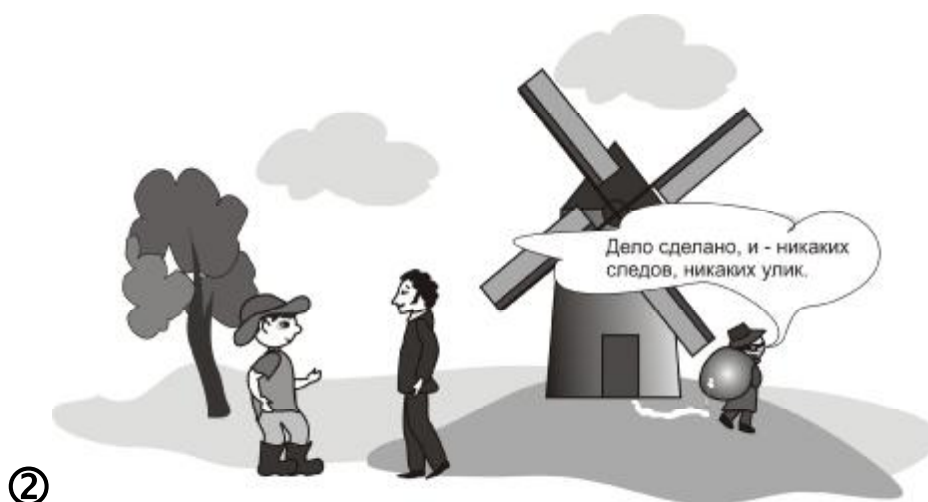
❓ Прочитай комикс «Случай на мельнице»⁵⁷.

→Подумай, какие слова вора можно заменить фразеологизмом *и концы в воду*?

①

⁵⁷ О какой мельнице идёт речь, ты сможешь узнать в словарной статье «Вить верёвки».

②

③

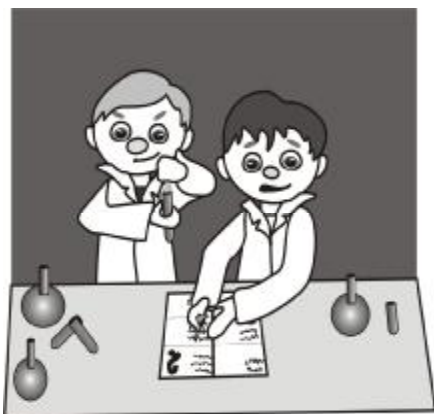
→ С помощью значка ☒ выбери фразеологизмы, которые употребил сыщик Базилевич, разоблачая вора.

→ Восстанови слова сыщика Базилевича, используя выбранные фразеологизмы, а также наш сегодняшний фразеологизм *и концы в воду*.

- ☐ *выходить/выйти сухим из воды;*
- ☐ *седьмая вода на киселе;*
- ☐ *выводить/вывести на чистую воду;*
- ☐ *как в воду канул.*

В случае затруднения обратиться за помощью к нашему Словарю.

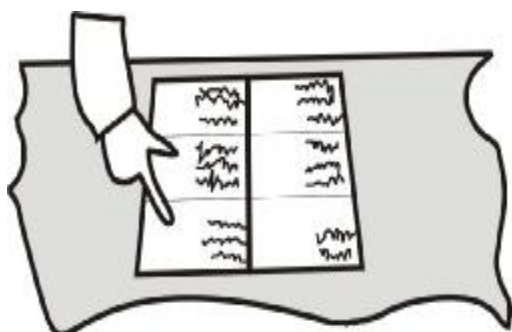
❖ Каждый нормальный школьник, у которого в дневнике двойка, мечтает от неё избавиться – и концы в воду. А некоторые не только мечтают, но и переходят к практическим действиям. А что из этого может получиться, ты узнаешь из сюжета известного детского тележурнала «Ералаш». Сюжет называется «Перехимичили»:

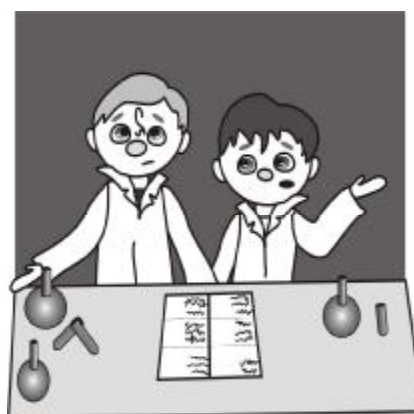
①

②

③

④

→ Расскажи весёлую историю по этим рисункам, используя фразеологизм *и концы в воду*.

→ Вспомни, приходилось ли тебе когда-нибудь скрывать следы, улики? Не забудь употребить фразеологизм *и концы в воду*. Объективно оцени свои действия в той ситуации. И напиши обо всем нам (dety-frazeologiya@ya.ru). Если эта информация секретная, мы не будем её разглашать, ответим лично тебе.

❖ Ребятам, которые после предупреждения все-таки испугались и решили не читать эту словарную статью, было предложено проиллюстрировать значение фразеологизма *и концы в воду*. Вот что они нарисовали:

→Подумай, что проиллюстрировали ребята: значение фразеологизма или его происхождение, которое они тоже понимают неправильно? Объясни, в чём они ошибаются. Расскажи им своими словами «страшную» историю происхождения фразеологизма *и концы в воду*. Можешь сделать это в стиле «страшилок» - ещё одного вида детского фольклора: «В черном-черном городе в давние-давние мрачные времена....»

→Попробуй придумать свои сюжеты, иллюстрирующие значение фразеологизма *и концы в воду*.

В этой словарной статье мы предлагаем тебе немного пошалить. Но с одним условием: пошалил – и концы в воду.

Не хочешь наводить порядок в своей комнате? Пожалуйста. Можешь добавить ещё беспорядка, разорвав на мелкие кусочки старые газеты и разбросав их по всей комнате. Потом всё это заодно с другими вещами быстро собери – и концы в воду. Дальше отправляйся в ванную комнату. Возьми папин крем для бритья и начинай рисовать узор на плитке. Потом смой душем – и концы в воду. Такие упражнения снимают психическое напряжение. Оздоровительный эффект упражнений усилится, если ты будешь выполнять их под свою любимую музыку. А ещё больше он усилится, когда мама похвалит тебя за наведённый порядок в комнате и вычищенные стены в ванной.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

САЖЕНЬ

(У кого) **КОСАЯ САЖЕНЬ В ПЛЕЧАХ**

(У кого-либо) **широкие плечи, крепкое, богатырское телосложение.**

Говорится одобительно.

Историю происхождения фразеологизма *косая сажень в плечах* мы начнём с одного предания, дошедшего до нас через тысячи лет. Когда персидский царь Кир занял город Приену в Ионии, то жители покинули его, еле унося с собой всё свое имущество. За толпой беженцев с пустыми руками спокойно шёл мудрец Биант. Когда его спрашивали, где его вещи, он, усмехаясь, говорил: «Всё, что имею, всегда ношу при себе». Он имел в виду своё внутреннее богатство: душевные качества, знания, ум.

К этому можно добавить ещё и меры длины. Ведь в древности человек носил меры длины на собственном теле.

– Нужно что-то измерить? – Пожалуйста! Вам в каких старинных мерах длины⁵⁸: в пядях или в сажнях? – Нам в сажнях. – Тогда поточнее, пожалуйста. Вам в простых, маховых или косых? – Нам в косых, но про всё поподробнее, пожалуйста. – С удовольствием.

Вот простая сажень. Она определялась расстоянием между большими пальцами вытянутых в противоположные стороны рук человека.

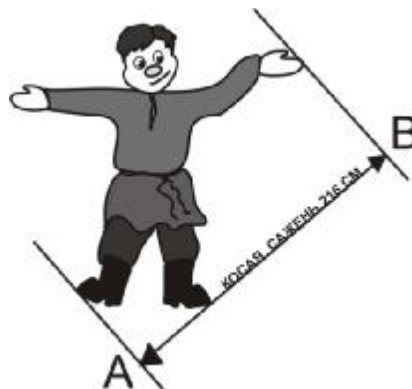
⁵⁸ О других старинных русских мерах длины ты узнаешь в словарных статьях на страницах 15, 21, 72, 77, 416.

– Маховая сажень – это расстояние между кончиками средних пальцев вытянутых в противоположные стороны рук.

– А вот и косая сажень - расстояние от подошвы ноги до конца пальцев вытянутой вверх противоположной руки.

Сравни: какая из этих сажени самая большая? Ну, конечно, косая. – А теперь мысленно дорисуй человеку плечи, равные расстоянию от точки А до точки В, то есть косой сажени. – Ого! Таких не бывает. – Верно, но именно такое преувеличение *косая сажень в плечах* и стало фразеологизмом, обозначающим человека богатырского телосложения с широкими плечами.

– Вы про нас забыли! – А вы кто такие? – Мы сажени разных видов, и нас на Руси было пре-великое множество. - Ну-ка, сажени, в алфавитном порядке стройтесь! – Есть! - Аршинная, береговая, большая, великая, городова, государева, греческая, дворовая, землемерная, каза-чья, кладочная, коловратная, косовая, крестьянская, лавочная, малая, мостовая, народная, небольшая, новая, ножная, печатная, писцовая, полная, простая, ручная, степенная, ступен-ная, таможенная, указная, ходячая, царская, церковная, человечья.... Дальше продолжать? – Нет, спасибо, очень интересно, но про вас уже в другой раз. Нас только косая сажень инте-ресовала, но мы уже всё про неё выяснили. – Ну, косая, так косая. Мы не обижаемся, зато хоть представились.

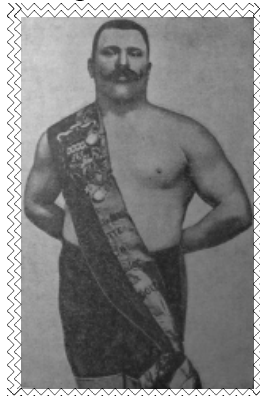
🔒 Докажи, что ты носишь меры длины всегда с собой. Выбери дома любой объект (стол, диван, ковёр и др.) и измерь его с помощью старинных мер длины: пядей⁵⁹, сажень (простых и маховых)

👉 Сажень – одна из наиболее распространённых на Руси мер длины. Она употреблялась до введения в 1918 году метрической системы. На Руси существовали разные виды сажени: дворовая сажень, мостовая сажень, трехаршинная сажень и т.д. Косая сажень была самой длинной – от подошвы ноги до конца пальцев вытянутой вверх противоположной руки, т.е. около 216 см.

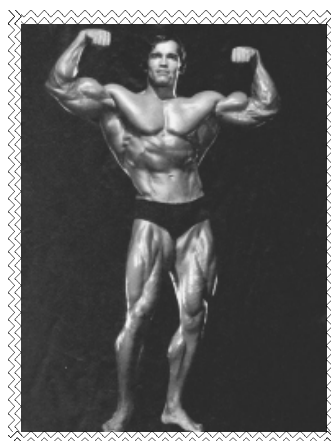
Косая сажень в плечах – это, конечно, преувеличение. Так народ подчеркивает силу, богатырское телосложение человека.

Папа Маши Седуновой коллекционирует фотографии известных людей с богатырским телосложением. Помоги Маше найти в папиных надписях на фотографиях фразеологизм, которому посвящена данная словарная статья ✎.

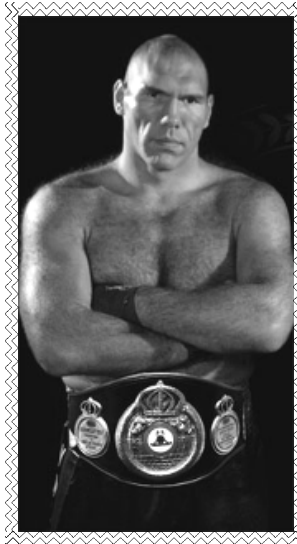

Русский профессиональный борец и атлет Иван Поддубный (1871 –1949). Косая сажень в плечах! За свою долгую спортивную карьеру русский богатырь ни разу не оказался на лопатках.

Культурист⁶⁰ и актёр Арнольд Шварценеггер, американская «косая сажень в плечах». Мой любимый фильм с его участием «Терминатор 3: Восстание машин». Сейчас занимает пост губернатора Калифорнии (США).

⁵⁹ Что такое *пядь* читай в словарной статье «Семи пядей во лбу».

Валуев Николай Сергеевич, российский боксёр-профессионал, выступавший в супертяжелой весовой категории. За выдающиеся физические данные 213 см и вес – около 150–160 кг, получил прозвища «Русский гигант», «Зверь с Востока» и «Никола Питерский». Я бы добавил ещё одно: «Косая сажень в плечах».

❖ Хочешь, чтобы у тебя было красивое, натренированное тело? Всё в твоих руках! Только сначала вставь вместо точек фразеологизм *косая сажень в плечах* и ты узнаешь, что по этому поводу думают великие люди.

- Я, древнегреческий ученый Платон, жил около четырехсот лет назад до нашей эры. Платоном, то есть широкоплечим (это по-гречески), меня ещё в детстве прозвал учитель гимнастики. Если бы я жил на Руси, про меня можно было бы сказать

Но далеко не каждый рождается с широким размахом плеч. - это даётся большим и упорным трудом, постоянными тренировками. Только так можно достичь больших побед. И запомните мои слова: «Самая первая и наилучшая победа – это победа над самим собой».

- Мы – гордость Земли Русской, её защита и оборона - богатыри Илья Муромец (слева) Добрыня Никитич (в середине) и Алёша Попович (справа). Про наши богатырские подвиги рассказывается в былинах «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча», «Алёша Попович и Тугарин Змеевич». А вот так нас изобразил художник В.М. Васнецов на своей картине «Богатыри»⁶¹. Про каждого из нас можно сказать –! Знай, слабаку никогда не победить врага!

⁶⁰ *Культурист* – человек, занимающийся бодибилдингом, системой физических упражнений с гантелями, гириями, штангой и другими нагрузками для развития мускулатуры.

⁶¹ С этой же картиной ты ещё встретишься в словарной статье «Подковать блоху».

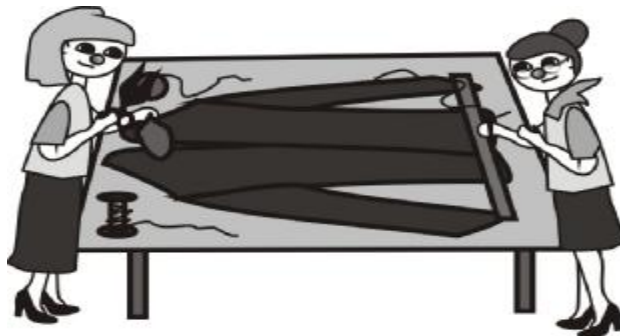

❖ Прочитай некоторые рекламные объявления и придумай свои:

У тебя косая сажень в плечах, но ты не знаешь, куда применить свою силу? Псковской десантной дивизии нужны крепкие парни!

У вас косая сажень в плечах? Заходите к нам! Ателье «Русский богатырь» шьёт одежду до 60 размера!

→ Ждём их по адресу: dety-frazeologiya@ya.ru

Лучшие из них будут опубликованы в следующем издании нашего словаря.

Ну что, ты устал таскать учебники в портфеле и мамины сумки по субботам с рынка? То-то, тренироваться надо! Хочешь иметь мощные бицепсы, трицепсы, и чтобы про тебя говорили – косая сажень в плечах? Тогда скорее ищи гантели и становись на разминку.

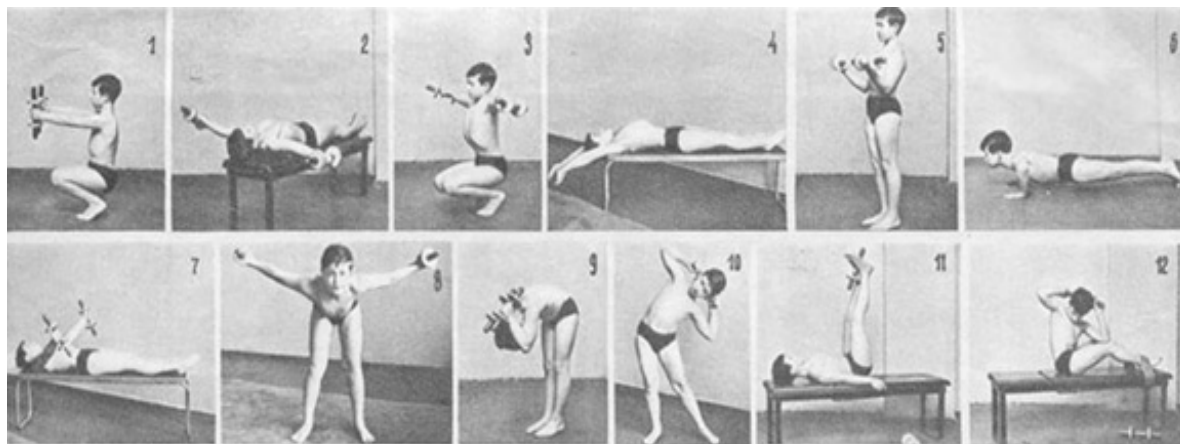
Наш комплекс упражнений поможет развить и укрепить плечевой пояс⁶². Так что порадуешь маму: и картошку дотащить сил хватит, и квартиру пропылесосить, и помочь папе мебель передвинуть.

⁶² Эти и другие упражнения ты можешь найти в Интернете на сайте:

<http://yoursport.h11.ru/library/books/bk1/content.htm>

Этот комплекс предназначен для подростков в возрасте 13-15 лет. Вес гантелей 2-4 кг. Для занятий можно выбрать любое время – от 11 до 19 часов. Не следует выполнять упражнения непосредственно перед приемом или после приема пищи.

Если в распоряжении имеется перекладина, то упражнение 5 лучше заменить подтягиваниями, хват ладонями к себе.

Ты – девочка и тоже хочешь подкачать себе мышцы? Что же, одобряем. Выполняй этот комплекс с самыми маленькими гантелями по полкилограмма. Тебе не хочется, чтобы про тебя говорили – косая сажень в плечах? Не волнуйся, про девочек и женщин так не говорят, даже про спортсменов.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕНЫ:

АРШИН

МЕРИТЬ НА СВОЙ АРШИН (кого, что)

Судить о чём-то, о ком-то односторонне; оценивать что-то только со своей точки зрения.

Говорится с осуждением.

Эта словарная статья снова про аршин. Из предыдущей ты уже знаешь, что это такое. Можешь себя проверить:

Умница! Действительно, слово *аршин* имеет два значения. Это:
1. Старинная русская мера длины, равная 71 сантиметру (см).
2. Линейка длиной в 1 аршин (71 см).

Теперь и без наших объяснений легко догадаться: чтобы разобраться в происхождении фразеологизма мерить на свой аршин нужно будет что-то измерять линейкой длиной в 71 см, то есть аршином⁶³.

Говоришь, у тебя нет своего аршина? А тебе нужен именно СВОЙ, потому что во фразеологизме мерить на СВОЙ аршин есть это слово? Не переживай, будет у тебя свой аршин. Загляни-ка в рубрику «Творческая мастерская».

⁶³ О других старинных мерах длины читай в словарных статьях «Коломенская верста», «Семи пядей во лбу», «Косая сажень в плечах».

Готово?

Итак, бери свою модель аршина и пошли что-нибудь измерять. Раз аршин – старинная русская мера длины, то отправимся мы в далекое прошлое нашей страны и окажемся на базаре вместе с братьями Иваном, Степаном и Федором из словарной статьи «С три короба».

Пока братья-коробейники расхваливают свой товар, мы с тобой зайдем в лавку с тканями. На прилавке лежит аршин. На первый взгляд такой же длины, как и твоя линейка. Доверяй, но проверяй. Приложи свою линейку в 71 сантиметр к аршину продавца тканей. Вот тебе раз! Его аршин оказался длиной 70 сантиметров! Теперь измерим аршин у торговца лентами. Смотри-ка, тоже не 71, а всего 69 сантиметров. Оказывается, у каждого продавца свой аршин!

Но почему они меньше 71 сантиметра? – Да чтобы обманывать покупателей, продавая за те же деньги чуть меньше товара.

– А что же покупатели? – А смотри, чтобы их не обманывали, каждый подходит к лавке со своим аршином. В итоге – все меряют своими аршинами – и продавцы, и покупатели.

Вот теперь все встало на свои места:

 В основу нашего фразеологизма положен исторический факт: несколько столетий назад недобросовестные торговцы обманывали покупателей, измеряя товар (ткани, ленты) своими уменьшенными аршинами – деревянными линейками. Со своим аршином приходили в лавку и покупатели, которые не хотели быть обманутыми. Понятно, что и результат измерения у каждого был свой. Отсюда и переносное значение выражения **мерить на свой аршин** – «судить о чём-то, о ком-то односторонне; оценивать что-то только со своей точки зрения».

А теперь прочитай записи в «Книге жалоб и предложений» одного сказочного супермаркета. Выдели красным маркером фразеологизм , которому посвящена эта словарная статья. Попробуй определить, с какими словосочетаниями в тексте он совпадает по значению, и выдели синим маркером , чтобы лучше запомнить значение фразеологизма.

☉ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: «Прошу завести в магазин летающие метлы. Понимаю, что меряю на свой аршин, но на ваших вениках летать просто невозможно. Баба Яга».

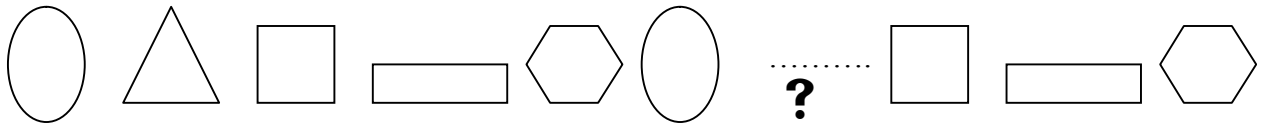
ОТВЕТ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ БАБЫ ЯГИ: «Необходимо срочно завести в магазин новые товары и предложить Бабе Яге не только летающие метлы, но и летающие пылесосы, летающие стиральные и посудомоечные машины. Надеюсь, в этом случае Баба Яга не будет односторонне судить о летательных аппаратах и мерить на свой аршин наш ассортимент товаров. Директор супермаркета Мужичок с ноготок».

☉ ЖАЛОБА: «Магазин ужасный. В продаже нет зеркал круглой формы. Требую разобраться. В противном случае буду добиваться закрытия магазина. Колобок».

ОТВЕТ НА ЖАЛОБУ КОЛОБКА: «В нашем магазине имеются самые разные по форме зеркала: овальные, квадратные, прямоугольные, треугольные, а также многоугольные.

Считаю несправедливой фразу «Магазин ужасный». Уважаемый Колобок оценивает ситуацию только со своих позиций – меряет наши зеркала на свой аршин. Почему всё в мире должно быть круглым?! Тем не менее, завтра специально для господина Колобка необходимо завести зеркала круглой формы. Ведь девиз нашей фирмы: «Покупатель всегда прав!». Директор супермаркета Мужичок с ноготок».

 Найди закономерность в расположении зеркал на витрине супермаркета и дорисуй недостающее :

 Проверь себя с помощью зеркала:

ЛЪБЛОПРНК

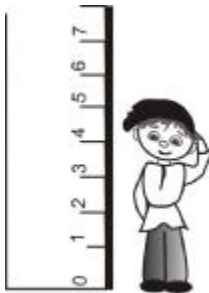

А вот как используется фразеологизм *мерить на свой аршин* в стихотворном тексте. Разучи это поучительное стихотворение.

Тому,
Кто мерит всё
На свой аршин,
Навряд ли
Суждено
Достичь вершин.
(Борис Заходер)

 Сейчас ты как организатор форума⁶⁴ руководишь обсуждением темы: «Кто, что и как меряет на свой аршин».

Мальчик с пальчик: Прочитал название темы вашего форума и решил попробовать что-нибудь измерить аршином. Сначала не получилось. Ведь аршин длиной 71 см, а я ростом всего с мизинец.

Но не зря про меня говорят, что я ростом не вышел, а разумом умнее любого большого. Я сделал рулетку длиной с аршин и теперь всё измеряю рулеткой.

⁶⁴ Форум – общение на сайте в Интернете.

→ Правильно ли понимает Мальчик с пальчик значение фразеологизма? Объясни ему и посетителям форума, что означает выражение *мерить на свой аршин* и как его история связана с мерой длины и измерительным прибором *аршин*.

☉ *Снегурочка*: Вчера мы поссорились с Дедушкой Морозом. Он хочет выдать меня замуж, подбирает жениха, но всех меряет на свой аршин. Если не верите, посмотрите фотографии:

→ Расскажи участникам форума, что имела в виду Снегурочка, когда жаловалась, что Дед Мороз, подбирая ей женихов, меряет их на свой аршин?

☉ *Красная шапочка (спустя много лет)*: Уже много лет прошло после той истории с волком. Теперь я сама стала бабушкой и у меня есть внучка. Вот вчера она собиралась на дискотеку и мерила перед зеркалом свои наряды: короткие майки, джинсы, бейсболки. Я говорю ей: «Внученька, надень красную шапочку, юбочку и передничек. Очень красиво». А она мне говорит, что я ничего не понимаю и отстала от жизни.

Внучка: Бабуля! Ты меня не поняла. От жизни ты не отстала. Вот ты какая молодец – участвуешь со мной в форуме! Я сказала, что ты отстала от моды. Но я тебя тоже не поняла: я мерила свои наряды, а ты сказала, что я все меряю на свой аршин, а потом почему-то пошла мерить давление.

Бабушка-Красная шапочка: Ох, внученька! Совсем ты меня запутала, кто тут что мерил...

→ В каких ситуациях ты бы употребил выражения *мерить одежду*, *мерить давление*?

→ Есть ли у этих выражений переносное значение? Будут ли они фразеологизмами, как выражение *мерить на свой аршин*? Проверь себя по словарю.

✍ Подведи итоги форума. Можешь воспользоваться нашей подсказкой, заполняя пропуски. В справочной бегущей строке ты найдешь нужные слова и словосочетания.

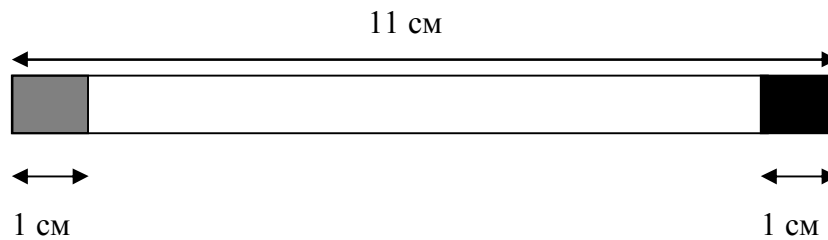
Прадедушки и правнуки, бабушки и, мамы и, старшие и - словом, все отцы и дети, конечно, могут по-разному смотреть на некоторые вещи и кое-что

..... Однако важно, чтобы при этом все хотели друг друга и старались между собой

Бегущая строка: *Дерево, внук, понимать, школа, младший, железный, дочь, мерить на свой аршин, танцевать, договариваться, бить баклуши.*

Сейчас в рубрике «Творческая мастерская» ты сделаешь себе модель линейки-аршина с помощью выкройки и инструкции к ней:

1. Вырежи из плотной бумаги или картона 7 таких деталей.
2. Намажь чёрную часть детали клеем.
3. Возьми следующую деталь и приклей её серую часть к намазанной чёрной.
4. Снова намажь чёрную часть детали клеем.
5. Возьми следующую деталь и приклей её серую часть к намазанной чёрной.
6. С остальными деталями действуй так же, и у тебя получится аршин.

✎ Если не веришь, измерь линейкой. У тебя должен получиться 71 сантиметр.

А теперь скорее возвращайся со своим аршином в начало словарной статьи, там тебя уже ждут братья-коробейники Иван, Степан и Федор.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

ПЯДЬ

СЕМИ ПЯДЕЙ ВО ЛБУ

Очень умный, мудрый.

Говорится с одобрением.

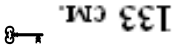
Если ты читаешь наш словарь, значит, ты развиваешь свой интеллект. Если ты развиваешь свой интеллект, значит, скоро ты будешь *семи пядей во лбу*, то есть очень умным человеком. А чтобы скорее им стать, поупражняйся в математике. Именно математика поможет нам сегодня раскрыть историю происхождения одного из русских фразеологизмов.

Сосчитай, какой же высоты (в сантиметрах) должен быть лоб в *семь* пядей, если известно, что пядь – это старинная русская мера длины⁶⁵, равная расстоянию между

концами растянутых большого и указательного пальцев взрослого человека, то есть примерно 19 сантиметрам?

Ничего себе лобик, почти метр с половиной высотой! Много ума может поместиться. Наверное, так думали наши предки, которые ещё в XII (двенадцатом) веке измеряли высоту, длину и ширину пядями. А в XIX (девятнадцатом) веке врач, по фамилии Гааль, из Австрии основал науку «френологию», согласно которой, об умственных способностях человека можно судить по форме черепа, а значит и по форме лба. Позже учёные опровергли эту теорию. Да и кому, как ни тебе знать, что уровень интеллекта зависит не формы черепа, а от ежедневных занятий (есть и еще кое-что, но об этом ты узнаешь чуть позже).

Френологию признали лженаукой, а выражение *семи пядей во лбу*, означающее очень умного, мудрого человека, осталось в языке.

Используя приём обобщения, подведём итоги: выражение *семи пядей во лбу* основано на преувеличении: лоб в семь пядей должен быть высотой более метра, а так как высоту лба напрямую связывали с умственными способностями, фразеологизм и обозначает очень умного человека.

Найди фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья, в хронике-сказке на новый лад «Гуси-лебеди» . Вспомни значение этого фразеологизма. Докажи примерами из текста, что о девочке, действительно, можно сказать: «Она семи пядей во лбу».

8.00. Родители ушли на работу и строго наказали Машеньке следить за маленьким братцем.

8.30. Девочка посадила братца на травку под окошком, а сама села за компьютер шахматную партию разбирать.

9.00. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика и унесли на крыльях.

9.30. Вышла Машенька, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! А ведь отец с матерью предупреждали, что за ним нужно следить!

10.00. Выбежала девочка в чистое поле, видит, вдалеке гуси-лебеди летят, исчезают за тёмным лесом.

11.00. Добежала до леса, а сама думает: «Гуси-лебеди полетели на юг. Как же мне в лесу верную дорогу найти и не заблудиться?» Смотрит, куст брусники стоит.

- Брусника, брусника, скажи, пожалуйста, как найти дорогу на юг?

⁶⁵ В словарных статьях «Как аршин проглотил», «Мерить на свой аршин», «От горшка два вершка», ты сможешь узнать о других старинных мерах длины.

- А ты рассмотри мои ягоды повнимательнее. В них подсказка.
- Так, ягоды с одной стороны покраснели, а с другой – нет. Покраснели там, откуда на них солнышко светило, значит и юг с той стороны.
- Умница! Прямо семи пядей во лбу!
- Не хвали меня, брусника. Видишь, не уберегла я братика.
- Ты признаёшь свою ошибку – это уже хорошо. И братика ты найдёшь. Но в другой раз будь внимательнее.

12.00. Побежала Машенька дальше. Встречает муравья.

- Муравей, муравей, будь добр, подскажи, где дорога на юг?

- Рассмотри мой муравейник. Может, он тебе подскажет.
- Так, буду рассуждать. Ты, муравей, строишь муравейник так, чтобы он лучше обогревался солнышком. Больше солнца – больше тепла. А солнышко у нас с южной стороны светит. Вот тут, справа, муравейник более пологий, чтобы на него больше солнца попадало, значит и юг с этой стороны. Всё, разгадала: дорога на юг – вправо.
- Ну и умная же ты, девочка. Семи пядей во лбу!

13.00. Побежала Машенька дальше, а когда устала, присела на пенёк, поросший мхом, стала думать, куда идти дальше. Вдруг мох ей и говорит:

- Машенька, обойди вокруг пня. Может, и догадаешься, где южная сторона.

- Спасибо тебе за совет. Вы, мхи, растёте с той стороны, где не бывает солнца, и где больше влаги. Она вам нужна, чтобы размножаться. Значит, ты, мох, растёшь на северной стороне, а мне нужна южная, что в противоположном направлении.
- Молодец, девочка, догадалась! Ты семи пядей во лбу!

14.00. Обрадовалась Машенька, побежала дальше. Тут лес закончился, поле показалось. А в поле одинокая сосна стоит.

- Сосна, сосна, помоги мне дорогу на юг найти.
- Рассмотрю мои ветки. Они тебе помогут.
- С одной стороны веток меньше, а с другой – больше, то есть, им здесь светлее и теплее. Значит, это и есть южная сторона!
- Ну что тут скажешь – молодчина! Семи пядей во лбу!

15.00. Подбежала Машенька к избушке на курьих ножках. Видит, Баба-яга у телевизора сидит, сериал смотрит, а братец на лавочке золотыми яблочками играет. Подкралась сестра, схватила его и унесла.

- Теперь мне нужно бежать в обратном направлении, на север. Одинокая сосна, мох на камне, муравейник и брусника помогут мне.

А теперь докажи, что и ты семи пядей во лбу:

На какие признаки одиночной сосны, мха на камне, муравейника и ягод брусники должна теперь ориентироваться Машенька, которой теперь нужно идти в обратном направлении, то есть на север.

У сосны – на сторону, где меньше веток. У камня – на сторону со мхом. У муравейника – на крутую сторону. У брусники – на ещё не созревшие ягоды.

16.00. Девочка с братцем бежит, верно определяя маршрут. Ведь она семи пядей во лбу. Гуси-лебеди летят за сестрой и братцем в погоню. К счастью, они плохо знают признаки, по которым можно ориентироваться на местности. Полетали-полетали, покричали-покричали, да так ни с чем и улетели.

16.30. Дети благополучно добираются до дома.

17.00. Отец и мать возвращаются с работы.

18.00. Гуси-лебеди не выполнили задание. Разгневанная Баба-яга решила проверить, как они умеют ориентироваться на местности и попросила нарисовать одиночное дерево, мох на камне, муравейник, бруснику и солнце в небе. Рассмотрев рисунок, она недовольно проворчала: «Будь я семи пядей во лбу, я бы все равно заблудилась в таком лесу».

Ты узнаешь, почему Баба-яга сделала такой вывод, внимательно рассмотрев рисунок гусей-лебедей. Найди их ошибки.

Муравейник и ягоды брусники изображены неверно по отношению к солнцу.

❖ Люди чаще всего изображают инопланетян так:

→ Посмотри, какую часть их тела авторы рисунков намеренно увеличивают? Как ты думаешь, зачем? Что они этим хотят сказать?

→ Вспомни историю происхождения фразеологизма *семи пядей во лбу*, и расскажи, можно ли по размеру лба определить уровень умственных способностей человека?

→ Придумай весёлую историю о приключениях на Земле доброго и очень-очень умного инопланетянина. Используй в своем рассказе фразеологизм *семи пядей во лбу*. Присылай свою историю нам (dety-frazeologiya@ya.ru), и ты увидишь её в нашем следующем словаре.

❖ В первой половине XVIII (восемнадцатого) века в России были сделаны следующие открытия:

1. Установлено, что вещества состоят из мельчайших частиц - корпускул, которые сейчас называются молекулами.
2. У планеты Венера обнаружена газовая оболочка.
3. Раскрыты причины образования гор.
4. Выдвинута гипотеза о бесконечности Вселенной.
5. Открыты новые способы выплавки металлов и получения сплавов.
6. Написана подробная научная грамматика русского языка.
7. Впервые использована техника мозаики⁶⁶ при создании этой и некоторых других картин:

Пётр I⁶⁷

⁶⁶ Мозаика – рисунок или узор, составленный из укрепленных на слое цемента разноцветных кусочков стекла, мрамора, цветных камешков, плотно примыкающих друг к другу.

→ Как ты думаешь, сколько авторов у этих открытий?

На самом деле все эти научные открытия принадлежат только одному человеку – величайшему русскому учёному Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711-1765).

→ Известно ли это имя твоим одноклассникам? Расскажи им об открытиях Ломоносова, охарактеризуй его как очень умного человека, используя фразеологизм *семи пядей во лбу*.

Можешь использовать в своём рассказе любопытные факты биографии М.В.Ломоносова из словарной статьи «Мало каши ел».

Сейчас «Минутка здоровья» предлагает тебе заняться массажем, который активизирует работу мозга. Точно известно, что музыка влияет на интеллектуальные способности человека. Поэтому, включи свою любимую музыку (если твои музыкальные вкусы ещё не определились, включай Моцарта, как советуют ученые) и приступай к массажу. За 5-7 минут занятий твой мозг получит мощную энергетическую подпитку. Ведь даже если ты семи пядей во лбу, твой мозг тоже устает.

1. Разотри ладонь о ладонь до появления тепла, помассируй пальцы. Согретыми ладонями разотри ушные раковины. Затем пальцами более тщательно помассируй их миллиметр за миллиметром. Указательные пальцы вставь в ушные раковины и повибрируй ими, как бы освобождая уши от воды. Прделав это упражнение, ты почувствуешь, что пропали вялость и сонливость, появились бодрость и свежесть.

2. Тебе нужно прочитать и запомнить сложный материал школьного учебника? Нет проблем. – Сядь удобно. Положи правую руку на пупок, левую на нижнее основание ключицы по правую сторону от грудины. Массируй левой рукой основание ключицы, держа другую руку на пупке. Повтори то же, поменяв руки, а затем приступай к чтению. Так ты быстрее усвоишь прочитанное, потому что читать будешь внимательно и сосредоточенно.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

⁶⁷ Если хочешь узнать, кто был отцом Петра Первого – читай словарную статью «Коломенская верста».

КОЛОКОЛЬНЯ

СМОТРЕТЬ (ГЛЯДЕТЬ) СО СВОЕЙ КОЛОКОЛЬНИ *(на кого, на что)*

Судить о ком-то или о чём-то односторонне, со своих позиций, со своей точки зрения.
Говорится с неодобрением.

Давай ещё раз прочитаем, о каком фразеологизме пойдёт речь в этой словарной статье. Ничего себе, как он высоко забрался, на колокольню! Даже не разглядеть. А-а, вот он: *Смотреть (глядеть) со своей колокольни...*

Нам не повезло: пока мы вверх головы задирали, у нас шеи заболели. Так что мы сразу отправляемся в рубрику «Минутка здоровья», а с происхождением фразеологизма *смотреть (глядеть) со своей колокольни* тебе придётся разбираться самостоятельно.

Вот тебе запись разговора между колокольней и горой, из которого все станет ясно. Надевай фразеологические наушники и внимательно слушай.

Гора: Привет, колокольня, как поживаешь?

Колокольня: Да уж лучше тебя! Ведь я высокая башня с колоколами, находящаяся на здании церкви или рядом с ним.

Гора: Я не спору, каждому своё.

Колокольня: А я спору. Я всё равно главнее и важнее тебя. Мы, колокольни, всегда были самыми высокими строениями в селе или в городе. В старину нас использовали как наблюдательный и сторожевой пункт. С меня, колокольни, можно было заметить пожар или приближение врагов и ударами в колокол предупредить об опасности⁶⁸.

Гора: Мне не хочется тебя огорчать, дорогая, но с колокольни видно не так уж далеко.

Этот разговор вели самая высокая в России колокольня «Иван Великий»⁶⁹, которая находится в Москве, и самая высокая в России и Европе гора Эльбрус, которая находится на Кавказе.

⁶⁸ Подробнее об этом ты узнаешь в словарной статье «Бить (ударить) во все колокола».

⁶⁹ С ней ты уже познакомился в словарной статье «Во всю Ивановскую».

🔒 А почему гора оказалась права, ты поймёшь, если от 5642 метров (это высота горы Эль-брус) отнимешь 81 метр (это высота колокольни «Иван Великий»).

Теперь колокольня на 5561 метр! Теперь понятно, почему даже с самой высокой колокольни можно видеть не так далеко и увидеть не так уж много. А с колокольни можно и не столько, а с той колокольни — только своей областью в другом районе.

А вот и мы. Выполнили упражнения для шеи и скорее к тебе. Как раз к выводу успели. Ну что, тебе удалось разобраться с происхождением фразеологизма *смотреть (глядеть) со своей колокольни*? Проверь себя на всякий случай.

👆 С колокольни, даже очень высокой, открывается ограниченный обзор местности. Вот поэтому, если человек судит о ком-либо или о чём-либо односторонне, со своих позиций, со своей точки зрения, о нём говорят с неодобрением: он *смотрит (глядит) со своей колокольни*.

Найди и выдели маркером фразеологизм , которому посвящена эта словарная статья, в текстах о некоторых экологических⁷⁰ ошибках человека. Обрати внимание, к каким последствиям могут привести действия человека, который *смотрит со своей колокольни*.

☉ Известно, что основной пищей воробьёв является зерно. В Китае на этот факт посмотрели односторонне, объявив бедных птичек вредными и уничтожив их в один день. Сделать это было нетрудно: воробей не в состоянии летать более 40 минут, и, если заставить его находиться в воздухе более длительное время, он умирает. Все китайское население в назначенный час начало операцию «воробей» — свистело, стучало и махало тряпками. Но уже на следующий год урожай зерновых пострадал от насекомых. Пришлось срочно закупать воробьев на Кубе и доставлять в Китай. Вот что значит — *смотреть со своей колокольни*.

☉ В одном из канадских заповедников решили добиться увеличения стада оленей. Глядя со своей колокольни, работники заповедника уничтожили всех волков. И что же? Уничтожение волков, санитаров леса, привело к появлению в стаде оленей слабых особей, к распространению болезней к вымиранию животных. Ситуацию удалось наладить, лишь запустив в заповедник новых волков.

☉ На одном из южных островов решили избавиться от комаров, которые досаждали рыбакам, и стали использовать химические средства. От комаров избавились. Но вскоре начали гибнуть ящерицы, питавшиеся этими насекомыми. За ними пришёл черед кошек, кормившихся пресмыкающимися, к которым относятся и ящерицы. Сразу появились полчища крыс, принесших с собой чуму. Срочно завезли новых кошек. Но из-за того что изначально про-

⁷⁰ Экология в переводе с древнегреческого языка означает: наука о доме («экос» — дом, «логос» — наука, учение). Возникновение науки экологии связано с тем, что наш природный дом оказался в опасности. В природе всё взаимосвязано, и если люди не продумывают заранее свои поступки в природе, они могут нанести ей очень большой вред.

блему с комарами решили односторонне, начались новые беды: как только кошка запрыгивала на крышу дома, крыша рушилась. Оказалось, что после исчезновения ящериц развелось множество термитов⁷¹, которые испортили все балки⁷² в домах. Нельзя человеку смотреть со своей колокольни на природу⁷³!

❖ В рассказе «Конь на крыше» из книги Э. Распэ «Приключения барона Мюнхгаузена», конь оказался на колокольне и с ужасом смотрел на своего хозяина. Как это получилось, ты узнаешь, восстановив рассказ по рисункам.

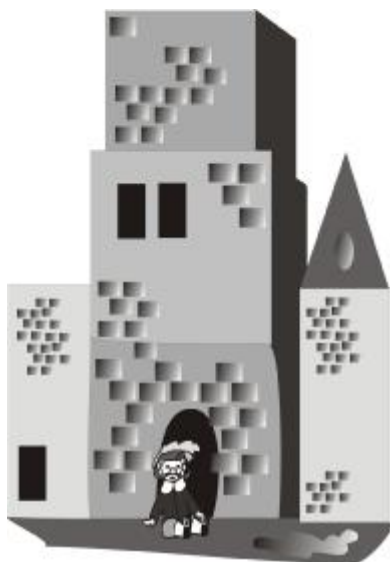
→ Подумай, уместен ли будет в этом рассказе фразеологизм *смотреть со своей колокольни*? В ответе используй сведения о происхождении данного фразеологизма.

①

②

③

④

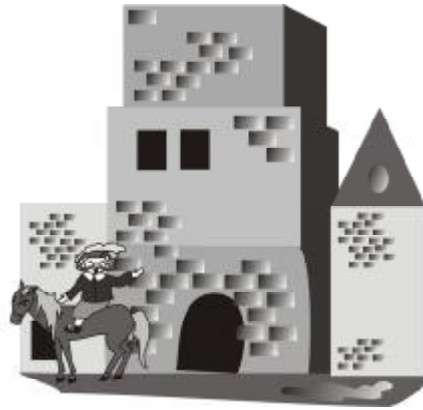
⁷¹ Термиты - отряд растительноядных насекомых.

⁷² Балка – бревно, употребляемый как подпора при постройке крыш, потолков, полов.

⁷³ Ещё об одной экологической ошибке человека ты сможешь узнать из словарной статьи «Журавль в небе».

⑤

⑥

❖ Докажи, что Леший, председатель сказочного конкурса красоты «Краса ненаглядная», выбрал победительницу, глядя со своей колокольни?

КОНКУРС КРАСОТЫ

①

②

КОНКУРС КРАСОТЫ

③

④

 Напиши небольшую заметку об этом конкурсе красоты в сказочную газету новостей. Не забудь использовать фразеологизм *смотреть со своей колокольни*. Вот место для твоей заметки на первой полосе:

«Минутка здоровья» предлагает упражнения для шеи. Это особенно важно тем, кто всё-таки хочет иногда разглядеть высокую колокольню, разбираясь в истории происхождения фразеологизма *смотреть со своей колокольни*.

1. Наклоны головы. Стоя или сидя с прямой спиной, смотри прямо перед собой. Осторожно наклони голову влево, старайся левым ухом достать левое плечо, затем вернись в исходное положение и повтори наклон головы в другую сторону.

2. Повороты головы. Аккуратно поверни голову влево, посмотри через левое плечо. Затем вернись в исходное положение и поверни голову вправо.

3. Вращение плечами. Встань, расслабив плечи и руки. Осторожно вращай плечами вперед, затем поменяй направление вращения. Можно также вращать одним плечом вперед, а другим – назад.

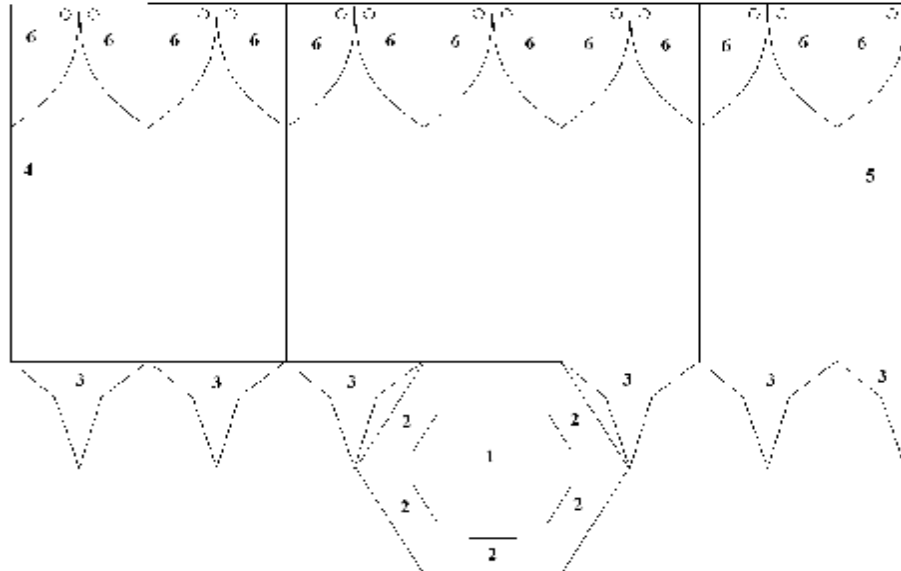

А рубрика «Творческая мастерская» предлагает тебе сделать коробочку в виде колокольни для подарка своему другу или подруге.

Вот выкройка. Ты можешь наложить её на бумагу или полукартон любого цвета (белый полукартон можно раскрасить по желанию).

В донышке (1) прорежь пазы (2), через которые продень лепестки от боковых стенок (3). Они должны охватывать донышко снаружи, а внутри коробочки загибаться к центру. Края боковой стенки (4 и 5) склей так, чтобы «половинка» (5) оказалась внутри коробочки. Через верхние отверстия (6) продень красивый шнурок и стяни, как мешочек. На концы шнурка привяжи колокольчики.

Коробочка для подарка готова. А что положить в коробочку – реши сам. Только не выбирай подарок другу или подруге, глядя со своей колокольни. Учти их увлечения и интересы.

Мы их тоже поздравляем!

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

КОЛ

(Кому) **ХОТЬ КОЛ НА ГОЛОВЕ ТЕШИ**

(Кто-то) **очень упрям, делает все по-своему.**

Говорится с неодобрением.

Воссоздать историю происхождения фразеологизма *хоть кол на голове теши* нам поможет разговор, который мы услышали на сельскохозяйственном рынке:

Старик: Сынок, а что это там на витрине за палка с заострённым концом?

Продавец: Это кол, отец! Бери, не раздумывая – вещь в хозяйстве незаменимая: и забор подновить, и саженцы подвязать, да мало ли ещё дел в деревне!

Старик: Знаю-знаю! Я ведь в деревне семьдесят лет прожил. Но только кол-то должен быть обтесан, чтобы не гнил и служил дольше...

Продавец: Верно, этот необтесанный, но зато подешевле. Можешь считать, что это заготовка для кола. Обтесать и самому можно: всего снять кору топориком – и все. А у меня и топорик подходящий имеется – вот, смотри, небольшой и совсем легкий.

Старик: И то верно. Спасибо, добрый человек! Давай-ка мне топорик да кольев штук

Реши задачу. Сколько кольев купил и обтесал новым топором старик, если ему нужно было подвязать 20 яблонь в своем саду, 20 яблонь в саду отца своего сына, 20 яблонь – в саду бабушки своего внука? Ответ впиши в текст вместо пропуска.

Если у тебя получилось 20 кольев, ты – молодец!

Тебе, конечно, стало понятно, что происхождение нашего фразеологизма связано с процессом обтёсывания кола. Предположим (хотя это и нереально), что тебе поставили на голову деревянный кол и обтёсывают его топором. Ты не станешь при этом заниматься какими-то своими делами, правда? А представь, насколько упрям человек, которому хоть кол на голове теши, он все равно будет настаивать на своём. Можно вообразить, что у этого человека вместо головы – дубовый чурбан, на котором тешут колья. Поэтому фразеологизм *хоть кол на голове теши* употребляется, когда нужно охарактеризовать очень упрямого или глупого человека, который ничего не хочет понимать и продолжает делать по-своему, что бы ему ни говорили.

Прочитай обращение директора цирка к артистам и найди в нём фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья . (Внимание! Он встретится в тексте не один раз.)

Как ты думаешь, почему именно этот фразеологизм употребляет директор? Тебе будет легче ответить на вопрос, если ты подчеркнёшь те фрагменты текста, где описано поведение людей, которым *хоть кол на голове теши*.

Господа артисты! Каждый день перед началом работы я вам напоминаю правила безопасного поведения в цирке и хочу, чтобы вы больше никогда их не нарушали. А вам, друзья мои, *хоть кол на голове теши*!

Вот Вы, силач Бамбулло, каждый раз в конце своего выступления поднимаете скамейки со зрителями и раскачиваете их? Я понимаю, что зрителям это очень нравится, но ведь они могут упасть!

Вам, фокусник Хрюппельфильд, тоже *хоть кол на голове теши*! В инструкции что сказано? Распилил ящик с девушкой – сразу же её собери. А Вы каждый раз забываете это сделать, и она не может выйти с вами к зрителям после представления на поклон.

И нечего смеяться, дрессировщик Мышкин! Вы вообще всё на свете перепутали! Ведь это вы должны засовывать голову в пасть льву, а не наоборот! Конечно, из-за этого номера в цирке всегда аншла⁷⁴, но что при этом зрители думают обо мне, вашем директоре?!

Ты – главный редактор журнала «Фразеология для всех» и работаешь над выпуском нового номера, посвященного фразеологизму *хоть кол на голове теши*. Ты заранее дал творческие задания двум своим корреспондентам и сейчас просматриваешь материал, который они принесли.

⁷⁴ Аншлаг – все места заняты.

☉ Первому журналисту было поручено составить тест под названием «Упрямый ли вы человек?». Интересно, как ты ответишь на эти вопросы. (Поставь галочку около выбранного варианта).

1. Друг зовёт тебя пойти на футбол, а ты хочешь пойти в кино.

☐ Тебе хоть кол на голове теши, но ты будешь настаивать на своем, пока вы не поссоритесь.

☐ Ты договоришься с другом, что сегодня вы сходите на футбол, а в следующий раз – в кино или наоборот.

2. Ты дома на полную громкость слушаешь свою любимую музыку. Старшая сестра просит тебя сделать потише, потому что ты мешаешь ей готовиться к экзамену.

☐ Ты извинишься перед сестрой и сделаешь потише.

☐ Ты сделаешь ещё громче. Подумаешь, экзамен! Тебе хоть кол на голове теши, но сейчас ты будешь слушать свою любимую группу.

3. Завтра весь класс собирается за город. Ребята хотят поехать на электричке, а тебе больше нравится автобус.

☐ Хоть кол на голове теши, но ты поедешь на автобусе и потом долго будешь искать ребят на берегу озера.

☐ Конечно, не очень хочется ехать на вокзал, но придётся подстроиться, если большинству ребят удобнее ехать на электричке.

→ А теперь посчитай, сколько ты выбрал ответов с фразеологизмом *хоть кол на голове теши*. Если ни одного – можешь не волноваться, про тебя не скажут, что ты упрямый. Если 1 – ничего страшного, иногда можно немножко поупрямиться. Если 2 – тебе нужно поработать над собой, а если 3 – так тебе всё равно *хоть кол на голове теши*! Хотя, как показывает наш жизненный опыт, это ни к чему хорошему не приводит.

☉ Второй корреспондент брал интервью у разных людей на тему «Кому хоть кол на голове теши и как с этим бороться?»

К сожалению, некоторые ответы он записал неточно. Помогите корреспонденту вспомнить, как употребили фразеологизм *хоть кол на голове теши* его собеседники. Перестрой предложения, вставив этот фразеологизм в текст.

Дворник: Никак не могу объяснить некоторым жителям моего микрорайона, что нужно соблюдать чистоту – они всё равно бросают окурки, мусор, банки на землю, а не в урны. Чего я только ни делал: и беседовал с ними, и плакаты развешивал, и урны украшал – к сожалению, всё бесполезно.

Тренер детской футбольной команды: У меня отличная команда. Только вот некоторым защитникам никак не могу втолковать, что они должны помогать своему вратарю. А они хотят голы забивать и рвутся в атаку, как только к ним попадает мяч. В результате – у наших ворот никого и противник спокойно забивает...

✍️ Вспомни, бывали ли случаи в твоей жизни, когда выражение *хоть кол на голове теши* произносилось в твой адрес? Вот, например, какие рисунки нам прислал Серёжа из Петрозаводска. Заполни «речевое облачко» в последнем кадре, используя фразеологизм *хоть кол на голове теши*.

①

②

③

А письмо с твоими историями-рисунками мы ждём по электронному адресу: dety-frazeologiya@ya.ru А в следующем издании словаря их увидит вся страна!

Сегодня в «Минутке здоровья» смехотерапия и массаж головы.

Нехорошо смеяться над чужими ошибками, но сегодня они, действительно, веселые. Не зная истории возникновения фразеологизма *хоть кол на голове теши*, некоторые ребята неправильно его понимают.

Для школьников кол – это прежде всего оценка, которую так хочется стереть в своем дневнике. Глагол *теши* легко превращается в речи в созвучный ему *чеши*. И только представь, какая чепуха тогда из всего этого получается!

А для здоровья чесать голову очень полезно. Ты можешь медленно почесать кончиками пальцев свою голову в течение минуты, можно круговыми движениями или просто вверх-вниз. Получился настоящий массаж головы, который улучшил приток крови и, соответственно, питание корней волос. Если будешь массировать голову регулярно – твои волосы будут крепкими и густыми. Или тебе хоть кол на голове теши – ты не будешь ухаживать за своими волосами?

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

ТОПОР

(Где) **ХОТЬ ТОПОР ВЕШАЙ**

(Где-то) очень душно, накурено, трудно дышать.

Говорится с неодобрением.

Наверное, хоть раз в жизни тебе приходилось видеть топор. Он издавна был на Руси инструментом плотника, дровосека, строителя. Попал он и в сказки (помнишь кашу из топора?), и в пословицы (*что написано пером, того не вырубишь топором*), и в загадки (их мы тебе предложим чуть позже).

А где топор может висеть? Посмотрим:

Здесь топоры висят на гвоздях, воткнутих в стену.

Здесь топор воткнули в дерево, и он висит.

А здесь топор висит за поясом.

Как видишь, чтобы тяжёлый топор висел, нужно что-то плотное – гвоздь в стене, дерево, пояс.

А теперь беги скорее во двор! Там ребята постарше начинают играть в игру, которая приблизит нас к разгадке фразеологического образа. Игра называется «Да-Нет». Один из игроков предлагает какую-нибудь логическую задачу, а остальные должны её решить, задавая ведущему вопросы, на которые можно отвечать только «Да» или «Нет».

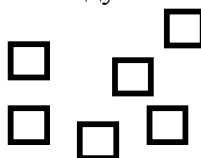
- Человек открыл окно и умер. Что произошло?
- Человека убили? – Нет.
- Человек повредил себе что-нибудь, открывая окно. – Нет.
- Это был несчастный случай? – Да.
- Был ветер? Погода имеет значение? – Нет.
- Потолок обвалился? Люстра упала? – Нет.
- Карниз? Цветочный горшок с полки? – Нет.

(А мы-то ответ знаем. Его будешь знать и ты, когда прочитаешь эту словарную статью. Но послушаем, что скажет ведущий, которого уже утомили неправильные ответы.)

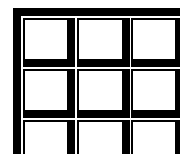
- Ну что, сдаётесь? – Топор! Топор упал на человека. В комнате было накурено – **хоть топор вешай**. Окно открыли - комната проветрилась, и топор упал.

Ты, конечно, понимаешь, что на самом деле такого произойти не могло. В задаче-шутке специально обыгрывается выражение **хоть топор вешай**: в помещении, где сильно накурено, воздух становится таким плотным, что, кажется, он способен удержать даже топор.

А что же такое плотность? И может ли воздух стать плотным? На уроках физики в 7 классе тебе расскажут, что мир, в котором мы живём, состоит из мельчайших частичек – молекул. Расстояние между молекулами в разных веществах разное. Например, в воздухе – такое:

, а в плотных веществах – такое:

Теперь представь себе, сколько нужно дыма, чтобы воздух стал плотным и мог удерживать топор. Вот на этом преувеличении и строится фразеологизм *хоть топор вешай*.

А вот и загадки, которые мы тебе обещали. Все они связаны с топором.

1. Кланяется, кланяется, придет домой, растянется.
2. Мужик идет из лесу, зеркало за поясом.
3. Водяные мастера, строят дом без топора.
4. Без рук, без топорёнка построена избёнка.
5. Чёрный жилет, красный берет. Нос, как топор, хвост, как упор.

8 — 12 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — 8 — 9 — 10 — 11 — 12

Итак, вспомним: чтобы повесить тяжёлый топор, необходимо что-то плотное — гвоздь в стене, дерево, пояс. Таким же плотным во фразеологизме *хоть топор вешай* представляется спёртый воздух в прокуренном помещении.

Прочитай печальное письмо мальчика Жени в редакцию газеты «Наши пернатые друзья». Редактор газеты решил опубликовать письмо. Чтобы привлечь внимание читателей, он выделил красным цветом фразеологизм , а также другие слова и словосочетания, передающие причину печального события, о котором рассказал Женя . Попробуй и ты проделать эту редакторскую работу при помощи маркера.

☉ Нам подарили канарейку. Её звали Люси. Она была нашей общей любимицей, но играть любила больше всего со мной. И вот однажды неожиданно-негаданно случилась беда. Моя любимица вдруг заболела. Болела она недолго — всего 3 дня, а потом умерла.

Мы с сестрой похоронили её и стали думать, почему же Люси умерла.

Наша канарейка свободно летала по квартире. Её любимым местом была кухня. А родители там курили, и часто было совершенно нечем дышать. Хоть топор вешай! Мы сами старались не дышать этим дымом и уходили из кухни. А Люси никак нельзя было выманить оттуда. Табачный дым сделал свое дело. Если 1 грамм никотина убивает лошадь, то сколько же надо было его для такой крохи...

Сейчас ты — учёный, который исследует влияние различных вредных привычек на здоровье человека. Тебе удалось прийти к сенсационному открытию: если некурящий человек в течение 1 часа находится в помещении, где *хоть топор вешай*, — это приравнивается к четырём выкуренным сигаретам. А значит, курить и просто находиться в помещении, где накурено, — это одно и то же и одинаково вредно для организма.

Убеди людей, что дышать в прокуренном помещении, где *хоть топор вешай* — очень опасно. Словам в науке мало кто верит, нужны экспериментальные доказательства. Продемонстрируй следующие опыты и на их основе сделай выводы, вписывая в ключевую фразу под рисунками наш фразеологизм.

☉ Для того чтобы показать, что происходит с лёгкими человека, когда он находится в помещении, где много дыма, возьми губку белого цвета и опусти в банку с чистой водой. Затем вынь её и отожми. Так дышат лёгкие некурящего человека. Теперь в банку с водой добавь

чёрную тушь и размешай. Затем вновь опусти губку, вынь и отожми. Какого цвета стала губка?

→ Так и легкие курильщика и человека, который находится в помещении, где накурено - , постепенно покрываются липкой тёмной смолой, отчего появляется кашель.

☉ Следующий опыт покажет, что происходит с сердцем человека, который дышит тяжёлым воздухом. Возьми воздушный шарик в виде сердца и начинай медленно сдувать его.

→ Так и сердце курильщика и человека, который находится в помещении, где , мучается и слабеет.

Нет такого мальчишки, который не мечтал бы стать сильным и здоровым. Рассмотрите изображение двух мальчиков слева. Определи, у кого из них в доме *хоть топор вешай*. Укажи галочкой.

А такими мальчики стали, когда выросли. Покажи с помощью стрелочек, кто из них кто.

Вот какой вывод после выполнения этого задания сделал Лёша Сорокин из Саратова: «Курение и частое пребывание в помещении, где очень сильно накурено, замедляет рост. Поэтому мальчик, который с детства дышит таким воздухом или сам начал рано курить, рискует остаться низкорослым, а к 30 годам - облысеть. Кроме того, это приводит к инфаркту миокарда (разрыву сердца) и раку легких».

→ Помоги Лёше Сорокину, сделать его вывод еще более убедительным, заменив одно из словосочетаний в тексте фразеологизмом *хоть топор вешай*.

❖ Ты как будущая мама должна знать, что думает ещё не родившийся ребенок в животике у беременной женщины. Правда, он еще не знает фразеологизм *хоть топор вешай*. Помоги маленькому человечку вставить его в текст:

☉ Жаль, что моя мама часто общается с людьми, которые курят: мне приходится дышать тяжёлым воздухом. Мне не хватает кислорода, и поэтому, когда я рожусь, у меня будет очень маленький вес. А ещё с рождения я буду болеть астмой - страшной болезнью лёгких. И вообще у меня будет очень слабое здоровье. Я всё равно очень люблю свою маму. Но лучше бы она не дышала табачным дымом, не сидела бы там, где

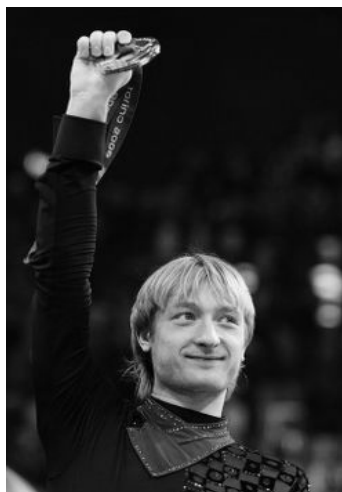

→ Подумай, будешь ли ты курить или находиться в прокуренном помещении, когда станешь взрослой и будешь ждать появления своего малыша? Используй в рассуждении фразеологизм *хоть топор вешай*. Будем очень рады, если ты поделишься своими мыслями с нами: dety-frazeologiya@ya.ru

Сегодня в «Минутке здоровья» дыхательная гимнастика и тренинг «Учусь отказывать», а главное – заряд положительной энергии от положительного примера!

Посмотри на фотографию олимпийского чемпиона по фигурному катанию Евгения Плющенко! Он никогда не курил!

Мы спрашивали у многих некурящих спортсменов, неужели никто ни разу в жизни не предлагал им закурить или хотя бы посидеть с курящими в одном помещении?

- Конечно, было и не раз. И даже очень настойчиво предлагали. Только мы умеем отказывать. Этому можно научиться.

Предлагаем и тебе освоить несколько вариантов отказа:

Первый вариант отказа:

☉ Надо посмотреть прямо в глаза тому, кто предлагает посидеть, поиграть в помещении, где накурено, и спокойно, но очень уверенно сказать: «Нет! Я хочу дышать чистым воздухом. А там хоть топор вешай!»

→ Отрепетируй этот вариант отказа.

Второй вариант отказа:

☉ На предложение посидеть в прокуренном помещении надо сделать рукой решительный отстраняющий жест и громко сказать жесткое «Нет! Там хоть топор вешай! Не хочу дышать дымом!»

→ Покажи этот жест.

В случае, если тебе всё же когда-нибудь придётся попасть в помещение, где много дыма — хоть топор вешай, постарайся заранее набрать воздуха, задержать дыхание и поскорее выйти на свежий воздух. Для задержки дыхания нужны крепкие лёгкие. Начинай их тренировать, выполняя дыхательные упражнения.

☉ «Ветер и ветерок». Коротко вдохни носом и сделай длинный выдох ртом. Сначала лёгкий ветерок, затем сильный ветер.

☉ «Пузырики». Надувай щеки, как шарики, и вдыхай воздух носом. Сквозь неплотно сжатые губы выдыхай, сдувая щеки.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

КОШКА

(Между кем) **ЧЁРНАЯ КОШКА ПРОБЕЖАЛА**

Друзья поссорились, иногда без видимых причин.

Говорится с неодобрением или сожалением.

Ты, пожалуйста, извини, но про чёрных кошек и котов мы долго говорить не будем. Мало ли что... Тьфу-тьфу через левое плечо. Короче, не повезло им, этим чёрным мяукающим созданиям.

Вот, к примеру, родились у мамы-кошки котята:

один – беленький, другой – чёрненький, третий – рыженький, четвёртый – серенький, пятый – разноцветный.

За них можно не волноваться, кроме одного, чёрненького – ему всю жизнь придется мучаться. То пнут, то плюнут, то скажут: «Кыш, нечистая!» И ничего не поделаешь, приходится терпеть. Ведь у этих суеверных людей издавна все приметы, связанные с чёрными котами, предвещают неприятности. А всё потому, что в древности считалось: в чёрную кошку способны превращаться «злые духи», колдуны, ведьмы, черти. Многие и сейчас верят: если чёрная кошка перебегает дорогу перед идущим человеком, ему лучше вернуться или стороной обойти это место, иначе – крупно не повезёт. А если чёрная кошка пробегает между людьми, она, то есть чёрт, хочет поссорить их.

Вот так. Странное всё-таки существо человек. Летаёт в космос, создаёт искусственный интеллект, общается со всем миром через Интернет и верит, что из-за какого-то маленького чёрненького котика можно поссориться со своим лучшим другом. А ты как считаешь?

Мяу!

🔒 Несмотря на трудную судьбу, наш чёрный котик не унывает и предлагает тебе две известные народные загадки на сообразительность:

☉ В комнате 4 угла, в каждом углу по одной чёрной кошке, напротив каждой чёрной кошки по три чёрных кошки. Сколько чёрных кошек в комнате?

→ 4 кошки

☉ Сидит на окошке чёрная кошка: лапы, как у кошки, уши, как у кошки, но не кошка. Кто это?

→ Чёрный кот

👉 Итак, происхождение фразеологизма *(между кем) чёрная кошка пробежала* – о возникшей ссоре между друзьями – связано с суеверными представлениями о чёрной кошке, которая, якобы, приносит человеку беды, неудачи, а пробегая между двумя друзьями, может их поссорить.

Найди в диалоге двух друзей фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья, выдели этот фразеологизм маркером . Подчеркни и синонимичные данному фразеологизму слова и выражения, которые употребляют в речи ребята .

Женя: Привет! Что новенького, чем занимаешься?

Славик: Хочу статью в детский журнал написать, о том, как между друзьями возникают ссоры и к чему это может привести. Хочется чтобы там были разные примеры: из сказок, из мультфильмов, из познавательной литературы. Не подбросишь идейку? Твои советы мне всегда здорово помогают.

Женя: Я знаю африканскую сказку: там Луна и Солнце дружили и вместе жили – не тужили, но потом между ними пробежала чёрная кошка. Солнце разозлилось на Луну и прогнало её. Вот почему теперь Луна светит только ночью, а солнце днём. Может, как-то используешь?

Славик: Да, задумка неплохая. Только не хочется давать детям ложной информации. Луна бывает и днём, только её плохо видно.

Женя: Если без ложной информации, тогда, пожалуйста, проще простого, и со школой связано. Берёшь сказку Бориса Заходера, там буква *Я* поссорилась с остальными буквами алфавита.

Славик: А между ними-то из-за чего черная кошка пробежала?

Женя: Неужели не помнишь? – Буква *Я* не захотела стоять в конце алфавита, считая себя самой главной?

Славик: Отлично... Только не всем детям про алфавит понравится. Он и в школе им надоел.

Женя: Тогда пиши о природе. Ну, «Лесные были и небылицы» Виталия Бианки помнишь? Взять хотя бы рассказ «Чей нос лучше?». Там птицы ссорились, и всё очень печально закончилось для Мухолова-Тонконоса.

Славик: О природе – это хорошо. Ещё есть сказка Владимира Ивановича Даля «Война грибов с ягодами». Между ними тоже чёрная кошка пробежала, а помирились они лишь тогда, когда тётка Варвара все грибы собрала.

Женя: Вот, видишь, мысль заработала. Можешь даже взять мою иллюстрацию к этой сказке:

Славик: Да, спасибо друг! Ты меня всегда выручаешь.

Женя: А ты – меня. И главное, мы всю жизнь дружим, и между нами ни разу чёрная кошка не пробежала. Вставь это в свою статью.

Сейчас ты – психолог-фразеолог и помогаешь людям разобраться в сложных жизненных ситуациях, используя фразеологизм *чёрная кошка пробежала*:

❖ Помоги помириться друзьям, между которыми черная кошка пробежала:

⊙ Оля: Мы с Машей были подруги – не разлей вода, я всегда помогала ей в трудную минуту. Но после того, как она заняла первое место на соревнованиях по лыжам и получила диплом, меня всё в ней стало раздражать. В общем, между нами словно чёрная кошка пробежала. А лучше подруги у меня нет. Неужели мы рассоримся навсегда?

→ Объясни Оле, что, по-видимому, чёрная кошка пробежала между ними из-за зависти. Это, конечно, очень неприятно, но бывает с каждым. А настоящие друзья познаются не только в беде, но и в радости. Одно дело – помочь другу в трудную минуту, и совсем другое – пережить его успех. Если Оля действительно дорожит дружбой с Машей, то пусть порадуется за неё и скорее сама берётся за дело – ведь у неё, наверняка, тоже есть какие-то увлечения, где она может стать первой. А Маша ей обязательно поможет и не позавидует.

⊙ На письмо Пети тебе придется ответить письменно. Сначала прочитай внимательно, о чём пишет мальчик:

«Я считаю, что Витька меня предал. Я не выучил урок и решил спрятать классный журнал, чтобы Елена Ивановна не поставила двойку. Все ребята меня поддержали, кроме моего лучшего друга. Он мне сказал, что честные люди так не поступают. С тех пор между нами чёрная кошка пробежала. И как мне быть? Ведь с ним всегда так интересно».

✍ Ответ Пете, вставляя вместо пропусков слова и выражения из справочной бегущей строки:

....., Петя! Ты, обвиняя Витю. Ведь когда настоящий говорит неприятную, горькую для тебя – он хочет сделать тебя лучше, ... тебе. Витя так и поступил. Ты сам виноват, что между вами

Бегущая строка: *не прав, здравствуй, друг, правда, черная кошка пробежала, помочь.*

❖ Не удивляйся. Слава о твоих способностях так велика, что к тебе за советом приходят даже коты.

⊙ Рыжий кот Огонёк: Послушайте, уважаемый психолог! Это что за дела такие? Теперь выходит, если чёрная кошка пробежит между нами, так, значит, мы поссоримся? Да между мной и моими друзьями столько раз эти чёрные кошки пробегали – не сосчитать! А наша дружба только крепче становится. Например, вчера мы все вместе новую модель мышеловки сконструировали. Каждый внёс свой вклад! Да я за Ваську и Мурзика всех поцарапаю! Документальное свидетельство нашей дружбы прилагаю:

→ Объясни рыжему коту, что всё дело не в самой чёрной кошке, а в народной примете, связанной с ней. Расскажи о происхождении нашего фразеологизма. Успокой необычного посетителя тем, что между ними чёрная кошка, вряд ли, пробежит, так как их дружбу связывает общее дело.

❖ А теперь как очень редкий специалист – психолог-фразеолог – ты выступишь перед телезрителями. Тема твоего выступления – «Чтобы черная кошка не пробежала между друзьями». Что для этого нужно сделать? Как укрепить дружбу? Не забудь про общие интересы друзей (рыбалка, компьютерные игры, музыка, спорт, коллекционирование открыток, наклеек) и такие качества друзей, как надежность, верность другу, чувство благодарности. В твоём распоряжении 3 минуты. Микрофон включен!

Ты поссорился с другом и не знаешь, как с ним помириться? Рубрика «Детский фольклор» предлагает тебе самый простой, но самый надёжный способ. Это мирилки в сочетании с пальчиковой гимнастикой:

☉ Ты мирись, мирись, мирись,
Чёрной кошке скажем
«Брысь!»
Тает ссора как снежок,
Ты прости меня, дружок!

Сцепите с другом мизинцами правой руки. Тяните каждый в свою сторону, пока проговариваете мирилку. Затем поменяете руки.

☉ Ты меня прости за это,
И за то меня прости.
Чёрной кошке – две котлеты
И счастливого пути!

Сцепите с другом четырьмя согнутыми пальцами, как показано на рисунке, и тяните каждый в свою сторону. Затем поменяйте руки.

☉ Не дерись, не дерись,
Ну-ка быстро помирись!
Чёрной кошки след простыл.
Я тебя давно простил.

Встаньте друг против друга, поднимите руки не выше уровня груди, затем начинайте соприкасаться по очереди подушечками всех пальцев (сначала мизинцами правой и левой рук, затем безымянным и так далее). Затем повторите движение в обратном направлении.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

2. Статьи историко-этимологического фразеологического словаря для младших школьников

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

Голово́н вниз (переве́рнуть) (повисну́ть); кувы́рком (пока́тываться, полететь, упасть, сорва́вшись откля́та-нибу́дь).
Голово́н вверх (переве́рнуть) (повисну́ть); кувы́рком (пока́тываться, полететь, упасть, сорва́вшись откля́та-нибу́дь).

Давай почитаем газету. Вы уже пробовали её читать с друзьями и ничего не поняли? Наверное, вам попалась газета для взрослых. А бывают очень интересные детские газеты и газеты для всей семьи, где ты всегда найдёшь весёлые детские странички. Вот там-то мы и встретились с фразеологизмом, о котором будем говорить сегодня.

Давай почитаем вместе:

«Двое малышей разговаривают в садике. У одного в руках – плюшевый заяц. Судя по всему, разыгрывается какая-то сценка, а может быть, даже боевик с участием этого самого зайца.

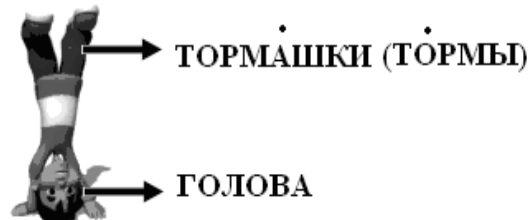
- Вот так он подбежал, вот так схватил, - кричит один мальчуган, - и зайчик полетел вверх тормашками!

- «Тормашками»! – смеется другой малыш, - как ты смешно говоришь – «тормашками»... А где у зайца тормашки?»

(М.Королёва. – Российская газета «Неделя» от 14 января 2005 г.)

А ты сможешь ответить на этот вопрос малыша? Попробуй рассуждать вместе с нами.

Итак, что значит *вверх тормашками*? - Совершенно верно, это вниз головой. А как это – вниз головой? – А это вверх ногами. – А тогда что же такое *тормашки*? – Вроде, получается, что это ноги.

Да не вроде, а действительно ноги.

Теперь-то ты понимаешь, почему текст в заголовочной рамке перевернут? ☺

Ты, наверное, заметил, что слово *тормашки* отдельно от фразеологизма в современной речи не употребляется. Разве что в шутку, как это делает второклассница Маша в разговоре со своим папой:

– Папа, я вчера на набережной видела: один мальчик через скамейку перепрыгнул и по лестнице кувырком! А за ним второй. И тоже вверх тормашками полетел. Я так испугалась. А люди внизу стоят и в ладоши хлопают.

– Ты напрасно испугалась, Маруся. Это тебе показалось, что ребята падают. На самом деле они – спортсмены и делали сальто – кувырок в воздухе. Вид спорта, которым они занимаются, называется паркур (в переводе с французского «трасса, дистанция»). Они преодолевают городские препятствия, а заодно и свой страх. Их девиз: «В жизни нет границ, есть только

препятствия». Среди молодёжи очень популярны такие экстремальные виды спорта – сложные, связанные с риском.

- Папа, давай и мы пойдём на набережную делать сальто.
- Нет, Маруся. Этому надо специально учиться. Лучше – в спортивной секции. А если мы с тобой сейчас начнем делать сальто, то уж точно покатымся вверх тормашками.
- И переломаем тормашки?
- Переломать можем всё, что угодно, и ноги, конечно. Только сейчас они уже не называются тормашками.
- А я знаю. Я просто пошутила.
- Тогда – молодец. У тебя получилось.

✎ Итак, русскому языку уже в XVI (шестнадцатом) веке было известно выражение *вверх ногами*. Уже тогда в некоторых регионах России в составе фразеологизма стало появляться словечко *тормашки* – так местные жители шутили называли ноги. Сейчас оборот *вверх тормашками* известен по всей России, а вот слово *тормашки* перестало употребляться самостоятельно и встречается только в этом фразеологизме.

ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ

- **Очень громко (кричать).**
- **Очень быстро (бежать, мчаться, нестись).**

Сегодня мы отправляемся в Санкт-Петербург в гости к учёному-фразеологу Валерию Михайловичу Мокиенко.

Он распутывает самые сложные истории происхождения фразеологизмов. Мы тоже не с простым вопросом прибыли. Вот и посмотрим сейчас, как наш фразеологический Шерлок Холмс разберется с оборотом *во всю Ивановскую*.

– Элементарно, коллеги. – Валерий Михайлович достаёт фотографии. – Вот колокольня Ивана Великого в Московском Кремле, а это Ивановская площадь рядом с колокольней.

С этими двумя объектами учёные связывают происхождение фразеологизма. – Сразу скажу, – продолжает Валерий Михайлович, – версии интересные, но, к сожалению, не верные. Колокольня Ивана Великого когда-то была самой высокой в Москве. Здесь размещалось 30 колоколов. Самый большой весил 65 тонн, самый маленький – 1 тонну 71 килограмм.

🔒 Подумай, как в XVIII (восемнадцатом) веке москвичи говорили о весе этих колоколов, если основной мерой веса в те времена был пуд, равный 16 килограммам. Результат можешь округлить до целых чисел.

🔑 *Самым громким колоколом в 1796 году, самым маленьким – в 1766 году.*

Колокола имели свои имена: Праздничный, Вседневный, Лебедь, Медведь. А все вместе они назывались Ивановской колокольной фамилией. Представляете, какой стоял гул, когда звонили во все колокола Ивана Великого! Отсюда некоторые учёные и выводят значение фразеологизма: (*звонить*) *ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ* (колокольную фамилию) = *очень громко*.

На Ивановской площади оглашали царские указы. Понятно, что микрофонов тогда не было, и глашатаям приходилось основательно напрягать голосовые связки. Здесь же, на Ивановской площади, кнутами и палками наказывали воров, которые тоже голосили во всю Ивановскую площадь. Вот и вторая версия: (*кричать*) *ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ* (площадь) = *очень громко*.

– И все бы хорошо, – хитро улыбается Валерий Михайлович, – но оказывается, первоначально фразеологизм имел другое значение – «очень быстро» и употреблялся в сочетаниях *бежать, нестись во всю Ивановскую, скакать (на лошади) во всю Ивановскую*. А можно ли бежать или скакать во всю Ивановскую колокольную фамилию? – Конечно, нет. А во всю Ивановскую площадь? В общем-то, можно, но зачем? Да и размеры площади не позволяют особо разбежаться, а уж тем более скакать на лошадях.

Значит, в нашей фразеологической формуле вместо *колокольни* или *площади* остается одно неизвестное: (*бежать, кричать*) *ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ* (.....?) = *очень быстро; очень громко*.

Сейчас мы подберёмся к этому неизвестному с другой стороны. – Какие вы знаете фразеологизмы со значением «очень быстро» и «очень громко»? – спрашивает Валерий Михайлович.

🔒 А мы с этим же вопросом обращаемся к тебе:

Быстро: *во весь ...*, *во все ...*, *во всю ...*

Громко: *во весь ...*, *во всю ...*, *всё ...*

Если затрудняешься – выбирай слова из нашей бегущей строки-подсказки: *нос, глаз, голос, дух, сила, мощь* (раньше говорили *мочь*), *горло, лопатки, глотка, палец*.

А вот что должно получиться: *во весь дух, во все лопатки, во всю мощь, во весь голос, во всю глотку, во всю силу, во всё горло*. И никаких площадей, никаких колоколен. Только человек – голос, горло, лопатки, сила.

– Скорее всего, и наш фразеологизм связан с каким-то человеком, – говорит Валерий Михайлович. – Глядя на фразеологизм, вы легко догадаетесь, как его зовут.

🔒 А ты уже догадался?

🔑 **ИВАН**

А значит, окончательная фразеологическая формула будет выглядеть так: (*бежать, кричать*) **ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ** (*силу, мощь, мочь*) = *очень быстро, очень громко*.

🔒 Остаётся только выяснить, о каком Иване идет речь. А подсказку на этот раз ты найдёшь в сказке Петра Павловича Ершова «Конёк-горбунок»:

☉ Стало в третий раз смеркаться.

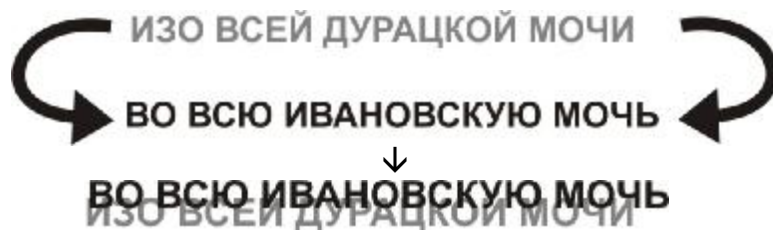
Надо младшему собираться:

Он и ухом не ведет, На печи в углу поет

Изо всей дурацкой мочи:

«Распрекрасные вы, очи».

Мысленно наложи выделенную строчку на наш фразеологизм, и ты узнаешь, что за Иван скрывается за этим оборотом:

🔑 **Иван-дурак**

В том, что на образе Иванушки-дурачка построен наш фразеологизм, нет ничего удивительного: это самый любимый персонаж русского фольклора⁷⁵. Много разных Иванов в русских сказках: Иван-царевич, Иван-Горех, Иван Зорькин, Иван Медвежье Ухо, Иван Сторожевич, Иван Бурлак, Ивашка - Белая Рубашка. И везде этот народный герой отличается ловкостью, добротой и большой силой.

👉 Вот и разгадка: фразеологизм *во всю Ивановскую* связан с Иваном – любимым героем русских народных сказок. Герой, по имени Иван (Иван-дурак, Иван-царевич, Иван-богатырь), – сильный, ловкий, добрый. Он всегда побеждает своих врагов, действует быстро, энергично. Это и отразилось во фразеологизме *во всю Ивановскую* – «очень быстро, очень громко, изо всех сил».

⁷⁵ Фольклор – устное народное творчество.

ВОЛЬНЫЙ КАЗАК

Свободный, ни от кого не зависящий человек, который ни перед кем не должен отчитываться и может поступать, как хочет.

Рассказ об истории фразеологизма *вольный казак* мы начнём издалека – с бескрайних степных просторов, где когда-то обитали тюркские племена – южные соседи древних славян. У них-то наши предки и заимствовали слово *казак* – «вольный, свободный человек».

🔒 В русском языке немало слов тюркского происхождения: *кабан, карандаш, кирпич, стакан, товар, уют*. За долгие годы они хорошо освоились в русском языке и ничем не отличаются от русских. А вот современные заимствования: *компьютер, сайт, файл, дисплей, принтер*. Если ты уже изучаешь иностранные языки или увлекаешься информатикой, то, наверное, знаешь, из какого языка эти слова к нам пришли?

👉 Из английского: *computer, site, file, display, printer*.

А теперь возвращаемся к нашей истории. Вспоминать скорее, что означает тюркское слово *казак*.

👉 «Вольный, свободный человек».

В XIV (четырнадцатом) веке *казаками* на Руси стали называть людей, которые прекращали всяческие отношения со своим привычным кругом знакомых. Но это ещё не те казаки...

Тебе, наверное, известно, что до 1861 года на Руси существовало крепостное право, при котором помещик (владелец земли) распоряжался жизнью, трудом и имуществом принадлежавших ему крепостных крестьян, а они обязаны были до смерти даром на него трудиться.

Так вот, некоторые крепостные крестьяне бежали от гнёта помещиков на окраины Русского государства, где образовывали свои поселения. Этих людей, не признающих никакой зависимости, тоже называли *казаками* или *вольными казаками*.

В XVII (семнадцатом) веке крупные казацкие поселения появились в Запорожье на Украине. Вот как его обитателей – запорожских казаков изобразил русский художник Илья Ефимович Репин.

«Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1880-1891)

🔒 Внимательно рассмотри картину. Какими словами ты можешь охарактеризовать запорожских казаков? Какие они?

Участие, веселые, музыкальные, энергичные.

Но главным их качеством было свободолобие. Во время работы над картиной Репин собрал много материала о запорожских казаках и вот что он писал о них своему коллеге критику В.В.Стасову: «Никто на всем свете не чувствовал так глубоко свободы, равенства и братства! Во всю жизнь Запорожье осталось свободным, никому не подчинилось!» Даже турецкому султану Магомету IV. В 1676 году он призывал казаков покориться. А в ответ получил остроумное, смелое письмо, полное издёвок и насмешек. Момент сочинения письма и изображён на картине.

Если ты любишь сказки, вот тебе украинская сказка про казака Мамарыгу: «Двадцать пять лет проработал казак Мамарыга у богача. И всего три медных гроша заработал. Надоело казаку батрачить. Не казацкое это дело. Решил он пойти куда глаза глядят, свет повидать, счастья поискать...».

Хочешь знать, что было дальше? – Разыщи эту сказку и прочитай. Не пожалеешь – очень интересно!

А если ты любишь мультики – включай канал «Культура», там приключения казаков часто показывают: «Как казаки невест выручали», «Как казаки соль покупали», «Как казаки мушкетёрам помогали», «Как казаки на свадьбе гуляли», «Как казаки инопланетян встречали», «Как казаки в футбол играли», «Как казаки олимпийцами стали», «Как казаки в хоккей играли» (режиссер – Владимир Дахно, автор сценария – Владимир Капустян). Можешь попросить родителей купить сборник этих мультфильмов на DVD-диске. А пока вот тебе в подарок несколько кадров:

Итак, ты узнал (узнала) реальный исторический факт, на котором основан фразеологизм *вольный казак*: раньше на окраину Руси убегали крепостные крестьяне и обнищавшие горожане. Они становились вольными поселенцами – казаками. А позже *вольным казаком* стали называть любого другого человека, который ни от кого не зависит, ни перед кем не отчитывается и поступает, как хочет.

ЗАМОРИТЬ ЧЕРВЯЧКА

Слегка перекусить, чтобы смягчить острое чувство голода.
Говорится шутливо.

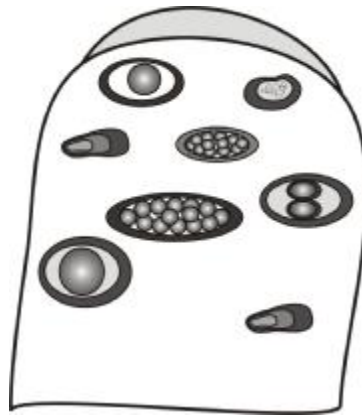
Как вкусно пахнет! Даже слюнки потекли. Это мы с тобой оказались на фразеологической кухне. А значит, нам придётся стать фразеологическими поварами. Какой фразеологизм у нас сегодня в меню? Смотрим в рамку. – *Заморить червячка*. А что это значит? – «Слегка перекусить, чтобы смягчить острое чувство голода». Да, слегка перекусить не мешало бы. Давай, выясняя историю происхождения этого фразеологизма, будем готовить фразеологический салат. Заодно и перекусим.

Почему именно салат? Потому что в истории этого фразеологизма все так смешалось, как в настоящем салате.

Надевай передник, убирай волосы под косынку или поварской колпак и мой руки. Говоришь, они у тебя чистые? Конечно, мы тебе верим. Но посмотри, что у нас есть.

Правильно, это микроскоп – оптический прибор, с сильно увеличивающими стеклами. Под микроскопом можно рассмотреть то, чего не видит обычный, невооруженный глаз. Загляни-ка в микроскоп. Что рассматривать? Да хоть свой палец. Клади на стекло. Вот так.

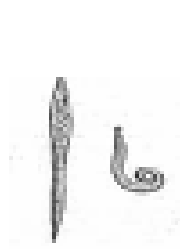
Ой, мамочки! Это что за чудовище? – А это кончик твоего пальца под микроскопом со множеством яиц глистов (гельминтов).

А теперь внимание:

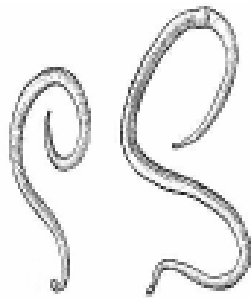

«ЭТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ!»

С грязными руками яйца глистов попадают в рот, а затем в пищеварительную систему человека. Там они превращаются вот в таких червей-паразитов разной длины, которые присасываются к стенкам различных органов и начинают жить за счет человека, отравлять его организм.

ОСТРИЦЫ
до 12 миллиметров

АСКАРИДЫ
до 40 сантиметров

**ШИРОКИЙ
ЛЕНТЕЦ**
до 10 метров

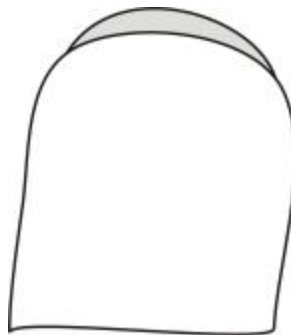
БЫЧИЙ ЦЕПЕНЬ
до 12 метров

В пищеварительной системе человека черви откладывают новые яйца, которые с остатками пищи выходят из организма. И если человек после посещения туалета не вымоет руки, то они снова попадают к нему в организм. И так бесконечное количество раз, пока глисты не расплодятся до такой степени, что человек уже не сможет жить. Поэтому, если у кого-то вдруг обнаружили глисты, ему нужно немедленно начать лечение. Сейчас очень много эффективных лекарств для такого случая.

 Обведи эту важную информацию в красную рамку.

Ты извини нас. Все это очень неприятно. И мы бы тебе ничего не стали рассказывать об этих противных и страшных червяках, но ты – наш друг, и мы не хотим, чтобы ты стал хозяином каких-то червей-паразитов. Стань хозяином самому себе!

Ты где? Уже моешь руки? Мы тоже. Посмотри сколько разных моющих средств стоит на полочке в ванной! Не открывай всё подряд, прочитай этикетки. «Для чистки унитазов. Убивает все микробы». Хорошо, но нам сейчас не подходит. «Для мытья раковин и ванн. Очищает до блеска». Нет, не то. «Мыло антибактериальное». Вот это как раз то, что нам нужно. Оно нас защитит. Давай ещё раз намылим руки. Вот полотенце. А теперь снова посмотрим в микроскоп.

Все. Руки чистые. Врачи бы сказали «стерильные».

Теперь ты знаешь, что нужно делать, чтобы не было глистов.

А вот раньше глисты были почти у каждого человека. Почему? Хорошо, что ты об этом спрашиваешь. Психологи считают, что поставить вопрос, значит уже наполовину понять то, о чём хочешь узнать.

– Знали ли раньше простые люди, что глистами заражаются через грязные руки? – Нет, не знали, микроскопов-то у них не было.

– Мыли ли они руки с мылом перед едой, после посещения туалета, после игры или прогулки? – Нет, в отличие от тебя, они нечасто соблюдали эти простые правила, помогающие сохранить здоровье. Мыла и других моющих средств тогда тоже не было, не говоря уже об ан-

тибактериальных. Их заменял раствор щёлока, который получали, настаивая древесную золу.

– А почему они не лечились специальными таблетками от глистов? – Таких таблеток тоже не было в те давние времена.

Да, трудно было жить в таких антисанитарных условиях. И поэтому существовало поверье: если выпить натошак немного спиртного (водки, вина), то можно избавиться от глистов, убить их. Это поверье, а заодно и выражение *убить червя (червячка)* русские заимствовали у французов.

Вот мы с тобой незаметно и приблизились к разгадке происхождения нашего фразеологизма – подготовили для фразеологического салата один ингредиент⁷⁶ – французский оборот *убить червя (червячка)* – «выпить натошак рюмку водки или вина». Давай поместим это выражение во фразеологическую салатницу.

Как повара высокого класса мы понимаем, что одного ингредиента для приготовления салата явно недостаточно. Поэтому продолжим наблюдать, как же дальше складывалась история фразеологизма *заморить червячка*. Давай выделим из него исконно русское слово *заморить*. Понять его значение тебе помогут такие однокоренные слова, как *морить, уморить, умереть, смерть*. Когда русский человек, слегка перекусывая, утолял голод, он говорил: «Заморил голод», «Заморил выть»⁷⁷. Эти выражения, связанные с представлениями о голоде, мы добавим в нашу виртуальную салатницу. Они являются вторым историческим ингредиентом фразеологического салата под названием «Заморить червячка».

Осторожно перемешиваем ингредиенты. Именно так все и происходило на протяжении многих лет, когда заимствованное из французского языка выражение *убить червя (червячка)* – «выпить натошак спиртного» и русское *заморить голод (выть)* – «перекусить, утолить голод» жили бок о бок и постоянно соприкасались в языке. В результате – французский образ червячка объединился с русским глаголом *заморить*, стерлось значение «выпить натошак спиртного» и закрепилось – «слегка перекусить».

Вот и готов наш историко-фразеологический салат. Давай слегка перекусим, а точнее – заморим червячка, и сделаем вывод:

Итак, современное выражение *заморить червячка* – результат сложных исторических превращений и взаимодействия исконных и заимствованных языковых элементов. Этот исторический процесс можно представить в виде следующей схемы:

<i>Убить червя (червячка)</i>		<i>заморить голод (выть)</i>		<i>заморить червячка</i>
↓		↓		↓
«выпить натошак спиртного» (из франц. Яз.)	+	«перекусить, утолить голод» (исконно русск.)	=	«слегка перекусить, чтобы смягчить острое чувство голода»

(Кто) КАК (БУДТО) АРШИН ПРОГЛОТИЛ

(Кто-то) **держится неестественно прямо, скованно.**
Говорится неодобрительно.

Сейчас мы приглашаем тебя в нашу фразеологическую лабораторию, чтобы исследовать происхождение фразеологизма *как аршин проглотил*. А раз мы с тобой учёные, то должны выбрать какой-нибудь научный метод для нашего исследования.

⁷⁶ *Ингредиент* – составная часть какого-либо сложного соединения или смеси.

⁷⁷ *Выть* – это слово в некоторых регионах России и сейчас означает «голод, аппетит».

Ты сразу рвёшься в бой и предлагаешь действовать экспериментальным путём, считая, что нужно проглотить этот самый аршин. Ну что же, ты – смелый исследователь, и мы тобой гордимся. Многие настоящие учёные ради науки жертвовали не только своим здоровьем, но даже жизнью.

Например, в 2005 году австралийские учёные Барри Маршал и Робин Уоррен получили Нобелевскую премию за то, что обнаружили бактерии, вызывающие гастрит и язву желудка. Чтобы подтвердить открытие, Барри Маршалу пришлось поставить эксперимент на себе и проглотить эти болезнетворные бактерии.

Но мы глотать ничего не будем. Во-первых, мы ещё не знаем, что такое аршин, а глотать неизвестные предметы категорически запрещается. Во-вторых, мы за тебя отвечаем. В-третьих, мы как авторы словаря обещаем, что впереди тебя ждёт ещё много увлекательных фразеологических приключений без всякого риска для жизни. В-четвёртых, мы предлагаем тебе воспользоваться научным методом теоретического анализа. Он совершенно безопасен для здоровья, зато очень полезен для развития твоих интеллектуальных способностей.

 Прочитай записи в левом столбике. Это меры длины. Большинство из них тебе известно. А сейчас ты узнаешь, что такое аршин. С помощью стрелочек найди для них соответствующие значения в правом столбике.

1 метр	71 см
1 аршин	100 см
1 дециметр	10 мм
1 сантиметр	10 см

Итак, чему же равен аршин?

 Арифметический

Действительно, аршин – это старинная русская мера длины, равная 71 сантиметру. Аршином называлась и деревянная линейка длиной 71 сантиметр.

А сейчас включаем воображение: подумай, смог бы свободно двигаться человек, проглотивший такую линейку? Смог бы согнуть спину? Совершенно верно, он держался бы неестественно прямо.

А теперь проверь, правильно ли ты понимаешь историю происхождения нашего фразеологизма.

 В основу шутливого сравнения *как аршин проглотил* положено значение слова *аршин* – «деревянная линейка, длиной в 71 сантиметр». Этот будто бы проглоченный аршин и мешает человеку свободно и естественно двигаться.

НА ОДНУ КОЛОДКУ

Одинаковые, очень похожие друг на друга.
Говорится с неодобрением.

Привет! Что-то ты засиделся на одном месте. Вставай. Нужно идти. Жизнь – это движение. Куда идти? Только вперёд. Главное – идти. Дорогу осилит идущий. Тем более фразеологическую. Не можешь больше идти? У тебя что-то с обувью? Мама говорит, «колодка неудобная»? Тогда это для тебя, действительно, значимо. Особенно на фразеологической дороге. Ведь колодка – это не только сердце обуви, но и образный стержень нашего фразеологизма.

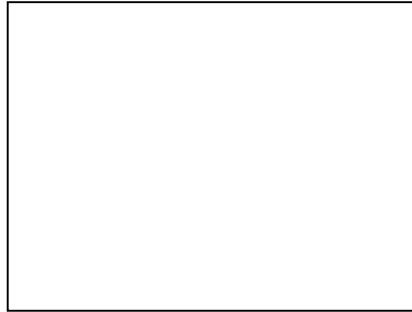

А вот и она – деревянная или металлическая форма в виде ступни. Ее используют при шитье и чистке обуви. Твои неудобные ботинки сделаны по колодке, которая тебе не подходит.

Давай-ка зайдём по дороге в ателье по индивидуальному пошиву обуви и закажем тебе новую обувь.

Только сначала продумай её внешний вид (дизайн). Не стесняйся реализовать все свои «обувные мечты», ведь твои ботинки (туфли, сапоги, кроссовки) будут единственными во всём мире. А может, именно с этой пары обуви в тебе раскроется талант гениального обувного модельера? В общем, желаем тебе успехов на творческой дороге.

А вот и место для эскиза. Твори!

Итак, модель готова. Теперь нужно изготовить колодку. Это первый и наиболее важный шаг в производстве обуви. Колодки определяет кривизну подошвы и её устойчивость. От этого зависит – будет ли обувь удобной. И поэтому колодка должна быть настоящим произведением искусства.

А у каждого произведения искусства, как известно, должен быть автор. В данном случае – это модельер-конструктор по изготовлению колодок.

Сейчас он сделает отпечаток или слепок твоей ступни, с которой предварительно снимет около 35 мерок. По ним мастер определит высоту подъёма и обхват твоей ступни, вычислит длину большого пальца и кривизну подошвы. Предусмотрит он и то, как будет двигаться твоя нога в будущем ботинке.

Потом по готовой колодке из кожи вырежут наружные и внутренние заготовки передней и задней частей обуви, сошьют их вместе и будут некоторое время размачивать. Затем заготовку натянут на колодку и будут сушить около двух недель. Теперь остается лишь добавить подошву и каблук, а затем и стельку. Твои ботинки готовы!

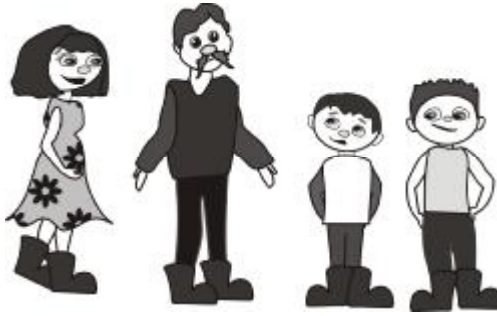
Обувай и иди дальше. Ну как? Теперь удобно? И идти по фразеологической дороге намного легче. Хотя она уже заканчивается. А с чего мы начали? С того, что нужно идти. Жизнь – это движение. А движение – это удобная обувь, а удобная обувь – это хорошая колодка, подобранная индивидуально к каждому заказчику. А так может сделать только настоящий мастер-колодочник.

Раньше этот специалист, как папа Карло, ходил по цехам обувного производства и vyrубал из полена шаблон⁷⁸ мужской, женской или детской стопы. Не имея ничего кроме дерева и топора, он долго и тщательно подтёсывал⁷⁹ деревянные заготовки колодок, придавая им нужную форму, объём, размер.

⁷⁸ Шаблон – образец, по которому что-то изготавливают.

⁷⁹ С однокоренными глаголами *тесать*, *обтёсывать* ты встретишься в словарной статье «Хоть кол на голове теши».

А ещё раньше обувь делали на одну колодку – не существовало разницы между правым и левым ботинком, мужской и женской обувью. Вот так, представь себе – все в одинаковых сапогах.

Поэтому и говорят о двух очень похожих или одинаковых предметах, людях – *на одну колодку сделаны* или просто *на одну колодку*.

Итак, фразеологизм *на одну колодку* пришел из речи сапожников, обувщиков, где колодка – это деревянная или металлическая форма в виде ступни человеческой ноги, которая используется при шитье и чистке обуви. Вполне понятно, что при использовании одной колодки обувь будет получаться одинаковой по размеру, форме. Отсюда и значение фразеологизма: *на одну колодку* – «одинаковые, очень похожие друг на друга».

ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ

Человек, который отделился или собирается отделиться от семьи или от какого-то коллектива, с которым раньше поддерживал тесную связь.

Обычно говорится с сожалением.

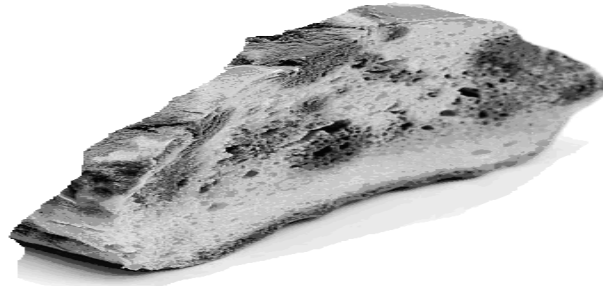
Сядь, если ты стоишь, а то упадёшь: сейчас мы отправляемся искать фразеологические сокровища! Ведь мы с тобой – фразеологические кладоискатели. Не веришь? Вот тебе фразеологическая лопата, пошли. Карту брать не надо, потому что клад зарыт в самом фразеологизме. Его нужно только суметь найти.

Восстанавливая историю происхождения любого фразеологизма, ты узнаёшь из нашего словаря о культуре и традициях русского народа, познаёшь народную мудрость, знакомишься с правилами, которые учат людей в любых ситуациях поступать по-человечески. А это и есть сокровища, которым цены нет.

Ну что же, давай займёмся фразеологизмом *отрезанный ломоть*. Предлагаешь отрезать ломоть от батона, намазать маслом и съесть? Мысль хорошая. Отрезай.

А мы пока заглянем в толковый словарь: «Ломоть – отрезанный для еды плоский кусок чего-нибудь: *ломоть хлеба, ломоть сала, ломоть дыни*». Что? Ты уже хочешь дыни и не хочешь хлеба с маслом? А что же нам делать с отрезанным ломтем? Оставить? Посмотри, что с ним станет через некоторое время.

Знай, что так относиться к хлебу нельзя. Это не по-человечески. И не по-русски. Неуважительное отношение к хлебу на Руси всегда считали преступлением и святотатством⁸⁰.

Ведь хлеб с давних пор – не просто традиционная русская пища, но и нечто большее: за ним стоит тяжёлый труд тысяч людей, которые выращивали рожь и пшеницу, собирали урожай, мололи зерно, работали в пекарне.

Хлеб – всегда был символом благополучия. Древняя русская примета предупреждает: нельзя выбрасывать хлеб. Кто так поступит, тот узнает в жизни и голодные времена. По русскому обычаю самых дорогих, почётных, знатных гостей, молодожёнов, новосёлов приветствуют караваем чёрного хлеба и солью, которые выносят на полотенце или подносе.

Вот мы с тобой и раскопали первое золотое правило-сокровище, которое гласит: УВАЖАЙ ХЛЕБ!

Ты беспокоишься о нашем отрезанном ломте и, чтобы он не испортился, предлагаешь приставить его обратно к батону? Ну что же, попробуй. Не получается? Действительно, *отрезанный ломоть к хлебу (к караваю) не приставишь*. Это пословица. Раньше на Руси так говорили про дочь, вышедшую замуж и ушедшую из родительского дома в семью мужа. Таковы уж были русские традиции.

«ДЛЯ САМЫХ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ»

В старину на Руси говорили: «Девочку в колыбельку, холстинку⁸¹ в коробейку». Смысл этой поговорки заключается в том, что приданое⁸² русской крестьянки, без которого она не могла достойно выйти замуж, собирали с самого её рождения, то есть сразу начинали готовиться к уходу дочери из родительского дома. До середины XIX века приданое складывалось в лубяные⁸³ плетеные короба, коробки, коробейки, позднее – в деревянные сундуки, украшенные резьбой, росписью, металлическими накладками. Размеры приданого согласовывали с роднёй жениха. А от жениха девушке перед свадьбой приносили обязательный подарок – расшитые шёлком сапожки, чтобы она готовилась уйти из родного дома.

⁸⁰ Святотатство – оскорбление чего-нибудь заветного, особенно дорогого, святого.

⁸¹ Холстинка – легкая полотняная или бумажная ткань.

⁸² Приданое – имущество, которое невеста забирала с собой из родного дома.

⁸³ Лубяной – из коры древесных и травянистых растений с длинными волокнами.

Позже *отрезанным ломтем* стали называть и сына, отделившегося от родителей. С особой горечью и сожалением так говорили о сыне престарелые родители, которым нужна была его помощь, ведь с каждым годом им становилось все труднее вести крестьянское хозяйство.

Сейчас всё по-другому. После свадьбы одни молодожёны могут жить и в доме невесты, и в доме жениха. Но большинство молодых семей, чтобы самостоятельно строить свою жизнь, предпочитают жить отдельно, не забывая при этом навещать своих родителей.

Вот мы с тобой и выяснили, почему фразеологизм *отрезанный ломоть* означает человека, порвавшего связь с родными. А заодно и нашли между строк ещё одно золотое правило-сокровище: НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙ СВОИХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ!

А теперь возьми наш отрезанный ломоть. Преломление хлеба перед общей трапезой (едой) объединяет людей. Давай разделим ломоть пополам и съедим. Да, правда, очень вкусно. Ведь вкус разделённого хлеба не сравним ни с чем.

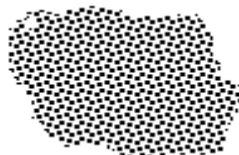
✂ А в истории происхождения нашего фразеологизма выделим главное: его источником была поговорка *Отрезанный ломоть к хлебу (караваю) не приставишь*. Так говорили о вышедшей замуж дочери, а позднее *отрезанным ломтем* стали называть и отделившегося от семьи сына, и любого человека, который отделился или собирается отделиться от семьи или от какого-то коллектива, с которым раньше поддерживал тесную связь.

ПИСАТЬ КАК КУРИЦА ЛАПОЙ

Писать неразборчиво, неряшливо; иметь очень плохой почерк.

Говорится неодобрительно.

Цып-цып-цып. Ты когда-нибудь кормил кур? Присоединяйся. Это зерно. Цып-цып-цып. Хозяева из этой словарной статьи съехали, а кур с собой не взяли. Вот, приходится нам их кормить. Цып-цып-цып-цып!

Ну вот, все склевали и куда-то по своим куриным делам отправились. Только следы на земле остались. Очень похоже на какие-то каракули. А посмотри-ка в рамку: *писать как курица лапой* – «писать неразборчиво, неряшливо; иметь очень плохой почерк». Теперь понимаешь, при чем здесь курица?

А может, все-таки куры нам что-то действительно написали? Вдруг что-то важное? Давай курочке Рябе в сказку позвоним.

Связываемся по скайпу.

-Здравствуйте, Курочка Ряба! Помогите нам расшифровать вот одно странное сообщение. Написано куриными лапами.

- Покажите, пожалуйста, образец почерка.

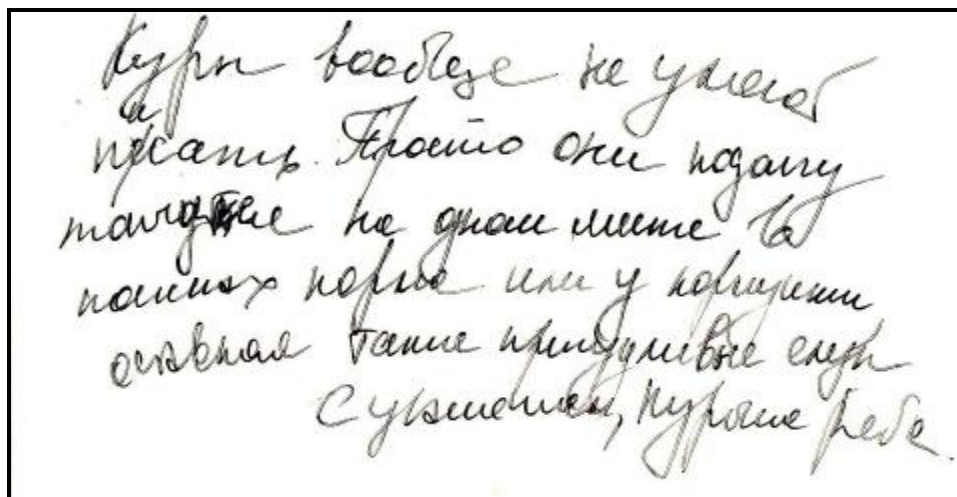
- Вот, пожалуйста.

- Так-так... Любопытно... Ну что же, ответ я продиктую моему пресс-секретарю Вове Иванову. Он тут как раз к нам в деревню на каникулы приехал. Мы с Вами свяжемся по электронной почте.

И действительно, открываем через пару часов почтовый ящик - письмо с приложением.

🔓 Открываем приложение. Ну и почерк! Очень похоже на отпечатки куриных лап. Может, ты разберёшь?

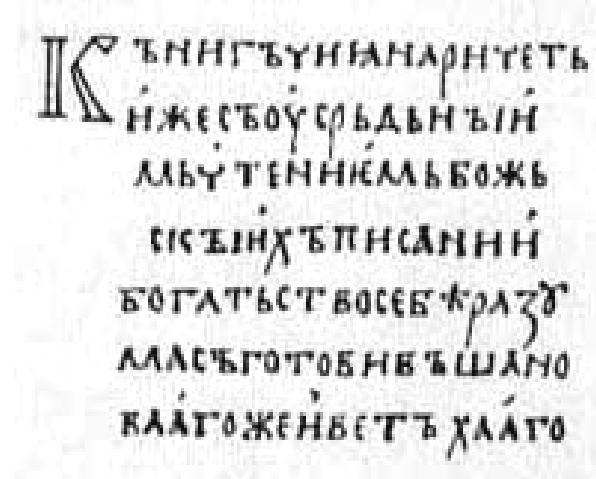
8

Если тебе удалось разобрать, то поздравляем: у тебя талант графолога — специалист, изучающий почерк (в переводе с греческого слово *графолог* означает «почерковед»).

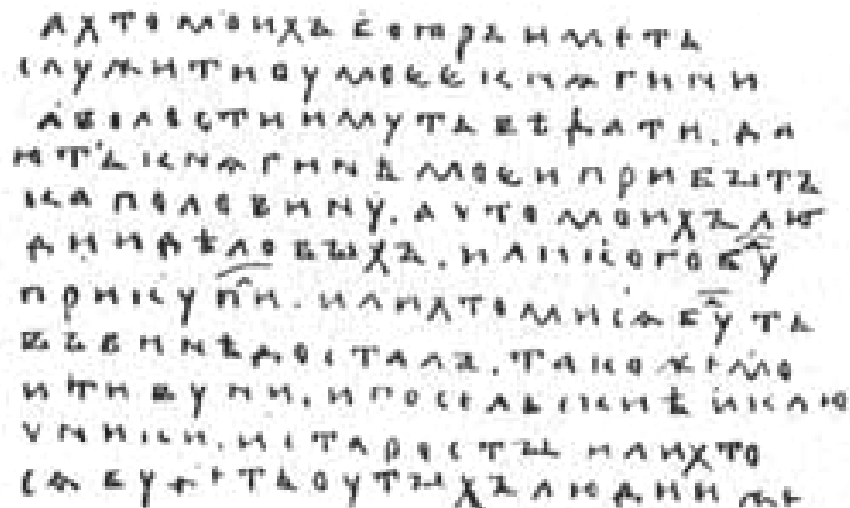
А мы прочитать не смогли. Хорошо, что курочка Ряба сразу перезвонила:
- У Вовы Иванова не очень высокая оценка по чистописанию. Вы, наверное, знаете: про таких людей говорят — «пишет как курица лапой». А продиктовала я ему вот что:

«Куры, вообще, не умеют писать. Просто они подолгу топчутся на одном месте в поисках корма или у кормушки, оставляя такие причудливые следы. С уважением. Курочка Ряба».

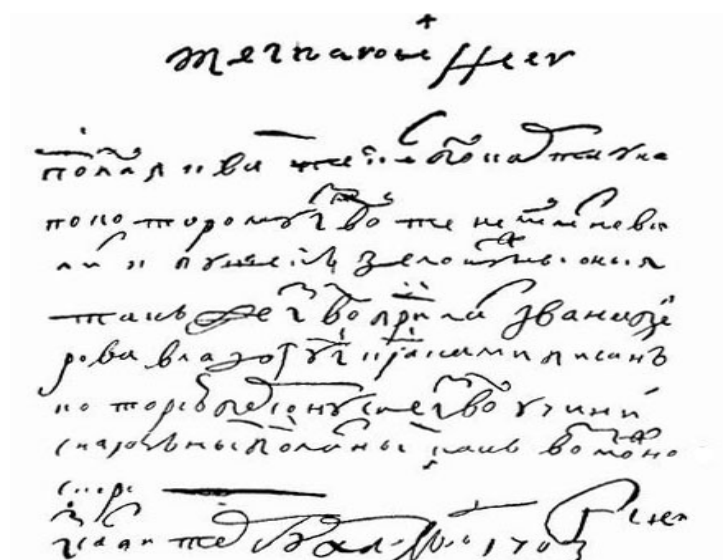
Сейчас люди все меньше и меньше пишут от руки. Тексты книг, газет, официальных документов набирают на клавиатуре компьютера. А в первые века нашей письменности, когда не было компьютеров, печатных машинок и печатных станков, умение красиво писать было просто необходимо. Тогда книги переписывались от руки особым крупным шрифтом, который назывался *устав*. Буквы писали на одинаковом расстоянии друг от друга, без наклона - они были как бы «установлены». Буквы имели строгую форму, их вертикальные линии, как правило, были толще горизонтальных, промежутка между словами не было. Древнерусские рукописи IX – XIV (девярых-чехырнадцатых) веков написаны уставом. Вот посмотри:

С середины XIV (чехырнадцатого) столетия получил распространение *полуустав*, который был менее красив, но зато позволял писать быстрее. Появился наклон в буквах, которые имели уже не такую строгую форму, перестало выдерживаться соотношение толстых и тонких линий. Текст стал делиться на слова.

В XV (пятнадцатом) веке полуустав сменился *скорописью*, которую, отличало связанное написание соседних букв, размашистость письма. В скорописи все буквы имели множество вариантов написания и в слове были связаны между собой, как и в современной манере письма. С развитием скорости письма появились признаки индивидуального почерка. Вот почерк Пётра Первого.

Если тебе не удалось ничего понять в этой записи, не спеши делать вывод о почерке царя, используя фразеологизм, о котором рассказывается в этой словарной статье. Просто во времена Петра I азбука несколько отличалась от современной, и поэтому некоторые буквы ты просто не можешь узнать.

А возвращаясь к фразеологизму *писать как курица лапой*, повторим еще раз сравнение, на котором этот фразеологизм построен: неразборчивая, неряшливая запись напоминает замысловатые следы курицы у кормушки.

ПОПАСТЬ ВПРОСАК

По своей вине оказаться в затруднительном, неприятном, сложном положении; ошибиться в чём-то.

Говорится с сожалением или неодобрением.

Нас с тобой многое объединяет. В смысле взрослых и детей. Например, всем детям в школе, и всем взрослым на работе преподают один и тот же предмет. У вас он называется «Основы безопасности жизнедеятельности», сокращенно ОБЖ, а у нас «Техника безопасности труда». У вас этот урок – раз в неделю, а у нас два раза в год, но зато и экзамен два раза в год. Что вы изучаете на ОБЖ? – Как действовать в различных ситуациях, в том числе в экстремальных (крайних, необычных по трудности, сложности), и как сохранить своё здоровье. Кстати, проверь, не портишь ли ты сейчас себе зрение:

Взрослых учат правилам безопасного обращения с различными механизмами, приборами, инструментами на рабочем месте.

А вот если бы такие уроки были в старину, то, например, прядильщики – изготовители канатов получили бы такую инструкцию по технике безопасности:

Будь осторожен при работе на просаке!

Не допускай попадания в просак краёв одежды или волос. Работающий просак закрутит их вместе с материалом, из которого делается верёвка, и освободиться будет трудно.

Насколько это серьезно, ты поймешь, если узнаешь поподробнее о просаке. Просак – это ручной станок, на котором раньше изготавливали толстые веревки – канаты. Сложная сеть веревок тянулась от прядильного колеса до саней, где веревки скручивались. Станок располагался обычно на улице и занимал значительное пространство. Теперь ты понимаешь, что попасть в такой просак – ситуация не из приятных.

Сейчас уже трудно найти рисунок старинного канатного станка. Но чтобы тебе легче было его представить, рассмотри фотографию, сделанную на современном канатном заводе, – ведь принцип работы почти не изменился.

🔑 Тебе, как художнику, дали задание нарисовать плакат «Будь осторожен при работе на просаке!». Что ты изобразишь на нём? Отсканируй свой плакат (или нарисуй в программе Paint) и пошли нам на адрес: dety-frazeologiya@ya.ru. В следующем издании словаря мы поместим его в эту словарную статью.

А о происхождении нашего фразеологизма мы сделаем следующий вывод:

Исконно русское выражение *попасть впросак* связано с бытом русских прядильщиков, канатных мастеров. *Просак* – это канатный станок, на котором в старину скручивали верёвки. Для прядильщика *попасть* в такой станок, то есть, в просак одеждой или бородой означало лишиться того и другого, а порой и жизни. В наше время таких станков-просаков уже нет, прямое значение устойчивого выражения *попасть в просак* забылось, предлог *в* слился с названием станка, и укрепилось переносное значение фразеологизма *попасть впросак* – «по своей вине оказаться в затруднительном, неприятном, сложном положении; ошибиться в чём-то».

СТРИЧЬ/ПОСТРИЧЬ ПОД ОДНУ ГРЕБЁНКУ (кого)

Считать всех одинаковыми, обращаться со всеми одинаково, не учитывая особенностей каждого.

Говорится с неодобрением.

Мы с тобой друзья и поэтому честно тебя предупреждаем: это очень длинная словарная статья. Можешь бросить ее и идти гулять. Мы не обидимся. Но если ты хочешь сделать ещё одно фразеологическое открытие, тогда давай с нами!

Мы-то знаем, а ты уже успел прочитать в заголовке, что фразеологизм *стричь под одну гребёнку* означает «считать всех одинаковыми, обращаться со всеми одинаково, не учитывая особенностей каждого».

Одни ученые считают, что это выражение произошло от солдатской стрижки «под гребёнку», другие связывают его со стрижкой овец. Ты спросишь, а что мы сами думаем по этому поводу? А мы просто очень рады, что в этой словарной статье нам представился случай познакомить тебя с очень интересной профессией – профессией парикмахера.

Современная парикмахерская – это целая фабрика красоты, а парикмахеры – настоящие волшебники. С помощью простейших инструментов – ножниц и гребёнки (расчёски) – мастер делает необыкновенно красивые современные стрижки. В этом ему помогают такие приспособления и средства, как опрыскиватель, бигуди, фен, машинка для стрижки волос, шампуни, лаки, красители.

Ты только полюбуйся, на что способны умелые руки мастера:

(А ты можешь с помощью ещё и придать волосам цвет.)

Мы очень любим ходить в парикмахерскую. Нас стригут мастера Люда и Юля. Но сейчас мы просто наблюдаем за их работой.

В кресле у Люды – симпатичный молодой человек. Волосы средней длины. Поэтому Люда использует прием «стрижки на пальцах». Рассмотрите, как она зажимает прядь между средним и указательным пальцами левой руки, оттягивает её на себя, а затем делает срез ножницами.

А Юле пришел посетитель с очень короткой стрижкой. Здесь прядь волос нельзя захватить между пальцами. Для такого случая Юля использует особый приём: захватывает волосы у основания гребёнкой и по ней отрезает ножницами. Это и есть стрижка «под гребёнку».

Как же стрижка «под гребёнку» связана с военными? Даже солидные фразеологические словари для взрослых не дают подробного ответа на этот вопрос.

Но разве ты не фразеологический кладоискатель? Бери в руки свои инструменты-вопросы *КАКИЕ? КОГДА? ПОЧЕМУ?* И начинай копать.

Какие стрижки носят современные военные? Какие причёски у военных были раньше? Когда солдаты стали носить «стрижки под гребёнку»? Почему от названия стрижки военных могло возникнуть переносное значение фразеологизма?

А теперь отвечай на первый вопрос. Вспомни из жизни, из книг, из кино, **КАКИЕ** стрижки носят современные военные?

Правильно. Очень короткие.

А теперь рассмотри изображения военных в разные эпохи и ответь на второй вопрос: **КОГДА** военные стали носить короткие стрижки?

Верно, в XIX (девятнадцатом) веке. Именно тогда стало ясно, что короткая стрижка в бою гораздо практичнее и удобнее, чем длинные волосы. А вот и документально-историческое подтверждение:

1806 год: Царь Александр I издаёт Указ: Кадетам (детям дворян, которые учились в кадетских корпусах-военных училищах) стричь волосы «под гребёнку».

Стрижка «под гребёнку» уравнивала кадетов, а затем и всех военных, делала их внешне одинаковыми, как будто всех постригли под ОДНУ, то есть одинаковую, одну и ту же гребёнку. Отсюда и фразеологический образ, а значит, и ответ на третий вопрос – ПОЧЕМУ от названия стрижки военных возникло значение фразеологизма *стричь под одну гребёнку* – «считать всех одинаковыми».

С овечкой все гораздо сложнее. Ты, конечно, помнишь, что, по второй версии, происхождение нашего фразеологизма связано со стрижкой овец. Гребёнку при стрижке овец не используют. Но версия есть. А у нас есть прекрасный фразеологический повод поближе познакомиться тебя с этим удивительным животным.

Вот ты живёшь себе спокойно и даже не подозреваешь, что овца всегда с тобой. Да-да. Хочешь проверить? Ну, например, открой словарь на странице 167. Видишь волшебный клубочек? Это от овечки.

Сначала овцу нужно остричь. У овец тоже есть парикмахеры. Они называются стригалями. Раньше шерсть стригли ножницами, теперь же, в основном, пользуются электрическими машинками. Затем с помощью специального гребня (чесала) волокна шерсти очищают, распрямляют, разравнивают и получают короткие толстые пряди. Они потому и называются пряди, что из них прядут нитки – это наш клубочек. А из ниток уже ткут полотно и вяжут разные изделия. Твои шерстяные носочки, шарфики, варежки, брючки, юбочки, пальто, одеяльца, пледы – это всё от неё, от овечки. А ещё мясо, молоко, сыр. Пожалуй, трудно найти среди домашних животных более полезное, чем овца.

А стригут овечек, хоть и без гребёнки, но все равно одинаково. Задача стригали – снять без остатка всю шерсть, которая так нужна человеку. Как выглядят стриженные овцы – нетрудно догадаться, - они абсолютно одинаковые. Такой стрижкой их тоже уравнили. А это и есть значение нашего фразеологизма.

Итак, мы убедились, что происхождение фразеологизма *стричь под одну гребёнку*, действительно, можно связать с солдатской стрижкой и стрижкой овец. А употребляют это выражение, когда кто-то, как бы подстригая всех людей «под одну гребёнку», начинает уравнивать их, считать одинаковыми, не учитывает особенностей каждого человека.

3. Статьи детского фразеологического словаря в рассказах

(Кто) БЕЛЕНА ОБЪЕЛСЯ

(Кто-то) **ведет себя как ненормальный, сумасшедший**

Употребляется в разговорной речи.

Говорится неодобрительно или насмешливо.

– Здравствуйте, я доктор Витаминкин. Пришёл по вызову – разобраться с фразеологизмом *белены объелся*. Почему я летом в валенках и стою на голове? (картинка по ситуации) А чтобы вы меня увидели и засмеялись: «Вы что, доктор, белены объелись?» Ведь именно так говорят о человеке, который удивляет всех своим странным поведением, ведет себя как ненормальный, безумный.

А как это связано с беленой, я вам сейчас расскажу. Только сначала пойду переобуюсь и руки вымою. А вы пока вот эту травку рассмотрите, только руками не трогайте.

– Ребята, я и есть та самая белена и лучше сама во всём признаюсь. К сожалению, я очень ядовитое растение. У человека, который меня пожует, расширяются зрачки, краснеет лицо и шея, появляется сухость во рту, возникает тошнота и рвота, начинаются судороги рук и ног. Отравившийся начинает метаться, бегать, кричать, смеяться, буйствовать, ему мерещатся страшные видения, от которых он пытается спастись, – в общем, ведёт себя, как ненормальный, безумный. Недаром меня в народе называют бешеной травой, бесивом, бешеницей, дурь-травой, одурью.

Все эти народные названия связывают меня с бешенством, дурманом.

Если человеку не оказали первую медицинскую помощь или он съел слишком много белены, то наступает смерть.

Я очень быстро размножаюсь и поэтому расту всюду: у жилья, на мусорных кучах, у дорог, по берегам рек. Все мои части очень ядовиты: корни, листья, стебли, цветки и семена.

К тому же я очень хитрое растение. Мои листья нередко принимают за щавель, корни – за петрушку или белую морковь. Вас, детей привлекают мои коробочки с семенами, напоминающими мак. Да что там говорить: **ЛУЧШЕ ДЕРЖИТЕСЬ ОТ МЕНЯ ПОДАЛЬШЕ!**

А вот и доктор Витаминкин вернулся:

– Итак, происхождение фразеологизма *белены объелся* связано с очень ядовитым растением беленой. Что? Понял, белена вам уже всё рассказала. Так, сейчас наденем очки и прочитаем. Ну что же, всё правильно и очень самокритично. А который сейчас час? Девять утра? Тогда всем быстро почистить зубы и лечь спать! Спрашиваете, не объелся ли я белены? Нет, это я так, для профилактики. Хотел проверить, как вы усвоили наш фразеологизм. А вы молодцы, всё поняли! Не подвели!

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

**Кувыркком (покатиться, полететь, упав откуда-то);
головой вниз (повиснуть, перевернуться).**

Употребляется в разговорной речи.

Говорится шутливо.

– Прошу минуточку внимания! Я, летучая мышь, рекламирую здесь фразеологизм *вверх тормашками*.

Если я вишу вниз головой, это совсем не значит, что меня нужно переворачивать. Ведь мои конечности не приспособлены для ходьбы: я даже встать не могу! Поэтому когда я устраиваюсь на отдых, самое естественное для меня положение – повиснуть вниз головой. А если голова внизу, то что вверх? Правильно, ноги. Вот они-то в некоторых регионах России и назывались раньше *тормашками*, или *тормами*. Поэтому выражение *вверх тормашками* означает: вверх ногами или головой вниз (перевернуться, повиснуть).

Да, непросто быть рекламным агентом. Но добиться этого места было ещё сложнее. Знаете, сколько достойных конкурентов мне пришлось обойти? Один ленивец чего стоит. Я

очень боялась, что жюри отдаст предпочтение именно ему. Ведь я-то вверх тормашками повисаю только днём, когда сплю, а по ночам летаю на охоту и просто прогуляться. Ленивец же всю свою жизнь проводит, повиснув вверх ногами. В такой позе он спит, ест, выкармливает детёнышей. Но если точнее – он делает все это не вниз головой, а вниз спиной! Так что фразеологизм *вверх тормашками* к нему не относится.

В финальный тур конкурса вышел и Буратино из сказки Алексея Толстого «Золотой ключик». Помните, лиса Алиса и кот Базилио подвесили его на дерево за верёвочку? Хотя Буратино и повис вверх тормашками, но победить в нашем конкурсе ему всё-таки не удалось. Спасибо пуделю Артемону!

Но больше всего я боялась соперницы лягушки-путешественницы. Всеволод Гаршин в своей сказке так и пишет об этой героине: она «полетела

вверх тормашками на землю». Однако из-за хвастовства жюри ей всё же снизило оценку.

Вы не представляете, как я переживала! Ведь у меня тоже есть недостатки. Вспомнить хотя бы сказку Льва Толстого «Летучая мышь», где я себя проявила не с самой лучшей стороны.

И всё-таки я победила. И, знаете, почему? Я лучше всех рассказала историю происхождения фразеологизма *вверх тормашками*. Вот, послушайте.

Русскому языку с XVI (шестнадцатого) века было известно выражение *вверх ногами*. Уже тогда в некоторых регионах России в составе фразеологизма стало появляться словечко *тормашки* – так местные жители шутливо называли ноги. Сейчас оборот *вверх тормашками* известен по всей России, а вот слово *тормашки* перестало употребляться самостоятельно и встречается только в этом фразеологизме.

ВИТЬ ВЕРЁВКИ (из кого)

Полностью подчинять кого-то своей воле, заставлять поступать по своему желанию.
Употребляется в разговорной речи.
Говорится с неодобрением.

Встретились как-то две верёвки и решили выяснить историю происхождения своего любимого фразеологизма *вить верёвки*.

- Привет, верёвка!
- Привет, подружка! Ну что, приступим?
- Давай! Тебя кто свил?
- Коля из кружка «Русские народные ремёсла».
- А меня Оля. Она согласилась дружить с Колей, если он перестанет играть в футбол, болеть за «Зенит», слушать рэп и кататься на роликах. Коля сделал так, как она хочет.
- А это нам как-то проясняет историю происхождения нашего фразеологизма?
- Пока не очень.
- Тогда продолжим. У тебя сколько нитей в одной пряди?
- Три, а у тебя?
- Две. Зато у меня прядей больше.
- Действительно, но это нам тоже ничего не даёт. А ты из каких нитей свита?
- Как и ты – из льняных.
- Может быть, в этом кроется разгадка?
- Смотри, кто к нам пришёл!
- Так ведь это мастер Профи! Он знает всё о фразеологизмах, связанных с разными профессиями и народными ремеслами. Он-то нам и поможет.
- Привет, верёвки. Молодцы, вы неплохо начали. А я вам лён принёс показать. Это волокнистое растение, из которого вы, верёвки, сделаны. Хотите узнать как?

Сначала лён теребят, то есть выдергивают из земли вместе с корнями. Затем его высушивают, сложив в небольшие скирды (РИСУНОК), освобождают от семенных головок (очёсывают) и молотят. После этого расстилают на траве, чтобы стебли намокли от росы. Это позволяет отделить от древесной части стебля тонкие нити – волокно, которое сушат, а затем мнут и треплют.

Итак, мягкое льняное волокно для плетения верёвок готово. А вот каким образом скрутить волокно, во сколько прядей плести верёвку, с какой силой её затягивать, – это всё зависит от мастера. И верёвка получается такой, как хочет мастер. Отсюда и переносное значение выражения *вить верёвки* – «подчинять кого-либо своей воле, заставлять поступать по своему желанию».

– Спасибо, мастер Профи! Вы отлично нам всё объяснили. И теперь мы, кажется, знаем, кто вьёт верёвки из нашего Коли. А ты, наверное, еще раньше нас догадался?

ЗА СЕМЬ ВЁРСТ КИСЕЛЯ ХЛЕБАТЬ

Далеко идти или ехать за тем, что не стоит таких усилий.

Употребляется в разговорной речи.

Говорится с неодобрением или насмешливо.

Детективно-фразеологическое агентство ГАКОС приступает к расследованию очередной истории происхождения фразеологизма.

Служебно-разыскной пёс Гафик (РИСУНОК): Красота, а не фразеологизм! И слова-то какие загадочные в него входят! Что такое *верста*? Почему их *семь*, этих вёрст? При чём здесь *кисель*? И почему его *хлебают*, как суп? Да, за один день не разберёшься! Долго мы с Вами, Кокос, мечтали о таком многосерийном фразеологическом деле, правда?

Кот-исследователь Кокос (РИСУНОК): Мяу, шеф! Прекрасная возможность применить ваш гениальный метод фразеологического расследования! Только сейчас давайте поспешим. Через час у нас поезд.

Пёс Гафик: И куда мы едем на этот раз?

Кот Кокос: В город Киселёвск. Это в Сибири, в Кемеровской области. Я увидел слово *кисель* в нашем фразеологизме и сразу же заказал билеты до Киселёвска – там мы, наверняка, найдем разгадку происхождения фразеологизма. Сначала поедem поездом до Уфы, оттуда – самолётом до Омска, потом снова на поезде до Гурьевска и, наконец, автобусом в Киселёвск. Всего-то три с половиной тысячи километров.

Пёс Гафик: А где-то поближе мы не найдем разгадку? Давайте зайдем к моему соседу - повару Сгущёнкину.

Повар Сгущёнкин: Здравствуйте, господа детективы! Вас **кисель** интересует? Я как раз его сейчас варю. Это национальное русское кушанье, которое готовят из ягодного сока или молока с добавлением крахмала и сахара и подают на сладкое. А раньше кисель варили из ржаной, овсяной, пшеничной или гороховой муки. Он был лёгким, но сытным блюдом на каждый день. А если быть точным, то кисель **хлебали** – ели из миски деревянной ложкой, как и другие жидкие блюда.

Пёс Гафик: Спасибо, повар Сгущёнкин! Как всегда – очень ценная информация для нашего расследования!

Кот Кокос: Шеф, тут инженер Сантиметренко на связи. Уже второй раз звонит. Вы ему послали запрос о слове *верста*?

Пёс Гафик: Да, коллега, включите громкую связь. Послушаем нашего друга Сантиметренко.

Инженер Сантиметренко: Здравствуйте, ГАКОС! Вот информация по вашему запросу: **верста** - это старинная русская мера длины, которая составляла чуть более километра и использовалась в России до 1918 года.

Знаю ли я что-нибудь особенное о числе **семь**? Конечно! На Руси, как и у многих других народов, это число считалось магическим, имеющим особую, сверхъестественную силу. Во фразеологизме *за семь вёрст киселя хлебать* оно подчеркивает удаленность места, куда надо ехать или идти – *за СЕМЬ вёрст*.

Пёс Гафик: Отлично, отлично, коллега!

Кот Кокос: Шеф, я чувствую, что у Вас уже готова версия?

Пёс Гафик: Конечно, уважаемый Кокос! Следите за ходом моих рассуждений: *за семь вёрст* – это очень далеко, а стоило ли ехать в такую даль, чтобы поесть киселя? Если кисель не был редким изысканным блюдом, а был повседневным кушаньем, то поесть его можно было и дома. Вот на этом шутиливом противоречии и построен фразеологизм *за семь вёрст киселя хлебать*: зачем ехать так далеко – киселя и дома достаточно. Отсюда и переносное значение выражения: «далеко идти или ехать за тем, что не стоит таких усилий».

Кот Кокос: Браво, шеф! Не прошло и десяти минут!

Пёс Гафик: Вот видите, Кокос, и в Сибирь не нужно ехать, за семь вёрст киселя хлебать. Мы всё на месте узнали, благодаря нашим друзьям.

Кот Кокос: Ну да, друзья всегда выручают. Вот смотрите, что нам на электронную почту пишет мой приятель - сибирский кот Василий: город Киселёвск-то, оказывается, не в честь киселя назван, а по фамилии первых поселенцев – Киселёвых, которые приехали сюда еще в 1770 году.

Пёс Гафик: Ну что ж, коллега, Вам и Вашему приятелю - особая благодарность за это дополнительное расследование! А сейчас предлагаю вернуться к Сгущёнкину и выпить его фирменного киселя. Ну, а завтра возьмёмся за новое дело.

ЗАВОДИТЬ/ ЗАВЕСТИ ВОЛЫНКУ

Надоедливо, долго и скучно говорить об одном и том же.

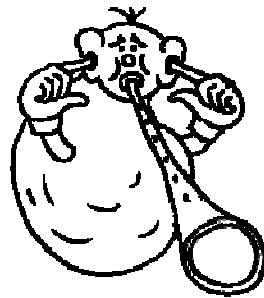
Употребляется в разговорной речи.

Говорится с неодобрением.

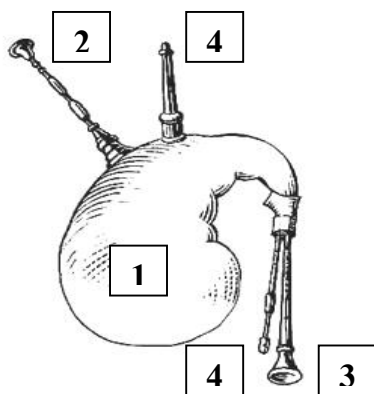
– Тебя приветствует волынка! Добро пожаловать в удивительный мир музыки! Почему я, старинный народный духовой музыкальный инструмент, приветствую тебя не своими звуками, а словами? Об этом чуть позже, а сейчас послушай начало одной сказки.

«Было у царицы-музыки много разных инструментов. Все они играли разнообразную и красивую музыку, и лишь один инструмент издавал тягучие и однообразные звуки».

Догадываешься, о ком речь? Ну, конечно, обо мне, волынке. Нет, я не обижаюсь. У меня с чувством юмора всё в порядке. Посмотри на этот комический рисунок. Это я сама себя нарисовала:

Да, внешний вид у меня - обхохочешься.

А если серьёзно, то я сделана из наглухо зашитого кожного мешка (1) или пузыря. Сверху в мешок вшита трубка для вдувания воздуха (2), а снизу – свирель - трубка с отверстиями (3), которые во время игры закрывают и открывают пальцами. И ещё одна или несколько трубок (4) издадут звуки, не меняющиеся по высоте.

Когда мы с моими подругами бас-гитарой и ударной установкой отправляемся в путешествие, я им в шутку говорю: «В отличие от вас мне совсем не страшны перевозки по воде и по воздуху! Ведь у меня есть воздушная подушка!». ☺

Я знаю, что меня можно спокойно послушать от силы 5 минут. Дальше моё заунывное, медленное звучание начинает действовать всем на нервы. Вот, к примеру, был такой случай.

Как-то студент Валерий Карпов поехал на учёбу в свой университет и решил взять меня с собой. Возвращается он домой на каникулы, а мама его спрашивает:

– Валера, а какие у тебя соседи по комнате в общежитии?

– Да какие-то странные, мама. Я их почти не вижу. Как только я возвращаюсь с занятий, они все время куда-то уходят.

– А что же ты такое вытворяешь, сынок, что они рядом с тобой находиться не могут?

– Да ничего особенного, просто играю на волынке.

Так что сегодня я играть для тебя не буду. Давай лучше сделаем вывод о происхождении фразеологизма:

Точно так же, как протяжные, однообразные звуки волынки, человека раздражает и долгий, нудный рассказ об одном и том же. Вот его-то и сравнивают с моим звучанием, когда рассказчику недовольно говорят: «Ну, завёл волынку!»

А вот и наш любитель заводить волынку – попугай Кочан (КАРТИНКА). Сейчас он воронам докучную сказку рассказывает. Они-то готовы, раскрыв рот, слушать его целый день. Ну, а мы с тобой – сколько сможем: – Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли сначала? – Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли сначала? – Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли сначала?

Всё. Больше не смогли.

А ты ждешь продолжения сказки про волынку? Пожалуйста!

Было у царицы-музыки много разных инструментов. Все они играли разнообразную и красивую музыку, и лишь один инструмент издавал тягучие и однообразные звуки. Это была волынка. Трубы, скрипки и фортепиано часто посмеивались над ней, но в глубине души завидовали: ведь именно её упоминали люди, когда использовали фразеологизм *заводить волынку*. Об этом даже в сказке говорится: было у царицы-музыки много разных инструментов. Все они играли разнообразную и красивую музыку, и лишь один инструмент издавал тягучие и однообразные звуки. Это была волынка. Трубы, скрипки и фортепиано часто посмеивались над ней, но в глубине души завидовали: ведь именно её упоминали люди, когда использовали фразеологизм *заводить волынку*. Об этом даже в сказке говорится:

А чтобы тебе не сказали, что ты завёл волынку, можешь придумать интересное продолжение этой сказки.

(Где) КАК МАМАЙ ПРОШЁЛ

Где-л. царит беспорядок или опустошение.

Употребляется в разговорной речи.

Говорится неодобрительно или шутливо.

– Экскурсовод Раскопкин (ПОРТРЕТ) снова к твоим услугам! Бери ручку, записывай. Тема нашей сегодняшней экскурсии «История происхождения фразеологизма *как Мамай прошёл*». А вообще-то у меня нехорошее предчувствие, будто мне кто-то опять помешает экскурсию провести ... Тебе не кажется, что здесь кто-то есть? Слышишь? Как будто бумага рвётся. И горит что-то...

– Какая экскурсия, зачем экскурсия? Я, Мамай, великий полководец, военачальник Золотой Орды, сейчас тебе всё сам расскажу! Ну да, это я порвал, поджёг и испачкал эту словарную статью! Ведь там, где я, – всегда беспорядок и разорение!

В XIV (четырнадцатом) веке я со своим войском совершал грабительские набеги на Русь: огнём и мечом уничтожал все вокруг, дотла сжигал города, а жителей убивал.

Зачем мне это было надо? Хотел стать властелином мира! Но, как известно, у таких, как я – очень печальный конец. Да, я был побеждён. И хотя это было давным-давно, фразеологизм *как Мамай прошёл* живёт в русском языке до сих пор.

Обо мне, жестоком военачальнике, русский народ сложил сказку «Про Мамаю безбожного», былинку «Илья Муромец и Мамай» и ещё много других повестей и сказаний.

Эй! Как там тебя? Экскурсовод Раскопкин! Я всё сказал. Можешь заканчивать свою экскурсию.

– А что? И очень неплохая получилась экскурсия. Я бы даже сказал, живенькая, – это экскурсовод Раскопкин шепчет, прячась за словарной статьёй. – Я на всякий случай пока возвращаться не буду, а вывод, надеюсь, ты сделаешь самостоятельно.

Выражение *как Мамай прошёл*, означающее разорение, опустошение, беспорядок, вошло в русскую речь со времён татаро-монгольского ига. Фразеологизм связан с именем татарского военачальника Мамаю, который в XIV веке совершал опустошительные набеги на Русь.

И заодно наведи, пожалуйста, порядок в этой словарной статье, а то здесь как Мамай прошёл. А у меня ещё много экскурсий запланировано. Я побежал.

КАШИ ПРОСЯТ (*ботинки, туфли, сапоги*)

Об обуви, в которой появились дыры, отстала подошва и т.п.

Употребляется в разговорной речи.

Говорится шутливо.

РИСУНОК ТАБЛО:
сборная Башмаков - сборная Шапок
4:1

Тяжело далась команде Башмаков победа в полуфинальном матче со сборной Шапок! Многие футболисты получили тяжёлые травмы.

В сапогах-сорокоходах Ивана-дурака (РИСУНОК) наполовину оторвалась подошва и образовались дырки на голенищах. В сапогах

Кота (РИСУНОК) появились дыры и тоже отстала подошва. Эта же участь постигла и хрустальные туфельки Золушки. Вдобавок и хрусталь раскололся (РИСУНОК). Прохудились и стали совсем негодными волшебные туфельки Дороти (РИСУНОК) и волшебные туфли Маленького Мука (РИСУНОК)

Врач сборной Башмаков доктор Витаминкин осмотрел пострадавших игроков и сделал медицинское заключение:

– Диагноз у всех один: каши просят!

– Назначьте самое эффективное лечение! – заволновался главный тренер Бутс. – Может срочно вызывать повара Сгущёнкина и каждый день кормить башмаки кашей?

– Нет, господин Бутс. Повар Сгущёнкин нам здесь не поможет, даже если он приготовит свою знаменитую гурьевскую кашу. Изношенная обувь с полуоторванной подошвой напо-

минает раскрытый рот, как будто ботинок просит каши. Отсюда и шуточный образ фразеологизма. Поэтому скорее отправляйте травмированных игроков к мастеру Профи в сапожную мастерскую!

(РИСУНОК: МАСТЕР ПРОФИ РЕМОНТИРУЕТ ОБУВЬ; СООТВЕТСТВУЮЩИЕ АТ-РИБУТЫ САПОЖНОЙ МАСТЕРСКОЙ)

**РИСУНОК ТАБЛО:
сборная Башмаков - сборная Рукавиц
0:0**

Внимание, внимание! Мы ведем наш репортаж с финального матча евро-сказочного чемпионата по футболу, где наши башмаки встречаются со сборной рукавиц. Правый сапог Кота-в-Сапогах отдаёт мяч левому сапогу, тот обходит одну рукавицу Мороза-Красного Носа, вторую рукавицу, удар! Выше ворот. Но что это с нашим нападающим? Лёжа на газоне, он корчится от боли. Это рукавицы кузнеца Вакулы применили против него недозволенный приём. Смотрите, наш сапог снова каши просит! Бригада медиков уносит игрока с поля – ему опять требуется помощь сапожника. Штрафной пробивает туфелька Золушки. Мощнейший удар! Мимо ворот. Но туфелька явно не рассчитала свои возможности – от перенапряжения у нее отрывается подошва. Неужели и этот лидер команды башмаков выбывает из игры? Да, явно просит каши любимица публики. Похоже, наши башмаки не успели восстановиться после прошлой игры. Тем временем в атаку дружно идут рукавички семи гномов во главе с варежками Белоснежки, разыгрывают великолепную комбинацию, и, к сожалению, мяч оказывается в наших воротах. Но что это? На поле выбегает главный тренер башмаков господин Бутс. Он требует отменить гол: варежка Белоснежки сыграла рукой! Но судья Ремешков неумолим. Господин Бутс в истерике бьётся о штангу наших ворот и ... тоже отправляется в сапожную мастерскую. Что же это такое? Куда смотрит наша сказочно-футбольная федерация?! Ну, ладно, игроки, но когда и главный тренер сборной каши просит... Пора, пора менять иностранного тренера Бутса на отечественного специалиста Лаптя!

ПРЫГНУТЬ ВЫШЕ ГОЛОВЫ

Достичь очень высокого результата, совершить что-то почти невозможное, приложив большие усилия.

Употребляется в разговорной речи.

Утро в детективно-фразеологическом агентстве ГАКОС. Служебно-разыскной пёс Гафик крайне удивлен:

- Уважаемый Кокос, что это Вы распрыгались с утра пораньше? Здесь же не спортзал, а офис солидного агентства. И к тому же у нас на сегодня много дел.

Кот-исследователь Кокос: А я как раз и провожу следственный эксперимент по делу о фразеологизме *прыгнуть выше головы*. Пока не могу понять, почему это выражение означает «достичь очень высокого результата, совершить что-то почти невозможное, приложив большие усилия». Вот мы, коты, без всяких усилий можем запрыгнуть на высоту, которая в пять раз превышает наш рост. Да и Вы, уважаемый Гафик, легко преодолеваете двухметровые барьеры на занятиях по физподготовке.

Пёс Гафик: Коллега, неужели Вы думаете, что происхождение всех фразеологизмов связано с животным миром? Ну да, есть такие выражения: *кот заплакал, играть как кошка с мышкой, верный как собака*. А фразеологизм *прыгнуть выше головы* отражает способности человека. И если речь идет о прыжках, то нам лучше обратиться за разъяснениями к тренеру Гантелькину.

Тренер Гантелькин: «Выше головы не прыгнешь», - так говорили наши предки и были абсолютно правы. Не случайно это выражение стало **пословицей**. Попрыгать-то они любили. Например, через костёр во время народных гуляний. А вот выше головы – все равно не получалось.

Только в 20 веке спортсмены научились преодолевать двухметровую высоту благодаря специальным техникам прыжка:

РИСУНОК: Спортсмен прыгает перекидным ПОДПИСЬ: Перекидной прыжок	РИСУНОК: Спортсмен прыгает спиной ПОДПИСЬ: Фосбери-флоп, в переводе с английского – «Прыжок Фосбери» (на Олимпиаде в 1968 г. его впервые исполнил американец Дик Фосбери)

Рекорд мира по прыжкам в высоту – 2 м 45 см. А прыгуны с шестом взлетают и на пять, и на шесть метров, окончательно опровергая древнюю поговорку *выше головы не прыгнешь*.

Не удивительно, что в последнее время поговорка употребляется реже. Зато часть её, уже в утвердительной форме, стала фразеологизмом: *прыгнуть выше головы* – то есть все-таки совершить что-то почти невозможное, достичь очень высокого результата, приложив большие усилия.

А теперь подумай, что должен сделать ты, чтобы родители или друзья сказали: «Ну, ты молодец! Прыгнул выше головы!» Может быть, получить пятёрку за диктант или лучше всех в классе написать контрольную по математике? А может, разучить новый трюк на роликах или приготовить ужин для всей семьи? Или написать весёлое стихотворение о том, как не надо «прыгать выше головы», например, такое:

Лёша Спицын из Москвы
 Прыгнул выше головы:
 Он быстрее всех из класса
 Выпил три бутылки кваса,
 Съел четыре булки с маком,
 Три хот-дога, два биг-мака,
 Охнул: «Больше не хочу...»
 И отправился к врачу.

САМИ С УСАМИ

Об опытных, знающих, уверенных в себе людях.

Чаще так в шутку говорят о себе в ответ на чьи-либо советы: мы и сами справимся, сами знаем, что делать, как поступить.

В детективно-фразеологическом агентстве «ГАКОС» подводят итоги рабочего дня.

Служебно-разыскной пёс Гафик: Итак, коллеги, что у нас по фразеологизму *сами с усами*?

Кот-исследователь Кокос: Я подобрал фотоматериалы: вот мой дедушка – рыжий кот Рональд. Посмотрите, какие усищи! А вот бабушка Клёпа – чёрная и усы чёрные. У её подружки Ночки усы белые. Только так мы их и различаем. Вот фото моего брата. Его зовут Дождик – видите, у него на спине разноцветные пятна – как дождевые капли. И усы тоже разно-

цветные – очень забавно! Вот ещё фотографии: кот широко расставил усы, значит, он чем-то заинтересован и проявляет любопытство, а здесь прижимает усы к голове, отводит их назад – значит, насторожился, готовится к обороне. Учёные называют наши усы вибриссами, потому что они вибрируют при малейшем движении воздуха. Благодаря вибриссам мы уверенно передвигаемся в темноте и по воздушным волнам определяем расстояние до пробегающих мышек. Если усы повреждены, то кошка может и промахнуться на охоте. Усы – это наш орган осязания. Когда кончик вибриссы касается какого-то предмета, наш мозг сразу считывает всю информацию о нем: живое или неживое это существо, его вес, размер. Например, если кошка дотрагивается усами до какого-то узкого отверстия, она моментально замеряет его величину и точно определяет, сможет ли через него пролезть. Вот какой уникальный орган – наши усы! И, кроме того, это просто красиво – кот с длинными пышными усами. Неужели вы ещё сомневаетесь, что фразеологизм *сами с усами* – напрямую связан с кошками?

Попугай Кочан (шофер, заочно учится в следственно-фразеологической школе): Смотрите, смотрите, как Кокос усы расставил! (РИСУНОК) Значит, очень заинтересован историей происхождения нашего фразеологизма. Меня он полностью убедил: *сами с усами* – так изначально говорили о котах. Вот какую я тут фактическую информацию собрал по нашему делу: усы у кошек расположены в 4 ряда, по 12 вибрисс с каждой стороны мордочки. Средняя длина усов – 6-7 см, а рекордная длина – 19 см – зарегистрирована у одного из котов породы мейн-кун в Финляндии.

Пёс Гафик: Пойдите, пойдите, друзья! Все это очень интересно. Но как вы свяжете эту информацию со значением фразеологизма? Выходит, что только коты – опытные, знающие, уверенные в себе, а все остальные – нет? Я не согласен! Да и усы у нас, у собак, тоже присутствуют, хотя и не такие длинные.

Попугай Кочан: Уважаемые усатые коллеги! Это что же получается, вы тут все опытные, знающие, а я, извините за выражение – «попка-дурак»? А вам не кажется, что вы с вашими замечательными усами опять пошли по ложному следу? Вы сосредоточились на животном мире, а люди ведь тоже бывают с усами?

Кот Кокос: Да-да. Нам, котам, такие люди особенно симпатичны. Если в семье наших хозяев есть мужчина с усами, мы к нему особенно привязываемся – это общеизвестный факт.

Пёс Гафик: Так давайте обратимся за помощью к нашему усатому другу – экскурсоводу Раскопкину, он, наверняка, знает какие-то исторические факты, которые помогут нам в расследовании дела.

Попугай Кочан: Зачем сразу за помощью обращаться? Мы и сами с усами! Я, например, вчера сдал зачет по истории и тоже могу много интересного рассказать о значимости усов в те давние времена, когда возник наш фразеологизм.

Пёс Гафик: Докладывайте, Кочан!

Попугай Кочан: В русских летописях XIV-XV (14-15) веков встречается мужское имя Ус. Появилось оно не случайно. В те времена все взрослые мужчины носили усы и бороду. Усы были символом зрелости, силы, достатка, стабильности. Давая ребенку имя Ус, родители надеялись, что оно принесёт сыну удачу, поможет стать сильным, опытным, богатым. Право носить усы охранялось на государственном уровне. Древнейший свод законов «Русская правда» устанавливал более суровое наказание за вырванный ус, чем за нанесённую рану.

Пёс Гафик: А как, уважаемый Кочан, Вы прокомментируете старинную поговорку *ты с бородой, да мы и сами с усами*?

Попугай Кочан: Так отвечали людям, если они вмешивались не в свое дело, давали советы, в которых никто не нуждался. Я думаю, эта поговорка и стала источником фразеологизма *сами с усами*. Ведь усы, как и борода, были показателем возраста, жизненного опыта, а значит, человек с усами мог самостоятельно справиться с трудной задачей.

Кот Кокос: А куда же пропало это красивое мужское имя – Ус?

Попугай Кочан: В начале XVIII (18) века по приказу царя Петра-I в России начали носить европейскую одежду, брить бороду и усы. Постепенно стёрлось уважительное отношение к усам, ушло из употребления имя Ус, правда, осталась образованная от него фамилия – Усов.

Не употребляется в полной форме и поговорка, частью которой является фразеологизм *сами с усами*.

Пёс Гафик: Ну что ж, Кочан, поздравляю! Скоро Вы станете настоящим фразеологическим следователем. Если хотите, я помогу Вам подготовиться к следующему экзамену.

Попугай Кочан: Спасибо, Шеф! Не тратьте на меня времени. Мы и сами с усами! Лучше объясните Кокосу, что этот фразеологизм могут употреблять и те, у кого нет усов. А то видите, он свои усищи к голове прижал, значит, насторожился и готовится возражать. (РИСУНОК)

ТЁРТЫЙ КАЛАЧ

Опытный, бывалый человек, который не даст себя обмануть и всегда найдет выход из трудного положения.

Употребляется в разговорной речи

Говорится шутливо или неодобрительно.

Привет, это снова я, повар Сгущёнкин, с очередной кулинарной историей.

Зашел тут ко мне на днях приятель – капитан дальнего плавания, опытный, бывалый человек. (ПОРТРЕТ КАПИТАНА) Бури, штормы, северные льды прошёл, от пиратов уходил, от акул спасался. Недаром друзья называют его *тёртым калачом*.

- Я вот все время думаю: при чём же тут калач? Это ведь булка такая, на висячий замок похожа. Её что, на тёрке натирают? – это он меня как специалиста-кулинара спрашивает. (РИСУНОК КАЛАЧА)

А я и говорю: «Пойдём-ка, Петрович, на кухню, приготовим тёртый калач по всем правилам. Я давно хотел этот старинный рецепт испробовать». Достал пачку муки, сито Петровичу дал. Он муку просеивает, а я на сковородке ее подсушиваю. Напомнил Петровичу пословицу: *Много муки перенесёт пшеница до калача*, а он только головой кивает да руками работает. Потом стали тесто готовить, а это целая история. Чтобы мякиш у калача был пористым, а сам калач – пышным и аппетитным, тесто нужно долго перемешивать, мять и тереть на специальной доске. Вот и пословица об этом говорит: *Не тёрт, не мят – не будет калач*.

Часа два мы с Петровичем это тесто мяли и тёрли, тёрли и мяли, тёрли и мяли, а потом снова тёрли. Но на этом «приключения» нашего будущего калача не закончились. Чтобы стать ещё вкуснее, он отправился в холодильник, а основательно помёрзнув, попал в духовку, разогретую до 200 градусов!

А когда мы пили чай с калачом, мой приятель сделал вывод: **опытный, бывалый человек проходит много жизненных испытаний, как тёртый калач на пути от муки до обеденного стола. Это сравнение и лежит в основе фразеологизма.** А уходя, подмигнул мне: «Ты тоже тёртый калач: и повар, и фразеолог, и организатор. Как ловко подключил меня к своему кулинарному эксперименту! Один бы ещё долго возился».

4. Статьи детского фразеологического словаря-практикума

ВЫХОДИТЬ/ВЫЙТИ СУХИМ ИЗ ВОДЫ

Избегать заслуженного наказания; оставаться безнаказанным.

Говорится с неодобрением.

Фразеологизм *выйти сухим из воды* изображает невероятную, невозможную ситуацию. Из воды выходят мокрыми, а не сухими!

Но из каждого правила есть исключения. Например, гусь всегда выходит сухим из воды, так как перья водоплавающих птиц покрыты специальной жировой смазкой и никогда не намокают.

А значит невозможная ситуация иногда все же становится возможной. Отсюда и значение фразеологизма: *выйти сухим из воды* – «избежать заслуженного наказания» (это тоже невозможно, но некоторым удаётся).

Найди фразеологизм *выйти сухим из воды* в тексте, передающем разговор директора «Лесной школы» Льва и классного руководителя 7 «Б» – Совы.

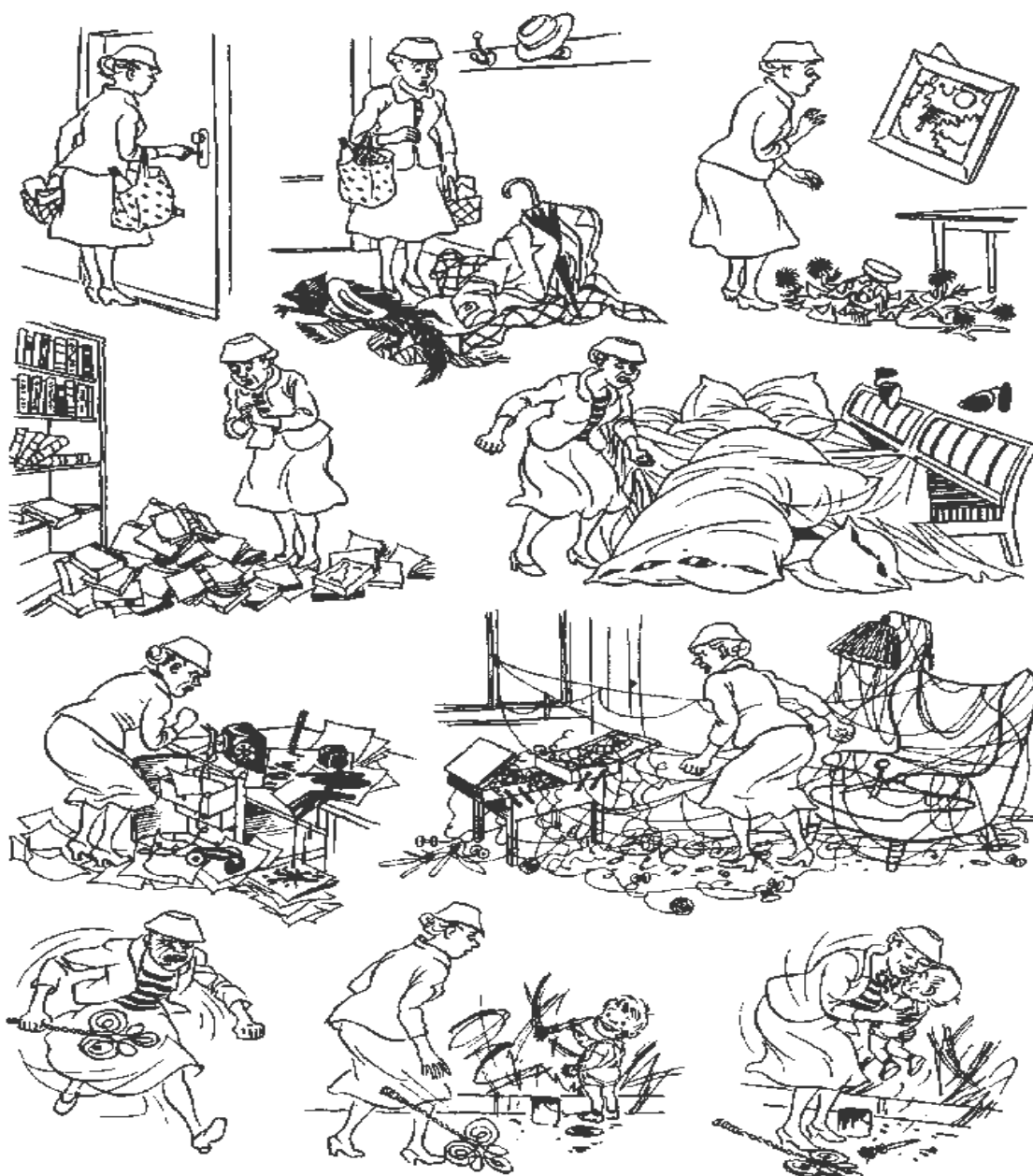
 Замени фразеологизм его толкованием (толкование – это слово или словосочетание, которое передает значение фразеологизма; оно даётся в начале статьи, в рамке, и следует сразу же за фразеологизмом). От такой замены общий смысл фразы не должен измениться. Попробуй!

Директор Лев: Уважаемая Сова! Каждый день от учителей школы поступают жалобы на безобразное поведение Лисы, ученицы вашего класса. Подумать только! Так жестоко обмануть бедного волка! Угощать журавля кашей, размазанной по тарелке! Выгнать из дома зайца! И, наконец, самое ужасное.... съесть Колобка! Кошмар! Обо всех этих фактах уже известно в нашем Министерстве. Нас каждый день критикует «Лесная учительская газета»! А Лисице всегда удастся выйти сухой из воды. Мне бы хотелось, уважаемая Сова, услышать Ваше мнение.

Сова: Я тоже очень обеспокоена, коллега. Я знаю Лисицу и всю её семейку очень давно. Они всегда умели выйти сухими из воды. Но на этот раз Лисица ответит за свой поступок!

 Рассмотрите комикс Х. Бидструпа и ответьте: почему напроказничавшему мальчику удалось *выйти сухим из воды*? Что подумала мама, когда пришла домой? Придумай название этого комикса.

❖ Составь по следующим картинкам рассказ о том, как одному из братьев удалось выйти сухим из воды. Можешь описывать картинки по очереди с мамой или папой.

①

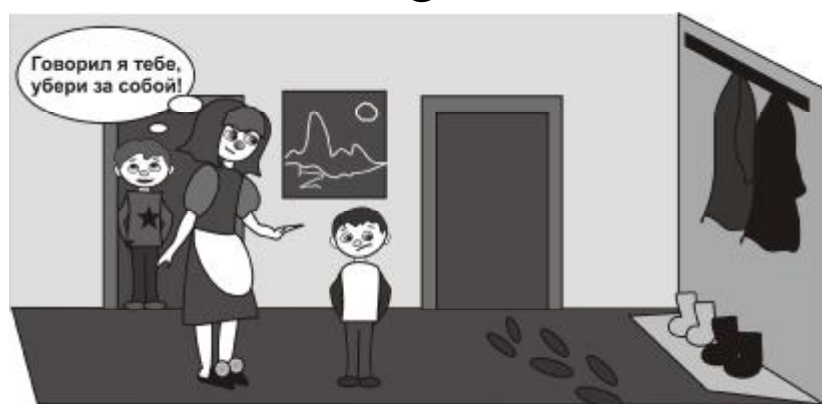
②

③

④

→ Ничего страшного, что мы раскрыли твоей маме некоторые детские хитрости. Ведь тебе не приходится хитрить, чтобы выйти сухим из воды? Или иногда случалось? Можешь рассказать об этом маме, когда у неё будет хорошее настроение. Обязательно используй наш фразеологизм. Тогда она уж точно не рассердится.

А нам можешь всё рассказать прямо сейчас. Адрес помнишь? dety-frazeologiya@ya.ru.

❖ В настоящее время фразеологизм *выйти сухим из воды* в шутку может употребляться и в другом значении. Так, в хоккее и в футболе «сухим» называют вратаря, который не пропустил за матч ни одного гола. А если матч проходил под проливным дождем, то о вратаре, не пропустившем голов, говорят – *он вышел сухим из воды*.

🔒 Как ты считаешь, удалось ли вратарю ЦСКА выйти сухим из воды?

Не удалось. Цифры на табло – это не пропущенные, а забитые голы. Если «Спартак» забил три, значит, вратарь ЦСКА их пропустил.

А теперь рубрике «Творческая мастерская» продолжим доказывать, что невозможное иногда возможно. Разыграй своих домашних или друзей, разыграв заранее фокус «Как выйти сухим из воды?». Вот что они должны увидеть:

Из плотного листа бумаги ты сворачиваешь кулёк и наливаешь туда воды из кувшина. Затем разворачиваешь этот кулёк, а он оказывается совершенно сухим!

А секрет этого фокуса кроется в маленьком прозрачном пластмассовом стаканчике. В верхней его части сделай крючок. Перед демонстрацией фокуса повесь стаканчик на кувшин с противоположной от зрителя стороны и поставь кувшин на столик. Теперь проделываем трюк. Возьми кувшин левой рукой. Правую руку с бумажным кулёком поднеси к задней стороне кувшина и незаметно опусти пластмассовый стаканчик в бумажный. Теперь наливай воду в пластмассовый стаканчик. Бумажный кулёк при этом останется сухим. Самое время рассказать зрителям о происхождении фразеологизма *выйти сухим из воды*.

Желаем успеха!

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕНЫ:

(Кто) КАК (БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО) В ВОДУ КАНУЛ

(Кто-то) бесследно исчез, пропал.

Происхождение фразеологизма *как (будто, словно, точно) в воду канул* связано с образом упавшего в воду и скрывшегося камня и капли, бесследно растворившейся в воде.

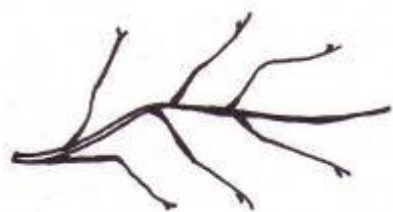
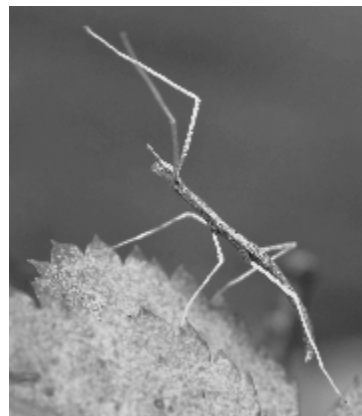
Отсюда и переносное значение выражения: *как в воду канул* – «бесследно исчез; пропал». (А *кануть* – устаревшая форма глагола *кануть*).

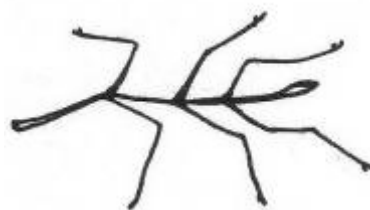
Найди фразеологизм *как (будто, словно, точно) в воду канул* в саморекламе некоторых животных (можешь его подчеркнуть, чтобы лучше запомнить). Обрати внимание, как искусно маскируются животные в среде обитания, чтобы защищаться от врагов, и ты убедишься, что они не случайно употребляют в своей саморекламе этот фразеологизм.

ПАЛОЧНИК

– Я, палочник, абсолютный чемпион среди насекомых по игре в прятки. Мне очень легко маскироваться, потому что внешне я похож на ветки, кору, листья деревьев. Даже если вы знаете, что я нахожусь на кусте, всё равно не сможете отыскать меня среди ветвей и листьев. «Ну, точно в воду канул», – подумаете вы и будете правы.

ВЕТОЧКА

ПАЛОЧНИК

БАБОЧКА-СТЕКЛЯННИЦА

– Я, бабочка-стеклянница, удивительно похожа на осу. Мои крылья прозрачны, потому что их не покрывают чешуйки, как у других бабочек. В полёте я жужжу, подобно осам. Летаю так же стремительно и беспокойно, как они. Если бы не грозный наряд осы, птицы давно бы меня съели. А так я, съедобная бабочка, в случае опасности словно в воду кану среди несъедобных ос.

БАБОЧКА-СТЕКЛЯННИЦА

ОСА

Приглашаем тебя на работу во фразеологическое розыскное бюро. Вот его реклама: «Если у вас пропал пульт от телевизора, затерялся дневник или любимый компакт-диск как в воду канул – мы быстро и эффективно организуем поиски. Ваша пропажа – наша находка!»

◆ Твоё первое задание: составь такие же рекламные объявления, только пусть они будут «адресными»: для рассеянных пенсионеров – бабушек и дедушек, для школьных учителей, для спортсменов (например, футболистов). Не забудь использовать фразеологизм *как (будто, словно, точно) в воду канул*, ведь ты работаешь во ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ розыскном бюро.

Куда присылать рекламные объявления? А вот сюда: dety-frazeologiya@ya.ru.

◆ Теперь тебе поручили принимать посетителей. Помоги людям изложить их просьбы, употребив фразеологизм *как (будто, словно, точно) в воду канул* в нужной форме.

– Я – Илья Соловейчик, верный фанат «Спартака». Недавно потерял красно-белую футболку и гетры. Потом у меня шарф с надписью «Спартак» - чемпион!» и портрет Дениса Глушакова. Я уж не говорю о спартаковском флаге! Он тоже пропал, а ведь не маленькая вещь – два метра в длину, полтора – в ширину. Наверное, домовый шутит. Может, он тоже фанат «Спартака»?

– Я, Галина Дмитриевна Гаврилова, стала замечать, что у нас бесследно исчезает посуда. Сначала два бокала, потом три тарелки и четыре кофейные чашки пропали. А теперь – хрустальная ваза и чайный сервиз! Ещё в воскресенье всё было на месте. Я помню, был прекрасный день. Мы с внуком Яриком ходили в цирк. А в понедельник всё и началось.

– Я, пожарник Карявушкин, обеспокоен пропажей моего мобильного телефона и МР-3-плеера. Швейцарские часы тоже Может, это инопланетяне изучают нашу мелкую технику? А вдруг их заинтересуют пожарные машины?

◆ Ты с фотоаппаратом отправляешься по адресам этих посетителей и делаешь следующие снимки:

1. Илья Соловейчик, фанат «Спартака».

2. Ярик, внук Галины Дмитриевны.

3. Сын пожарника Карявушкина.

→ Теперь понятно. У пожарника Карявушкина плеер будто в воду канул? Мы бы посоветовали ему серьезно заняться воспитанием сына – ведь мальчик не знает, что нельзя без разрешения брать вещи родителей.

→ А что ты посоветуешь Илье Соловейчику и Галине Дмитриевне? Не забудь использовать фразеологизм *как (будто, словно, точно) в воду канул*.

◇ Следующее задание: составь для своего шефа – подполковника в отставке Бойцова устные отчёты о твоих действиях по каждому случаю:

- Что ты узнал от посетителя?
- Что выяснил на месте происшествия?
- Что посоветовал клиенту?

Обязательно используй фразеологизм *как (будто, словно, точно) в воду канул*. Ведь всем известно, что фразеология – основное хобби (увлечение) подполковника Бойцова, потому-то его розыскное бюро не простое, а фразеологическое.

◇ А вот и иностранные гости – Харри Вайтер и Дитер Калинин.

Послушаем Харри:

– Скажите, где можно купить электробритву? А то я свою вчера в гостинице в унитаз уронил. Она как в воду канула, так и не работает с тех пор.

→ Объясни Харри ошибку в употреблении фразеологизма и, конечно, отправь его в магазин электротоваров.

У Дитера другая проблема – пропала собака по кличке Френдок.

– Я в отчаянии, – говорит Дитер. – Весь район обыскал – Френдок как в воду глядел. Что делать?

→ Объясни Дитеру его ошибку в употреблении фразеологизма и помоги составить объявление в газету о пропаже собаки.

Ау, ребята! Вы где? Мы уже тут, в рубрике «Минутка здоровья», а вы куда-то пропали. Как в воду канули! А, наверное, вы хотите поиграть с нами в весёлую игру «Сардинки»? Что же, давайте сыграем!

«Сардинки» - это разновидность игры в прятки, прятки наоборот. Один человек («сардинка») незаметно от всех прячется, остальные начинают его искать. Тот, кто найдёт первым, прячется вместе с ним. Затем к ним присоединяется следующий, кто их найдёт, потом по очереди все остальные (как сардинки в банке), пока не останется один игрок, который и проиграл. В следующей игре он становится «сардинкой».

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

КАШИ ПРОСЯТ (*ботинки, туфли, сапоги*)

Об обуви, в которой появились дыры, отстала подошва и т.п.
Говорится шутливо.

Изношенная обувь с полуоторванной подошвой напоминает раскрытый рот, как будто ботинок просит каши. Отсюда и шутливый образ фразеологизма.

Прочитай объявления из сказочной рубрики «Спрос. Предложение. Услуги» и найди в них фразеологизм, которому посвящена данная словарная статья, выдели его маркером. Другим цветом пометь описания поношенной обуви (слова и словосочетания). Так ты лучше запомнишь значение фразеологизма.

- ☉ Берусь за починку обуви, которая просит каши. Залатаю появившуюся дыру, подобью отставшую подошву. Кот в сапогах.
- ☉ Потеряны сапоги-скороходы. Каши просят. Особые приметы: наполовину оторвана подошва, дырки на голенищах. Иван-дурак.
- ☉ Дёшево продам хрустальные туфельки. Уже просят каши: подошва отстала, хрусталь раскололся. Золушка.
- ☉ Ищу мастера, который отремонтирует мои волшебные туфли, в которых можно летать. Они прохудились, каши просят, но мне очень нравятся. Маленький Мук.
- ☉ Передаём в дар музею «Сказочной обуви» волшебные туфельки злой волшебницы. Их ценность возросла: они стали совсем старые, каши просят. Дороти с Тотошкой.

Рассмотри рисунки. Что перепутал художник?

Прочитай отрывок из повести Владислава Крапивина «Белый щенок ищет хозяина» и ты узнаешь, почему иногда обувь начинает просить каши.

☉ Ноги, конечно, не голова. Но и по ним судить о человеке можно. Царапины говорят о том, что человек презирает гладкие дороги. Левая сандалия с протёртой насквозь подошвой доказывает, что её хозяин любит скорость: ведь левой ногой толкаются, когда мчатся на самокате. На правой ноге обувь просит каши. Подошва оторвалась. Все знают, что сами подошвы отрываются редко. А вот если садануть как следует по мячу...

Удивляться нечему. Конечно, сейчас ты – сапожник. Днём ты работаешь в сапожной мастерской, а вечером руководишь Бойцовским клубом рваных башмаков, девиз которого «Пусть каши просят другие!».

❖ Сейчас на общем собрании клуба ты принимаешь новых бойцов. В клуб могут попасть только те, кто *просит каши*. Ты отлично знаешь этот фразеологизм, поэтому сможешь правильно отобрать подходящие кандидатуры.

Красная туфля: Сегодня я потеряла свой каблук. И теперь очень хочу попасть в ваш клуб, чтобы уметь защищаться от всяких дырок и щелей, в которых ломаются каблуки.

→ Скажи красной туфле, что каблук прибить не большая проблема, а вот с принятием её в клуб – большая. Для этого растолкуй ей значение фразеологизма *каши просят*. Посоветуй туфле записаться в клуб женской обуви «Под каблуком».

Эlegantный мужской ботинок: Пока мой хозяин дожидается свою собаку, которая гоняется за кошками во дворе, он всё это время ковыряет носком землю. Вот моя подошва и отстала. Хочу стать прочнее, чтобы научиться защищаться от камней и камешков на дороге.

→ Как ты считаешь, этот новичок может стать членом твоего клуба? Обоснуй свой ответ, используя фразеологизм *каши просят*. Назначь ботинку день первого боя и посоветуй предварительно склеить или прошить подошву.

Грубый мужской сапог: Возьмите меня! Я вам подойду. Вы только посмотрите на мою подошву. Не подошва, а трактор! Правда чего туда только не попадает! Вот и хочу защитить себя от всякой грязи, которая валяется на дорогах и застревает у меня, можно сказать, «между зубов».

→ Используя фразеологизм *каши просят*, объясни сапогу, что для бойцов

клуба важна не толщина подошвы. Посоветуй ему «почистить зубы», в смысле вычистить грязь, застрявшую в подошве.

Старый ботинок: Вы думаете, такие, как я, просто так каши просят? Да я, можно сказать, ветеран уличного футбола. Я переходил из поколения в поколение: от старшего брата к среднему, от среднего к младшему. И все трое любили мной погонять что-нибудь на улице. Чего я только не пинал за свою жизнь: и консервные банки, и коробки, и камешки, и мячик футбольный. Да, подошва отстала. Зато какой спортивный и жизненный опыт! А вывод один – бить по мячу надо тише!

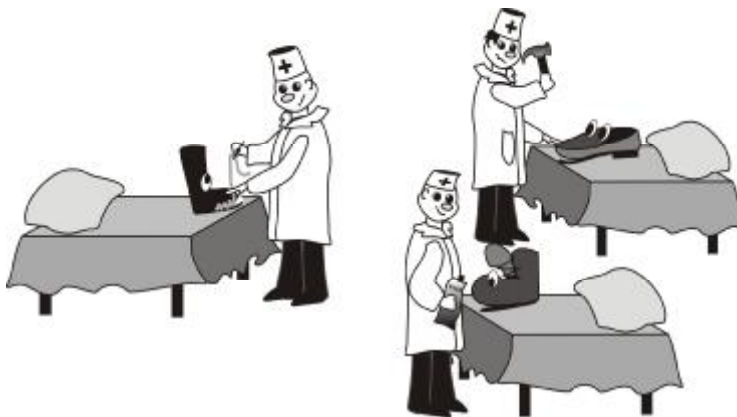
→ Не об этом ли ботинке говорилось в повести Владислава Крапивина? Объясни ботинку, что его используют не совсем по назначению: в футбол играют в специальной обуви – бутсах или кроссовках. Но тем не менее, поздравь ботинок со вступлением в клуб, используя фразеологизм *каши просят*. Посоветуй ему для первого боя приклеить подошву и прошить ее крепкими нитками. А сильные удары в футболе только украшают эту игру.

Грязный сапог: Вы видите, я почти совсем седой. Хочу попасть в клуб, чтобы продлить молодость. У вас же там что-то с кашей, а значит, оздоровительное.

→ Объясни грязному сапогу значение фразеологизма *каши просят*, расскажи о его происхождении. Посоветуй сапогу просто помыться – это лучшее средство от такой «седины».

❖ С помощью весёлого рисунка расскажи, в чём заключаются оздоровительные процедуры для башмаков, которые каши просят.

❖ Продолжи рассказ покупателя в обувном магазине, используя фразеологизм *каши просят* при описании старой обуви и приемов ее «лечения» Все это есть в нашей словарной статье.

- Мне очень жаль мои старые ботинки:

Я сам довёл их до такого состояния, потому что клал мокрыми на батарею, снимал их, наступая на задник, и никогда не чистил. Новые-то я буду беречь. Я знаю, как это делать:

Бывает, что обувь быстро изнашивается и начинает просить каши из-за твоей неправильной походки. И как всегда «Минутка здоровья» приходит на помощь, предлагая по одному самому эффективному упражнению для девочек и для мальчиков.

«Походка королевы».

Положи на голову книгу или спичечный коробок и ходи как ни в чём ни бывало по квартире. Пробуй делать приседания и повороты головы так, чтобы предмет не упал.

«Походка короля».

Возьми палку от швабры и заложь ее за спину, прижав внутренней частью локтей к позвоночнику, и походи так минут десять.

Если твоё воображение хорошо развито, то потом будет достаточно вспомнить о книге и швабре и походка сразу наладится. Ну, а про твои ботинки уже никто не скажет: каши просят.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

КОЛОМЕНСКАЯ ВЕРСТА́

Очень высокий человек.
Говорится шутливо.

Русское слово *верста* издавна означало меру длины (чуть больше километра), верстовой столб и очень высокого (такого же, как верстовой столб) человека. В разных регионах России появились свои устойчивые выражения с этим образом. Например, в городе Обояни об очень высоком человеке говорили *обоянская верста*.

В середине XVII века на дороге между Москвой и Коломенским, где находилась дача царя Алексея Михайловича, были установлены новые верстовые столбы, которые были значительно выше тех, что стояли на других дорогах. Поэтому прилагательное *коломенская* и вошло в состав фразеологизма *коломенская верста*.

А теперь попробуй найти наш фразеологизм в частушках (озорных, весёлых песенках). Когда будешь подчёркивать его красным маркером, вспоминай, что он обозначает.

☉Быть коломенской верстою —
Это дело не простое:
Ни в Москве и ни в Париже

Не найти по росту лыжи.

☉ Став коломенской верстой,
На земле потвёрже стой:
Не смешно лететь в кусты
С двухметровой высоты.

☉ Ешь морковку и бананы –
Быстро станешь великаном.
Для коломенской версты
Нет предела высоты.

Кто они, эти люди, каждого из которых можно назвать коломенской верстой? Чем занимаются? Как используют свой высокий рост? Каковы их успехи и достижения? Тебе как руководителю операции «Острый фразеологический глаз» и предстоит всё это выяснить и сделать собственные фразеологические выводы. Раз уж ты начальник – будешь самостоятельно принимать все решения и действовать по своему усмотрению.

Но раз уж мы твои консультанты по фразеологии, вот тебе несколько советов перед началом работы.

Спрашиваешь, где можно найти человека – коломенскую версту?

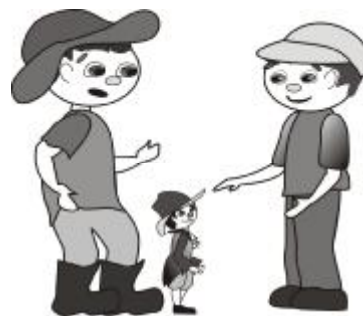
❖ Во-первых, на страницах детских книг и журналов:

→ Как ты думаешь, кого из героев известных литературных произведений можно назвать коломенской верстой? Начни со слов: «Я думаю, что коломенской верстой можно назвать».

→ Подумай, в какой стране Гулливер был коломенской верстой: в стране великанов или в стране лилипутов.

①

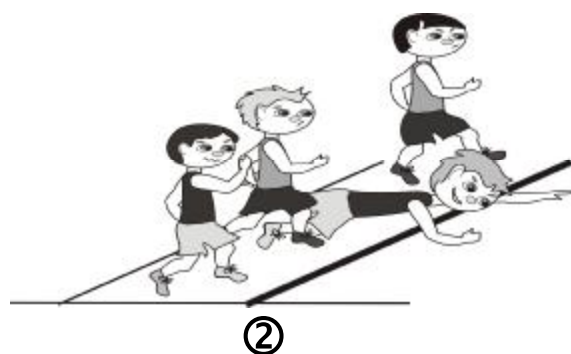
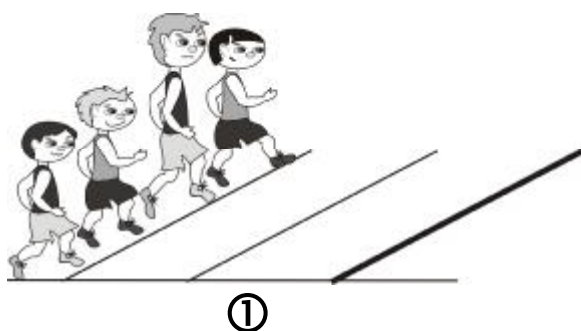

②

❖ Во-вторых, среди твоих родных и близких, друзей и знакомых:

→ Представь ситуацию: твой друг – очень высокого роста. Он жалуется тебе, что не хочет быть коломенской верстой. Докажи ему, что быть коломенской верстой совсем не плохо. Вспомни, например, в каких видах спорта нужен высокий рост.

Можешь описать и вот такую весёлую спортивную ситуацию:

→ Можно ли кого-то из знакомых тебе взрослых назвать коломенской верстой. Кто этот человек по профессии? Спроси, были ли ситуации в жизни, когда ему пригодился высокий рост.

❓ В-третьих, среди знаменитостей:

👤 Расскажи, любишь ли ты баскетбол? Кто твой любимый баскетболист? За какой клуб он играет? Выделяется ли он ростом в своей команде? Можно ли его в шутку назвать коломенской верстой?

👤 Скажи, нравится ли тебе смотреть различные конкурсы красоты, показы мод или участвовать в них? Кто твоя любимая топ-модель? Какой у неё рост? Можно ли её в шутку назвать коломенской верстой?

❖ Итак, операция «Острый фразеологический глаз» начинается. Кто ищет, тот всегда найдёт.

Результаты поисков заноси в таблицу. Наши герои уже там.

ВЕЛИКАНЫ И ИХ ДОСТИЖЕНИЯ			
ИМЯ человека, которого в шутку можно назвать коломенской верстой	ПРОФЕССИЯ, УВЛЕЧЕНИЯ	РОСТ В СМ	ДОСТИЖЕНИЯ
Андрей Кириленко	Баскетболист, игрок команды «Юта-Джаз» (США), капитан сборной команды России по баскетболу.	2м 6 см	Чемпион и самый ценный игрок первенства Европы (2007).
Дядя Саша	Слесарь домоуправления № 2.	198 см	Снял с карниза котёнка, которого никто не мог достать даже с лестницы.

Если ты хочешь подрасти, мы рекомендуем тебе есть побольше бананов, потому что в них содержатся витамины роста.

А чтобы ты об этом не забывал, рубрика «Творческая мастерская» предлагает тебе сделать бананового жирафика.

Для этого тебе потребуется: один банан, один апельсин, светлый и тёмный виноград, мандарин, нож, несколько деревянных шпажек или зубочисток, серпантин.

1. Отрежь острый кончик банана для «головы» жирафа.

2. Прикрепи «голову» шпажками или зубочистками к банановой «шее». На шпажки надень по виноградине – получатся «рожки».

3. Возле «рожек» сделай прорези и вставь дольки мандарина, апельсина или лимона – получатся «ушки» (еще их можно вырезать из цедры лимона).

4. «Глазки» – половинки виноградинок – прикрепил зубочистками.

5. «Ноги» сделай из длинных деревянных шпажек, нанизав на них виноградинки.

6. Вставь «хвостик» – кусочек апельсиновой или лимонной цедры.

7. Срежь спиралью кожуру с апельсина и накинй ее на «шею» жирафа в виде шарфа или же сделай шарф из серпантинной ленточки.

А еще не забывай про физические упражнения. Вот, например, комплекс упражнений для тех, кто хочет подрасти, который мы нашли в Интернете на сайте: <http://yoursport.h11.ru/library/books/bk1/content.htm>

Для выполнения упражнений тебе потребуются гимнастическая стенка и гимнастическая доска, которые можно найти в школьном спортзале или соорудить дома вместе с папой. Они изображены на рисунке.

1. Лечь животом на гимнастическую доску, руки вдоль туловища. Поднять руки через стороны и соединить тыльной поверхностью кисти над головой. Вдох. Опустить прямые руки через стороны. Выдох. Повторить 3-4 раза.
2. Встать обеими ногами на 3-ю или 4-ю перекладину гимнастической стенки. Выпрямленными руками ухватиться за перекладину над головой и опустить ноги. Время выполнения виса от 15 секунд до одной минуты.
3. Лечь животом на гимнастическую доску, одним концом закрепленную на 3-й или 4-й перекладине стенки. Под себя подложить одеяло или коврик, хорошо скользящий по доске. Взяться руками за ту перекладину, на которой закреплена доска. Максимально разогнуть руки в плечевых и локтевых суставах, скользя туловищем по наклонной плоскости вниз. Вытянуться на доске. Затем, сгибая руки в локтевых и плечевых суставах, максимально подтянуться вверх. Начать с 4 подтягиваний, постепенно довести их количество до 20.

Коломенской верстой ты, конечно, сразу не станешь, но на 10-12 сантиметров в год вырастёшь – гарантируем.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

(У кого, где) **КОТ НАПЛАКАЛ** (чего)

(У кого-то, где-то) **очень мало, совсем чуть-чуть** (чего-то)

Говорится с сожалением.

Коты не плачут как люди, а значит, и большого количества слёз от них не дождётся. Поэтому, когда с сожалением говорят о том, чего слишком мало, – употребляют фразеологизм *кот наплакал*.

Найди фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья, в письме кота Кокоса своему другу Барсику. Красным маркером выдели фразеологизм, а синим – словосочетания, с которыми он совпадает по значению. Обязательно проверь себя, вернувшись к началу статьи: в рамке ты найдёшь и фразеологизм, и его значение.

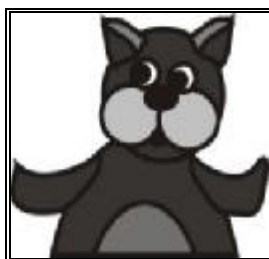
Здравствуй, дорогой наш друг Барсик!

Вот уже год мы с Муркой живём на ферме. Очень соскучились и волнуемся за тебя. Как ты там в городе без нас? Не звонишь, не посылаешь СМС-сообщения, не проверяешь электронную почту, не приезжаешь. И писем от тебя пришло очень мало, как говорит почтальон Мышкин, – кот наплакал. Я теперь часто употребляю это выражение. Оно мне понравилось, потому что там, вроде как, и про нас, про котов говорится, хотя значение совсем не кошачье.

Живём мы с Муркой неплохо, можно даже сказать – хорошо, только с погодой в этом году не повезло. Снега зимой выпало – кот наплакал. А лето было дождливое. Сена накосили совсем мало. А так всё хорошо. Только теперь, осенью, нашу корову Бурёнку нечем кормить, и она стала очень мало молока давать. Просто кот наплакал. А так всё отлично. В этом году в наш улей пчёл залетело – тучи! А мёду мы почему-то собрали – совсем чуть-чуть. А так всё прекрасно: воздух, природа, настроение. Если только не считать, что хозяйство наше совсем разваливается. Я тут уже решил мышей отлавливать да засаливать их на зиму. А оказалось, что и мышей-то кот наплакал. Но это всё пустяки. Ты только не забывай нас, Барсик, и пиши почаще, а лучше приезжай!

До свидания.

Твой друг, кот Кокос.

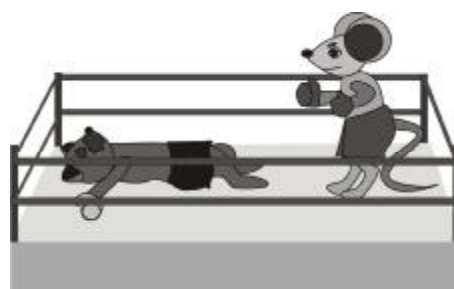

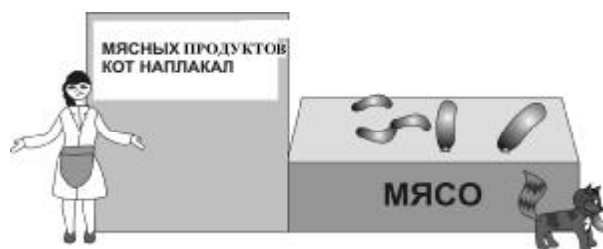
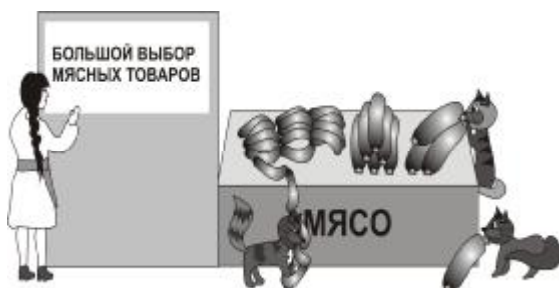
❖ Пора обновлять справочный фразеологический сайт! Все вопросы сегодняшних гостей связаны с фразеологизмом кот наплакал. Помоги им разобраться, что к чему.

☉ Меня зовут Венья Котов. Я ассистент режиссёра мультипликационного сериала о русских фразеологизмах. Сегодня снимается серия «Кот наплакал». В ней мы должны раскрыть значение фразеологизма. Режиссёр позвонил мне и велел начинать съёмки без него. На его столе лежат два варианта сценария. И там и там – про котов и про слезы... Какой лучше взять?

①

②

→ Объясни Венье Котову, что означает фразеологизм кот наплакал, и помоги выбрать нужный сценарий.

☉ Здравия желаю! Я – майор Котиков служу в сказочной десантной дивизии «33 богатыря». У нас проходят военные учения. Участвуют две группировки. Я командир одной из них. В Штабе сказали, что у наших противников сухопутной техники кот наплакал. Очень странное выражение – кот наплакал. Возможно, это шифровка. Я очень обеспокоен. Может, нам обратиться за помощью к пограничникам? Пусть они выйдут со своими собаками против котиков противника.

→ «Переведи» фразу, непонятную командиру Котикову, с «фразеологического» языка на военный, заменив фразеологизм *кот наплакал* его толкованием, и Расскажи майору о происхождении этого выражения.

В спортивно-музыкальной паузе мы предлагаем тебе и твоим друзьям, а также родным разучить веселую песенку «Кот наплакал». Распевайте её, выполняя любые движения. Фантазируйте, используйте инсценировку, в общем – творите!

Но сначала обязательно проверь, правильно ли твои друзья понимают значение фразеологизма.

☉ Старый добрый кот Маркиз
 Не ловил мышей и крыс.
 Занят умственной работой,
 Он на фирме вёл подсчёты:
 Сколько в миске молока? –
 Кот наплакал – два глотка.
 Сколько кофе выпил шеф? –
 Кот наплакал – меньше всех.
 Сколько выпил валерьянки? –
 Кот заметил – четверть банки. –
 Значит, прибыль с февраля –
 Кот наплакал – три рубля.
 Это верная примета –
 Меньше купят «Китекета»,
 Не возьмут на шашлыки –
 И мяукай тут с тоски.
 Но не плачет кот-«бухгалтер»,
 У него стальной характер.
 Да и шеф сказал коту –
 Есть деньжата на счету.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

ОТКЛАДЫВАТЬ/ОТЛОЖИТЬ В ДОЛГИЙ ЯЩИК (что)

Откладывать дело на неопределённое время.

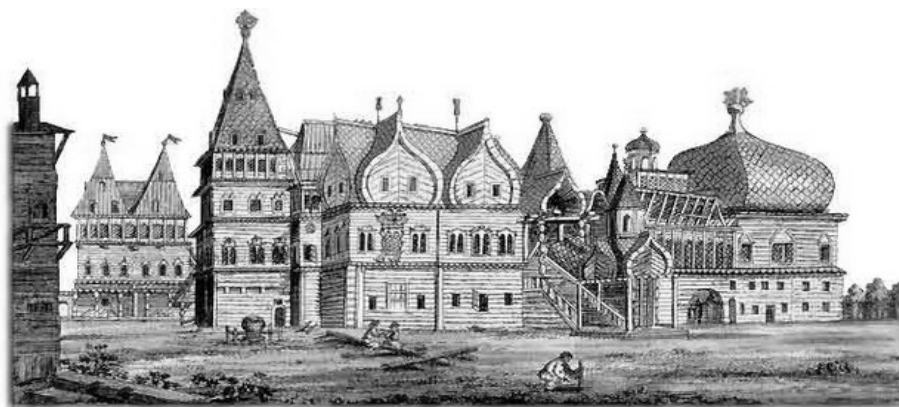
Говорится неодобрительно.

Выражение *откладывать в долгий ящик* заимствовано из немецкого языка, где его история связана с затягиванием дел в суде.

На Руси фразеологизм получил свою историческую основу. В XVII-ом (семнадцатом) веке царь Алексей Михайлович (отец Петра Первого) возле своего дворца в Коломенском⁸⁴ приказал прибить длинный (раньше говорили *долгий*) ящик для жалоб или прошений (раньше говорили – *челобитных*). Очень часто их рассмотрение затягивалось царскими боярами. Отсюда и значение фразеологизма: *откладывать в долгий ящик* – «откладывать дело на неопределённое время».

⁸⁴ В селе Коломенском, недалеко от Москвы, была летняя резиденция (дача) Алексея Михайловича.

Деревянный дворец в Коломенском.

Сейчас тебе предстоит не только найти наш фразеологизм в «Сказке о двух карандашиках», но и подумать, как бы ты поступил на их месте. Стал бы откладывать дело в долгий ящик? Так что, внимательно читай текст и раскрашивай рисунки, стоящие около значка .

Один волшебник сделал два малюсеньких карандашика . Их волшебство заключалось в том, что они могли раскрашивать всё вокруг в любые цвета.

«А теперь идите, на мир посмотрите и своё волшебство к делу примените», – сказал карандашикам волшебник, отправляя их в путешествие по белому листу бумаги.

«Я буду беречь себя, чтобы быстро не исписаться и свой волшебный дар не потерять», – сказал первый карандашик. «А я – как получится», – подумав, сказал второй.

Первыми на листе бумаги карандашики встретили нарисованных девочку и мальчика.

Они были очень расстроены и что-то искали.

- Карандашики, помогите нам, пожалуйста, - обратилась девочка с просьбой. - Я потеряла свой красный бантик, а мой братик – мячик.

- Как-нибудь в другой раз, - сказал первый карандашик. Второй же, не откладывая в долгий ящик, нарисовал девочке новый красный бантик, а мальчику – мячик.

Идут карандашики дальше. Навстречу им божья коровка.

- Наконец-то я вас дождалась, раскрасьте меня, пожалуйста. Если птицы вдруг заходят меня съесть, моя окраска должна их предупредить: «Не трогайте меня, я несъедобная!»

Первый карандашик подумал: «Нет, если так всех раскрашивать – долго не протянешь. Может, когда-нибудь потом я и помогу божьей коровке, но не сейчас. Так от меня вообще ничего не останется». А второй карандашик решил не откладывать в долгий ящик и тут же раскрасил божью коровку.

Ещё многим нарисованным жителям белого листа помог второй ка-

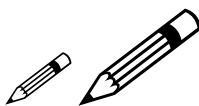

рандашик во время путешествия: и пересохшей речке, и луговым цветам, которые яркой окраской лепестков хотели привлечь внимание насекомых к своей пыльце, и чёрному котёнку, испачкавшемуся в муке.

«Посмотри, какой ты стал маленький! – сказал первый карандашик второму, когда они вернулись домой. – Ну, разве можно было так тратить свой волшебный дар! Всё делать сразу, не откладывая в долгий ящик!»

Второй карандашик промолчал. Он посмотрел в зеркало и вдруг увидел, что из маленького карандашика стал настоящим большим карандашом. А рядом стоял его приятель – такой же малюсенький, как и прежде.

«Почему же так несправедливо? Я же так берёг свой волшебный дар?» – возмутился первый карандашик.

«Нужно делать добро, не откладывая в долгий ящик. Тогда и дар твой увеличится во много раз», – ответил волшебник.

Сейчас ты – дирижёр фразеологического оркестра. Бери в руку палочку-фразеологизм *откладывать в долгий ящик* и начинай дирижировать, помогая участникам оркестра, выполнять задания.

У знаменитого немецкого композитора Гайдна есть произведение «Прощальная симфония». В конце её исполнения каждый музыкант, доиграв свою партию, гасит свечу и покидает сцену. В твоём оркестре будет по-другому. После выполнения каждого задания в

будет загораться звезда.

У жителей города Отложенных дел часто бывают проблемы со здоровьем. Вот и сегодня очень плохо себя почувствовали Лень и Неохота. К ним уже выехала бригада «Скорой фразеологической помощи».

Спасатели Сейчас и Сразу: На что жалуетесь, Лень и Неохота?

Лень и Неохота: Ох, всё болит, настроения нет, делать ничего неохота.

Спасатели Сейчас и Сразу: Зарядку делали?

Лень и Неохота: Два месяца назад.

Спасатели Сейчас и Сразу: Причина болезни ясна. Не будем откладывать лечение в долгий ящик.

Лень и Неохота: Это как понимать? У нас нет никакого долгого ящика.

→ Помогите спасателям объяснить Лени и Неохоте, что значит «не откладывать лечение в долгий ящик». Для этого расскажи им историю происхождения фразеологизма *откладывать в долгий ящик* и объясни его значение.

→ Предложи спасателям провести с Ленью и Неохотой некоторые физкультминутки, которые встречаются в нашем словаре. Посоветуй начинать с чего-нибудь попроще, например, с «Минутки здоровья» в словарной статье «Вить верёвки».

Зажигай звезду!

✂ Спасателям Сейчас и Сразу пришлось выехать на срочный вызов к другим жителям страны Отложенных дел и они оставили незавершённым текст для нашего словаря. Закончи его, заполняя пропуски. В справочной бегущей строке ты найдёшь нужные слова и словосочетания.

Человек, который _____ откладывает дела в долгий ящик ничего не успевает. Переживая, он _____ болеет, и поэтому живёт _____.

Человек, который _____ не откладывает дела в долгий ящик делает в три раза больше. Находясь всегда в отличном настроении, он _____ болеет, и поэтому живёт _____.

Бегущая строка: Постоянно, никогда; редко, часто; мало, долго.

Вспомни, какое произведение так начинается?

«Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

- Успею! - говорил он в конце первой четверти. - Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая - он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Все «успею» да «успею».

И вот однажды пришел Петя Зубов в школу, как всегда с опозданием...».

Е. Шарп «Сказка о потеряном времени».

Если ты не вспомнил эту сказку, ничего страшного. Мы даже рады за тебя, ведь тебе ещё только предстоит почитать эту интересную книгу и узнать, что же стало с Петей Зубовым и другими ребятами, которые любили откладывать дела в долгий ящик.

А если ты читал эту удивительную сказку, то тебе известны знаменитые слова, которыми она заканчивается:

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОНАПРАСНУ ТЕРЯЕТ ВРЕМЯ, САМ НЕ ЗАМЕЧАЕТ, КАК СТАРЕЕТ».

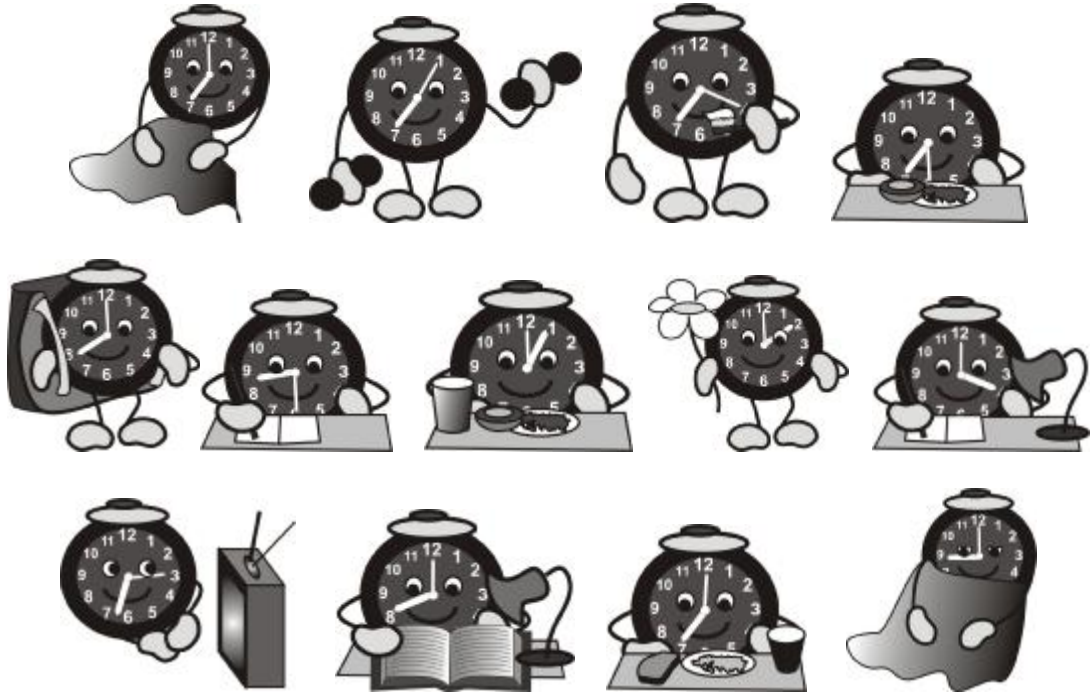
→ Попробуй по-другому выразить эту мысль, заменив подчёркнутые слова фразеологизмом *откладывать в долгий ящик*.

В «Школе юных менеджеров» идёт занятие. Его ведёт профессор Режим Дня. Узнай, о чём он рассказывает ученикам, ты узнаешь, вставив вместо точек фразеологизм *откладывать в долгий ящик* в нужной форме.

Профессор Режим дня: Уважаемые будущие менеджеры! Чтобы стать управляющим крупной фирмы и успешно руководить большим количеством людей, нужно, не, научиться быть менеджером самому себе, то есть научиться управлять своим временем и делами. А лучший помощник в этом, я – Режим дня. Начинайте соблюдать режим дня, не! Итак, утро, 7 часов.

→ Опираясь на рисунки, продолжи рассказ профессора.

→ А ты соблюдаешь режим дня? Если да, то ты уже учишься быть менеджером и сможешь добиться успехов в жизни, а если нет – не откладывая в долгий ящик, попробуй начать завтра утром, в 7 часов.

◇ Читая эту словарную статью, ты, конечно, заметил, в какой форме особенно часто используется в языке наш фразеологизм? Правильно, в форме **не откладывая в долгий ящик**. Так его в основном и употребляли наши герои. Вот и ты, не откладывая в долгий ящик, можешь начинать активно использовать этот фразеологизм в такой форме. Рассмотрим два рисунка. Найди в них отличия и опиши их, используя фразеологизм *откладывать в долгий ящик*.

①

②

→ Попробуй придумать весёлую историю о том, как какое-то дело откладывали в долгий ящик и к чему это привело. Можешь использовать сказочные сюжеты или свой жизненный опыт. Лучшие истории войдут в следующее издание словаря, и тебя (а мы верим, что твоя-то история туда обязательно попадёт) узнает вся Россия. С нетерпением ждём твоего письма по адресу: dety-frazeologiya@ya.ru

Сейчас «Минутка здоровья» научит тебя просыпаться в хорошем расположении духа. Ведь впереди длинный день и много дел, которые нельзя откладывать в долгий ящик!

Чтобы, проснувшись, взбодриться, нужно потереть энергично друг о друга кисти рук, а затем встряхнуть ими, как будто ты стряхиваешь с рук воду. Ты почувствуешь, как тебе станет теплее, и голова начнёт проясняться.

Такой массаж не только помогает взбодриться, но и активизирует защитные силы организма, которые помогут тебе справиться со всеми трудностями.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

ПРИХОДИТЬ/ПРИЙТИ К ШАПОЧНОМУ РАЗБОРУ

Приходить с большим опозданием, к самому концу чего-либо.

Говорится неодобрительно.

Происхождение фразеологизма *прийти к шапочному разбору* связано с православным обычаем: в храме мужчинам нельзя находиться в шапке. Строго соблюдая это правило, мужчины оставляли шапки у входа в храм. Когда служба кончалась, они, выходя из церкви, разбирали шапки, то есть каждый забирал свою. Тот, кто приходил к этому времени – к разбору шапок (к шапочному разбору), не поспевал на службу, а видел только, как верующие выходили из церкви. Отсюда и значение фразеологизма: *прийти к шапочному разбору* – «опоздать, прийти к самому концу, к завершению чего-либо».

Прочитай рассказ нашего знакомого Миши Алексеева. Подчеркни в тексте фразеологизм, который доказывает, что мальчика не зря прозвали Опоздайкой.

Меня в семье зовут Опоздайкой. Мне не очень нравится мое прозвище. И почему оно ко мне прилипло?

Летом я жил на даче у бабушки с дедушкой. Однажды они попросили покрасить забор. Я, конечно, с удовольствием согласился, ведь я, как Том Сойер⁸⁵, очень люблю красить заборы. Но заигрался с ребятами на речке и пришёл к шапочному разбору.

⁸⁵ Том Сойер – герой очень интересной книги М. Твена «Приключения Тома Сойера».

Две недели готовился к походу с ребятами в горы. А в назначенный день проспал и пришёл к шапочному разбору.

Целое лето тренировал Тузика. Хотел выступить с ним на районной выставке собак. А по дороге на выставку стал разглядывать автомашины, афиши, мороженого купил Тузику, и, как всегда, мы пришли к шапочному разбору.

Мы за тобой уже давно наблюдаем и сделали вывод, что ты никогда не опаздываешь к началу рубрики. Молодец! А ведь тот, кто всегда точен и приходит вовремя, а не к шапочному разбору, имеет возможность выбирать. Сегодня речевая рубрика предлагает две роли на выбор. Ты можешь стать либо королём (королевой), потому что точность – это вежливость королей, которые никогда не опаздывают, либо Опоздайкой из предыдущего задания. Выбирай себе любую роль, а тому, кто придёт сюда к шапочному разбору, достанется, что останется.

Если ты выбрал роль короля (королевы) милости просим в следующее задание.

Спонсором этого задания является «Минутка здоровья» совместно с котом Кокосом – чемпионом мира по легкой кот-летике:

Тем, кто пришёл не к шапочному разбору, а вовремя, здесь раздают призы. Раз ты – король (королева) и ты уже здесь, – эти призы для тебя.

→ Выбери какой-нибудь из этих предметов и представь, что приступаешь к занятиям.

Гантели? – Отлично! Руки к плечам, в стороны, к плечам, вниз! К плечам, в стороны, к плечам, вниз! Ещё раз, ещё раз и ещё! Чувствуешь, как напрягаются бицепсы? Молодец!

Велосипед? – Крепче держи руль. Вращай педали. Быстрее, быстрее! А теперь ты едешь в гору. Крутить педали всё тяжелее, напрягаются мышцы бедра. Тяжело. Нажимай сильнее, сильнее, не останавливайся.

Что там ещё осталось? Ролики? Лыжи? Включай фантазию – и напрягай мышцы!

Ну что же – неплохая разминка. Это называется «волевой гимнастикой» или «аутогенной тренировкой». А теперь складывай подарки в мешок,

и вперед – выполнять следующее задание.

→ Не пугайся. Действительно, дети приняли тебя за Деда Мороза. Чтобы понять, в чём дело, восстанови СМС-сообщения, вставив вместо пропусков слова или словосочетания из бегущей строки.

- Уважаемый Дед Мороз! _____ вовремя прибыть на праздник. Отморозила ветки. Скорее всего, появлюсь уже к шапочному разбору! Ёлка.

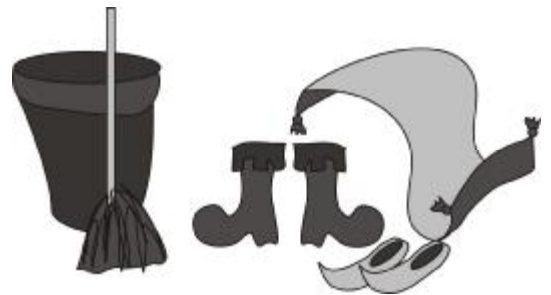
- Дорогая Снегурочка! _____ из-за сильных морозов! Отогреваю обмороженные ветки у ёлки. Проводи праздник без меня. Наверное, я явлюсь уже к шапочному разбору. Дед Мороз.

- Дорогой Дед Мороз! Я тоже _____, потому что мои сани застряли в снегу. Сожалею, но, возможно, и я приеду к шапочному разбору. Подарки детям раздаст король (королева). Снегурочка.

Бегущая строка: не успеваю, буду вовремя; буду без опозданий, опаздываю; задержусь, не задержусь.

Ну, что же ты? Не теряйся! У тебя подарков полный мешок! Начинай раздавать, ведь дети ждут.

❖ Кто не успел – тот опоздал. Это про тех, кто приходит в шапочному разбору. А тебе опять повезло, потому что ты пришёл на это задание пораньше. На этот раз спонсором задания выступает сказочная служба ГИБДД⁸⁶ из словарной статьи «Белены объелся». В качестве призов ты получаешь сказочный транспорт: ковёр-самолёт, летающие туфли, ступу и сапоги-скороходы.

А вот и героиня этого задания:

Король: Здравствуй, улитка. Почему ты плачешь? Отчего свои рожки повесила? Может, я смогу тебе чем-нибудь помочь?

→ Разберись, о чём сквозь свои рыдания рассказывает улитка, вставив вместо точек фразеологизм *прийти к шапочному разбору*. Иногда вместо глагола *прийти* она использует своё любимое слово *приползти*. Это вполне допустимо. Ведь ползание – единственный способ передвижения улитки.

Улитка: Как же мне не грустить, король? Всем известно, что я одно из самых медлительных животных. Из-за этого на любые мероприятия я всегда Вот и сегодня получила приглашение на день рождение моей подруги. Там будет мой любимый клубничный десерт. Но я уже заранее знаю, что мне не удастся им полакомиться, потому что я, как всегда, ...

→ Успокой улитку и предложи ей любой вид сказочного транспорта, который тебе подарили спонсоры рубрики. Наш художник специально оставил место, чтобы ты дорисовал картину «Счастливая улитка спешит на праздник к подруге».

⁸⁶ ГИБДД – Государственная инспекция безопасности дорожного движения.

🔒 На волшебном транспорте улитка помчалась со скоростью 1,5 км в секунду. Вычисли реальную скорость улитки, если она меньше скорости волшебного транспорта в 100000 раз.

1,5 км в секунду

❖ Для того, чтобы выполнить следующее задание, приклей сюда свою фотографию.

Осторожно, не разбей. Это зеркало – подарок царевича из словарной статьи «Похож как две капли воды». Он спонсор этого задания.

«Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду Расскажи», – так обращалась к зеркалу злая царица из «Сказки о мёртвой царевне и семи богатырях» А.С. Пушкина. Теперь в него смотрит молодая царевна, невеста королевича Елисея.

🔒 Выбери фразу, которую произнесла царевна, и впиши её в «речевое облачко».

① Ещё 3 часа дня. Королевич Елисей позвонил, что скоро будет. Бал начнётся в 6 часов. Мы попадем на него вовремя.

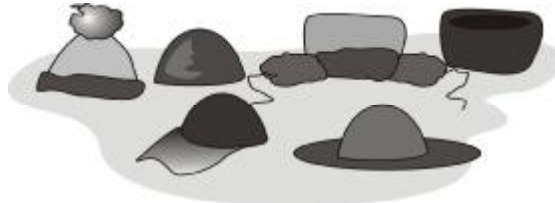
② Уже 9 часов вечера. Королевич Елисей позвонил, что скоро будет. Бал начался в 6 часов. Мы прибудем к шапочному разбору.

На рисунке часы отражаются в зеркале, а реальное время – 9 часов вечера, и, конечно же, царевна произнесла фразу под номером ②. Если у тебя такой же выбор, то получишь дополнительный бонус – 3 часа профессор Режимы дня из словарной статьи «Откладывать в долгий ящик».

❖ Ой смотри, сколько разных шапок! Интересно, кто спонсор этого задания?

Опоздайка: Это я – Опоздайка. Хотя и успел только к концу рубрики, зато посмотрите, сколько я шапок принёс.

Король: Зачем?

Опоздайка: Как зачем? Чтобы их разбирали! Ведь у нас фразеологизм *прийти к шапочному разбору*! Вот и давайте шапки разбирать.

→ Расскажи Опоздайке об истории происхождения фразеологизма *прийти к шапочному разбору*. Объясни ему, почему выражение *прийти к шапочному разбору* означает – «опоздать, прийти к самому концу чего-либо».

❖ Ребята из фразеологического кружка, о котором мы тебе рассказывали в словарной статье «Дрожать как осиновый лист», нарисовали иллюстрации к фразеологизму *прийти к шапочному разбору*. Придумай к ним названия и сочини по рисункам истории, в которых будет использоваться фразеологизм *прийти к шапочному разбору*.

✍

✍

✍

→ Попробуй придумать свою историю с фразеологизмом *прийти к шапочному разбору* и сюжет рисунка к ней. Адрес, по которому мы ждём от тебя писем, ты уже знаешь: dety-frazeologiya@ya.ru Обещаем, что лучшие произведения войдут в следующее издание нашего словаря.

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

✍

СЕДЬМА́Я ВОДÁ НА КИСЕЛÉ

Очень дальний родственник; очень дальняя родня.
Говорится шутливо.

Происхождение исконно русского шутливого народного выражения *сдьмая вода на киселе* связано с изготовлением киселя в русской деревне. Если овсяная крупа, из которой он делался, несколько раз промывалась водой, то *сдьмая вода* содержала уже очень мало кисельного вещества, а напиток, изготовленный на её основе, лишь отдаленно напоминал кисель. Так же и дальние родственники очень слабо связаны родственными узами.

Прочитай мини-сценку и найди в ней:

- фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья;
- словосочетание, передающее значение фразеологизма (его мы всегда даём в начале статьи, в рамке);
- словосочетание, раскрывающее смысл фразеологизма в этой конкретной ситуации.

Всё это ты найдёшь в трёх последних строчках текста.

Царь: Стар я стал. Вот и думаю поделить своё царство-государство между самыми близкими родственниками.

Шут: А мне-то хоть маленький кусочек достанется?

Царь: Тебе? Так ведь ты же мне очень дальний родственник. Троюродный племянник двоюродного дяди прабабушки моей неродной тёти. Сдьмая вода на киселе!

С первой минуты своей жизни каждый человек приобретает родню. Мама, папа, брат, сестра, бабушка, дедушка – твои ближайшие родственники. У мам и пап есть сестры и братья – это твои тёти и дяди, а ты им племянник или племянница. У них есть дети – вы с ними двоюродные братья и сёстры. Дети двоюродных братьев и сестёр между собой будут уже троюродными. А двоюродный брат или сестра отца и матери будут тебе двоюродными дядей и тётей. Дальше идут троюродные, четвероюродные, пятиюродные и так далее. Причем ими бывают не только племянники, и племянницы, но и тети и дяди, бабушки и дедушки. В общем, это уже сдьмая вода на киселе. Тут нетрудно запутаться. Зато сюжеты, связанные с родственниками – близкими и дальними, режиссёры очень любят использовать в своих сериалах. Наверное, ты тоже хоть раз в жизни смотрел такой сериал вместе с бабушкой или мамой. Вот и сейчас предлагаем тебе несколько киносюжетов. А лучше понять их тебе поможет фразеологизм *сдьмая вода на киселе*.

Сериал «Большая семейка»

☉ Рассмотрй кадр из 33-й серии:

→ Объясни, почему глава семейства с удивлением произносит: «Ещё один из деревни Перестукино? Опять седьмая вода на киселе!»

Предположи, что могло быть в предыдущих сериях. Используя названия родственников, придумай, кем может приходиться данный родственник каждому члену семьи. Если затрудняешься – под ключиком тебя ждет образец-подсказка.

8

ишлбгаб

троюродный племянник двоюродной тети четвероюродного брата троюродной
- Гость является членом семейства седьмой водой на киселе, потому что он

Сериал «Вот так юбилей!». Сюжет из 55 серии.

☉ За столом сидит бабушка. Возле неё крутятся внуки: десятилетний мальчик лет и восьмилетняя девочка. Бабушка читает вслух поздравительные телеграммы.

Бабушка: «Поздравляю с Юбилеем! Двоюродная племянница троюродной бабушки двоюродного дяди дедушки троюродного брата».

Внук: Не могла короче написать!

Внучка: А как?

Внук: Седьмая вода на киселе. Это значит очень дальний родственник.

Бабушка (продолжает читать): «Дорогая моя сестрёнка! От всей души поздравляю тебя с таким замечательным юбилеем. Желаю здоровья. Твой брат из Уэлена».

Внучка: А где этот Уэлен?

Внук: На Чукотке.

Внучка: Так значит он тоже дальний? Седьмая вода на киселе?

→ Понимает ли девочка значение фразеологизма *седьмая вода на киселе*? Почему она так его употребила? Что должен был бы ответить ей брат, который прочитал наш словарь? Попробуй за него рассказать девочке об истории происхождения фразеологизма *седьмая вода на киселе*, объясни, почему он означает очень дальнюю родню, очень дальнего родственника. Вспомни, есть ли среди твоей родни близкие родственники, живущие очень далеко.

Сериал «Двойняшки». Краткое содержание 156 серии.

☉ Иван Васильевич получает фотографию и письмо от некой Марии, в котором сообщается, что она его сестра-близнец.

Иван Васильевич не верит Марии, изучает историю своей семьи и приходит к выводу: Мария ему – седьмая вода на киселе. Но все-таки его мучают сомнения...

→ Ты узнаешь, что будет в следующей серии, если перевернешь фотографию Ивана Васильевича.

Ну что? Похож он на Марию? Как две капли воды*? Продолжи краткий анонс для следующей серии, используя фразеологизм *седьмая вода на киселе*:

Иван Васильевич оказался не прав, считая что

Знаешь ли ты, кто твои предки? Ну, или хотя бы как звали прадедушку? Нет? Тогда сейчас самое время начать составлять своё родословное древо. «Творческая мастерская» тебя этому научит. Ведь каждому человеку важно знать свою историю, свои корни и своих предков, да и нынешних родственников, даже самых дальних, чтобы не только в шутку говорить о ком-то из них – седьмая вода на киселе, а знать по именам.

К тому же, составление родственного древа очень увлекательное занятие для всей семьи.

Чтобы составить историю своего рода, надо поговорить с родными и близкими людьми: с родителями, бабушками и дедушками, дядями и тетями. Для этого возьми стопку бумаги и надпиши на каждом листе фамилию, имя и отчество отдельных членов рода.

Вопросы, которые надо задавать родственникам:

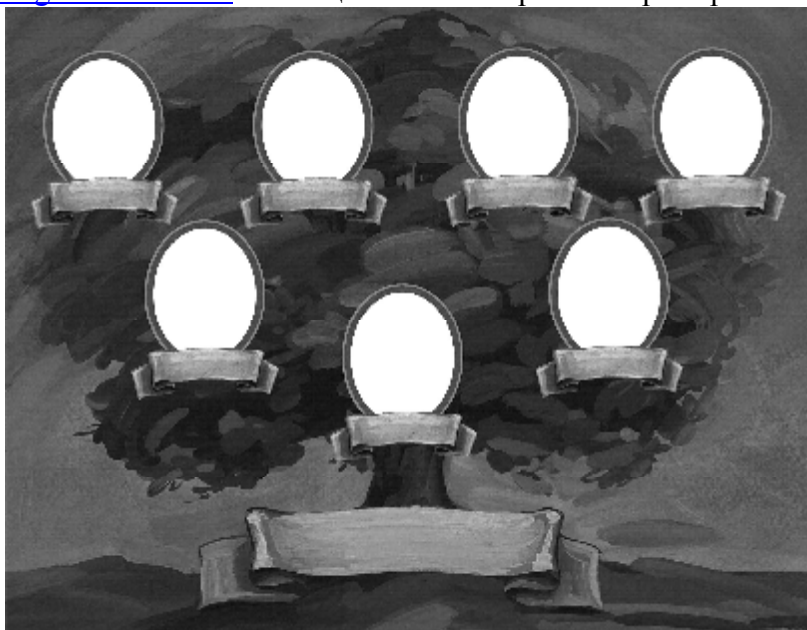
1. Фамилия.
2. Имя.
3. Отчество.
4. Где и когда родился.
5. Кем работает.
6. Хобби.
7. Кто жена (муж), сведения о них.
8. Дети. Имена и дни рождения.

У каждого родственника можно спросить об их родителях по первым 7 пунктам. Одновременно собирай подписанные фотографии.

Теперь распредели листы по порядку поколений:

1. Я, мои братья и сестры.
2. Папа, его братья и сестры. Мама, её братья и сестры.
3. Бабушки, дедушки и т.д.

А теперь оформи записи в виде дерева. Например, вот такое мы нашли на сайте <http://lollik1.narod.ru/genderevo.html> Там ещё много интересных примеров.

Если ты составил родословную своей семьи, то заслуженно получаешь «стёклышко» Фразеологического калейдоскопа. Открывай страницу (№ страницы в словаре).

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

 _____.

(У кого) СЕМЬ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ

(Кто-то) отличается непостоянством, часто и легко меняет свое решение, мнение
Говорится с неодобрением.

Происхождение фразеологизма *семь пятниц на неделе* связано с пятницей, днём, когда наши предки почитали языческую богиню Мокошь, а в христианские времена – заменившую её Святую Параскеву Пятницу.

Пятницы были торговыми днями, когда следовало исполнять долговые обязательства. Получая товар, деньги за него обещали отдать в следующий базарный день, то есть в пятницу на следующей неделе.

Вот такими монетами расплачивались за товар 400-600 лет назад.

О человеке, который нарушал обещания и переносил выплату долга, говорили: у него семь пятниц на неделе. Так это образное выражение и стало обозначением непостоянства. Если кто-то часто меняет свои решения, отступает от своего слова, если на кого-то нельзя положиться, нельзя ему доверять, – это и есть человек, у которого семь пятниц на неделе.

Прочитай ленту новостей в городе Русских народных сказок. Не пропусти фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья . И ответь на вопрос: какие же поступки позволяют сказать о человеке: «У него семь пятниц на неделе»?

☉ Возможно, в этом сезоне дед останется без репки, потому что у него семь пятниц на неделе. То он позовёт внуку и Жучку, а бабу отправит домой, то снова вызовет бабу, а Жучку посылает за кошкой. Приходит кошка – он просит уйти внуку. Мышке надоело ждать. Она хвостиком махнула и убежала в другую сказку.

☉ Баба Яга осталась без обеда, потому что у неё семь пятниц на неделе. Пока она меняла решения, как лучше приготовить Ивана-дурака – в русской печи или в микроволновой, с сахаром или с солью – он сел в ступу, нажал на газ и был таков!

☉ Царевна Несмеяна осталась одна. Была тысяча женихов, а теперь ни одного. А всё потому, что у неё семь пятниц на неделе – требования каждый день меняются: то ей анекдот расскажи, то комикс прочитай, то в комнату смеха своди, а результат один: кислое выражение лица. Тут даже жених-экстремал не выдержит!

Выразительно прочитай стихотворение из книги А.Т. Арсирия «Занимательные материалы по русскому языку». Помни, что фразеологизм *сень пятниц на неделе* выражает неодобрение. Постарайся передать это интонацией.

☉ Говорил товарищ мой вчера,
Что в кино давно сходить пора.
Только было я хотел собраться,
Как ему взбрело на ум купаться.
По дороге передумал он,
Стал тащить меня на стадион.
– Что ты, – закричал я, – в самом деле!
У тебя семь пятниц на неделе!

Сейчас у тебя есть возможность выступить в качестве астролога⁸⁷.

❖ Начинай составлять гороскоп на следующую неделю, заменяя фразеологизмом *сень пятниц на неделе* некоторые словосочетания. (Подскажем, что в один из гороскопов ты сможешь вставить этот фразеологизм даже два раза).

☉ Модельеры на этой неделе сто раз изменяют своё мнение. Им будет трудно решить, какая цветовая гамма будет особенно модной на этой неделе: красно-белая, красно-зелёная, красно-синяя, чёрно-белая или сине-бело-голубая. Звёзды советуют носить те цвета, которые нравятся лично вам.

⁸⁷ Здесь *астролог* – человек, который предсказывает будущее по звёздам.

☉ Метеорологов тоже будут упрекать за то, что у них По их прогнозу, на этой неделе будет сначала жара, потом проливные дожди, потом снова жара. На самом деле всю неделю будет дуть холодный ветер. Звёзды говорят, что метеорологи тут ни при чём, а всё дело в погоде. Это скорее у неё Хотя данный фразеологизм чаще относится к человеку.

☉ У писателей на этой неделе каждый день будут меняться планы: что писать - детектив, поэму, приключенческий роман, словарь? Звёзды советуют скорее определиться с жанром и начинать писать уже хоть что-нибудь, а то читатели заждались.

☉ Трудная неделя ожидает парикмахеров. Их клиентки не будут отличаться постоянством. После окраски волос в черный цвет они захотят стать блондинками, после осветления волос – рыжими, а когда мастер по их желанию сделает стрижку, они будут убеждать, что хотели оставить длинные волосы. Звёзды рекомендуют и другим работникам сферы обслуживания – официантам, продавцам, портным запастись терпением. Ваш девиз: клиент всегда прав, даже если он часто меняет свое решение.

→ По образцу продолжи составлять гороскоп и для других людей. Это могут быть капризные дети, учителя, туристы, спортсмены и др. Не забывай использовать фразеологизм семь пятниц на неделе. Самые веселые гороскопы присылай нам, посмеемся вместе (dety-frazeologiya@ya.ru).

◆ ☉ Всё смешалось в царском доме! Царевичи отказались от наследства. Десять лет назад царь объявил им, что если они добудут перо жар-птицы, он передаст им трон.

За эти годы сыновья

→ Продолжи сказку по рисункам. Обязательно употреби фразеологизм семь пятниц на неделе, когда будешь говорить про царя, который все время менял свое решение и придумывал для сыновей все новые и новые задания.

①

②

③

④

Плюнули сыновья, и каждый занялся своим бизнесом. Старший стал разводить страусов, средний стал генеральным директором зоопарка, а младший женился на Елене Прекрасной и открыл школу боевых искусств.

🔒 А теперь, когда фразеологизм *семь пятниц на неделе* хорошо усвоен, проверь свой фразеологический кругозор.

⊙ Вспомни или найди в нашем словаре фразеологизмы, в составе которых упоминается число *семь*, которое издавна считалось священным в русской культуре.

.....

⊙ А знаешь ли ты пословицы, в которых упоминается число *семь*? Если затрудняешься, то спроси у кого-нибудь из старших, прочитай в книге, или найди в Интернете. А мы тебе предлагаем свои:

Семь раз отмерь, один раз отрежь.

Семь бед – один ответ.

В гору-то семеро тащат, а с горы и один столкнет.

.....

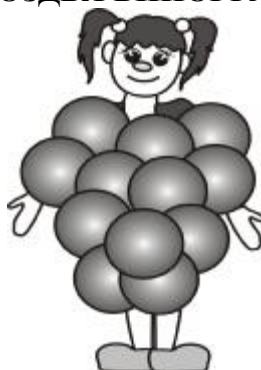
Сейчас в «Творческой мастерской» – подготовка к карнавалу. Зови друзей, выберите себе модели костюмов и под музыку начинайте творить.

МУМИЯ ФАРАОНА

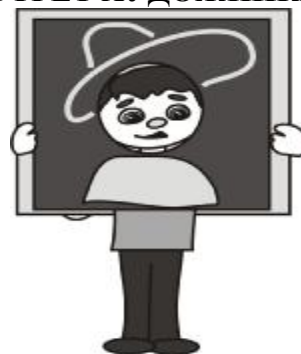
На старый спортивный костюм и шапочку приклеиваются полоски бумаги или ткани. В руках – картонные «символы власти».

ГРОЗДЬЯ ВИНОГРАДА

Основа этого костюма – множество синих воздушных шариков, одинаковых по форме.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

К пустой раме прикрепил картон с отверстием для лица. Остальное нарисуй.

Если ты или кто-то из твоих друзей ещё не определился с костюмом, советуем вашей рэп-команде прочитать (каждый по строчке) следующий текст (у рэперов стихи называются текстами) и найти в нём наш фразеологизм. Ты уже знаешь, что в стихотворном тексте, да и в обычной речи, фразеологизмы часто видоизменяются. Но опознать их очень легко по ключевым словам:

В воскресенье Новый год,
Карнавал нас в школе ждёт.
Мы костюм готовим сами –
Это будет кот с усами.
Нет, пожалуй, лучше кит:
Он значительней на вид.
Кенгуру неплохо тоже
Я же прыгаю похоже!
Хочется ещё жирафом,
Но смешней, наверно, шкафом,
Чёртом, Синей бородой...
Тут сестра сказала: «Стой!»
Про какие-то семь пятниц
Рассказал мне старший братец.
Карнавал начнётся в пять,
Я поспешно стал читать,
И решил я к четырём,
Лучше буду Словарём!

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

ТИПУН ТЕБЕ (ВАМ) НА ЯЗЫК!

Недоброе пожелание тому, кто предсказывает что-то неприятное, говорит не то, что следует. Употребляется с целью прервать человека, который предсказывает что-то нежелательное.

История происхождения этого фразеологизма связана с птицами. *Типуном* называется твёрдый бугорок на кончике языка птиц, который помогает им клевать пищу. *Типуном* также называют и болезнь домашних птиц, при которой воспаляется язык и затвердевает его верхушка.

Кое-где на Руси болезненные твердые прыщики на языке человека тоже называли «типунами». Они считались верным признаком лживости, и, по народной примете, появлялись на языке после того, как человек соврал.

А теперь проследим логику этого выражения. Предположим, мы пожелали собеседнику: *типун тебе на язык* (а типун появляется у тех, кто говорит неправду). Отсюда вывод: *пусть то, что ты сказал, окажется неправдой, пусть не сбудется твое предсказание, а значит – лучше тебе вообще помолчать.*

Сказочные герои с помощью СМС-сообщений поздравляют друг друга с различными реальными праздниками, которые они отыскиали в Интернете. Прочитай праздничные диалоги и сделай вывод: на какие же пожелания и почему сказочные герои отвечают фразеологизмом *типун тебе (вам) на язык*? Что не понравилось им в текстах поздравлений? Можешь подчеркнуть слова и выражения, которые ты будешь использовать в ответе на этот вопрос.

И обрати внимание: фразеологизм **типун тебе (вам) на язык** всегда употребляется как ответ собеседнику, порядок слов в этом фразеологизме не изменяется, а местоимение **тебе** или **вам** выбирается по ситуации, в зависимости от того, кто с кем разговаривает:

- Дорогие дети! Поздравляю вас с 1 июня – Международным Днём защиты детей и наступлением долгожданных каникул. Желаю побольше ясных морозных дней! Дед Мороз.

- Типун вам на язык, дедушка! Морозы нам не нужны! Каникулы-то не зимние, а летние!

- Дорогой Волк! Поздравляем с Днем стоматолога. В нашей новой специализированной клинике по случаю праздника вы можете бесплатно удалить пару зубов. Бабушка и Красная Шапочка. – Типун вам на язык, дорогие бабушка и Красная Шапочка.

- Дорогой старик! Поздравляю тебя с Днём рыбака и хочу пожелать тебе ещё тридцать лет и три года счастливо прожить со своей старухой у разбитого корыта.

- Типун тебе на язык, Золотая моя Рыбонька!

- Дорогие Три толстяка! А не устроить ли вам разгрузочный день, не пойти ли в спортзал? С Днём физкультурника!

- Типун тебе на язык, Суок! Мы готовимся к празднованию Всемирного дня продовольствия!

А сейчас у тебя есть возможность выступить в роли учителя начальных классов и вместе со своими учениками (ими могут стать твои родственники или друзья) подготовить инсценировку шуточного варианта русской народной сказки про сестрицу Алёнушку и брата Иванушку.

❖ А чтобы ребятам было интереснее инсценировать сказку, используй готовых кукол или сделай их сам, например, из клубков ниток, старых варежек и др.

❖ Прочитайте текст сказки по ролям, вписав вместо пропусков фразеологизм *типун тебе на язык*. А во время спектакля с текстом можете импровизировать (немного изменять по сво-

ему желанию, но не отклоняться от темы), а вот правильно употреблять фразеологизм *типун тебе на язык* – обязательное условие.

⊙ Жили-были в одном селении сестрица Алёнушка и братец Иванушка. Как-то в понедельник пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю. Вдруг захотелось Иванушке пить.

- Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

- Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли, - солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

- Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

- Не пей, братец, телёночком станешь!

- , сестрица Алёнушка!

Братец послушался, пошли дальше. Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

- Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

- Не пей, братец, жеребёночком станешь!

- , сестрица Алёнушка!

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше. Идут, идут, - солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

- Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

- Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца. Напился и стал козлёночком...

- , сестрица Алёнушка! Зачем говорила, что я козлёночком стану!?

- Ох, не прав ты, братец Иванушка! Неверно фразеологизм употребил. Моё предсказание нежелательное уже сбылось. Теперь поздно говорить «типун тебе на язык». Давай-ка конец сказки заново сыграем. А если фразеологизм правильно используешь, это тебе поможет – не станешь козлёночком.

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше. Идут, идут, - солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

- Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

- Не пей, братец, козлёночком станешь!

- , Алёнушка! И правда, не буду я пить из козьего копытца. Что я маленький что ли? Потерплю до магазина. А там купим минеральной воды или соку. Мы же каждый день пьем яблочный сок и яблоками пока не стали.

→ А теперь мы ждём от тебя сказок на новый лад с использованием фразеологизма *типун тебе на язык*. (dety-frazeologiya@ya.ru) Напоминаем, что самые смешные сказки войдут в новое издание нашего словаря.

Ну вот, наконец, рубрика «Детский фольклор» дождалась тебя. Раз наш сегодняшний фразеологизм связан с речью, давай немного поработаем над дикцией. Чтобы научиться правильно говорить, нужно много говорить. Попробуй себя в роли бесконечного словесного двигателя и почитай докучную (надоедливую) сказку, громко и отчётливо проговаривая все звуки, пока хватит сил. Не забывай выделять наш фразеологизм интонацией. Можешь устроить соревнования с друзьями – кто дольше продержится до первой ошибки.

☉Шёл я как-то через мост,
Глядь – ворона мокнет.
Взял ворону я за хвост,
Положил её на мост –
Говорю ей: «Сохни! -
Если горло заболит
Доктор каркать запретит!»
А ворона сразу в крик:
«Ох, типун Вам на язык!»

Шёл опять я через мост,
Глядь – ворона сохнет.
Взял ворону я за хвост,
Положил её под мост –
Говорю ей: «Мокни! -
Ванна сразу снимет стресс,
Если сыр лисица съест».
А ворона сразу в крик:
«Ох, типун Вам на язык!»
Снова шёл я через мост,
Глядь – ворона мокнет.
Взял ворону я за хвост,
Положил её на мост –
Говорю ей: «Сохни! -
Если горло заболит
Доктор каркать запретит!»
А ворона сразу в крик:
«Ох, типун Вам на язык!»
(Возвращайся к началу.)

ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ:

5. Статьи учебного фразеологического словаря с комментариями на иностранном языке (эстонский)

БИТЬ БАКЛУШИ

Проводить время без пользы, бездельничать.

Говорится неодобрительно.

БИТЬ БАКЛУШИ (kurni lööma)

Aega raiskama, laisklema.

Õeldakse halvustavalt.

Lulli lööma

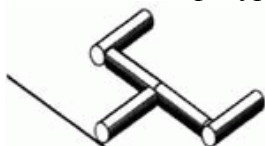

Иностранные студенты, изучающие русский язык и культуру в Пскове, отправились в экспедицию в Архангельскую область. В одной из далёких северных деревень они узнали о старинной народной игре, очень похожей на современную спортивную игру «в городки».

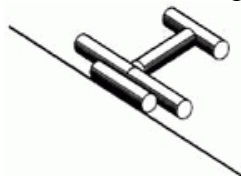
Если ты не знаешь, как играют «в городки», то вот краткая инструкция:

Начерти на земле квадрат размером 2х2 метра. Это «город». В его центре нужно установить фигуру из деревянных чурок, которые и называют «городками». Спортсмены используют «городки» длиной 20 см и палку-биту длиной 1 м, но для игры во дворе не обязательно так точно соблюдать эти размеры. На «городки» можно распилить черенок сломанной лопаты, деревянную ручку старой швабры, ножки развалившегося стула. А некоторые ребята и вообще используют в качестве «городков» маленькие пластмассовые бутылки из-под «Пепси-колы», кефира, сока.

Вот какие фигуры можно из них собрать.

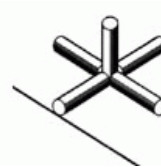
ВИЛКА

САМОЛЁТ

КОЛЕНЧАТЫЙ ВАЛ

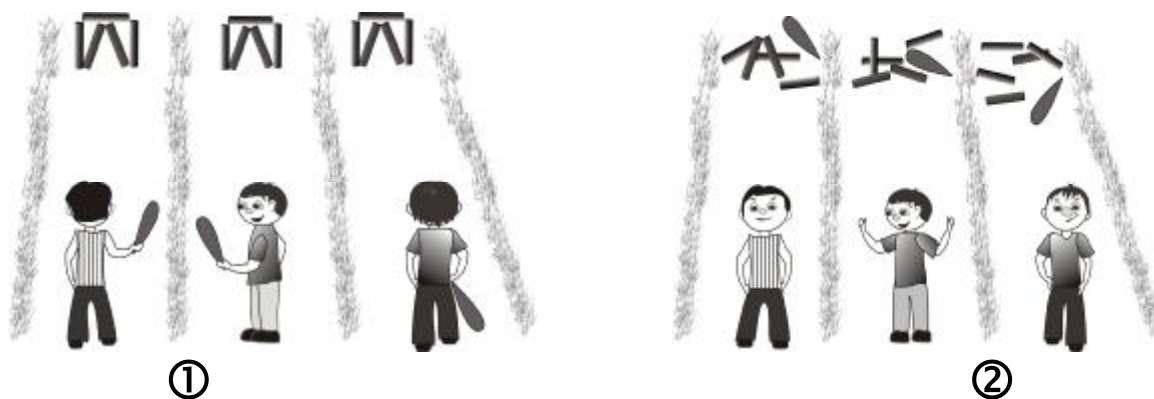
ЗВЕЗДА

Бросая палку-биту с расстояния примерно 6 метров, нужно закрутить её в горизонтальной плоскости и постараться одним ударом выбить из «города» всю фигуру.

Старинное название игры студентам не удалось выяснить, но вот интересный факт: деревянные палочки-чурки деревенские жители называли местным словечком - «баклуши».

Эрик, который уже четвёртый год изучает русский язык, вспомнил фразеологизм – *бить баклуши*, то есть бездельничать, проводить время без пользы. А не связан ли он с народной игрой? Пока ты над этим размышляешь, ребята сыграют в эту старинную игру и предложат тебе весёлую задачку на сообразительность:

🔒 Играющих было трое: Эрик, Виктор и Ярослав. Эрик сбил чурок-баклуш больше, чем Виктор. Виктор не сбил две баклуши-чурки, а Ярослав – левша. Назови имя выигравшего.

🔑 Выйграет ЭРИК.

А вот и версия происхождения фразеологизма. Наверное, ты и сам догадался, почему фразеологизмом со значением 'бездельничать' стало название народной игры:

👉 С точки зрения занятых делом людей, бить баклуши, то есть играть в городки, - пустая забава, напрасная трата времени. Отсюда и переносное значение выражения *бить баклуши* – «проводить время без пользы, бездельничать».

👉 Tööd rabavate inimeste arvates on kurni löömine ehk kurnimäng tühi ajaviide, mõttetu ajaraiskamine. Siit tulebki ülekantud tähendus venekeelsele ütlusele kurnimängust *бить баклуши* – „aega raiskama, laisklema“.

А сейчас потренируй на «Фразеологическом тренажёре» своё умение употреблять фразеологизм *бить баклуши* в речи. Для этого нужно проанализировать ситуации и ответить на наши вопросы:

☉ Ситуация 1.

(Разговор мамы с сыном по мобильному телефону):

- Петя, чем ты сейчас занимаешься?
- Да, ничем. Просто бездельничаю.
- Понятно, значит, баклуши бьешь?
- Мама, честное слово, я не бил никакие баклуши, разбил только твою любимую голубую чашку и осколки выбросил в мусоропровод.
- Как это получилось?
- Да я что-то устал, и чашка как-то сама собой выпала из рук.
- Правильно, Петя, говорят, что больше всего устаешь от безделья.

→ Знает ли Петя выражение *бить баклуши*? Расскажи ему, что такое баклуша. Опиши народную игру, в которой используются баклуши, и растолкуй, почему *бить баклуши* означает «бездельничать».

☉ Ситуация 2.

→ Опиши ситуацию, которую отражает этот детский рисунок (можешь придумать и продолжение истории), обязательно используй фразеологизм *бить баклуши*.

☉ Ситуация 3.

(Дневник ученика 8-«В» класса Саши Яковлева):

ПРЕДМЕТ	1 четверть	2 четверть	3 четверть	4 четверть
Русский язык	2	2	3	4
Литература	3	2	4	5
Математика	3	2	3	4
Английский язык	3	3	4	4
Алгебра	3	3	4	4
Геометрия	3	3	3	4
Химия	3	3	3	4
Физика	3	3	4	5
Биология	3	2	3	4
Английский язык	3	3	4	4
Физическая культура	4	4	4	4

→ Сравни четвертные отметки Саши. В какой четверти он больше всего *бил баклуши*? Похвали ученика за то, что он сумел подтянуться к концу года.

Сейчас в «Минутке здоровья» ты можешь немного побездельничать, ведь тебя ждёт упражнение на релаксацию «Бить баклуши»:

☉ Бить баклуши надо лёжа,
 Руки вширь и ноги тоже,
 Руки к телу, ноги тоже –
 На бездельника похоже.
 Так бездельничай раз двадцать,
 Нужно ж чем-то заниматься!

Попробуй и друзей потренировать, напевая им эту песенку в качестве музыкального сопровождения на любой подходящий мотив.

По телевизору часто показывают, как тренируются боксёры. На тренировке они явно не бездельничают.

🔒 Тогда подумай, почему о своих упражнениях они в шутку говорят – мы бьём баклуши? Вот тебе рисунок-подсказка:

➡ Всё очень просто: во-первых, боксёры *бьют* (и бьют по-настоящему), а во-вторых, боксёрская «груша», на которой они отрабатывают удары, по форме напоминает не только грушу, но и огромную деревянную чурку-баклушу.

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ

Мечта, которая не может осуществиться; что-либо несбыточное.

Чаще говорится с иронией.

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ (kurg taevas)

Unistus, mis ei täitu; midagi teostamatut.

Tihti peale öeldakse irooniaga.

Tühja tuult taga ajama; tuult väljal(t) ~ välja peal(t) püüdma

Чтобы разобраться в истории происхождения этого фразеологизма, нам придётся вспомнить зоологию.

Журавль – это большая перелётная птица с длинным прямым клювом, длинными ногами, длинной шеей. Журавли вьют гнёзда на болотах.

В России живёт несколько видов журавлей, некоторые из них занесены в Красную книгу. (В этой книге перечислены те животные и растения, которые взяты под охрану государством).

Полюбуйся этими редкими, диковинными птицами:

СЕРЫЙ ЖУРАВЛЬ

ЧЁРНЫЙ ЖУРАВЛЬ

КАНАДСКИЙ ЖУРАВЛЬ

ЖУРАВЛЬ-КРАСАВКА

ВЕНЦЕНОСНЫЙ ЖУРАВЛЬ

ДАУРСКИЙ ЖУРАВЛЬ

ЯПОНСКИЙ ЖУРАВЛЬ

СТЕРХ

Интересно, что история происхождения фразеологизма *журавль в небе* связана и с другой птицей – синицей. Это небольшая, очень подвижная птичка с коротким клювом, довольно длинным хвостом и мягким пёстрым оперением. Зимой синица часто встречается у человеческого жилья.

А вот и она – тут как тут:

А теперь внимание: журавль – большая, диковинная, редкая птица, а птичка-синичка – маленькая, неприметная, шустрая, живущая рядом с человеком. Может быть, тебе приходилось слышать русскую пословицу, в которой эти птицы противопоставлены – *лучше синица в руке, чем журавль в небе*? Смысл пословицы – «лучше иметь хоть немного, но сейчас, чем ждать лучшего или большего, которое тебе ещё не принадлежит и неизвестно, будет ли принадлежать». Отсюда и фразеологизм *журавль в небе*. Он означает несбыточную мечту, то, что никогда не может осуществиться.

☞ Teeme nüüd väikese kokkuvõtte: kurg on suur ja imepärane lind, keda inimene harva kohtab, samas varblane on väike, silmatorkamatu ja kiire lind, kes elab inimese lähedal. Vene keeles on olemas vanasõna, kus need kaks lindu on vastandatud – *parem varblane peos kui kurg taevas* (eesti keeles vanasõna *Parem varblane peos kui tuvi katusel*). Selle vanasõna mõte seisneb selles, et parem on omada vähe, aga praegu, kui oodata midagi paremat, suuremat, mida sul veel ei ole ja pole teada, kas kunagi saab üldse olema. Siit ka fraseologism *журавль в небе*. See tähendab täitumatut unistust, midagi, mis on kättesaamatu.

◆ Хочешь узнать, кто ты: человек, который ловит журавля в небе (мечтает о чём-то несбыточном), или держит синицу в руках? Пройди наш тест.

Сначала разберёмся с ответами. Они пронумерованы. Определи, что выберет человек, который ловит журавля в небе, и что ответит тот, кто стремится удержать синицу в руках. Для удобства подсчётов можешь вписать в квадратики буквы «Ж» и «С».

→ Ты любишь петь, танцевать, выступать перед зрителями. Может, в будущем, ты хотел бы стать настоящим артистом? Это, конечно, журавль в небе. А сегодня тебе предложили поучаствовать в школьном конкурсе «Ищем таланты!». Твои действия:

- ☐ 1. Нет, в школьном конкурсе участвовать не буду. Подожду, когда на телевидении будет набор на очередное шоу «Фабрика звёзд», поеду и там займу первое место.
- ☐ 2. А что, попробую свои силы в школьном конкурсе. Вдруг удастся победить? Будет хоть небольшой, но опыт.

→ Ты всё лето работал (работала) на детской игровой площадке, чтобы скопить деньги на скутер. Наконец, ты приходишь в магазин за долгожданной покупкой, и оказывается, что в продаже нет скутера известной фирмы, о котором ты мечтал:

- ☐ 3. Куплю скутер попроще, который есть в продаже, и буду наслаждаться катанием.
- ☐ 4. Ни за что не куплю скутер другой фирмы. Буду ждать, когда появится в продаже тот, о котором я мечтал!

→ Твой старший брат советуется с родителями, куда ему лучше поступать после окончания школы. С детства он мечтал быть врачом и дома всегда всем оказывал первую медицинскую помощь. Но в медицинский институт поступить почти невозможно – там очень большой конкурс. Стоит ли всё-таки попытаться, или же забыть про своего журавля в небе и поступать в любой институт, где нет конкурса? Что бы ты ему посоветовал?

- ☐ 5. Пусть это и сложно, но поступай в медицинский, раз мечтаешь об этом. Кто хочет, тот всегда добьётся своей цели, даже если и не сразу.
- ☐ 6. Конечно, нужно поступать в тот институт, куда проще сдать экзамены.

Проверь себя:

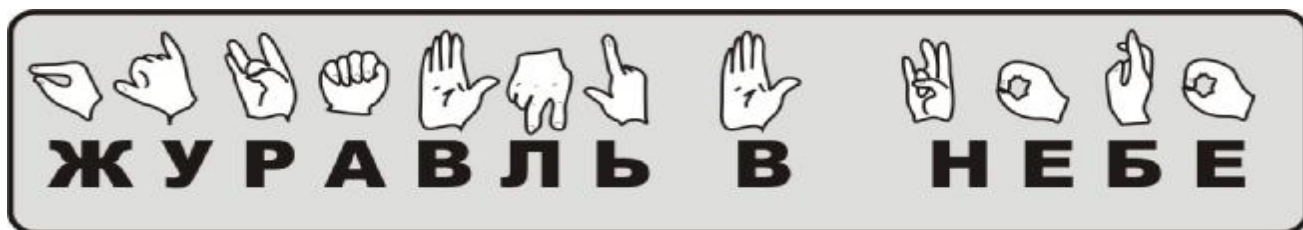
Держит синицу в руках – 2, 3, 6. Ловит журавля в небе – 1, 4, 5.

А теперь выбери те ответы, которые подходят тебе, и сосчитай своих журавлей в небе. Если их 3, то тебе стоит задуматься: мечтая о чем-то несбыточном, ты можешь упустить реальный шанс добиться успеха. Если 1–2, то с тобой всё в порядке, ты и синицу в руках удержишь.

жишь, и журавля в небе поймашь. А если *журавлей* в твоих ответах не оказалось, то тебе можно посочувствовать – разве можно жить без мечты?

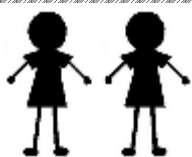
Сейчас в «Минутке здоровья» три в одном: и пальчиковую гимнастику выполнишь, и азбуку для глухонемых освоишь, и фразеологизм повторишь.

ЗАВАРИВАТЬ/ЗАВАРИТЬ КАШУ

Затевать, начинать хлопотное или неприятное дело.

Говорится с неодобрением.

ЗАВАРИВАТЬ/ЗАВАРИТЬ КАШУ – putru kokku keetma

Põhjustama või algatama keerulist, ebameeldivustega seotud situatsiooni.

Õeldakse halvustavalt.

Ты, конечно, хорошо представляешь себе процесс приготовления каши - бросаешь в воду крупу, соль, сахар, варишь, помешивая. Ещё проще – каша быстрого приготовления из пакета. Несколько минут – и еда готова. При чём тут хлопотное, неприятное дело? Ответ на этот вопрос мы будем искать... на свадьбе!

Если тебе приходилось бывать на свадьбе своего старшего брата или сестры, то ты представляешь, что это такое и что там едят. А если нет – то скажем, что современные свадьбы чаще всего отмечают в ресторане и там гости едят праздничную еду, как в Новый год.

А вот в старину в русских деревнях на свадьбе обязательно подавали повседневное сытное и любимое русское национальное кушанье – кашу. Варили её сообща сразу несколько семейств, потому что дело это было довольно сложным и хлопотным.

Подсчитай, сколько пшённой крупы понадобится, чтобы накормить 100 человек, если на 1 порцию пшённой каши требуется примерно 50 граммов (3 столовые ложки) пшёнки?

← Каша варится в русской печи 5-6 часов.

И вот это огромное количество крупы нужно было перебрать, правильно рассчитать соотношение воды и крупы и варить в русской печи 5-6 часов.

🔒 Каша готовится в печке 5 часов. В печку помещается 5 горшков. В 1 горшок входит 4 порции каши. Сколько часов понадобится, чтобы приготовить кашу на 100 человек – участников праздничного свадебного обеда?

← Каша варится в русской печи 5-6 часов.

А теперь, когда мы убедились, что в древности приготовление каши было хлопотным делом, а заодно и числительные повторили, сделаем вывод:

👆 Итак, варить кашу – дело непростое. Особенно сложным оно было для наших предков, у которых не было газовых плит и микроволновок, а в качестве крупы они использовали необработанный цельное зерно, которое долго разваривалось. Отсюда и значение фразеологизма *заваривать/заварить кашу* – «затевать, начинать сложное, хлопотное дело».

👆 Seega ei ole pudru keetmine niisama lihtne. Eriti keeruline oli see meie esivanemate jaoks, kuna neil ei olnud ei gaasipliite ega mikrolaineahjusid. Venemaal kasutati pudru keetmise juures tangainena töötlemata täistera, mida tuli aga kaua keeta. Siit tuleneb ka fraseologismi *заварить кашу* (*putru kokku keetma*) tähendus – „algatada mingit rasket, tülikat ja vaevanõudvat tööd“.

А сейчас попробуй вспомнить и разобраться, как заваривали кашу (в прямом и переносном смысле) литературные герои.

🔍 Рассмотрите рисунки и ответьте, какую русскую народную сказку проиллюстрировал художник?

①

②

→ Чем закончилась эта сказка? Можно ли сказать, что лиса, пригласив журавля на кашу, заварила кашу?

🔍 Вспомни, в какой детской потешке птица варила кашу своим деткам. Разыграй потешку. В прямом или переносном смысле употребляется здесь выражение «кашу варила»?

❖ А теперь несколько минут чтения: очередная веселая история - отрывок из рассказа Виктора Драгунского «Тайное становится явным», из которого ты узнаешь, зачем Дениска заварил кашу с манной кашей.

...А я остался с кашей наедине. Я пошлепал её ложкой. Потом посолил. Попробовал - ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Все равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти все можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

- Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! - И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

- Здравствуйте! - и подошёл к окну, и поглядел вниз. - А ещё интеллигентный человек.

- Что вам нужно? - строго спросила мама.

- Как не стыдно! - Милиционер даже стал по стойке «смирно». - Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

- Не клевете. Ничего я не выливаю!

- Ах, не выливаете?! - язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: - Пострадавший!

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине.

Он как вошёл, сразу стал заикаться:

- Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю свое... фф... фото, когда я весь в каше?!...

(Кто) КАК В ВОДУ ГЛЯДЕЛ

(Кто-то) как будто заранее знал что-то, точно предсказал что-то.

Используется в разговорной речи.

КАК В ВОДУ ГЛЯДЕЛ (nagu oleks vette vaadanud)

Õeldakse inimese kohta, kes oleks nagu ette midagi teadnud või toimuvat ette ennustanud.

Kasutatakse kõnekeeles.

Justkui oleks selgeltnägija; justkui saatuseraamatust maha loetud.

С 8 по 19 января, сразу же после Рождества (7 января) на Руси праздновали Святки – Святые дни. Раньше в это время девушки гадали, пытаясь предсказать будущее, узнать своего жениха. Вот с этими гаданиями и связано происхождение фразеологизма *как в воду глядел*.

Особенно часто гадали на воде: находили стакан с гладким дном, наполняли его водой и осторожно опускали туда обручальное кольцо, начищенное до блеска. Затем при свечах сквозь воду смотрели в середину кольца, где и должно было появиться лицо будущего жениха.

☝ Считалось, что такое предсказание безошибочно. Отсюда и значение фразеологизма: *как в воду глядел* – «точно предсказал что-то, как будто знал заранее».

☝ Vanasti arvati Venemaal, et vee pealt ennustamine jõulujärgsel perioodil (õigeusu traditsioonis 8.-19. jaanuar) on täpne. Siit ka fraseologismi tähendus: *как в воду глядел* – «nagu oleks ette midagi teadnud või ennustanud».

🔒 По традиции современные девушки тоже гадают на Святки. Опираясь на таблицу, определи, какого жениха нагадала себе по воде каждая девушка.

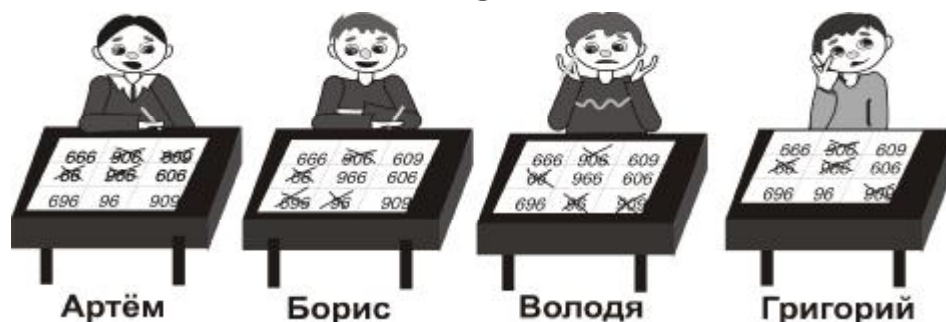

Татьяна – Елена – Галина – Петра, Лариса – Степана.

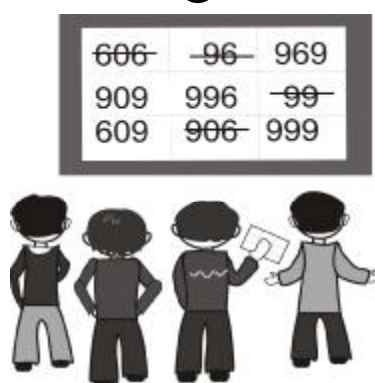
- А через некоторое время Татьяна вышла замуж за Степана. Сбылось ли её гадание?
- Сестра частенько говорила, что мужем Галины будет Петр. Так и произошло. О ком из девушек можно сказать: она как в воду глядела – о Галине или о её сестре (Людмиле)?
- Предсказание Ларисы не сбылось. Но она тоже вышла замуж за одного из трёх друзей. А вот её мама как в воду глядела. Она всегда была уверена, что Лариса выйдет замуж за..... (?)

Друзья-семиклассники участвовали в новогодней лотерее. Определи, кто из ребят как в воду глядел, зачёркивая цифры.

①

②

Как в воду глядел Володя.

①

А сейчас у тебя есть возможность проверить себя: хорошо ли ты знаешь, в каких ситуациях употребляется фразеологизм *как в воду глядел*. Эти ситуации тебе и нужно достроить, заполняя пропуски.

По дороге с работы папа зашёл в магазин и купил
– О! Ты как в воду глядел! – сказала мама. – Я как раз хотела испечь блины.

◎ Друзья подарили мне русско-китайский словарь. Как в воду глядели: мы с родителями как раз собираемся

◎ Вчера Катя Иванова взяла фотографию своего любимого футболиста «Спартак» Юры Мовсисяна и красным фломастером написала на ней: «Гол!» Она: сегодня в матче с «Зенитом» Юра Мовсисян действительно

◎ В Крыму весь месяц лил дождь. Папа, когда перед этой поездкой подарил Лиине с мамой

(У кого, где) КОТ НАПЛАКАЛ (чего)

(У кого-то, где-то) совсем мало, совсем чуть-чуть (чего-то).

Говорится с сожалением.

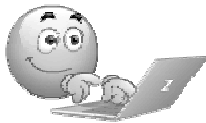
КОТ НАПЛАКАЛ (kass nuttis kokku)

Väga vähe, hästi natuke.

Õeldakse kahjutundega.

Kass viib saba peal ära

Давай вместе с нашими известными поэтами понаблюдаем за котами и кошками. Вот какие они разные, наши домашние любимцы:

Котик мягенький, котик ласковый,
Коготки из лап не вытаскивай.
Ты мурлыкалка, ты мяукалка,
Ты пушистая моя куколка!
(Юнна Мориц)

Жил-был кот,
Ростом он был с комод,
Усищи — с аршин*,
Глазищи — с кувшин,
Хвост трубой,
Сам рябой.
Ай да кот!
(Н.А.Заболоцкий)
А вот их любимое занятие:

Ночь. Кот тронет лапкой дверь,
Проберётся в коридор
И сидит в углу, как вор.
Тише, мыши! Здесь теперь
Страшный зверь!
(Саша Чёрный)

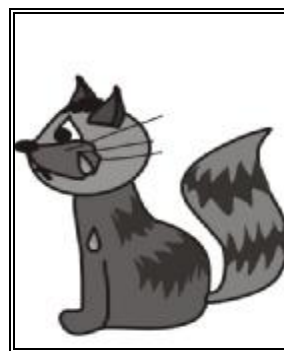
Ну, а если мышей рядом не оказывается, кот всё равно найдёт, на кого охотиться:
Не было в доме мышей, а было много карандашей.
Лежали они на столе у папы и попали котёнку в лапы.
Как помчался он вприпрыжку, карандаш поймал, как мышку,
И давай его катать - из-под стула под кровать,
От стола до табурета, от комода до буфета.
(С.Я.Маршак)

Ты, конечно, не раз видел, как коты выясняют отношения:

Подрались между собой
Серые коты.
Поднялись у них трубой
Серые хвосты.
Бились днём и ночью,
Прочь летели клочья.
И остались от котов
Только кончики хвостов.
(С.Я.Маршак)

А видел ли ты когда-нибудь плачущего кота? Ведь в нашем фразеологизме упоминается именно плачущий кот.

* Аршин – старинная русская мера длины, равная 71 сантиметру.

Ты, конечно, знаешь, что в реальной жизни коты не умеют плакать.

А если ты серьёзно изучал зоологию, то знаешь и то, что у котов, как и у многих животных, около глаз имеются слёзные железы, которые выполняют очень важную роль. Они вырабатывают небольшое количество специальной жидкости, которая смачивает и очищает глаза. Отсюда и вывод о происхождении фразеологизма:

☞ Коты не плачут, как люди, а значит, и большого количества слёз от них не дождёшься. Поэтому, когда с сожалением говорят о том, чего слишком мало, – употребляют фразеологизм *кот наплакал*.

☞ Kassid ei nuta nii nagu seda teevad inimesed, seepärast pole mõtet neilt ka oodata suurt pisaratevoolu. Just sel põhjusel, kui tahetakse kahjutundega öelda, et midagi on ääretult vähe, kasutataksegi fraseologismi *кот наплакал*. Nagu näed, on ka eesti keeles selles tähenduses olemas fraseologism, mis on seotud kassiga – *kass viib saba peal ära*. Eks kassil olegi saba peal midagi raske ära viia – kogu aeg käib ju saba püsti.

Фразеологизм *кот наплакал* частенько встречается в народных сказках. Никогда не скажешь, что таких сказок кот наплакал. Вот отрывки из самых интересных. Можешь найти их в Интернете или взять в школьной библиотеке и почитать своему маленькому братишке или сестрёнке.

- А пока - найди в первом тексте наш фразеологизм и его синонимы (слова, близкие по смыслу):

Черри из Зеннора (английская народная сказка)

Черри Притти жила в Зенноре вместе с отцом и матерью, братьями и сёстрами. Хижина у них была совсем маленькая, а клочок земли такой каменистый и неудобный, что, сколько они ни трудились на ней, родила она всего-навсего немного картошки и чуть-чуть зерна. Ещё была у них коза, но бедняжка едва находила травы, чтобы утолить голод, и молока давала – кот наплакал.

- Во втором тексте вставь наш фразеологизм вместо точек, если он подходит сюда по смыслу:

Клад Ваньки-Каина (русская народная сказка)

- Ты бы мне, Царское Величество, медовухи бы лучше доставил, - возмутился Ванька. - У самого-то, поди, погреба полны, а жадничаешь.

- Да откуда у меня, Ванечка, - начал жаловаться царь. - Закрома пусты, никто налогов-податей не платит, войска - Лучше ты мне расскажи, где в моей земле клад зарыт. Я бы половину в казну забрал, а на остальное кормил бы тебя и поил до отвала, острог бы новый построил, потеплей да попросторней, со всеми удобствами, чтоб не стыдно было гостям заморским показать.

- И, наконец, в третьем тексте замени фразеологизмом синонимичное ему словосочетание:

Правда и кривда (украинская народная сказка)

Э, добрые люди, — отвечает мужик, — где вы правду найдёте? Вот я сколько работал, трудился, а денег заработал — совсем мало, да ещё из этих денег хозяин удержал. Да где уж той правдою проживёшь! Лучше кривдой жить, чем правдой.

◆ ◎ Когда эта словарная статья была почти готова, и мы с нашим редактором обсуждали последнюю рубрику, к нам заглянул Андрей Вокин, менеджер по рекламе мороженого. Вот чем он нас угостил:

И вот что рассказал:

«До недавнего времени мои дела шли очень хорошо, пока по нелепой ошибке на заводе молочных продуктов всю массу мороженого не упаковали в спичечные коробки. А в такой коробочке мороженого помещается — кот наплакал. Что делать? Как продать эту огромную партию? Как повысить спрос? Тут не только кот заплачет. Может, вы что-нибудь посоветуете?»

→ А что бы посоветовал менеджеру по рекламе ты? Успокой его тем, что из любой ситуации есть выход, особенно из такой удачной, как у него. Главное — правильно использовать фразеологизм *кот наплакал*, с которым Андрей ещё не очень хорошо знаком, раз не всегда правильно употребляет его в речи. Ты, конечно, это заметил? Вежливо объясни Андрею, в чём его ошибка. А потом предложи использовать фразеологизм в рекламе миниатюрного мороженого для тех, кто хочет похудеть (ведь речь пойдет о малом количестве продукта). Помогите Андрею придумать сюжет рекламы, а ее ключевую фразу (слоган) напиши для нашего знакомого здесь: